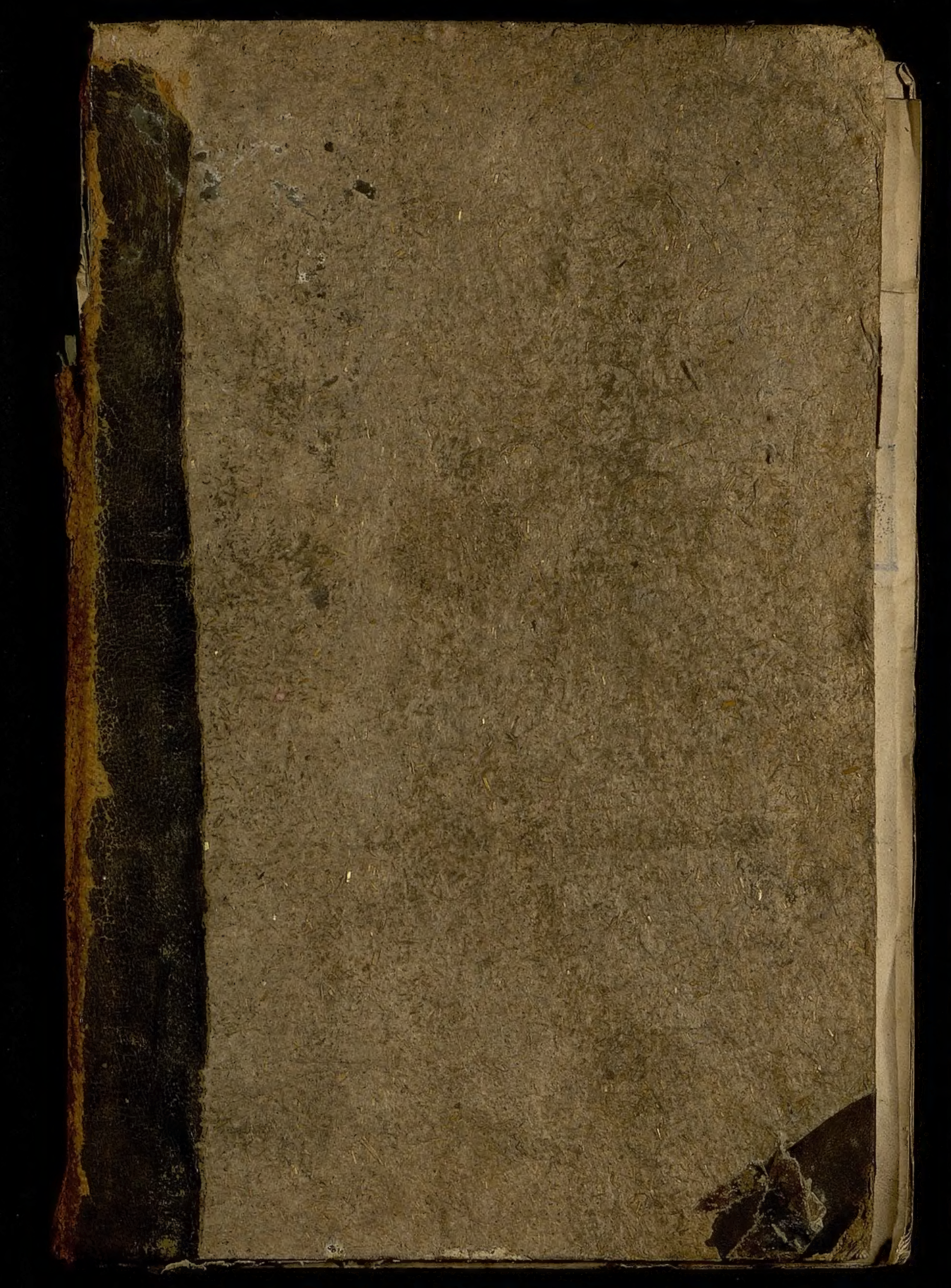
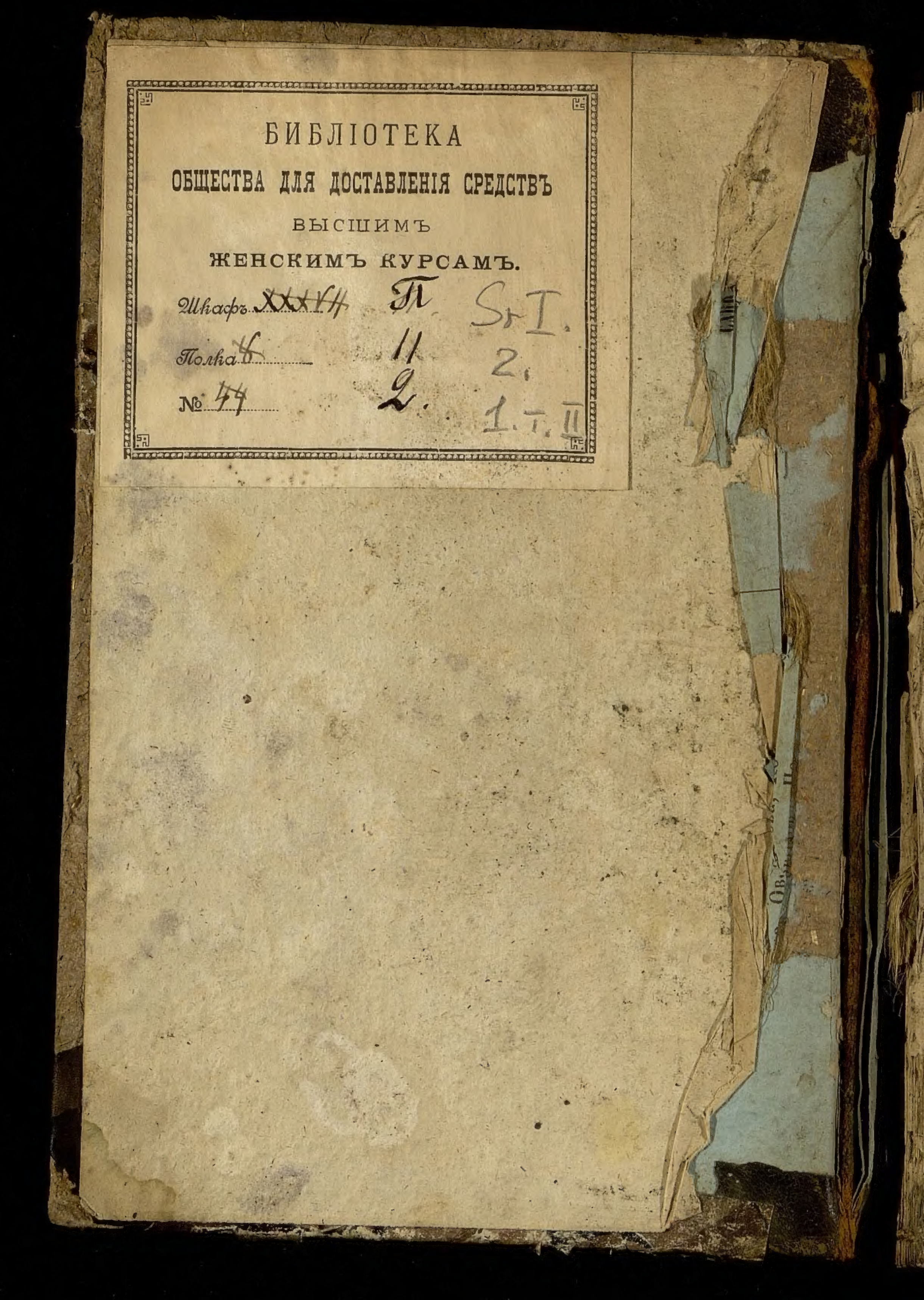

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.
Шкафъ XXXVII П. S. I.
Полка 6 11 2.
№ 44 2. 1. т. II

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

сочиненіе

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Апрѣля 27 дня 1852 г.

Ценсоръ Д. Ржевскій.

ГЛАВА I.

О Княжескихъ отношеніяхъ вообще.

По смерти Ярослава I-го осталось пять сыновей, да внукъ отъ старшаго сына его Владиміра; въ Полоцкѣ княжили потомки старшаго сына Владиміра Святаго, Изяслава; всѣ эти Князья получаютъ извѣстныя волости, размножаются, отношенія ихъ другъ къ другу являются на первомъ мѣстѣ въ разсказѣ лѣтописца; какого же рода были эти отношенія?

Въ западной Латино-Германской Европѣ господствовали въ это время феодальныя отношенія; права и обязанности феодальныхъ владѣльцевъ относительно главнаго владѣльца въ странѣ, намъ извѣстны; въ другихъ Славянскихъ странахъ между главнымъ владѣльцемъ, Княземъ и меньшими господствуютъ тѣже самыя отношенія, какія и у насъ на Руси; но ни у насъ, ни въ другихъ Славянскихъ земляхъ не осталось памятника, въ которомъ бы изложены были всѣ права и обязанности Князей между собою и къ главному Князю; намъ остается одно средство узнать что нибудь о междукняжескихъ отношеніяхъ — искать въ лѣтописяхъ — нѣтъ ли тамъ какихъ-нибудь указаній на эти права и обязанности Князей, подслушать, не скажутъ ли намъ чего-нибудь сами Князья о тѣхъ правилахъ, которыми они руководились въ своихъ отношеніяхъ.

Общимъ родоначальникомъ почти всѣхъ княжескихъ племенъ (линій) былъ Ярославъ I-й, ему приписываютъ первый письменный уставъ гражданскій, такъ называемую Русскую Правду; посмотримъ, не далъ ли онъ какого-нибудь устава и дѣтямъ своимъ, какъ вести себя относительно другъ друга? Къ счастію лѣтописецъ исполняетъ наше желаніе, у него находимъ предсмертныя слова, завѣщаніе Ярослава своимъ сы-

новьямъ. По словамъ лѣтописца Ярославъ передъ смертію сказалъ имъ слѣдующее: «Вотъ я отхожу отъ этого свѣта, дѣти мои! любите другъ друга, потому что вы братья родные, отъ одного отца и отъ одной матери. Если будете жить въ любви между собою, то Богъ будетъ съ вами, онъ покоритъ вамъ всѣхъ враговъ, и будете жить въ мирѣ; если же станете ненавидѣть другъ друга, ссориться, то и сами погибнете, и погубите землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ, которую они пріобрѣли трудомъ своимъ великимъ. Такъ живите же мирно, слушаясь другъ друга; свой столъ—Кіевъ поручаю вмѣсто себя старшему сыну моему и брату вашему Изяславу: слушайтесь его, какъ меня слушались, пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто меня.» — Раздавши остальныя волости другимъ сыновьямъ, онъ наказалъ имъ не выступать изъ предѣловъ этихъ волостей, не выгонять изъ нихъ другъ друга, и обратясь къ старшему сыну, Изяславу, прибавилъ: «Если кто захочетъ обидѣть брата, то ты помогай обиженному.»

Вотъ всѣ наставленія, всѣ права и обязанности! Князья должны любить другъ друга, слушаться другъ друга, слушаться старшаго брата, какъ отца; ни слова о правахъ младшихъ братьевъ, объ ихъ обязанностяхъ какъ подчиненныхъ владѣльцевъ относительно старшаго, какъ Государя всей страны, выставляются на видъ одна связь родственная, одни обязанности родственныя; о государственной связи, государственной подчиненности нѣтъ помину. Любите другъ друга и не ссорьтесь, говоритъ Ярославъ сыновьямъ, потому что вы дѣти одного отца и одной матери; но когда Князья не будутъ больше дѣтьми одного отца и одной матери, когда они будутъ двоюродные, троюродные, четвероюродные и т. д. братья, то по какимъ побужденіямъ будутъ они любить другъ друга и не ссориться? Когда связь кровная, родственная ослабѣетъ, исчезнетъ, то чѣмъ замѣнится она? Замѣны нѣтъ, но за то родовая связь крѣпка: не забудемъ, что Ярославичи владѣютъ среди тѣхъ племенъ, которыя такъ долго жили подъ формами родоваго быта, такъ недавно стали освобождаться отъ этихъ формъ. Пройдетъ вѣкъ, полтора вѣка, Князья размножатся, племена (линіи) ихъ разойдутся, и не смотря на то всѣ они будутъ на-

зывать себя братьями, безъ различія степеней родства; въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о княжескихъ отношеніяхъ мы не встрѣтимъ названій: двоюродный или троюродный братъ, Русскій языкъ до сихъ поръ не выроботалъ особыхъ названій для этихъ степеней родства, какъ выработали языки другихъ народовъ. Князья не теряютъ понятія о единствѣ, нераздѣльности своего рода; это единство, нераздѣльность выражались тѣмъ, что всѣ Князья имѣли одного старшаго Князя, которымъ былъ всегда старшій членъ въ цѣломъ родѣ, слѣдовательно каждый членъ рода, въ свою очередь, могъ получать старшинство, не остававшееся исключительно ни въ одной линіи. Такимъ образомъ родъ Князей Русскихъ, не смотря на все свое развѣтвленіе, продолжалъ представлять одну семью—отца съ дѣтьми, внуками, и т. д. Теперь изъ словъ лѣтописца, изъ словъ самихъ Князей, какъ они у него записаны, нельзя ли получить свѣдѣнія объ отношеніяхъ Князей къ ихъ общему старшему, этому названному отцу? Старшій Князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о Русской землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родичей[1], имѣлъ право судить и наказывать младшихъ,[2] раздавалъ волости, выдавалъ сиротъ дочерей княжескихъ замужъ[3]. Младшіе Князья обязаны были оказывать старшему глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцемъ въ правду[4], и ходитъ въ его послушаньи, являться къ нему по первому зову[5], выступать въ походъ когда велитъ[6]. Для обозначенія отношеній младшихъ Князей къ старшему употреблялись слѣдующія выраженія: младшій ѣздилъ подлѣ стремени старшаго[7], имѣлъ его господиномъ, былъ въ его воли[8], смотрѣлъ на него[9].

Но всѣ эти опредѣленія правъ и обязанностей точно такого же рода, какъ и тѣ, какія мы видѣли въ завѣщаніи Ярослава: младшій долженъ былъ имѣть старшаго отцемъ въ правду, слушаться его какъ отца, старшій обязанъ былъ любить младшаго какъ сына, имѣть весь родъ какъ душу свою[10]; всѣ права и обязанности условливались родственнымъ чувствомъ, родственною любовію съ обѣихъ сторонъ, родственною любовію между четвероюродными напримѣръ! но какъ скоро это условіе исчезало, то вмѣстѣ рушилась всякая связь, всякая подчиненность,

потому что никакого другаго отношенія, кромѣ родоваго небыло; младшіе слушались старшаго до тѣхъ поръ, пока имъ казалось, что онъ поступаетъ съ ними какъ отецъ, если же замѣчали противное, то вооружались: «Ты намъ братъ старшій, говорили они тогда:—но если ты насъ обижаешь, не даешь волостей, то мы сами будемъ искать ихъ[11];» или говорили: «онъ всѣхъ насъ старше, но съ нами не умѣетъ жить[12].» Однажды старшій Князь, раздраженный непослушаніемъ младшихъ, приказалъ имъ выѣхать изъ волостей, отъ него полученныхъ; тѣ послали сказать ему: «Ты насъ гонишь изъ Русской земли безъ нашей вины.... Мы до сихъ поръ чтили тебя какъ отца по любви; но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ Князьямъ, но какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ за всѣми[13],»—и прибѣгаютъ къ суду Божію, т. е. къ войнѣ, къ открытому сопротивленію. Въ этихъ словахъ выразилось ясно сознаніе тѣхъ отношеній, какихъ наши древніе Князья хотѣли между собою и своимъ старшимъ, потому что здѣсь они противополагаютъ эти отношенія другимъ, какихъ они нехотятъ: обращайся съ нами, какъ отецъ съ дѣтьми, а не какъ верховный владѣтель съ владѣтелями подчиненными себѣ, съ подручниками;—здѣсь прямо и ясно родовыя отношенія противополагаются государственнымъ. Такъ высказывали сами Князья сознаніе своихъ взаимныхъ отношеній; теперь посмотримъ, какъ выражалось понятіе о княжескихъ отношеніяхъ въ остальномъ народонаселеніи, какъ выражалъ его лѣтописецъ, представитель своихъ грамотныхъ современниковъ: однажды младшій Князь не послушался старшаго, завелъ съ нимъ вражду; лѣтописецъ осуждая младшаго, говоритъ, что онъ не исполнилъ своихъ обязанностей; но какъ же понимаетъ онъ эти обязанности: «дурно поступилъ этотъ Князь, говоритъ онъ, поднявши вражду противъ дяди своего, и потомъ противъ тестя своего[14].» Въ глазахъ лѣтописца Князь дурно поступилъ, потому что нарушилъ родственныя обязанности относительно дяди и тестя,—и только.

Въ случаяхъ, когда выгоды младшихъ не затрогивались, то они обходились очень почтительно съ старшимъ; если старшій спрашивалъ совѣта у младшаго, то послѣдній считалъ это для

себя большою честію, и говорилъ: «Братъ! ты меня старше: какъ рѣшишь, такъ пусть и будетъ, я готовъ исполнять твою волю; если же ты дѣлаешь мнѣ честь, спрашиваешь моего мнѣнія, то я бы такъ думалъ,[15]» и проч. Но другое дѣло, когда затрогивались выгоды младшихъ Князей; если бъ старшій вздумалъ сказать: вы назвали меня отцемъ и я, какъ отецъ, имѣю право наказывать васъ, — то, разумѣется, младшій отвѣчалъ бы ему; развѣ хорошій отецъ наказываетъ безъ вины дѣтей своихъ, объяви вину, и тогда накажи. Такъ, узнавши объ ослѣпленіи Василька, Мономахъ и Святославичи послали сказать Святополку, своему старшему: «зачѣмъ ты ослѣпилъ своего брата? еслибъ даже онъ былъ виноватъ, то и тогда ты долженъ былъ обличить его передъ нами и, доказавъ вину, наказать его[16]». Старшій раздавалъ волости младшимъ; когда онъ былъ дѣйствительно отецъ, то распоряжался этою раздачею по произволу, распоряжался при жизни, завѣщавалъ, чтобъ и по смерти его было такъ, а не иначе; но когда старшій былъ только отецъ названный, то онъ не могъ распоряжаться по произволу, потому что при малѣйшей обидѣ младшій считалъ себя въ правѣ вооруженною рукою доставать себѣ должное; вообще старшій не предпринималъ ничего безъ совѣта съ младшими, по крайней мѣрѣ съ ближайшими къ себѣ по старшинству; этимъ объясняются множественныя формы въ лѣтописи: посадили, выгнали и проч., которыми означаются распоряженія цѣлаго рода; обыкновенно старшій Князь, по занятіи главнаго стола, дѣлалъ рядъ съ младшею братьею касательно распредѣленія волостей[17]. Князья собирались также думать вмѣстѣ о земскихъ уставахъ[18], опредѣляли извѣстныя правила, съ которыми должны были сообразоваться въ своемъ поведеніи[19]. Послѣ, когда права разныхъ Князей на старшинство запутались, то иногда Князья условливались: если кто-нибудь изъ нихъ получитъ старшинство, то долженъ отдать другому какую-нибудь волость[20].

Единство княжескаго рода поддерживалось тѣмъ, что каждый членъ этого рода, въ свою очередь, надѣялся достигнуть старшинства и соединеннаго съ старшинствомъ владѣнія главнымъ столомъ Кіевскимъ. Основаніемъ старшинства было стар-

шинство физическое, при чемъ дядя имѣлъ преимущество предъ племянниками, старшій братъ предъ младшими, тесть передъ зятемъ, мужъ старшей сестры передъ младшими шурьями, старшій шуринъ предъ младшими зятьями[21]; и хотя во время господства родовыхъ отношеній между Князьями, встрѣчаемъ борьбу племянниковъ отъ старшаго брата съ младшими дядьми, однако племянники при этомъ никогда не смѣли выставлять своихъ родовыхъ правъ, и притязанія ихъ, основывавшіяся на случайныхъ обстоятельствахъ, должны были, исключая только одного случая, уступать правамъ дядей самыхъ младшихъ. Но мы видимъ иногда, что нѣкоторые Князья и цѣлыя племена (линіи) княжескія исключаются изъ родоваго старшинства, и это исключеніе признается правильнымъ. Какимъ же образомъ могло произойти подобное явленіе? Для рѣшенія этого вопроса должно посмотрѣть, какимъ образомъ Князь достигалъ старшинства, приближался къ нему? Первоначально родъ состоялъ изъ отца, сыновей, внуковъ и т. д.; когда отецъ умиралъ, его мѣсто для рода заступалъ старшій братъ; онъ становился отцемъ для младшихъ братьевъ, слѣдовательно его собственные сыновья необходимо становились братьями дядьямъ своимъ, переходили во второй, высшій рядъ, изъ внуковъ въ сыновья, потому что надъ ними не было болѣе дѣда, старшина рода былъ для нихъ прямо отецъ, и точно дядья называютъ ихъ уже братьями; но другіе ихъ двоюродные братья оставались по прежнему внуками, малолѣтными (внукъ-унукъ, юнукъ, юнакъ, малолѣтный по преимуществу), потому что надъ ними по прежнему стояли двѣ степени: старшій дядя считался отцемъ ихъ отцамъ, слѣдовательно для нихъ самихъ имѣлъ значеніе дѣда; умиралъ этотъ старшій, второй братъ заступалъ его мѣсто, становился отцемъ для остальныхъ младшихъ братьевъ, и его собственныя дѣти переходили изъ внуковъ въ сыновья, изъ малолѣтныхъ въ совершеннолѣтнія, и такимъ образомъ, мало по малу, всѣ молодые Князья чрезъ старшинство своихъ отцовъ, достигали совершеннолѣтія и приближались сами къ старшинству. Но случись при этомъ, что Князь умиралъ, не будучи старшиною рода, отцомъ для своихъ братьевъ, то дѣти его оставались навсегда на степени внуковъ, не совершеннолѣтнихъ, для нихъ

прекращался путь къ дальнѣйшему движенію; отсюда теперь понятно, почему сынъ не могъ достигнуть старшинства, если отецъ его никогда не былъ старшиною рода; такъ понимали Князья порядокъ восхожденія своего къ старшинству; они говорили: «какъ прадѣды наши лѣствицею восходили на великое княженіе Кіевское, такъ и намъ должно достигать его лѣствичнымъ восхожденіемъ[22]». Но когда въ этой лѣствицѣ вынималась одна ступень, то дальнѣйшее восхожденіе становилось невозможнымъ; такіе исключенные изъ старшинства Князья считались въ числѣ изгоевъ[23].

Каждый членъ рода княжескаго, при извѣстныхъ условіяхъ, могъ достигать старшинства, получать старшій столъ Кіевскій, который такимъ образомъ находился въ общемъ родовомъ владѣніи; но другія волости оставались ли постоянно въ наслѣдственномъ владѣніи извѣстныхъ племенъ княжескихъ, или, соотвѣтствуя различнымъ степенямъ старшинства, переходили къ Князьямъ различныхъ племенъ при ихъ движеніи къ старшинству лѣствичнымъ восхожденіемъ? Для рѣшенія этого вопроса посмотримъ, какъ поступали Князья въ началѣ, когда различныя случайныя обстоятельства не нарушили еще чистоты ихъ отношеній. Когда умеръ четвертый сынъ Ярослава, Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ, то эта волость не перешла въ наслѣдство къ его сыновьямъ, но отдана была братьями пятому Ярославичу, Игорю, княжившему прежде на Волыни: ясный знакъ отсутствія наслѣдственности волостей, и движенія Князей изъ одной волости въ другую по старшинству, лѣствичнымъ восхожденіемъ; потомъ, когда Святославъ Ярославичь по изгнаніи брата получилъ старшинство вмѣстѣ съ главнымъ столомъ Кіевскимъ, то слѣдующій по немъ братъ, Всеволодъ, княжившій прежде въ Переяславлѣ, переходитъ на мѣсто Святослава въ Черниговъ. Извѣстная волость могла сдѣлаться наслѣдственнымъ достояніемъ какой-нибудь одной княжеской линіи только въ томъ случаѣ, когда Князь по вышеизложеннымъ причинамъ терялъ возможность двигаться къ старшинству лѣствичнымъ восхожденіемъ: тогда, получивъ отъ родичей какую-нибудь волость, онъ и потомство его принуждены были навсегда ею ограничиться, потому что переходъ изъ одной во-

лости въ другую условливался возможностію движенія къ старшинству, несуществовавшею для изгоевъ; такъ образовались особныя волости Полоцкая, Галицкая, Рязанская, послѣ Туровская; линія втораго Ярославича, Святослава, извѣстная больше подъ племеннымъ названіемъ Ольговичей, также въ слѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ подверглась было тяжкой для князей участи изгойства, и по этому самому Черниговская волость принимала было характеръ особнаго, выдѣленнаго княжества, но Ольговичамъ удалось наконецъ принудить Мономаховичей признать свои права на старшинство, и необходимымъ слѣдствіемъ этого признанія было возстановленіе родовой общности приднѣпровскихъ волостей для общихъ линій: Ольговичь сѣлъ въ Кіевѣ, а Мономаховичь на его мѣсто въ Черниговѣ.

Не смотря на то однако мы встрѣчаемъ въ лѣтописи слово: отчина: Князья, неисключенные изъ старшинства, употребляютъ это слово для означенія отдѣльныхъ волостей; въ какомъ же смыслѣ они употребляютъ его? Въ настоящемъ ли его смыслѣ, какъ наслѣдственнаго владѣнія, или въ другомъ какомъ-либо? Въ 1097 году Князья, внуки Ярославовы собрались вмѣстѣ и рѣшили, чтобъ каждый изъ нихъ держалъ свою отчину: Святополкъ волость отца своего Изяслава—Кіевъ, Владиміръ Мономахъ отцовскую волость Переяславль, Святославичи—Черниговъ: но мы никакъ не поймемъ этого распоряженія, если станемъ принимать слово отчина въ смыслѣ наслѣдственнаго владѣнія для одной линіи, потому что Кіевъ былъ столько-же отчиною Святополка, сколько и отчиною всѣхъ остальныхъ Князей: и Всеволодъ и Святославъ княжили въ немъ; но если здѣсь Кіевъ называется отчиною Святополка не въ смыслѣ наслѣдственнаго владѣнія исключительно для него и для потомства его, то не имѣемъ никакого права и Переяславль и Черниговъ считать отчинами Мономаха и Святославичей въ другомъ смыслѣ. Еще примѣръ на восточной сторонѣ Днѣпра: въ 1151 году Ольговичи—дядя Святославъ Ольговичъ и племянникъ Святославъ Всеволодовичь говорятъ Изяславу Давыдовичу: «Унасъ двѣ отчины, одна моего отца Олега, а другая твоего отца Давыда, ты братъ, Давыдовичь, а я Ольговичь, такъ ты, братъ, возьми отца своего Давыдово, а что Ольгово, то намъ дай, мы тѣмъ и по-

дѣлимся,» — въ слѣдствіе чего Давыдовичь остался въ Черниговѣ, а Ольговичамъ отдалъ Сѣверскую область. Но для Святослава Всеволодовича Черниговъ былъ точно также отчиною, какъ и для Давыдовича, потому что отецъ его, Всеволодъ Ольговичь княжилъ въ Черниговѣ, и когда Давыдовичь получилъ Кіевъ, то Черниговъ, отчину свою, уступилъ Святославу Ольговичу. И такъ что-же такое разумѣлось подъ отчиною? Отчиною для Князя была та волость, которою владѣлъ отецъ его и владѣть которою онъ имѣетъ право, если на родовой лѣствицѣ занимаетъ ту же степень, какую занималъ отецъ его, владѣя означенною волостью, потому что владѣніе волостями условливалось степенью на родовой лѣствицѣ, родовыми счетами.

Теперь остается вопросъ: въ какомъ отношеніи находились волости младшихъ Князей къ старшему? Мы видѣли, что отношенія между старшимъ и младшими были родовыя, младшіе Князья хотѣли быть названными сыновьями и нисколько не подручниками старшаго, а такое воззрѣніе должно было опредѣлять и отношенія ихъ къ послѣднему по волостямъ: не допуская подручничества, они никакъ не могли допустить дани, какъ самаго явственнаго знака его, не могли допустить никакого государственнаго подчиненія своихъ областей старшему въ родѣ Князю; послѣдній по этому не могъ имѣть значенія главы государства, верховнаго владыки страны, Князя всея Руси, который выдѣлялъ участки земли подчиненнымъ владѣльцамъ во временное или наслѣдственное управленіе. Волости находятся въ совершенной независимости одна отъ другой и отъ Кіева, являются отдѣльными землями, и въ тоже время составляютъ одно нераздѣльное цѣлое въ слѣдствіе родовыхъ Княжескихъ отношеній, въ слѣдствіе того, что Князья считаютъ всю землю своею отчиною, нераздѣльнымъ владѣніемъ цѣлаго рода своего.[24]

ГЛАВА II.

События при жизни сыновей Ярослава 1-го.

(1054 – 1093).

По смерти Ярослава 1-го[25] княженіе цѣлымъ родомъ на долго утвердилось въ Руси; въ это время области, занятыя первыми Варяго-Русскими Князьями, раздѣлялись между двумя линіями, или племенами Рюрикова рода: первую линію составляло потомство Изяслава, старшаго сына Св. Владиміра. Мы видѣли, что этому Изяславу отецъ отдалъ Полоцкое княжество, волость дѣда его по матери Рогволода. Изяславъ умеръ при жизни отца, не будучи старшимъ въ родѣ, или В. Княземъ, слѣдовательно потомство его не могло двигаться къ старшинству, мѣнять волость, и потому должно было ограничиться одною Полоцкою волостью, которая утверждена за нимъ при Ярославѣ. Вторую линію составляло потомство Ярослава Владиміровича, которое и начало владѣть всѣми остальными Русскими областями. По смерти Ярослава осталось пять сыновей: старшій изъ нихъ, Изяславъ сталъ къ прочимъ братьямъ въ отца мѣсто; младшіе братья были: Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ, Игорь; у нихъ былъ еще племянникъ Ростиславъ, сынъ старшаго Ярославича, Владиміра; этотъ Ростиславъ, также въ слѣдствіе преждевременной смерти отца, не могъ надѣяться получить старшинство, онъ самъ и потомство его должны были ограничиться одною какою-нибудь волостью, которую дастъ имъ судьба или старшіе родичи. Ярославичи распорядились такъ своими родовыми волостями: четверо старшихъ помѣстились въ области Днѣпровской; трое на югѣ: Изяславъ въ Кіевѣ, Святославъ въ Черниговѣ, Всеволодъ въ Пере-

яславлѣ; четвертый, Вячеславъ поставилъ свой столъ въ Смоленскѣ, пятый Игорь во Владимірѣ Волынскомъ[27]. Что касается до отдаленнѣйшихъ отъ Днѣпра областей на сѣверѣ и востокѣ, то видимъ, что окончательно Новгородъ сталъ въ зависимости отъ Кіева; вся область на востокъ отъ Днѣпра, включительно до Мурома съ одной стороны и Тмутаракани съ другой, стала въ зависимости отъ Князей Черниговскихъ; Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и Поволжье отъ Князей Переяславскихъ[28]. Мы сказали окончательно, потому что Бѣлоозеро напр. принадлежало одно время Святославу[29]; Ростовъ также не вдругъ достался Всеволоду Переяславскому: Ярославичи отдали его сперва племяннику своему, Ростиславу Владиміровичу.—Такъ владѣло Русскими областями Ярославово потомство. Но еще былъ живъ одинъ изъ сыновей Св. Владиміра, Судиславъ, 22 года томившійся въ темницѣ[30], куда былъ посаженъ братомъ Ярославомъ. Племянники въ 1058 году освободили забытаго, какъ видно, бездѣтнаго и потому неопаснаго старика, взявши однако съ него клятву не затѣвать ничего для нихъ предосудительнаго. Судиславъ воспользовался свободою для того только, чтобъ постричься въ монахи, послѣ чего скоро и умеръ, въ 1063 году.

Ярославъ, завѣщавая сыновьямъ братскую любовь, долженъ былъ хорошо помнить поступки брата своего Святополка, и какъ будто приписывалъ вражду между Владиміровичами тому, что они были отъ разныхъ матерей: послѣднее обстоятельство заставило Владиміра предпочитать младшихъ сыновей, а это предпочтеніе и повело къ ненависти и братоубійству. Ярославичи были всѣ отъ одной матери, Ярославъ не далъ предпочтенія любимцу своему, третьему сыну Всеволоду, увѣщавалъ его дожидаться своей очереди, когда Богъ дастъ ему получить старшій столъ послѣ братьевъ, правдою, а не насиліемъ[31], — и точно у братьевъ долго не было повода къ ссорѣ. Въ 1056 году умеръ Вячеславъ: братья перевели на его мѣсто въ Смоленскъ Игоря изъ Владиміра, а во Владиміръ перевели изъ Ростова племянника Ростислава Владиміровича[32]. Въ 1059 году умеръ въ Смоленскѣ Игорь Ярославичь; какъ распорядились братья его столомъ — неизвѣстно; извѣстно только то, что не

былъ доволенъ ихъ распоряженіями племянникъ ихъ изгой, Ростиславъ Владиміровичь. Безъ надежды получить когда-либо старшинство, Ростиславъ, быть можетъ, тяготился всегдашнею зависимостію отъ дядей; онъ былъ добръ на рати, говоритъ лѣтописецъ; его манила Тмутаракань, то застепное приволье, гдѣ толпились остатки разноплеменныхъ народовъ, изъ которыхъ храброму вождю можно было набрать себѣ всегда храбрую дружину, гдѣ княжилъ знаменитый Мстиславъ, откуда съ воинственными толпами прикавказскихъ народовъ приходилъ онъ на Русь и заставилъ старшаго брата подѣлиться половиною отцовскаго наслѣдства. Заманчива была такая судьба для храбраго Ростислава, изгоя, который только оружіемъ могъ достать себѣ хорошую волость, и нигдѣ кромѣ Тмутаракани не могъ онъ добыть нужныхъ для того средствъ. По смерти Вячеслава, Ярославичи перевели Игоря въ Смоленскъ, а на его мѣсто во Владиміръ Волынскій перевели племянника Ростислава; но теперь Игорь умеръ въ Смоленскѣ, Ростиславъ могъ надѣяться, что дядья переведутъ его туда, но этого не послѣдовало; Ростиславъ могъ оскорбиться. Какъ-бы то ни было, въ 1064 году онъ убѣжалъ въ Тмутаракань, и не одинъ: съ нимъ бѣжали двое родовитыхъ, извѣстныхъ людей — Порѣй и Вышата, сынъ Остромира, посадника Новгородскаго: Изяславъ, оставляя Новгородъ, посадилъ здѣсь вмѣсто себя этого Остромира[33]. Порѣй и Вышата были самыя извѣстныя лица; но, какъ видно, около Ростислава собралось не малое число искателей счастія, или недовольныхъ; онъ имѣлъ возможность, пришедши въ Тмутаракань, изгнать оттуда двоюроднаго брата своего, Глѣба Святославича, и сѣсть на его мѣсто. Отецъ Глѣба, Святославъ пошелъ на Ростислава, тотъ не хотѣлъ поднять рукъ на дядю, и вышелъ изъ города, куда Святославъ ввелъ опять сына своего; но какъ скоро дядя ушелъ домой, Ростиславъ вторично выгналъ Глѣба, и на этотъ разъ утвердился въ Тмутаракани. Онъ сталъ ходить на сосѣдніе народы, Касоговъ и другихъ, и брать съ нихъ дань. Греки испугались такого сосѣда, и подослали къ нему Корсунскаго начальника (Котопана). Ростиславъ принялъ Котопана безъ всякаго подозрѣнія, и честилъ его, какъ мужа знатнаго и посла. Однажды Ростиславъ пировалъ съ дружиною;

Котопанъ былъ тутъ, и, взявши чашу, сказалъ Ростиславу: «Князь! хочу пить за твое здоровье;» тотъ отвѣчалъ: «пей.» Котопанъ выпилъ половину, другую подалъ Князю, но прежде дотронулся до края чаши, и выпустилъ въ нее ядъ, скрытый подъ ногтемъ: по его расчету Князь долженъ былъ умереть отъ этого яда въ осьмой день. Послѣ пира Котопанъ отправился назадъ въ Корсунь, и объявилъ, что въ такой-то день Ростиславъ умретъ, что и случилось; лѣтописецъ прибавляетъ, что этого Котопана Корсунцы побили камнями[34]. Ростиславъ, по свидѣтельству того же лѣтописца, былъ добръ на рати, высокъ ростомъ, красивъ лицемъ и милостивъ къ убогимъ[35]. Мѣсто его въ Тмутаракани занялъ опять Глѣбъ Святославичь.

Греки и Русскіе Князья избавились отъ храбраго изгоя; но когда нечего было бояться болѣе съ юго-востока, встала рать съ сѣверо-запада: тамъ поднялся также потомокъ изгоя, Всеславъ, Князь Полоцкій, немилостивый на кровопролитье, о которомъ шла молва, что рожденъ былъ отъ волхвованья. Еще при жизни Ростислава, быть можетъ, пользуясь тѣмъ, что вниманіе дядей было обращено на югъ, Всеславъ началъ враждебныя дѣйствія: въ 1065 году осаждалъ безуспѣшно Псковъ; въ 1066 году, по примѣру отца, подступилъ подъ Новгородъ, полонилъ жителей, снялъ и колокола у св. Софіи: «велика была бѣда въ тотъ часъ!» прибавляетъ лѣтописецъ: «и паникадила снялъ[36].» Ярославичи: Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ собрали войско и пошли на Всеслава, въ страшные холода. Они пришли къ Минску, жители котораго затворились въ крѣпости: братья взяли Минскъ, мужчинъ изрубили, женъ и дѣтей отдали на щитъ (въ плѣнъ) ратникамъ, и пошли къ рѣкѣ Нѣмизѣ[37], гдѣ встрѣтили Всеслава въ началѣ Марта[38]; не смотря на сильный снѣгъ, произошла злая сѣча, въ которой много пало народу, наконецъ Ярославичи одолѣли, и Всеславъ бѣжалъ. Лѣтомъ, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ послали звать Всеслава къ себѣ на переговоры, поцѣловавши крестъ, что не сдѣлаютъ ему зла; Всеславъ повѣрилъ, переѣхалъ Днѣпръ, вошелъ въ шатеръ Изяслава и былъ схваченъ; Изяславъ привелъ его въ Кіевъ и посадилъ въ заключеніе вмѣстѣ съ двумя сыновьями[39].

Казалось, что Ярославичи, избавившись отъ Ростислава и Всеслава, на долго останутся теперь спокойны; но вышло иначе. На небѣ явилась кровавая звѣзда, предвѣщавшая кровопролитіе, солнце стало, какъ мѣсяцъ, изъ рѣки Сѣтомли выволокли рыбаки страшнаго урода; не къ добру все это, говорилъ народъ, и вотъ пришли иноплеменники. Въ степяхъ къ востоку отъ Днѣпра произошло въ это время обычное явленіе: господство одной кочевой орды смѣнилось господствомъ другой: Узы, Куманы, или Половцы[40], народъ Татарскаго происхожденія и языка[41], заняли мѣсто Печенѣговъ, поразивши послѣднихъ. Въ первый годъ по смерти Ярослава Половцы съ ханомъ своимъ Болушемъ показались въ предѣлахъ Переяславскаго княжества, но на первый разъ заключили миръ со Всеволодомъ и ушли назадъ въ степи. Ярославичи, безопасные пока съ этой стороны, и незанятые еще усобицами, хотѣли нанести окончательное пораженіе пограничнымъ варварамъ, носившимъ названіе Торковъ; до сихъ поръ лѣтописецъ не упоминалъ о непріязненныхъ столкновеніяхъ нашихъ Князей съ ними, разъ только мы видѣли ихъ наемную конницу въ походѣ Владиміра на Болгаръ. Еще въ 1059 году Всеволодъ ходилъ на Торковъ и побѣдилъ ихъ[42]; потомъ въ 1060 году трое Ярославичей, вмѣстѣ съ Всеславомъ Полоцкимъ, собрали, по выраженію лѣтописца, войско безчисленное, и пошли на коняхъ и въ лодьяхъ на Торковъ. Торки, услыхавши объ этомъ, испугались и ушли въ степь, Князья погнались за бѣглецами, многихъ побили, другихъ плѣнили, привели въ Русь и посадили по городамъ, остальные погибли въ степяхъ отъ сильной стужи, голода и мора[33]. Но степи скоро выслали мстителей за Торковъ. Въ слѣдующій же годъ пришли Половцы воевать на Русскую землю; Всеволодъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, Половцы побѣдили его, повоевали землю и ушли. То было первое зло отъ поганыхъ и безбожныхъ враговъ, говоритъ лѣтописецъ. Въ 1068 году опять множество Половцевъ пришло на Русскую землю: въ этотъ разъ всѣ три Ярославича вышли къ нимъ на встрѣчу, на рѣку Альту, потерпѣли пораженіе и побѣжали — Изяславъ и Всеволодъ въ Кіевъ, Святославъ въ Черниговъ. Кіевляне, возвратившись въ свой городъ, собрали

(15-го Сентября) вѣче на торгу, и послали сказать Князю: «Половцы разсѣялись по землѣ, дай намъ, Князь, оружіе и коней, хотимъ еще биться съ ними.» Изяславъ не послушался; тогда народъ сталъ говорить противъ Тысяцкаго Коснячка: воевода городскихъ и сельскихъ полковъ, онъ не умѣлъ дать имъ побѣды; теперь не принимаетъ ихъ стороны, не хочетъ идти съ ними на битву, отговариваетъ Князя дать имъ оружіе и коней[44]. Толпа отправилась съ вѣча на гору, пришла на дворъ Коснячковъ, но не нашла Тысяцкаго дома; отсюда пошли ко двору Брячиславову[45], остановились здѣсь подумать, сказали: «пойдемъ, высадимъ своихъ[46] изъ тюрьмы,» и пошли, раздѣлившись на двое: половина отправилась къ тюрьмѣ, а другая по мосту ко двору княжескому. Изяславъ сидѣлъ на сѣняхъ съ дружиною, когда толпа народу подошла и начала споръ съ Княземъ; народъ стоялъ внизу, а Изяславъ разговаривалъ съ нимъ изъ окна. Какъ видно слышались уже голоса, что надобно искать себѣ другаго Князя, который бы повелъ народъ биться съ Половцами, потому что одинъ изъ бояръ-Туки, братъ Чудиновъ, сказалъ Изяславу: «видишь, Князь, люди взвыли, пошли-ка, чтобъ покрѣпче стерегли Всеслава.» Въ это время другая половина народу, отворивши тюрьму, пришла также ко двору княжескому; тогда дружина начала говорить: «худо, Князь! пошли къ Всеславу, чтобъ подозвали его обманомъ къ окошку, и закололи.» Изяславъ на это не согласился, — и чего боялась дружина, то исполнилось: народъ съ крикомъ двинулся къ Всеславовой тюрьмѣ. Изяславъ, увидавъ это, побѣжалъ съ братомъ Всеволодомъ съ своего двора, а народъ, выведши Всеслава изъ тюрьмы, поставилъ его середи двора княжескаго, т. е. провозгласилъ Княземъ, при чемъ имѣніе Изяслава все пограбили, взяли безчисленное[47] множество золота и серебра. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу.

Между тѣмъ Половцы опустошали Русь, дошли и до Чернигова; Святославъ собралъ нѣсколько войска и выступилъ на нихъ къ Сновску[48]; Половцевъ было очень много; но Святославъ не оробѣлъ, выстроилъ полки и сказалъ имъ: «Пойдемте въ битву! намъ некуда больше дѣться.» Черниговцы ударили, и Святославъ одолѣлъ, хотя у него было только три тысячи, а у По-

ловцевъ 12,000; одни изъ нихъ были побиты, другіе потонули въ рѣкѣ Сновѣ, а Князя ихъ Русскіе взяли руками.

Уже семь мѣсяцевъ сидѣлъ Всеславъ въ Кіевѣ, когда весною 1069 года явился Изяславъ вмѣстѣ съ Болеславомъ, королемъ Польскимъ, въ Русскихъ предѣлахъ. Всеславъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу; но изъ Бѣлгорода ночью, тайкомъ отъ Кіевлянъ, бѣжалъ въ Полоцкъ, вѣроятно, боясь стать между двухъ огней, потому что остальные Ярославичи не могли ему благопріятствовать въ борьбѣ съ Изяславомъ. Такъ этому чародѣю удалось только дотронуться копьемъ до золотаго стола Кіевскаго, и, обернувшись волкомъ, побѣжалъ онъ ночью изъ Бѣлгорода, закутанный въ синюю мглу[49]. Кіевляне, оставшись безъ Князя, возвратились въ свой городъ, собрали вѣче, и послали сказать Святославу и Всеволоду[50] Ярославичамъ: «Мы дурно сдѣлали, что прогнали своего Князя, а вотъ онъ теперь ведетъ на насъ Польскую землю; ступайте въ городъ отца вашего; если же не хотите, то намъ нечего больше дѣлать: зажжемъ городъ и уйдемъ въ Греческую землю.» Святославъ отвѣчалъ имъ: «Мы пошлемъ къ брату: если пойдетъ съ Ляхами губить васъ, то мы пойдемъ противъ него ратью, не дадимъ изгубить отцовскаго города, если же хочетъ придти съ миромъ, то пусть приходитъ съ малою дружиною.» Кіевляне утѣшились; а Святославъ и Всеволодъ послали сказать Изяславу: «Всеславъ бѣжалъ; такъ не води Ляховъ къ Кіеву, противника у тебя нѣтъ; если же не перестанешь сердиться и захочешь погубить городъ, то знай, что намъ жаль отцовскаго стола.» Выслушавши рѣчи братьевъ, Изяславъ повелъ съ собою только Болеслава да небольшой отрядъ Поляковъ, а впередъ послалъ въ Кіевъ сына своего Мстислава. Мстиславъ, вошедши въ городъ, велѣлъ избить тѣхъ, которые освободили Всеслава, всего семдесятъ человѣкъ, другихъ ослѣпить, нѣкоторые при этомъ погибли невинно. Когда самъ Изяславъ приблизился къ городу, то Кіевляне встрѣтили его съ поклономъ, и опять сѣлъ онъ на своемъ столѣ (2 Мая). Поляки Болеслава II-го подверглись такойже участи, какъ и предки ихъ, приходившіе въ Русь съ Болеславомъ I-мъ: ихъ распустили на покормъ по волостямъ, гдѣ жители начали тайно убивать ихъ; въ слѣдствіе чего Болеславъ

возвратился въ свою землю[51]. Съ извѣстіемъ о возвращеніи Изяслава, лѣтописецъ, повидимому, связываетъ извѣстіе о томъ, что этотъ Князь перевелъ торгъ съ Подола на гору[52].

Казнивши тѣхъ Кіевлянъ, которые вывели изъ тюрьмы Всеслава, Изяславъ не медлилъ вооружиться противъ послѣдняго, выгналъ его изъ Полоцка, посадилъ тамъ сына своего Мстислава, а когда тотъ умеръ, то послалъ на его мѣсто другаго сына Святополка. Всеславъ, сказано въ лѣтописи, бѣжалъ, но не прибавлено, куда; впрочемъ это объясняется изъ слѣдующаго извѣстія, что Всеславъ въ 1069 году явился передъ Новгородомъ, съ толпами Финскаго племени Води или Вожанъ[53], среди которыхъ слѣдовательно нашелъ онъ убѣжище и помощь[54]. Въ это время въ Новгородѣ княжилъ Глѣбъ, сынъ Святослава Черниговскаго, котораго мы видѣли въ Тмутаракани. Новгородцы поставили противъ Вожанъ полкъ, и Богъ пособилъ Новгородцамъ: они задали Вожанамъ страшную сѣчу, послѣднихъ пало множество, а самаго Князя Всеслава Новгородцы отпустили ради Бога[55]. И послѣ этого пораженія Всеславъ не отказался отъ борьбы; къ храброму Князю отовсюду стекались богатыри; онъ успѣлъ набрать дружину, выгналъ Святополка изъ Полоцка, и хотя былъ побѣжденъ другимъ Изяславичемъ у Голотичьска[56], однако какъ видно, успѣлъ удержаться на отцовскомъ столѣ. Изяславъ завелъ съ нимъ переговоры — о чемъ, неизвѣстно; извѣстно только то, что эти переговоры послужили поводомъ ко вторичному изгнанію Изяслава, теперь уже родными братьями. Это вторичное изгнаніе необходимо имѣетъ связь съ первымъ: Изяславъ возвратился въ Кіевъ подъ условіями, которыя предписали ему братья; въ городѣ не могли любитъ Изяслава, и въ тоже время не могли не питать расположенія къ Святославу, который сдержалъ гнѣвъ брата, который съ горстью дружины умѣлъ поразить толпы Половцевъ, очистить отъ нихъ Русь. Сынъ Изяслава, Мстиславъ казнилъ Кіевлянъ, освободившихъ Всеслава, виновныхъ вмѣстѣ съ невинными, но тѣмъ дѣло еще не кончилось; гоненія продолжались, и гонимые находили убѣжище въ Черниговѣ у Святослава. Такъ Св. Антоній, основатель Печерскаго монастыря, подвергнувшійся гнѣву Великаго Князя какъ прі-

ятель Всеслава, былъ ночью взятъ и укрытъ въ Черниговѣ Святославомъ. Если бы даже Святославъ дѣлалъ это единственно изъ любви и уваженія къ святому мужу, то Изяславъ, съ своей стороны, не могъ не оскорбиться пріязнію брата къ человѣку, въ которомъ онъ видѣлъ врага своего. Эти обстоятельства должны были возбуждать въ Святославѣ властолюбивые замыслы, питать надежду на ихъ успѣхъ, а въ Изяславѣ возбуждать вражду къ брату, и вотъ между Ярославичами началась вражда: они не ходятъ уже вмѣстѣ въ походы, какъ ходили прежде; Изяславъ одинъ воюетъ съ Всеславомъ, одинъ вступаетъ съ нимъ въ переговоры; по самой природѣ отношеній между Князьями, послѣдній поступокъ Изяслава долженъ былъ возбудить негодованіе и подозрѣніе въ братьяхъ; Святославъ началъ говорить Всеволоду: «Изяславъ сносится съ Всеславомъ на наше лихо; если не предупредимъ его, то прогонитъ онъ насъ,»—и успѣлъ возбудить Всеволода на Изяслава. Лѣтописецъ обвиняетъ во всемъ Святослава, говоритъ, что онъ хотѣлъ больше власти, обманулъ Всеволода; какъ бы то ни было, младшіе братья вооружились противъ старшаго; Изяславъ въ другой разъ принужденъ былъ выйти изъ Кіева, гдѣ сѣлъ Святославъ, отдавши Всеволоду Черниговскую волость; что въ Кіевѣ всѣ были за Святослава, доказываетъ удаленіе Изяслава безъ борьбы; лѣтописецъ говоритъ, что Святославъ и Всеволодъ сѣли сперва на столѣ въ селѣ Берестовѣ, и потомъ уже, когда Изяславъ выѣхалъ изъ Кіева, Святославъ перешелъ въ этотъ городъ.

Изяславъ съ сыновьями отправился опять въ Польшу; какъ видно, на этотъ разъ онъ вышелъ изъ Кіева не торопясь, успѣлъ взять съ собою много имѣнія; онъ говорилъ: «съ золотомъ найду войско;» позабывши слова дѣда Владиміра, что съ дружиною добываютъ золото, а не съ золотомъ дружину. Изяславъ роздалъ Польскимъ вельможамъ богатые подарки; они подарки взяли, но помощи недали никакой[57], и даже выслали его изъ своей страны. Чтобъ объяснить себѣ это явленіе, мы должны бросить взглядъ на состояніе западныхъ Славянскихъ государствъ въ это время. Мы видѣли, что вмѣшательство Болеслава Храбраго въ дѣла Богеміи кончилось также неудачно для него, какъ и вмѣшательство въ споры между Русскими

Князьями. Поляки были изгнаны изъ Богеміи, родные Князья— Яромиръ и Олдрихъ стали княжить въ странѣ, но недолго княжили мирно. Олдрихъ , по словамъ старой Чешской пѣсни, былъ «воинъ славный, въ котораго Богъ вложилъ и мочь и крѣпость, въ буйную голову далъ разумъ свѣтлый.» Въ 1012 году онъ выгналъ Яромира: за что—не знаетъ ни пѣсня, ни лѣтопись. Императору Конраду II-му не нравилось однако единовластіе у Чеховъ: не разъ вызывалъ онъ Олдриха къ себѣ, и когда тотъ наконецъ явился къ нему, то былъ заточенъ въ Регенсбургъ. Яромиръ началъ опять княжить въ Богеміи сообща съ племянникомъ Брячиславомъ, сыномъ Олдриховымъ, а между тѣмъ Императоръ предложилъ своему плѣннику возвратиться на родину и княжить тамъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ; Олдрихъ присягнулъ, что уступитъ брату половину земли, но, какъ скоро возвратился домой, то велѣлъ ослѣпить Яромира. — По смерти Олдриха единовластителемъ земли сталъ сынъ его, Брячиславъ I-й. Мы видѣли, какъ этотъ дѣятельный Князь воспользовался невзгодою Польши по смерти Болеслава Храбраго и расширилъ свои владѣнія на счетъ Пястовъ, за что и слыветъ возстановителемъ Чешской славы. По смерти Брячислава I-го въ Богеміи мы встрѣчаемъ такія же явленія, какія начинаютъ имѣть мѣсто и у насъ на Руси съ того же самаго времени, именно съ 1054 года, со смерти Ярослава I-го: мы видимъ, что и въ Богеміи начинаетъ владѣть цѣлый родъ княжеской съ переходомъ главнаго стола къ старшему въ цѣломъ родѣ. По смерти Брячислава I-го, Великимъ Княземъ, т. е. старшимъ въ родѣ (Dux principalis) становится старшій сынъ его, Спитигнѣвъ II-й; остальные Брячиславичи были: Вратиславъ, Конрадъ, Яромиръ и Оттонъ. Какъ у насъ Ярославичи, такъ и въ Богеміи Брячиславичи не долго жили въ согласіи: второй Брячиславичь — Вратиславъ долженъ былъ сначала искать убѣжища въ Венгріи отъ преслѣдованій старшаго брата; однако послѣ, помирившись съ послѣднимъ, возвратился на родину и въ 1061 году наслѣдовалъ въ старшинствѣ Спитигнѣву. По смерти Вратислава II-го, по извѣстному обычаю, мимо сыновей его, наслѣдовалъ старшинство братъ его Конрадъ I-й, но княжилъ только восемь мѣсяцевъ: это былъ послѣдній изъ Брячи-

славичей, и по смерти его, въ 1092 году, выступаетъ второе поколѣніе, внуки Брячислава I-го. Въ Польшѣ Казиміру Возстановителю (Restaurator) наслѣдовалъ въ 1058 году сынъ его, Болеславъ II-й Смѣлый. За два года передъ тѣмъ умеръ Императоръ Генрихъ III-й; смуты, послѣдовавшія во время малолѣтства сына и преемника его Генриха IV-го, потомъ борьба этого государя съ Нѣмецкими Князьями и съ папою на долго освободили Польшу отъ вліянія Имперіи, и Болеславъ Смѣлый, пользуясь этою свободою, имѣлъ возможность съ честью и выгодою для Польши установить свои отношенія къ сосѣднимъ странамъ. Мы видѣли, что съ его помощію Изяславъ получилъ опять Кіевъ; съ помощію же Болеслава успѣлъ овладѣть престоломъ и Венгерскій король Бела, сыновья котораго удержались въ Венгріи, также благодаря Польскому оружію. Съ Чехами Болеславъ велъ почти постоянную войну: въ то время какъ нашъ Изяславъ вторично явился къ Польскому двору (1075 г.), Болеславъ воевалъ съ Вратиславомъ Чешскимъ, который находился въ тѣсномъ союзѣ съ Императоромъ Генрихомъ IV-мъ; очень вѣроятно, что эти обстоятельства не позволили Болеславу подать помощь Русскому Князю, который, будучи принужденъ оставить Польшу, принялъ совѣтъ Дѣда, Маркграфа Саксонскаго, и поѣхалъ въ Маинцъ просить заступленія у врага Болеславова, Императора Генриха IV-го[58]. Такимъ образомъ княжескія междоусобія на Руси доставляли случай Нѣмецкому Императору распространить свое вліяніе и на эту страну; но, во-первыхъ, благодаря отдаленности Руси, это вліяніе никогда не могло быть очень сильно; во-вторыхъ, обстоятельства, въ которыхъ находился теперь Императоръ, были такого рода, что помогли даже и Польшѣ высвободиться изъ подъ его вліянія. Принявъ отъ Изяслава богатые дары, Генрихъ IV-й послалъ къ Святославу съ требованіемъ возвратить Кіевъ старшему брату, и съ угрозою войны въ случаѣ сопротивленія. Разумѣется, что дѣло должно было и ограничиться одною угрозою. Лѣтописецъ говоритъ, что когда Нѣмецкіе послы пришли къ Святославу, то онъ, желая похвастать передъ ними, показалъ имъ свою казну, и будто бы послы, увидавъ множество золота, серебра и дорогихъ тканей, повто-

рили старыя слова Владиміра Святаго: «это ничего не значитъ, потому что лежитъ мертво: дружина лучше, съ нею можно доискаться и больше этого.» Лѣтописецъ прибавляетъ, что богатство Святослава, подобно богатству Езекіи, царя Іудейскаго, разсыпалось розно по смерти владѣльца. Изъ этихъ словъ лѣтописца можно видѣть, что современники и ближайшіе потомки съ неудовольствіемъ смотрѣли на поведеніе старшихъ Ярославичей, которые не слѣдовали примѣру дѣда и копили богатства, полагая на нихъ всю надежду, тогда какъ добрый Князь, по господствовавшему тогда мнѣнію, не долженъ былъ ничего скрывать для себя, но все раздавать дружинѣ, при помощи которой онъ никогда не могъ имѣть недостатка въ богатствѣ.

Если Изяславъ обратился за помощію къ Императору Генриху IV-му, врагу Болеслава Смѣлаго, то Святославъ, по единству выгодъ, долженъ былъ спѣшить заключеніемъ союза съ Польскимъ Княземъ: и точно мы видимъ, что молодые Князья— Олегъ Святославичь и Владиміръ Всеволодовичь ходили на помощь къ Полякамъ и воевали Чеховъ, союзниковъ Императорскихъ[59]. Изяславъ, не получивъ успѣха при дворѣ Генриха, обратился къ другому владыкѣ запада, Папѣ Григорію VII-му, и отправилъ въ Римъ сына своего съ просьбою возвратить ему столъ властію Св. Петра; какъ въ Маинцѣ Изяславъ обѣщалъ признать зависимость свою отъ Императора, такъ въ Римѣ сынъ его обѣщалъ подчиниться апостольскому престолу. Слѣдствіемъ этихъ переговоровъ было то, что Григорій писалъ къ Болеславу съ увѣщаніемъ отдать сокровища, взятыя у Изяслава[60]. Быть можетъ папа уговаривалъ также Польскаго Князя подать помощь Изяславу противъ братьевъ, которую тотъ наконецъ и дѣйствительно подалъ. Для объясненія этого поступка мы не нуждаемся впрочемъ въ предположеніи о папскихъ увѣщаніяхъ: есть извѣстіе, которое одно объясняетъ его совершенно удовлетворительно. По этому извѣстію[61], Чешскій Князь Вратиславъ, узнавъ о союзѣ Болеслава съ младшими Ярославичами, и движеніи Олега и Владиміра къ Чешскимъ границамъ прислалъ къ Болеславу просить мира, и получилъ его за 1,000 гривенъ серебра. Болеславъ послалъ сказать объ

этомъ Олегу и Владиміру, но тѣ велѣли отвѣчать ему, что не могутъ безъ стыда отцамъ своимъ и землѣ возвратиться назадъ ничего не сдѣлавши, пошли впередъ взять свою честь, и ходили въ землѣ Чешской четыре мѣсяца, т. е. опустошали ее; Вратиславъ Чешскій прислалъ и къ намъ съ предложеніемъ о мирѣ; Русскіе Князья, взявши свою часть и 1000 гривенъ серебра, помирились. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ поступокъ разсердилъ Болеслава, который потому и рѣшился помочь въ другой разъ Изяславу. Между тѣмъ умеръ Святославъ въ 1076 году. Всеволодъ сѣлъ на его мѣсто въ Кіевѣ зимою, а на лѣто долженъ былъ выступить противъ Изяслава, который шелъ съ Польскими полками; на Волыни встрѣтились братья, и заключили миръ: Всеволодъ уступилъ Изяславу старшинство и Кіевъ, а самъ остался по прежнему въ Черниговѣ. Помощь Поляковъ не могла быть безкорыстна; и потому очень вѣроятны извѣстія, по которымъ Изяславъ поплатился за нее Червенскими городами.

Миръ между Ярославичами не принесъ мира Русской землѣ: было много племянниковъ, которые хотѣли добыть себѣ волостей. Всеславъ Полоцкій не хотѣлъ сидѣть спокойно на своемъ столѣ, опять началъ грозить Новгороду, какъ видно, пользуясь смертію Святослава и предполагаемою усобицею между Изяславомъ и Всеволодомъ. Сынъ послѣдняго Владиміръ ходилъ зимою 1076 года къ Новгороду на помощь его Князю Глѣбу, безъ сомнѣнія противъ Всеслава[62]. Лѣтомъ, послѣ примиренія и ряда съ Изяславомъ, Всеволодъ вмѣстѣ съ сыномъ Владиміромъ ходилъ подъ Полоцкъ; а на зиму новый походъ: ходилъ Мономахъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Святополкомъ Изяславичемъ подъ Полоцкъ и обожгли этотъ городъ: тогда же Мономахъ съ Половцами опустошилъ Всеславову волость до Одрьска[63]: здѣсь въ первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе о наемномъ войскѣ изъ Половцевъ для междоусобной войны.

На сѣверозападѣ нужно было постоянно сторожить чародѣя Всеслава, а съ юго-востока начали грозить новыя войны, и не отъ однихъ степныхъ варваровъ, но отъ обдѣленныхъ Князей, которые приводили послѣднихъ. Мы видѣли, что кромѣ Владиміра Новгородскаго, умерли еще двое младшихъ Яросла-

вичей, Вячеславъ и Игорь, оставя сыновей, которымъ, по обычаю, отчинъ не дали и другими волостями не надѣлили; изгои подросли, и стали сами искать себѣ волостей. Въ то время, какъ Святославъ умеръ, а Всеволодъ выступилъ противъ Изяслава, Борисъ, сынъ Вячеслава Смоленскаго, воспользовался удаленіемъ дяди, и сѣлъ въ Черниговѣ, но могъ держаться тамъ только 8 дней и убѣжалъ въ Тмутаракань, гдѣ княжилъ одинъ изъ Святославичей, Романъ. Послѣ Святослава осталось пять сыновей: Глѣбъ, Олегъ, Давидъ, Романъ, Ярославъ. При жизни отца Глѣбъ сидѣлъ въ Новгородѣ, Олегъ во Владимірѣ Волынскомъ, Романъ въ Тмутаракани, о Давидѣ не извѣстно, Ярославъ былъ очень молодъ[64]. Романъ Тмутараканскій принялъ Бориса Вячеславича; но за нимъ долженъ былъ дать убѣжище и роднымъ братьямъ, потому что Изиславъ не хотѣлъ дать волостей дѣтямъ Святославовымъ. Глѣбъ былъ изгнанъ изъ Новагорода[65], Олегъ выведенъ изъ Владиміра; Глѣбъ погибъ далеко на сѣверѣ, въ странахъ Чуди Заволоцкой; Олегъ ушелъ сначала было въ Черниговъ, къ дядѣ Всеволоду, отъ котораго могъ ждать больше милости, чѣмъ отъ Изяслава, но и Всеволодъ или не хотѣлъ, или не могъ надѣлить Святославича волостью, и тотъ отправился къ братьямъ въ Тмутаракань, извѣстное убѣжище для всѣхъ изгнанниковъ, для всѣхъ недовольныхъ. Выгнавши племянниковъ, Ярославичи распорядились волостями въ пользу своихъ дѣтей: Святополка Изяславича посадили въ Новгородѣ, брата его Ярополка въ Вышгородѣ, Владиміра Всеволодовича Мономаха въ Смоленскѣ. Но изгнанные Князья не могли жить праздно въ Тмутаракани: въ 1078 году Олегъ и Борисъ привели Половцевъ на Русскую землю и пошли на Всеволода; Всеволодъ[65] вышелъ противъ нихъ на рѣку Сожицу (Оржицу), и Половцы побѣдили Русь, которая потеряла много знатныхъ людей: убитъ былъ Иванъ Жирославичь, Тукій, Чудиновъ братъ, Порѣй и многіе другіе. Олегъ и Борисъ вошли въ Черниговъ, думая, что одолѣли; Русской землѣ они тутъ много зла надѣлали, говоритъ лѣтописецъ. Всеволодъ пришелъ къ брату Изяславу въ Кіевъ и разсказалъ ему свою бѣду; Изяславъ отвѣчалъ ему: «Братъ! не тужи, вспомни, что со мною самимъ случилось! во первыхъ развѣ не выгнали меня

и имѣнья моего не разграбили? потомъ въ чемъ я провинился, а былъ же выгнанъ вами братьями своими? не скитался ли я по чужимъ землямъ ограбленный, а зла за собою не зналъ никакого. И теперь братъ, не станемъ тужить: будетъ ли намъ часть въ Русской землѣ, то обоимъ, лишимся ли ея, то оба же вмѣстѣ: я сложу свою голову за тебя.» Такими словами онъ утѣшилъ Всеволода, и велѣлъ собирать войска отъ мала до велика; другаго не оставалось больше ничего дѣлать, потому что Святославичи конечно не оставили бы въ покоѣ Изяслава, главнаго врага своего. Изяславъ выступилъ въ походъ съ сыномъ своимъ Ярополкомъ, Всеволодъ съ сыномъ Владиміромъ. Послѣдній находился въ Смоленскѣ, когда узналъ о вторженіи изгнанныхъ Князей; поспѣшилъ на помощь къ отцу и оружіемъ проложилъ себѣ путь сквозь Половецкіе полки къ Переяславлю, гдѣ нашелъ Всеволода, пришедшаго съ битвы на Сожицѣ. Ярославичи съ сыновьями пошли къ Чернигову, жители котораго затворились отъ нихъ, хотя Олега и Бориса не было въ городѣ; есть извѣстіе, что они ѣздили въ Тмутаракань собирать новое войско[67]. Черниговъ имѣлъ двойныя стѣны; Князья приступили къ внѣшней оградѣ (городу); Мономахъ отбилъ восточныя ворота[68], и внѣшній городъ былъ сожженъ, послѣ чего жители убѣжали во внутренній. Но Ярославичи не имѣли времени приступить къ послѣднему, потому что пришла вѣсть о приближеніи Олега и Бориса; получивши ее, Изяславъ и Всеволодъ рано утромъ отошли отъ Чернигова и отправились на встрѣчу къ племянникамъ, которые совѣтовались, что имъ дѣлать? Олегъ говорилъ Борису: «Нельзя намъ стать противъ четырехъ Князей; пошлемъ лучше къ дядьямъ съ просьбою о мирѣ»; Борисъ отвѣчалъ: «Ты стой — смотри только, я одинъ пойду на нихъ на всѣхъ.» Пошли и встрѣтились съ Ярославичами у села на Нѣжатинѣ Нивѣ[69], полки сошлись, и была сѣча злая: вопервыхъ убили Бориса, сына Вячеславова; Изяславъ стоялъ съ пѣшими полками, какъ вдругъ наѣхалъ одинъ изъ непріятельскихъ воиновъ, и ударилъ его въ плечо копьемъ, рана была смертельная. Не смотря на убіеніе двухъ Князей съ обѣихъ сторонъ, битва продолжалась; наконецъ Олегъ побѣжалъ и едва могъ уйти въ Тмутаракань (3-го Октября 1078 года). Тѣло

Изяслава взяли, привезли въ лодкѣ и поставили противъ Городца, куда на встрѣчу вышелъ весь городъ Кіевъ; потомъ положили тѣло на сани и повезли, священники и монахи провожали его съ пѣніемъ, но нельзя было слышать пѣнія за плачемъ и воплемъ великимъ, потому что плакалъ по немъ весь городъ Кіевъ; Ярополкъ шелъ за тѣломъ и причиталъ съ дружиною: «батюшка, батюшка! не безъ печали ты пожилъ на этомъ свѣтѣ; много напасти принялъ отъ людей и отъ своей братьи; и вотъ теперь погибъ не отъ брата, а за брата сложилъ голову.» Принесли и положили тѣло въ церкви Богородицы, въ гробѣ мраморномъ[70]. По словамъ лѣтописца, Изяславъ былъ красивъ лицемъ, высокъ и полонъ, нравомъ незлобивъ, кривду ненавидѣлъ, правду любилъ; лести въ немъ небыло, прямой былъ человѣкъ и не мстительный. Сколько зла сдѣлали ему Кіевляне! самого выгнали, домъ разграбили, а онъ не заплатилъ имъ зломъ за зло; еслиже кто скажетъ: онъ казнилъ Всеславовыхъ освободителей—то вѣдь не онъ это сдѣлалъ, а сынъ его. Потомъ братья прогнали его, и ходилъ, блуждалъ онъ по чужой землѣ; а когда сѣлъ на своемъ столѣ, и Всеволодъ прибѣжалъ къ нему побѣжденный, то Изяславъ не сказалъ ему: «А вы что мнѣ сдѣлали?» не заплатилъ зломъ за зло, а утѣшилъ, сказалъ: «ты, братъ, показалъ ко мнѣ любовь, ввелъ меня на столъ мой и назвалъ старшимъ, такъ и я теперь не помяну первой злобы; ты мнѣ братъ, а я тебѣ, и положу голову свою за тебя», что и случилось; не сказалъ ему: «Сколько вы мнѣ зла сдѣлали, а вотъ теперь пришла и твоя очередь», не сказалъ: «ступай куда хочешь», но взялъ на себя братнюю печаль, и показалъ любовь великую.— Смерть за брата, прекрасный примѣръ для враждующихъ братій, заставилъ лѣтописца, и, можетъ быть, всѣхъ современниковъ, умилиться надъ участью Изяслава при господствѣ непосредственныхъ чувствъ. Однако и лѣтописецъ спѣшитъ опровергнуть возраженіе на счетъ казни виновниковъ Всеславова освобожденія, и складываетъ всю вину на сына Изяславова, Мстислава, значитъ это возраженіе существовало въ его время; монахъ Кіевопечерскаго монастыря долженъ былъ знать и о послѣдующихъ гоненіяхъ, напр. на св. Антонія; Всеволоду Изяславъ простилъ, потому что и прежде, какъ видно, этотъ Яро-

славичъ былъ мало виноватъ, да и послѣ загладилъ свою вину; наконецъ собственная безопасность принуждала Изяслава вооружиться противъ племянниковъ; по дѣтямъ Святославовымъ, конечно невиннымъ въ дѣлѣ отца Изяславъ не могъ простить и отнялъ у нихъ волости, себѣ и Русской землѣ на бѣду.

Какъ бы то ни было, первый старшій или Великій Князь послѣ Ярослава палъ въ усобицѣ. Всѣ усобицы, имѣвшія мѣсто при старшинствѣ Изяслава, происходили отъ того, что осиротѣлые племянники не получали волостей. При отсутствіи отчиннаго права относительно отдѣльныхъ волостей, дядья смотрѣли на осиротѣлыхъ племянниковъ какъ на изгоевъ, обязанныхъ по своему сиротскому положенію, жить изъ милости старшихъ, быть довольны всѣмъ, что дадутъ имъ послѣдніе, и потому или недавали имъ вовсе волостей, или давали такія, какими тѣ не могли быть довольны. Но если дядья считали для себя выгоднымъ отсутствіе отчиннаго права, то не могли находить для себя это выгоднымъ осиротѣлые племянники, которые, лишась преждевременною смертію отцевъ надежды на старшинство въ родѣ, хотѣли, по крайней мѣрѣ, достать то, чѣмъ владѣли отцы, или хотя другую, но болѣе или менѣе значительную волость, чтобъ небыть лишенными Русской земли. Такимъ образомъ мы видимъ, что первыя усобицы на Руси произошли отъ отсутствія отчиннаго права въ отдѣльныхъ волостяхъ, отъ стремленія осиротѣлыхъ Князей—изгоевъ установить это право, и отъ стремленія старшихъ недопустить до его установленія. Князьямъ изгоямъ легко было доискиваться волостей: Русь граничила съ степью, а въ степи скитались разноплеменныя варварскія орды, среди которыхъ легко было набрать войско обѣщаніемъ добычи; вотъ почему застепный Тмутаракань служитъ постояннымъ убѣжищемъ для изгоевъ, которые возвращаются оттуда съ дружинами отыскивать волостей.

Мы видѣли дѣятельность изгоя Ростислава, сына Владимірова; у него остались сыновья въ томъ же положеніи, слѣдовательно съ тѣми же стремленіями; мы видѣли судьбу изгоя—Бориса Вячеславича; у него, какъ видно, не было ни братьевъ, ни сыновей, но были сыновья у Игоря Ярославича—тоже из-

заняли Жирондисты, Лакостъ, Клавьеръ, Дюрантонъ, Серванъ, Дюмурье, и республиканецъ Роландъ. Войска двинулись къ границамъ. Генералъ Рошамбо, съ 40.000 войска, сталъ у Дюнкирхена, Лафайэтъ съ 45.000 далѣе на югъ до Вейссенбурга, Люкнеръ съ 35.000 по берегамъ Рейна, Монтескью прикрылъ границы Испаніи и Италіи. Видя вооруженіе Французовъ, Австрія и Пруссія также сдвинули войска къ границамъ. Послѣ перѣшительныхъ отвѣтовъ Императора въ началѣ 1792 года, Апрѣля 20 Людовикъ XVI въ засѣданіи Законодательнаго Собранія объявилъ войну Австріи. Еще прежде Авиньонъ, область въ южной Франціи, принадлежавшая Папѣ, отнята у него (въ Сентябрѣ 1791 года), и правители папскіе высланы.

Казавшаяся жертвою безначалія, позорищемъ бунтовъ, легкою добычею непріятелей, Франція вызывала на бой Европу «Европу,» повторяемъ, ибо смѣлость ея правителей оскорбила государей Европейскихъ и укрѣпила союзы ихъ. Положили дѣлиться послѣ, но воевать немедленно. Франція не довольствовалась объявленіемъ войны. Она подкрѣпила слова дѣломъ, и войска ея перешли за границы Фландріи и Италіи. Объявленіе войны воспламенило всѣхъ Французовъ и было встрѣчено народнымъ восторгомъ. Но если занятіе беззащитнаго Базеля обрадовало Французовъ, дѣла во Фландріи, казалось, осуществляли надежды на легкость успѣха непріятелей. Четырнадцать тысячь войска, предводимаго Дильономъ

нія, что Козары и Половцы могли сдѣлать это неиначе какъ съ согласія Императора, для котораго вѣроятно Русскіе изгои были также опасными сосѣдями: это ясно видно изъ судьбы Ростиславовой; очень вѣроятно, что заточеніе Олега произошло и не безъ вѣдома Всеволода, который воспользовался имъ, и послалъ въ Тмутаракань своего посадника Ратибора.

Но Тмутаракань не долго оставалась безъ изгоевъ; черезъ годъ бѣжали туда изъ Владимиро-Волынскихъ волостей сынъ Игоря Ярославича Давидъ, и сынъ извѣстнаго уже намъ Ростислава Владиміровича—Володарь; они выгнали Ратибора и сѣли въ Тмутаракани; но сидѣли недолго: черезъ годъ возвратился туда изъ изгнанія Олегъ, схватилъ Давида и Володаря, сѣлъ опять въ Тмутаракани, перебилъ Козаровъ, которые были совѣтниками на убіеніе Романа и на его собственное изгнаніе, а Давида и Володаря отпустилъ. Лишенные убѣжища въ Тмутаракани, эти Князья должны были думать о другихъ средствахъ какъ бы добыть себѣ волостей. Въ 1084 году Ростиславичи,[76] по словамъ лѣтописца, выбѣжали отъ Ярополка, слѣдовательно ясно, что они жили у него во Владимирѣ безъ волостей; выбѣжали, не сказано куда, потомъ возвратились съ войскомъ, и выгнали его изъ Владимира.[77] Съ кѣмъ возвратились Ростиславичи, откуда взяли дружину, какъ могли безземельные Князья выгнать Ярополка изъ его волости? На всѣ эти вопросы недаетъ отвѣта лѣтопись; но и ея краткія извѣстія могутъ показать намъ, какъ легко было тогда добывать дружину; ясно также, что Ростиславичи не могли выгнать Ярополка, не пріобрѣтя себѣ многочисленныхъ и сильныхъ приверженцевъ во Владимирѣ. Всеволодъ послалъ противъ Ростиславичей сына своего Мономаха, который прогналъ ихъ изъ Владимира и посадилъ здѣсь опять Ярополка. Въ лѣтописи объ этомъ сказано такъ, какъ будто бы все сдѣлалось вдругъ, но изъ собственныхъ словъ Мономаха видно, что борьба съ Ростиславичами кончилась не скоро, потому что онъ ходилъ къ Изяславичамъ за Микулинъ, въ нынѣшнюю Галицію и потомъ два раза ходилъ къ Ярополку на Броды, весною и зимою[78]. Счастливѣе Ростиславичей былъ Давидъ Игоревичь: онъ ушелъ съ своею дружиною въ Днѣпровскія устья, захватилъ

здѣсь Греческихъ купцовъ, отнялъ у нихъ всѣ товары; но отъ Греческой торговли зависѣло богатство и значеніе Кіева, слѣдовательно богатство казны великокняжеской, и вотъ Всеволодъ принужденъ былъ прекратить грабежи Давида обѣщаніемъ дать волость, и точно назначилъ ему Дорогобужъ[79] на Волыни. Но этимъ распоряженіемъ Всеволодъ не прекратилъ, а еще болѣе усилилъ княжескія распри: Ярополкъ Изяславичь, Князь Волынскій, въ отдачѣ Дорогобужа Давиду видѣлъ обиду себѣ, намѣреніе Всеволода уменьшить его волость, и потому началъ злобиться на Всеволода[80], собирать войско, по наущенью злыхъ совѣтниковъ, прибавляетъ лѣтописецъ[81]. Узнавъ объ этомъ, Всеволодъ послалъ противъ него сына своего Владиміра, и Ярополкъ, оставя мать въ Луцкѣ, бѣжалъ въ Польшу. Луцкъ сдался Мономаху, который захватилъ здѣсь мать, жену Ярополкову, дружину его и все имѣнье, а во Владимирѣ посадилъ Давида Игоревича. Вѣроятно въ это время Червенскіе города, область послѣдующаго Галицкаго княжества, были утверждены за Ростиславичами, потому что послѣ мы видимъ старшаго изъ нихъ Рюрика Княземъ въ Перемышлѣ; очень вѣроятно также, что эта область была отнята Ростиславичами у Поляковъ, союзниковъ Ярополковыхъ[83], не безъ согласія Всеволода. Но въ слѣдующемъ году Ярополкъ пришелъ изъ Польши, заключилъ миръ съ Мономахомъ и сѣлъ опять въ Владимирѣ; вѣроятно такому обороту дѣлъ много содѣйствовала прежняя дружба Мономахова къ Ярополку, благодарность стараго Всеволода къ отцу его Изяславу, и нежеланіе ссориться съ сыновьями послѣдняго, изъ которыхъ старшій долженъ былъ получить старшинство по смерти Всеволодовой. Ярополкъ однако не долго пользовался возвращенною волостію: посидѣвъ нѣсколько дней во Владимирѣ, онъ поѣхалъ въ Звенигородъ[84], одинъ изъ городовъ Галицкихъ; когда Князь дорогою лежалъ на возу, то какой-то Нерадецъ, какъ видно находившійся въ дружинѣ и ѣхавшій подлѣ на лошади, ударилъ его саблею; Ярополкъ приподнялся, вынулъ изъ себя саблю, и громко закричалъ: «охъ, этотъ врагъ меня покончилъ!» Нерадецъ бѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику Ростиславичу, а Ярополкъ умеръ отъ раны; отроки взяли его тѣло, и повезли сперва во Владимиръ, а потомъ въ

Кіевъ, гдѣ и погребли его въ церкви Св. Петра, которую самъ началъ строить. Въ Кіевѣ сильно плакали на похоронахъ Ярополка; лѣтописецъ также жалѣетъ объ этомъ Князѣ, говоритъ, что онъ много принялъ бѣдъ, безъ вины былъ изгнанъ братьями, обиженъ, разграбленъ, и наконецъ принялъ горькую смерть; былъ онъ, по словамъ лѣтописца, тихъ, кротокъ, смиренъ, братолюбивъ, давалъ каждый годъ десятину въ Богородичную Кіевскую церковь отъ всего своего имѣнія, и просилъ у Бога такой же смерти, какая постигла Бориса и Глѣба; Богъ услышалъ его молитву, заключаетъ лѣтописецъ. Эти слова прямо показываютъ, что въ смерти Ярополка былъ виноватъ кто-нибудь изъ родственниковъ, изъ братій; кто же именно? При описаніи убійства лѣтописецъ говоритъ объ этомъ глухо: Нерадецъ, по его словамъ, убилъ Ярополка, будучи наученъ отъ дьявола и отъ злыхъ людей; вспомнимъ сказанное нами прежде, что Ростиславичи могли овладѣть Владиміромъ только съ помощію приверженцевъ своихъ, слѣд. людей непріязненныхъ Ярополку; люди, желавшіе прежде его изгнанія, теперь не могли охотно видѣть его возстановленіе. Но убійца бѣжалъ къ Ростиславичу въ Перемышль: это одно обстоятельство могло заставить современниковъ сильно заподозрить Ростиславичей, если они и небыли совершенно убѣждены въ дѣйствительномъ участіи послѣднихъ въ дѣлѣ Нерадца; послѣ Давидъ Игоревичь прямо говорилъ, что Ярополкъ былъ убитъ Ростиславичами. Съ перваго разу кажется, что Ростиславичи или одинъ изъ нихъ, Рюрикъ, не имѣли достаточнаго основанія рѣшиться на подобное дѣло, скорѣе казалось бы можно было заподозрить Давида Игоревича, и по характеру послѣдняго, да и потому, что онъ больше всѣхъ терялъ съ возстановленіемъ Ярополка на Владимірскомъ столѣ. Но объ участіи Давида нѣтъ ни малѣйшаго намека въ лѣтописи; самъ Давидъ послѣ, говоря Святополку объ убіеніи брата его, не могъ выдумать объ участіи Ростиславичей и объявить объ этомъ Святополку за новость; если современники видѣли въ убійствѣ Ярополка братоубійство, то должны были кого-нибудь подозрѣвать—или Ростиславичей, или Давида; если подозрѣвали Давида, то и лѣтописецъ самъ, и Святополкъ Изяславичь, и Кіевляне на вѣчѣ,

и Князья на съѣздѣ непреминули бы упомянуть объ этомъ по случаю злодѣйства Давидова надъ Василькомъ; если же не подозрѣвали Давида, то должны были подозрѣвать Ростиславичей. Если лѣтописецъ не указываетъ прямо на послѣднихъ, то это можетъ доказываетъ только то, что у современниковъ не было достаточныхъ уликъ противъ нихъ; но не безъ намѣренія лѣтописецъ выставляетъ бѣгство Нерадца къ Рюрику въ Перемышль. Что касается до побужденій, то мы незнаемъ подробностей: знаемъ только-то, что Ростиславичи жили у Ярополка, пріобрѣли средства выгнать его изъ Владимира, но потомъ сами были выгнаны въ его пользу; здѣсь очень легко могло быть положено начало смертельной вражды; Ростиславичи могли думать, что никогда не будутъ безопасны въ своей волости, пока врагъ ихъ будетъ сидѣть во Владимирѣ; обратимъ вниманіе еще на одно обстоятельство: посидѣвши мало времени во Владимирѣ, Ярополкъ отправился къ Звенигороду; мы не знаемъ за чѣмъ предпринялъ онъ это путешествіе? мы не знаемъ еще, кому принадлежалъ въ это время Звѣнигородъ? очень вѣроятно, что Ростиславичамъ; очень вѣроятно, что выраженіе лѣтописца: «Иде Звѣнигороду» означаетъ походъ воинскій. Наконецъ, что касается до характера Рюрика Ростиславича, то мы знаемъ объ немъ только то, что онъ выгналъ Ярополка изъ Владимира, и потомъ принялъ къ себѣ его убійцу: эти два поступка нисколько не ручаются намъ за его нравственность[85].

Въ томъ же 1046 году Всеволодъ самъ предпринималъ походъ къ Перемышлю на Ростиславичей; походъ этотъ не могъ быть безъ связи съ предшествовавшими событіями; но съ Ростиславичами, какъ видно изъ послѣдующихъ событій, трудно было воевать; походъ кончился ничѣмъ, потому что Ростиславичи остались по прежнему въ своей волости[86]. Такъ кончились пока смуты на Волыни; но кромѣ этихъ смутъ и борьбы на востокѣ съ Святославичами, шла еще борьба со Всеславомъ Полоцкимъ. По принятіи Всеволодомъ старшинства, Всеславъ сжегъ Смоленскъ, т. е. пожегъ посады около крѣпости или города; Мономахъ изъ Чернигова погнался за нимъ наспѣхъ о двухъ коняхъ (т. е. дружина взяла съ собою по парѣ коней для перемѣны); но чародѣя Всеслава трудно было насти-

гнуть: Мономахъ не засталъ его подъ Смоленскомъ, и пошелъ по его слѣдамъ въ Полоцкую волость, повоевалъ и пожегъ землю[87]. Потомъ въ другой разъ пошелъ Мономахъ съ Черниговцами и Половцами къ Минску, нечаянно напалъ на городъ, и не оставилъ у него ни челядина, ни скотины, по его собственному выраженію.

Въ 1093 году умеръ послѣдній изъ Ярославичей, Всеволодъ, 64 лѣтъ. Лѣтописецъ говоритъ, что этотъ Князь былъ измлада боголюбивъ, любилъ правду, былъ милостивъ къ нищимъ, чтилъ епископовъ и священниковъ, но особенно любилъ монаховъ, давалъ имъ все потребное; былъ также воздерженъ, и за то любимъ отцемъ своимъ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что въ Кіевѣ Всеволоду было гораздо больше хлопотъ, чѣмъ въ Переяславлѣ; хлопоталъ онъ все съ племянниками, которые просили волостей: одинъ просилъ той, другой этой, онъ все ихъ мирилъ и раздавалъ волости. Къ этимъ заботамъ присоединились болѣзни, старость, и сталъ онъ любить молодыхъ, совѣтоваться съ ними, а молодые старались отдалять его отъ прежней, старой дружины, до людей перестала доходить княжая правда, тіуны начали грабить, брать несправедливо пени при судѣ; а Всеволодъ ничего этого не зналъ въ своихъ болѣзняхъ. — Намъ нѣтъ нужды разумѣть здѣсь подъ молодыми именно молодыхъ лѣтами: трудно предположить, что Всеволодъ, на старости лѣтъ, покинулъ своихъ ровесниковъ, и окружилъ себя юношами; если обратимъ вниманіе на послѣдующія явленія, то можемъ легче объяснить смыслъ словъ лѣтописца: подъ молодыми людьми разумѣются у него люди новые; новая дружина, приведенная изъ Переяславля и Чернигова противополагается дружинѣ первой; Князья, перемѣщаясь изъ одной волости въ другую, съ младшаго стола на старшій, приводили съ собою свою дружину, которую, разумѣется, предпочитали дружинѣ, найденной въ новомъ княжествѣ, оставшейся послѣ прежняго Князя; отсюда проистекала невыгода во первыхъ для народа, потому что пришлецы не соблюдали выгодъ чуждой для нихъ области, и старались наживаться на счетъ гражданъ; во-вторыхъ, для старыхъ бояръ, которыхъ пришлецы отстраняли отъ важныхъ должностей, отъ княжескаго расположенія, за-

ѣзжали ихъ, по мѣстническому позднѣйшему выраженію. Каково было грабительство тіуновъ княжескихъ при Всеволодѣ, свидѣтельствуютъ слова лучшихъ Кіевлянъ Святополку, что земля ихъ оскудѣла отъ рати и отъ продажъ. — Такъ сошло съ поприща первое поколѣніе Ярославичей: при первомъ уже изъ нихъ начались усобицы вслѣдствіе изгнанія осиротѣлыхъ племянниковъ, при первомъ уже изъ нихъ былъ нарушенъ порядокъ преемства, и это нарушеніе увеличило число изгоевъ и слѣдовательно усилило усобицы, жертвою которыхъ пало три Князя; переходы Князей изъ волости въ волость въ слѣдствіе родовыхъ счетовъ показали уже народу всю невыгоду такого порядка вещей, особенно въ княженіе Всеволода, когда новые дружинники раззорили Кіевскую землю; земля раззорялась также ратью, набѣги степныхъ варваровъ не прекращались, и въ челѣ Половцевъ народъ видѣлъ Русскихъ Князей, приходившихъ искать волостей въ Русской землѣ, которую безнаказанно пустошили ихъ союзники; начались тѣ времена, когда по землѣ сѣялись и росли усобицы, и въ княжихъ крамолахъ сокращался вѣкъ людской, когда въ Русской землѣ рѣдко слышались крики землѣдѣльцевъ, но часто каркали во́роны, дѣля себѣ трупы, часто говорили свою рѣчь галки, сбираясь летѣть на добычу[88].

Изъ внѣшнихъ отношеній на первомъ планѣ, какъ прежде, такъ и теперь, была борьба съ степными варварами, изъ которыхъ главное мѣсто занимали Половцы. Мы упоминали о войнахъ съ ними по поводу Княжескихъ усобицъ; но кромѣ того они часто набѣгали и безъ всякаго повода[89]. Въ удачныхъ битвахъ съ этими варварами за русскую землю началъ славиться и пріобрѣтать народную любовь сынъ Всеволода, знаменитый Мономахъ: 12 удачныхъ битвъ выдержалъ онъ съ Половцами въ одно княженіе отца своего; если Половцы помогали Русскимъ Князьямъ въ ихъ усобицахъ, за то и Мономахъ иногда ходилъ на варваровъ, ведя съ собою варваровъ же изъ другихъ племенъ[90]. Мы видѣли, что Ярославичи, свободные еще отъ усобицъ, нанесли сильное пораженіе Торкамъ, заставили часть ихъ поселиться въ предѣлахъ Руси, и признать свою зависимость отъ нея; но въ 1080 году Торки, поселенные около Пе-

реяславля и потому названные въ лѣтописи Переяславскими, вздумали возвратить себѣ независимость и заратились; Всеволодъ послалъ на нихъ сына своего Мономаха и тотъ побѣдилъ Торковъ. На сѣверѣ шла борьба съ Финскими и Литовскими племенами. Къ первымъ годамъ княженія Изяславова относится побѣда его надъ Голядами, слѣдовательно народонаселеніе нынѣшняго Можайскаго и Гжатскаго уѣздовъ не было еще подчинено до этого времени, и неудивительно: оно оставалось въ сторонѣ отъ главныхъ путей, по которымъ распространялись Русскія владѣнія[91]. Въ 1055 году Посадникъ Остромиръ ходилъ съ Новгородцами на Чудь и овладѣлъ тамъ городомъ Осекъ Декипивъ, т. е. Солнечная рука; въ 1060 году самъ Изяславъ ходилъ на Сосоловъ и заставилъ ихъ платить дань; но скоро они выгнали русскихъ сборщиковъ дани, пожгли городъ Юрьевъ и окольныя селенія до самаго Пскова; Псковичи и Новгородцы вышли къ нимъ на встрѣчу, сразились и потеряли 1000 человѣкъ, а Сосоловъ пало безчисленное множество. На сѣверо-востокѣ было враждебное столкновеніе съ Болгарами, которые въ 1088 году взяли Муромъ.

На западѣ Ростиславичи боролись съ Поляками; особенно въ этой борьбѣ сталъ знаменитъ третій братъ-Василько. Мы видѣли, что Болеславъ II-й Смѣлый, пользуясь смутами въ имперіи, умѣлъ возстановить прежнее значеніе Польши, которое потеряла она по смерти Болеслава I-го Храбраго; но, будучи счастливъ въ борьбѣ со внѣшними врагами, Болеславъ Смѣлый ни могъ осилить внутреннихъ: принятіе Королевскаго титула, стремленіе усилить свою власть на счетъ пановъ, строгіе поступки съ ними, умерщевленіе Краковскаго епископа Станислава, возбудили ненависть пановъ и духовенства, слѣдствіемъ чего было изгнаніе Болеслава Смѣлаго, и возведеніе на престолъ брата его, слабаго Владислава Германа. Владиславъ ввѣрился во всемъ Палатину Сецеху, который корыстолюбіемъ и насильственными поступками возбудилъ всеобщее негодованіе. Недовольные встали подъ предводительствомъ побочнаго сына Владиславова, Збигнѣва; въ эту усобицу вмѣшались Чехи, а съ другой стороны Владиславъ долженъ былъ вести упорную борьбу съ Поморскими Славянами. Легко понять, что при

такихъ обстоятельствахъ Польша нетолько не могла обнаружить своего влiянiя на дѣла Руси, но даже не могла съ успѣхомъ бороться противъ Василька Ростиславича, который съ Половцами пустошилъ ея области.

Мы разсмотрѣли внутреннiя и внѣшнiя отношенiя на Руси при первомъ поколѣнiи Ярославичей, видѣли дѣятельность Князей; въ заключенiе обратимъ вниманiе на другихъ дѣятелей, на мужей изъ дружины Княжеской, имена которыхъ кое-гдѣ попадаются въ лѣтописи. Прежде всего мы встрѣчаемъ имя Остромира, посадника Новгородскаго; сынъ его, Вышата убѣжалъ съ Ростиславомъ Владимiровичемъ въ Тмуторакань, объ немъ больше нѣтъ извѣстiй. Но вмѣстѣ съ Вышатою спутникомъ Ростислава названъ также какой-то Порѣй; Порѣй былъ убитъ на Сожицѣ противъ Половцевъ въ 1078 году; если это тотъ самый Порѣй, то значитъ, что по смерти Ростислава, онъ перешелъ въ дружину Всеволода. Мы видѣли, что въ 1067 году въ Кiевѣ при Изяславѣ былъ тысяцкимъ Коснячько, вѣроятно бѣжавшiй вмѣстѣ съ Изяславомъ; этотъ же Коснячько былъ съ Изяславомъ при установленiи Правды; со стороны Святослава, изъ Чернигова былъ при этомъ дѣлѣ Перенѣгъ, со стороны Всеволода изъ Переяславля Никифоръ; если Коснячько былъ тысяцкимъ въ Кiевѣ, то можемъ заключать, что Перенѣгъ имѣлъ въ то время такую же должность въ Черниговѣ, Никифоръ въ Переяславлѣ; если такъ, то любопытно, что для установленiя Правды собираются тысяцкiе, имѣвшiе близкое отношенiе къ городскому народонаселенiю. Не знаемъ, кто былъ тысяцкимъ въ Кiевѣ послѣ перваго возвращенiя Изяслава, при Святославѣ, и послѣ втораго возвращенiя Изяслава, но при Всеволодѣ (въ 1089 г.) эту должность занималъ Янъ, сынъ Вышаты, знаменитаго тысяцкаго во времена Ярослава; какъ видно, этотъ же самый Янъ ходилъ при Святославѣ за данью на сѣверъ. Потомъ мы встрѣчаемъ въ лѣтописи имена двухъ братьевъ Чудина и Тукы; имена указываютъ на Финское происхожденiе; Чудинъ послѣ перваго возвращенiя Изяславова держалъ Вышгородъ (1072 г.); Тукы является дѣйствующимъ во время перваго изгнанiя Изяславова, онъ совѣтовалъ Изяславу стеречь крѣпче Всеслава; изъ этого видно, какъ будто онъ

принадлежалъ къ дружинѣ Кіевскаго Князя; но потомъ, послѣ втораго возвращенія Изяславова, мы видимъ его въ дружинѣ Всеволода: онъ выходитъ вмѣстѣ съ этимъ Княземъ противъ Половцевъ и погибаетъ въ битвѣ при Сожицѣ, значитъ онъ перешелъ изъ дружины Изяслава въ дружину Всеволода; впрочемъ могло быть, что онъ явился дѣйствующимъ лицемъ въ означенномъ Кіевскомъ событіи, принадлежа къ дружинѣ Всеволода, который прибѣжалъ въ Кіевъ съ поля битвы вмѣстѣ съ Изяславомъ; въ такомъ случаѣ любопытно, что одинъ братъ служилъ Изяславу, а другой Всеволоду. Въ битвѣ при Сожицѣ былъ убитъ еще Иванъ Жирославичь, также мужъ изъ дружины Всеволода. При послѣднемъ, во время княженія его въ Кіевѣ, видимъ Ратибора, котораго онъ назначилъ посадникомъ въ Тмутаракань. Къ чьей дружинѣ принадлежалъ Бернъ, упоминаемый при перенесеніи мощей Св. Бориса и Глѣба—трудно рѣшить; вѣроятно къ дружинѣ Святослава Черниговскаго.

ГЛАВА III.

События при внукахъ Ярослава I-го.

(1093 – 1125).

Не прошло полвѣка по смерти Ярослава Стараго, какъ уже первое поколѣніе въ потомствѣ его смѣнилось вторымъ, сыновья внуками. Мы видѣли начало усобицъ при первомъ поколѣніи, видѣли ихъ причины въ стремленіи осиротѣлыхъ Князей добыть себѣ часть въ Русской землѣ, которой недавали имъ дядья; усобицы усилились, когда Изяславъ былъ изгнанъ братьями, когда, возвратившись по смерти Святослава, онъ отнялъ прежнія волости у сыновей послѣдняго, которые должны были искать убѣжища въ отдаленномъ Тмутаракани, и, если вѣрить нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ Муромѣ. Съ выступленіемъ на поприще внуковъ Ярославовыхъ, причины усобицъ оставались прежнія, и потому должно было ожидать тѣхъ же самыхъ явленій, какими ознаменовано и правленіе сыновей Ярославовыхъ.

Владиміръ Мономахъ[93] съ братомъ Ростиславомъ были въ Кіевѣ во время смерти и погребенія отца своего; лѣтописецъ говоритъ, что Мономахъ началъ размышлять: «если сяду на столѣ отца своего, то будетъ у меня война съ Святополкомъ, потому что этотъ столъ былъ прежде отца его»; и размысливъ, послалъ за Святополкомъ въ Туровъ, самъ пошелъ въ Черниговъ, а братъ его Ростиславъ въ Переяславль. Если Мономахъ единственнымъ препятствіемъ къ занятію Кіевскаго стола считалъ старшинство, права Святополка Изяславича, то ясно, что онъ не видалъ никакихъ другихъ препятствій, именно не предполагалъ препятствія со стороны гражданъ Кіевскихъ, былъ увѣренъ въ ихъ желаніи имѣть его своимъ Княземъ[94]. Нѣтъ

сомнѣнія, что уже и тогда Мономахъ успѣлъ пріобрѣсть народную любовь, которою онъ такъ славенъ въ нашей древней исторіи. Мономахъ вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, которые смотрятъ впередъ, разрушаютъ старое, удовлетворяютъ новымъ потребностямъ общества: это было лице съ характеромъ чисто охранительнымъ. Мономахъ не возвышался надъ понятіями своего вѣка, не шелъ на перекоръ имъ, не хотѣлъ измѣнить существующій порядокъ вещей: но личными доблестями, строгимъ исполненіемъ обязанностей прикрывалъ недостатки существующаго порядка, дѣлалъ его не только сноснымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворять его общественнымъ потребностямъ. Общество, взволнованное княжескими усобицами, столько потерпѣвшее отъ нихъ, требовало прежде всего отъ Князя, чтобъ онъ свято исполнялъ свои родственныя обязанности, не которовался (не спорилъ) съ братьею, мирилъ враждебныхъ родичей, вносилъ умными совѣтами нарядъ въ семью: и вотъ Мономахъ во время злой вражды между братьями умѣлъ заслужить названіе братолюбца. Для людей благочестивыхъ Мономахъ былъ образцомъ благочестія: по свидѣтельству современниковъ, всѣ дивились, какъ онъ исполнялъ обязанности, требуемыя церковію[95]. Для сдержанія главнаго зла, усобицъ, нужно было, чтобъ Князья соблюдали клятву, данную другъ другу: Мономахъ ни подъ какимъ предлогомъ не соглашался переступать крестнаго цѣлованія. Народъ испыталъ уже при другихъ Князьяхъ бѣдствіе отъ того, что людямъ не доходила княжая правда, тіуны и отроки грабили безъ вѣдома Князя: Мономахъ не давалъ сильнымъ обижать ни худаго смерда, ни убогой вдовицы, самъ оправливалъ (давалъ правду, судъ) людей. При грубости тогдашнихъ нравовъ, люди сильные не любили сдерживать своего гнѣва, при чемъ подвергнувшійся ему платилъ жизнію: Мономахъ наказывалъ дѣтямъ своимъ, чтобъ они не убивали ни праваго, ни виноватаго, не губили душъ христіанскихъ. Другіе Князья позволяли себѣ невоздержаніе: Мономахъ отличался цѣломудріемъ. Обществу сильно не нравилось въ Князѣ корыстолюбіе, съ неудовольствіемъ видѣли, что внуки и правнуки Св. Владиміра отступаютъ отъ правилъ этого Князя, копятъ богатство, сбирая

его съ тягостію для народа: Мономахъ и въ этомъ отношеніи былъ образцомъ добрыхъ Князей: съ ранней молодости рука его простиралась ко всѣмъ, по свидѣтельству современниковъ[96]; никогда не пряталъ онъ сокровищъ, никогда не считалъ денегъ, но раздавалъ ихъ обѣими руками, а между тѣмъ казна его была всегда полна, потому что при щедрости онъ былъ образцемъ добраго хозяина, не смотрѣлъ на служителей, самъ держалъ весь нарядъ въ домѣ. Больше всѣхъ современныхъ Князей Мономахъ напоминалъ прадѣда своего, ласковаго Князя Владиміра: «Если поѣдете куда по своимъ землямъ (наказываетъ Мономахъ дѣтямъ), не давайте отрокамъ обижать народъ ни въ селахъ, ни на полѣ, чтобъ васъ потомъ не кляли. Куда пойдете, гдѣ станете, напойте, накормите бѣдняка; больше всего чтите гостя, откуда бы къ вамъ не пришелъ, добрый или простой человѣкъ или посолъ: не можете одарить его, угостите хорошенько, напойте, накормите: гость по всѣмъ землямъ прославляетъ человѣка либо добрымъ, либо злымъ.» Что дѣтямъ наказывалъ, то и самъ дѣлалъ: позвавши гостей, самъ служилъ имъ, и когда они ѣли и пили досыта, онъ только смотрѣлъ на нихъ. Кромѣ усобицъ княжескихъ земля терпѣла отъ безпрестанныхъ нападеній Половцевъ: Мономахъ съ ранней молодости стоялъ на сторожѣ Русской земли, бился за нее съ погаными, пріобрѣлъ имя добраго страдальца (труженика) за Русскую землю по преимуществу. Въ тотъ вѣкъ народной юности богатырскіе подвиги Мономаха, его изумительная дѣятельность не могли не возбудить сильнаго сочувствія, особенно когда эти подвиги совершались на пользу землѣ. Большую часть жизни провелъ онъ внѣ дома, большую часть ночей проспалъ на сырой землѣ; однихъ дальнихъ путешествій совершилъ онъ 83; дома и въ дорогѣ, на войнѣ и на охотѣ дѣлалъ все самъ, не давалъ себѣ покою ни ночью ни днемъ, ни въ холодъ, ни въ жаръ; до свѣта поднимался онъ съ постели, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ думалъ съ дружиною, оправливалъ (судилъ) людей, ѣздилъ на охоту, или такъ куда-нибудь, въ полдень ложился спать, и потомъ снова начиналъ туже дѣятельность. Дитя своего вѣка, Мономахъ сколько любилъ пробовать свою богатырскую силу на Половцахъ, столько же любилъ про-

бовать ее и на дикихъ звѣряхъ, былъ страстный охотникъ: дикихъ коней въ пущахъ вязалъ живыхъ своими руками; туръ не разъ металъ его на рога, олень бодалъ, лось топтала ногами, вепрь на боку мечь оторвалъ, медвѣдь кусалъ, волкъ сваливалъ вмѣстѣ съ лошадью: «Не бѣгалъ я для сохраненія живота своего, не щадилъ головы своей», говоритъ онъ самъ: «Дѣти! не бойтесь ни рати, ни звѣря, дѣлайте мужеское дѣло; ничто не можетъ вамъ вредить, если Богъ не повелитъ; а отъ Бога будетъ смерть, такъ ни отецъ, ни мать, ни братья не отнимутъ; Божье блюденье лучше человѣческаго!» Но съ этою отвагою, удалью, ненасытною жаждою дѣятельности, въ Мономахѣ соединялся здравый смыслъ, смѣтливость, умѣнье смотрѣть на слѣдствіе дѣла, извлекать пользу; изъ всего можно замѣтить, что онъ былъ сынъ добраго Всеволода и вмѣстѣ сынъ царевны Греческой. Изъ родичей Мономаха были и другіе не менѣе храбрые Князья, не менѣе дѣятельные, какъ напр. чародѣй Всеславъ Полоцкій, Романъ и Олегъ Святославичи; но храбрость, дѣятельность Мономаха всегда совпадала съ пользою для Русской земли; народъ привыкъ къ этому явленію, привыкъ вѣрить въ доблести, благоразуміе, благонамѣренность Мономаха, привыкъ считать себя спокойнымъ за его щитомъ, и потому питалъ къ нему сильную привязанность, которую перенесъ и на все его потомство. Наконецъ послѣ личныхъ доблестей не безъ вліянія на уваженіе къ Мономаху было и то, что онъ происходилъ по матери отъ царской крови; особенно, какъ видно, это было важно для Митрополитовъ Грековъ[97], и вообще для духовенства.

Кіевляне должны были желать, чтобъ Мономахъ занялъ отцовское мѣсто; они могли желать этого тѣмъ болѣе, что Мономахъ былъ имъ хорошо извѣстенъ, и извѣстенъ съ самой лучшей стороны, тогда какъ Святополкъ Изяславичь жилъ постоянно на отдаленномъ сѣверѣ, и только недавно, по смерти брата своего Ярополка перешелъ изъ Новгорода въ Туровъ, безъ сомнѣнія для того, чтобъ быть поближе къ Кіеву, на случай скорой смерти Всеволода. Но мы видѣли причины, которыя заставляли Мономаха отказаться отъ старшаго стола: онъ опасался, что Святополкъ не откажется отъ своихъ правъ и бу-

детъ доискиваться ихъ оружіемъ; Мономахъ долженъ былъ хорошо знать, къ чему ведутъ подобныя нарушенія правъ; долженъ былъ также опасаться, что если Святополкъ будетъ грозить ему съ запада, то съ востока Святославичи также не оставятъ его въ покоѣ. Кіевляне не могли не уважить основаніе, на которомъ Владиміръ отрекся отъ ихъ стола, не могли не сочувствовать уваженію къ старшинству и притомъ не имѣли права отвергать Святополка, потому что еще не знали его характера, и когда онъ явился изъ Турова въ Кіевъ, по приглашенію Мономаха, то граждане вышли къ нему съ поклономъ, и приняли его съ радостію. Но радость ихъ не могла быть продолжительна: характеръ сына Изяславова представлялъ разительную противоположность съ характеромъ сына Всеволодова: Святополкъ былъ жестокъ, корыстолюбивъ и властолюбивъ безъ ума и твердости; сыновья его были похожи на отца. Кіевляне немедленно испытали неспособности своего новаго Князя[98]. Въ это время пошли Половцы на Русскую землю; услыхавши, что Всеволодъ умеръ, они отправили пословъ къ Святополку съ предложеніемъ мира, т. е. съ предложеніемъ купить у нихъ миръ: Мономахъ говоритъ дѣтямъ, что онъ въ свою жизнь заключилъ съ Половцами девятнадцать мировъ, при чемъ передавалъ имъ много своего скота и платья. Святополкъ, по словамъ лѣтописца, посовѣтовался при этомъ случаѣ не съ большею дружиною отца и дяди своего, т. е. не съ боярами Кіевскими, но съ тѣми, которые пришли съ нимъ, т. е. съ дружиною, которую онъ привелъ изъ Турова или вѣроятнѣе изъ Новгорода; мы видимъ здѣсь слѣдовательно опять ясную жалобу на заѣздъ старыхъ бояръ пришлою дружиною новаго Князя, явленіе необходимое при отсутствіи отчинности, наслѣдственности волостей; по совѣту своей дружины, Святополкъ велѣлъ посадить Половецкихъ пословъ въ тюрьму: или жалѣли скота и платья на покупку мира, или стыдились начать новое княженіе этою покупкою. Половцы, услыхавши о заключеніи пословъ своихъ, стали воевать, пришло ихъ много, и обступили Торческій городъ[99], т. е. городъ заселенный Торками. Святополкъ испугался, захотѣлъ мира, отпустилъ Половецкихъ пословъ, но уже теперь сами Половцы не хотѣли мира и продолжали воевать. Тогда

Святополкъ началъ собирать войско, умные люди говорили ему: «не выходи къ нимъ, мало у тебя войска»; онъ отвѣчалъ: «у меня 800 своихъ отроковъ, могутъ противъ нихъ стать»; несмысленные подстрекали его: «ступай Князь!» а смышленые говорили: «хотя бы ты пристроилъ и восемь тысячь, такъ и то было бы только въ пору, наша земля оскудѣла отъ рати и отъ продажъ; пошли-ка лучше къ брату своему Владиміру, чтобъ помогъ тебѣ.» Святополкъ послушался и послалъ къ Владиміру; тотъ собралъ войско свое, послалъ и къ брату Ростиславу въ Переяславль, веля ему помогать Святополку, а самъ пошелъ въ Кіевъ. Здѣсь, въ Михайловскомъ монастырѣ свидѣлся онъ съ Святополкомъ и начались у нихъ другъ съ другомъ распри да которы; смышленые мужи говорили имъ: «что вы тутъ спорите, а поганые губятъ Русскую землю; послѣ уладитесь, а теперь ступайте противъ поганыхъ, либо съ миромъ, либо съ войною.» Владиміръ хотѣлъ мира, а Святополкъ хотѣлъ рати; наконецъ уладились, поцѣловали крестъ, и пошли втроемъ — Святополкъ, Владиміръ и Ростиславъ къ Треполю[100]. Когда они пришли къ рѣкѣ Стугнѣ, то прежде чѣмъ переходить ее, созвали дружину на совѣтъ, и начали думать. Владиміръ говорилъ: «Врагъ грозенъ; остановимся здѣсь и будемъ съ нимъ мириться.» Къ совѣту этому пристали смышленые мужи, Янъ и другіе; но Кіевляне говорили: «хотимъ биться, пойдемъ на ту сторону рѣки;» они осилили и рать перешла рѣку, которая тогда сильно наводнилась. Святополкъ, Владиміръ и Ростиславъ, исполчивши дружину, пошли: на правой сторонѣ шелъ Святополкъ, на лѣвой Владиміръ, по серединѣ Ростиславъ; минули Треполь, прошли и валъ, и вотъ показались Половцы, съ стрѣльцами впереди. Наши стали между двумя валами, поставили стяги (знамена) и пустили стрѣльцовъ своихъ впередъ изъ валовъ, а Половцы подошли къ валу, поставили также стяги свои, налегли прежде всего на Святополка, и сломили отрядъ его. Святополкъ стоялъ крѣпко, но когда побѣжали люди, то побѣжалъ и онъ. Потомъ Половцы наступили на Владиміра; была у нихъ брань лютая; наконецъ побѣжалъ и Владиміръ съ Ростиславомъ; прибѣжавъ къ рѣкѣ Стугнѣ, стали переправляться въ бродъ, и при этой переправѣ Ростиславъ утонулъ передъ глазами брата, ко-

торый хотѣлъ было подхватить его, но едва самъ не утонулъ; потерявши брата и почти всю дружину, печальный Владиміръ пришелъ въ Черниговъ, а Святополкъ сперва вбѣжалъ въ Треполь, затворился, пробылъ тутъ до вечера, и ночью пришелъ въ Кіевъ. Половцы, видя, что одолѣли, пустились воевать по всей землѣ, а другіе возвратились къ Торческому городу. Торки противились, боролись крѣпко изъ города, убивали много Половцевъ; но тѣ не переставали налегать, отнимали воду, и начали изнемогать люди въ городѣ отъ голода и жажды; тогда Торки послали сказать Святополку: «если не пришлешь хлѣба, то сдадимся»; Святополкъ послалъ, но обозу нельзя было прокрасться въ городъ отъ Половцевъ. Девять недѣль стояли они подъ Торческомъ, наконецъ раздѣлились: одни остались продолжать осаду, а другіе пошли къ Кіеву; Святополкъ вышелъ противъ нихъ на рѣку Желань[101]; полки сошлись, и опять Русскіе побѣжали; здѣсь погибло ихъ еще больше, чѣмъ у Треполя; Святополкъ пришелъ въ Кіевъ самъ третей только, а Половцы возвратились къ Торческу. Лукавые сыны Измаиловы, говоритъ лѣтописецъ, жгли села и гумна, и много церквей запалили огнемъ, жителей били, оставшихся въ живыхъ мучили, уводили въ плѣнъ; города и села опустѣли, на поляхъ, гдѣ прежде паслись стада коней, овецъ и воловъ, теперь все стало пусто, нивы поросли — на нихъ живутъ звѣри. Когда Половцы съ побѣдою возвратились къ Торческу, то жители, изнемогши отъ голода, сдались имъ. Половцы, взявши городъ, запалили его, а жителей, раздѣливши, повели въ вежи къ сердоболямъ и сродникамъ своимъ, по выраженію лѣтописца. Печальные, изнуренные голодомъ и жаждою, съ осунувшимися лицами, почернѣвшимъ тѣломъ, нагіе, босые, исколотые терновникомъ, шли Русскіе плѣнники въ степи, со слезами разсказывая другъ другу, откуда кто родомъ — изъ какого города или изъ какой веси.

Святополкъ, видя, что нельзя ничего взять силою, помирился съ Половцами, разумѣется, заплативши имъ сколько хотѣли, и женился на дочери хана ихъ Тугоркана. Но въ томъ же 1094 году Половцы явились опять, и на этотъ разъ ими предводительствовалъ Олегъ Святославичь изъ Тмутаракани: жестокое по-

раженіе, потерпѣнное двоюродными братьями въ прошломъ году отъ Половцевъ, дало Олегу надежду получить не только часть въ Русской землѣ, но и всѣ отцовскія волости, на которыя онъ съ братьями имѣлъ полное право: внуки Ярослава находились теперь другъ къ другу по роду и слѣдовательно по волостямъ, точно въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находились прежде сыновья, а считать себя изгоемъ Олегъ не хотѣлъ. Онъ пришелъ къ Чернигову, гдѣ осадилъ Мономаха въ острогѣ; окрестности города, монастыри были выжжены; восемь дней билась съ Половцами дружина Мономахова, и не пустила ихъ въ острогъ; наконецъ Мономахъ пожалѣлъ христіанской крови, горящихъ селъ, монастырей, сказалъ: «не хвалиться поганымъ» и отдалъ Олегу Черниговъ, столъ отца его, а самъ пошелъ на столъ своего отца въ Переяславль. Такъ описываетъ самъ Мономахъ свои побужденія; намъ трудно рѣшить, на сколько присоединялся къ нимъ еще расчетъ на невозможность долгаго сопротивленія съ маленькою дружиною, въ которой, по выѣздѣ его изъ Чернигова, не было и ста человѣкъ, считая вмѣстѣ съ женами и дѣтьми; мы видѣли, что большую часть дружины потерялъ онъ въ битвѣ при Стугнѣ, гдѣ пали всѣ его бояре, попавшихся въ плѣнъ онъ послѣ выкупилъ[102], но ихъ было, какъ видно, очень мало. Съ этою-то небольшою дружиною ѣхалъ Мономахъ изъ Чернигова въ Переяславль черезъ полки Половецкіе; варвары облизывались на нихъ какъ волки, говоритъ самъ Мономахъ, но напасть не смѣли. Олегъ сѣлъ въ Черниговѣ, а Половцы пустошили окрестную страну: Князь не противился, онъ самъ велѣлъ имъ воевать, ибо другимъ нечѣмъ ему было заплатить союзникамъ, доставившимъ ему отцовскую волость. Это уже въ третій разъ, говоритъ лѣтописецъ, навелъ онъ поганыхъ на Русскую землю; прости Господи ему этотъ грѣхъ, потому что много христіанъ было погублено, а другіе взяты въ плѣнъ и расточены по разнымъ землямъ. На Руси Олегу этого не простили, и сколько любили Мономаха, какъ добраго страдальца за Русскую землю, защищавшаго ее отъ поганыхъ, столько же не любили Олега, опустошавшаго ее съ Половцами; видѣли гибельныя слѣдствія войнъ Олеговыхъ, забыли обиду ему нанесенную, забыли, что онъ принужденъ былъ самъ до-

бывать себѣ отцовское мѣсто, на которое не пускали его двоюродные братья[103].

Незавидно было житье Мономаха въ Переяславлѣ: три лѣта и три зимы, говоритъ онъ, прожилъ я въ Переяславлѣ съ дружиною, и много бѣдъ натерпѣлись мы отъ рати и отъ голода. Половцы непереставали нападать на Переяславкую волость, и безъ того уже раззоренную; Мономаху удалось разъ побить ихъ, и взять плѣнниковъ[104]; въ 1095 году пришли къ нему два Половецкихъ Хана, Итларь и Китанъ на миръ, т. е. торговаться, много ли Переяславскій Князь дастъ за этотъ миръ; Итларь съ лучшими людьми вошелъ въ городъ, а Китанъ сталъ съ войскомъ между валами, и Владиміръ отдалъ ему сына своего Святослава въ заложники за безопасность Итлара, который стоялъ въ домѣ бояриа Ратибора. Въ это время пришелъ къ Владиміру изъ Кіева отъ Святополка бояринъ Славата за какимъ-то дѣломъ; Славата подучилъ[105] Ратибора и его родню[106] пойти къ Мономаху и убѣдить его согласиться на убійство Итларя. Владиміръ отвѣчалъ имъ: «Какъ могу я это сдѣлать, давши имъ клятву?« Тѣ сказали ему на это: «Князь! не будетъ на тебѣ грѣха, Половцы всегда даютъ тебѣ клятву, и все губятъ Русскую землю,— льютъ кровь Христіанскую.» Владиміръ послушался, и ночью послалъ отрядъ дружины и Торковъ къ валамъ: они выкрали сперва Святослава, а потомъ перебили Китана и всю дружину его. Это было въ субботу вечеромъ, Итларь почевалъ на дворѣ Ратиборовомъ, и не зналъ, что сдѣлалось съ Китаномъ; на другой день въ воскресенье, рано утромъ, Ратиборъ приготовилъ вооруженныхъ отроковъ, и велѣлъ имъ вытопить избу, а Владиміръ прислалъ отрока своего сказать Итларю и дружинѣ его: «Обувшись и позавтракавши въ теплой избѣ у Ратибора, пріѣзжайте ко мнѣ.» Итларь отвѣчалъ: «хорошо!» Половцы вошли въ избу и были тамъ заперты; а между тѣмъ Ратиборовцы влѣзли на крышку, проломали ее, и Ольбегъ Ратиборовичь, натянувъ лукъ, ударилъ Итларя стрѣлою прямо въ сердце; перестрѣляли и всю дружину его. Тогда Святополкъ и Владиміръ послали въ Черниговъ къ Олегу звать его съ собою вмѣстѣ на Половцевъ; Олегъ обѣщался идти съ ними и пошелъ, но не вмѣстѣ: ясно было, что онъ не довѣрялъ имъ[107]; быть мо-

жетъ, поступокъ съ Итларемъ былъ одною изъ причинъ этого недовѣрія. Святополкъ и Владиміръ пошли къ Половцамъ на вежи, взяли ихъ, поплѣнили скотъ, лошадей, верблюдовъ, рабовъ, и привели ихъ въ свою землю[108]. Недовѣріе Олега сильно разсердило двоюродныхъ братьевъ; послѣ похода они послали сказать ему: «ты не шелъ съ нами на поганыхъ, которые сгубили Русскую землю; а вотъ теперь у тебя сынъ Итларевъ; убей его, либо отдай намъ: онъ врагъ Русской землѣ.» Олегъ не послушался, и встала между ними ненависть. Вѣроятно въ связи съ этими событіями было движеніе на сѣверѣ брата Олегова, Давида, о которомъ до сихъ поръ дошедшіе до насъ списки лѣтописи ничего не говорили; только въ сводѣ лѣтописей Татищева читаемъ, что остальные Святославичи при Всеволодѣ имѣли волость въ Муромѣ — извѣстіе очень вѣроятное; по смерти же Всеволода, какъ видно, Мономахъ принужденъ былъ отречься не отъ одного Чернигова въ пользу Олега, но долженъ былъ уступить также и Смоленскъ Давиду. Въ концѣ 1095 года, когда загорѣлась снова вражда между Олегомъ и двоюродными братьями его, Святополкомъ и Владиміромъ, послѣдніе отправились къ Смоленску, вывели оттуда Давида, и дали ему Новгородъ[109], откуда сынъ Мономаха Мстиславъ, посаженный дѣдомъ Всеволодомъ еще по удаленіи Святополка, былъ переведенъ въ Ростовъ: вѣроятно они не хотѣли, чтобъ волости Святославичей соприкасались другъ съ другомъ, причемъ братья могли легко дѣйствовать соединенными силами: въ Смоленской волости, которая должна была раздѣлять волости Святославичей, Святополкъ и Владиміръ должны были посадить кого-нибудь изъ своихъ, и вотъ есть извѣстіе, что Владиміръ посадилъ здѣсь сына своего Изяслава[110]. Но Давидъ, можетъ быть по соглашенію съ братомъ, не долго жилъ въ Новгородѣ, и отправился опять въ Смоленскъ, впрочемъ, какъ видно, съ тѣмъ, чтобъ оставить и Новгородъ за собою же, потому что когда Новгородцы, въ его отсутствіе, послали въ Ростовъ за Мстиславомъ Владиміровичемъ, и посадили его у себя, то Давидъ немедленно выступилъ опять изъ Смоленска къ Новгороду; но на этотъ разъ Новгородцы послали сказать ему: «не ходи къ намъ», и онъ принужденъ былъ возвратиться съ до-

роги опять въ Смоленскъ. Изгнанный имъ отсюда Изяславъ бросился на волости Святославичей, сперва на Курскъ, а потомъ на Муромъ, гдѣ схватилъ посадника Олегова, и утвердился съ согласія граждапъ. Въ слѣдующемъ 1096 году Святополкъ и Владиміръ послали сказать Олегу: «пріѣзжай въ Кіевъ, урядимся о Русской землѣ, предъ епископами, игуменами, мужами отцевъ нашихъ, и людьми городскими, чтобъ послѣ намъ можно было сообща оборонять Русскую землю отъ поганыхъ.» Олегъ велѣлъ отвѣчать: «Не пойду на судъ къ епископамъ, игуменамъ да смердамъ.» Если прежде онъ боялся идти въ походъ вмѣстѣ съ братьями, то могъ ли онъ рѣшиться ѣхать въ Кіевъ, гдѣ зналъ, что духовенство, дружина и граждане дурно расположены къ нему? могъ ли онъ отдать свое дѣло на ихъ рѣшеніе? При томъ Князь, который привыкъ полагаться во всемъ на одинъ свой мечь, имъ доставать себѣ управу, считалъ унизительнымъ идти на судъ предъ духовенство и простыхъ людей. Какъ бы то ни было, гордый отвѣтъ Олега возбудилъ къ нему еще сильнѣйшее нерасположеніе въ Кіевѣ: лѣтописецъ сильно укоряетъ Черниговскаго Князя за смыслъ буйный, за слова величавыя, укоряетъ и злыхъ совѣтниковъ Олега. Святополкъ и Владиміръ послали послѣ этого объявить ему войну. «Ты нейдешь съ нами на поганыхъ, велѣли они сказать ему, нейдешь къ намъ на совѣтъ: значитъ мыслишь на насъ недоброе и поганымъ помогать хочешь: пусть же Богъ разсудитъ насъ!» Князья выступили противъ Олега къ Чернигову; Святославичь выбѣжалъ передъ ними и заперся въ Стародубѣ, вѣроятно для того, чтобы быть ближе къ братнимъ волостямъ и получить оттуда скорѣе помощь. Святополкъ и Владиміръ осадили Стародубъ, и стояли подъ нимъ 33 дня; приступы были сильные, но изъ города крѣпко отбивались; наконецъ осажденные изнемогли; Олегъ вышелъ изъ города, запросилъ мира, и получилъ его отъ братьевъ, которые сказали ему: «ступай къ брату своему Давыду, и пріѣзжайте оба вмѣстѣ въ Кіевъ, къ столу отцовъ и дѣдовъ нашихъ, то старшій городъ во всей землѣ, въ немъ слѣдуетъ собираться намъ и улаживаться.» Олегъ обѣщался пріѣхать, цѣловалъ крестъ и отправился изъ Стародуба въ Смоленскъ, но Смоля-

не не захотѣли принять его, и онъ принужденъ былъ ѣхать въ Рязань. Видя, что Святославичи не думаютъ пріѣзжать въ Кіевъ на уряженіе, Святополкъ съ Владиміромъ пошли къ Смоленску на Давида, но помирились съ нимъ, а между тѣмъ Олегъ съ Давыдовыми полками пошелъ изъ Рязани къ Мурому на Изяслава, сына Мономахова. Изяславъ, узнавши что Олегъ идетъ на него, послалъ за Суздальцами, Ростовцами, Бѣлозерцами, и собралъ много войска. Олегъ послалъ сказать ему: «ступай въ волость отца своего, въ Ростовъ, а это волость моего отца, хочу здѣсь сѣсть, и урядиться съ твоимъ отцемъ; онъ выгналъ меня изъ отцовскаго города, а ты неужели и здѣсь не хочешь дать мнѣ моего же хлѣба?»[111] Изяславъ не послушался его, надѣясь на множество войска; Олегъ же, прибавляетъ лѣтописецъ, надѣялся на свою правду, потому что былъ онъ теперь правъ. Это замѣчаніе лѣтописца очень любопытно: Олегъ лишился Чернигова и Мурома въ слѣдствіе войны, которую начали противъ него двоюродные братья, слѣд. по понятіямъ современниковъ, самая война была несправедлива: въ противномъ случаѣ лѣтописецъ не оправилъ бы Олега, потому что тогда отнятіе волости было бы только достойнымъ наказаніемъ за его неправду. Передъ стѣнами Мурома произошла битва между Олегомъ и Изяславомъ; въ лютой сѣчи Изяславъ былъ убитъ, войско его разбѣжалось — кто въ лѣсъ, кто въ городъ. Олегъ вошелъ въ Муромъ, былъ принятъ гражданами, перехваталъ Ростовцевъ, Бѣлозерцовъ, Суздальцевъ, поковалъ ихъ, и устремился на Суздаль; Суздальцы сдались; Олегъ усмирилъ городъ: однихъ жителей взялъ въ плѣнъ, другихъ разсѣялъ по разнымъ мѣстамъ, имѣнье у нихъ отнялъ. Изъ Суздаля пошелъ къ Ростову: и Ростовцы сдались; такимъ образомъ онъ захватилъ всю землю Муромскую и Ростовскую, посажалъ посадниковъ по городамъ и началъ брать дани. Въ это время пришелъ къ нему посолъ отъ Мстислава Владиміровича изъ Новгорода: «ступай изъ Суздаля въ Муромъ, велѣлъ сказать ему Мстиславъ, въ чужой волости не сиди; а я съ дружиною пошлемъ къ отцу моему, и помирю тебя съ нимъ; хотя ты и брата моего убилъ — что же дѣлать! въ битвахъ и цари и бояре погибаютъ.» Олегъ не захотѣлъ мириться, онъ думалъ

взять и Новгородъ, и послалъ брата своего Ярослава въ сторожахъ, на рѣку Медвѣдицу, а самъ сталъ на полѣ у Ростова. Мстиславъ, посовѣтовавшись съ Новгородцами, послалъ отъ себя въ сторожахъ Добрыню Рагуйловича, который прежде всего перехваталъ Олеговыхъ данниковъ (сборщиковъ дани). Когда Ярославъ узналъ, что данники перехвачены, то въ ту же ночь бросился бѣжать къ Олегу съ извѣстіемъ, что Мстиславъ идетъ. Олегъ отступилъ къ Ростову, Мстиславъ за нимъ; Олегъ двинулся къ Суздалю, Мстиславъ пошелъ за нимъ и туда; Олегъ зажегъ Суздаль, и побѣжалъ къ Мурому; Мстиславъ пришелъ въ Суздаль, и, остановившись здѣсь, послалъ опять съ миромъ къ Олегу, велѣлъ сказать ему: «я моложе тебя; пересылайся съ отцемъ моимъ, да выпусти дружину, а я во всемъ тебя послушаю.» Причина такой скромности со стороны Мстислава заключалась въ томъ, что онъ былъ крестный сынъ Олегу. Послѣдній видѣлъ, что ему трудно одолѣть Мстислава силою, и потому рѣшился дѣйствовать хитростію: послалъ къ Мстиславу съ мирнымъ отвѣтомъ, и когда тотъ, понадѣявшись на миръ, распустилъ дружину по селамъ, Олегъ неожиданно явился на Клязьмѣ; Мстиславъ обѣдалъ въ то время, когда ему дали знать о приближеніи Олега, который думалъ, что племянникъ, застигнутый въ росплохъ, побѣжитъ; однако Мстиславъ не побѣжалъ: къ нему въ два дня собралась дружина—Новгородцы, Ростовцы и Бѣлозерцы; онъ выстроилъ ее передъ городомъ, и когда явился Олегъ, то ни тотъ, ни другой не хотѣли начать нападеніе, и стояли другъ передъ другомъ четыре дня, а между тѣмъ Мономахъ прислалъ на помощь къ Мстиславу другаго сына своего, Вячеслава съ Половцами. На пятый день Олегъ выстроилъ дружину и двинулся къ городу; Мстиславъ пошелъ къ нему на встрѣчу, и отдавъ стягъ (знамя) Мономаховъ Половчину Кунуя, отдалъ ему также пѣшій полкъ и поставилъ его на правомъ крылѣ. Сошлись биться: полкъ Олеговъ противъ полка Мстиславова, полкъ Ярославовъ противъ полка Вячеславова. Мстиславъ съ Новгородцами перешелъ пожаръ, схватился съ врагами на рѣкѣ Колакчѣ и началъ одолѣвать, а между тѣмъ Куну́й съ пѣшими зашелъ въ тылъ Олегу и поднялъ стягъ Владиміровъ: ужасъ напалъ тогда на Олега и на все войско

его, которое бросилось бѣжать. Олегъ прибѣжалъ въ Муромъ, затворилъ здѣсь брата Ярослава, а самъ пошелъ въ Рязань. Мстиславъ по его слѣдамъ пришелъ къ Мурому, заключилъ миръ съ жителями, взялъ своихъ людей, Ростовцевъ и Суздальцевъ, захваченныхъ прежде Олегомъ, и пошелъ на послѣдняго къ Рязани; Олегъ выбѣжалъ и отсюда, а Мстиславъ договорился и съ Рязанцами, которые выдали ему также плѣнниковъ. Изъ Рязани послалъ онъ въ третій разъ къ Олегу съ мирными предложеніями: «Не бѣгай, но шли къ братьи съ просьбою о мирѣ, не лишать тебя Русской земли, а я пошлю къ отцу своему просить за тебя.» Олегъ обѣщалъ послушаться его; Мстиславъ возвратился къ Суздалю, оттуда въ Новгородъ, и точно послалъ къ Мономаху просить за своего крестнаго отца. Мономахъ, получивъ письмо отъ сына, написалъ къ Олегу: «Пишу къ тебѣ, потому что принудилъ меня къ тому сынъ твой крестный, прислалъ ко мнѣ мужа своего и грамоту; пишетъ: уладимся и помиримся, а братцу моему судъ пришелъ, не будемъ за него местники, но положимся во всемъ на Бога, они станутъ на судъ передъ Богомъ, а мы Русской земли не погубимъ. Увидавъ такое смиреніе сына своего, я умилился и устрашился Бога, подумалъ: сынъ мой въ юности своей и въ безуміи такъ смиряется, на Бога все возлагаетъ; а я что дѣлаю? грѣшный я человѣкъ, грѣшнѣе всѣхъ людей! послушался я сына своего, написалъ къ тебѣ грамоту: примешь ли ее добромъ или съ поруганьемъ—увижу по твоей грамотѣ. Я первый написалъ къ тебѣ, ожидая отъ тебя смиренья и покаянья. Господь нашъ не человѣкъ, а Богъ всей вселенной, что хочетъ — все творитъ въ мгновенье ока, а претерпѣлъ же хулѣнье, и плеванье, и ударенье, и на смерть отдался, владѣя животомъ и смертью; а мы что люди грѣшные? нынѣ живы, а завтра мертвы, нынѣ въ славѣ и въ чести, а завтра въ гробѣ и безъ памяти, другіе раздѣлятъ по себѣ собранное нами. Посмотри, братъ, на отцевъ нашихъ: много ли взяли съ собою, кромѣ того что сдѣлали для своей души? Тебѣ бы слѣдовало, братъ, прежде всего прислать ко мнѣ съ такими словами. Когда убили дитя мое и твое[112] предъ тобою, когда ты увидалъ кровь его и тѣло увянувшее, какъ цвѣтокъ только что распустившійся, какъ агнеца

заколеннаго, подумать бы тебѣ, стоя надъ нимъ: «увы, что я сдѣлалъ! для неправды свѣта сего суетнаго взялъ грѣхъ на душу, отцу и матери причинилъ слезы: сказать бы тебѣ было тогда по Давыдовски: азъ знаю грѣхъ мой, предо мною есть выну! Богу бы тебѣ тогда покаяться, а ко мнѣ написать грамоту утѣшную, да сноху прислать, потому что она ни въ чемъ не виновата, ни въ добрѣ, ни въ злѣ: обнялъ бы я ее и оплакалъ мужа ея и свадьбу ихъ вмѣсто пѣсенъ брачныхъ: не видалъ я ихъ первой радости, ни вѣнчанья, за грѣхъ мой; ради Бога пусти ее ко мнѣ скорѣе, пусть сидитъ у меня какъ горлица на сухомъ деревѣ жалуючись, а меня Богъ утѣшитъ. Такимъ ужъ видно путемъ пошли дѣти отцевъ нашихъ: судъ ему отъ Бога пришелъ. Если бы ты тогда сдѣлалъ по своей воли, Муромъ взялъ бы, а Ростова не занималъ, и послалъ ко мнѣ, то мы уладились бы; но разсуди самъ: мнѣ ли было первому къ тебѣ посылать, или тебѣ ко мнѣ; а что ты говорилъ сыну моему: «шли къ отцу,» такъ я десять разъ посылалъ. Удивительно ли, что мужъ умеръ на рати, умирали такъ и прежде наши родичи: не искать было ему чужаго, и меня въ стыдъ и въ печаль не вводить[113]: это научили его отроки, для своей корысти, а ему на гибель. Захочешь покаяться предъ Богомъ, и со мною помириться, то напиши грамоту съ правдою и пришли съ нею посла или попа: такъ и волость возьмешь добромъ, и наше сердце обратишь къ себѣ, и лучше будемъ жить, чѣмъ прежде: я тебѣ ни врагъ, ни местникъ. Не хотѣлъ я видѣть твоей крови у Стародуба; но не дай мнѣ Богъ видѣть крови и отъ твоей руки, и ни отъ котораго брата, по своему попущенію; если я лгу, то Богъ меня вѣдаетъ и крестъ честной. Если тотъ мой грѣхъ, что ходилъ на тебя къ Чернигову за дружбу твою съ погаными, то каюсь. Теперь подлѣ тебя сидитъ сынъ твой крестный съ малымъ братомъ своимъ, ѣдятъ хлѣбъ дѣдовскій[114], а ты сидишь въ своей волости: такъ рядись, если хочешь, а если хочешь ихъ убить, они въ твоей волѣ, а я не хочу лиха, добра хочу братьи и Русской землѣ. Что ты хочешь теперь взять насильемъ, то мы смиловавшись давали тебѣ и у Стародуба, отчину твою[115]; Богъ свидѣтель, что мы рядились съ братомъ твоимъ, да онъ не можетъ рядиться

безъ тебя; мы не сдѣлали ничего дурнаго, но сказали ему: посылай къ брату, пока не уладимся; если же кто изъ васъ не хочетъ добра и мира христіанамъ, то пусть душа его на томъ свѣтѣ не увидитъ мира отъ Бога. Я къ тебѣ пишу не по нуждѣ: нѣтъ мнѣ никакой бѣды, пишу тебѣ для Бога, потому что мнѣ своя душа дороже цѣлаго свѣта.»

Изъ этого письма видно, что Мономахъ первый писалъ къ Олегу. Крайность, до которой былъ доведенъ послѣдній оружіемъ Мстислава и смыслъ письма Мономахова должны были наконецъ показать Олегу необходимость искренно сблизиться съ двоюродными братьями, и вотъ въ 1097 г. Князья: Святополкъ, Владиміръ, Давидъ Игоревичь, Василько Ростиславичь, Давидъ Святославичь и братъ его Олегъ съѣхались на устроенье мира въ городѣ Любечи, слѣд. въ Черниговской волости, по ту сторону Днѣпра: быть можетъ, это была новая уступка подозрительности Олеговой. Князья говорили: «за чѣмъ губимъ Русскую землю, поднимая сами на себя вражду? а Половцы землю нашу несутъ розно, и ради, что между нами идутъ усобицы; теперь же съ этихъ поръ станемъ жить въ одно сердце и блюсти Русскую землю.» Кромѣ Василька Ростиславича сидѣли все двоюродные братья, внуки Ярославовы; урядиться имъ было легко, стоило только раздѣлить между собою волости точно также, какъ они были раздѣлены между ихъ отцами, которыхъ мѣста они теперь занимали; вся вражда пошла оттого, что Святославичамъ не дали тѣхъ волостей, какими они имѣли полное право владѣть по своему положенію въ родѣ, какъ сыновья втораго Ярославича. И вотъ Князья объявили, что пусть каждое племя (линія) держитъ отчину свою: Святополкъ-Кіевъ вмѣстѣ съ тою волостію, которая и значала и до сихъ поръ принадлежала его племени, съ Туровомъ; Владиміръ получилъ всѣ волости Всеволодовы, т. е. Переяславль, Смоленскъ, Ростовскую область, Новгородъ также остался за сыномъ его Мстиславомъ; Святославичи-Олегъ, Давидъ и Ярославъ-Черниговскую волость; теперь остались изгои-Давидъ Игоревичь и Ростиславичи: относительно ихъ положено было держаться распоряженій Великаго Князя Всеволода, за Давидомъ оставить Владиміръ Волынскій, за Володаремъ Ростиславичемъ Пе-

ремышль, за Василькомъ-Теребовль. Уладившись, Князья цѣловали крестъ: «Если теперь кто-нибудь изъ насъ подниметcя на другаго, говорили они, то мы всѣ встанемъ на зачинщика и крестъ честной будетъ на него же; всѣ повторяли: «Крестъ честной на него и вся земля Русская.» Послѣ этого Князья поцѣловались и разъѣхались по домамъ.

Мы видѣли, что отсутствіе отчинности, непосредственной наслѣдственности волостей было главною причиною усобицъ, возникшихъ при первомъ поколѣніи Ярославичей и продолжавшихся при второмъ; на Любецкомъ съѣздѣ Князья отстранили эту главную причину, стараясь ввести каждаго родича во владѣніе тѣми волостями, которыя при первомъ поколѣніи принадлежали отцу его. И точно борьба на востокѣ съ Святославичами за волость Черниговскую прекратилась Любецкимъ съѣздомъ; но не кончилась борьба на западѣ, на Волыни; тамъ сидѣли вмѣстѣ изгои — Ростиславичи и Давидъ Игоревичь; младшій изъ Ростиславичей, Василько, Князь Теребовльскій отличался необыкновенно предпріимчивымъ духомъ; онъ уже былъ извѣстенъ своими войнами съ Польшею, на опустошеніе которой водилъ Половцевъ; теперь онъ затѣвалъ новые походы: на его зовъ шли къ нему толпы Берендѣевъ, Печенѣговъ, Торковъ, онъ хотѣлъ идти съ ними на Польшу, завоевать ее и отомстить ей за Русскую землю, за походы обоихъ Болеславовъ; потомъ хотѣлъ идти на Болгаръ Дунайскихъ, и заставить ихъ переселиться на Русь; наконецъ хотѣлъ идти на Половцевъ, и либо найти себѣ славу, либо голову свою сложить за Русскую землю. Понятно, что сосѣдство такого Князя не могло нравиться Давиду, особенно когда послѣдній не зналъ настоящихъ намѣреній Василька, слышалъ только о его военныхъ приготовленіяхъ, слышалъ о приближеніи варварскихъ полковъ, и могъ думать, что воинственный Василько прежде всего устремитъ ихъ на его волости: извѣстна была вражда Ростиславичей къ прежнему Волынскому Князю, Ярополку, извѣстно было подозрѣніе, которое лежало на нихъ въ смерти послѣдняго. Нашлись люди, которые возможность перемѣнили въ дѣйствительность; странно могло казаться, что двое доблестнѣйшихъ Князей, Мономахъ и Василько не воспользуются

своею доблестію, своею славою для возвышенія, усиленія себя на счетъ Князей менѣе достойныхъ, и вотъ трое мужей изъ дружины Давыдовой, Турякъ, Лазарь и Василь начали говорить своему Князю, что Мономахъ сговорился съ Василькомъ на него и на Святополка, что Мономахъ хочетъ сѣсть въ Кіевѣ, а Василько на Волыни. Давыдъ испугался, дѣло шло о потери волости, объ изгнаніи, которое онъ уже испыталъ; вѣроятность была въ словахъ мужей его, притомъ же мы не знаемъ, какія еще доказательства приводили они, не знаемъ, въ какой степени поведеніе Мономаха и Василька въ самомъ Любечѣ могло подать поводъ къ толкамъ: въ то время, когда Князья мирились и рядились, дружинники ихъ наблюдали и толковали, и Богъ вѣсть, до чего могли дотолковаться. Какъ бы то ни было, лѣтописецъ, и какъ видно, вообще современники складывали главную вину на мужей Давыдовыхъ, а его обвиняли только за то, что, поддавшись страху, поспѣшилъ повѣрить лживымъ словамъ. Онъ пріѣхалъ изъ Любеча въ Кіевъ вмѣстѣ съ Святополкомъ, и разсказалъ ему, за вѣрное, что слышалъ отъ мужей своихъ: «Кто убилъ брата твоего Ярополка? говорилъ онъ ему, а теперь мыслитъ и на тебя и на меня, сговорился съ Владиміромъ, промышляй о своей головѣ!» Святополкъ смутился, не зналъ, вѣрить или нѣтъ; онъ отвѣчалъ Давыду: «если правду говоришь, то Богъ тебѣ будетъ свидѣтель, если же изъ зависти, то Богъ тебѣ судья.» Потомъ жалость взяла Святополка о братѣ, да и о себѣ сталъ думать: «Ну какъ это правда?» Давыдъ постарался увѣрить его, что правда, и стали вмѣстѣ думать о Василькѣ; тогда какъ Василько съ Владиміромъ не имѣли ни о чемъ понятія. Давыдъ началъ говорить Святополку: «Если не схватимъ Василька, то ни тебѣ не княжить въ Кіевѣ, ни мнѣ во Владимирѣ.» Святополкъ согласился. Въ это время пріѣхалъ Василько въ Кіевъ, и пошелъ помолиться въ Михайловскій монастырь, гдѣ и поужиналъ, а вечеромъ возвратился въ свой обозъ. На другой день утромъ прислалъ къ нему Святополкъ съ просьбою, чтобъ не ходилъ отъ его имянинъ [116]; Василько велѣлъ отвѣчать, что не можетъ дожидаться, боится, не было бы рати дома. Давидъ прислалъ къ нему съ тѣмъ же приглашеніемъ: «Не ходи, не ослушайся старшаго брата!» Но

Василько и тутъ не согласился. Тогда Давыдъ сказалъ Святополку: «Видишь, не хочетъ тебя знать, находясь въ твоей волости; что же будетъ, когда придетъ въ свою землю; увидишь, что займетъ города твои Туровъ, Пинскъ и другіе, тогда помянешь меня; созови Кіевлянъ, схвати его и отдай мнѣ.» Святополкъ послушался, и послалъ сказать Васильку: «Если не хочешь остаться до имянинъ, то зайди хотя нынче, повидаемся и посидимъ вмѣстѣ съ Давыдомъ.» Василько обѣщался придти, и уже сѣлъ на лошадь и поѣхалъ, какъ встрѣтился ему одинъ изъ слугъ его и сказалъ: «не ѣзди, Князь, хотятъ тебя схватить.» Василько не повѣрилъ, думалъ — какъ меня схватить? а крестъ то мнѣ цѣловали, обѣщались, что если кто на кого первый поднимется, то всѣ будутъ на зачинщика и крестъ честной»; подумавъ такимъ образомъ, онъ перекрестился, сказалъ: «воля Господня да будетъ! и продолжалъ путь. Съ малою дружиною пріѣхалъ онъ на княжій дворъ; Святополкъ вышелъ къ нему на встрѣчу, ввелъ въ избу; пришелъ Давыдъ, и сѣли. Святополкъ сталъ опять упрашивать Василька: «останься на праздникъ.» Василько отвѣчалъ: «никакъ не могу, братъ; я уже и обозъ отправилъ впередъ.» А Давыдъ во все время сидѣлъ какъ нѣмой. Потомъ Святополкъ началъ упрашивать Василька хотя позавтракать у него; позавтракать Василько согласился, и Святополкъ вышелъ, сказавши: «посидите вы здѣсь, а я пойду, распоряжусь;» Василько сталъ разговаривать съ Давыдомъ, но у того не было ни языка, ни ушей: такъ испугался! и посидѣвши немного, спросилъ слугъ: «гдѣ братъ Святополкъ?» ему отвѣчали: «стоитъ на сѣняхъ.» Тогда онъ сказалъ Васильку: «я пойду за нимъ; а ты братъ, посиди.» Но только что Давыдъ вышелъ, какъ Василька заперли, заковали въ двойные оковы, и приставили сторожей на ночь. На другой день утромъ Святополкъ созвалъ бояръ и Кіевлянъ, и разсказалъ имъ все, что слышалъ отъ Давыда, что вотъ Василько брата его убилъ, а теперь сговорился съ Владиміромъ, хотятъ его убить, а города его побрать себѣ. Бояре и простые люди отвѣчали: «тебѣ, Князь, надобно беречь свою голову; если Давыдъ сказалъ правду, то Василька должно наказать; если же сказалъ неправду, то пусть отвѣчаетъ передъ Богомъ.» Узнали объ этомъ игуме-

ны, и начали просить Святополка за Василька; Святополкъ отвѣчалъ имъ: «вѣдь это все Давыдъ;» а Давыдъ, видя, что за Василька просятъ и Святополкъ колеблется, началъ подучать на ослѣпленье. «Если ты этого не сдѣлаешь,» говорилъ онъ Святополку, отпустишь его, то ни тебѣ не княжить, ни мнѣ.» Святополкъ, по свидѣтельству лѣтописца, хотѣлъ отпустить Василька, но Давыдъ никакъ не хотѣлъ, потому что сильно опасался Теребовльскаго Князя. Кончилось тѣмъ однако, что Святополкъ выдалъ Давыду Василька. Въ ночь перевезли его изъ Кіева въ Бѣлгородъ на телѣгѣ, въ оковахъ, ссадили съ телѣги, ввели въ маленькую избу и посадили; оглядѣвшись, Василько увидалъ, что овчарь Святополковъ, родомъ Торчинъ, именемъ Беренди, точитъ ножъ; Князь догадался, что хотятъ ослѣпить его, и «возопилъ къ Богу съ плачемъ великимъ и стономъ.» И вотъ вошли посланные отъ Святополка и Давыда, Сновидъ Изечевичь, конюхъ Святополковъ, да Димитрій, конюхъ Давыдовъ, и начали разстилать коверъ, потомъ схватили Василька и хотѣли повалить; но тотъ боролся съ ними крѣпко, такъ что вдвоемъ не могли съ нимъ сладить, и позвали другихъ, тѣмъ удалось повалить его и связать. Тогда сняли доску съ печи и положили ему на грудь, а по концамъ ея сѣли Сновидъ и Димитрій, и все не могли удержаться, подошло двое другихъ, взяли еще доску съ печи и сѣли: кости затрещали въ груди у Василька; тогда подошелъ Торчинъ съ ножемъ, хотѣлъ ударить въ глазъ, и не попалъ, перерѣзалъ лице; наконецъ вырѣзалъ оба глаза одинъ за другимъ, и Василько обезпамятѣлъ. Его подняли вмѣстѣ съ ковромъ, положили на телѣгу какъ мертваго, и повезли во Владимиръ; переѣхавши Вздвиженскій мостъ, Сновидъ съ товарищами остановились, сняли съ Василька кровавую сорочку и отдали попадьѣ вымыть, а сами сѣли обѣдать; попадья, вымывши сорочку, надѣла ее опять на Василька, и стала плакаться надъ нимъ, какъ надъ мертвымъ. Василько очнулся и спросилъ, гдѣ я? попадья отвѣчала: «въ городѣ Вздвиженскѣ[117].» Тогда онъ спросилъ воды, и напившись, опамятовался совершенно; пощупалъ сорочку и сказалъ: «за чѣмъ сняли ее съ меня; пусть бы я въ той кровавой сорочкѣ смерть принялъ и сталъ передъ Богомъ.» Между тѣмъ

Сновидъ съ товарищами пообѣдали, и повезли Василька скоро во Владимиръ, куда пріѣхали на шестой день. Пріѣхалъ съ нимъ туда и Давыдъ, какъ будто поймалъ какую добычу, по выраженію лѣтописца; къ Васильку приставили стеречь 30 человѣкъ съ двумя отроками княжескими.

Мономахъ узнавъ, что Василька схватили и ослѣпили, ужаснулся, заплакалъ и сказалъ: «такого зла никогда не бывало въ Русской землѣ ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ[118],» и тотчасъ послалъ сказать Давыду и Олегу Святославичамъ: «Приходите къ Городцу, исправимъ зло, какое случилось теперь въ Русской землѣ и въ нашей братьи, бросили между насъ ножъ; если это оставимъ такъ, то большее зло встанетъ, начнетъ убивать братъ брата и погибнетъ земля Русская: враги наши Половцы придутъ и возьмутъ ее.» Давыдъ и Олегъ также сильно огорчились, плакали, и, собравши немедленно войско, пришли къ Владиміру. Тогда отъ всѣхъ троихъ послали они сказать Святополку: «за чѣмъ это ты сдѣлалъ такое зло въ Русской землѣ, бросилъ ножъ между нами? за чѣмъ ослѣпилъ брата своего? если бы онъ былъ въ чемъ виноватъ, то ты обличилъ бы его передъ нами, и тогда по винѣ наказалъ его; а теперь скажи, чѣмъ онъ виноватъ, что ты ему это сдѣлалъ?» Святополкъ отвѣчалъ: «Мнѣ сказалъ Давыдъ Игоревичь, что Василько брата моего убилъ Ярополка, хотѣлъ и меня убить, волость мою занять, сговорился съ Владиміромъ, чтобъ сѣсть Владиміру въ Кіевѣ, а Васильку на Волыни; мнѣ по неволѣ было свою голову беречь, да и не я ослѣпилъ его, а Давыдъ, онъ повезъ его къ себѣ, да и ослѣпилъ на дорогѣ.» Послы Мономаха и Святославичей возражали: «Нечего тебѣ оправдываться тѣмъ, что Давыдъ его ослѣпилъ; не въ Давыдовѣ городѣ его взяли и ослѣпили, а въ твоемъ,» и поговоривъ такимъ образомъ, ушли. На другой день Князья хотѣли уже переходить Днѣпръ и идти на Святополка, и тотъ уже думалъ бѣжать изъ Кіева; но Кіевляне не пустили его, а послали къ Владиміру мачиху его, жену покойнаго В. Князя Всеволода, да Митрополита Николая; тѣ отъ имени гражданъ стали умолять Князя не воевать съ Святополкомъ: «Если станете воевать другъ съ другомъ, говорили они, то поганые обрадуются, возьмутъ землю Русскую, которую

пріобрѣли дѣды и отцы ваши; они съ великимъ трудомъ и храбростью поборали по Русской землѣ да и другія земли пріискивали, а вы хотите погубить и свою землю.» Владиміръ расплакался, и сказалъ: «Въ самомъ дѣлѣ отцы и дѣды наши соблюли землю Русскую, а мы хотимъ погубить ее», и склонился на просьбу. Княгиня и Митрополитъ возвратились назадъ и объявили въ Кіевѣ, что миръ будетъ[119], и точно Князья начали пересылаться и уладились; Владиміръ и Святославичь сказали Святополку: «Такъ какъ это все Давыдъ надѣлалъ, то ступай ты, Святополкъ на Давыда, либо схвати его, либо выгони». Святополкъ взялся исполнить ихъ волю.

Между тѣмъ Василька все держали подъ стражею во Владимирѣ; тамъ же находился въ это время и лѣтописецъ, именемъ Василій, доставившій намъ извѣстія объ этихъ событіяхъ. Въ одну ночь, говоритъ онъ, прислалъ за мною Князь Давыдъ; я пришелъ, и засталъ около него дружину; Князь велѣлъ мнѣ сѣсть, и началъ говорить: «Этой ночью промолвилъ Василько сторожамъ своимъ: «слышу, что идетъ Владиміръ и Святополкъ на Давыда; если бы меня Давыдъ послушалъ, то я бы послалъ боярина своего къ Владиміру, и тотъ бы возвратился»; — такъ сходи-ка ты, Василій, къ тескѣ своему Васильку, и скажи ему, что если онъ пошлетъ своего мужа и Владиміръ воротится, то я дамъ ему городъ какой ему любъ: либо Всеволожь, либо Шеполь, либо Перемышль[120]». Я пошелъ къ Васильку и разсказалъ ему всѣ рѣчи Давыдовы; онъ отвѣчалъ мнѣ: «Я этого не говорилъ, но надѣюся на Бога, пошлю, чтобъ не проливали ради меня крови; одно мнѣ удивительно: даетъ мнѣ свой городъ, а мой городъ Теребовль, вотъ моя волость.» Потомъ сказалъ мнѣ: «Иди къ Давыду и скажи ему, чтобъ прислалъ ко мнѣ Кульмѣя, я его хочу послать ко Владиміру». Но, какъ видно, Давыдъ побоялся поручить переговоры человѣку, котораго выбралъ Василько, и послалъ того же Василія сказать ему, что Кульмѣя нѣтъ. Въ это свиданіе Василько выслалъ слугу, и началъ говорить Василію. «Слышу, что Давыдъ хочетъ отдать меня Ляхамъ; видно мало еще насытился моей крови, хочетъ больше, потому что я Ляхамъ много зла надѣлалъ, и хотѣлъ еще больше надѣлать, отомстить имъ за Русскую землю; если онъ

выдастъ меня Ляхамъ, то смерти не боюсь, но вотъ что скажу тебѣ: въ правду Богъ навелъ на меня эту бѣду за мое высокоумье: пришла ко мнѣ вѣсть, что идутъ ко мнѣ Берендѣи, Печенѣги и Торки, вотъ я и началъ думать: какъ придутъ они ко мнѣ, то скажу братьямъ, Володарю и Давыду: дайте мнѣ дружину свою младшую, а сами пейте и веселитесь; думалъ я пойти зимою на Польскую землю, а лѣтомъ взять ее и отомстить за Русскую землю; потомъ хотѣлъ перенять Болгаръ Дунайскихъ, и посадить ихъ у себя, а потомъ хотѣлъ проситься у Святополка и у Владиміра на Половцевъ, и либо славу себѣ найти, либо голову свою сложить за Русскую землю; а другаго помышленія въ сердцѣ моемъ не было ни на Святополка, ни на Давыда; клянусь Богомъ и его пришествіемъ, что не мыслилъ зла братьи ни въ чемъ, но за мое высокоумье низложилъ меня Богъ и смирилъ.»

Весною, передъ Свѣтлымъ Днемъ, Давыдъ выступилъ въ походъ чтобъ взять Василькову волость, но у Бужска[121] на границѣ былъ встрѣченъ Володаремъ, братомъ Васильковымъ; Давыдъ не посмѣлъ стать противъ него, и заперся въ Бужскѣ; Володарь осадилъ его здѣсь, и послалъ сказать ему: «зачѣмъ сдѣлалъ зло и не каешься, опомнись, сколько зла ты надѣлалъ?» Давыдъ началъ складывать вину на Святополка: «Да развѣ я это сдѣлалъ, развѣ въ моемъ городѣ? я и самъ боялся, чтобъ и меня не схватили, и не сдѣлали со мною того же, я по неволѣ долженъ былъ пристать, потому что былъ въ его рукахъ.» Володарь отвѣчалъ «Прото вѣдаетъ Богъ, кто изъ васъ виноватъ: а теперь отпусти мнѣ брата, и я помирюсь съ тобою.» Давыдъ обрадовался, выдалъ Василька Володарю, помирились и разошлись. Но миръ не былъ продолжителенъ: Давыдъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ,[122] не хотѣлъ возвратить Ростиславичамъ городовъ, захваченныхъ въ ихъ волости тотчасъ по ослѣпленіи Василька, въ слѣдствіе чего тою же весною они пришли на Давыда къ Всеволожу, а Давыдъ заперся во Владимірѣ; Всеволожъ былъ взятъ копьемъ (приступомъ) и зажженъ, и когда жители побѣжали отъ огня, то Василько велѣлъ ихъ всѣхъ перебить; такъ онъ отомстилъ свою обиду на людяхъ неповинныхъ, замѣчаетъ лѣтописецъ. Потомъ Ростиславичи двинулись

ко Владиміру, осадили здѣсь Давыда, и послали сказать гражданамъ: «Мы пришли не на городъ вашъ, и не на васъ, но на враговъ своихъ — Туряка, Лазаря и Василя, которые наустили Давыда: послушавшись ихъ, онъ сдѣлалъ такое зло; выдайте ихъ, а если хотите за нихъ биться, то мы готовы.» Граждане собрали вѣче и сказали Давыду: «Выдай этихъ людей, не бьемся за нихъ, а за тебя станемъ биться; если же не хочешь, то отворимъ городскія ворота, и тогда промышляй о себѣ.» Давыдъ отвѣчалъ: «нѣтъ ихъ здѣсь:» онъ послалъ ихъ въ Луцкъ; Владимірцы послали за ними туда, Турякъ бѣжалъ въ Кіевъ, а Лазарь и Василь возвратились въ Турійскъ[123]. Владимірцы, узнавши, что они въ Турійскѣ, закричали Давыду: «Выдай ихъ Ростиславичамъ, а не то сейчасъ же сдадимся.» Давыдъ послалъ за Василемъ и Лазаремъ, и выдалъ ихъ; Ростиславичи заключили миръ, и на другое утро велѣли повѣсить и разстрѣлять выданныхъ, послѣ чего отошли отъ города. Лѣтописецъ замѣчаетъ при этомъ: «это уже во второй разъ отомстилъ Василько, чего не слѣдовало дѣлать: пусть бы Богъ былъ мстителемъ.»

Осенью 1097 года обѣщался Святополкъ братьямъ идти на Давыда и прогнать его, и только черезъ годъ (1099) отправился въ Брестъ на границу для совѣщанія съ Поляками: имѣемъ право принять извѣстіе[124], что прежде онъ боялся напасть на Давыда, и рѣшился на это тогда только, когда увидалъ, что Владимірскій Князь побѣжденъ Ростиславичами; но и тутъ прежде хотѣлъ заключить союзъ съ Поляками; заключилъ договоръ и съ Ростиславичами, поцѣловалъ къ-нимъ крестъ на миръ и любовь. Давыдъ, узнавъ о прибытіи Святополка въ Брестъ, отправился и самъ къ Польскому Князю Владиславу Герману за помощью; такимъ образомъ Поляки сдѣлались посредниками въ борьбѣ. Они обѣщались помогать и Давыду, взявши съ него за это обѣщаніе 50 гривенъ золота., Владиславъ сказалъ ему: «Ступай съ нами въ Брестъ, зоветъ меня Святополкъ на сеймъ; тамъ и помиримъ тебя съ нимъ.» Давыдъ послушался, и пошелъ съ нимъ; но союзъ съ Святополкомъ показался Владиславу выгоднѣе: Кіевскій Князь далъ также ему богатые дары, договорился выдать дочь свою за его сына,

и потомъ Владиславъ объявилъ Давыду, что онъ никакъ не могъ склонить Святополка къ миру, и совѣтовалъ ему идти въ свою волость, обѣщаясь впрочемъ прислать къ нему на помощь войско, если онъ подвергнется нападенію отъ двоюродныхъ братьевъ. Давыдъ сѣлъ во Владимирѣ, а Святополкъ, уладившись съ Поляками, пришелъ сперва въ Пинскъ, откуда послалъ собирать войска; потомъ въ Дорогобужъ, гдѣ дождался полковъ своихъ, съ ними вмѣстѣ двинулся на Давыда ко Владимиру, и стоялъ подъ городомъ семь недѣль; Давыдъ все не сдавался, ожидая помощи отъ Поляковъ, наконецъ видя, что ждать нечего, сталъ проситься у Святополка, чтобъ тотъ выпустилъ его изъ города. Святополкъ согласился, и они поцѣловали другъ другу крестъ, послѣ чего Давыдъ выѣхалъ въ Червень, а Святополкъ въѣхалъ во Владимиръ. Изъ этого разсказа видно, что Давыдъ при договорѣ уступилъ Владимиръ Святополку, а самъ удовольствовался Червенемъ[125]. Выгнавши Давыда изъ Владимира, Святополкъ началъ думать на Володаря и на Василька; говорилъ: «они сидятъ въ волости отца моего и брата,» и пошелъ на нихъ. Ходъ этой войны очень хорошо обнаруживаетъ передъ нами характеръ Святополка: сначала онъ долго боялся напасть на Давыда, пошелъ, когда тотъ потерпѣлъ неудачу въ войнѣ съ Ростиславичами, но прежде обезопасилъ себя со стороны Поляковъ; доставши наконецъ Владимиръ, вспомнилъ, что все Волынское княжество принадлежало къ Кіевскому, при отцѣ его Изяславѣ, и что послѣ здѣсь сидѣлъ братъ его Ярополкъ, а на Любецкомъ съѣздѣ положено всѣмъ владѣть отчинами: и вотъ Святополкъ идетъ на Ростиславичей, забывши недавній договоръ съ ними и клятву. Но Ростиславичей трудно было вытѣснить изъ ихъ волости; они выступили противъ Святополка, взявши съ себою крестъ, который онъ цѣловалъ къ нимъ, и встрѣтили его на границахъ своихъ владѣній, на Рожни полѣ[126]; передъ началомъ битвы Василько поднялъ крестъ и закричалъ Святополку: «Вотъ что ты цѣловалъ; сперва ты отнялъ у меня глаза, а теперь хочешь взять и душу; такъ пусть будетъ между нами этотъ крестъ,» и послѣ ходила молва, что многіе благочестивые люди видѣли, какъ надъ Василькомъ возвышался крестъ. Битва была сильная, много пало съ

обѣихъ сторонъ, и Святополкъ увидавши наконецъ, что брань люта, побѣжалъ во Владимиръ; а Володарь и Василько, побѣдивши, остановились и сказали: «довольно съ насъ, если стоимъ на своей межѣ,» и не пошли дальше[127]. Святополкъ между тѣмъ прибѣжалъ во Владимиръ съ двумя сыновьями — Мстиславомъ и Ярославомъ, съ двумя племянниками, сыновьями Ярополка, и Святославомъ, или Святошею, сыномъ Давыда Святославича; онъ посадилъ во Владимирѣ сына своего Мстислава, другаго сына, Ярослава послалъ въ Венгрію, уговаривать короля идти на Ростиславичей, а самъ поѣхалъ въ Кіевъ. Ярославу удалось склонить Венгровъ къ нападенію на волость Володаря: король Коломанъ пришелъ съ двумя епископами, и сталъ около Перемышля, на рѣкѣ Вагру, а Володарь заперся въ городѣ. Въ это время возвратился Давыдъ изъ Польши, куда бѣжалъ изъ Червена передъ началомъ непріятельскихъ дѣйствій Святополка съ Ростиславичами; какъ видно, онъ не нашелъ помощи въ Польшѣ; общая опасность соединила его теперь съ Ростиславичами, и потому, оставивши жену свою у Володаря, онъ отправился нанимать Половцевъ; на дорогѣ встрѣтился съ знаменитымъ ханомъ ихъ Бонякомъ, и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ на Венгровъ. Въ полночь, когда все войско спало, Бонякъ всталъ, отъѣхалъ отъ стана, и началъ выть поволчьи, и вотъ откликнулся ему одинъ волкъ, за нимъ много другихъ; Бонякъ пріѣхалъ и сказалъ Давыду: «завтра будетъ намъ побѣда надъ Венграми.» Утромъ на другой день Бонякъ выстроилъ свое войско, у него было 300 челокѣкъ, да у Давыда 100; онъ раздѣлилъ всѣхъ на три полка, и пустилъ впередъ Алтунопу на Венгровъ съ отрядомъ изъ 50 человѣкъ, Давыда поставилъ подъ стягомъ, а свой полкъ раздѣлилъ на двѣ половины, по 50 человѣкъ въ каждой. Венгры расположились заступами или заставами, т. е. отрядами, стоявшими одинъ за другимъ; отрядъ Алтунопы пригналъ къ первому заступу, пустилъ стрѣлы и побѣжалъ; Венгры погнались за нимъ, и когда бѣжали мимо Боняка, тотъ ударилъ имъ въ тылъ; Алтунопа въ это время также вернулся; такимъ образомъ Венгры очутились между двумя непріятельскими отрядами и не могли возвратиться къ своимъ; Бонякъ сбилъ ихъ въ мячь,

точно такъ какъ соколъ сбиваетъ галокъ, по выраженію лѣтописца. Венгры побѣжали, много ихъ потонуло въ рѣкахъ Вагрѣ и Санѣ, потому что бѣжали горою подлѣ Сана и спихивали другъ друга въ рѣку; Половцы гнались за ними и сѣкли ихъ два дня, убили епископа и многихъ бояръ[128]. Ярославъ, сынъ Святополка, убѣжалъ въ Польшу, а Давыдъ, пользуясь побѣдою, занялъ города: Сутѣйскъ, Червенъ[129], пришелъ внезапно на Владиміръ, и занялъ посады; но Мстиславъ Святополчичь заперся въ крѣпости съ засадою или заставою (гарнизономъ), состоявшею изъ Берестьянъ, Пинянъ, Выгошевцевъ[130]. Давыдъ осадилъ крѣпость, и часто приступалъ къ ней; однажды когда осажденные перестрѣливались съ осаждающими, и летѣли стрѣлы какъ дождь, Князь Мстиславъ хотѣлъ также выстрѣлить, но въ это время стрѣла, пройдя въ скважину стѣннаго досчатаго забрала, ударила ему подъ пазуху, отъ чего онъ въ ту же ночь умеръ. Три дня таили его смерть, въ четвертый объявили на вѣчѣ; народъ сказалъ: «вотъ Князя убили; если теперь сдадимся, то Святополкъ погубитъ всѣхъ насъ»; и послали сказать ему: «сынъ твой убитъ, а мы изнемогаемъ отъ голода; если не придешь, то народъ хочетъ передаться.» Святополкъ послалъ къ нимъ воеводу своего Путяту; когда тотъ пришелъ съ войскомъ въ Луцкъ, гдѣ стоялъ Святоша Давыдовичь, то засталъ у него посланцевъ Давыда Игоревича: Святоша поклялся послѣднему, что дастъ знать, когда пойдетъ на него Святополкъ, но теперь, испугавшись Путяты, схватилъ пословъ Давыдовыхъ, и самъ пошелъ на него съ Кіевскимъ воеводою. Въ полдень пришли Святоша и Путята ко Владиміру, напали на соннаго Давыда, начали рубить его дружину[131], а Владимірцы сдѣлали вылазку изъ крѣпости съ другой стороны; Давыдъ побѣжалъ съ племянникомъ своимъ Мстиславомъ, а Святоша и Путята взяли городъ, посадили въ немъ посадника Святополкова Василя, и разошлись, Святоша въ Луцкъ, а Путята въ Кіевъ. Между тѣмъ Давыдъ побѣжалъ къ Половцамъ, опять встрѣтился на дорогѣ съ Бонякомъ, и вмѣстѣ съ нимъ пришелъ осаждать Святошу въ Луцкѣ; Святоша заключилъ съ ними миръ, и ушелъ къ отцу въ Черниговъ; а Давыдъ взялъ себѣ Луцкъ, оттуда пошелъ ко Владиміру, выгналъ изъ него

Святополкова посадника Васил и сѣлъ опять на прежнемъ столѣ своемъ, отпустивши племянника Мстислава на море перенимать купцовъ.

Подъ 1100 годомъ сообщаетъ лѣтописецъ это извѣстіе объ отправленіи Мстислава на море, и тотчасъ же говоритъ о новомъ съѣздѣ всѣхъ Князей въ Увѣтичахъ или Витичевѣ[132]: собрались—Святополкъ, Владиміръ, Олегъ и Давыдъ Святославичи; пришелъ къ нимъ и Давыдъ Игоревичь, и сказалъ: «зачѣмъ меня призвали? вотъ я! кому на меня жалоба?» Владиміръ отвѣчалъ ему: «ты самъ присылалъ къ намъ: хочу, говорилъ, братья, притти къ вамъ и пожаловаться на свою обиду; теперь ты пришелъ и сидишь съ братьею на одномъ коврѣ, что жь не жалуешься? на кого тебѣ изъ насъ жалоба?» Давыдъ не отвѣчалъ на это ничего. Тогда всѣ братья встали, сѣли на коней и разъѣхались, каждый сталъ особо съ своею дружиною, а Давыдъ сидѣлъ одинъ: никто не допустилъ его къ себѣ, особо думали о немъ. Подумавши, послали къ нему мужей своихъ—Святополкъ Путяту, Владиміръ Орогоста и Ратибора, Давыдъ и Олегъ—Торчина, посланцы сказали Давыду отъ имени всѣхъ Князей: «не хотимъ тебѣ дать стола Владимирскаго, потому что ты бросилъ ножъ между нами, чего прежде не бывало въ Русской землѣ; мы тебя не заключимъ, ни сдѣлаемъ тебѣ никакого другаго зла, ступай садись въ Бужскѣ и въ Острогѣ, Святополкъ даетъ тебѣ еще Дубно и Чарторыйскъ[133], Владиміръ двѣсти гривенъ, Давыдъ и Олегъ также двѣсти гривенъ.» Послѣ этого рѣшенія, Князья послали сказать Володарю Ростиславичу: «возьми брата своего Василька къ себѣ и пусть будетъ вамъ одна волость—Перемышль; если же не хочешь, то отпусти Василька къ намъ, мы его будемъ кормить; а холоповъ нашихъ и смердовъ выдайте.» Но Ростиславичи не послушались и каждый изъ нихъ остался при своемъ. Князья хотѣли было идти на нихъ и силою принудить согласиться на общее рѣшеніе; но Мономахъ отрекся идти съ ними, не захотѣлъ нарушить клятвы, данной прежде Ростиславичамъ на Любецкомъ съѣздѣ[134].

Здѣсь историкъ долженъ дополнить опущенную лѣтописцемъ связь событій: мы видѣли, что Давыдъ остался побѣдителемъ

надъ Святополкомъ, удержалъ за собою Владиміръ; Святополкъ, не имѣя возможности одолѣть его, долженъ былъ обратиться къ остальнымъ двоюроднымъ братьямъ, поручившимъ ему наказать Давыда, который, съ своей стороны, вѣроятно прежде при неблагопріятныхъ для себя обстоятельствахъ, присылалъ также къ нимъ съ просьбою о защитѣ отъ Святополка. Въ Витичевѣ, 10-го Августа, какъ сказано въ лѣтописи, братья заключили миръ между собою, т. е. какъ видно, посредствомъ мужей своихъ рѣшили собраться всѣмъ въ томъ же мѣстѣ, и дѣйствительно собрались 30-го Августа[135]. Къ Давыду было послано приглашеніе явиться: онъ не смѣлъ ослушаться, потому что не могъ надѣяться восторжествовать надъ соединенными силами всѣхъ Князей, какъ прежде восторжествовалъ надъ Святополкомъ, притомъ же, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Князья посылали къ нему съ любовію, обѣщаясь утвердить за нимъ Владиміръ[136]; и точно надъ нимъ произнесли мягкій приговоръ: схватить Князя, добровольно явившагося на братское совѣщаніе, было бы вѣроломствомъ, которое навсегда могло уничтожить возможность подобныхъ съѣздовъ, отпустить его безъ волости значило продолжать войну: Давыдъ доказалъ, что онъ умѣлъ изворачиваться при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, и потому рѣшили дать ему достаточную волость, наказавши только отнятіемъ Владимірскаго стола, который былъ отданъ Святополку, какъ отчина, на основаніи Любецкаго рѣшенія, при чемъ Святополкъ далъ еще Давыду Дорогобужъ, гдѣ тотъ и умеръ. Такъ кончилась посредствомъ двухъ княжескихъ съѣздовъ борьба за изгойство, начавшаяся при первомъ преемникѣ Ярослава, и продолжавшаяся почти полвѣка; изгои и потомки изгоевъ нигдѣ не могли утвердиться на цѣльныхъ отчинахъ; изъ нихъ только одни Ростиславичи успѣли укрѣпить за собою отдѣльную волость и въ послѣдствіи дать ей важное историческое значеніе; но потомство Вячеслава Ярославича сошло со сцены при первомъ поколѣніи; потомство Игоря при второмъ: послѣ оно является въ видѣ князьковъ не значительныхъ волостей безъ самостоятельной дѣятельности; полноправными родичами явились только потомки трехъ старшихъ Ярославичей, послѣ тщетной попытки включить въ число

изгоевъ потомство втораго изъ нихъ Святослава; его дѣти послѣ долгой борьбы получили отцовское значеніе, отцовскую волость. Но легко было усмотрѣть неравенство въ распредѣленіи волостей между тремя линіями, преимущество, которое получилъ сынъ Всеволода и въ слѣдствіе личныхъ достоинствъ, и въ слѣдствіе благопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ: Мономахъ держалъ въ своей семьѣ Переяславскую, Смоленскую, Ростовскую и Новгородскую волости; Святополкъ только послѣ Витичевскаго съѣзда получилъ Владиміръ Волынскій, но Великій Новгородъ, который былъ всегда такъ тѣсно связанъ съ Кіевомъ, Новгородъ принадлежалъ не ему; всѣхъ меньше была волость Святославичей: они ничего не получили въ прибавокъ къ первоначальной отцовской волости, при томъ же ихъ было три брата. Святополку, какъ видно, очень не нравилось, что Новгородъ не находится въ его семьѣ, но отнять его у Мономаха безъ вознагражденія было не льзя; вотъ почему онъ рѣшился пожертвовать Волынью для пріобрѣтенія Новгорода, и уговорился съ Мономахомъ, что сынъ послѣдняго Мстиславъ перейдетъ во Владиміръ Волынскій, а на его мѣстѣ, въ Новгородѣ сядетъ Ярославъ, сынъ Святополковъ, княжившій до сихъ поръ во Владимірѣ. Но тутъ Новгородцы въ первый разъ воспротивились волѣ Князей: зависимость Новгорода отъ Кіева была тѣмъ невыгодна для жителей перваго, что всѣ перемѣны и усобицы, происходившія на Руси, должны были отражаться и въ ихъ стѣнахъ: мы видѣли, что изгнаніе Изяслава изъ Кіева необходимо повлекло перемѣну и въ Новгородѣ: здѣсь является Княземъ сынъ Святослава-Глѣбъ; но послѣдній, въ свою очередь, долженъ былъ оставить Новгородъ въ слѣдствіе вторичнаго торжества Изяслава, который послалъ туда сына своего Святополка. Святополкъ, въ концѣ княженія Всеволодова, покинулъ Новгородъ для Турова, чтобъ быть ближе къ Кіеву, и Всеволодъ послалъ въ Новгородъ внука своего Мстислава. Потомъ Святополкъ и Мономахъ выводятъ Мстислава и посылаютъ на его мѣсто Давыда Святославича; Давыдъ также оставилъ Новгородъ, и на его мѣсто пріѣхалъ туда опять Мстиславъ. Такимъ образомъ, въ продолженіи 47 лѣтъ, отъ 1054 до 1101 г., въ Новгородѣ шесть разъ смѣнялись Князья:

двое изъ нихъ ушли сами, остальные выводились въ слѣдствіе смѣны Великихъ Князей или ряду ихъ съ другими. Теперь, въ 1102 году Князья опять требуютъ у Новгородцевъ, чтобъ они отпустили отъ себя Мстислава Владиміровича и приняли на его мѣсто сына Святополкова; Новгородцы рѣшительно отказываются; при этомъ вѣроятно они знали, что не исполняя волю Святополкову, они тѣмъ самымъ исполняютъ волю Мономахову: въ противномъ случаѣ они не могли противъ воли послѣдняго удержать у себя его сына, не могли поссориться съ двумя сильнѣйшими Князьями Руси, и сидѣть въ это время безъ Князя. Въ Кіевѣ, на княжомъ дворѣ, въ присутствіи Святополка, произошло любопытное явленіе: Мстиславъ Владиміровичь пришелъ туда въ сопровожденіи Новгородскихъ посланцевъ; посланцы Мономаха объявили Святополку: «вотъ Владиміръ прислалъ сына своего, а вотъ сидятъ Новгородцы; пусть они возьмутъ сына твоего и ѣдутъ въ Новгородъ, а Мстиславъ пусть идетъ во Владимиръ». Тогда Новгородцы сказали Святополку: «Мы, Князь, присланы сюда, и вотъ что намъ велѣно сказать: не хотимъ Святополка, ни сына его: если у твоего сына двѣ головы, то пошли его; этого (т. е. Мстислава) далъ намъ Всеволодъ, мы его вскормили себѣ въ Князья, а ты ушелъ отъ насъ.» Святополкъ много спорилъ съ ними, но они поставили на своемъ, взяли Мстислава и повели его назадъ въ Новгородъ. Указаніе на распоряженіе Всеволода вѣроятно имѣло тотъ смыслъ въ устахъ Новгородцевъ, что сами Князья на Любецкомъ съѣздѣ рѣшили сообразоваться съ послѣдними распоряженіями его; слова, что они вскормили себѣ Мстислава показываютъ желаніе имѣть постояннаго Князя, у нихъ выросшаго, до чего именно не допускали ихъ родовые счеты и усобицы Князей; наконецъ выраженіе: «а ты ушелъ отъ насъ» — показываетъ неудовольствіе Новгородцевъ на Святополка за предпочтеніе Турова ихъ городу, и указаніе, что оставивъ добровольно Новгородъ, онъ тѣмъ самымъ лишился на него всякаго права.

Послѣ Витичевскаго съѣзда прекратились старыя усобицы въ слѣдствіе изгойства, но немедленно же начались новыя, потому что и второе поколѣніе Ярославичей имѣло уже своихъ изго-

евъ: у Святополка былъ племянникъ-Ярославъ, сынъ брата его Ярополка. Въ 1101 году онъ затворился въ Брестѣ отъ дяди Святополка—ясный знакъ, что дядя не хотѣлъ давать ему волостей, и Ярославъ насильно хотѣлъ удержать за собою хотя Брестъ. Святополкъ пошелъ на него, заставилъ сдаться и въ оковахъ привелъ въ Кіевъ. Митрополитъ и игумены умолили Святополка оставить племянника ходить на свободѣ, взявши съ него клятву при гробѣ Бориса и Глѣба, вѣроятно въ томъ, что онъ не будетъ больше посягать на дядины волости, и станетъ жить спокойно въ Кіевѣ. Но въ слѣдующемъ году Ярославъ ушелъ отъ дяди; за нимъ погнался двоюродный братъ его, Ярославъ Святополчичь, обманомъ схватилъ его также за Брестомъ, на Польскихъ границахъ[137], и въ оковахъ привелъ къ отцу: на этотъ разъ Ярополковича уже не выпускали на свободу, и онъ умеръ въ заточеніи въ томъ же году[138].

Знаменитый чародѣй, Всеславъ Полоцкій на старости уже не безпокоилъ Ярославичей, и далъ имъ возможность управиться съ своими дѣлами; онъ умеръ въ 1101 г. Съ его смертію кончилась сила Полоцкаго княжества: между сыновьями его — которыхъ было человѣкъ семь, тотчасъ же, какъ видно, начались несогласія, въ которыя вмѣшались Ярославичи: такъ въ 1104 году встрѣчаемъ извѣстіе, что Святополкъ посылалъ на Минскъ, на Глѣба, воеводу своего Путяту, Владиміръ сына своего Ярополка, а Олегъ самъ ходилъ вмѣстѣ съ Давыдомъ Всеславичемъ, знакъ, что походъ былъ предпринятъ для выгоды послѣдняго, котораго и прежде видимъ въ связи съ Ярославичами: походъ впрочемъ кончился ничѣмъ.

Таковы были междукняжескія отношенія при первомъ старшемъ Князѣ изъ втораго поколѣнія Ярославичей. Теперь взглянемъ на отношенія внѣшнія. Мы видѣли, какъ народъ на Руси боялся княжескихъ усобицъ болѣе всего потому, что ими могутъ воспользоваться поганые, Половцы; видѣли, что и для самихъ Князей этотъ страхъ служилъ также главнымъ побужденіемъ къ миру. Южная Русь, какъ Европейская Украйна, должна была, подобно Греческимъ припонтійскимъ колоніямъ древности, стоять всегда на сторожѣ вооруженною. Мы видѣли, какъ несчастно въ этомъ отношеніи началось княженіе Святополка, который пер-

вый подалъ примѣръ брачныхъ союзовъ съ ханами Половецкими. Послѣ убіенія Итларя и удачнаго похода Русскихъ Князей въ степи, Половцы въ томъ же 1095 г. явились на рѣкѣ Роси, границѣ собственной Руси съ степью, и осадили Юрьевъ, одинъ изъ городовъ, основанныхъ здѣсь Ярославомъ первымъ, и названный по его имени; варвары цѣлое лѣто стояли подъ городомъ и едва его не взяли; Святополкъ омирилъ ихъ, сказано въ лѣтописи, т. е. заплатилъ имъ за миръ; не смотря на то, они все оставались въ предѣлахъ Руси, не уходили за Рось въ степи; Юрьевцы видя это, и наскучивъ жить въ безпрестанномъ страхѣ, выбѣжали изъ своего города, и пришли въ Кіевъ, а Половцы сожгли пустой Юрьевъ — явленіе замѣчательное, показывающее тогдашнее состояніе Украйны или южной Руси. Святополкъ велѣлъ строить новый городъ на Витичевскомъ холму, въ 56 верстахъ отъ Кіева, при Днѣпрѣ, назвалъ его Святополчемъ и велѣлъ сѣсть въ немъ Юрьевцамъ съ своимъ Епископомъ; нашлись и другіе охотники селиться здѣсь изъ разныхъ близкихъ къ степи мѣстъ, которыхъ также гналъ страхъ Половецкій. Въ слѣдующемъ 1096 году, пользуясь отсутствіемъ Святополка и Мономаха, воевавшихъ на сѣверѣ съ Святославичами, Половцы уже не ограничились опустошеніемъ пограничныхъ городковъ, но ханъ ихъ Бонякъ, пріобрѣтшій черную знаменитость въ нашихъ лѣтописяхъ, явился подъ Кіевомъ, опустошилъ окрестности, сжегъ княжескій загородный домъ на Берестовѣ; а на восточной сторонѣ Днѣпра другой ханъ Куря опустошилъ окрестности Переяславля[139]. Успѣхъ Боняка и Кури прельстилъ и тестя Святополкова, Тугоркана: онъ также пришелъ къ Переяславлю и осадилъ его; но въ это время Князья уже возвратились изъ похода; они выступили противъ Половцевъ къ Переяславлю и поразили ихъ, причемъ Тугорканъ съ сыномъ и другими Князьями былъ убитъ: Святополкъ велѣлъ поднять тѣло Тугорканово и погребсти въ селѣ Берестовѣ. Но въ то время, какъ Русскіе Князья были заняты на восточной сторонѣ Днѣпра, шелудивый хищникъ Бонякъ явился опять нечаянно передъ Кіевомъ; Половцы едва не въѣхали въ самый городъ, сожгли ближнія деревни, монастыри, въ томъ числѣ и монастырь Печерскій: «Пришли, говоритъ лѣтописецъ-очевидецъ,

къ намъ въ монастырь, а мы всѣ спали по кельямъ послѣ заутрени, вдругъ подняли крикъ около монастыря, и поставили два стяга передъ воротами; мы бросились бѣжать задомъ[140] монастыря, другіе взобрались на полати; а безбожныя дѣти Измаиловы высѣкли ворота и пошли по кельямъ, выламывая двери, вынося изъ келій все, что ни попадалось; потомъ выжгли Богородичную церковь, вошли въ притворъ у Өеодосьева гроба, взяли иконы, зажгли двери, ругаясь Богу и закону нашему.» Тогда же зажгли дворъ Красный, что̀ поставилъ В. Князь Всеволодъ на холму Выдубецкомъ.

Послѣ Витичевскаго съѣзда, покончившаго усобицы, Князья получили возможность дѣйствовать наступательно противъ Половцевъ: въ 1107 году Святополкъ, Мономахъ, и трое Святославичей собрались на рѣкѣ Золотчѣ, на правомъ берегу Днѣпра, чтобъ идти на Половцевъ; но тѣ прислали пословъ ото всѣхъ хановъ своихъ ко всей братьи, просить мира; Русскіе Князья сказали имъ: «если хотите мира, то сойдемся у Сакова[141];» Половцы явились въ назначенное мѣсто, и заключили миръ, при чемъ взяты были съ обѣихъ сторонъ заложники. Но заключивши миръ, Русскіе Князья не переставали думать о походѣ на варваровъ; мысль о походѣ на поганыхъ лѣтописецъ называетъ обыкновенно мыслію доброю, внушеніемъ Божіимъ. Въ 1103 году Владиміръ сталъ уговаривать Святополка идти весною на поганыхъ[142]; Святополкъ сказалъ объ этомъ дружинѣ, дружина отвѣчала: «не время теперь отнимать поселянъ отъ поля,» послѣ чего Святополкъ послалъ сказать Владиміру: «Надобно намъ гдѣ-нибудь собраться и подумать съ дружиною;» согласились съѣхаться въ Долобскѣ (при озерѣ того же имени), выше Кіева, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, съѣхались и сѣли въ одномъ шатрѣ — Святополкъ съ своею дружиною, а Владиміръ съ своею; долго сидѣли молча, наконецъ Владиміръ началъ: «Братъ! ты старшій, начни же говорить, какъ бы намъ промыслить о Русской землѣ?» Святополкъ отвѣчалъ: «лучше ты, братецъ, говори первый.» Владиміръ сказалъ на это: «Какъ мнѣ говорить? противъ меня будетъ и твоя и моя дружина, скажутъ: хочетъ погубить поселянъ и пашни; но дивлюсь я одному, какъ вы поселянъ жа-

лѣсте и лошадей ихъ, а того не подумаете, что станетъ поселянинъ весною пахать на лошади, и пріѣдетъ Половчинъ, ударитъ его самого стрѣлою, возьметъ и лошадь, и жену, и дѣтей, да и гумно зажжетъ; объ этомъ вы не подумаете!» Дружина отвѣчала: «Въ самомъ дѣлѣ такъ;» Святополкъ прибавилъ: «Я готовъ,» и всталъ; а Владиміръ сказалъ ему: «Великое, братъ, добро сдѣлаешь ты Русской землѣ.» Они послали также и къ Святославичамъ звать ихъ въ походъ: «Пойдемъ на Половцевъ, либо живы будемъ, либо мертвы»; Давыдъ послушался ихъ, но Олегъ велѣлъ сказать, что нездоровъ. Кромѣ этихъ старыхъ Князей пошли еще четверо молодыхъ: Давыдъ Всеславичь Полоцкій, Мстиславъ, племянникъ Давыда Игоревича Волынскаго (изгой), Вячеславъ Ярополчичь, племянникъ Святополка (также изгой) и Ярополкъ Владиміровичь, сынъ Мономаха. Князья пошли съ пѣхотою и конницею, пѣшіе ѣхали въ лодкахъ по Днѣпру, конница шла берегомъ. Прошедши пороги, у Хортицкаго острова пѣшіе высадились на берегъ, конные сѣли на лошадей, и шли степью четыре дня. Половцы, услыхавъ, что идетъ Русь, собрались во множествѣ и начали думать; одинъ изъ Хановъ, Урусоба, сказалъ: «пошлемъ просить мира у Руси, они станутъ съ нами биться крѣпко, потому что мы много зла надѣлали ихъ землѣ.» Молодые отвѣчали ему: «Если ты боишься Руси, то мы не боимся; избивши этихъ, пойдемъ въ ихъ землю, возьмемъ ихъ города, и кто тогда защититъ ихъ отъ насъ?» А Русскіе Князья и всѣ ратники въ это время молились Богу, давали обѣты, кто кутью поставить, кто милостыню раздать нищимъ, кто въ монастырь послать нужное для братіи. Половцы послали впереди въ сторожахъ Алтунопу, который славился у нихъ мужествомъ; Русскіе выслали также передовой отрядъ провѣдать непріятеля: онъ встрѣтился съ отрядомъ Алтунопы, и истребилъ его до одного человѣка; потомъ сошлись главные полки, и Русскіе побѣдили, перебили 20 хановъ, одного Белдюза взяли живьемъ и привели къ Святополку; Белдюзъ началъ давать за себя окупъ—золото и серебро, коней и скотъ; Святополкъ послалъ его ко Владиміру, и тотъ спросилъ плѣнника: «Сколько разъ вы клялись не воевать, и потомъ все воевали Русскую землю? За чѣмъ же ты не училъ сыновей своихъ и ро-

дичей соблюдать клятву, а все проливалъ кровь Христіанскую? такъ будь же кровь твоя на головѣ твоей»; и велѣлъ убить его; Белдюза разсѣкли на части. Потомъ собрались всѣ братья, и Владиміръ сказалъ: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь: Господь избавилъ насъ отъ враговъ, покорилъ ихъ намъ, сокрушилъ главы зміевы, и далъ ихъ брашно людямъ Русскимъ.» Взяли тогда наши много скота, овецъ, лошадей, верблюдовъ, вежи со всякою рухлядью и рабами, захватили Печенѣговъ и Торковъ, находившихся подъ властію Половцевъ, и пришли въ Русь съ полономъ великимъ, славою и побѣдою. Святополкъ думалъ, что надолго избавились отъ Половцевъ, и велѣлъ возобновить городъ Юрьевъ, сожженный ими передъ тѣмъ.

Но живъ былъ страшный Бонякъ: черезъ годъ онъ подалъ о себѣ вѣсть, пришелъ къ Зарубу, находившемуся на западной сторонѣ Днѣпра, противъ Трубежскаго устья, побѣдилъ Торковъ и Берендѣевъ. Въ слѣдующемъ 1106 году Святополкъ долженъ былъ выслать троихъ воеводъ своихъ противъ Половцевъ, опустошавшихъ окрестности Зарѣчьска; воеводы отняли у нихъ полонъ. Въ 1107 году Бонякъ захватилъ конскіе табуны у Переяславля; потомъ пришелъ со многими другими ханами, и сталъ около Лубенъ[143], на рѣкѣ Сулѣ. Святополкъ, Владиміръ, Олегъ, съ четырьмя другими Князьями ударили на нихъ внезапно съ крикомъ; Половцы испугались, отъ страха не могли и стяга поставить, и побѣжали: кто успѣлъ схватить лошадь—на лошади; а кто пѣшкомъ, наши гнали ихъ до рѣки Хороля и взяли станъ непріятельскій; Святополкъ пришелъ въ Печерскій монастырь къ заутренѣ на Успеньевъ день и съ радостію здоровался съ братіею послѣ побѣды. Не смотря однако на эти успѣхи, Мономахъ и Святославичи—Олегъ и Давыдъ въ томъ же году имѣли съѣздъ съ двумя ханами, и взяли у нихъ дочерей замужъ за сыновей своихъ. Походъ троихъ Князей—Святополка, Владиміра и Давыда въ 1110 году кончился ни чѣмъ, они возвратились отъ города Воина[144], по причинѣ стужи и конскаго надежа[145]; но въ слѣдующемъ году, думою и похотѣніемъ Мономаха Князья вздумали навѣстить Половцевъ на Дону, куда еще прежде, въ 1109 году Мономахъ посы-

лалъ воеводу своего Дмитра Иворовича, который и захватилъ тамъ Половецкія вежи. Пошли—Святополкъ, Владиміръ и Давыдъ съ сыновьями; пошли они во второе воскресенье Великаго поста, въ пятницу дошли до Сулы, въ субботу были на Хоролѣ, гдѣ бросили сани; въ крестопоклонное Воскресенье пошли отъ Хорола и достигли Псела; оттуда пошли и стали на рѣкѣ Голтѣ, гдѣ дождались остальныхъ воиновъ, и пошли къ Ворсклѣ; здѣсь въ середу цѣловали крестъ со многими слезами, и двинулись далѣе, перешли много рѣкъ, и во вторникъ на шестой недѣлѣ достигли Дона. Отсюда надѣвши брони и выстроивши полки, пошли къ Половецкому городу Шаруканю, при чемъ Владиміръ велѣлъ священникамъ своимъ ѣхать передъ полками, и пѣть молитвы; жители Шаруканя вышли на встрѣчу Князьямъ, поднесли имъ рыбу и вино; Русскіе переночевали тутъ, и на другой день въ среду, пошли къ другому городу, Сугрову и зажгли его; въ четвергъ пошли съ Дона, а въ пятницу, 24-го Марта собрались Половцы, изрядили полки свои и двинулись противъ Русскихъ. Князья наши возложили всю надежду на Бога, говоритъ лѣтописецъ, и сказали другъ другу: «помереть намъ здѣсь; станемъ крѣпко!» перецѣловались, и, возведши глаза на небо, призывали Бога вышняго. И Богъ помогъ Русскимъ Князьямъ: послѣ жестокой битвы, Половцы были побѣждены, и пало ихъ много. Весело на другой день праздновали Русскіе Лазарево Воскресенье и Благовѣщеніе, а въ Воскресенье пошли дальше. Въ Страстной понедѣльникъ собралось опять множество Половцевъ, выступили какъ боровы, по выраженію лѣтописца, и обступили полки Русскіе на рѣкѣ Салницѣ. Когда полки Русскіе столкнулись съ полками Половецкими, то раздался точно громъ, брань была лютая, и много падало съ обѣихъ сторонъ; наконецъ выступили Владиміръ и Давыдъ съ своими полками; увидавши ихъ, Половцы бросились бѣжать, и падали предъ полкомъ Владиміровымъ невидимо поражаемые ангеломъ: многіе люди видѣли, какъ головы ихъ летѣли, ссѣкаемыя невидимою рукою. Святополкъ, Владиміръ и Давыдъ прославили Бога, давшаго имъ такую побѣду на поганыхъ; Русскіе взяли полона много — скота, лошадей, овецъ, и колодниковъ много побрали руками. Побѣдители спра-

шивали плѣнныхъ: «какъ это васъ была такая сила, и вы не могли бороться съ нами, а тотчасъ побѣжали?» тѣ отвѣчали: «какъ намъ съ вами биться? другіе ѣздятъ надъ вами въ броняхъ свѣтлыхъ и страшныхъ и помогаютъ вамъ.» Это ангелы, прибавляетъ лѣтописецъ, отъ Бога посланные помогать Христіанамъ; ангелъ вложилъ въ сердце Владиміру Мономаху возбудить братьевъ своихъ на иноплеменниковъ. Такъ, съ Божіею помощію, пришли Русскіе Князья домой, къ своимъ людямъ со славою великою, и разнеслась слава ихъ по всѣмъ странамъ дальнимъ, дошла до Грековъ, Венгровъ, Ляховъ, Чеховъ, дошла даже до Рима.

Мы привели извѣстіе лѣтописца о Донскомъ походѣ Князей на Половцевъ со всѣми подробностями, чтобъ показать, какое великое значеніе имѣлъ этотъ походъ для современниковъ. Времена Святослава Стараго вышли изъ памяти, а послѣ никто изъ Князей не ходилъ такъ далеко на востокъ, и на кого же? на тѣхъ страшныхъ враговъ, которыхъ Кіевъ и Переяславль не разъ видѣли подъ своими стѣнами, отъ которыхъ бѣгали цѣлые города; Половцы побѣждены не въ волостяхъ Русскихъ, не на границахъ, но въ глубинѣ степей своихъ, отсюда понятно религіозное одушевленіе, съ какимъ разсказано событіе въ лѣтописи: только ангелъ могъ внушить Мономаху мысль о такомъ важномъ предпріятіи, ангелъ помогъ Русскимъ Князьямъ побѣдить многочисленныя полчища враговъ; слава похода разнеслась по дальнимъ странамъ, понятно, какъ она разнеслась на Руси, и какую славу заслужилъ главный герой предпріятія, тотъ Князь, которому ангелъ вложилъ мысль возбудить братьевъ къ этому походу; Мономахъ явился подъ особеннымъ покровительствомъ неба; предъ его полкомъ, сказано, падали Половцы, невидимо поражаемые ангеломъ. И на долго остался Мономахъ въ памяти народной, какъ главный и единственный герой Донскаго похода, долго ходило преданіе о томъ, какъ пилъ онъ Донъ золотымъ шеломомъ, какъ загналъ окаянныхъ Агарянъ за Желѣзныя ворота[146].

Такъ славно воспользовались Князья, т. е. преимущественно Мономахъ прекращеніемъ усобицъ. Мы видѣли, что для Руси борьба съ Половцами и отношенія княжескія составляли глав-

ный интересъ; но изъ отдаленныхъ концевъ, съ сѣвера, запада и востока доходилъ слухъ о борьбѣ Русскихъ людей съ другими варварами, окружавшими ихъ со всѣхъ сторонъ. Новгородцы съ Княземъ своимъ Мстиславомъ ходили на Чудь, къ западу отъ Чудскаго озера[147]. Полоцкіе и Волынскіе Князья боролись съ Ятвягами и Латышами; иногда поражали ихъ, иногда терпѣли пораженіе[148]; наконецъ на востокѣ младшій Святославичь Ярославъ бился несчастно съ Мордвою[149]; какъ видно, онъ княжилъ въ Муромѣ.

При Святополкѣ начинается связь нашей исторіи съ исторіею Венгріи. Мы видѣли, какое значеніе для западныхъ Славянскихъ нарядовъ имѣло вторженіе Венгровъ и утвержденіе ихъ въ Паннопіи на развалинахъ Моравскаго государства. Любопытно читать у Императора Льва Мудраго описаніе, какимъ образомъ Венгры вели войну, потому что здѣсь находимъ мы объясненіе нашихъ лѣтописныхъ извѣстій о Венграхъ, равно какъ и о Половцахъ: «Венгры, говоритъ Левъ, съ младенчества привыкаютъ къ верховой ѣздѣ, и не любятъ ходить пѣшкомъ; на плечахъ носятъ они длинныя копья, въ рукахъ луки, и очень искусны въ употребленіи этого оружія. Привыкши стрѣляться съ непріятелемъ, они не любятъ рукопашнаго боя, больше нравится имъ сражаться издали. Въ битвѣ раздѣляютъ они свое войско на малые отряды, которые становятъ въ небольшомъ растояніи другъ отъ друга.» Мы видѣли, что именно такъ, заступами расположили они свое войско въ битвѣ съ Давидомъ Игоревичемъ и Бонякомъ Половецкимъ. Въ концѣ X вѣка прекращаетъ эта кочевая орда свои опустошительные набѣги на сосѣдей, и начинаетъ привыкать къ осѣдлости, гражданственности, которая проникла къ Венграмъ вмѣстѣ съ Христіанствомъ: въ 994 году Князь Гейза вмѣстѣ съ сыномъ своимъ принялъ крещеніе; этотъ сынъ его, Св. Стефанъ хотѣлъ дать новой религіи окончательное торжество, для чего повѣстилъ, чтобъ всякій Венгерецъ немедленно крестился; но слѣдствіемъ такого приказа было сильное возстаніе язычниковъ, которое кончилось только послѣ пораженія, претерпѣннаго ими въ кровопролитной битвѣ противъ войска княжескаго. По смерти бездѣтнаго Стефана, перваго короля Венгріи, начинают-

ся усобицы между разными Князьями изъ Арпадовой династіи: этими усобицами пользуются Императоры Нѣмецкіе, чтобъ сдѣлать Венгерскихъ королей своими вассалами; пользуются вельможи, чтобъ усилить свою власть на счетъ королевской, наконецъ пользуется язычество, чтобъ возстать еще нѣсколько разъ противъ христіанства. Только въ концѣ XI вѣка, при короляхъ Владиславѣ Святомъ и Коломанѣ, Венгрія начинаетъ отдыхать отъ внутреннихъ смутъ и вмѣстѣ усиливаться на счетъ сосѣдей, вмѣшиваться въ ихъ дѣла: вотъ почему мы видѣли Коломана въ союзѣ съ Святополкомъ противъ Давыда и Ростиславичей. Союзъ Коломана съ Святополкомъ былъ даже скрѣпленъ бракомъ одного изъ королевичей Венгерскихъ на Предславѣ, дочери Князя Кіевскаго. Самъ Коломанъ, не за долго предъ смертію, женился на дочери Мономаховой, Евфиміи; но черезъ годъ молодая королева была обвинена въ невѣрности и отослана къ отцу въ Русь, гдѣ родила сына Бориса, такъ долго послѣ безпокоившаго Венгрію своими притязаніями. Коломанъ умеръ въ началѣ 1114 года, оставивъ престолъ сыну своему, Стефану II-му.

Въ началѣ 1113 года видѣли въ Кіевѣ солнечное затмѣніе: небесное знаменіе предвѣщало смерть Святополкову, по словамъ лѣтописца: Князь умеръ 16 Апрѣля, не долго переживши Давыда Игоревича, умершаго въ Маѣ 1112. По Святополкѣ плакали бояре и дружина его вся, говоритъ лѣтописецъ, но о плачѣ народномъ не упоминаетъ ни слова; княгиня его раздала много богатства по монастырямъ, попамъ, нищимъ, такъ что всѣ дивились: никогда не бывало такой милостыни; Святополкъ былъ благочестивъ: когда шелъ на войну или куда-нибудь, то заходилъ прежде въ Печерскій монастырь поклониться гробу Св. Ѳеодосія и взять молитву у Игумена; не смотря на то лѣтописецъ не прибавилъ ни слова въ похвалу его, хотя любитъ сказать что-нибудь доброе о каждомъ умершемъ Князѣ. Въ житіяхъ святыхъ Печерскихъ находимъ дополнительныя извѣстія, которыя объясняютъ намъ причину молчанія лѣтописца: однажды вздорожала соль въ Кіевѣ; иноки Печерскаго монастыря помогали народу въ такой нуждѣ; Святополкъ, узнавъ объ этомъ, пограбилъ соль у монаховъ, чтобъ продавать

ее самому дорогою цѣною; игуменъ Іоаннъ обличалъ ревностно его корыстолюбіе и жестокость: Князь заточилъ обличителя, но потомъ возвратилъ изъ опасенія вооружить противъ себя Мономаха. Сынъ Святополка Мстиславъ былъ похожъ на отца: однажды разнеслась вѣсть, что двое монаховъ нашли кладъ въ пещерѣ; Мстиславъ мучилъ безъ пощады этихъ монаховъ, выпытывая у нихъ, гдѣ кладъ. Этотъ Мстиславъ былъ рожденъ отъ наложницы[150], которая, по нѣкоторымъ извѣстіямъ[151], имѣла сильное вліяніе на безхарактернаго Святополка. При немъ, говоритъ авторъ житій, много было насилія отъ Князя людямъ; домы вельможъ безъ вины искоренилъ, имѣніе у многихъ отнялъ; великое было тогда нестроеніе и грабежъ беззаконный[152].

Таково было княженіе Святополка для Кіевлянъ; легко понять, что племя Изяславово потеряло окончательно народную любовь на Руси; дѣти Святослава никогда не пользовались ею; мы видѣли, какую славу имѣлъ Олегъ Гориславичь въ народѣ; въ послѣднее время онъ не могъ поправить ее, не участвуя въ самыхъ знаменитыхъ походахъ другихъ Князей; старшій братъ его Давыдъ[153] былъ лице незначительное; если онъ сдѣлалъ менѣе зла Русской землѣ, чѣмъ братъ его, то, какъ видно, потому, что былъ менѣе его дѣятеленъ; но если бы даже Давыдъ и имѣлъ большое значеніе, то оно исчезало предъ значеніемъ Мономаха, который во все княженіе Святополка стоялъ на первомъ планѣ; отъ него одного только народъ привыкъ ждать всякаго добра; мы видѣли, что въ лѣтописи онъ является любимцемъ неба, дѣйствующимъ по его внушенію и главнымъ зачинателемъ добрыхъ предпріятій; онъ былъ старшимъ на дѣлѣ; любопытно, что лѣтописецъ, при исчисленіи Князей, постоянно даетъ ему второе мѣсто послѣ Святополка, впереди Святославичей: могли ли они послѣ того надѣяться получить старшинство по смерти Святополковой? При тогдашнихъ неопредѣленныхъ отношеніяхъ, когда княжилъ цѣлый родъ, странно было бы ожидать, чтобъ Святополково мѣсто занято было кѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ Мономаха. Мы видѣли, какъ поступили Новгородцы, когда Князья хо-

тѣли вывести изъ ихъ города любимаго ими Мстислава; также поступаютъ Кіевляне по смерти Святополка, желая видѣть его преемникомъ Мономаха. Они собрали вѣче, рѣшили, что быть Княземъ Владиміру и послали къ нему объявить объ этомъ[154]: «ступай, Князь, на столъ отцовскій и дѣдовскій», говорили ему послы. Мономахъ, узнавъ о смерти Святополка, много плакалъ, и не пошелъ въ Кіевъ: если по смерти Всеволода онъ не пошелъ туда уважая старшинство Святополка, то ясно, что и теперь онъ поступалъ по тѣмъ же побужденіямъ, уважая старшинство Святославичей. Но у Кіевлянъ были свои расчеты: они разграбили дворъ Путяты Тысяцкаго за то, какъ говоритъ одно извѣстіе[155], что Путята держалъ сторону Святославичей, потомъ разграбили дворы соцкихъ и жидовъ: эти слова лѣтописи подтверждаютъ то извѣстіе, что Святополкъ изъ корыстолюбія далъ большія льготы Жидамъ, которыми они пользовались въ ущербъ народу, и тѣмъ возбудили противъ себя всеобщее негодованіе. Послѣ грабежа Кіевляне послали опять къ Владиміру съ такими словами: «Приходи, Князь, въ Кіевъ, если же не придешь, то знай, что много зла сдѣлается; ограбятъ уже не одинъ путятинъ дворъ или соцкихъ и жидовъ, но пойдутъ на княгиню Святополкову, на бояръ, на монастыри, и тогда ты, Князь, дашь Богу отвѣтъ, если монастыри разграбятъ.» Владиміръ, услыхавши объ этомъ, пошелъ въ Кіевъ; навстрѣчу къ нему вышелъ митрополитъ съ епископами и со всѣми Кіевлянами, принялъ его съ честью великою, всѣ люди были рады, и мятежъ утихъ.

Такъ послѣ перваго же старшаго Князя во второмъ поколѣніи нарушенъ уже былъ порядокъ первенства въ слѣдствіе личныхъ достоинствъ сына Всеволодова; племя Святославово потеряло старшинство, должно было ограничиться одною Черниговскою волостію, которая такимъ образомъ превращалась въ отдѣльную отъ остальныхъ Русскихъ владѣній отчину, подобно Полоцкой отчинѣ Изяславичей. На первый разъ усобицы не было: Святославичамъ нельзя было спорить съ Мономахомъ: но они затаили обиду свою только на время.

Въ непосредственной связи съ приведенными обстоятельствами избранія Мономахова находится извѣстіе, что Владиміръ тотчасъ по вступленіи на старшій столъ, собралъ мужей своихъ, Олегъ Святославичь прислалъ также своего мужа, и порѣшили ограничить росты:[156] очень вѣроятно, что Жиды, съ позволенія Святополкова, пользовались неумѣренными ростами, за что и всталъ на нихъ народъ[157].

Святославичи не предъявляли своихъ правъ, съ ними не было войны; не смотря на то и княженіе Мономаха не обошлось безъ усобицъ. Мы видѣли еще при Святополкѣ походъ Князей на Глѣба Всеславича Минскаго; этотъ Князь, какъ видно, наслѣдовалъ духъ отца своего и дѣда и вражду ихъ съ Ярославичами: Глѣбъ не побоялся подняться на сильнаго Мономаха, опустошилъ часть земли Дреговичей, принадлежавшую Кіевскому княжеству, сжегъ Слуцкъ[158], и когда Владиміръ посылалъ къ нему съ требованіемъ, чтобъ унялся отъ насилій, то онъ не думалъ раскаяваться и покоряться, но отвѣчалъ укоризнами. Тогда Владиміръ, въ 1116 году, надѣясь на Бога и на правду, по выраженію лѣтописца, пошелъ къ Минску съ сыновьями своими, Давыдомъ Святославичемъ и сыновьями Олеговыми. Сынъ Мономаха, Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ, взялъ Оршу и Копысь; Давыдъ съ другимъ сыномъ Мономаховымъ, Ярополкомъ, княжившимъ въ Переяславлѣ, на отцовскомъ мѣстѣ, взяли Друцкъ приступомъ, а самъ Владиміръ пошелъ къ Минску и осадилъ въ немъ Глѣба. Мономахъ рѣшился взять Минскъ, сколько бы ни стоять подъ нимъ, и для того велѣлъ у стана строить себѣ теплое житье (избу); Глѣбъ, увидавъ приготовленіе къ долгой осадѣ, испугался и началъ слать пословъ съ просьбами; Владиміръ, нежелая, чтобъ христіанская кровь проливалась великимъ постомъ, далъ ему миръ: Глѣбъ вышелъ изъ города съ дѣтьми и дружиною, поклонился Владиміру и обѣщался во всемъ его слушаться; тотъ, давши ему наставленіе, какъ впередъ вести себя, возвратилъ ему Минскъ, и пошелъ назадъ въ Кіевъ; но сынъ его Ярополкъ Переяславскій недумалъ возвращать свой плѣнъ, жителей Друцка; тяготясь болѣе другихъ Князей малонаселенностію своей степной волости, такъ часто опустошаемой Половцами, онъ вы-

велъ ихъ въ Переяславское княжество, и срубилъ для нихъ тамъ городъ Желни[159]. Минскій Князь, какъ видно, не долго исполнялъ наказъ Владиміровъ: въ 1120 году у Глѣба отняли Минскъ и самого привели въ Кіевъ, гдѣ онъ въ томъ же году и умеръ[160].

Другая усобица имѣла мѣсто на Волыни. Мы видѣли, что Владиміръ жилъ дружно съ Святополкомъ; послѣдній хотѣлъ еще болѣе скрѣпить эту дружбу, которая могла быть очень выгодна для его сына Ярослава, и женилъ послѣдняго на внукѣ Мономаховой, дочери Мстислава Новгородскаго. Но самый этотъ бракъ, если не былъ единственною, то по крайней мѣрѣ, одною изъ главныхъ причинъ вражды между Ярославомъ и Мономахомъ. Подъ 1118 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Мономахъ ходилъ войною на Ярослава къ Владимиру Волынскому, вмѣстѣ съ Давыдомъ Святославичемъ, Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами. Послѣ двухмѣсячной осады, Ярославъ покорился, ударилъ челомъ передъ дядею; тотъ далъ ему наставленіе, велѣлъ приходить къ себѣ по первому зову, и пошелъ назадъ съ миромъ въ Кіевъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи прибавлено, что причиною похода Мономахова на Ярослава было дурное обращеніе послѣдняго съ женою своею[161], извѣстіе очень вѣроятное, если у Ярослава были наслѣдственныя отъ отца наклонности. Но есть еще другое извѣстіе, также очень вѣроятное, что Ярославъ былъ подучаемъ Поляками ко враждѣ съ Мономахомъ и особенно съ Ростиславичами. Мы видѣли прежде вражду послѣднихъ съ Поляками, которые не могли простить Васильку его опустошительныхъ нападеній и завоеваній; Ярославъ, подобно отцу, не могъ забыть, что волость Ростиславичей составляла нѣкогда часть Волынской волости: интересы слѣд. были одинакіе и у Польскаго и у Волынскаго Князя; но кромѣ того ихъ соединяла еще родственная связь. Мы видѣли, что еще на Брестскомъ съѣздѣ между Владиславомъ Германомъ и Святополкомъ было положено заключить брачный союзъ: дочь Святополкову Сбыславу выдать за сына Владиславова, Болеслава Кривоустаго; но бракъ былъ отложенъ по малолѣтству жениха и невѣсты. Въ 1102 году, умеръ Владиславъ Германъ, еще при жизни своей раздѣливши

волости между двумя сыновьями—законнымъ Болеславомъ, и незаконнымъ Збигнѣвомъ. Когда вельможи спрашивали у него, кому же изъ двоихъ сыновей онъ даетъ старшинство, то Владиславъ отвѣчалъ: «Мое дѣло раздѣлить волости, потому что я старъ и слабъ; но возвысить одного сына передъ другимъ или дать имъ правду и мудрость можетъ только одинъ Богъ. Мое желаніе—чтобъ вы повиновались тому изъ нихъ, который окажется справедливѣе другаго и доблестнѣе при защитѣ родной земли.» Эти слова, приводимыя Польскимъ лѣтописцемъ, очень замѣчательны: они показываютъ всю неопредѣленность въ понятіяхъ о порядкѣ наслѣдства, какая господствовала тогда въ Славянскихъ государствахъ. Лучшимъ между братьями оказался Болеславъ, который вовсе не былъ похожъ на отца, отличался мужествомъ, дѣятельностію. Болеславъ остался вѣренъ отцовскому договору съ Святополкомъ, женился на дочери послѣдняго—Сбыславѣ[162], и въ слѣдствіе этого родственнаго союза Ярославъ Волынскій постоянно помогалъ Болеславу въ усобицѣ его съ братомъ Збигнѣвомъ[163]; нѣтъ ничего страннаго слѣдовательно, что Князья Польскій и Волынскій рѣшились дѣйствовать вмѣстѣ противъ Ростиславичей. Но могъ ли Мономахъ спокойно смотрѣть на это, тѣмъ болѣе, что онъ находился съ Ростиславичами въ родственной связи: сынъ его Романъ былъ женатъ на дочери Володаря: ясно, что онъ долженъ былъ вступиться за послѣдняго и за брата его; сначала, говоритъ то же извѣстіе, онъ посылалъ уговаривать Ярослава, потомъ звалъ его на судъ предъ Князей[164], наконецъ, когда Ярославъ не послушался, пошелъ на него войною, исходъ который мы изложили по дошедшимъ до насъ лѣтописямъ. Въ нихъ встрѣчаемъ еще одно важное извѣстіе, что передъ походомъ на Ярослава, Мономахъ перезвалъ изъ Новгорода старшаго сына своего Мстислава и посадилъ его подлѣ себя, въ Бѣлгородѣ: это могло заставить Ярослава думать, что Мономахъ хочетъ по смерти своей передать старшинство сыну своему, тогда какъ Мономахъ могъ это сдѣлать именно въ слѣдствіе непріязненнаго поведенія Ярослава. Принужденная покорность послѣдняго не была продолжительна: скоро онъ прогналъ свою жену, за что Мономахъ выступилъ вторично противъ него: разумѣется Ярославъ могъ рѣшить-

ся на явный разрывъ только собравши значительныя силы, и въ надеждѣ на помощь Польскую и Венгерскую, потому что и съ королемъ Венгерскимъ онъ былъ также въ родствѣ; но собственные бояре отступили отъ Волынскаго Князя, и онъ принужденъ былъ бѣжать сперва въ Венгрію, потомъ въ Польшу. Мономахъ посадилъ во Владимирѣ сперва сына своего Романа, а потомъ, по смерти его, другаго сына Андрея. Что эти событія были въ связи съ Польскою войною, доказательствомъ служитъ походъ новаго Владимирскаго Князя Андрея съ Половцами въ Польшу, въ 1120 году. Въ слѣдующемъ году Ярославъ съ Поляками подступилъ было къ Червеню; Мономахъ принялъ мѣры для безопасности пограничныхъ городовъ: въ Червени сидѣлъ знаменитый мужъ его Ѳома Ратиборовичь, который и заставилъ Ярослава возвратиться ни съ чѣмъ. Для Поляковъ, какъ видно, самымъ опаснымъ врагомъ былъ Володарь Ростиславичь, который не только водилъ на Польшу Половцевъ, но былъ въ союзѣ съ другими опасными ея врагами, Поморянами и Прусаками. Не будучи въ состояніи одолѣть его силою, Поляки рѣшились схватить его хитростію. Въ это время при дворѣ Болеслава находился знаменитый своими похожденіями Петръ Властъ, родомъ, какъ говорятъ, изъ Даніи. Въ совѣтѣ, который держалъ Болеславъ по случаю вторженій Володаря, Властъ объявилъ себя противъ открытой войны съ этимъ Княземъ, указывалъ на связь его съ Половцами, Поморянами, Прусаками, которые всѣ въ одно время могли напасть на Польшу, и совѣтовалъ схватить Ростиславича хитростію, при чемъ предложилъ свои услуги. Болеславъ принялъ предложеніе, и Властъ отправился къ Володарю въ сопровожденіи тридцати человѣкъ, выставилъ себя изгнанникомъ, заклятымъ врагомъ Польскаго Князя, и успѣлъ пріобрѣсть полную довѣренность Ростиславича. Однажды оба они выѣхали на охоту; Князь, погнавшись за звѣремъ, удалился отъ города, дружина его разсѣялась по лѣсу, подлѣ него остался только Властъ съ своими; они воспользовались благопріятною минутою, бросились на Володаря, схватили и умчали къ Польскимъ границамъ[165]. Болеславъ достигъ своей цѣли: Василько Ростиславичь отдалъ всю свою и братнюю казну, чтобъ освободить изъ плѣна Володаря; но, что было всего важнѣе,

Ростиславичи обязались дѣйствовать за одно съ Поляками противъ всѣхъ враговъ ихъ: иначе мы не можемъ объяснить присутствія обоихъ братьевъ въ Польскомъ войскѣ, во время похода его на Русь въ 1123 году. Въ этотъ годъ Ярославъ пришелъ подъ Владиміръ съ Венграми, Поляками, Чехами, обоими Ростиславичами — Володаремъ и Василькомъ; было у него множество войска, говоритъ лѣтописецъ. Во Владимирѣ сидѣлъ тогда сынъ Мономаховъ Андрей, самъ Мономахъ собиралъ войска въ Кіевской волости, отправивъ напередъ себя ко Владиміру старшаго сына Мстислава съ небольшимъ отрядомъ, но и тотъ не поспѣлъ придти, какъ осада была уже снята. Въ воскресенье, рано утромъ подъѣхалъ Ярославъ самътретей къ городскимъ стѣнамъ, и началъ кричать Андрею и гражданамъ: «это мой городъ; если не отворитесь, не выйдете съ поклономъ, то увидите: завтра приступлю къ городу и возьму его.» Но въ то время, когда онъ еще ѣздилъ подъ городомъ, изъ послѣдняго вышли тихонько два Поляка, безъ сомнѣнія находившіеся въ службѣ у Андрея[165], что тогда было дѣло обыкновенное, и спрятались при дорогѣ; когда Ярославъ возвращался отъ города мимо ихъ, то они вдругъ выскочили на дорогу и ударили его копьемъ; чуть чуть живаго успѣли примчать его въ станъ, и въ ночь онъ умеръ. Король Венгерскій Стефанъ II-й рѣшился было продолжать осаду города; но вожди отдѣльныхъ отрядовъ его войска воспротивились этому, объявили, что не хотятъ безъ цѣли проливать крови своихъ воиновъ, вслѣдствіе чего всѣ союзники Ярославовы разошлись по домамъ, отправивъ пословъ ко Владиміру съ просьбою о мирѣ и съ дарами. Лѣтописецъ распространяется объ этомъ событіи: «такъ умеръ Ярославъ, говоритъ онъ, одинокъ при такой силѣ, погибъ за великую гордость, потому что не имѣлъ надежды на Бога, а надѣялся на множество войска; смотри теперь, что взяла гордость? Разумѣйте, дружина и братья, по комъ Богъ, по гордомъ или по смиренномъ. Владиміръ, собирая войско въ Кіевѣ, плакался предъ Богомъ о насильи и гордости Ярославовой; и была великая помощь Божія благовѣрному Князю Владиміру, за честное его житіе и за смиреніе, а тотъ молодой гордился противъ дѣда своего, и потомъ опять противъ тестя своего

Мстислава.» Эти слова замѣчательны во-первыхъ потому, что въ нихъ высказывается современный взглядъ на между-княжескія отношенія: Ярославъ, въ глазахъ лѣтописца, виноватъ тѣмъ, что, будучи молодъ, гордился передъ дядею и тестемъ— чисто родовыя отношенія, за исключеніемъ всякихъ другихъ. Во-вторыхъ очень замѣчательны слова объ отношеніяхъ Ярослава къ Мстиславу: Ярославъ выставляется молодымъ предъ Мстиславомъ, порицается за гордость предъ нимъ: не заключаютъ ли эти слова намека на столкновеніе правъ тестя и зятя на старшинство: не заключалась ли гордость Ярослава преимущественно въ томъ, что онъ, будучи молодъ и зять Мстиславу, вздумалъ выставлять права свои передъ нимъ, какъ сынъ старшаго изъ внуковъ Ярославовыхъ? Намъ кажется это очень вѣроятнымъ. Какъ бы то ни было однако, и самая старшая линія въ Ярославовомъ потомствѣ потеряла право на старшинство смертію Ярослава; если и послѣдній, по мнѣнію лѣтописца, былъ молодъ предъ Мстиславомъ, то могли ли соперничать съ нимъ младшіе братья Ярославовы, Изяславъ и Брячиславъ: оба они умерли въ 1127 году[167]; потомство Святополково вмѣстѣ съ Волынью лишилось и Турова, который также отошелъ къ роду Мономахову; за Святополковичами остался здѣсь, какъ увидимъ послѣ, одинъ Клецкъ. Наконецъ замѣтимъ, что Мономаху и племени его вездѣ благопріятствовало народное расположеніе: Ярославъ не могъ противиться Мономаху во Владимірѣ: бояре отступили отъ него, и когда онъ пришелъ съ огромнымъ войскомъ подъ Владиміръ, то граждане не думали отступить отъ сына Мономахова.

Такъ кончились при Владимірѣ междукняжескія отношенія и соединенныя съ ними отношенія Польскія. Касательно другихъ Европейскихъ государствъ при Мономахѣ останавливаютъ насъ лѣтописныя извѣстія объ отношеніяхъ Греческихъ. Дочь Мономаха, Марія была въ замужствѣ за Леономъ, сыномъ Императора Греческаго Діогена; извѣстны обычные въ Византіи перевороты, которые возвели на престолъ домъ Комненовъ въ ущербъ дома Діогенова. Леонъ, безъ сомнѣнія, не безъ совѣта и помощи тестя своего, Русскаго Князя, вздумалъ въ 1116 году вооружиться на Алексѣя Комнена и добыть себѣ

какую-нибудь область; нѣсколько Дунайскихъ городовъ уже сдались ему; но Алексѣй подослалъ къ нему двухъ Арабовъ, которые коварнымъ образомъ умертвили его въ Доростолѣ. Владиміръ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, удержать для внука своего Василія пріобрѣтенія Леоновы, и послалъ воеводу Ивана Войтишича, который посажалъ посадниковъ по городамъ Дунайскимъ; но Доростолъ захваченъ былъ уже Греками: для его взятія ходилъ сынъ Мономаховъ Вячеславъ съ воеводою Ѳомою Ратиборовичемъ на Дунай; но принужденъ былъ возвратиться безъ всякаго успѣха[168]. По другимъ извѣстіямъ, Русское войско имѣло успѣхъ во Ѳракіи, опустошило ее, и Алексѣй Комненъ, чтобъ избавиться отъ этой войны, прислалъ съ мирными предложеніями къ Мономаху Неофита, Митрополита Ефесскаго и другихъ знатныхъ людей, которые поднесли Кіевскому Князю богатые дары — Крестъ изъ Животворящаго древа, вѣнецъ царскій, чашу сердоликовую, принадлежавшую Императору Августу, золотыя цѣпи и проч., при чемъ Неофитъ возложилъ этотъ вѣнецъ на Владиміра и назвалъ его Царемъ[169]. Мы видѣли, что царственное происхожденіе Мономаха по матери давало ему большое значеніе, особенно въ глазахъ духовенства; въ памятникахъ письменности XII-го вѣка его называютъ царемъ[170]: какую связь имѣло это названіе съ вышеприведеннымъ извѣстіемъ — было ли его причиною или слѣдствіемъ — рѣшить трудно; замѣтимъ одно, что извѣстіе это не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго; очень вѣроятно также, что въ Кіевѣ воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ дать любимому Князю и дѣтямъ его еще болѣе правъ на то значеніе, которое они пріобрѣли въ ущербъ старшимъ линіямъ. Какъ бы то ни было, мы не видимъ послѣ возобновленія военныхъ дѣйствій съ Греками, и подъ 1122 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о новомъ брачномъ союзѣ внуки Мономаховой, дочери Мстислава съ однимъ изъ Князей династіи Комненовъ[171].

Мы вправѣ ожидать, что Половцамъ и другимъ степнымъ ордамъ стало не легче, когда Мономахъ сѣлъ на старшемъ столѣ Русскомъ. Узнавши о смерти Святополка, Половцы явились было на восточныхъ границахъ[172]; но Мономахъ, соединившись съ Олегомъ, сыновьями своими и племянниками, пошелъ на нихъ и

принудилъ къ бѣгству. Въ 1116 году видимъ опять наступательное движеніе Русскихъ: Мономахъ послалъ сына своего Ярополка, а Давыдъ сына своего Всеволода на Донъ; и Князья эти взяли у Половцевъ три города. Рядъ удачныхъ походовъ Русскихъ Князей, какъ видно, ослабилъ силы Половцевъ, и далъ подчиненнымъ Торкамъ и Печенѣгамъ надежду освободиться отъ ихъ зависимости: они встали противъ Половцевъ и страшная рѣзня происходила на берегахъ Дона: варвары сѣклись два дни и двѣ ночи, послѣ чего Торки и Печенѣги были побѣждены, прибѣжали въ Русь, и были поселены на границахъ. По движенія въ степяхъ не прекращались: въ слѣдующемъ году пришли въ Русь Бѣловѣжцы, также жители Донскихъ береговъ; такъ Русскія границы населялись варварскими народами разныхъ названій, которые будутъ играть важную роль въ нашемъ дальнѣйшемъ разсказѣ; но сначала, какъ видно, эти гости были очень безпокойны, не умѣли отвыкнуть отъ своихъ степныхъ привычекъ и уживаться въ ладу съ осѣдлымъ народонаселеніемъ: въ 1120 г. Мономахъ принужденъ былъ выгнать Берендѣевъ изъ Руси, а Торки и Печенѣги бѣжали сами. Ярополкъ послѣ того ходилъ на Половцевъ за Донъ, но не нашелъ ихъ тамъ: не даромъ преданіе говоритъ, что Мономахъ загналъ ихъ на Кавказъ. — Новгородцы и Псковичи продолжали воевать съ Чудью на западъ отъ Чудскаго озера: въ 1116 г. Мстиславъ взялъ городъ Оденпе, или Медвѣжью голову, погостовъ побралъ безчисленное множество, и возвратился домой съ большимъ полономъ; сынъ его Всеволодъ въ 1122 году ходилъ на Финское племя Ямь, и побѣдилъ его; на дорогѣ было трудно по дороговизнѣ хлѣба[173]. На сѣверо-востокѣ борьба съ иноплеменниками шла также удачно: прежде мы встрѣчали извѣстіе о пораженіяхъ, которыя претерпѣвали Муромскія волости отъ Болгаръ и Мордвы; но теперь подъ 1120 годомъ читаемъ, что сынъ Мономаховъ, Юрій, посаженный отцемъ въ Ростовской области, ходилъ по Волгѣ на Болгаръ, побѣдилъ ихъ полки, взялъ большой полонъ, и пришелъ назадъ съ честью и славою.

Такъ во всѣхъ концахъ Русскихъ волостей оправдались надежды народа на благословенное княженіе Мономаха. Послѣ двѣнадцатилѣтняго правленія въ Кіевѣ, въ 1125 году умеръ

Мономахъ, просвѣтившій Русскую землю, какъ солнце, по выраженію лѣтописца: слава его прошла по всѣмъ странамъ, особенно же былъ онъ страшенъ поганымъ; былъ онъ братолюбецъ и нищелюбецъ и добрый страдалецъ (труженикъ) за Русскую землю. Духовенство плакало по немъ, какъ по святомъ и добромъ Князѣ: потому что много почиталъ онъ монашескій и священническій чинъ, давалъ имъ все потребное, церкви строилъ и украшалъ; когда входилъ въ церковь и слышалъ пѣніе, то не могъ удерживаться отъ слезъ; потому то Богъ и исполнялъ всѣ его прошенія и жилъ онъ въ благополучіи; весь народъ плакалъ по немъ, какъ плачутъ дѣти по отцѣ или по матери[174].

Разсмотрѣвши дѣятельность втораго поколѣнія Ярославичей, взглянемъ и на дѣятельность дружинниковъ княжескихъ. Мы видѣли, что съ приходомъ Святополка изъ Турова въ Кіевъ, въ послѣднемъ городѣ явилось двѣ дружины: старая, бывшая при Изяславѣ и Всеволодѣ, и новая, приведенная Святополкомъ. Мы замѣтили, что лѣтописецъ явно отдаетъ предпочтеніе старой предъ новою: члены первой являются у него людьми разумными, опытными, члены второй называются несмысленными. Любопытно замѣтить также при этомъ, что члены старой дружины, люди разумные держатся постоянно Мономаха и его думы. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ у лѣтописца является Янъ Вышатичь, котораго дѣятельность видѣли мы при первомъ поколѣніи; въ послѣдній разъ является Янъ подъ 1106 годомъ, когда онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Путятою и Иваномъ Захарьичемъ, прогналъ Половцевъ и отнялъ у нихъ полонъ. Въ слѣдъ за этимъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти Яна, старца добраго, жившаго лѣтъ 90: «жилъ онъ по закону Божію, говоритъ лѣтописецъ, не хуже первыхъ праведниковъ, отъ него и я слышалъ много разсказовъ, которые и внесъ въ лѣтопись.» Трудно рѣшить, разумѣлъ ли здѣсь лѣтописецъ нашего Вышатича, или другаго какаго-нибудь Яна: кажется въ первомъ случаѣ онъ прибавилъ бы что-нибудь и о его гражданскихъ подвигахъ. Гораздо чаще упоминается имя брата Янова, Путяты, который былъ Тысяцкимъ при Святополкѣ въ Кіевѣ; мы видѣли, что при Всеволодѣ былъ Кіевскимъ Тысяцкимъ Янъ:

какимъ образомъ эта должность перешла къ младшему брату отъ старшаго при жизни послѣдняго — мы не знаемъ; любопытно одно, что это званіе сохраняется въ семьѣ Вышаты, Тысяцкаго Ярославова. Дѣятельность Путяты мы видѣли въ войнѣ Святополка съ Давыдомъ Волынскимъ, на Витичевскомъ съѣздѣ, въ походѣ на Половцевъ въ 1106 году; наконецъ по смерти Святополка видимъ, что народъ грабитъ домъ Путяты за приверженность его къ Святославичамъ; можно думать, что не столько личная привязанность къ этому роду могла руководить поведеніемъ Путяты, сколько привязанность къ обычному порядку старшинства, нарушеніе котораго неминуемо влекло за собою смуту и усобицы. Кромѣ братьевъ Вышатичей — Яна и Путяты, изъ мужей Святополковыхъ, бояръ Кіевскихъ, упоминаются: Василь, Славата, Иванко Захарьичь, Козаринъ. Послѣ Всеволода мужъ его Ратиборъ, котораго мы видѣли посадникомъ въ Тмутаракани, не остался въ Кіевѣ, но перешелъ къ Мономаху, у котораго въ Переяславлѣ пользовался большимъ значеніемъ, что видно изъ разсказа объ убійствѣ Половецкихъ хановъ; потомъ мы видимъ его на Витичевскомъ съѣздѣ; наконецъ, когда Мономахъ занялъ старшій столъ, Ратиборъ сдѣлался Тысяцкимъ въ Кіевѣ, на мѣсто Путяты: въ этомъ званіи онъ участвуетъ въ перемѣнѣ устава о ростахъ вмѣстѣ съ Прокопіемъ Бѣлогородскимъ Тысяцкимъ, Станиславомъ (Тукіевичемъ) Переяславскимъ, и еще двумя мужами — Пажиромъ и Мірославомъ; здѣсь въ другой разъ замѣчаемъ, что перемѣна въ земскомъ уставѣ дѣлается въ совѣтѣ Тысяцкихъ разныхъ городовъ; встрѣчаемъ имена двоихъ сыновей Ратиборовыхъ — Ольбега и Ѳомы; кромѣ нихъ еще имена двоихъ воеводъ Мономаховыхъ — Дмитра Иворовича и Ивана Войтишича, перваго въ походѣ на Половцевъ за Донъ, втораго на Грековъ къ Дунаю; наконецъ Орогоста, дѣйствовавшаго вмѣстѣ съ Ратиборомъ на Витичевскомъ съѣздѣ. Изъ Черниговскихъ бояръ у Святославичей встрѣчаемъ имена: Торчина при разсказѣ о Витичевскомъ съѣздѣ, и Иванка Чудиновича, бывшаго при перемѣнѣ устава о ростахъ; если этотъ Иванко сынъ Чудина, боярина Изяславова, то любопытно, что сынъ очутился въ дружинѣ Святославичей. Изъ Волынскихъ бояръ встрѣчаемъ име-

на Туряка, Лазаря и Василя, выставленныхъ главными виновниками ослѣпленія Василька. Что касается до происхожденія членовъ княжеской дружины, то имена Торчина, боярина Святославичей Черниговскихъ и Козарина, боярина Святополкова, ясно на него указываютъ; имена прислуги княжеской — Торчина, овчаря Святополкова, Бяндука, отрока Мономахова, Кульмѣя, Улана и Колчка, отроковъ Давыда Волынскаго, могутъ указывать также на варварское происхожденіе.

ГЛАВА IV.

События при правнуках Ярослава I-го; борьба дядей съ племянниками въ родѣ Мономаха, и борьба Святославичей съ Мономаховичами — до смерти Юрія Владиміровича Долгорукаго.

(1125 – 1157).

По смерти Мономаха на Кіевскомъ столѣ сѣлъ старшій сынъ его Мстиславъ; соперниковъ ему быть не могло: Олегъ и Давыдъ Святославичи умерли еще при жизни Мономаха; въ Черниговѣ сидѣлъ младшій братъ ихъ Ярославъ; но этотъ незначительный Князь не могъ удержать старшинства и въ собственномъ родѣ; еще менѣе могъ спорить съ Мстиславомъ Брячиславъ Святополковичь, княжившій неизвѣстно въ какомъ городкѣ въ Пинскихъ волостяхъ. Но и болѣе сильные соперники не могли быть страшны Мстиславу при народномъ расположеніи къ роду Мономахову, тѣмъ болѣе, что Мстиславъ походилъ во всемъ на знаменитаго отца своего. Не даромъ лѣтописецъ, начиная разсказъ о княженіи Мстислава, говоритъ, что этотъ Князь еще въ молодости побѣдилъ дядю своего Олега[175]: такимъ образомъ въ личныхъ достоинствахъ Мономахова сына старались находить оправданіе тому, что онъ отстранялъ старшее племя Святославово[176].

Кромѣ Мстислава, послѣ Мономаха оставалось еще четверо сыновей: Ярополкъ, Вячеславъ, Георгій, Андрей; Ярополкъ еще при отцѣ получилъ столъ Переяславскій[177] и остался на немъ при братѣ; Ярополкъ былъ на своемъ мѣстѣ, потому что отличался храбростію, необходимою для Переяславскаго Князя, обязаннаго постоянно биться съ степными варварами. Тре-

тій братъ Вячеславъ княжилъ сперва въ Смоленскѣ, а потомъ переведенъ въ Туровъ; Георгій издавна княжилъ въ Ростовской области[178]; Андрей во Владимирѣ на Волыни. Въ Новгородѣ сидѣлъ старшій сынъ Мстислава Всеволодъ; въ Смоленскѣ третій сынъ его Ростиславъ; гдѣ же былъ второй, Изяславъ? должно думать, что гдѣ нибудь подлѣ Кіева: онъ также отличался храбростію, и потому нуженъ былъ отцу для рати: скоро нашлась ему и волость и дѣятельность.

Въ Черниговѣ произошло важное явленіе: сынъ Олега, Всеволодъ напалъ въ расплохъ на дядю своего Ярослава, согналъ его съ старшаго стола, дружину его перебилъ и разграбилъ. Въ самомъ занятіи Кіевскаго стола Мстиславомъ мимо Ярослава Святославича, который приходился ему дядя, Всеволодъ могъ уже видѣть примѣръ и оправданіе своего поступка: если Ярославъ потерялъ старшинство въ цѣломъ родѣ, то могъ ли онъ сохранять его въ своей линіи? Какъ бы то ни было, Мстиславъ не хотѣлъ сначала терпѣть такого нарушенія старшинства дядей, тѣмъ болѣе, что, какъ видно, онъ обязался клятвеннымъ договоромъ поддерживать Ярослава въ Черниговѣ. Вмѣстѣ съ братомъ Ярополкомъ Мстиславъ собралъ войско, чтобъ идти на Всеволода; тотъ не могъ одинъ противиться Мономаховичамъ и послалъ за Половцами, а дядю Ярослава отпустилъ изъ неволи въ Муромъ. Половцы явились назовъ Всеволода въ числѣ 7000, и стали за рѣкою Выремъ[179] у Ратимировой Дубравы: но послы ихъ, отправленные къ Всеволоду, были перехвачены на рѣкѣ Локнѣ[180] и приведены къ Ярополку, потому что послѣдній успѣлъ захватить все теченіе рѣки Сейма, посадилъ по всѣмъ городамъ своихъ посадниковъ, а въ Курскѣ племянника Изяслава Мстиславича. Половцы, не получая вѣсти изъ Чернигова, испугались и побѣжали назадъ; это извѣстіе очень замѣчательно: оно показываетъ, какъ варвары стали робки послѣ Задонскихъ походовъ Мономаха, сыновей и воеводъ его. Послѣ бѣгства Половцевъ Мстиславъ еще больше началъ стѣснять Всеволода: «Что взялъ? говорилъ онъ ему: навелъ Половцевъ, что же, помогли они тебѣ?» Всеволодъ сталъ упрашивать Мстислава, подучивалъ его бояръ, подкупалъ ихъ дарами, чтобъ просили за него, и такимъ образомъ провелъ

все лѣто. Зимою пришелъ Ярославъ изъ Мурома въ Кіевъ, и сталъ также кланяться Мстиславу и упрашивать. «Ты мнѣ крестъ цѣловалъ, пойди на Всеволода;» а Всеволодъ, съ своей стороны, еще больше упрашивалъ. Въ это время въ Кіевскомъ Андреевскомъ монастырѣ былъ игуменъ Григорій, котораго очень любилъ Владиміръ Мономахъ, да и Мстиславъ и весь народъ очень почиталъ его. Этотъ-то Григорій все не давалъ Мстиславу встать ратью на Всеволода за Ярослава; онъ говорилъ: «Лучше тебѣ нарушить клятву, чѣмъ пролить кровь христіанскую.» Мстиславъ не зналъ, что ему дѣлать: Митрополита тогда не было въ Кіевѣ, такъ онъ созвалъ соборъ изъ священниковъ, и передалъ дѣло на ихъ рѣшеніе: тѣ отвѣчали: «На насъ будетъ грѣхъ клятвопреступленія.» Мстиславъ послушался ихъ; не исполнилъ своего обѣщанія Ярославу, и послѣ раскаявался въ томъ всю свою жизнь. На слова Григорія и на приговоръ собора можно смотрѣть какъ на выраженіе общаго народнаго мнѣнія: граждане не терпѣли княжескихъ усобицъ и вообще войнъ неприносившихъ непосредственной пользы, не имѣвшихъ цѣлію защиты края; но какая охота была Кіевлянамъ проливать свою кровь за нелюбимаго Святославича? Со стороны же Мстислава, кромѣ рѣшенія духовенства, побужденіемъ къ миру со Всеволодомъ могла служить также и родственная связь съ нимъ: за нимъ была дочь его. Какъ бы то ни было, племянникъ удержалъ за собою старшій столъ вопреки правамъ дяди: но эта удача была, какъ увидимъ, первою и послѣднею въ нашей древней исторіи. Для Мономаховичей событіе это не осталось впрочемъ безъ матеріальной выгоды: они удержали Курскъ и все посемье: это пріобрѣтеніе было для нихъ очень важно, потому, что дѣлало затруднительнымъ сообщеніе Святославичей съ Половцами. Ярославъ долженъ былъ идти назадъ въ Муромъ, и остаться тамъ навсегда; потомки его явились уже изгоями относительно племени Святославова, потеряли право на старшинство, должны были ограничиться одною Муромскою волостію, которая въ слѣдствіе этого отдѣлилась отъ Черниговской. Такимъ образомъ и на востокѣ отъ Днѣпра образовалась отдѣльная княжеская волость, подобная Полоцкой и Галицкой на западѣ.

Покончивши съ Черниговскими, въ томъ же 1127 году Мстиславъ послалъ войско на Князей Полоцкихъ: есть извѣстіе, что они не переставали опустошать пограничныя волости Мономаховичей[181]. Мстиславъ послалъ войска четырьмя путями: братьевъ — Вячеслава изъ Турова, Андрея изъ Владимира; сына Давыда Игоревича, Всеволодка[182], зятя Мономахова изъ Городна и Вячеслава Ярославича[183] изъ Клецка: этимъ четверымъ Князьямъ велѣлъ идти къ Изяславлю; Всеволоду Ольговичу Черниговскому велѣлъ идти съ братьями на Стрѣжевъ къ Борисову, туда же послалъ извѣстнаго воеводу своего Ивана Войтишича съ Торками; свой полкъ отправилъ подъ начальствомъ сына Изяслава къ Лагожску[184], а другаго сына, Ростислава съ Смолянами на Друцкъ. Въ Полоцкѣ сидѣлъ въ это время тотъ самый Давыдъ Всеславичь, котораго прежде мы видѣли въ союзѣ съ Ярославичами противъ Глѣба Минскаго; за сыномъ его Брячиславомъ, княжившимъ, какъ видно, въ Изяславлѣ, была дочь Мстислава Кіевскаго. Минскъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, отошелъ къ Ярославичамъ еще при Мономахѣ, который отвелъ въ неволю Князя его Глѣба; иначе Мстиславъ не направилъ бы войско свое мимо Минска на города дальнѣйшіе; быть можетъ Всеславичи не могли забыть потери Минска, и это было главнымъ поводомъ къ войнѣ. Мстиславъ всѣмъ отправленнымъ Князьямъ назначилъ срокомъ одинъ день, въ который они должны были напасть на указанныя мѣста. Но Изяславъ Мстиславичь опередилъ одинъ всю братью и приблизился къ Лагожску; зять его Брячиславъ, Князь Изяславскій, велъ въ это время Лагожскую дружину на помощь отцу своему Давыду, но узнавъ на серединѣ пути, что Изяславъ у города, такъ перепугался, что не зналъ, что̀ дѣлать, куда идти, и пошелъ прямо въ руки къ шурину, къ которому привелъ и Лагожскую дружину; Лагожане, видя своихъ въ рукахъ у Изяслава, сдались ему; пробывъ здѣсь два дня, Изяславъ отправился къ дядьямъ своимъ, Вячеславу и Андрею, которые осаждали Изяславль. Жители этого города, видя, что Князь ихъ и Лагожане взяты Изяславомъ, и не терпятъ никакой бѣды, объявили Вячеславу, что сдадутся, если онъ поклянется не давать ихъ на щитъ (на разграбленіе) воинамъ. Вячеславъ согласил-

ся и вечеромъ Вратиславъ, Тысяцкій Князя Андрея и Иванко, Тысяцкій Вячеславовъ, послали въ городъ своихъ отроковъ; но когда на разсвѣтѣ остальные ратники узнали объ этомъ, то бросились всѣ въ городъ и начали грабить: едва Князья съ своими дружинами успѣли уберечь имѣніе дочери Великаго Князя Мстислава, жены Брячиславовой, и то должны были биться съ своими. Между тѣмъ съ другой стороны шелъ къ Полоцку старшій сынъ Мстислава, Всеволодъ, Князь Новгородскій[185]; тогда Полочане выгнали отъ себя Давыда съ сыновьями, взяли брата его Рогволода[186], и послали просить Мстислава, чтобъ онъ утвердилъ его у нихъ Княземъ; Мстиславъ согласился. Не даромъ однако современники не умѣли объяснить себѣ этой наслѣдственной и непримиримой вражды Полоцкихъ Князей къ потомству Ярослава, и прибѣгали къ помощи преданія о Рогволодѣ и Рогнѣдѣ: какъ при Мономахѣ, такъ и теперь при сынѣ его дѣло могло кончиться только изгнаніемъ Изяславичей изъ волостей ихъ. Во время Половецкаго нашествія въ 1129 году Мстиславъ, собирая Князей, послалъ звать и Полоцкихъ на помощь противъ варваровъ; Рогволода, пріятнаго Ярославичамъ, какъ видно, не было уже въ это время въ живыхъ, и старшинство, по прежнему, держалъ Давыдъ, который съ братьями и племянниками далъ дерзкій, насмѣшливый отвѣтъ на зовъ Мстислава[187]. Половецкая война помѣшала Великому Князю немедленно наказать Всеславича; но когда Половцы были прогнаны, то онъ вспомнилъ обиду, и послалъ за Кривскими Князьями, какъ продолжали еще называть Полоцкихъ владѣльцевъ: Давыда, Ростислава и Святослава Всеславичей, вмѣстѣ съ племянниками ихъ Рогволодовичами, посадили въ три лодки и заточили въ Царьградъ: безъ всякаго сомнѣнія Полочане выдали Князей своихъ, не желая подвергать страны своей опустошеніямъ въ угоду непримиримой ненависти послѣднихъ къ Ярославичамъ. По городамъ Полоцкимъ, говоритъ лѣтописецъ, Мстиславъ посажалъ своихъ посадниковъ, но послѣ мы видимъ тамъ сына его Изяслава, переведеннаго изъ Курска[158].

Изъ внѣшнихъ событій по прежнему записана въ лѣтописи борьба съ Половцами и другими сосѣдними варварами. Полов-

цы обрадовались смерти Мономаховой и немедленно явились въ предѣлахъ Переяславскаго княжества. Мы видѣли, что Русскіе Князья, во время счастливыхъ походовъ своихъ въ степи, взяли у Половцевъ часть подвластныхъ имъ Торковъ и Печенѣговъ; видѣли, что эти варвары послѣ сами убѣжали отъ Половцевъ въ Русскіе предѣлы, и были поселены здѣсь. Разумѣется, Половцамъ хотѣлось возвратить ихъ назадъ, и вотъ лѣтописецъ говоритъ, что они именно являлись для того, чтобъ перехватить Русскихъ Торковъ. Но въ Переяславлѣ сидѣлъ Ярополкъ, достойный по храбрости сынъ Мономаха, привыкшій подъ отцовскимъ стягомъ громить варваровъ въ степяхъ ихъ: узнавши о впаденіи и намѣреніи Половцевъ, Ярополкъ велѣлъ вогнать Торковъ и все остальное народонаселеніе въ города; Половцы пріѣхали, но ничего не могли сдѣлать, и, узнавъ, что Ярополкъ въ Переяславлѣ, пошли воевать посулье (мѣста по рѣкѣ Сулѣ). Ярополкъ благовѣрнаго Князя корень и благовѣрная отрасль, по выраженію лѣтописца, не дожидаясь помощи отъ братьевъ, съ одними Переяславцами пошелъ въ слѣдъ за ними, настигъ ихъ на правомъ берегу рѣки Удая[189], призвалъ имя Божіе и отца своего, ударилъ на поганыхъ и одержалъ побѣду: помогъ ему Богъ и молитвы отца его, продолжаетъ лѣтописецъ. Послѣ этого нападенія Половцевъ мы встрѣтили извѣстіе объ нихъ при описаніи Черниговскихъ и потомъ Полоцкихъ происшествій. — Мстиславъ не забылъ той борьбы, которую велъ онъ сидя на столѣ Новгородскомъ, именно борьбы съ Чудью, и въ 1130 году послалъ на нее сыновей своихъ—Всеволода, Изяслава и Ростислава; лѣтописецъ говоритъ подробно, въ чемъ состоялъ походъ: самихъ враговъ перебили, хоромы пожгли, женъ и дѣтей привели домой. Но не такъ былъ счастливъ Чудскій походъ одного Всеволода Новгородскаго въ слѣдующемъ году: сотворилась пакость великая, говоритъ лѣтописецъ: перебили много добрыхъ мужей Новгородскихъ въ Клину: Клинъ — это Русскій переводъ Эстонскаго слова Waija или Wagja, какъ называлась часть нынѣшняго Дерптскаго уѣзда въ XIII вѣкѣ[190].—Что Половцы были для юго-восточной Руси, то Литва была для западной, преимущественно для княжества Полоцкаго. Присоединивши къ волостямъ своего рода и это кня-

жество, Мстиславъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ его врагами; вотъ почему въ послѣдній годъ его княженія лѣтописецъ упоминаетъ о походѣ на Литву: Мстиславъ ходилъ съ сыновьями своими, съ Ольговичами и зятемъ Всеволодомъ Городенскимъ. Походъ былъ удаченъ: Литву пожгли, по обыкновенію; но на возвратномъ пути Кіевскіе полки пошли отдѣльно отъ княжеской дружины; Литовцы настигли ихъ и побили много народу.

Въ 1132 году умеръ Мстиславъ: его княженіе, бывшее совершеннымъ подобіемъ отцовскаго, утвердило въ народѣ вѣру въ достоинство племени Мономахова. Этотъ Мстиславъ великій, говоритъ лѣтописецъ, наслѣдовалъ потъ отца своего, Владиміра Мономаха великаго. Владиміръ самъ собою постоялъ на Дону, и много пота утеръ за землю Русскую, а Мстиславъ мужей своихъ послалъ, загналъ Половцевъ за Донъ, за Волгу и за Яикъ; и такъ избавилъ Богъ Русскую землю отъ поганыхъ. Здѣсь также видимъ выраженіе главнаго современнаго интереса—борьбы съ степными варварами. Народъ могъ надѣяться, что долго будетъ спокоенъ отъ ихъ нашествій, потому что Мстиславу наслѣдовалъ по всѣмъ правамъ братъ его Ярополкъ, благовѣрная отрасль, который былъ извѣстенъ своею храбростію, своими счастливыми походами въ степи; у Ярополка не было соперниковъ: онъ былъ единственный Князь, который могъ сѣсть на старшій столъ по отчинѣ и дѣдинѣ; онъ крѣпко сидѣлъ въ Кіевѣ и потому еще, что люди Кіевскіе послали за нимъ[191]. Но ихъ надежды на Ярополка не сбылись: спокойствіе Руси кончилось смертію Мстислава; съ начала княженія Ярополкова начались усобицы, усобицы въ самой семьѣ знаменитаго Князя братолюбца; Святославичи воспользовались ими, и Кіевляне должны были терпѣть на своемъ столѣ Князя недобраго племени. Усобица, начавшаяся по смерти Мстислава Великаго, носитъ характеръ, отличный отъ прежнихъ усобицъ. Прежнія усобицы проистекали главнымъ образомъ отъ изгойства, отъ того, что осиротѣлые при жизни дѣдовъ или старшихъ дядей Князья исключались не только изъ старшинства, не только не получали отцовскихъ волостей, но даже часто и никакихъ. Этимъ исключеніемъ изъ старшинства лучше вся-

кихъ поэтическихъ преданій объясняется непримиримая вражда Полоцкихъ Изяславичей къ потомкамъ Ярослава, объясняются движенія Ростислава Владиміровича, судьба и поведеніе сыновей его; борьбы съ изгоями на востокѣ и на западѣ, съ Вячеславичемъ, Игоревичами, Святославичами—наполняютъ время княженія Изяславова, Всеволодова, Святополкова. Всѣ эти борьбы, благодаря послѣднимъ распоряженіямъ Князей — родичей на съѣздахъ, прекратились; но теперь начинается новая борьба, борьба племянниковъ, сыновей отъ старшаго брата съ младшими дядьми. Мы видѣли первый примѣръ этой борьбы въ Черниговѣ, гдѣ сынъ Олеговъ, Всеволодъ согналъ дядю своего Ярослава съ старшаго стола. Мстиславъ допустилъ такое нарушеніе права дядей, хотя раскаявался въ этомъ во всю жизнь; по смерти его одно опасеніе подобнаго явленія произвело сильную усобицу въ собственномъ племени его.

Мстиславъ оставилъ княженіе брату своему Ярополку, говоритъ лѣтописецъ; ему же передалъ и дѣтей своихъ съ Богомъ на руки; Ярополкъ былъ бездѣтенъ, и тѣмъ удобнѣе могъ заботиться о порученныхъ ему сыновьяхъ старшаго брата. Мстиславъ при жизни своей уговорился съ братомъ, чтобъ тотъ, немедленно по принятіи старшаго стола, перевелъ на свое мѣсто въ Переяславль старшаго племянника, Всеволода Мстиславича изъ Новгорода; старшіе Мономаховичи, какъ видно изъ словъ лѣтописца, выставляли основаніемъ такого распоряженія волю отца своего, а объ этой волѣ заключали они изъ того, что Мономахъ далъ имъ Переяславль обоимъ вмѣстѣ;[192] — но при тогдашнихъ понятіяхъ это еще не значило, чтобъ они имѣли право оставить этотъ городъ въ наслѣдство сыновьямъ своимъ мимо другихъ братьевъ. Переяславль былъ стольнымъ городомъ Всеволода и Мономаха, и по выдѣленіи Чернигова въ особую, непремѣнную волость Святославичей, считался старшимъ столомъ послѣ Кіева для Мономахова племени: съ Переяславскаго стола Мономахъ, Мстиславъ и Ярополкъ перешли на Кіевскій. Точно ли хотѣли старшіе Мономаховичи переводомъ Всеволода въ Переяславль дать ему преимущество передъ дядьми, возможность наслѣдовать Ярополку въ Кіевѣ, для чего, кромѣ

занятія старшаго Переяславскаго стола нужно было познакомить, сблизить его съ южнымъ народонаселеніемъ, котораго голосъ былъ такъ важенъ, рѣшителенъ въ то время — на это историкъ не имѣетъ права отвѣчать утвердительно. Какъ бы то нибыло, младшіе Мономаховичи, по крайней мѣрѣ, видѣли въ переводѣ племянника на Переяславскій столъ шагъ къ старшинству мимо ихъ, особенно когда передъ глазами былъ примѣръ Ярослава Святославича Черниговскаго, согнаннаго съ старшаго стола племянникомъ, при видимомъ потворствѣ старшихъ Мономаховичей—Мстислава и Ярополка. Вступились въ дѣло младшіе Мономаховичи Юрій Ростовскій и Андрей Волынскій, потому что старшій по Ярополкѣ братъ ихъ, Вячеславъ Туровскій былъ неспособенъ дѣйствовать впереди другихъ по безхарактерности и недалекости умственной. По словамъ лѣтописца, Юрій и Андрей прямо сказали: «братъ Ярополкъ хочетъ по смерти своей дать Кіевъ Всеволоду, племяннику своему,» и спѣшили предупредить послѣдняго: утромъ въѣхалъ Всеволодъ въ Переяславль, и до обѣда еще былъ выгнанъ дядею Юріемъ, который однако сидѣлъ въ Переяславлѣ не болѣе восьми дней, потому что Ярополкъ, помня клятвенный уговоръ свой съ покойнымъ братомъ, вывелъ Юрія изъ Переяславля и посадилъ здѣсь другаго Мстиславича, Изяслава, княжившаго въ Полоцкѣ, давши ему клятву поддержать его на новомъ столѣ:[193] вѣроятно Всеволодъ уже не хотѣлъ въ другой разъ мѣнять вѣрную волость на невѣрную. Въ Полоцкѣ, вмѣсто Изяслава, остался третій Мстиславичь—Святополкъ; но Полочане, не любившіе, подобно Новгородцамъ, когда Князь покидалъ ихъ волость для другой, сказали: «А! Изяславъ бросаетъ насъ!»—выгнали брата его Святополка и взяли себѣ одного изъ прежнихъ своихъ Князей, Василька Святославича, внука Всеславова, неизвѣстно, какимъ образомъ оставшагося на Руси или возвратившагося изъ заточенія. Тогда Ярополкъ, видя, что Полоцкое княжество, оставленное храбрымъ Изяславомъ, умѣвшимъ вездѣ пріобрѣсть народную любовь, отходитъ отъ Мономахова рода, уладился съ братьями, перевелъ Изяслава неволею опять въ Минскъ, единственную волость, оставшуюся у Мономаховичей отъ Полоцкаго княжества, потомъ, чтобъ утѣшить его, придалъ ему еще

Туровъ и Пинскъ, далъ ему много даровъ богатыхъ; а Вячеслава изъ Турова перевелъ въ Переяславль.

Такимъ образомъ младшіе Мономаховичи были удовлетворены: Переяславль перешелъ по порядку къ самому старшему брату по Ярополкѣ, законному его преемнику и въ Кіевѣ. Но спокойствіе въ семьѣ Мономаха и на Руси было скоро нарушено Вячеславомъ: нашелъ ли онъ, или лучше сказать, бояре его, Переяславскую волость невыгодною для себя, стало ли страшно ему сидѣть на Украйнѣ, подлѣ Торковъ и Половцевъ, только онъ покинулъ новую волость; на первый разъ однако дошедши до Днѣпра[195], возвратился назадъ; говорятъ, будто Ярополкъ послалъ сказать ему: «что ты все скитаешься, не посидишь на одномъ мѣстѣ, точно Половчинъ[196]?» Но Вячеславъ не послушался старшаго брата: бросилъ Переяславль въ другой разъ, пошелъ въ Туровъ, выгналъ отсюда Изяслава, и сѣлъ на его мѣсто. Тогда Ярополкъ долженъ былъ рѣшиться на новый рядъ: онъ склонился на просьбу Юрія Ростовскаго и далъ ему Переяславль съ тѣмъ однако, чтобы тотъ уступилъ ему свою прежнюю волость; Юрій согласился уступить Ростовскую область, но не всю: вѣроятно онъ оставлялъ себѣ на всякій случай убѣжище на сѣверѣ; вѣроятно также, что Ярополкъ для того бралъ Ростовскую землю у Юрія, чтобъ отдать ее Изяславу. Этою сдѣлкою онъ могъ надѣяться успокоить братьевъ, помѣстя ихъ всѣхъ около себя на Руси, и отдавъ племянникамъ, какъ младшимъ, отдаленную сѣверную область. Но онъ уже не былъ болѣе въ состояніи исполнить свое намѣреніе: вражда между дядьми и племянниками разгорѣлась; Изяславъ, дважды изгнанный, рѣшился не дожидаться болѣе никакихъ новыхъ сдѣлокъ между дядьми, а отдать дѣло, по тогдашнимъ понятіямъ, на судъ Божій, т. е. покончить его оружіемъ[197]. Онъ ушелъ въ Новгородъ къ брату Всеволоду, и уговорилъ его идти съ Новгородцами на область Юрія. Тогда-то Святославичи увидѣли, что пришла ихъ пора: они заключили союзъ съ недовольными Мстиславичами (сами предложили имъ его или приняли отъ нихъ предложеніе—изъ дошедшихъ до насъ лѣтописей неизвѣстно)[198], послали за Половцами и начали вооружаться противъ Мономаховичей: «Вы первые начали насъ

губить, говорили они имъ.» Тогда народъ увидалъ, что прошло счастливое время Мономаха и Мстислава; встала опять усобица; Черниговскіе, по отцовскому обычаю, привели Половцевъ на Русскую землю, и что всего хуже, съ ними пришли сыновья Мстислава Великаго — Изяславъ съ братомъ Святополкомъ. Ярополкъ съ братьями—Юріемъ и Андреемъ выступилъ противъ Всеволода Ольговича, переправился чрезъ Днѣпръ, взялъ села около Чернигова. Всеволодъ не вышелъ противъ нихъ биться, потому что Половцы еще не пришли къ нему; Ярополкъ, постоявъ нѣсколько дней у Чернигова, возвратился въ Кіевъ и распустилъ войско, не уладившись со Всеволодомъ: вѣроятно онъ думалъ, что довольно напугать его. Но вышло иначе: когда ко Всеволоду пришли съ юга Половцы, а съ сѣвера Мстиславичи, то онъ вошелъ съ ними въ Переяславскую волость, началъ воевать села и города, бить людей, дошелъ до Кіева, зажегъ Городецъ[199], Половцы опустошили все на восточномъ берегу Днѣпра, перебивъ и перехватавъ народъ, который не могъ перевезтись на другой, Кіевскій берегъ, потому что Днѣпръ покрытъ былъ пловучими льдинами; взяли и скота безчисленное множество; Ярополку, по причинѣ тѣхъ же льдовъ, нельзя было перевезтись на ту сторону и прогнать ихъ. Три дня стоялъ Всеволодъ за Городцемъ въ бору, потомъ пошелъ въ Черниговъ, откуда началъ пересылаться съ Мономаховичами и заключилъ миръ; гораздо вѣроятнѣе впрочемъ то извѣстіе, по которому заключено было только перемиріе до общаго съѣзда[200], потому что немедленно за этимъ лѣтописецъ начинаетъ говорить о требованіяхъ Ольговичей, чтобъ Ярополкъ возвратилъ имъ то, что̀ ихъ отецъ держалъ при его отцѣ: «Что нашъ отецъ держалъ при вашемъ отцѣ, того и мы хотимъ, если же не дадите, то не жалѣйте послѣ; если что случится, вы будете виноваты, на васъ будетъ кровь.» Безъ сомнѣнія Ольговичи просили города Курска и всего Посемья, взятыхъ у нихъ Мономаховичами тотчасъ послѣ изгнанія Ярослава Всеволодомъ. Въ отвѣтъ на это требованіе Ярополкъ собралъ войско Кіевское, а Юрій Переяславское и 50 дней стояли у Кіева; потомъ помирились со Всеволодомъ, и отдали Переяславль младшему брату своему Андрею Владиміровичу, а прежнюю его волость—Владиміръ Во-

лынскій племяннику Изяславу Мстиславичу. По всему видно впрочемъ, что это распоряженіе было не слѣдствіемъ, но причиною мира съ Ольговичами: дядья чтобъ отвлечь племянниковъ отъ Святославичей, отнять у послѣднихъ предлогъ къ войнѣ и правду въ глазахъ народа удовлетворили Изяслава, отдавши ему Волынь; Юрій Ростовскій, видя вѣроятно, какъ спорны Русскіе столы и какъ незавидна Переяславская волость, безпрестанно подвергавшаяся нападеніямъ Ольговичей и Половцевъ, не хотѣлъ болѣе мѣнять на нее своей сѣверной, вѣрной волости; занятіе же Переяславля младшимъ братомъ не могло быть для него опасно: никогда еще младшій братъ не возставалъ противъ правъ старшаго, тогда какъ былъ примѣръ, что племянникъ отъ старшаго брата возставалъ противъ младшаго дяди. (1134 годъ).

Что Ольговичи принуждены были мириться по неволѣ, будучи оставлены Мстиславичами, доказательствомъ служитъ ихъ нападеніе на Переяславскую область въ слѣдующемъ 1135 году. Всеволодъ со всею братьею пришелъ къ Переяславлю, стоялъ подъ городомъ три дня, бился у воротъ, но узнавши, что Ярополкъ идетъ на помощь къ брату, отступилъ къ верховью рѣки Супоя, и тамъ дождался Кіевскаго Князя. Мы замѣтили уже, что Ярополкъ былъ въ отца отвагою: завидя врага, не могъ удержаться и ждать, пока подойдутъ другіе полки на помощь, но бросался на него съ одною своею дружиною; мы видѣли, что такая удаль сошла для него благополучно, принесла даже большую славу въ битвѣ съ Половцами при началѣ Мстиславова княженія. Точно также вздумалъ онъ поступить и теперь: не дождавшись Кіевскихъ полковъ, съ одною своею дружиною и съ братьею, даже не выстроившись хорошенько, ударилъ на Ольговичей, думая, «гдѣ имъ устоять противъ нашей силы!» Сначала бились крѣпко съ обѣихъ сторонъ; но скоро побѣжали Всеволодовы Половцы, и лучшая дружина Мономаховичей съ Тысяцкимъ Кіевскимъ погналась за ними, оставя Князей своихъ биться съ Ольговичами на мѣстѣ. Послѣ злой сѣчи Мономаховичи должны были уступить Черниговскимъ поле битвы и когда Тысяцкій съ боярами, поразивши Половцевъ, пріѣхали назадъ, то уже не застали Князей своихъ и попались въ руки

побѣдителямъ Ольговичамъ, обманутые Ярополковымъ стягомъ, который держали послѣдніе[201]. Кромѣ лучшихъ мужей своихъ, взятыхъ въ плѣнъ, Ярополкъ потерялъ въ числѣ убитыхъ племянника Василька Леоновича, Греческаго Царевича, внука Мономахова по дочери. Возвратясь за Днѣпръ, Кіевскій Князь началъ набирать новое войско, а Всеволодъ перешелъ Десну и сталъ противъ Вышгорода[203]; но, постоявши 7 дней у Днѣпра, не рѣшился переправиться, пошелъ въ Черниговъ, откуда сталъ пересылаться съ Кіевскимъ Княземъ о мирѣ, безъ всякаго однако успѣха. Это было въ концѣ лѣта; зимою Ольговичи съ Половцами перешли Днѣпръ и начали опустошать всю Кіевскую область, доходили до самаго Кіева, стрѣлялись черезъ Лыбедь; изъ городовъ впрочемъ удалось имъ взять только два, да и тѣ пустые: мы видѣли уже обычай Украинскихъ жителей покидать свои города при нашествіи непріятелей[203]. Ярополкъ, по словамъ лѣтописца, собралъ множество войска изо всѣхъ земель, но не вышелъ противъ враговъ, не началъ кровопролитія; онъ побоялся суда Божія, смирился предъ Ольговичами, хулу и укоръ принялъ на себя отъ братьи своей и отъ всѣхъ, исполняя заповѣдь: любите враги ваша; онъ заключилъ съ Ольговичами миръ, отдалъ имъ то, чего прежде просили, т. е. отчину ихъ, города по Сейму. Трудно рѣшить, что собственно заставило Ярополка склониться на уступку: былъ ли онъ изъ числа тѣхъ людей, на которыхъ неудача послѣ продолжительныхъ успѣховъ сильно дѣйствуетъ, или въ самомъ дѣлѣ духовенство и преимущественно Митрополитъ Михаилъ[204], постарались прекратить войну, столь гибельную для края[205], и Ярополкъ дѣйствительно заслуживалъ похвалы лѣтописца за Христіанскій подвигъ смиренія для блага народа; быть можетъ то и другое вмѣстѣ; не забудемъ также, что успѣхъ битвы не могъ быть вѣренъ: мы знаемъ, что Всеволодъ Ольговичь вовсе не отличался безрасчетною отвагою, уступалъ, когда видѣлъ превосходство силъ на сторонѣ противника, и если теперь не уступилъ, то это значило, что силы Ярополка вовсе не были такъ велики, какъ выставляетъ ихъ лѣтописецъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ силами Ольговичей. (1135 г.)

Миръ не могъ быть продолжителенъ: главная причина враж-

ды Ольговичей къ Мономаховичамъ—исключеніе изъ старшинства, существовала во всей силѣ, и при этомъ еще Черниговскіе испытали возможность успѣшной войны съ Мономаховичами, особенно при раздѣленіи послѣднихъ. Изгнаніе брата Всеволодова, Святослава изъ Новгорода была поводомъ къ новой войнѣ въ 1138 году. Ольговичи опять призвали Половцевъ и начали воевать Переяславскую волость по рѣкѣ Сулѣ; Андрей Владиміровичь не могъ имъ сопротивляться, и, не видя помощи отъ братьевъ, хотѣлъ уже бѣжать изъ Переяславля. Но Ольговичи, узнавъ, что Андрею нѣтъ помощи отъ братьевъ, успокоили его льстивыми словами, по выраженію лѣтописца: изъ этого извѣстія имѣемъ право заключать, что Ольговичи хотѣли поссорить Андрея съ братьями и привлечь на свою сторону, показывая ему, какъ мало заботятся объ немъ братья. Вѣсть о задержкѣ Святослава Ольговича въ Смоленскѣ, на дорогѣ его изъ Новгорода еще болѣе усилила войну; братъ его Всеволодъ призвалъ множество Половцевъ, взялъ Прилукъ, и собирался уже старымъ путемъ къ Кіеву, какъ узналъ объ огромныхъ приготовленіяхъ Мономаховичей, и поспѣшилъ отступить въ свою волость, къ Чернигову. Ярополкъ созвалъ братьевъ и племянниковъ, собралъ кромѣ Кіевлянъ и Переяславцевъ, также рать изъ верхнихъ земель, Суздальцевъ, Ростовцевъ, Полочанъ и Смольнянъ; Ростиславичи Галицкіе и Король Венгерскій прислали ему также помощь, наконецъ присоединились къ нему многочисленныя толпы пограничныхъ варваровъ Берендѣевъ; съ такими силами Ярополкъ уже несталъ дожидаться Ольговича въ Кіевской волости, но отправился къ нему въ Черниговскую; Всеволодъ испугался, и хотѣлъ было уже бѣжать къ Половцамъ, какъ Черниговцы остановили его: «Ты хочешь бѣжать къ Половцамъ, говорили они, а волость свою погубить: но къ чему жъ ты тогда послѣ воротишься? лучше отложи свое высокоумье и проси мира, мы знаемъ Ярополково милосердіе; онъ не радуется кровопролитію, Бога ради онъ помирится, онъ соблюдаетъ Русскую землю.» Всеволодъ послушался, и сталъ просить мира у Ярополка: тотъ, по выраженію лѣтописца, будучи добръ, милостивъ нравомъ, богобоязливъ подобно отцу своему, поразмы-

слилъ о всемъ хорошенько, и незахотѣлъ кровопролитья, а заключилъ миръ у Моравска[206], на правомъ берегу Десны. Потомъ заключенъ былъ новый договоръ между нимъ и Ольговичами, неизвѣстно, на какихъ условіяхъ[207] (1136—1139).

Такъ кончились усобицы на югѣ при старшинствѣ Ярополковомъ; но эти усобицы сильно отозвались также на сѣверѣ, въ Новгородѣ Великомъ. Мы видѣли, какъ при Святополкѣ Новгородцы настояли на томъ, чтобы Княземъ у нихъ оставался выросшій въ Новгородѣ Мстиславъ Владиміровичь. Однако они недолго жили съ этимъ любимымъ Княземъ: Мономахъ въ 1116 году вызвалъ его на югъ, и въ Новгородѣ остался сынъ его Всеволодъ. Молодость Князя и смерть двухъ посадниковъ, случившаяся почти въ одинъ годъ[208], какъ видно, подали поводъ къ смятеніямъ въ городѣ: нѣкоторые бояре и сотскій Ставръ ограбили какихъто двухъ гражданъ; неизвѣстно впрочемъ, какого рода былъ этотъ грабежъ, потому что иногда грабежъ имѣлъ мѣсто въ слѣдствіе суднаго приговора, и потому трудно рѣшить, виновны ли были Ставръ и бояре въ насиліи, или только въ несправедливости. Какъ бы то нибыло, Мономахъ и Мстиславъ вызвали всѣхъ бояръ Новгородскихъ въ Кіевъ, товарищи Ставра были заточены, другіе отпущены назадъ въ Новгородъ, послѣ того какъ дали клятву, вѣроятно въ томъ, что впередъ не будетъ подобныхъ происшествій. Кѣмъ былъ избранъ въ то время посадникъ Константинъ Моисѣевичь, неизвѣстно: вѣроятно Кіевскимъ Княземъ, если обратимъ вниманіе на обстоятельства. На слѣдующій годъ онъ умеръ, и на его мѣсто пришелъ посадничать изъ Кіева Борисъ, разумѣется, присланный Мономахомъ[209]. По смерти послѣдняго, въ Кіевѣ посадили сына его Мстислава, а въ Новгородѣ внука Всеволода: относительно обоихъ въ лѣтописи употребляется одинакое выраженіе: посадиша, въ смыслѣ: граждане хотѣли, просили, призвали. Новгородцы посадили у себя Всеволода вторично, потому что по вступленіи своемъ на старшій столъ Мстиславъ могъ перевести его куда-нибудь поближе къ себѣ въ Русь, по примѣру отцовскому; какъ видно въ это время Новгородцы взяли со Всеволода клятву не разлучаться съ ними. На слѣдующій годъ Всеволодъ ходилъ къ отцу въ Кіевъ, но пришелъ опять въ Новго-

родъ на столъ; въ тотъже годъ дали посадничество Мірославу Гюрятиничу, при чемъ лѣтописецъ неупоминаетъ о смерти прежняго посадника Бориса; къ кому относится выраженіе: вдаша посадничество—къ Князьямъ ли — Мстиславу и Всеволоду, или къ гражданамъ—рѣшить трудно. Черезъ годъ, неупоминая о смерти Мірослава, лѣтопись говоритъ о назначеніи ему преемника Завида Дмитріевича, шурина Великаго Князя Мстислава[210], и сына прежде бывшаго посадника. Этотъ посадникъ умеръ въ томъ же 1128 году, и на его мѣсто въ 1129 г., пришелъ изъ Кіева Даніилъ, но въ 1130 опять лѣтопись упоминаетъ о назначеніи новаго посадника Петрилы, съ выраженіемъ даша, и въ тоже время говоритъ о походѣ Всеволода на Чудь, и о поѣздкѣ его въ Кіевъ къ отцу: имѣла ли связь смѣна посадника съ этими событіями—рѣшить трудно. Такъ было при старшинствѣ Мстислава. Тотчасъ по смерти его начались смуты. Всеволодъ, не смотря на клятву не разлучаться съ Новгородцами, прельстился столомъ Переяславскимъ, и уѣхалъ въ Русь, не оставивши, какъ видно, Князя въ Новгородѣ. Мы уже видѣли разъ, какъ Новгородцы обижались, когда Князья мѣняли ихъ городъ на другой; кромѣ того, что перемѣна Князя нарушала нарядъ въ городѣ, Новгородцевъ должно было оскорблять и то, что Князь, отдавая преимущество какому-нибудь Турову или Переяславлю, тѣмъ самымъ унижалъ значеніе стола Рюрикова, ибо и между самими Князьями, какъ увидимъ, не исчезала память, что Новгородъ былъ старѣйшимъ столомъ въ Русской землѣ. Легко понять теперь, что когда Всеволодъ, прогнанный Юріемъ изъ Переяславля, явился назадъ въ Новгородъ, то нашелъ здѣсь сильное волненіе—встань велику въ людяхъ, по выраженію лѣтописца; пришли Псковичи и Ладожане въ Новгородъ, и Всеволодъ долженъ былъ выѣхать изъ него[211]; потомъ однако граждане скоро одумались, и возвратили его назадъ. Можно впрочемъ съ вѣроятностію полагать, что Всеволодъ былъ принятъ не такъ уже какъ прежде, что здѣсь положено начало условіямъ или рядамъ Новгородцевъ съ Князьями; вѣроятно также съ этого времени и посадникъ перемѣняетъ свой характеръ чиновника Княжескаго на характеръ чиновника народнаго, отъ вѣча избираемаго, хотя и не безъ

участія Князя; въ это время, по крайней мѣрѣ, избрали посадниковъ для пригородовъ—Мірослова для Пскова и Рагуила для Ладоги; это извѣстіе можетъ навести на мысль, что Псковичи и Ладожане затѣмъ и приходили въ Новгородъ, чтобъ требовать назначенія себѣ новыхъ посадниковъ. Есть также прямое извѣстіе, что съ этихъ поръ Всеволодъ неимѣлъ надлежащаго значенія въ Новгородѣ, не могъ заставить его жителей выслать въ Кіевъ обычную Печерскую дань, за которою Великой Князь Ярополкъ долженъ былъ послать другаго племянника Изяслава: послѣднему удалось взять дань[212].

Между тѣмъ дѣла на югѣ запутывались все болѣе и болѣе. Въ 1134 году явился въ Новгородъ Изяславъ Мстиславичь, съ тѣмъ чтобъ уговаривать брата и гражданъ идти войною на дядю Юрія, добыть для Мстиславичей хотя Ростовскую волость, если имъ нѣтъ части въ Русской землѣ. Начали толковать о Суздальской войнѣ Новгородцы, и убили мужей своихъ, свергнули ихъ съ моста, говоритъ лѣтописецъ. Изъ этихъ словъ видно, что послѣ предложенія, сдѣланнаго Всеволодомъ о Суздальскомъ походѣ, вѣче было самое бурное: одни хотѣли защищать Мстиславичей, достать имъ волость, другіе нѣтъ; большинство оказалось на сторонѣ первыхъ, положено идти въ походъ, а несогласное меньшинство отвѣдало Волхова. Мстиславичи съ посадникомъ Петрилою отправились на войну; но едва достигли они до рѣки Дубны[213], какъ несогласія городскаго вѣча повторились въ полкахъ: противники похода противъ дядей въ пользу племянниковъ, противъ сына Мономахова въ пользу внуковъ его—опять подняли голосъ, и на этотъ разъ пересилили, заставили Князя возвратиться, и тутъ же отнявъ посадничество у Петрила, какъ видно желавшаго войны, отдали его Ивану Павловичу. Такъ посадники уже начали смѣняться въ слѣдствіе перевѣса той или другой враждебной стороны; видно также, что къ противникамъ войны принадлежали люди вообще нерасположенные ко Всеволоду, нехотѣвшіе принять его по возвращеніи изъ Переяславля. Но въ Новгородѣ ждало ихъ пораженіе: здѣсь противники ихъ опять пересилили и опять Всеволодъ со всею Новгородскою областью пошелъ на Ростовскую землю въ жестокіе морозы и мятели, не смотря на увѣщанія Митрополита

Михаила, который пришелъ тогда въ Новгородъ: «Не ходите, грозилъ имъ Митрополитъ, меня Богъ послушаетъ;» Новгородцы задержали его и отправились: на Ждановой горѣ встрѣтились они съ Ростовскими полками, и потерпѣли пораженіе, потеряли храбраго посадника своего Иванка, также Петрилу Николаича, быть можетъ его предшественника, и много другихъ добрыхъ мужей, а Суздальцевъ пало больше, прибавляетъ Новгородской лѣтописецъ; но Ростовскій говоритъ, что его земляки побѣдили Новгородцевъ, побили ихъ множество и возвратились съ побѣдою великою. Новгородцы, возвратясь домой, выпустили Митрополита, и выбрали посадникомъ стараго Мірослова Гюрятинича.

Испытавъ вредныя для себя слѣдствія княжескихъ усобицъ, Новгородцы въ 1135 году отправили посадника своего Мірослова въ Русь мирить Мономаховичей съ Ольговичами; но онъ возвратился, не сдѣлавъ ничего, потому что сильно взмялась вся земля Русская, по выраженію лѣтописца. Князья не помирились при посредничествѣ Новгородцевъ, но каждый сталъ переманивать ихъ на свою сторону, давать имъ слѣдовательно право выбора. Новгородцы не замедлятъ воспользоваться этимъ правомъ, но кого же выберутъ они: кому Богъ поможетъ, на чьей сторонѣ останется побѣда. Богъ помогъ Ольговичамъ при Супоѣ, и противники Мономаховича Всеволода воспользовались этимъ, чтобъ возстать противъ него. Въ 1136 году, Новгородцы призвали Псковичей и Ладожанъ и стали думать, какъ бы выгнать Князя своего Всеволода; подумавши, посадили его въ епископскомъ дворѣ съ женою, дѣтьми и тещею, приставили сторожей стеречь его день и ночь съ оружіемъ, по 30 человѣкъ на день, и не выпускали до тѣхъ поръ, пока пріѣхалъ новый Князь, Святославъ Ольговичь изъ Чернигова. Вины Всеволода такъ означены въ лѣтописи: 1) не блюдетъ смердовъ; 2) за чѣмъ хотѣлъ сѣсть въ Переяславлѣ? 3) въ битвѣ при Ждановой горѣ прежде всѣхъ побѣжалъ изъ полку; 4) вмѣшиваетъ Новгородъ въ усобицы: сперва велѣлъ приступить къ Ольговичамъ, а теперь велитъ отступить. — Но изгнаніе сына Мстиславова и принятіе Ольговича не могли обойтись спокойно въ Новгородѣ, потому что оставалась сильная

сторона, приверженная къ Мстиславичамъ: Новгородъ разодрался, какъ разодралась Русская земля, по выраженію лѣтописца. Въ годъ прибытія Святослава Ольговича (1136) уже встрѣчаемъ извѣстіе о смутѣ: какого-то Юрія Жирославича, вѣроятно приверженца Всеволодова, сбросили съ моста. Но у Мстиславича оставалось много другихъ приверженцевъ: они рѣшились умертвить Святослава, стрѣляли въ него, но безъ успѣха. Тогда нѣсколько добрыхъ мужей и въ томъ числѣ посадникъ Константинъ, (избранный на мѣсто Мірослава Гюрятинича, умершаго въ 1135 году)[214], побѣжали ко Всеволоду въ Вышгородъ, гдѣ пріютилъ его дядя Ярополкъ; вмѣсто Константина избрали посадникомъ Якуна Мірославича, вѣроятно сына прежняго посадника, Мірослава Гюрятинича. Новгородскіе бѣглецы сказали Всеволоду, что у него много пріятелей въ Новгородѣ и Псковѣ, которые ждутъ только его появленія: «Ступай, Князь, хотятъ тебя опять.» Всеволодъ отправился съ братомъ Святополкомъ, и точно былъ принятъ въ Псковѣ; когда онъ ѣхалъ мимо Полоцка, то Василько, тамошній Князь, самъ вышелъ къ нему на встрѣчу и проводилъ съ честію, ради заповѣди Божіей забывъ все зло, которое сдѣлалъ отецъ Всеволодовъ Мстиславъ всему роду ихъ; Всеволодъ былъ въ его рукахъ теперь, но онъ и не подумалъ мстить ему за отцовское зло; оба цѣловали другъ другу крестъ не поминать прошлаго. Когда въ Новгородѣ узнали, что Всеволодъ во Псковѣ, хочетъ сѣсть и у нихъ, то всталъ сильный мятежъ; большинство не захотѣло Мстиславича, пріятели его принуждены были бѣжать къ нему во Псковъ; большинство разграбило ихъ домы, стали искать между оставшимися боярами, нѣтъ ли между ними пріятелей Всеволодовыхъ, съ заподозрѣнныхъ взяли полторы тысячи гривенъ, и дали эти деньги купцамъ на сборы къ войнѣ; между виноватыми пострадали и невинные. Можно замѣтить, что къ сторонѣ Всеволодовой преимущественно принадлежали бояре, между которыми искали и находили его пріятелей, а къ противникамъ его преимущественно принадлежали простые люди, что видно также изъ главнаго обвиненія: не блюдетъ смердовъ. Святославъ Ольговичь собралъ всю землю Новгородскую, призвалъ на помощь брата Глѣба съ жителями

города Курска и съ Половцами, и пошелъ выгонять Всеволода изо Пскова: но Псковичи съ перваго раза уже показали стойкость, какою отличались послѣ, тѣмъ болѣе, что выгодно было для нихъ получить особаго Князя и освободиться такимъ образомъ отъ вліянія старшаго города; они не покорились Новгородцамъ, не выгнали отъ себя Всеволода, но приняли мѣры предосторожности на случай нападенія, сдѣлали повсюду засѣки. Святославъ и Новгородцы увидали, что война будетъ трудная, успѣхъ не вѣрный, и потому возвратились съ дороги, говоря: «Не хотимъ проливать крови братьевъ своихъ; пусть Богъ все управитъ своимъ промысломъ[215].» Всеволодъ умеръ въ томъ же 1137 году, Псковичи взяли на его мѣсто брата его Святополка, а между тѣмъ Новгородцы испытывали большія непріятности: Мономаховичи и союзники ихъ сердились на нихъ за то, что они держали у себя Ольговича, и потому прекратили съ ними торговлю: не было мира ни съ Суздалемъ, ни съ Смоленскомъ, ни съ Кіевомъ, ни съ Полоцкомъ, отъ прекращенія подвозовъ сдѣлалась дороговизна въ съѣстныхъ припасахъ. Но и здѣсь враждебное раздѣленіе, происшедшее въ княжескомъ родѣ, помогло Новгороду выйти изъ затруднительнаго положенія. Мы видѣли, что причиною торжества Ольговичей было раздѣленіе въ самой семьѣ Мономаха, раздвоеніе между старшими племянниками и младшими дядьми; пользуясь этимъ раздвоеніемъ, Ольговичи будутъ имѣть случай давать силу своимъ утраченнымъ правамъ, получать старшинство и Кіевъ. Это тройное раздѣленіе потомства Ярославова очень важно относительно Новгородской исторіи, потому что, съ одной стороны, частая смѣна Великихъ Князей изъ трехъ враждебныхъ линій заставляла Новгородцевъ, признававшихъ зависимость свою всегда отъ старшаго Ярославича, сообразоваться съ этою смѣною и также перемѣнять своихъ Князей, что усиливало внутреннія волненія, производимыя приверженцами изгоняемыхъ Князей и врагами ихъ; съ другой стороны, давала Новгороду возможность выбора изъ трехъ линій, что необходимо усиливало произволъ вѣча, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивало его значеніе, его требованія, давало Новгородцамъ видъ народа вольнаго. Такъ Новгородъ, сообразуясь съ перемѣною, послѣдовав-

шею на югѣ въ пользу Ольговичей, смѣняетъ Мономаховича; будучи приведенъ этого смѣною въ затруднительное положеніе, онъ находитъ средство выйти изъ него безъ вреда себѣ и униженія: онъ можетъ примириться съ Мономаховичами, не имѣя нужды принимать опять Мстиславича; онъ можетъ отдаться въ покровительство Юрія Ростовскаго, взять себѣ въ Князья его сына: Юрій защититъ его отъ Ольговичей, какъ ближайшій сосѣдъ, и примиритъ съ Мономаховичами, избавивъ отъ униженія принять Святополка, т. е. признать торжество Псковичей, наконецъ призваніе Юрьевича примиряло въ Новгородѣ всѣ стороны: для приверженцевъ семьи Мономаха онъ былъ внукъ его, для враговъ Всеволода онъ не былъ Мстиславичемъ; разсчетъ былъ вѣренъ, и Ростиславъ Юрьевичь призванъ на столъ Новгородскій, а Святославу Ольговичу указанъ путь изъ Новгорода.

Усобицы заняли все вниманіе Князей въ княженіе Ярополково, и не было мѣста походамъ на враговъ внѣшнихъ: Половцы опомнились отъ ударовъ, нанесенныхъ имъ при Мономахѣ и Мстиславѣ, и опять получили возможность пустошить Рускую землю; въ 1138 г., они опустошили Курскую волость; союзные отряды ихъ являлись даже въ области Новгородской. Чудь также воспользовалась смутами, возникшими въ Новгородѣ, и не только перестала платить дань, но собравшись, овладѣла Юрьевымъ и перебила тамошнихъ жителей. Въ 1133 году Всеволодъ, по вторичномъ утвержденіи въ Новгородѣ, предпринималъ походъ на Чудь и отнялъ у ней опять Юрьевъ[216].

Въ 1139 году умеръ Ярополкъ. Въ лѣтописи замѣчаемъ сильную привязанность къ этому Князю, который напоминалъ народу отца своего мужествомъ, славою удачныхъ походовъ на Половцевъ и, какъ видно, нравственными качествами. Мы видѣли, что излишняя отвага, самонадѣянность были гибельны при Супоѣ для Ярополка и всего его племени; мы видѣли также, что несчастный уговоръ его съ старшимъ братомъ былъ причиною усобицъ, раздиравшихъ Русскую землю во все время его старшинства; но прежде нежели станемъ обвинять Ярополка въ недостаткѣ умѣнья или твердости, вспомнимъ о неопредѣленности родовыхъ отношеній, о слабой подчиненности млад-

шихъ членовъ рода старшему, особенно когда старшій былъ не отецъ и даже не дядя, но братъ, и то не самый уже старшій; младшіе братья и племянники считали себя въ полномъ правѣ вооруженною рукою противиться распоряженіямъ старшаго, если имъ казалось, что эти распоряженія клонятся къ ихъ невыгодѣ; мы видѣли всю затруднительность положенія Ярополкова: что ему было дѣлать съ страннымъ Вячеславомъ, который двигался изъ одной волости въ другую, и сталъ, по лѣтописи, главнымъ виновникомъ усобицы? Въ народѣ видѣли это несчастное положеніе великаго Князя, его благонамѣренность и потому не утратили прежней любви къ благовѣрной отрасли знаменитаго Мономаха.

По смерти Ярополка преемникомъ его на старшемъ столѣ былъ, по всѣмъ правамъ, братъ его Вячеславъ, который вступилъ въ Кіевъ безпрепятственно. Но какъ скоро Всеволодъ Ольговичь узналъ о смерти Ярополка, и что въ Кіевѣ на его мѣстѣ сидитъ Вячеславъ, то немедленно собралъ небольшую дружину, и съ братьями-роднымъ Святославомъ и двоюроднымъ Владиміромъ Давыдовичемъ явился на западной сторонѣ Днѣпра и занялъ Вышгородъ; отсюда, выстроивъ полки, пошелъ къ Кіеву, сталъ въ Копыревѣ концѣ, и началъ зажигать дворы въ этой части города, пославши сказать Вячеславу: «Иди добромъ изъ Кіева.» Вячеславъ отправилъ къ нему Митрополита съ такимъ отвѣтомъ: «Я, братъ, пришелъ сюда на мѣсто братьевъ своихъ, Мстислава и Ярополка, по завѣщанію нашихъ отцевъ; если же ты, братъ, захотѣлъ этого стола, оставя свою отчину; то пожалуй я буду меньше тебя, пойду въ прежнюю свою волость, а Кіевъ тебѣ[217].» И Всеволодъ вошелъ въ Кіевъ съ честію и славою великою, говоритъ лѣтописецъ. Такимъ образомъ Ольговичу, мимо стараго, отцовскаго обычая, удалось овладѣть старшимъ столомъ. Какіяже были причины такого страннаго явленія? Какимъ образомъ Мономаховичи позволили Святославову внуку занять Кіевъ не по отчинѣ? Въ это время племя Мономахово было въ самомъ затруднительномъ положеніи, именно было безъ главы, и вражда шла между его членами. Старшимъ въ этомъ племени оставался Вячеславъ, но мы видѣли его характеръ, дѣлав-

шій его неспособнымъ блюсти выгоды рода, поддерживать въ немъ единство, нарядъ. Дѣятельнѣе, способнѣе его былъ слѣдующій братъ, Юрій Ростовскій; но какъ младшій, онъ не могъ дѣйствовать отъ своего имени, мимо Вячеслава; притомъ его мало знали на югѣ, а это было очень важно относительно народонаселенія; да и когда узнали его, то нашли, что онъ мало похожъ на отца своего и двухъ старшихъ братьевъ. Добрымъ Княземъ слылъ послѣдній Мономаховичь—Андрей, но какъ самый младшій онъ также не могъ дѣйствовать въ челѣ племени. Князь, который по своимъ личнымъ доблестямъ одинъ могъ быть представителемъ Мономахова племени для народа — это былъ Изяславъ Мстиславичь Владиміро-Волынскій, теперь старшій сынъ старшаго изъ Мономаховичей: необыкновенно храбрый, щедрый къ дружинѣ, привѣтливый къ народу, Изяславъ былъ образцемъ Князя, по тогдашнимъ понятіямъ, напоминалъ народу своего знаменитаго дѣда и былъ потому въ его глазахъ единственною отраслію добраго племени. Но мы видѣли, какъ Изяславъ былъ поставленъ во враждебныя отношенія къ старшимъ членамъ рода, къ дядьямъ своимъ, отъ которыхъ не могъ ждать ничего хорошаго ни для себя, ни для дѣтей своихъ. Находясь, съ одной стороны, во враждѣ съ родными дядьми, съ другой Изяславъ былъ въ близкомъ свойствѣ со Всеволодомъ Ольговичемъ, который былъ женатъ на старшей его сестрѣ, и, по тогдашнимъ понятіямъ, какъ старшій зять, заступалъ мѣсто старшаго брата и отца. Всеволодъ видѣлъ, что только вражда между членами Мономахова племени могла доставить ему старшинство, и потому спѣшилъ привлечь на свою сторону самого доблестнаго изъ нихъ, Изяслава, что̀ ему было легко сдѣлать по близкому свойству и по прежнимъ связямъ: онъ могъ хвалиться предъ Изяславомъ, что только благодаря ему, тотъ могъ помириться съ дядьми и получить отъ нихъ хорошую волость. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Всеволодъ послалъ сказать Изяславу: «Послѣ отца твоего Кіевъ принадлежитъ тебѣ (это могъ сказать Всеволодъ, выгнавшій дядю); но дядья твои не дадутъ тебѣ въ немъ сѣсть: самъ знаешь, что и прежде васъ отовсюду выгоняли, и еслибъ не я, то никакой волости вамъ бы не досталось: по этому теперь я хочу Кіевъ взять, а васъ буду держать

какъ родныхъ братьевъ, и не только теперь дамъ вамъ хорошія волости, но по смерти моей Кіевъ отдамъ тебѣ; только вы не соединяйтесь съ дядьми своими на меня.» Изяславъ согласился, и утвердили договоръ крестнымъ цѣлованіемъ. Этимъ только извѣстіемъ можно объяснить равнодушіе Кіевлянъ при занятіи Ольговичемъ ихъ города, тогда какъ они могли съ успѣхомъ сопротивляться его малой дружинѣ. Безъ сомнѣнія Всеволодъ явился къ Кіеву съ такими ничтожными силами, зная, что сопротивленія не будетъ. Но уладивши дѣло относительно шурьевъ своихъ, Мстиславичей, Всеволодъ долженъ былъ улаживаться съ собственнымъ племенемъ, родными и двоюродными братьями — Ольговичами и Давыдовичами. Чтобъ имѣть себѣ и въ тѣхъ и въ другихъ помощь при овладѣніи Кіевомъ, Всеволодъ, по извѣстіямъ лѣтописи [219], родному Игорю и двоюродному Владиміру обѣщалъ послѣ себя Черниговъ; но сѣвши въ Кіевѣ, отдалъ Черниговъ Владиміру Давыдовичу; и такимъ образомъ перессорилъ родныхъ братьевъ съ двоюродными. Но по другимъ очень вѣроятнымъ извѣстіямъ [220], онъ обѣщалъ, что какъ скоро овладѣетъ Кіевомъ, то выгонитъ Мономаховичей изъ ихъ волостей, которыя отдастъ роднымъ братьямъ, а двоюродные останутся въ Черниговѣ; боясь же теперь дѣйствовать противъ Мономаховичей, чтобъ не заставить ихъ соединиться противъ себя, онъ не могъ сдержать обѣщанія роднымъ братьямъ, и радъ былъ, перессоривъ ихъ съ двоюродными: иначе трудно себѣ представить, чтобы онъ могъ съ успѣхомъ обмануть братьевъ, обѣщая всѣмъ одно и то же.

Не смотря однако на всѣ хитрости Всеволода и на то, что онъ хотѣлъ сначала щадить Мономаховичей, только разъединяя ихъ, послѣдніе не хотѣли спокойно уступать ему старшинства. Первый, какъ слѣдовало ожидать, началъ Юрій: онъ пріѣхалъ въ Смоленскъ къ племяннику Ростиславу Мстиславичу, который былъ всегда почтителенъ къ дядьямъ, и потому могъ быть посредникомъ между ними и братьями своими. Изъ лѣтописи можно заключить, что переговоры между Мономаховичами сначала шли успѣшно, потому что когда Всеволодъ сталъ дѣлать имъ мирныя предложенія, а Изяслава Мстиславича звалъ къ себѣ въ Кіевъ на личное свиданіе, то Мономаховичи не

захотѣли вступать съ нимъ ни въ какія соглашенія, продолжали пересылаться между собою, сбираясь идти на него ратью.[221] Тогда Всеволодъ рѣшился предупредить ихъ, напасть на каждаго по одиночкѣ, отнять волости и раздать ихъ братьямъ по уговору: онъ надѣялся на свою силу, говоритъ лѣтописецъ, самъ хотѣлъ всю землю держать. — Пославши двоюроднаго брата своего, Изяслава Давыдовича, и Галицкихъ Князей, внуковъ Ростиславовыхъ съ Половцами на Изяслава Волынскаго и дядю его Вячеслава Туровскаго, Всеволодъ самъ съ роднымъ братомъ Святославомъ пошелъ къ Переяславлю на Андрея. Онъ хотѣлъ посадить здѣсь Святослава, и, ставши на Днѣпрѣ, послалъ сказать Андрею: «ступай въ Курскъ.» Согласиться Андрею на это требованіе, взять незначительную, отдаленную Черниговскую волость, и отдать во враждебное племя Переяславль, столъ дѣдовскій и отцовскій, значило не только унизить себя, но и нанести безчестье цѣлому племени, цѣлой линіи Мономаховой, отнять у ней то значеніе, тѣ преимущества и волости, которыя были утверждены за нею Владиміромъ и двумя старшими его сыновьями; Ольговичи были исключены изъ старшинства, должны были ограничиться одними Черниговскими волостями, въ слѣдствіе чего всѣ остальныя Русскія волости стали исключительною отчиною Мономаховичей, а теперь Ольговичи насиліемъ, мимо отцовскаго обычая, хотятъ отнять у нихъ полученныя отъ отца волости, и дать вмѣсто ихъ свои Черниговскія, худшія! вспомнимъ, какъ послѣ члены родовъ боялись занять какое-нибудь мѣсто, котораго не занимали ихъ старшіе, чтобъ не нанести порухи роду, и для насъ не удивителенъ будетъ отвѣтъ Андрея; подумавши съ дружиною, онъ велѣлъ сказать Всеволоду: «Лучше мнѣ умереть съ дружиною на своей отчинѣ и дѣдинѣ, чѣмъ взять Курское Княженіе; отецъ мой сидѣлъ не въ Курскѣ, а въ Переяславлѣ, и я хочу на своей отчинѣ умереть; если же тебѣ, братъ, еще мало волостей, мало всей Русской земли, а хочешь взять и эту волость, то убей меня и возьми ее, а живой непойду изъ своей волости. Это не въ диковину будетъ нашему роду; такъ и прежде бывало: развѣ Святополкъ не убилъ Бориса и Глѣба за волость? но самъ долго ли пожилъ? и здѣсь жизни лишился, да и

тамъ вѣчно мучится». Всеволодъ не пошелъ самъ къ Переяславлю, но послалъ туда брата Святослава, который встрѣтился на дорогѣ съ дружиною Андреевою и былъ разбитъ, побѣдители гнались за ними до мѣста Корани[222], далѣе Андрей не велѣлъ преслѣдовать. На другой день Всеволодъ помирился съ Переяславскимъ Княземъ—на какихъ условіяхъ неизвѣстно, вѣроятно Андрей обѣщался отстать отъ союза съ своими, признать старшинство Всеволода, а тотъ оставить его въ Переяславлѣ. Андрей уже поцѣловалъ крестъ, но Всеволодъ еще не успѣлъ, какъ въ ночь загорѣлся Переяславль. Всеволодъ не воспользовался этимъ несчастіемъ, и послалъ на другой день сказать Андрею: «Видишь, я еще креста не цѣловалъ, такъ еслибъ хотѣлъ сдѣлать тебѣ зло, могъ бы: Богъ мнѣ давалъ васъ въ руки, сами зажгли свой городъ; что мнѣ было годно, тобъ я и могъ сдѣлать; а теперь ты цѣловалъ крестъ; исполнишь свою клятву—хорошо, не исполнишь — Богъ тебѣ будетъ судья.» Помирившись съ Андреемъ, Всеволодъ пошелъ назадъ въ Кіевъ.

Между тѣмъ война шла на западѣ: сначала войско, посланное противъ Изяслава ко Владиміру, дошедши до рѣки Горыни, испугалось чего то, и возвратилось назадъ; потомъ Галицкіе Князья призвали къ себѣ Изяслава Мстиславича для переговоровъ, но не могли уладиться: быть можетъ они хотѣли воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Волынскаго Князя и распространить свою волость на его счетъ. Поляки, помогая Всеволоду, повоевали Волынь, Изяславъ Давыдовичь Туровскую волость, но дѣло этимъ и кончилось: и дядя и племянникъ остались на своихъ столахъ. Съ сѣвера однако не было сдѣлано никакихъ движеній въ ихъ пользу, ни изъ Суздаля, ни изъ Смоленска; Юрій, будучи въ послѣднемъ городѣ, послалъ къ Новгородцамъ звать ихъ на Всеволода; но тѣ не послушались, и сынъ его Ростиславъ прибѣжалъ изъ Новгорода къ отцу въ Смоленскъ; тогда Юрій, разсердившись, возвратился назадъ въ Суздальскую область и оттуда захватилъ у Новгородцевъ Торжокъ: вотъ единственная причина, которую находимъ въ лѣтописи для объясненія недѣятельности Юрія; Ростиславъ одинъ не отважился идти на помощь къ сво-

нмъ, которые, будучи предоставлены собственнымъ силамъ, принуждены были отправить пословъ ко Всеволоду съ мирными предложеніями; Всеволодъ сперва было не хотѣлъ заключать мира на предложенныхъ ими условіяхъ; но потомъ разсудилъ, что ему нельзя быть безъ Мономаховичей, согласился на ихъ условія и цѣловалъ крестъ. Какія были эти условія, лѣтописецъ не говоритъ; какъ видно договорились, что бы каждому изъ Мономаховичей оставаться при своихъ волостяхъ. Почему Всеволодъ думалъ, что ему нельзя обойтись безъ Мономаховичей, довольно ясно: при Черниговской, Галицкой и Польской помощи ему не удалось силою лишить волости ни одного изъ нихъ, не смотря на то, что южные были оставлены сѣверными, дѣйствовали порознь, только оборонительно: народное расположеніе было на ихъ сторонѣ.

Мономаховичи были разъединены враждою, чѣмъ единственно и держался Всеволодъ въ Кіевѣ; но зато и между Ольговичами была постоянная размолвка. Святославъ Ольговичь, призванный въ другой разъ въ Новгородъ, опять не могъ ужиться съ его жителями, и бѣжалъ оттуда въ Стародубъ; Всеволодъ вызвалъ его къ себѣ въ Кіевъ, но братья не уладились о волостяхъ: Святославъ пошелъ въ Курскъ, которымъ владѣлъ вмѣстѣ съ Новгородомъ Сѣверскимъ; чѣмъ владѣлъ Игорь-не извѣстно; потомъ скоро Всеволодъ далъ Святославу Бѣлгородъ[223]. Игорь продолжалъ враждовать съ Давыдовичемъ за Черниговъ, ходилъ на него войною, но заключилъ миръ. Смерть Андрея Владиміровича Переяславскаго, случившаяся въ 1142 г., подала поводъ къ новымъ перемѣщеніямъ и смутамъ: Всеволоду, какъ видно, не ловко было сидѣть въ Кіевѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ волостями Мономаховичей; и потому онъ послалъ сказать Вячеславу Туровскому: «Ты сидишь въ Кіевской волости, а она мнѣ слѣдуетъ, ступай въ Переяславль, отчину свою.» Вячеславъ не имѣлъ никакого предлога нейти въ Переяславль, и пошелъ; а въ Туровѣ посадилъ Всеволодъ сына своего Святослава. Это распоряженіе должно было озлобить Ольговичей: тяжко стало у нихъ на сердцѣ, говоритъ лѣтописецъ: волости даетъ сыну, а братьевъ ни чѣмъ не надѣлилъ. Тогда Всеволодъ позвалъ къ себѣ рядиться всѣхъ братьевъ,

родныхъ и двоюродныхъ; они пришли и стали за Днѣпромъ: Святославъ Ольговичь, Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи въ Ольжичахъ, а Игорь у Городца; прямо въ Кіевъ слѣдовательно не поѣхали, вели переговоры черезъ Днѣпръ; Святославъ поѣхалъ къ Игорю, и спросилъ: «Что тебѣ даетъ братъ старшій?» Игорь отвѣчалъ: «даетъ намъ по городу: Брестъ и Дрогичинъ[224], Черторыйскъ и Клецкъ, а отчины своей, земли Вятичей, не даетъ.» Тогда Святославъ поцѣловалъ крестъ съ Игоремъ, а на другой день поцѣловали и Давыдовичи на томъ, чтобы стоять всему племени за одно противъ неправды старшаго брата; сказали при этомъ: «Кто изъ насъ отступится отъ крестнаго цѣлованія, тому крестъ отомститъ.» Когда послѣ этого Всеволодъ прислалъ звать ихъ на обѣдъ, то они не поѣхали и велѣли сказать ему: «Ты сидишь въ Кіевѣ; а мы просимъ у тебя Черниговской и Новгородской (Сѣверской) волости, Кіевской не хотимъ». Всеволодъ никакъ не хотѣлъ уступить имъ Вятичей, вѣрно приберегалъ ихъ на всякій случай своимъ дѣтямъ, а все давалъ имъ тѣ четыре города, о которыхъ было прежде сказано. Братья велѣли сказать ему на это: «Ты намъ братъ старшій; но если не дашь, такъ мы сами будемъ искать»; и разсорившись со Всеволодомъ, поѣхали ратью къ Переяславлю на Вячеслава: вѣрно надѣялись также легко выгнать его изъ этого города, какъ братъ ихъ Всеволодъ выгналъ его изъ Кіева, но обманулись въ надеждѣ, встрѣтили отпоръ у города, а между тѣмъ Всеволодъ послалъ на помощь Вячеславу воеводу Лазаря Саковскаго съ Печенѣгами и Кіевлянами, съ другой стороны Изяславъ Мстиславичь, услыхавъ, что Черниговскіе пришли на его дядю, поспѣшилъ отправиться съ полкомъ своимъ къ Переяславлю и разбилъ ихъ: четверо Князей не могли устоять противъ одного, и побѣжали въ свои города; а между тѣмъ явился Ростиславъ съ Смоленскимъ полкомъ и повоевалъ Черниговскую волость по рѣкѣ Сожѣ[225]; тогда Изяславъ, услыша, что братъ его выгналъ Черниговскихъ, бросился на волость ихъ отъ Переяславля, повоевалъ села по Деснѣ и около Чернигова, и возвратился домой съ честью великою, прибавляетъ лѣтописецъ. Игорь съ братьями хотѣлъ отомстить за это; поѣхали въ другой разъ къ Переяславлю, стали у города, бились три дня

и опять ничего не сдѣлавши, возвратились домой. Тогда Всеволодъ вызвалъ изъ монастыря брата своего двоюроднаго, Святошу (Святослава-Николая Давыдовича, постригшагося въ 1106 году) и послалъ къ братьямъ, велѣвъ сказать имъ: «Братья мои! возьмите у меня съ любовію, что вамъ даю—Городецъ,[226] Рогачевъ, Брестъ, Дрогичинъ, Клецкъ; не воюйте больше съ Мстиславичами.» На этотъ разъ, потерявши смѣлость отъ неудачь подъ Переяславлемъ, они исполнили волю старшаго брата, и когда онъ позвалъ ихъ къ себѣ въ Кіевъ, то всѣ явились на зовъ. Но Всеволоду, который сохранялъ свое пріобрѣтеніе только вслѣдствіе разъединенія, вражды между остальными Князьями, не нравился союзъ между братьями; чтобъ разсорить ихъ, онъ сказалъ Давыдовичамъ: «отступите отъ моихъ братьевъ, я васъ надѣлю;» тѣ прельстились обѣщаніемъ, нарушили клятву, и перешли отъ Игоря и Святослава на сторону Всеволода. Всеволодъ обрадовался ихъ разлученью, и такъ распорядился волостями: Давыдовичамъ далъ Брестъ, Дрогичинъ, Вщижъ и Ормину[227], а роднымъ братьямъ далъ—Игорю—Городецъ Остерскій и Рогачевъ, а Святославу Клецкъ и Чарторыйскъ. Ольговичи помирились поневолѣ на двухъ городахъ, и подняли снова жалобы, когда Вячеславъ, по согласію съ Всеволодомъ помѣнялся съ племянникомъ своимъ Изяславомъ: отдалъ ему Переяславль, а самъ взялъ опять прежнюю свою волость Туровъ, откуда Всеволодъ вывелъ своего сына во Владиміръ; понятно, что Вячеславу неправилось въ Переяславлѣ, гдѣ уже его не разъ осаждали Черниговскіе, тогда какъ храбрый Изяславъ могъ отбиться отъ какого угодно врага. Непонравилось это перемѣщеніе Ольговичамъ, стали роптать на старшаго брата, что поблажаетъ шурьямъ своимъ Мстиславичамъ:»это наши враги, говорили они, а онъ осажался ими около, намъ на безголовье и безмѣстье, да и себѣ.» Они наскучивали Всеволоду просьбами своими идти на Мстиславичей; но тотъ не слушался: это все показываетъ, что прежде точно Всеволодъ обѣщалъ братьямъ помѣстить ихъ въ волостяхъ мономаховскихъ; но теперь Ольговичи должны были видѣть, что исполненіе этого обѣщанія вовсе нелегко, и настаиваніе на это можетъ показывать только ихъ нерасчетливость, хотя очень понятны ихъ раздражитель-

ность и досада на старшаго брата. Изяслава Мстиславича однако, какъ видно, безпокоила вражда Ольговичей; изъ поведенія Всеволода съ братьями онъ очень ясно видѣлъ, что̀ это за человѣкъ, можно ли на него въ чемъ-нибудь положиться; могъ ясно видѣть, что Всеволодъ только по нуждѣ терпитъ Мономаховичей въ хорошихъ волостяхъ, и потому рѣшился попытаться, нельзя ли помириться съ дядею Юріемъ. Онъ самъ отправился къ нему въ Суздаль, но не могъ уладиться, и поѣхалъ изъ Суздаля сперва къ брату Ростиславу въ Смоленскъ, а потомъ къ брату Святополку въ Новгородъ, гдѣ и зимовалъ.

Таковы были отношенія между двумя главными линіями Ярославова потомства, при старшинствѣ внука Святославова; обратимся теперь къ другимъ. Здѣсь первое мѣсто занимаютъ Ростиславичи, которые начали тогда носить названіе Князей Галицкихъ. Извѣстные намъ Ростиславичи-Володарь и Василько умерли оба въ 1124 году; послѣ Володаря осталось два сына-Ростиславъ[228] и Владиміръ, извѣстный больше подъ уменьшительнымъ именемъ Владимірка; послѣ Василька-Григорій и Иванъ. Изъ Князей этихъ самымъ замѣчательнымъ явился второй Володаревичь Владимірко: не смотря на то, что отовсюду былъ окруженъ сильными врагами, Владимірко умѣлъ не только удержаться въ своей волости, но и успѣлъ оставить ее своему сыну могущественнымъ княжествомъ, котораго союзъ или вражда получили большую важность для народовъ сосѣднихъ. Будучи слабымъ между многими сильными, Владимірко не разбиралъ средствъ для достиженія цѣли: большею частію дѣйствовалъ ловкостію, хитростію, не смотрѣлъ на клятвы. Призвавъ на помощь Венгровъ, онъ всталъ на старшаго брата своего Ростислава въ 1127 году; но Ростиславу помогали двоюродные братья Васильковичи и Великій Князь Кіевскій-Мстиславъ Владиміровичь. Съ Ростиславомъ ему неудалось сладить; но когда умеръ Ростиславъ, равно какъ оба двоюродные братья Васильковичи, то Владимірко взялъ себѣ обѣ волости—Перемышльскую и Теребовльскую, и не подѣлился съ племянникомъ своимъ, Иваномъ Ростиславичемъ, княжившимъ въ Звенигородѣ. Усобицы, возникшія на Руси по смерти Мстислава Великаго, давали Владиміру полную свободу дѣйствовать. Мы видѣли, что въ

войнѣ Всеволода Ольговича съ Мономаховичами, Владимірко съ однимъ изъ двоюродныхъ братьевъ своихъ, Иваномъ Васильковичемъ[229] помогалъ Всеволоду; но отношенія перемѣнились, когда на столѣ Волынскомъ, вмѣсто Изяслава Мстиславича, сѣлъ сынъ Всеволодовъ-Святославъ; Князь съ такимъ характеромъ и стремленіями, какъ Владимірко, не могъ быть хорошимъ сосѣдомъ; Святославъ и отецъ его также не были уступчивы, и потому неудивительно читать въ лѣтописи подъ 1144 годомъ, что Всеволодъ разсорился съ Владимірkомъ за сына, начали искать другъ на другѣ вины, и Владимірко отослалъ въ Кіевъ крестную грамоту. Всеволодъ пошелъ на него съ обоими родными братьями, съ двоюроднымъ Владиміромъ Давыдовичемъ, Мономаховичами—Вячеславомъ Туровскимъ, двумя Мстиславичами — Изяславомъ и Ростиславомъ, съ сыномъ Святославомъ, двумя сыновьями Всеволода Городенскаго, съ Владиславомъ Польскимъ Княземъ; нудили многоглаголиваго Владимірка неволею пріѣхать ко Всеволоду поклониться; но тотъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ, и привелъ къ себѣ на помощь Венгровъ. Всеволодъ пошелъ къ Теребовлю, Владимірко вышелъ къ нему на встрѣчу, но биться не могли, потому что между ними была рѣка Сереть, и оба пошли по берегамъ рѣки къ Звѣнигороду[230]. Всеволодъ, къ которому пришелъ двоюродный братъ, Изяславъ Давыдовичь съ Половцами, сталъ объ одну сторону Звѣнигорода, а Владимірко по другую; мелкая рѣка раздѣляла оба войска. Тогда Всеволодъ велѣлъ чинить гати, войска его перешли рѣку и зашли въ тылъ Владимірку, отрѣзавъ его отъ Перемышля и Галича. Видя это, Галичане встосковались: «Мы здѣсь стоимъ, говорили они, а тамъ женъ нашихъ возьмутъ.» Тогда ловкій Владимірко нашелся, съ какой стороны начать дѣло: онъ послалъ сказать брату Всеволодову Игорю: «Если помиришь меня съ братомъ, то по его смерти помогу тебѣ сѣсть въ Кіевѣ.» Игорь прельстился обѣщаніемъ и началъ хлопотать о мирѣ, приступая къ брату то съ мольбою, то съ сердцемъ: «Не хочешь ты мнѣ добра, за чѣмъ ты мнѣ назначилъ Кіевъ послѣ себя, когда не даешъ друга сыскать.» Всеволодъ послушался его, и заключилъ миръ. Владимірко выѣхалъ къ нему изъ ста-

на, поклонился и далъ за трудъ 1,400 гривенъ серебра: прежде онъ много поговорилъ, а послѣ много заплатилъ, прибавляетъ лѣтописецъ. Всеволодъ, поцѣловавшись съ Владимiркомъ, сказалъ ему: «Се цѣлъ еси, къ тому не согрѣшай»; и отдалъ ему назадъ два города, Ушицу и Микулинъ, захваченные Изяславомъ Давыдовичемъ. Серебра себѣ Всеволодъ не взялъ одинъ всего, но раздѣлилъ со всею братьею. Неудача Владимiрка ободрила внутреннихъ враговъ его, приверженцевъ племянника, Ивана Ростиславича. Когда зимою Всеволодъ отправился на охоту[231], то жители Галича послали въ Звѣнигородъ, за Иваномъ и ввели его къ себѣ въ городъ[232]. Владимiрко, услыхавъ объ этомъ, пришелъ съ дружиною къ Галичу, бился съ осажденными три недѣли и все не могъ взять города, какъ однажды ночью Иванъ вздумалъ сдѣлать вылазку, но зашелъ слишкомъ далеко отъ города, и былъ отрѣзанъ отъ него полками Владимiрковыми; потерявъ много дружины, онъ пробился сквозь вражье войско, и бросился къ Дунаю, а оттуда степью въ Кiевъ къ Всеволоду; Владимiръ вошелъ въ Галичь, многихъ людей перебилъ, а иныхъ показнилъ казнью злою, по выраженiю лѣтописца. Быть можетъ, покровительство, оказанное Всеволодомъ Ростиславичу послужило поводомъ къ новой войнѣ между Кiевскимъ и Галицкимъ Князьями: въ 1146 году Владимiрко взялъ Прилукъ[233], пограничный Кiевскiй городъ. Всеволодъ опять собралъ братьевъ и шурьевъ, соединился съ Новгородцами, которые прислали отрядъ войска подъ воеводою Неревиномъ, Поляками и дикими Половцами, и осадилъ Звѣнигородъ со множествомъ войска; на первый день осады пожженъ былъ острогъ, на другой Звѣнигородцы собрали вѣче и рѣшили сдаться; но не хотѣлъ сдаваться воевода, Владимiровъ бояринъ, Иванъ Халдѣевичь; чтобъ настращать гражданъ, онъ схватилъ у нихъ три человѣка, убилъ ихъ, и разсѣкши каждаго по поламъ, выбросилъ вонъ изъ города. Онъ достигъ своей цѣли: Звѣнигородцы испугались, и съ тѣхъ поръ начали биться безъ лести, говоритъ лѣтописецъ. Видя это, Всеволодъ рѣшился взять городъ приступомъ; на третiй день все войско двинулось на городъ; бились съ зари до поздняго вечера, зажгли городъ въ трехъ мѣстахъ, но граждане утушили пожаръ. Всеволодъ при-

нужденъ былъ снять осаду и возвратился въ Кіевъ; какъ видно впрочемъ, продолженію войны много помѣшала болѣзнь его.

Относительно другихъ Княжескихъ линій встрѣчаемъ извѣстіе о смерти Всеволода Давыдовича Городенскаго, въ 1141 году; послѣ него осталось двое сыновей, Борисъ и Глѣбъ, да двѣ дочери, изъ которыхъ одну Великій Князь Всеволодъ отдалъ за двоюроднаго брата своего Владиміра Давыдовича, а другую за Юрія Ярославича. Здѣсь въ первый разъ упоминается этотъ Юрій, сынъ Ярослава Святополчича, слѣдовательно представитель Изяславовой линіи; гдѣ онъ княжилъ, неизвѣстно. Полоцкіе Князья воспользовались смутами, ослабившими племя Мономахово, и возвратились изъ изгнанія въ свою волость. Мы видѣли, что при Ярополкѣ княжилъ въ Полоцкѣ Василько Святославичь; о возвращеніи двоихъ другихъ Князей Полоцкихъ изъ изгнанія лѣтописецъ упоминаетъ подъ 1139 годомъ. Ярославичи обѣихъ линій — Мономаховичи и Ольговичи теперь вмѣсто вражды входили въ родственные союзы съ Полоцкими: такъ Всеволодъ женилъ сына своего Святослава на дочери Василька; а Изяславъ Мстиславичь отдалъ дочь свою за Рогволода Борисовича. Въ линіи Ярослава Святославича Муромскаго, умеръ сынъ его Святославъ въ 1144 году; его мѣсто заступилъ братъ его Ростиславъ, пославши сына своего Глѣба княжить въ Рязань.

Что касается Новгорода, то легко предвидѣть, что при усобицахъ между Мономаховичами и Ольговичами въ немъ не могло быть спокойно. По изгнаніи Вячеслава Всеволодомъ изъ Кіева, при торжествѣ Ольговичей, Новгородцы опять стали между двухъ огней, опять вовлекались въ междоусобіе, должны были поднять оружіе противъ Великаго Князя Кіевскаго, отъ котораго обязаны были зависѣть. Мы видѣли, что Юрій Ростовскій, собравшись на Всеволода, потребовалъ войска у Новгородцевъ: граждане отказались поднять руки на Великаго Князя, какъ прежде отказались идти противъ Юрія; отказъ на требованіе отца послужилъ знакомъ къ отъѣзду сына: Ростиславъ уѣхалъ въ Смоленскъ, Новгородъ остался безъ Князя; а между тѣмъ разсерженный Юрій взялъ Торжокъ. Въ такой крайности Новгородцы обратились ко Всеволоду, должны были при-

нять снова Святослава Ольговича, прежде изгнаннаго, т. е. поднять опять у себя всѣ потухшія было вражды. Новгородцы принуждены были дать клятву Святославу[234]; въ чемъ она состояла, неизвѣстно; но еще до пріѣзда Святослава въ Новгородъ лѣтописецъ упоминаетъ о мятежѣ, произведенномъ безъ сомнѣнія врагами Святослава, приверженцами Мономаховича. Святославъ не забылъ также враговъ своихъ, бывшихъ причиною его изгнанія, въ слѣдствіе чего Новгородцы начали вставать на него на вѣчахъ, за его злобу, по выраженію лѣтописца. Святославу самому скоро наскучило такое положеніе; онъ послалъ сказать Всеволоду: «Тяжко мнѣ, братъ, съ этими людьми, не могу съ ними жить; кого хочешь, того и пошли сюда.» Всеволодъ рѣшился отправить сына своего Святослава, и послалъ сказать объ этомъ Новгородцамъ извѣстнаго уже намъ Ивана Войтишича; но, вѣроятно для того, чтобъ ослабить сторону Мономаховскую и приготовить сыну спокойное княженіе, велѣлъ Войтишичу выпросить у Новгородцевъ лучшихъ мужей и прислать ихъ въ Кіевъ, что и было исполнено: такъ заточенъ былъ въ Кіевѣ Константинъ Микулиничь, который былъ посадникомъ прежде при Святославѣ и потомъ бѣжалъ къ Всеволоду Мстиславичу; въ слѣдъ за Константиномъ отосланы были въ оковахъ въ Кіевъ еще шестеро гражданъ. Но эти мѣры, какъ видно, только усилили волненія. На вѣчахъ начали бить Святославовыхъ пріятелей за его насилія; кумъ его, тысяцкій далъ ему знать, что сбираются схватить и его; тогда Святославъ тихонько ночью убѣжалъ изъ Новгорода вмѣстѣ съ посадникомъ Якуномъ; но Якуна схватили, привели въ Новгородъ вмѣстѣ съ братомъ Прокопіемъ, чуть не убили до смерти, раздѣли донага, и сбросили съ моста. Ему посчастливилось однако прибрести къ берегу; тогда уже больше его не стали бить, но взяли съ него 1000 гривенъ, да съ брата его сто гривенъ, и заточили ихъ обоихъ въ Чудь, приковавши руки къ шеѣ; но послѣ перевелъ ихъ къ себѣ Юрій Ростовскій и держалъ въ милости. Между тѣмъ епископъ Новгородскій съ другими послами пріѣхалъ въ Кіевъ и сказалъ Всеволоду: «Дай намъ сына твоего, а Святослава брата твоего не хотимъ». Всеволодъ согласился и отправилъ къ нимъ сына Святослава;

но когда молодой Князь былъ уже на дорогѣ въ Черниговѣ, Новгородцы перемѣнили мнѣніе, и объявили Всеволоду: «Не хотимъ ни сына твоего, ни брата и никого изъ вашего племени, хотимъ племени Владимірова, дай намъ шурина твоего Мстиславича.» Всеволодъ услыхавъ это требованіе, воротилъ Епископа съ послами, и задержалъ ихъ у себя. Не желая передать Новгорода Владимірову племени, Всеволодъ призвалъ къ себѣ шурьевъ своихъ — Святополка и Владиміра, далъ имъ Брестъ, и сказалъ: «О Новгородѣ не хлопочите, пусть ихъ сидятъ одни, пусть берутъ себѣ Князя, какого хотятъ.» 9 Мѣсяцевъ сидѣли Новгородцы безъ Князя, чего они не могли терпѣть, по выраженію лѣтописца, притомъ же сдѣлалась дороговизна, хлѣбъ не шелъ къ нимъ ни откуда. При такихъ обстоятельствахъ естественно упала сторона, такъ сильно дѣйствовавшая противъ Святослава, и восторжествовала сторона противная; но эта сторона перемѣнила теперь направленіе: мы видѣли, что Юрій Ростовскій принялъ къ себѣ Якуна и держалъ его въ милости, въ Суздаль же бѣжали и другіе пріятели Святослава и Якуна-Судила, Нѣжата, Страшко; ясно, что Юрій милостивымъ пріемомъ привлекъ ихъ всѣхъ на свою сторону; теперь, когда сторона ихъ усилилась, и они были призваны въ Новгородъ, а Судила былъ избранъ даже посадникомъ, то легко понять, что они стали дѣйствовать въ пользу своего благодѣтеля Юрія, тѣмъ болѣе, что теперь не оставалось другаго средства, какъ обратиться къ послѣднему, и вотъ Новгородцы послали за Юріемъ; тотъ самъ къ нимъ не поѣхалъ, а отправилъ сына своего Ростислава. Тогда Всеволодъ увидалъ, что ошибся въ своемъ расчетѣ, сильно разсердился на Юрія, захватилъ его городъ, Городецъ на Острѣ и другіе, захватилъ коней, рогатый скотъ, овецъ, всякое добро, какое только было у Юрія на югѣ; а между тѣмъ Изяславъ Мстиславичь послалъ сказать сестрѣ своей, женѣ Всеволодовой: «выпроси у зятя Новгородъ Великій брату своему Святополку.» Она стала просить мужа, и тотъ наконецъ согласился: разумѣется, не одна просьба жены заставила его согласиться на это: ему выгоднѣе было видѣть въ Новгородѣ шурина своего Мстиславича, чѣмъ сына Юрьева, притомъ изгнаніе послѣдняго въ пользу перваго усиливало еще

больше вражду между Юріемъ и племянниками, что было очень выгодно для Всеволода. — Когда въ Новгородѣ узнали, что изъ Кіева идетъ къ нимъ Святополкъ Мстиславичь съ епископомъ и лучшими людьми, задержанными прежде Всеволодомъ, то сторона Мстиславичей поднялась опять, тѣмъ болѣе, что теперь надобно было выбрать изъ двухъ одно: удержать сына Юріева, и войти во вражду съ Великимъ Княземъ и Мстиславичами, или принять Святополка и враждовать съ однимъ Юріемъ. Рѣшились на послѣднее: Святополкъ былъ принятъ, Ростиславъ отправленъ къ отцу, и Новгородъ успокоился.

Таковы были внутреннія отношенія во время старшинства Всеволода Ольговича; обратимся теперь ко внѣшнимъ. Мы оставили Польшу подъ правленіемъ Болеслава III Кривоустаго; княженіе Болеслава было одно изъ самыхъ блистательныхъ въ Польской исторіи по удачнымъ войнамъ его съ Поморянами, Чехами, Нѣмцами. Мы видѣли также постоянную борьбу его съ братомъ Збигнѣвомъ, противъ котораго онъ пользовался Русскою помощію. Очень важно было для Руси, что дѣятельность такого энергическаго Князя отвлекалась преимущественно на западъ, сдерживалась домашнею борьбою съ братомъ, и что современниками его на Руси были Мономахъ и сынъ его Мстиславъ, которые могли дать всегда сильный отпоръ Польшѣ въ случаѣ вражды съ ея Княземъ: такъ кончилось ни чѣмъ вмѣшательство Болеслава въ дѣла Волынскія, когда онъ принялъ сторону Изяславовой линіи, ему родственной. По смерти Мстислава Великаго, когда начались смуты на Руси, герой Польскій уже устарѣлъ, да и постоянно отвлекался западными отношеніями, а по смерти Болеслава усобицы между сыновьями его не только помѣшали имъ воспользоваться Русскими усобицами, но даже заставили ихъ дать мѣсто вмѣшательству Русскихъ Князей въ свои дѣла. Болеславъ умеръ въ 1139 году, оставивъ пятерыхъ сыновей, между которыми начались тѣ же самыя родовыя отношенія, какія мы видѣли до сихъ поръ между Князьями Русскими и Чешскими. Старшій изъ Болеславичей сидѣлъ на главномъ столѣ въ Краковѣ, меньшіе братья имѣли свои волости и находились къ старшему только въ родовыхъ отношеніяхъ. Легко понять, какое слѣдствіе для Польши должны были

имѣть подобныя отношенія между Князьми, когда значеніе вельможъ успѣло уже такъ усилиться. Владиславъ II, старшій между Болеславичами былъ самъ человѣкъ кроткій и миролюбивый; но не такова была жена его, Агнесса, дочь Леопольда, герцога Австрійскаго. Нѣмецкой Принцессѣ казались дикими родовыя отношенія между Князьями; ея гордость оскорблялась тѣмъ, что мужъ ея считался только старшимъ между братьями; она называла его полу-княземъ и полумужчиною за то, что онъ терпѣлъ подлѣ себя столько равноправныхъ Князей. Владиславъ поддался увѣщаніямъ и насмѣшкамъ жены: онъ началъ требовать дани съ волостей, принадлежавшихъ братьямъ, забирать города послѣднихъ и обнаруживалъ намѣреніе совершенно изгнать ихъ изъ Польши. Но вельможи и прелаты встали за младшихъ братьевъ, и Владиславъ принужденъ былъ бѣжать въ Германію; старшинство принялъ второй послѣ него братъ, Болеславъ IV, Кудрявый. Въ этихъ усобицахъ принималъ участіе Всеволодъ Ольговичь, по родству съ Владиславомъ, за старшимъ сыномъ котораго, Болеславомъ, была дочь его Звѣнислава или Велеслава[235]. Въ 1142 году Всеволодъ посылалъ сына своего Святослава, двоюроднаго брата Изяслава Давыдовича и Владимірка Галицкаго на помощь Владиславу противъ меньшихъ братьевъ; Русскіе полки не спасли Владислава отъ изгнанія; нашъ лѣтописецъ самъ признается, что они удовольствовались только опустошеніемъ страны, побравши въ плѣнъ больше мирныхъ, чѣмъ ратныхъ людей. Въ походѣ на Владимірка Владиславъ былъ въ войскѣ Всеволодовомъ; въ 1145 году, на зовъ Владислава, не перестававшаго хлопотать о возвращеніи стола то на Руси, то у Нѣмцевъ, отправился на меньшихъ Болеславичей Игорь Ольговичь съ братьями: въ срединѣ земли Польской, говоритъ лѣтописецъ, встрѣтились они съ Болеславомъ Кудрявымъ и братомъ его Мстиславомъ (Межко); Польскіе Князья незахотѣли биться, пріѣхали къ Игорю съ поклономъ, и помирились на томъ, что уступили старшему брату Владиславу четыре города во владѣніе, а Игорю съ братьями дали городъ Визну[236], послѣ чего Русскіе Князья возвратились домой и привели съ собою большой полонъ; тѣмъ и кончились Польскія отношенія. — Шведскому Князю, который въ

1142 году приходилъ въ 60 шнекахъ на заграничныхъ купцовъ, шедшихъ въ трехъ лодьяхъ, неудалось овладѣть послѣдними; купцы отбились отъ Шведовъ, убивши у нихъ полтораста человѣкъ. — Съ Финскими племенами продолжалась борьба по прежнему: въ 1142 году приходила Емь изъ Финляндіи и воевала область Новгородскую; но ни одного человѣка изъ нихъ невозвратилось домой: Ладожане истребили у нихъ 400 человѣкъ; въ слѣдующемъ году упоминается о походѣ Корѣлы на Емь. О Половецкихъ нашествіяхъ не встрѣчаемъ извѣстій въ лѣтописяхъ: подъ 1139 годомъ читаемъ, что приходила вся Половецкая земля, всѣ Князья Половецкіе на миръ; ходилъ къ нимъ Всеволодъ изъ Кіева и Андрей изъ Переяславля къ Малотину[237] и помирились: разумѣется миръ этотъ можно было только купить у варваровъ. Послѣ видимъ, что Половцы участвуютъ въ походѣ Всеволода на Галичь.

Мы видѣли, что еще во время Галицкаго похода Игорь Ольговичь упоминалъ объ обѣщаніи брата Всеволода оставить ему послѣ себя Кіевъ; въ 1145 Всеволодъ въ присутствіи братьевъ своихъ, родныхъ и двоюродныхъ, и шурина Изяслава Мстиславича, прямо объявилъ объ этомъ распоряженіи своемъ: «Владиміръ Мономахъ, говорилъ онъ, посадилъ послѣ себя на старшемъ столѣ сына своего Мстислава, а Мстиславъ брата своего Ярополка: такъ и я, если Богъ меня возьметъ, отдаю Кіевъ по себѣ брату своему Игорю». Преемство Мстислава послѣ Мономаха и преемство Ярополка послѣ Мстислава нарушило въ глазахъ Ольговича старый порядокъ, по которому старшинство и Кіевъ принадлежали всегда самому старшему въ родѣ; такъ какъ Мономаховичи первые нарушили этотъ обычай въ пользу своего племени, то теперь онъ Всеволодъ считаетъ себя въ правѣ поступить точно также, отдать Кіевъ послѣ себя брату, хотя Игорь и не былъ послѣ него самымъ старшимъ въ цѣломъ родѣ Ярославовомъ. Изяславъ Мстиславичь сильно вооружился противъ этого распоряженія; но дѣлать было нечего, по нуждѣ цѣловалъ онъ крестъ, что признаетъ старшинство Игоря. Когда всѣ братья, продолжаетъ лѣтописецъ, сѣли у Всеволода на сѣняхъ, то онъ началъ говорить: «Игорь! цѣлуй крестъ, что будешь любить братьевъ; а вы, Владиміръ, Святославъ и Изяславъ, цѣлуйте крестъ

Игорю, и будьте довольны тѣмъ, что вамъ дастъ по своей волѣ, а не по нуждѣ.» И всѣ братья цѣловали крестъ. Когда въ 1146 году Всеволодъ больной возвратился изъ Галицкаго похода, то остановился подъ Вышгородомъ на островѣ, велѣлъ позвать къ себѣ лучшихъ Кіевлянъ, и сказалъ имъ: «я очень болѣнъ, вотъ вамъ братъ мой Игорь, возьмите его себѣ въ князья;» тѣ отвѣчали: «возьмемъ съ радостію». Игорь отправился съ ними въ Кіевъ, созвалъ всѣхъ гражданъ, и всѣ цѣловали ему крестъ, говоря, «ты намъ Князь;» но они обманывали его, прибавляетъ лѣтописецъ. На другой день поѣхалъ Игорь въ Вышгородъ, и Вышгородцы также цѣловали ему крестъ. Всеволодъ былъ еще все живъ: онъ послалъ зятя своего Болеслава Польскаго къ Изяславу Мстиславичу, а боярина Мірослава Андреевича къ Давыдовичамъ спросить: стоятъ ли они въ крестномъ цѣлованіи Игорю; и тѣ отвѣчали, что стоятъ. 1-го Августа умеръ Всеволодъ, Князь умный, дѣятельный, гдѣ дѣло шло объ его личныхъ выгодахъ, умѣвшій пользоваться обстоятельствами, но не разбиравшій средствъ при достиженіи цѣли[238].

Послѣ братнихъ похоронъ Игорь поѣхалъ въ Кіевъ, опять созвалъ всѣхъ Кіевлянъ на гору, на дворъ Ярославовъ, и опять всѣ присягнули ему. Но потомъ вдругъ собрались всѣ у Туровой божницы и послали сказать Игорю: «Князь! пріѣзжай къ намъ». Игорь вмѣстѣ съ братомъ Святославомъ, поѣхалъ, остановился съ дружиною, а брата Святослава послалъ на вѣче. Кіевляне стали жаловаться на тіуна Всеволодова, Ратшу, и на другаго тіуна Вышгородскаго, Тудора, говорили: Ратша погубилъ у насъ Кіевъ, а Тудоръ Вышгородъ; такъ теперь, Князь Святославъ, цѣлуй крестъ намъ и съ братомъ своимъ, что если кого изъ насъ обидятъ, то ты разбирай дѣло». Святославъ отвѣчалъ: «Я цѣлую крестъ за брата, что не будетъ вамъ никакого насилія, будетъ вамъ и тіунъ по вашей волѣ». Сказавши это, онъ сошелъ съ лошади, и цѣловалъ крестъ на вѣчѣ; Кіевляне также всѣ сошли съ лошадей, и цѣловали крестъ, говоря: «братъ твой Князь и ты клялись и съ дѣтьми не мыслить зла ни противъ Игоря, ни противъ Святослава.» Послѣ этого Святославъ, взявши лучшихъ мужей, поѣхалъ съ ними къ Иго-

рю, и сказалъ ему: «Братъ! я поклялся имъ, что ты будешь судить ихъ справедливо и любить». Игорь сошелъ съ лошади, и цѣловалъ крестъ на всей ихъ волѣ и на братней, послѣ чего Князья поѣхали обѣдать. Но Кіевляне бросились съ вѣча на Ратшинъ дворъ грабить, и на мечниковъ: Игорь выслалъ къ нимъ брата Святослава съ дружиною, и тотъ едва утишилъ ихъ. Въ тоже самое время Игорь послалъ сказать Изяславу Мстиславичу: «Брата нашего Богъ взялъ, стоишь ли въ крестномъ цѣлованіи?» Изяславъ недалъ отвѣта и даже не отпустилъ посла назадъ, потому что Игорь не сдержалъ обѣщанія, даннаго Кіевлянамъ, и тѣ послали сказать Изяславу въ Переяславль: «Поди, Князь, къ намъ, хотимъ тебя.» Изяславъ принялъ приглашеніе, собралъ своихъ ратныхъ людей, и пошелъ изъ Переяславля; когда онъ перешелъ Днѣпръ у Заруба, то прислало къ нему все пограничное варварское народонаселеніе, Черные Клобуки и всѣ жители пограничныхъ городовъ на рѣкѣ Роси (все поросье); посланные говорили: «Ты нашъ Князь, Ольговичей не хотимъ; ступай скорѣе, а мы съ тобою». Изяславъ пошелъ къ Дерновому, и тутъ соединились съ нимъ всѣ Черные Клобуки и Поршане (жители городовъ по Роси); туда же прислали къ нему Бѣлгородцы и Василевцы съ тѣми же рѣчами: «Ступай, ты нашъ Князь, Ольговичей не хотимъ;» скоро явились новые послы изъ Кіева и сказали: «Ты нашъ Князь, ступай, не хотимъ переходить къ Ольговичамъ точно по наслѣдству[240]; гдѣ увидимъ твой стягъ, тутъ и мы будемъ готовы съ тобою». Эти слова очень важны: они показываютъ, что современники не были знакомы съ понятіями о наслѣдственности въ одной линіи. Изяславъ собралъ все свое войско въ степи, христіанъ и поганыхъ, и сказалъ имъ: «Братья! Всеволода я считалъ по правдѣ братомъ старшимъ, потому что старшій братъ и зять мнѣ какъ отецъ; а съ этими, какъ меня Богъ управитъ, и сила крестная: либо голову свою положу передъ вами, либо достану столъ дѣдовскій и отцовскій.» Сказавши это, онъ двинулся къ Кіеву, а между тѣмъ Игорь послалъ къ двоюроднымъ братьямъ своимъ, Давыдовичамъ, спросить у нихъ, стоятъ ли они въ крестномъ цѣлованіи? Тѣ хотѣли дорого продать свою вѣрность клятвѣ, и запросили

у него волостей много; Игорь, въ крайности, далъ имъ все, лишь бы только шли къ нему на помощь; и они отправились. Но еще важнѣе было для Игоря уладиться съ дружиною, привязать ее къ себѣ: онъ призвалъ къ себѣ главныхъ бояръ: Улѣба, Ивана Войтишича; Лазаря Саковскаго, и сказалъ имъ: «Какъ были у брата моего, такъ будете и у меня»; а Улѣбу сказалъ: «держи ты тысячу (т. е. будь Тысяцкимъ), какъ у брата моего держалъ.» Изъ этого видно, что при каждой перемѣнѣ Князя бояре боялись лишиться прежняго значенія, и теперь Игорь спѣшитъ увѣрить ихъ, что они ничего не потеряютъ при немъ. Но Ольговичь опоздалъ: эти бояре уже передались Изяславу; они могли видѣть всеобщее нерасположеніе къ Игорю, видѣть, что вся Русь становится подъ стягъ Мономахова внука, и спѣшили отстать отъ проиграннаго дѣла. Они послали сказать Изяславу: «Ступай, Князь, скорѣе, идутъ Давыдовичи Игорю на помощь». Кромѣ означенныхъ бояръ въ Святославовомъ полку передались на сторону Мстиславича Василь Полочанинъ и Мірославъ (Андреевичь) внукъ Хиличь; они впятеромъ собирали Кіевлянъ и совѣтовались, какъ бы обмануть Игоря; а къ Изяславу послали сказать: «Ступай, Князь: мы уговорились съ Кіевлянами; бросимъ стягъ Ольговича, и побѣжимъ съ полкомъ своимъ въ Кіевъ.» Изяславъ подошелъ къ Кіеву и сталъ съ сыномъ своимъ Мстиславомъ у вала, подлѣ Надова озера; а Кіевляне стояли особо у Ольговой могилы огромною толпою. Скоро Игорь и все войско его увидали, что Кіевляне послали къ Изяславу и взяли у него тысяцкаго со стягомъ; а вслѣдъ за тѣмъ Берендѣи переѣхали чрезъ Лыбедь, и захватили Игоревъ обозъ передъ Золотыми воротами и подъ огородами. Видя это, Игорь сказалъ брату Святославу и племяннику Святославу Всеволодичу: «Ступайте въ свои полки, и какъ насъ съ ними Богъ разсудитъ;» велѣлъ ѣхать въ свои полки также и Улѣбу тысяцкому съ Иваномъ Войтишичемъ. Но какъ скоро пріѣхали они въ свои полки, то бросили стяги, и поскакали къ Жидовскимъ воротамъ. Ольговичь съ племянникомъ не смутились отъ этого, и пошли противъ Изяслава; но имъ нельзя было проѣхать къ нему Надовымъ озеромъ; они пошли ве́рхомъ и попали въ самое невыгодное мѣсто между двумя канавами изъ озера и изъ

сухой Лыбеди: Берендѣи заѣхали имъ въ задъ, и начали сѣчь ихъ саблями; а Изяславъ съ сыномъ Мстиславомъ и дружиною заѣхали съ боку; Ольговичи побѣжали, Игорь заѣхалъ въ болото, конь подъ нимъ увязъ, а идти онъ не могъ, потому что былъ болѣнъ ногами; братъ его Святославъ бѣжалъ на устье Десны, за Днѣпръ, а племянникъ Святославъ Всеволодичь прибѣжалъ въ Кіевъ, и спрятался въ Ирининскомъ монастырѣ, гдѣ его и взяли; дружину Ольговича гнали до самаго Днѣпра, до устья Десны и до Кіевскаго перевоза.

Изяславъ съ великою славою и честью въѣхалъ въ Кіевъ; множество народа вышло къ нему на встрѣчу; игумены съ монахами и священниками со всего Кіева въ ризахъ; онъ пріѣхалъ къ св. Софіи, поклонился Богородицѣ и сѣлъ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ. Когда привели къ нему Святослава Всеволодича,то онъ сказалъ ему: «Ты мнѣ родной племянникъ,» и началъ водить его подлѣ себя; бояръ, вѣрныхъ Ольговичамъ, перехватали много—Данила Великаго, Юрья Прокопьича, Ивора Юрьевича, внука Мірославова и другихъ, и пустили ихъ, взявши окупъ. Черезъ четыре дня схватили въ болотѣ Игоря и привели къ Изяславу, который сначала послалъ его въ Выдубицкій монастырь, а потомъ, сковавши, велѣлъ посадить въ Переяславскій Ивановскій; тогда же Кіевляне съ Изяславомъ разграбили домы дружины Игоревой и Всеволодовой, села, скотъ, взяли много имѣнья въ домахъ и монастыряхъ. Такимъ образомъ старшій столъ перешелъ опять въ родъ Мономаха, но перешелъ къ племяннику мимо двухъ дядей; причины этого явленія мы уже видѣли прежде: племянникъ Изяславъ личною доблестію превосходилъ дядей, былъ представителемъ Мономахова племени въ глазахъ народа. Самъ Изяславъ сначала не хотѣлъ нарушать право дяди Вячеслава; отправившись въ походъ противъ Игоря Ольговича, онъ объявилъ, что идетъ возвратить старшій столъ Вячеславу. Но дѣла перемѣнились, когда онъ дѣйствительно овладѣлъ Кіевомъ; если жители этого города заставили Мономаха нарушить старшинство Святославичей, то нѣтъ сомнѣнія, что они же заставили и внука его Изяслава нарушить старшинство дяди Вячеслава: желая избавиться отъ Ольговичей, они прямо послали къ Изяславу, ему го-

ворили: «ты нашъ Князь!» Послѣ увидимъ, что призывая его вторично къ себѣ, они прямо скажутъ ему, что не хотятъ Вячеслава; когда Юрій хотѣлъ было также уступить Кіевъ Вячеславу, то бояре сказали, что онъ напрасно это дѣлаетъ, что Вячеславу все равно не удержать же Кіева: таково было общее мнѣніе о старшемъ изъ Мономаховичей: Юрій подчинился этому общему мнѣнію, долженъ былъ подчиниться ему и племянникъ его Изяславъ. Но если Русь не хотѣла Вячеслава, признавая его неспособнымъ, то не такъ смотрѣли на дѣло собственные бояре Вячеславовы, которые управляли слабымъ Княземъ, и хотѣли управлять Кіевомъ при его старшинствѣ. Послушавши бояръ, Вячеславъ сталъ распоряжаться какъ старшій: захватилъ города, которые отняты были у него Всеволодомъ[241]; захватилъ и Владимиръ Волынскій, и посадилъ въ немъ племянника, Владиміра Андреевича, сына покойнаго Переяславскаго Князя. Но Изяславъ поспѣшилъ увѣрить его, что не онъ старшій: онъ послалъ на дядю брата Ростислава и племянника Святослава Всеволодовича; тѣ взяли у Вячеслава Туровъ, схватили въ немъ Епископа Іоакима и посадника Жирослава. Въ Туровѣ посадилъ Изяславъ сына своего Ярослава, старшій сынъ его Мстиславъ сѣлъ въ Переяславлѣ. Такое распоряженіе могло оскорбить братьевъ Изяславовыхъ, особенно старшаго Ростислава Смоленскаго: но вѣроятно этотъ Князь не хотѣлъ мѣнять вѣрное на невѣрное и самъ отказался отъ Переяславля: здѣсь онъ безпрестанно долженъ былъ отбиваться отъ Черниговскихъ и отъ Половцевъ; притомъ украинское Переяславское Княжество вѣроятно было беднѣе Смоленскаго; наконецъ въ предшествовавшія смуты Переяславль много потерялъ изъ прежняго своего значенія: мы видѣли, что Юрій Ростовскій отказался отъ него въ пользу младшаго брата Андрея; дядя Вячеславъ въ пользу племянника Изяслава.—У племянника отъ сестры, Святослава Всеволодича, Изяславъ взялъ Владимиръ Волынскій, и вмѣсто того далъ ему пять городовъ на Волыни[242]. Города въ землѣ южныхъ Дреговичей, которые Всеволодъ Ольговичь роздалъ по братьямъ своимъ, остались за Давыдовичами.

Такъ устроились дѣла въ собственной Руси; между тѣмъ

Святославъ Ольговичь съ малою дружиною прибѣжалъ въ Черниговъ, и послалъ спросить у двоюродныхъ братьевъ Давыдовичей, хотятъ ли они сдержать клятву, которую дали пять дней тому назадъ; Давыдовичи отвѣчали, что хотятъ. Тогда Святославъ, оставя у нихъ мужа своего Коснятка, поѣхалъ въ свои волости уставливать людей, то есть взять съ нихъ присягу въ вѣрности, сперва въ Курскъ, а потомъ въ Новгородъ Сѣверскій. Но какъ скоро Святославъ уѣхалъ, Давыдовичи начали думать втайнѣ отъ его боярина; Коснятко, узнавъ, что они замышляютъ схватить Святослава, послалъ сказать ему: «Князь! думаютъ о тебѣ, хотятъ схватить: когда они за тобой пришлютъ, то не ѣзди къ нимъ.» Давыдовичи боялись, что теперь Ольговичи, лишенные надежды получить волости на западной сторонѣ Днѣпра, будутъ добиваться волостей Черниговскихъ, и положили соединиться съ Мстиславичемъ противъ двоюродныхъ братьевъ; они послали сказать Изяславу: «Игорь какъ до тебя былъ золъ, такъ и до насъ: держи его крѣпко;» а къ Святославу послали сказать: «Ступай прочь изъ Новгорода Сѣверскаго въ Путивль, а отъ брата Игоря отступись». Святославъ отвѣчалъ: «Не хочу ни волости, ничего другаго, только отпустите мнѣ брата;» но Давыдовичи все настаивали: «цѣлуй крестъ, что не будешь ни просить, ни искать брата, а волость держи.» Святославъ заплакалъ и послалъ къ Юрію въ Суздаль: «Брата моего Всеволода Богъ взялъ, а Игоря Изяславъ взялъ; пойди въ Русскую землю въ Кіевъ, помилосердуй, сыщи мнѣ брата, а я здѣсь, съ помощію Божіею, буду тебѣ помогать.» Въ самомъ дѣлѣ Святославъ дѣйствовалъ: послалъ къ Половецкимъ ханамъ, дядьямъ жены своей[243], за помощью, и тѣ прислали ему немедленно 300 человѣкъ. Въ тоже время прибѣжалъ къ нему отъ дяди изъ Мурома Владиміръ Святославичь, внукъ Ярославовъ: мы видѣли, что по смерти Святослава Ярославича въ Муромѣ сѣлъ братъ его Ростиславъ, а въ Рязань послалъ сына своего Глѣба; это уже самое распоряженіе обижало сына Святославова Владиміра, который, неполучивъ, быть можетъ, и вовсе волостей, прибѣжалъ теперь къ Святославу Ольговичу; въ слѣдъ за нимъ прибылъ въ Новгородъ Сѣверскій и другой изгнанникъ-Иванъ

Ростиславичь Галицкій, который носитъ названіе Берладника: Молдавскій городъ Берладъ былъ, подобно Тмутаракани, притономъ всѣхъ бѣглецовъ, князей и простыхъ людей; Иванъ также находилъ въ немъ убѣжище и дружину[244]. Между тѣмъ Давыдовичи спѣшили кончить дѣло съ опаснымъ Ольговичемъ; по словамъ лѣтописца, они говорили: «Мы начали злое дѣло; такъ уже окончимъ братоубійство; пойдемъ, искоренимъ Святослава, и переймемъ волость его:» они видѣли, что Святославъ употребитъ всѣ средства для освобожденія брата, помнили, что и при жизни Всеволода Игорь съ братомъ недавали имъ покоя, требуя Чернигова и волостей его, и сдерживались только обѣщаніемъ Кіева и волостей заднѣпровскихъ: а теперь-что будетъ ихъ сдерживать? отсюда понятна раздражительность Давыдовичей. Они стали проситься у Изяслава идти на Святослава къ Новгороду Сѣверскому. Изяславъ ходилъ къ нимъ на съѣздъ, гдѣ порѣшили — Давыдовичамъ вмѣстѣ съ сыномъ Изяславовымъ Мстиславомъ, Переяславцами и Берендѣями идти къ Новгороду Сѣверскому; Изяславъ сказалъ имъ: «Ступайте; если Святославъ не выбѣжитъ передъ вами изъ города, то осадите его тамъ; когда вы устанете, то я съ свѣжими силами приду къ вамъ, и стану продолжать осаду, а вы пойдете домой.» Давыдовичи отправились къ Новгороду, стали у вала и два раза приступали къ двумъ воротамъ; бились у нихъ сильно, какъ вдругъ получили вѣсть отъ Мстислава Изяславича, чтобъ не приступали безъ него къ городу, потому что такъ отецъ его велѣлъ. Давыдовичи послушались, дождались Мстислава, и всѣ вмѣстѣ пустили стрѣльцовъ своихъ къ городу, христіанъ и Берендѣевъ, и сами стали полками и начали биться; граждане были сильно стѣснены: ихъ втиснули въ острожныя ворота, при чемъ они много потеряли убитыми и ранеными. Бой продолжался до самаго вечера, но городъ не былъ взятъ; осаждающіе отступили, стали въ селѣ Мелтековѣ, и пославши отсюда, заграбили стада Игоревы и Святославовы въ лѣсу по рѣкѣ Рахнѣ, кобылъ 3,000, да коней 1,000; послали и по окрестнымъ селамъ, жечь хлѣбъ и дворы.

Въ это время пришла вѣсть, что Юрій Ростовскій заключилъ союзъ съ Святославомъ и идетъ къ нему на помощь. Услыхавъ,

что дядя поднялся на него, Изяславъ Мстиславичь отправилъ степью гонца въ Рязань къ Ростиславу Ярославичу съ просьбою, чтобъ напалъ на Ростовскую область, и такимъ образомъ отвлекъ бы Юрія; Ростиславъ согласился: мы видѣли, что враждебный ему племянникъ находился у Святослава Ольговича, союзника Юріева, и ему слѣдовало вступить въ союзъ съ врагами послѣдняго; да и безъ того Ярославичи Муромскіе едва ли могли быть въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ Ольговичамъ, изгнавшимъ отца ихъ изъ Чернигова. Юрій былъ уже въ Козельскѣ, когда узналъ, что Ростиславъ Рязанскій воюетъ его волость: это извѣстіе заставило его возвратиться, и отпустить къ Святославу только сына своего Ивана; когда тотъ пришелъ въ Новгородъ къ Святославу, то послѣдній далъ ему Курскъ съ волостями по рѣкѣ Сейму: какъ видно Ольговичь рѣшился не щадить ничего, отдавать послѣднее, лишь бы только удержать въ союзѣ Юрія, и съ его помощію достигнуть своей цѣли, освободить брата. Отдавши половину волости Юрьевичу, Святославъ, по думѣ бояръ своихъ, попробовалъ еще разъ разжалобить Давыдовичей, и послалъ священника своего сказать имъ: «Братья! землю мою вы повоевали, стада мои и братнія взяли, хлѣбъ пожгли и всю жизнь мою (все имѣнье, всѣ животы) погубили; теперь вамъ остается убить меня.» Давыдовичи отвѣчали по прежнему, чтобъ оставилъ брата; Святославъ на это отвѣчалъ также по прежнему: «Лучше мнѣ помереть, чѣмъ оставить брата, буду искать его, пока душа въ тѣлѣ.» Давыдовичи продолжали пустошить волости Ольговичей; взяли селцо Игорево, гдѣ онъ устроилъ себѣ дворъ добрый; было тутъ въ погребахъ наготовлено много вина и меду и всякаго тяжелаго товару, желѣза и мѣди, такъ что нельзя было всего и вывезти; Давыдовичи велѣли все это покласть на возы и потомъ велѣли зажечь дворъ и церковь Св. Георгія и гумно, гдѣ было 900 стоговъ. Потомъ услыхавъ, что Изяславъ Мстиславичь идетъ къ нимъ на помощь изъ Кіева, они пошли къ Путивлю, и приступили къ городу, пославши сказать жителямъ: «Не бейтесь; клянемся Св. Богородицею, что недадимъ васъ въ полонъ.» Но Путивльцы не послушались и крѣпко бились до тѣхъ поръ, пока пришелъ Изяславъ Мстиславичъ съ силою Кіевскою; тогда Путивльцы

послали къ нему сказать съ поклономъ: «Мы тебя только дожидались, Князь: цѣлуй намъ крестъ.» Изяславъ поцѣловалъ крестъ, и только вывелъ отъ нихъ прежняго посадника и посадилъ своего: этотъ поступокъ Путивльцевъ очень замѣчателенъ: онъ показываетъ довѣренность ко внуку Мономахову и недовѣріе ко внукамъ Святославовымъ у самихъ жителей Черниговскихъ волостей: неудивительно, что на той сторонѣ Днѣпра такъ не любили Святославичей. Въ Путивлѣ Изяславъ и Давыдовичи взяли дворъ Святославовъ, и все добро, какое нашли тамъ, раздѣлили на четыре части, взяли 500 берковцевъ меду, 80 корчагъ вина; взяли всю утварь изъ церкви Вознесенія, и 700 человѣкъ рабовъ. Узнавши, что Путивль взятъ, имѣнье его пограблено, и что Изяславъ идетъ на него, хочетъ осадить въ Новгородѣ, Святославъ позвалъ на совѣтъ Князей Ивана Юрьича, Ивана Ростиславича Берладника, дружину, Половцевъ дикихъ, дядей своихъ, и спрашивалъ, что дѣлать? Тѣ отвѣчали ему: «Князь! ступай отсюда, не мешкая; здѣсь тебѣ не при чемъ оставаться: нѣтъ ни хлѣба, ничего; ступай въ лѣсную землю, тамъ тебѣ близко будетъ пересылаться съ отцемъ своимъ Юріемъ.» Святославъ послушался и побѣжалъ изъ Новгорода въ Корачевъ съ женою и дѣтьми и съ женою брата своего Игоря; изъ дружины — одни пошли за нимъ, другіе оставили его.

Новгородцы Сѣверскіе дали знать Изяславу и его союзникамъ, что Святославъ убѣжалъ отъ нихъ; это извѣстіе сильно раздосадовало Давыдовичей: они знали, что пока Святославъ будетъ на свободѣ, до тѣхъ поръ не перестанетъ отыскивать свободы брату; въ сердцахъ Изяславъ Давыдовичь сказалъ братьямъ: «Пустите меня за нимъ; если ему самому удастся уйти отъ меня, то жену и дѣтей у него отниму, имѣніе его возьму!» — и, взявши съ собою три тысячи конной дружины, безъ возовъ, на легкѣ отправился въ погоню за Ольговичемъ, которому не оставалось болѣе ничего дѣлать, какъ или семью и дружину свою отдать въ плѣнъ, или голову свою сложить. Подумавъ съ союзными Князьями, Половцами и дружиною, онъ вышелъ на встрѣчу къ Давыдовичу, и разбилъ его. Изяславъ Мстиславичь и Владиміръ Давыдовичь шли съ полками въ слѣдъ за

Изяславомъ Давыдовичемъ, и, остановившись въ лѣсу, сѣли было обѣдать, какъ вдругъ пригналъ къ нимъ одинъ мужъ съ вѣстію, что Изяславъ разбитъ Ольговичемъ. Эта вѣсть сильно раздосадовала Изяслава Мстиславича, который, по выраженію лѣтописца, былъ храбръ и крѣпокъ на рать; онъ выстроилъ свое войско и пошелъ на Святослава къ Корачеву; на дорогѣ встрѣчали его бѣглецы изъ дружины Изяслава Давыдовича и присоединялись къ войску; самого Давыдовича долго не было, наконецъ и онъ явился въ полдень; Князья шли весь этотъ день до ночи, и остановились ночевать не далеко отъ Корачева; а Святославъ, узнавъ о ихъ приходѣ, ушелъ за лѣсъ въ землю Вятичей. Тогда Изяславъ Мстиславичь сказалъ Давыдовичамъ: «Какихъ хотѣли вы волостей, тѣ я вамъ добылъ: вотъ вамъ Новгородъ Сѣверскій и всѣ Святославовы волости; что же будетъ въ этихъ волостяхъ Игорево— рабы, или товаръ какой, то мое; а что́ будетъ Святославовыхъ рабовъ и товара, то раздѣлимъ на части.»—Урядившись такимъ образомъ, Изяславъ возвратился въ Кіевъ, а между тѣмъ Игорь Ольговичь сильно разболѣлся въ тюрьмѣ, и прислалъ сказать ему: «Братъ! я очень болѣнъ, и прошу у тебя постриженія; хотѣлъ я этого, когда еще былъ Княземъ; а теперь въ нуждѣ я сильно разболѣлся, и не думаю, что останусь въ живыхъ.» Изяславъ сжалился и послалъ сказать ему: «Если была у тебя мысль о постриженіи, то ты воленъ; а я тебя и безъ того выпускаю для твоей болѣзни.» Надъ Игоремъ розняли верхъ тюрьмы, и вынесли больнаго въ келью; восемь дней онъ не пилъ, ни ѣлъ, но потомъ ему полегчѣло, и онъ постригся въ Кіевскомъ Ѳедоровскомъ монастырѣ въ схимѣ.

Между тѣмъ въ землѣ Сѣверской и у Вятичей по прежнему шла война между Давыдовичами и Ольговичами. Изяславъ Мстиславичь, уходя въ Кіевъ, имѣлъ неосторожность оставить съ Давыдовичами Святослава Всеволодовича, роднаго племянника Святославова, котораго выгоды были тѣсно связаны съ выгодами дяди, съ выгодами племени Ольговичей: окончательное пораженіе дяди Святослава, окончательное торжество Давыдовичей отнимало у него на всегда надежду княжить въ Черниговѣ, на что онъ имѣлъ со временемъ полное право, какъ

сынъ старшаго изъ Ольговичей. Вотъ почему онъ долженъ былъ поддерживать дядю, и точно вмѣсто преслѣдованія увѣдомлялъ его о движеніяхъ непріятельскихъ[245]. Не смотря на отступленіе Ивана Берладника, который, взявши у Святослава 200 гривенъ серебра и 12 золота, перешелъ къ Ростиславу Мстиславичу Смоленскому, дѣла Ольговича поправились, потому что Юрій Ростовскій прислалъ ему на помощь Бѣлозерскую дружину. Святославъ уже хотѣлъ идти съ нею на Давыдовичей, какъ вдругъ опасно занемогъ сынъ Юрьевъ, Иванъ; Ольговичь не поѣхалъ отъ больнаго, и дружины не отпустилъ. Давыдовичи, съ своей стороны, услыхавъ, что Святославъ получилъ помощь отъ Юрія, не посмѣли идти на него, но созвавши лучшихъ Вятичей, сказали имъ: «Святославъ такойже врагъ и вамъ, какъ намъ: старайтесь убить его какъ нибудь обманомъ и дружину его перебить, а имѣнье его вамъ,» — послѣ чего сами пошли назадъ. Двое сыновей Юрьевыхъ — Ростиславъ и Андрей дѣйствовали успѣшно съ другой стороны: заставили Рязанскаго Князя Ростислава бѣжать къ Половцамъ; но въ это время умеръ братъ ихъ Иванъ у Святослава, который послѣ того перешелъ на устье рѣки Протвы. Сюда прислалъ утѣшать его Юрій: «Не тужи о моемъ сынѣ, велѣлъ онъ сказать ему; если этого Богъ взялъ, то другаго къ тебѣ пришлю;» тогда же прислалъ онъ и богатые дары Святославу — ткани и мѣха, дарилъ и жену его и дружину. (1146 г.)

Весною Юрій съ союзникомъ своимъ началъ наступательное движеніе: самъ вошелъ въ область Новгородскую, взялъ Торжокъ и землю по Мстѣ, а Святославъ пошелъ на Смоленскую волость, взялъ Голядей, на верховьяхъ Протвы, и обогатилъ дружину свою полономъ, послѣ чего получилъ зовъ отъ Юрія пріѣхать къ нему въ Москву, имя которой здѣсь въ первые упомянуто. Святославъ поѣхалъ къ нему съ сыномъ Олегомъ, Княземъ Владиміромъ Рязанскимъ и съ небольшою дружиною; Олегъ поѣхалъ напередъ и подарилъ Юрію барса (вѣроятно кожу этого звѣря). Дружески поздоровались Юрій съ Ольговичемъ, и начали пировать: на другой же день Юрій сдѣлалъ большой обѣдъ для гостей, богато одарилъ Святослава, сына его, Владиміра Рязанскаго и всю дружину. Но одними

дарами дѣло не ограничилось: Юрій обѣщалъ Святославу сына на помощь, и обѣщаніе было исполнено. Получивши также наемное войско отъ Половцевъ, Святославъ началъ съ успѣхомъ наступательныя движенія: послалъ Половцевъ воевать Смоленскую волость, и они опустошили земли у верховьевъ Угры; тогда посадники Давыдовичей бросились изъ городовъ Вятичскихъ, Святославъ занялъ послѣдніе, а между тѣмъ изъ степей пришли къ нему новыя толпы Половцевъ, да съ Сѣвера Глѣбъ, сынъ Юрія Ростовскаго. Изяславъ Давыдовичь не смѣлъ долѣе оставаться въ Новгородѣ Сѣверскомъ, ушелъ къ брату Владиміру въ Черниговъ, и Давыдовичи вмѣстѣ съ Святославомъ Всеволодичемъ отправили къ Ольговичу пословъ, которые должны были сказать ему: «Не жалуйся на насъ, будемъ всѣ за одно, позабудь нашу злобу; цѣлуй къ намъ крестъ, и возьми свою отчину, а что́ мы взяли твоего, то все отдадимъ назадъ.» Изъ этого видно, что Святославъ Всеволодовичь уже успѣлъ снестись съ Давыдовичами; безъ сомнѣнія онъ былъ здѣсь главнымъ дѣйствователемъ, тѣмъ болѣе, что прежнее усердіе его къ дядѣ Ольговичу давало ему возможность быть посредникомъ. Какъ видно, уже тогда между Давыдовичами и Всеволодовичемъ положено было заманить Изяслава Мстиславича на восточный берегъ Днѣпра, потому что, прося мира и союза у Ольговича, Давыдовичи въ то же время послали сказать Изяславу: «Братъ! Святославъ Ольговичь занялъ нашу волость Вятичи: пойдемъ на него; когда его прогонимъ, то пойдемъ на Юрія въ Суздаль, и либо помиримся тамъ съ нимъ, либо будемъ биться.» Изяславъ согласился; но Всеволодовичу нужно было прежде него быть на восточномъ берегу Днѣпра, чтобъ окончательно устроить все дѣло; для этого онъ пріѣхалъ къ Изяславу и сталъ проситься у него въ Черниговъ: «Батюшка, говорилъ онъ, отпусти меня въ Черниговъ, тамъ у меня вся жизнь; хочу просить волости у братьевъ, у Изяслава и Владиміра.» — «И прекрасно ты это придумалъ, отвѣчалъ ему Изяславъ: ступай скорѣе.» Всеволодовичь поѣхалъ и дѣло было окончательно улажено: уговорились перезвать Изяслава Кіевскаго на ту сторону Днѣпра и схватить его обманомъ, послѣ чего, видя медленность Кіевскаго Князя, Давыдовичи послали торопить его: «Земля

наша погибаетъ, а ты пейдешь,» велѣли они сказать ему. Изяславъ созвалъ бояръ своихъ, всю дружину и Кіевлянъ, и сказалъ имъ: «Я уговорился съ братьями своими Давыдовичами и Святославомъ Всеволодичемъ, хотимъ пойти на дядю Юрія и на Святослава Ольговича къ Суздалю, за то, что дядя принялъ врага моего Святослава. Братъ Ростиславъ придетъ также къ намъ съ Смолнянами и Новгородцами.» Кіевляне отвѣчали на это: «Князь! не ходи съ Ростиславомъ на дядю своего, лучше уладься съ нимъ; Ольговичамъ[246] не вѣрь и въ путь съ ними вмѣстѣ не ходи.« Изяславъ отвѣчалъ: «Не льзя; они мнѣ крестъ цѣловали, я съ ними вмѣстѣ думу думалъ, не могу никакъ отложить похода; собирайтесь.» Тогда Кіевляне сказали: «Ну, Князь, ты на насъ не сердись, а мы неможемъ на Владимірово племя рукъ поднять; вотъ еслибъ на Ольговичей, то пошли бы и съ дѣтьми.» Изяславъ отвѣчалъ на это: «Тотъ будетъ добрый человѣкъ, кто за мной пойдетъ;» набралось много такихъ добрыхъ людей, и онъ выступилъ съ ними въ походъ, оставивъ въ Кіевѣ брата своего Владиміра. Переправившись за Днѣпръ и ставши между Черниговскою и Переяславскою волостію, Изяславъ послалъ въ Черниговъ боярина своего Улѣба разузнать, что тамъ дѣлается. Улѣбъ скоро возвратился съ вѣстію, что Давыдовичи и Всеволодичъ отступили отъ него и соединились съ Ольговичемъ; тогда же Черниговскіе пріятели Изяслава прислали сказать ему: «Князь; не двигайся никуда съ мѣста; ведутъ тебя обманомъ, хотятъ убить, либо схватить вмѣсто Игоря; цѣловали крестъ Ольговичу, послали и къ Юрію съ крестомъ: задумали и съ нимъ на тебя.»

Изяславъ возвратился, и отправилъ пословъ въ Черниговъ сказать Давыдовичамъ: «Мы замыслили путь великій, и утвердились крестнымъ цѣлованіемъ, по обычаю дѣдовъ и отцевъ нашихъ; утвердимся еще, чтобъ въ походѣ послѣ не было никакой ссоры, никакого препятствія.» Тѣ отвѣчали: «Что это намъ безъ нужды еще крестъ цѣловать; вѣдь мы уже поклялись Изяславу; въ чемъ же провинились?» Посолъ сказалъ на это: «Какой же тутъ грѣхъ еще крестъ поцѣловать по любви? то намъ на спасеніе.» Но Давыдовичи никакъ не соглашались; Изяславъ, отпуская посла, наказалъ ему, что если Черниговскіе не ста-

путъ въ другой разъ крестъ цѣловать, то скажи имъ все, что мы слышали; и вотъ посолъ объявилъ Давыдовичамъ отъ имени своего Князя: «Дошелъ до меня слухъ, что ведете меня обманомъ, поклялись Святославу Ольговичу схватить меня на дорогѣ, либо убить за Игоря; такъ, братья, было дѣло, или не такъ?» Давыдовичи не могли ничего отвѣчать на это; только молча переглядывались другъ съ другомъ; наконецъ Владиміръ сказалъ послу: «выйди вонъ, посиди; мы тебя опять позовемъ.» Долго они думали вмѣстѣ, потомъ позвали посла и велѣли ему передать Изяславу: «Братъ! точно мы цѣловали крестъ Святославу Ольговичу; жаль намъ стало брата нашего Игоря; онъ уже чернецъ и схимникъ, выпусти его, тогда будемъ подлѣ тебя ѣздить; развѣ тебѣ было бы любо, еслибъ мы брата твоего держали?» Въ отвѣтъ на это Изяславъ послалъ бросить имъ договорныя грамоты, при чемъ велѣлъ сказать: «Вы клялись быть со мною до самой смерти, и я отдалъ вамъ волости обоихъ Ольговичей; прогналъ съ вами Святослава, волость его вамъ добылъ, далъ вамъ Новгородъ и Путивль, имѣнье его мы взяли и раздѣлили на части, Игорево я взялъ себѣ; а теперь, братья, вы клятву свою нарушили, привели меня сюда обманомъ, хотѣли убить; да будетъ со мною Богъ и сила животворящаго креста, стану управляться какъ мнѣ Богъ дастъ.» Тогда же Изяславъ послалъ сказать брату своему Ростиславу въ Смоленскъ: «Братъ! Давыдовичи крестъ намъ цѣловали и думу думали идти вмѣстѣ на дядю нашего; но все обманывали, хотѣли убить меня; Богъ и сила крестная объявили ихъ умыселъ; а теперь уже, братъ, гдѣ было мы думали идти на дядю, то уже неходи, ступай сюда ко мнѣ; а тамъ наряди Новгородцевъ и Смолянъ, пусть сдерживаютъ Юрія, и къ присяжникамъ своимъ пошли, въ Рязань и всюду.» Распорядясь насчетъ брата Ростислава, Изяславъ послалъ въ Кіевъ къ другому брату Владиміру, къ Митрополиту Климу и къ Лазарю Тысяцкому, чтобъ они созвали Кіевлянъ на дворъ къ Св. Софіи, и пусть тамъ посолъ его скажетъ народу княжеское слово и объявитъ обманъ Черниговскихъ. Кіевляне сошлись всѣ отъ мала до велика, и когда стали на вѣчѣ, то посолъ Изяславовъ началъ говорить имъ: «Князь вашъ вамъ кланяется и велѣлъ вамъ сказать: я вамъ прежде объявлялъ, что

задумалъ съ братомъ Ростиславомъ и Давыдовичами идти на дядю Юрія, и звалъ васъ съ собою въ походъ; но вы мнѣ тогда сказали, что не можете на Владимірово племя рукъ поднять, на Юрія, а на Ольговичей однихъ пошли бы и съ дѣтьми; такъ теперь вамъ объявляю: Давыдовичи и Всеволодичь Святославъ, которому я много добра сдѣлалъ, цѣловали тайкомъ отъ меня крестъ Святославу Ольговичу, послали и къ Юрію, а меня хотѣли или схватить, или убить за Игоря, но Богъ меня заступилъ и крестъ честной, что̀ ко мнѣ цѣловали. Такъ теперь, братья Кіевляне, чего сами хотѣли, что мнѣ обѣщали, то и сдѣлайте: ступайте ко мнѣ къ Чернигову на Ольговичей, сбирайтесь всѣ отъ мала до велика; у кого есть конь, тотъ на конѣ, у кого нѣтъ, тотъ въ лодьѣ. Вѣдь они не меня одного хотѣли убить, но и васъ всѣхъ искоренить.» Кіевляне отвѣчали на это: «Ради, что Богъ сохранилъ тебя намъ отъ большой бѣды[247]; идемъ за тобой и съ дѣтьми.» Но въ это самое время кто-то изъ толпы сказалъ: «По Князѣ-то мы своемъ пойдемъ съ радостію; но прежде надобно вотъ о чемъ промыслить: какъ прежде при Изяславѣ Ярославичѣ злые люди выпустили изъ заточенія Всеслава, и поставили княземъ себѣ, и за то много зла было нашему городу; а теперь Игорь, врагъ нашего Князя и нашъ не въ заточеніи, а въ Θедоровскомъ монастырѣ; убьемъ его и пойдемъ къ Чернигову за своимъ Княземъ; покончимъ съ ними.» Народъ, услыхавши это, бросился къ Θедоровскому монастырю. Напрасно говорилъ имъ Князь Владиміръ: «братъ мой невелѣлъ вамъ этого дѣлать, Игоря стерегутъ крѣпко; пойдемъ лучше къ брату, какъ онъ намъ велѣлъ.» Кіевляне отвѣчали ему: «Мы знаемъ, что добромъ не кончить съ этимъ племенемъ, ни вамъ, ни намъ.» Митрополитъ также ихъ удерживалъ, и Лазарь Тысяцкій, и Рагуйло, Владиміровъ Тысяцкій; но они ни кого не послушали, и съ воплемъ кинулись на убійство. Тогда Князь Владиміръ сѣлъ на коня и погналъ къ Θедоровскому монастырю; на мосту не могъ онъ проѣхать за толпами народа, и поворотилъ направо мимо Глѣбова двора; но этотъ крюкъ заставилъ его потерять время; Кіевляне пришли прежде его въ монастырь, бросились въ церковь, гдѣ Игорь стоялъ у обѣдни и потащили его съ криками: «побейте! побейте!» Въ монастырскихъ воро-

тахъ встрѣтился имъ Владимiръ; Игорь, увидавъ, его, спросилъ: «Охъ, братъ! куда это меня ведутъ?» Владимiръ бросился съ лошади, и одѣлъ Игоря своимъ корзномъ, уговаривая Кiевлянъ: «Братья мои! не дѣлайте этого зла, не убивайте Игоря!» Но толпа не слушала, и начали бить Ольговича; нѣсколько ударовъ пришлось и на долю Владимiра, который держался близко послѣдняго, защищая его. Владимiру однако, съ помощiю боярина Михаила, удалось ввести Игоря въ дворъ своей матери, и затворить за собою ворота. Но толпа, избивши Михайла, оторвавши на немъ крестъ съ цѣпями, выломала ворота, и, увидавши Игоря на сѣняхъ, разбила сѣни, стащила съ нихъ Игоря и повергла его безъ чувствъ на землю; потомъ привязали ему веревку къ ногамъ и потащили съ Мстиславова двора, чрезъ Бабинъ торжокъ на княжъ дворъ, и тамъ его прикончали; отсюда положили на дровни, повезли на Подолъ и бросили на торгу. Владимiръ, услыхавъ, что тѣло Игоря лежитъ на торгу, послалъ туда двоихъ тысяцкихъ, Лазаря и Рагуйла; тѣ прiѣхали и сказали Кiевлянамъ: «Вы уже убили Игоря, такъ похоронимъ тѣло его.» Кiевляне отвѣчали: «Не мы его убили; убили его Давыдовичи и Всеволодичь, которые замыслили зло на нашего Князя, хотѣли убить его обманомъ; но Богъ за нашего Князя и Св. Софiя.» Тогда Лазарь велѣлъ взять Игоря и положить въ Михайловской церкви, въ Новгородской божницѣ, а на другой день похоронили его въ Семеновскомъ монастырѣ.

Изяславъ стоялъ на верховьяхъ Супоя, на границахъ Черниговскаго княжества, когда пришла къ нему вѣсть объ убiйствѣ Игоря; онъ заплакалъ и сказалъ дружинѣ: «Если бы я зналъ, что это случится, то отослалъ бы его подальше, и сберегъ бы его; теперь мнѣ неуйти отъ людскихъ рѣчей, станутъ говорить, что я велѣлъ убить его; но Богъ свидѣтель, что я не приказывалъ и не научалъ; Богъ разсудитъ дѣло.» Дружина отвѣчала: «Нечего тебѣ заботиться о людскихъ рѣчахъ; Богъ знаетъ, да и всѣ люди знаютъ, что не ты его убилъ, а братья его; крестъ къ тебѣ цѣловали и потомъ нарушили клятву, хотѣли убить тебя.» Изяславъ сказалъ на это: «Если уже такъ случилось, то дѣлать нечего: всѣмъ намъ тамъ быть и судиться предъ Богомъ;» но все не переставалъ жаловаться на Кiевлянъ.—Между тѣмъ

война продолжалась. Изяславъ, какъ видно, прежде всего поспѣшилъ овладѣть Курскомъ и городами по Сейму, чтобъ прервать связь Черниговскихъ съ Половцами; въ Курскѣ уже сидѣлъ сынъ его Мстиславъ, когда къ этому городу пришелъ Святославъ Ольговичь съ Глѣбомъ Юрьичемъ. Мстиславъ объявилъ жителямъ Курска, что непріятель близко; тѣ отвѣчали точно также, какъ прежде Кіевляне отвѣчали отцу его: «ради биться и съ дѣтьми за тебя противъ Ольговичей; но на племя Владимірово, на Юрьевича не можемъ поднять рукъ.» Услыхавъ такой отвѣтъ, Мстиславъ уѣхалъ къ отцу, а жители Курска послали къ Глѣбу Юрьевичу и взяли у него себѣ посадника; какъ видно, Ольговичь уступилъ и Глѣбу ту самую волость, т. е. Курскъ съ Посемьемъ, которую прежде отдалъ брату его Ивану; вотъ почему Глѣбъ посадилъ своихъ посадниковъ также по рѣкамъ Сейму и Вырю, гдѣ заключилъ союзъ со многими Половецкими ордами. Впрочемъ нѣкоторые города по Вырю остались вѣрны Изяславу, не смотря на угрозы Черниговскихъ, что они отдадутъ ихъ въ плѣнъ Половцамъ; одинъ изъ этихъ городовъ Вьяхань съ успѣхомъ выдержалъ осаду; другой — Попашь былъ взятъ. Услыхавъ о движеніи Черниговскихъ и Юрьевича, Изяславъ собралъ большое войско, полки дяди Вячеслава и Волынскіе, и пошелъ къ Переяславлю, гдѣ пришла къ нему вѣсть отъ брата Ростислава, что тотъ уже на походѣ: «Подожди меня, велѣлъ сказать ему Ростиславъ, я Любечь пожегъ, много воевалъ и зла Ольговичамъ много надѣлалъ, сойдемся вмѣстѣ, и посмотримъ, что намъ дальше дѣлать.» Получивъ эту вѣсть, Изяславъ пошелъ потихоньку, поджидая брата, и сталъ на урочищѣ Черная Могила, куда пришелъ къ нему Ростиславъ съ полками Смоленскими. Оба брата стали думать съ дружиною и Черными Клобуками, куда бы имъ пойти теперь. Ростиславъ говорилъ: «Теперь Богъ насъ соединилъ въ одномъ мѣстѣ, а тебя избавилъ отъ великой бѣды: такъ медлить намъ нечего, пойдемъ прямо къ нимъ, гдѣ будетъ ближе, и какъ насъ съ ними Богъ разсудитъ.» Мнѣніе было принято, и Князья пошли на Сулу. Когда въ станѣ Черниговскихъ Князей узнали, что Изяславъ идетъ на нихъ, то большая часть Половцевъ покинула ночью станъ и ушла въ степь; оставленные

союзниками Давыдовичи и Ольговичи пошли къ Чернигову; Изяславъ хотѣлъ пересѣчь имъ дорогу у города Всеволожа[248], но уже не засталъ здѣсь Черниговскихъ: они прошли Всеволожъ. Мстиславичи не пошли за ними дальше, но взяли на-щитъ (разграбили) Всеволожь, въ которомъ находились тогда жители изъ двухъ другихъ городовъ, какъ видно менѣе укрѣпленныхъ: мы уже видѣли этотъ обычай на украйнѣ, по которому вдругъ города пустѣли при вѣсти о приближеніи непріятеля. Когда въ другихъ городахъ узнали, что Всеволожь взятъ, то и они вдругъ опустѣли: жители ихъ бросились бѣжать къ Чернигову[249]; Мстиславичи послали за ними въ погоню и нѣкоторыхъ перехватали, а другіе ушли; пустые города Изяславъ велѣлъ зажечь. Только жители города Глѣбля не успѣли убѣжать, и счастливо отбились отъ Мстиславичей, которые пошли оттуда въ Кіевъ, сказавши дружинѣ своей—Кіевлянамъ и Смолнянамъ: «Собирайтесь всѣ; когда рѣки установятся, тогда пойдемъ къ Чернигову, и какъ насъ съ ними Богъ управитъ.» Поживши весело нѣкоторое время въ Кіевѣ, Мстиславичи рѣшили разлучиться; Изяславъ говорилъ Ростиславу: «Братъ! тебѣ Богъ далъ верхнюю землю: ты тамъ и ступай противъ Юрія, тамъ у тебя Смолняне, Новгородцы и другіе присяжники, удерживай съ ними дядю, а я здѣсь останусь, и буду управляться съ Ольговичами и Давыдовичами.» Ростиславъ отправился въ Смоленскъ.

Когда рѣки стали, то Черниговскіе начали наступательное движеніе: они послали дружину свою съ Половцами, и повоевали мѣста на правомъ берегу Днѣпра[250]; а союзникъ ихъ Глѣбъ Юрьевичь занялъ Городецъ Остерскій, принадлежавшій прежде отцу его[251]; Изяславъ послалъ звать его къ себѣ въ Кіевъ, и Глѣбъ сначала было обѣщался пріѣхать, но потомъ раздумалъ, потому что вошелъ въ сношенія съ Переяславцами, часть которыхъ была почему-то недовольна Изяславомъ или сыномъ его Мстиславомъ, княжившимъ у нихъ, и звала Глѣба, обѣщаясь предать ему городъ. Глѣбъ немедленно пошелъ на ихъ зовъ; на разсвѣтѣ, когда Мстиславъ съ дружиною еще спалъ, пригнали къ нему сторожа и закричали: «Вставай, Князь, Глѣбъ пришелъ на тебя!» Мстиславъ вскочилъ, собралъ дружину и

выступилъ изъ города противъ Юрьича; оба, увидавъ другъ друга, не рѣшились вступить въ битву, Глѣбъ стоялъ до утра другаго дня, и возвратился; Мстиславъ же, соединясь съ остальною дружиною и Переяславцами, погнался за нимъ, настигъ, захватилъ часть его войска, но самому Глѣбу удалось уйти въ Городецъ. Изяславъ, услыхавъ объ этихъ попыткахъ противъ Переяславля, собралъ дружину, Берендѣевъ, и пошелъ къ Городцу; Юрьичь послалъ объявить объ этомъ въ Черниговъ: «Идетъ на меня Изяславъ, помогите мнѣ!» велѣлъ онъ сказать тамошнимъ Князьямъ; а между тѣмъ Изяславъ пришелъ и осадилъ Городецъ; не видя ни откуда помощи, Юрьичь черезъ три дня поклонился Изяславу, и помирился съ нимъ: какъ видно, тотъ оставилъ за нимъ отцовскій городъ. Но Глѣбъ небылъ за это ему благодаренъ: какъ скоро Изяславъ возвратился въ Кіевъ, онъ опять послалъ сказать Черниговскимъ: «Я по неволѣ цѣловалъ крестъ Изяславу: онъ обступилъ меня въ городѣ, а отъ васъ не было помощи; но теперь опять хочу быть вмѣстѣ съ вами[252].» Въ 1148 году Изяславъ наконецъ собралъ всю свою силу, взялъ полкъ у дяди Вячеслава и полкъ Владимирскій, призвалъ отрядъ Венгровъ на помощь, соединился съ Берендѣями, перешелъ Днѣпръ и сталъ въ осьми верстахъ отъ Чернигова[253]. Три дня стоялъ онъ подъ городомъ, дожидаясь, невыйдутъ ли Ольговичи и Давыдовичи на битву, но никто не выходилъ; а онъ между тѣмъ пожегъ всѣ ихъ села[254]. Наскучивъ дожидаться, Изяславъ сталъ говорить дружинѣ: «Вотъ мы села ихъ пожгли всѣ, имѣнье взяли, а они къ намъ не выходятъ, пойдемъ лучше къ Любечу, гдѣ у нихъ вся жизнь.» Когда Изяславъ подошелъ къ Любечу, то Давыдовичи и Ольговичи съ Рязанскими князьями и Половцами явились также сюда и оба войска стали другъ противъ друга по берегамъ рѣки; Изяславъ выстроилъ войско и пошелъ было противъ Черниговскихъ, но рѣка помѣшала; только стрѣльцамъ съ обѣихъ сторонъ можно было стрѣляться черезъ нее. Ночью пошелъ сильный дождь, и Днѣпръ началъ вздуваться. Тогда Изяславъ началъ говорить дружинѣ и Венграмъ: «здѣсь эта рѣка мѣшаетъ биться, а тамъ Днѣпръ разливается, пойдемъ лучше за Днѣпръ.» Только что успѣли перейти Днѣпръ, какъ на другой день ледъ тронулся;

Изяславъ дошелъ благополучно до Кіева, но Венгры обломились на озерѣ и нѣсколько ихъ потонуло.

Не смотря однако на то, что походъ Изяслава, предпринятый съ такими большими сборами, кончился, повидимому, ничѣмъ, Черниговскіе не могли долго вести борьбы: опустошая села ихъ, Изяславъ дѣйствительно отнималъ у нихъ всю жизнь, по тогдашнему выраженію; нечѣмъ было содержать дружины, нечѣмъ было платить Половцамъ; жители городовъ не охотно помогали Князьямъ въ ихъ усобицахъ; Юрій ограничился только присылкою сына, самъ не думалъ идти на югъ, а безъ него силы Черниговскихъ вовсе не были въ уровень съ силами Мстиславичей. Въ такихъ обстоятельствахъ они послали сказать Юрію: «Ты крестъ цѣловалъ, что пойдешь съ нами на Изяслава, и не пошелъ; а Изяславъ пришелъ, за Десною города наши пожегъ и землю повоевалъ; потомъ въ другой разъ пришелъ къ Чернигову, и села наши пожегъ до самаго Любеча, и всю жизнь нашу повоевалъ, а ты ни къ намъ не пошелъ, ни на Ростислава не наступилъ; теперь, если хочешь идти на Изяслава, такъ ступай, и мы съ тобою; если же не пойдешь, то мы будемъ правы въ крестномъ цѣлованіи: нельзя намъ однимъ гибнуть отъ рати.» Не получивъ отъ Юрія благопріятнаго отвѣта, они обратились къ Изяславу Мстиславичу съ мирными предложеніями, послали сказать ему: «То бывало и прежде при дѣдахъ и при отцахъ нашихъ; миръ стоитъ до рати, а рать до мира; не жалуйся на насъ, что мы первые встали на рать; жаль было намъ брата нашего Игоря; мы того только и хотѣли, чтобъ ты выпустилъ его; а такъ какъ теперь онъ убитъ, пошелъ къ Богу, гдѣ и всѣмъ намъ быть, то Богъ всѣхъ насъ и разсудитъ; а здѣсь намъ до какихъ поръ губить Русскую землю? чтобъ намъ уладиться?» Изяславъ отвѣчалъ имъ: «Братья! доброе дѣло Христіанъ блюсти; но вы всѣ вмѣстѣ совѣтовались, такъ и я пошлю къ брату Ростиславу, подумаемъ, и тогда пришлемъ отвѣтъ.»—Немедленно отправилъ Изяславъ пословъ къ брату съ такими словами: «Присылали ко мнѣ братья—Давыдовичи, Святославъ Ольговичь и Святославъ Всеволодовичь: мира просятъ; а я съ тобою хочу посовѣтоваться, какъ намъ обоимъ будетъ годно; хочешь мира? хотя они и зло намъ сдѣлали, но теперь мира просятъ у насъ;

но если хочешь войны—скажи, какъ хочешь, я на тебя во всемъ полагаюсь.» Уже изъ этихъ словъ Ростиславъ могъ понять, что самъ старшій братъ хочетъ мира, и потому велѣлъ отвѣчать ему: «Братъ! кланяюсь тебѣ; ты меня старше, то какъ хочешь, такъ и дѣлай, а я всюду готовъ съ тобою; но если ты уже мнѣ дѣлаешь такую честь, спрашиваешь моего совѣта, то я бы такъ думалъ: ради Русскихъ земель и ради Христіанъ—миръ лучше; они встали на рать, но что взяли? а теперь, братъ, ради Христіанъ и всей Русской земли помирись, если только обѣщаютъ, что за Игоря всякую вражду отложатъ, и впередъ не задумаютъ сдѣлать съ тобою того, что хотѣли прежде сдѣлать; если же не перестанутъ злобиться за Игоря, то лучше съ ними воевать, какъ Богъ управитъ». Получивъ этотъ отвѣтъ, Изяславъ послалъ къ Черниговскимъ Епископа Бѣлгородскаго Ѳеодора и Печерскаго Игумена Ѳеодосія съ боярами сказать имъ: «Вы мнѣ крестъ цѣловали, что вамъ брата Игоря не искать, но клятву свою нарушили, и много надѣлали мнѣ досадъ; но теперь я все то забываю, для Русской земли и Христіанъ; если вы сами ко мнѣ прислали просить мира, и раскаиваетесь въ томъ, что хотѣли сдѣлать, то цѣлуйте крестъ, что отложите всякую вражду за Игоря, и не задумаете впередъ того, что прежде хотѣли сдѣлать со мною.» Черниговскіе поклялись отложить вражду за Игоря, блюсти Русскую землю, быть всѣмъ за одинъ братъ; Курскъ съ Посемьемъ остались за Владиміромъ Давыдовичемъ.

Въ это время явился къ Изяславу старшій изъ сыновей Юрія, Ростиславъ, котораго мы видѣли въ Новгородѣ; Ростиславъ объявилъ, что онъ разсорился съ отцемъ, который нехотѣлъ дать ему волости въ Суздальской землѣ, и потому онъ пришелъ къ Изяславу съ поклономъ: «Отецъ меня обидѣлъ, говорилъ Юрьевичь Кіевскому Князю, волости мнѣ не далъ; и вотъ я пришелъ сюда, поручивши себя Богу да тебѣ, потому что ты старше всѣхъ насъ между внуками Владиміра, хочу трудиться за Русскую землю и подлѣ тебя ѣздить.» Изяславъ отвѣчалъ ему: «всѣхъ насъ старше отецъ твой[255], но съ нами не умѣетъ жить, а мнѣ дай Богъ васъ, братью свою всю и весь родъ свой имѣть въ правду, какъ душу свою; если отецъ тебѣ волости не далъ,

такъ я тебѣ даю.» И далъ ему тѣ пять городовъ, которые прежде держалъ Святославъ Всеволодичь; кромѣ того Ростиславъ получилъ Городецъ Остерскій, гдѣ Изяславъ нехотѣлъ видѣть брата его Глѣба, которому послалъ сказать: «Ступай къ Ольговичамъ; ты къ нимъ пришелъ, такъ пусть тебѣ и дадутъ волость[256].» У этого Городца Остерскаго съѣхался осенью Изяславъ Мстиславичь съ Давыдовичами; Ростиславъ Юрьевичь пріѣхалъ вмѣстѣ съ Кіевскимъ Княземъ; Ольговичи—ни дядя, ни племянникъ не пріѣхали. Изяславъ сказалъ Давыдовичамъ «вотъ братъ Святославъ и племянникъ мой не пріѣхали, а вы всѣ клялись мнѣ, что кто будетъ до меня золъ, на того вамъ быть вмѣстѣ со мною; дядя мой Юрій изъ Ростова обижаетъ мой Новгородъ, дани у Новгородцевъ поотнималъ, по дорогамъ проѣзду имъ нѣтъ, хочу пойти и управиться съ нимъ либо миромъ, либо ратью; а вы крестъ цѣловали, что будете вмѣстѣ со мною.» Владиміръ Давыдовичь отвѣчалъ: «Это ничего, что братъ Святославъ и племянникъ твой не пріѣхали, все равно, мы здѣсь[257], а мы всѣ клялись, что гдѣ твои будутъ обиды, тамъ намъ быть съ тобою.» Князья уладились, что какъ скоро ледъ станетъ на рѣкахъ, идти на Юрія къ Ростову: Изяславъ пойдетъ изъ Смоленска, а Давыдовичи и Ольговичь изъ земли Вятичей, и всѣмъ сойтись на Волгѣ. Послѣ ряду Князья весело пообѣдали вмѣстѣ и разъѣхались. Возвратясь въ Кіевъ, Изяславъ сказалъ Ростиславу Юрьичу: «Ступай въ Бужскъ и побудь тамъ, постереги Русскую землю, пока я схожу на отца твоего, и помирюсь съ нимъ или какъ нибудь иначе съ нимъ управлюсь.»

Въ Кіевѣ оставилъ Изяславъ брата Владиміра, въ Переяславлѣ сына Мстислава, и пошелъ въ Смоленскъ къ брату Ростиславу, куда велѣлъ полкамъ идти за собою. Въ Смоленскѣ Мстиславичи провели вмѣстѣ время весело, пируя съ дружиною и Смолнянами, дарили другъ друга богатыми дарами: Изяславъ дарилъ Ростислава товарами, которые идутъ изъ Русской земли и изъ всѣхъ царскихъ (греческихъ) земель, а Ростиславъ Изяслава товарами, которые шли изъ верхнихъ (сѣверныхъ) земель, отъ Варяговъ. Готовясь къ войнѣ, братья попытались однако кончить дѣло мирными переговорами, и отправили посла къ дядѣ Юрію; но тотъ вмѣсто отвѣта, задержалъ посла. Тогда, прика-

завши брату Ростиславу идти съ полками по Волгѣ и дожидаться при устьѣ Медвѣдицы, Изяславъ пошелъ съ небольшою дружиною въ Новгородъ. Новгородцы услыхавъ, что Изяславъ идетъ къ нимъ, сильно обрадовались, и вышли къ нему навстрѣчу, одни за день, другіе за три дня пути отъ города. Въ это время княжилъ въ Новгородѣ уже не братъ Изяславовъ Святополкъ, но сынъ Ярославъ: Изяславъ велѣлъ имъ помѣняться волостями, вывелъ Святополка во Владиміръ Волынскій изъ Новгорода «злобы его ради,» какъ говоритъ Новгородскій лѣтописецъ. Въ воскресенье въѣхалъ Изяславъ въ Ногородъ съ великою честію; встрѣченъ былъ сыномъ Ярославомъ и боярами, и поѣхалъ съ ними къ Св. Софіи къ обѣдни; послѣ обѣдни. Князья послали подвойскихъ и биричей кликать кличь по улицамъ, звать къ Князю на обѣдъ всѣхъ отъ мала до велика: обѣдали весело, и съ честью разошлись по домамъ. На другой день въ понедѣльникъ пославъ Изяславъ на Ярославовъ дворъ, велѣлъ звонить къ вѣчу, и когда сошлись Новгородцы и Псковичи на вѣче, то онъ сказалъ имъ: «Братья! сынъ мой и вы присылали ко мнѣ жаловаться, что дядя мой Юрій обижаетъ васъ; и вотъ я, оставя Русскую землю, пришелъ сюда на него, для васъ, ради вашихъ обидъ; думайте, гадайте, братья, какъ на него пойти, и какъ—мириться ли съ нимъ, или ратью покончить дѣло?» Народъ отвѣчалъ: «Ты нашъ Князь, ты нашъ Владиміръ, ты нашъ Мстиславъ! рады съ тобою идти всюду мстить за свои обиды; пойдемъ всѣ; только одни духовные останутся Бога молить.» И въ самомъ дѣлѣ Новгородцы собрали въ походъ всю свою волость, пошли Псковичи и Корѣла. Пришедши на устье Медвѣдицы, Изяславъ ждалъ брата Ростислава четыре дни; потомъ, когда Ростиславъ пришелъ съ полками Русскими и Смоленскими, то всѣ вмѣстѣ пошли внизъ по Волгѣ, пришли къ городу Константинову на устьѣ большой Перли, и, не получая вѣстей отъ Юрія, стали жечь его города и села, и воевать по обѣимъ сторонамъ Волги; оттуда пошли къ Угличу и потомъ на устье Мологи. Здѣсь получили они вѣсть, что Давыдовичи и Святославичь стоятъ въ землѣ Вятичей, ожидая, что̀ будетъ между Юріемъ и Изяславомъ, и нейдутъ къ устью Медвѣдицы, какъ обѣщали; Изяславъ сказалъ

при этомъ брату: «Пусть ихъ къ намъ пейдутъ; былъ бы съ нами Богъ,» и отпустилъ Новгородцевъ и Русь воевать къ Ярославлю; когда тѣ возвратились съ большою добычею, то уже было тепло, была Вербная недѣля, вода на Волгѣ и Мологѣ поднялась по брюхо лошади; оставаться долѣе было не льзя, и Мстиславичи пошли назадъ: Ростиславъ въ Смоленскъ, а Изяславъ въ Новгородъ, и оттуда въ Кіевъ; изъ дружины Русской одни пошли съ Ростиславомъ, а другіе куда кому угодно[258]: этотъ походъ стоилъ Ростовской землѣ 7000 жителей, уведенныхъ въ плѣнъ войсками Мстиславичей (1149 г.)

Въ Кіевѣ ждали Изяслава непріятныя вѣсти; бояре донесли ему на Ростислава Юрьича, будто тотъ много зла замыслилъ, подговорилъ противъ него Берендѣевъ и Кіевлянъ; если бы Богъ помогъ его отцу, то онъ пріѣхалъ бы въ Кіевъ, взялъ Изяславовъ домъ и семью: «отпусти его къ отцу, говорили бояре Князю, это твой врагъ, держишь его на свою голову.» Изяславъ немедленно послалъ за Юрьевичемъ, и когда тотъ пріѣхалъ, то пришли къ нему Изяславовы бояре и сказали отъ имени своего Князя: «Братъ! ты пришелъ ко мнѣ отъ отца, потому что отецъ тебя обидѣлъ, волости тебѣ не далъ; я тебя принялъ какъ брата, и волость тебѣ далъ, чего и родной отецъ тебѣ недалъ, да еще велѣлъ Русскую землю стеречь; а ты, братъ, за это хотѣлъ, если бы отцу твоему Богъ помогъ, въѣхать въ Кіевъ, взять мой домъ и семью?» Ростиславъ велѣлъ отвѣчать ему: «Братъ и отецъ! Ни на умѣ, ни на сердцѣ у меня того небыло; если же кто донесъ на меня тебѣ, князь ли который, то я готовъ съ нимъ перевѣдаться, мужъ ли который изъ Христіанъ или поганыхъ, то ты старше меня, ты меня съ нимъ и суди.» Изяславъ велѣлъ сказать ему на это: «Суда у меня ты не проси; я знаю, ты хочешь меня поссорить съ христіанами или съ погаными; ступайка къ отцу своему:» Ростислава посадили въ барку только съ четырьмя отроками, и отправили вверхъ по Днѣпру; дружину его взяли, а имѣнье отняли. Ростиславъ, пришедши къ отцу въ Суздаль, ударилъ передъ нимъ челомъ, и сказалъ: «Я слышалъ, что хочетъ тебя вся Русская земля и Черные Клобуки, жалуются, что Изяславъ и ихъ обезчестилъ, ступай на него.» Эти слова показываютъ, что доносъ на Ростислава былъ осно-

вателенъ, что Ростиславъ сносился съ недовольными, или, по крайней мѣрѣ, они сносились съ нимъ. Юрія сильно огорчилъ позоръ сыновній; онъ сказалъ: «Такъ ни мнѣ, ни дѣтямъ моимъ нѣтъ части въ Русской землѣ!» собралъ силу свою, нанялъ Половцевъ и выступилъ въ походъ на племянника. Это рѣшеніе трудно объяснить однимъ гнѣвомъ на позорное изгнаніе сына: мы видѣли, какъ медленно, нерѣшительно дѣйствовалъ до сихъ поръ Юрій, не смотря на то, что онъ могъ надѣяться на успѣхъ, будучи въ союзѣ съ Черниговскими; ясно, что теперь онъ поспѣшилъ на югъ, въ полной увѣренности, что найдетъ тамъ болѣе сильныхъ союзниковъ, послѣ того какъ Ростиславъ обстоятельно увѣдомилъ его о неудовольствіи гражданъ и варварскаго пограничнаго народонаселенія на Изяслава, если даже предположимъ, что самъ Ростиславъ и не былъ главнымъ виновникомъ этого неудовольствія.

Какъ бы то нибыло, Юрій былъ уже въ землѣ Вятичей, когда Владиміръ Давыдовичь Черниговскій прислалъ сказать Изяславу: «дядя идетъ на тебя, приготовляйся къ войнѣ.» Изяславъ сталъ собирать войско, и вмѣстѣ съ Давыдовичами отправилъ пословъ въ Новгородъ Сѣверскій къ Святославу Ольговичу напомнить ему о договорѣ. Святославъ не далъ посламъ сначала никакого отвѣта, и задержалъ на цѣлую недѣлю, приставивъ сторожей къ ихъ шатрамъ, чтобъ никто не приходилъ къ нимъ, а самъ между тѣмъ послалъ спросить Юрія: «Въ правду ли ты идешь, скажи навѣрное, чтобъ мнѣ не погубить понапрасну своей волости.» Юрій велѣлъ отвѣчать ему: «Какъ мнѣ нейти въ правду? племянникъ приходилъ на меня, волость мою повоевалъ и пожегъ, да еще сына моего выгналъ изъ Руской земли, волости ему не далъ, осрамилъ меня; либо стыдъ этотъ съ себя сложу, за землю свою отомщу, и честь свою добуду, либо голову сложу.» Получивъ отъ Юрія такой отвѣтъ, Святославъ не хотѣлъ прямо нарушить клятвы, данной прежде Изяславу, и чтобъ найти предлогъ, велѣлъ сказать ему чрезъ его же пословъ: «Возврати мнѣ братнино имѣніе, тогда буду съ тобою.» Изяславъ немедленно отвѣчалъ ему: «Братъ! крестъ честный ты цѣловалъ ко мнѣ, что вражду всякую за Игоря и имѣнье его отложишь, а теперь, братъ, ты опять вспомнилъ

объ этомъ, когда дядя идетъ на меня? либо соблюди клятву вполнѣ, будь со мною, а не хочешь, такъ ты уже нарушилъ крестное цѣлованіе. Я безъ тебя и на Волгу ходилъ, да развѣ мнѣ худо было? Такъ и теперь былъ бы со мною Богъ, да крестная сила.» Святославъ соединился съ Юріемъ; они послали и къ Давыдовичамъ звать ихъ на Изяслава, но тѣ отвѣчали Юрію: «Ты клялся быть съ нами, а между тѣмъ Изяславъ пришелъ, землю нашу повоевалъ, и города наши пожегъ, теперь мы цѣловали крестъ къ Изяславу; не можемъ душею играть.»

Юрій, видя, что Давыдовичи не хотятъ быть съ нимъ, пошелъ на старую Бѣлувѣжу, и стоялъ тамъ мѣсяцъ, дожидаясь Половцевъ и покоренія отъ Изяслава, но неполучивъ отъ послѣдняго никакой вѣсти, пошелъ къ рѣкѣ Супою. Сюда пріѣхалъ къ нему Святославъ Всеволодичь, по неволѣ, какъ говоритъ лѣтописецъ, не желая отступить отъ роднаго дяди, Святослава Ольговича; сюда же пришло къ Юрію и множество Половцевъ дикихъ. Тогда Изяславъ послалъ въ Смоленскъ сказать брату Ростиславу: «Мы съ тобой уговорились, что когда Юрій минуетъ Черниговъ, то тебѣ идти ко мнѣ; теперь Юрій Черниговъ уже миновалъ, приходи, посмотримъ оба вмѣстѣ, что намъ Богъ дастъ.» Ростиславъ двинулся съ полками къ брату; а Юрій подступилъ къ Переяславлю, все дожидаясь, что тутъ по крайней мѣрѣ Изяславъ пришлетъ къ нему съ поклономъ. Но тотъ не хотѣлъ кланяться дядѣ: «Если бъ онъ пришелъ только съ дѣтьми, говорилъ онъ, то взялъ бы любую волость; но когда привелъ на меня Половцевъ и враговъ моихъ Ольговичей, то хочу съ нимъ биться.» Изъ этихъ словъ ясно видно, что Изяславъ придумывалъ только предлоги; предлоги были нужны, потому что Кіевляне не хотѣли сражаться съ сыномъ Мономаховымъ и теперь, какъ прежде: если бъ даже и не было на югѣ того неудовольствія на Изяслава, о которомъ объявлялъ отцу Ростиславъ Юрьевичь, то и тогда трудно было Кіевлянамъ поднять руки на Юрія, во-первыхъ, какъ на сына Мономахова, во-вторыхъ, какъ на дядю, старшаго, который по общему современному сознанію имѣлъ болѣе права, чѣмъ Изяславъ; притомъ же Кіевляне до сихъ поръ не имѣли сильныхъ причинъ враждовать противъ Юрія, и потому говорили Изяславу: «Мирись, Князь, мы ней-

демъ.» Изяславъ все уговаривалъ ихъ: «Пойдемте со мною; ну хорошо ли мнѣ съ нимъ мириться, когда я не побѣжденъ, когда у меня есть сила?[259]» Кіевляне пошли наконецъ, но, разумѣется, не охотно, что не могло предвѣщать добра Изяславу, хотя силы его и были значительны: къ нему пришелъ Изяславъ Давыдовичь на помощь, пришелъ и братъ Ростиславъ съ большимъ войскомъ. Изяславъ рѣшился перейти Днѣпръ и приблизиться къ Переяславлю, подъ которымъ и встрѣтился съ дядиными полками; передовые отряды—Черные Клобуки и молодая дружина Изяславова имѣли дѣло съ Половцами Юрія, и отогнали ихъ отъ города; когда же сошлись главные полки, то цѣлый день стояли другъ противъ друга; только стрѣльцы съ обѣихъ сторонъ бились между ними; а въ ночь Юрій прислалъ сказать племяннику: «Братъ[260]! ты на меня приходилъ, землю мою повоевалъ, и старшинство снялъ съ меня; а теперь, братъ и сынъ, ради Русской земли и Христіанъ, не станемъ проливать Христіанской крови, но дай мнѣ посадить въ Переяславлѣ сына своего, а ты сиди себѣ царствуя въ Кіевѣ; если же не хочешь такъ сдѣлать, то Богъ насъ разсудитъ.» Изяславу не понравилось это предложеніе, онъ задержалъ посла, и вывелъ все войско свое изъ города на поле.

На другой день, когда онъ отслушалъ обѣдню въ Михайловской церкви и уже хотѣлъ выйти изъ нея, епископъ Евѳимій со слезами сталъ упрашивать его: «Князь! помирись съ дядею; много спасенія примешь отъ Бога, и землю свою избавишь отъ великой бѣды.» Но Изяславъ не послушался; онъ надѣялся на множество войска, и отвѣчалъ епископу: «своею головою добылъ я и Кіевъ и Переяславль», и выѣхалъ изъ города. Опять до самыхъ вечеренъ стояли противные полки другъ противъ друга, раздѣленные рѣкою Трубежомъ; Изяславъ съ братьями, Ростиславомъ и Владиміромъ, и съ сыновьями, Мстиславомъ и Ярополкомъ, созвали бояръ и всю дружину, и начали думать, переправляться ли первымъ за Трубежъ и ударить на Юрія? Мнѣнія раздѣлились: одни говорили Изяславу: «Князь, не переправляйся за рѣку; Юрій пришелъ отнимать твои земли, трудился, трудился, и до сихъ поръ ни въ чемъ не успѣлъ, и теперь уже оборотился назадъ, въ ночь непремѣнно

уйдетъ, а ты, Князь, не ѣзди за нимъ.» Другіе говорили противное: «Ступай, Князь; Богъ тебѣ отдаетъ врага въ руки, нельзя же упускать его.» Къ несчастію Изяславъ прельстился послѣднимъ мнѣніемъ, выстроилъ войско и перешелъ рѣку. Въ полдень на другой день переметчикъ поскакалъ изъ войска Юрьева, оттуда погнались за нимъ; сторожа Изяславовы переполошились, закричали: «рать!» и Мстиславичи повели полки свои впередъ; Юрій съ Ольговичами, увидавъ это движеніе, также пошли къ нимъ на встрѣчу, и, пройдя валъ, остановились; остановились и Мстиславичи, и опять дѣло кончилось одною перестрѣлкою, потому что когда наступилъ вечеръ, то Юрій оборотилъ полки, и пошелъ назадъ въ свой станъ. Изяславъ опять началъ думать съ братьями и дружиною, и опять мнѣнія раздѣлились: одни говорили: «не ходи, Князь! пусти ихъ въ станъ, теперь вѣрно, что битвы не будетъ;» но другіе говорили: «уже они бѣгутъ передъ тобою; ступай скорѣе за ними!» И на этотъ разъ Изяславъ принялъ послѣднее мнѣніе, и двинулся впередъ; тогда Юрій съ Ольговичами возвратились, и устроили войска: сыновей своихъ Юрій поставилъ по правую, Ольговичей по лѣвую сторону. На разсвѣтѣ 23-го Августа полки сошлись, и началась злая сѣча: первые побѣжали Поршане (жители городовъ поросскихъ, къ которымъ должно относить и Черныхъ Клобуковъ), за ними Изяславъ Давыдовичь, а за Давыдовичемъ и Кіевляне; Переяславцы измѣнили: мы видѣли, что они и прежде сносились съ сыномъ Юрьевымъ, теперь снеслись съ отцемъ, и во время битвы, невступили въ дѣло, крича: «Юрій намъ Князь свой, его было намъ искать издалека[261].» Видя измѣну и бѣгство, дружины Мстиславичей смялись: въ началѣ дѣла Изяславъ съ дружиною схватился съ Святославомъ Ольговичемъ и съ половиною полка Юріева, проѣхалъ сквозь нихъ, и, будучи уже за ними, увидалъ, что собственные полки его бѣгутъ, тутъ онъ побѣжалъ и самъ, переѣхалъ Днѣпръ у Канева, и самъ-третей явился въ Кіевъ. Измѣна Переяславцевъ и бѣгство Поршанъ всего лучше показываютъ справедливость извѣстія, принесеннаго отцу Ростиславомъ Юрьичемъ; да и кромѣ того несчастный исходъ битвы для Изяслава можно было предвидѣть: этотъ Князь вступилъ въ борьбу за свои личныя права

противъ всеобщаго нравственнаго убѣжденія; Кіевляне, уступая этимъ личнымъ правамъ, пошли за сыномъ Мстиславовымъ противъ Юрія, но пошли неохотно, съ видимымъ колебаніемъ, съ видимою внутреннею борьбою, а такое расположеніе не могло дать твердости и побѣды.

На другое утро Юрій вошелъ въ Переяславль, и пробывъ здѣсь три дня, отправился къ Кіеву, и сталъ противъ Михайловскаго монастыря, по лугу. Мстиславичи объявили Кіевлянамъ: «Дядя пришелъ, можете ли за насъ биться?» Тѣ отвѣчали: «Господа наши Князья: не погубите насъ до конца, отцы наши и братья и сыновья, одни взяты въ плѣнъ, другіе избиты и оружіе съ нихъ снято, возьмутъ и насъ въ полонъ; поѣзжайте лучше въ свою волость; вы знаете, что намъ съ Юріемъ не ужиться; гдѣ потомъ увидимъ ваши стяги, будемъ готовы съ вами.» Услыхавъ такой отвѣтъ, Мстиславичи разъѣхались — Изяславъ во Владимиръ, Ростиславъ въ Смоленскъ; а дядя ихъ Юрій въѣхалъ въ Кіевъ: множество народа вышло къ нему на встрѣчу, съ радостью великою, и сѣлъ онъ на столѣ отца своего, хваля и славя Бога, какъ говоритъ лѣтописецъ. Прежде всего Юрій наградилъ своего союзника — Святослава Ольговича: онъ послалъ въ Черниговъ за Владиміромъ Давыдовичемъ, и велѣлъ ему отдать Святославу Курскъ съ Посемьемъ, а у Изяслава Давыдовича Ольговичь взялъ землю южныхъ Дреговичей. Потомъ Юрій началъ раздавать волости сыновьямъ своимъ: старшаго сына Ростислава посадилъ въ Переяславлѣ, Андрея въ Вышгородѣ, Бориса въ Бѣлгородѣ, Глѣба въ Каневѣ, Василька въ Суздалѣ.

Между тѣмъ Изяславъ Мстиславичь, пріѣхавъ во Владимиръ, послалъ за помощью къ роднѣ[262] своей—королю Венгерскому, Князьямъ Польскимъ и Чешскимъ, прося ихъ, чтобъ сѣли на коней сами и пошли къ Кіеву, а если самимъ нельзя, то чтобъ отпустили полки свои съ меньшею братіею или съ воеводами. Король Венгерскій, Гейза II-й сначала отказался, велѣлъ сказать Изяславу: «теперь у меня рать съ Императоромъ Греческимъ, когда буду свободенъ, то самъ пойду къ тебѣ на помощь, или полки свои отпущу». Польскіе Князья велѣли отвѣчать: «Мы не далеко отъ тебя; одного брата оставимъ стеречь свою землю, а

вдвоемъ къ тебѣ поѣдемъ;» Чешскій Князь также отвѣчалъ, что готовъ самъ итти съ полками. Но Изяславу было мало однихъ обѣщаній; онъ опять отправилъ пословъ въ Венгрію, Польшу и Богемію, съ большими дарами; послы должны были говорить Князьямъ: «Помоги вамъ Богъ за то, что взялись мнѣ помогать; садитесь, братья, на коней съ Рождества Христова.» Тѣ обѣщались; и король Венгерскій послалъ десятитысячный вспомогательный отрядъ, велѣвъ сказать Изяславу: «отпускаю къ тебѣ полки свои, а самъ хочу идти на Галицкаго Князя, чтобъ не дать ему на тебя двинуться; ты между тѣмъ управляйся съ тѣми, кто тебя обидѣлъ; когда у тебя войско истомится, то я пришлю новое, еще больше, или и самъ сяду на коня;» Болеславъ Польскій самъ поѣхалъ съ братомъ Генрихомъ, а Мечислава оставили стеречь землю отъ Пруссовъ. Между тѣмъ Изяславъ, приготовляясь къ войнѣ, и зная теперь, какъ трудно идти противъ общаго убѣжденія въ правахъ дядей предъ племянниками, обратился къ старику Вячеславу, который сидѣлъ тогда въ Пересопницѣ[263], и послалъ сказать ему: «Будь мнѣ вмѣсто отца, ступай, садись въ Кіевѣ, а съ Юріемъ не могу жить; если же не хочешь принять меня въ любовь, и не пойдешь въ Кіевъ на столъ, то я пожгу твою волость.» Вячеславъ испугался угрозъ, и послалъ сказать брату Юрію: «Венгры уже идутъ; Польскіе Князья сѣли на коней, самъ Изяславъ готовъ выступить; либо мирись съ нимъ, дай ему, чего онъ хочетъ, либо приходи ко мнѣ съ полками, защити мою волость; пріѣзжай, братъ, посмотримъ на мѣстѣ, что намъ Богъ дастъ—добро или зло; а если, братъ, не поѣдешь, то на меня не жалуйся.» Юрій собралъ свое войско и выступилъ изъ Кіева съ дикими Половцами; а Изяславъ съ своими союзниками двинулся изъ Владиміра. Въ Пересопницу къ Вячеславу собрались сперва племянники его—Ростиславъ и Андрей Юрьичи, потомъ пришелъ самъ Юрій, Владимірко Галицкій прислалъ свои полки, самъ также подвинулся къ границѣ, и тѣмъ напугалъ Поляковъ и Венгровъ; страхъ Польскихъ Князей еще увеличился, когда они получили вѣсть отъ брата, что Пруссы идутъ на ихъ землю. Изяславу эта вѣсть была очень не по сердцу, потому что Поляки не могли теперь оставаться долѣе; положено было отъ

имени союзныхъ Князей послать къ Вячеславу и Юрію съ такими словами: «Вы намъ всѣмъ вмѣсто отцовъ; теперь вы заратились съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ, а мы по Богѣ всѣ Христіане, братья между собою, и намъ всѣмъ надобно быть вмѣстѣ за одно; такъ мы хотимъ, чтобъ вы уладились съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ, вы бы сидѣли въ Кіевѣ— сами знаете, кому изъ васъ приходится тамъ сидѣть, а Изяславу пусть останется Владиміръ да Луцкъ, и что еще тамъ его городовъ, да пусть Юрій возвратитъ Новгородцамъ всѣ ихъ дани.» Вячеславъ и Юрій велѣли отвѣчать имъ: «Богъ помоги нашему зятю королю, и нашему брату Болеславу, и нашему сыну Генриху, за то что между нами добра хотите; но если вы велите намъ мириться, то не стойте на нашей землѣ, животовъ нашихъ и селъ не губите; но пусть Изяславъ идетъ въ свой Владиміръ и вы всѣ ступайте также въ свои земли; тогда мы будемъ вѣдаться съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ.» Союзники поспѣшили исполнить это требованіе, разъѣхались въ свои земли, а Мономаховичи начали улаживаться съ племянникомъ; дѣло остановилось за тѣмъ, что Изяславъ непремѣнно хотѣлъ возвращенія всѣхъ даней Новгородцамъ, на что Юрій никакъ не соглашался: особенно уговаривалъ его не мириться Юрій Ярославичь, правнукъ Изяслава I-го, котораго имя мы уже разъ прежде встрѣтили: не извѣстно, былъ ли этотъ Юрій обиженъ какъ-нибудь Изяславомъ, или просто думалъ найти свою выгоду въ изгнаніи Мстиславичей изъ Волыни. Какъ бы то ни было, дядя Юрій слушался его совѣтовъ, тѣмъ болѣе, что теперь союзники Изяславовы ушли и ему казалось, что не трудно будетъ управиться съ племянникомъ: «Прогоню Изяслава, возьму всю его волость.» говорилъ онъ, и двинулся съ братомъ Вячеславомъ и со всѣми своими дѣтьми къ Луцку. Двое старшихъ сыновей его, Ростиславъ и Андрей шли впередъ съ Половцами, и остановились ночевать, у Муравицы[264]; вдругъ ночью Половцы отъ чего-то переполошились, и побѣжали назадъ; но Андрей Юрьичь, который находился на переди, не испугался и устоялъ на своемъ мѣстѣ, не послушался дружины, которая говорила ему: «Что это ты дѣлаешь, Князь, поѣзжай прочь, осрамимся мы.» Дождавшись разсвѣта, и видя, что

всѣ Половцы разбѣжались, Андрей отступилъ къ Дубну къ братьямъ и Половцамъ, ожидавшимъ подмоги отъ Юрія; потомъ услыхавъ, что Юрій идетъ, подступили всѣ къ Луцку, гдѣ затворился братъ Изяславовъ, Владиміръ. Когда они приближались къ городу, то изъ воротъ его вышелъ отрядъ пѣхоты, и началъ съ ними перестрѣливаться; остальные Юрьичи никакъ не думали, что Андрей захочетъ ударить на эту пѣхоту, потому что и стягъ его не былъ поднятъ: не величавъ былъ Андрей, не ратный чинъ, говоритъ лѣтописецъ, — искалъ онъ похвалы отъ одного Бога; и вотъ вдругъ онъ въѣхалъ прежде всѣхъ въ непріятельскую толпу, дружина его за нимъ, и началась жаркая схватка. Андрей переломилъ копье свое, и подвергся величайшей опасности: непріятельскіе ратники окружили его со всѣхъ сторонъ; лошадь подъ нимъ была ранена двумя копьями, третье попало въ сѣдло, а со стѣнъ городскихъ сыпались на него камни, какъ дождь; уже одинъ Нѣмецъ хотѣлъ просунуть его рогатиною; но Богъ спасъ его. Самъ Андрей видѣлъ бѣду, и думалъ: «будетъ мнѣ такая же смерть, какъ Ярославу Святополчичу;» помолился Богу, призвалъ на помощь Св. Ѳеодора, котораго память праздновалась въ тотъ день, вынулъ мечь и отбился. Отецъ, дядя и всѣ братья обрадовались, увидя его въ живыхъ, а бояре отцовскіе осыпали его похвалами, потому что онъ дрался храбрѣе всѣхъ въ томъ бою. Конь его, сильно раненый, только успѣлъ вынести своего господина, и палъ: Андрей велѣлъ погребсти его надъ рѣкою Стыремъ. — Шесть недѣль потомъ стоялъ Юрій у Луцка; осажденные изнемогли отъ недостатка воды; Изяславъ хотѣлъ идти къ нимъ на помощь изъ Владимира, но Галицкій Князь загородилъ ему дорогу. Однако послѣднему, какъ видно, хотѣлось продолженія борьбы между Мономаховичами, а не окончательнаго торжества одного соперника надъ другимъ; ему выгоднѣе было, чтобъ сосѣдняя Владимирская волость принадлежала особому Князю; вотъ почему когда Изяславъ прислалъ сказать ему: «Помири меня съ дядею Юріемъ, я во всемъ виноватъ передъ Богомъ и передъ нимъ», то Владимірко сталъ просить Юрія за племянника. Юрій Ярославичь и старшій сынъ Юрія Долгорукаго, Ростиславъ, питавшій ненависть къ Изяславу за изгнаніе

изъ Руси, не давали мириться, но второй Юрьичь, Андрей взялъ сторону мира, и началъ говорить отцу: «Не слушай Юрія Ярославича, помирись съ племянникомъ, не губи отчины своей.» Вячеславъ также хлопоталъ о мирѣ; у этого были свои причины: «Братъ! говорилъ онъ Юрію, мирись; ты непомирившись прочь пойдешь, а Изяславъ мою волость пожжетъ!» Юрій наконецъ согласился на миръ: племянникъ уступилъ ему Кіевъ, а онъ возвратилъ ему всѣ дани Новгородскія. Изяславъ пріѣхалъ къ дядьямъ въ Пересопницу, и здѣсь уговорились возвратить другъ другу все захваченное послѣ Переяславской битвы, какъ у Князей, такъ и у бояръ ихъ. Послѣ этого Юрій возвратился въ Кіевъ, и хотѣлъ было уступить этотъ столъ по старшинству Вячеславу; но бояре отсовѣтовали ему: «Брату твоему не удержать Кіева, говорили они: не достанется онъ ни тебѣ, ни ему.» Тогда Юрій вывелъ изъ Вышгорода сына своего Андрея, и посадилъ тамъ Вячеслава.

Между тѣмъ (1150 г.) Изяславъ отправилъ бояръ своихъ и тіуновъ искать въ Кіевѣ у Юрія имѣнья и стадъ, пограбленныхъ на войнѣ, бояре также поѣхали отыскивать свое одни сами, другіе послали тіуновъ своихъ; но когда посланные опознали свое, и начали требовать его назадъ, то Юрій не отдалъ, и возвратились они ни съ чѣмъ къ Изяславу. Тотъ послалъ къ дядьямъ съ жалобою: «Исполните крестное цѣлованіе, а не хотите, такъ я не могу оставаться въ обидѣ.» Дядья не отвѣчали, и Мстиславичь снова вооружился, призываемый, какъ говорятъ, Кіевлянами. Въ Пересопницѣ сидѣлъ въ это время вмѣсто Вячеслава сынъ Юрія Глѣбъ, который стоялъ тогда выше города на рѣкѣ Стублѣ въ шатрахъ; Изяславъ неожиданно пришелъ на него, взялъ станъ, дружину, лошадей; Глѣбъ едва успѣлъ убѣжать въ городъ, и послалъ съ поклономъ къ Изяславу: «Какъ мнѣ Юрій отецъ, такъ мнѣ и ты отецъ, и я тебѣ кланяюсь; ты съ моимъ отцемъ самъ вѣдаешься, а меня пусти къ отцу и клянись Богородицей, что не схватишь меня, а отпустишь къ отцу: такъ я къ тебѣ самъ пріѣду и поклонюсь.» Изяславъ поклялся, и велѣлъ сказать ему: «Вы мнѣ свои братья, объ васъ и рѣчи нѣтъ; обижаетъ меня отецъ твой и съ нами не умѣетъ жить.» Угостивъ Глѣба обѣдомъ, Изяславъ отправилъ его

съ сыномъ своимъ Мстиславомъ, который, проводивъ его за Корческъ, сказалъ ему: «Ступай, братъ, къ отцу; а эта волость отца моего и моя, по Горынь.» Глѣбъ поѣхалъ къ отцу, а Изяславъ въ слѣдъ за нимъ отправился къ Чернымъ Клобукамъ, которые съѣхались къ нему всѣ съ большею радостію. Юрій до сихъ поръ ничего незналъ о движеніяхъ Изяслава, и услыхавъ, что онъ уже у Черныхъ Клобуковъ, побѣжалъ изъ Кіева, переправился за Днѣпръ и сѣлъ въ своемъ городкѣ Остерскомъ; только что успѣлъ Юрій выѣхать изъ Кіева, какъ на его мѣсто явился старый Вячеславъ, и расположился на дворѣ Ярославовомъ. Но Кіевляне, услыхавъ, что Изяславъ идетъ къ нимъ, вышли къ нему на встрѣчу большою толпою, и сказали: «Юрій вышелъ изъ Кіева, а Вячеславъ сѣлъ на его мѣсто; но мы его не хотимъ; ты нашъ Князь, поѣзжай къ Св. Софіи, сядь на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ.» Изяславъ, слыша это, послалъ сказать Вячеславу: «Я тебя звалъ на Кіевскій столъ, но ты тогда не захотѣлъ, а теперь, когда братъ твой выѣхалъ, такъ ты садишься? Ступай теперь въ свой Вышгородъ.» Вячеславъ отвѣчалъ: «хоть убей меня на этомъ мѣстѣ, не съѣду.» Изяславъ въѣхалъ въ Кіевъ, поклонился Св. Софіи, оттуда поѣхалъ на дворъ Ярославовъ со всѣми своими полками и со множествомъ Кіевлянъ; Вячеславъ въ это время сидѣлъ на сѣняхъ, и многіе начали говорить Изяславу: «Князь! возьми его и съ дружиной;» а другіе уже начали кричать: «Подсѣчемъ подъ нимъ сѣни;» но Изяславъ остановилъ ихъ: «Сохрани меня Богъ, говорилъ онъ: я не убійца своей братьи; дядя мнѣ вмѣсто отца, я самъ пойду къ нему,» — и, взявши съ собою немного дружины, пошелъ на сѣни къ Вячеславу, и поклонился ему. Вячеславъ всталъ, поцѣловался съ племянникомъ и когда оба сѣли, то Изяславъ сталъ говорить: «Батюшка! кланяюсь тебѣ, нельзя мнѣ съ тобою рядиться, видишь, какая сила стоитъ народу, много лиха противъ тебя замышляютъ; поѣзжай въ свой Вышгородъ, оттуда и будемъ рядиться.» Вячеславъ отвѣчалъ: «Ты меня самъ, сынъ, звалъ въ Кіевъ, а я цѣловалъ крестъ брату Юрію; теперь уже если такъ случилось, то Кіевъ тебѣ, а я поѣду въ свой Вышгородъ,» и, сошедши съ сѣней, уѣхалъ изъ Кіева, а Изяславъ сѣлъ здѣсь, и послалъ сына

Мстислава въ Каневъ, велѣвъ ему оттуда добыть Переяславля. Мстиславъ послалъ на ту сторону Днѣпра къ дружинѣ и къ варварскому пограничному народонаселенію, которое называлось Турпѣями, перезывая ихъ къ себѣ. Въ Переяславлѣ сидѣлъ въ это время Ростиславъ Юрьичь; онъ послалъ къ отцу въ Городокъ за помощью, и когда тотъ прислалъ къ нему брата Андрея, то, оставивъ послѣдняго въ Переяславлѣ, погнался за Турпѣями, настигъ ихъ у Днѣпра, перехваталъ и привелъ назадъ въ Переяславль. Между тѣмъ Юрій соединился съ Давыдовичами и Ольговичами; а съ запада явился къ нему на помощь сватъ его[269] Владимірко Галицкій. Услыхавъ о приближеніи Владимірка, Изяславъ послалъ сказать сыну, чтобъ ѣхалъ къ нему скорѣе съ Берендѣями, а самъ съ боярами поѣхалъ въ Вышгородъ къ Вячеславу, и сказалъ ему: «Ты мнѣ отецъ; вотъ тебѣ Кіевъ, и какую еще хочешь волость возьми, а остальное мнѣ дай.» Вячеславъ сначала отвѣчалъ на это съ сердцемъ: «А за чѣмъ ты мнѣ не далъ Кіева тогда, заставилъ меня со стыдомъ изъ него выѣхать; теперь, когда одно войско идетъ изъ Галича, и другое изъ Чернигова, такъ ты мнѣ Кіевъ даешь.» Изяславъ говорилъ на это: «Я къ тебѣ посылалъ, и Кіевъ отдавалъ тебѣ, объявлялъ, что съ тобою могу быть, только съ братомъ твоимъ Юріемъ мнѣ нельзя управиться; но тебя люблю какъ отца, и теперь тебѣ говорю: ты мнѣ отецъ и Кіевъ твой, поѣзжай туда.» Размягчили старика эти слова, любо ему стало, и онъ поцѣловалъ крестъ на гробѣ Бориса и Глѣба, что будетъ имѣть Изяслава сыномъ, а Изяславъ поклялся имѣть его отцемъ; цѣловали крестъ и бояре ихъ, что будутъ хотѣть добра между обоими Князьями, честь ихъ беречь и не ссорить ихъ. Изяславъ поклонился Св. мученикамъ Борису и Глѣбу, потомъ отцу своему Вячеславу, и сказалъ ему: «Я ѣду къ Звѣнигороду противъ Владиміра, а ты, батюшка, самъ не трудись, отпусти только со мною дружину свою, самъ же поѣзжай въ Кіевъ, коли тебѣ угодно.» Вячеславъ отвѣчалъ: «Всю дружину свою отпускаю съ тобою.»

Уладивши дѣло съ дядею, Изяславъ поѣхалъ опять въ Кіевъ, ударилъ въ трубы, созвалъ Кіевлянъ и пошелъ противъ Владимірка: «кто ко мнѣ ближе, на того и пойду прежде,» говорилъ

онъ. Сначала Изяславъ сталъ у Звенигорода, потомъ, слыша о приближеніи Галичанъ, перешелъ къ Тумащу, куда пришли къ нему Черные Клобуки, затворивши женъ и дѣтей своихъ въ городахъ на Поросьи. На другой день на разсвѣтѣ Изяславъ выстроилъ войско и повелъ его противъ Владимірка, который стоялъ у верховьевъ рѣки Ольшаницы; стрѣльцы начали уже перестрѣливаться черезъ рѣку, какъ вдругъ Черные Клобуки, увидавъ, что Галичанъ очень много, испугались, и стали говорить Изяславу: «Князь! сила у Владимірка велика, а у тебя дружины мало; какъ вздумаетъ онъ перейти черезъ рѣку, то намъ плохо придется; не погуби насъ, да и самъ не погибни; ты нашъ Князь, когда силенъ будешь, и мы тогда съ тобою, а теперь не твое время, поѣзжай прочь.» Изяславъ отвѣчалъ имъ: «Лучше намъ братья, померетъ здѣсь, чѣмъ такой стыдъ взять на себя;» но Кіевляне начали тоже говорить, и побѣжали, Черные Клобуки бросились за ними къ своимъ вежамъ; оставшись съ одною дружиною, Изяславъ также пошелъ назадъ въ Кіевъ. Къ счастію его, Владимірко ни какъ не могъ подумать, что противное войско побѣжало безъ битвы, счелъ это хитростію, и невелѣлъ своимъ гнаться за Изяславомъ, который поэтому благополучно доѣхалъ до Кіева, пострадалъ только задній отрядъ дружины, часть котораго была захвачена, а другая перебита Галичанами. Изяславъ засталъ въ Кіевѣ дядю Вячеслава; потолковавши другъ съ другомъ, они сѣли вмѣстѣ обѣдать, какъ вдругъ пришла вѣсть, что Юрій со всѣми Черниговскими у Кіева, и уже множество Кіевлянъ поѣхали въ лодкахъ къ Юрію, а другіе стали перевозить его дружину на эту сторону. Видя это, Вячеславъ и Изяславъ сказали: «Теперь не наше время,» и поѣхали изъ Кіева—Вячеславъ въ Вышгородъ, а Изяславъ во Владиміръ, занявши мѣста по рѣкѣ Горынѣ, и посадивши сына Мстислава въ Дорогобужѣ.

На другой день Владимірко Галицкій подошелъ къ Кіеву, и сталъ у Ольговой могилы; сюда пріѣхалъ къ нему Юрій со всѣми Черниговскими, и здоровались не сходя съ коней. Введя Юрія въ Кіевъ, Владимірко объѣхалъ всѣ святыни Кіевскія, былъ и въ Вышгородѣ у Бориса и Глѣба, и потомъ, разставшись пріятельски съ Юріемъ въ Печерскомъ монастырѣ, отправился

назадъ въ Галичь. Услыхавъ объ его приближеніи, Мстиславъ Изяславичь бросился бѣжать изъ Дорогобужа въ Луцкъ къ дядѣ Святополку; Владимірко, побравши города по Горынѣ, и отдавши ихъ Мстиславу Юрьичу, котораго взялъ съ собою изъ Кіева[267], подошелъ было къ Луцку, но не могъ взять его, и ушелъ въ Галичь, а Мстиславъ Юрьичь остался въ Пересопницѣ; но скоро потомъ Юрій отдалъ этотъ городъ вмѣстѣ съ Туровомъ и Пинскомъ сыну Андрею, который и сѣлъ въ Пересопницѣ; цѣль этого перемѣщенія и предпочтенія Пересопницы Турову ясна: Андрей, самый храбрый изъ Юрьевичей, долженъ былъ оберегать границу со стороны Волыни, откуда Юрій ждалъ нападенія отъ племянника. Зимою Изяславъ прислалъ въ Пересопницу просить Андрея: «Братъ! помири меня съ отцемъ, мнѣ отчины нѣтъ ни въ Венгріи, ни въ Польшѣ, а только въ Русской землѣ; выпроси мнѣ у отца волость по Горынь.» Онъ послалъ въ Пересопницу какъ будто за этимъ, а между тѣмъ наказалъ послу разсмотрѣть хорошенько весь нарядъ Андреевъ и какъ городъ стоитъ: ему уже удалось разъ напасть здѣсь въ расплохъ на брата Андреева Глѣба, тоже хотѣлось теперь сдѣлать и съ Андреемъ, но у этого было все крѣпко, и дружина большая. Не подозрѣвая хитрости, Андрей сталъ опять просить отца за Изяслава, но Юрій не хотѣлъ ничего дать племяннику; тогда Изяславъ сталъ думать: «дядя мнѣ волости не даетъ, не хочетъ меня въ Русской землѣ, а Владиміръ Галицкій, по его приказу, волость мою взялъ, да еще сбирается придти на меня къ Владиміру,» и, подумавъ такимъ образомъ, послалъ брата Владиміра сказать зятю своему, королю Венгерскому: «Ты мнѣ самъ говорилъ, что Владимірко не смѣетъ головы высунуть; но я выгналъ Юрія изъ Кіева, Юрій передо мною бѣгаетъ, а Владиміръ, согласившись съ Ольговичами, пришелъ, да погналъ меня изъ Кіева; теперь, братъ, исполни свое обѣщаніе, сядь на коня.» Король немедленно собралъ всю свою силу и сѣлъ на коня, пославши сказать Изяславу: «Я ужъ выступилъ съ братомъ твоимъ Владиміромъ, выступай и ты; узнаетъ Владимірко, кого затронулъ.»

Но у Владимірка были пріятели въ Венгріи; они дали ему знать, что король идетъ на него, и Владимірко, бросивъ обозъ

свой у Бѣльза, гдѣ стоялъ тогда, поскакалъ съ дружиною къ Перемышлю, гдѣ уже король началъ воевать. Владимірко видѣлъ, что ему не льзя бороться съ Венграми, и началъ посылать къ Архіепископу, да еще къ двумъ епископамъ Венгерскимъ и къ боярамъ съ просьбою, чтобъ уговорили Короля возвратиться, не жалѣлъ золота, и достигъ своей цѣли. Король послушался подкупленныхъ епископовъ и бояръ, и сталъ говорить: «Теперь уже не время воевать, рѣки замерзаютъ; вотъ когда рѣки установятся, тогда пойдемъ опять.» Отпуская Владиміра Мстиславича въ Кіевъ, король наказалъ ему: «Отцу моему и своему брату Изяславу поклонись и скажи ему: Царь на меня Греческій встаетъ ратью, и потому этою зимою и весною не льзя мнѣ сѣсть на коня для тебя, но твой щитъ и мой не будутъ розно: если мнѣ самому не льзя, то помощь пошлю, 10,000, больше ли, сколько хочешь; а лѣтомъ, Богъ дастъ, въ твоей волѣ буду, отомстимъ за свои обиды.» — Изяславъ, выслушалъ эти рѣчи отъ Владиміра, отправилъ его назадъ въ Венгрію: «Братъ! говорилъ онъ ему: Богъ тебѣ помоги, что потрудился для моей и своей чести; ты былъ въ Венгріи у зятя своего Короля, вѣдаешь тамъ всю мысль ихъ и думу; такъ потрудиться бы тебѣ, братъ, и теперь, поѣхать туда опять для моей чести и своей.» Владиміръ отвѣчалъ: «Я, братъ, этимъ не тягочусь; для твоей чести и для чести брата Ростислава съ радостію поѣду.» Владиміру было наказано говорить королю: «Если Царь всталъ ратью и тебѣ самому нельзя пріѣхать ко мнѣ, то отпусти помощь, какъ обѣщался, а мнѣ Богъ поможетъ на Юрія, на Ольговичей и на Галицкаго Князя; твоя обида—моя, а моя—твоя.» Король отпустилъ съ Владиміромъ десятитысячный отрядъ, съ которымъ Изяславъ и отправился опять къ Кіеву, потому что звали его бояре Вячеславовы, Берендѣи и Кіевляне. На дорогѣ у Пересопницы получивъ вѣсть, что Владимірко Галицкій идетъ за нимъ съ войскомъ, Изяславъ собралъ на совѣтъ дружину: «Князь, говорили бояре: самъ видишь, что намъ пришлось плохо: ты идешь на Юрія, а сзади за тобою идетъ Владиміръ; очень трудно будетъ намъ справиться!» Изяславъ отвѣчалъ имъ: «Вы за мною изъ Русской земли вышли, селъ своихъ и животовъ лишились, да и я своей дѣдины и отчины не могу покинуть: либо голову свою сложу, либо отчину свою добуду

и ваши всѣ животы; если нагонитъ меня Владиміръ, то значитъ Богъ даетъ мнѣ съ нимъ судъ; встрѣтитъ ли меня Юрій, и съ тѣмъ судъ Божій вижу; какъ Богъ разсудитъ, такъ и будетъ.»

Отпустивъ брата Святополка оберегать Владиміръ, Изяславъ пошелъ впередъ къ Дорогобужу съ братомъ Владиміромъ, сыномъ Мстиславомъ, съ Княземъ Борисомъ Городенскимъ, внукомъ извѣстнаго Давыда Игоревича, и съ Венграми. Дорогобужцы вышли къ нему на встрѣчу, съ крестами и поклонились; Изяславъ сказалъ имъ: «вы люди дѣда моего и отца, Богъ вамъ помочь;» Доргобужцы сказали на это: «Съ тобою, Князь, чужестранцы, Венгры; какъ бы они не надѣлали зла нашему городу;» Изяславъ отвѣчалъ: «я вожу Венгровъ и всякихъ другихъ чужеземцевъ не на своихъ людей, а на враговъ; не бойтесь ничего.» Миновавъ Дорогобужъ, Изяславъ перешелъ Горынь; жители Корсуни вышли къ нему также съ радостію и съ поклономъ; Изяславъ миновалъ и ихъ городъ, не желая, какъ видно, пугать жителей приводомъ иноземной рати, и подавать поводъ къ враждебнымъ столкновеніямъ. Между тѣмъ Владимірко Галицкій соединился съ Андреемъ Юрьичемъ, котораго вызвалъ изъ Пересопницы, и скоро къ Изяславу пришла вѣсть, что Князь Галицкій, Андрей Юрьичь и Владиміръ Андреевичь, (изгой, сынъ младшаго изъ Мономаховичей) переправляются съ большими силами черезъ Горынь; когда Мстиславичи переправились черезъ рѣки Случь и Ушу, то на противоположномъ берегу послѣдней уже показались непріятельскіе стрѣльцы, и стали биться объ рѣку; а иные поудалѣе перебирались даже съ одного берега на другой; одинъ изъ Галицкихъ стрѣлковъ былъ схваченъ, приведенъ къ Изяславу, и на спросъ: «Гдѣ твой Князь!» отвѣчалъ: «Вотъ за городомъ Ушескомъ первый лѣсъ, тутъ онъ остановился; узнавъ, что ты близко; непосмѣлъ пойти черезъ лѣсъ, говоритъ: какъ пойдемъ сквозь лѣсъ, то нападутъ на насъ, а сила наша далеко назади, подождемъ ее здѣсь.» — Услыхавъ это, Изяславъ сказалъ своимъ: «пойдемъ на него назадъ.» Но дружина отвѣчала: «Князь! не льзя тебѣ на него идти, передъ тобою рѣка, да еще злая, какъ же ты хочешь на него ѣхать? онъ же стоитъ лѣсомъ заложившись! Это уже оставь теперь, а поѣзжай къ своимъ въ Кіевъ; гдѣ насъ Владимірко на-

гонитъ, тамъ и будемъ биться, самъ же ты такъ прежде говорилъ, что если и Юрій встрѣтится, то и съ нимъ будемъ биться. А теперь, Князь, не мѣшкай, ступай: когда будешь на Тетеревѣ, то вся тамошняя дружина къ тебѣ прiѣдетъ; а если Богъ дастъ, дойдешь до Бѣлгорода, то еще больше дружины къ тебѣ прiѣдетъ, больше будетъ у тебя силы.»

Изяславъ послушался, пошелъ впередъ, Владимірко за нимъ; когда Изяславъ сталъ у Святославовой криницы, то его сторожа видѣли Галицкіе огни; Изяславъ велѣлъ раскласть большой огонь, чтобъ обмануть непріятеля, а самъ въ ночь двинулся къ городу Мичьску, гдѣ встрѣтило его множество народа, съ береговъ Тетерева, съ криками: «Ты нашъ Князь!» Перешедъ за Тетеревъ, Изяславъ далъ себѣ и конямъ отдыхъ, и потомъ пошелъ ко Вздвиженску, гдѣ держалъ совѣтъ съ дружиною: «Владимірко ѣдетъ за нами, говорилъ онъ, такъ скажите, здѣсь ли намъ остановиться и ждать его, или уже не жалѣть силъ, выступить въ ночь дальше? если здѣсь остановимся и будемъ дожидаться Владиміра, то не дождаться бы намъ съ другой стороны Юрія: тогда будетъ намъ трудно; лучше уже по моему недавать себѣ отдыха, ѣхать; какъ будемъ въ Бѣлгородѣ, то Юрій непремѣнно побѣжитъ, тогда мы поѣдемъ въ свой Кіевъ, а какъ въ сильный Кіевскій полкъ въѣдемъ, то уже я знаю, будутъ за меня биться; если же не льзя будетъ ѣхать на Бѣлгородъ, то поѣдемъ къ Чернымъ Клобукамъ, а какъ прiѣдемъ къ Чернымъ Клобукамъ и съ ними соединимся, то уже нечего намъ будетъ бояться ни Юрія, ни Владиміра.» Венгры отвѣчали ему на это: «Мы у тебя гости; если надѣешься на Кіевлянъ, то тебѣ лучше знать своихъ людей; лошади подъ нами; доброе дѣло, когда другъ прибудетъ и новая сила, поѣдемъ въ ночь.» Тогда Изяславъ сказалъ брату Владиміру: «Ступай ты напередъ къ Бѣлгороду; мы всѣ отпустимъ съ тобою свою младшую дружину, и пойдемъ за вами въ слѣдъ; если придешь къ Бѣлгороду и станутъ съ тобою биться, то ты дай намъ знать, а самъ бейся съ утра до обѣда, я же между тѣмъ либо переѣду на Абрамовъ мостъ, либо въѣду къ Чернымъ Клобукамъ, и, соединясь съ ними, пойду на Юрія къ Кіеву; а если ты займешь Бѣлгородъ, то дай намъ также знать, и мы къ тебѣ поѣдемъ.» Владиміръ прiѣхалъ къ Бѣлгороду, а

тамошній Князь Борисъ Юрьичь спокойно пировалъ на сѣнницѣ съ дружиною, да съ попами Бѣлгородскими: если бы мытникъ (сборщикъ податей) не устерегъ, и не развелъ моста, то Князя захватили бы. Владимірова дружина подъѣхавъ къ мосту, затрубила въ трубы, Борисъ вскочилъ въ испугѣ и ускакалъ съ дружиною изъ города, а горожане побѣжали къ мосту, кланяясь Владиміру и крича: «Ступай, Князь, Борисъ бѣжалъ,» и тотчасъ же опять навели мостъ. Въѣхавъ въ Бѣлгородъ, Владиміръ послалъ, какъ было улажено, гонца къ брату: «Я въ Бѣлгородъ въѣхалъ, а Борисъ выбѣжалъ, онъ ничего не зналъ о моемъ приходѣ, и Юрій ничего не знаетъ; ступай скорѣе.» Изяславъ тотчасъ же поѣхалъ къ нему, до свѣта переправилъ полки черезъ мостъ, и, оставивъ въ Бѣлгородѣ Владиміра на случай пріѣзда Галицкаго Князя, самъ съ Венграми отправился къ Кіеву. Между тѣмъ Борисъ прибѣжалъ къ отцу съ вѣстью, что рать идетъ; Юрій былъ въ это время на Красномъ дворѣ, въ испугѣ не нашелся за что приняться, сѣлъ въ лодку, переплылъ на другой берегъ и спрятался въ Городкѣ, а Кіевляне вышли съ радостію на встрѣчу къ Изяславу. Есть очень вѣроятное извѣстіе, что Юрій поведеніемъ своимъ возбудилъ у нихъ сильное негодованіе, разсердилъ и Черныхъ Клобуковъ, которые вмѣстѣ съ Кіевлянами и стали звать къ себѣ Мстиславича. Перехватавши дружину Юрьеву, Изяславъ поѣхалъ къ Св. Софіи, а оттуда на Ярославовъ дворъ, куда позвалъ на обѣдъ Венгровъ и Кіевлянъ; было тутъ большое веселье: послѣ обѣда Венгры, славные всадники, удивляли Кіевскій народъ своимъ искусствомъ въ ристаніи.

Между тѣмъ Владимірко и Андрей Юрьичь, ничего не зная, стояли у Мичьска, какъ вдругъ пришла имъ вѣсть, что Юрій въ Городкѣ, а Изяславъ въ Кіевѣ; сильно раздосадовало это Владимірка, онъ сказалъ Князьямъ Андрею и Владиміру Андреевичу: «не понимаю, какъ это княжитъ сватъ мой: рать идетъ на него съ Волыни, какъ объ этомъ не узнать? и вы, сыновья его, сидѣли одинъ въ Пересопницѣ, а другой въ Бѣлгородѣ—какъ же это вы не устерегли? если такъ княжите съ отцемъ своимъ, то управляйтесь сами, какъ хотите, а я не могу одинъ идти на Изяслава; онъ хотѣлъ вчера со мною биться, идучи на вашего

отца, а на меня оборачиваясь; теперьже у него вся Русская земля, я немогу одинъ на него ѣхать!» Причина изумительнаго въ самомъ дѣлѣ успѣха Изяславова заключалась не столько въ оплошности Юрія и сыновей его, сколько во всеобщемъ нерасположеніи къ нимъ народа, и въ стараніи многихъ людей вводить ихъ въ эту оплошность[268].

Владимірко выполнилъ свою угрозу, оставилъ дѣло Юрія и пошелъ назадъ въ Галичь; онъ хотѣлъ однако чѣмъ-нибудь вознаградить себя за походъ, и потому объявилъ жителямъ города Мичьска: «дайте мнѣ серебро, сколько хочу, а не то возьму васъ на щитъ;» у нихъ не было столько серебра, сколько онъ запрашивалъ, и потому они принуждены были вынимать серьги изъ ушей женъ и дочерей своихъ, снимать ожерелья съ шеи, слили все это и отдали Владимірку, который пошелъ отъ нихъ дальше и по всѣмъ городамъ на дорогѣ бралъ также серебро до самой своей границы; а сынъ Юрьевъ Андрей и племянникъ Владиміръ Андреевичь поѣхали на устье Припети, и оттуда къ отцу въ Городецъ Остерскій. Между тѣмъ Изяславъ, на другой же день, какъ въѣхалъ въ Кіевъ, послалъ сказать дядѣ Вячеславу: «Батюшка! кланяюсь тебѣ; если Богъ отца моего Мстислава взялъ, то ты у меня отецъ, кланяюсь тебѣ; согрѣшилъ я предъ тобою сначала тогда, а теперь каюсь; и снова, когда мнѣ Богъ далъ побѣдить Игоря у Кіева, то я на тебѣ чести не положилъ же, и потомъ опять у Тумаща; но теперь, батюшка, во всемъ томъ каюсь передъ Богомъ и передъ тобою: если ты меня, батюшка, простишь, то и Богъ проститъ; отдаю тебѣ, батюшка, Кіевъ, поѣзжай, сядь на столѣ дѣда и отца своего!» Этими словами Изяславъ призналъ полное господство права по родовому старшинству, право дядей предъ сыновьями старшаго брата, право, противъ котораго ничего не могли сдѣлать ни личныя достоинства, ни уваженіе и любовь народа. Вячеславъ велѣлъ отвѣчать племяннику: «Сынъ! Богъ тебѣ помоги, что на меня честь положилъ, давно бы тебѣ такъ сдѣлать; если ты мнѣ честь воздалъ, то и Богу честь воздалъ; ты говоришь, что я твой отецъ, а я тебѣ скажу, что ты мой сынъ, у тебя отца нѣтъ, а у меня сына нѣтъ, ты мой сынъ, ты мой и братъ.» Здѣсь старый дядя ясно также выразилъ господствующее представленіе, что сы-

новья отъ старшаго брата считаются братьями дядьямъ своимъ, хотя и младшими. Дядя и племянникъ цѣловали крестъ — не разлучаться ни въ добрѣ, ни въ злѣ (1150 г.)

Послѣ ряду съ племянникомъ Вячеславъ въѣхалъ въ Кіевъ (1151 г.), и, поклонившись св. Софіи, позвалъ къ себѣ на обѣдъ сына своего Изяслава, всѣхъ Кіевлянъ и Венгровъ: и дядя и племянникъ сильно чествли послѣднихъ, богато одарили ихъ сосудами, платьемъ, лошадьми, паволоками, и всякими дарами. На другой день послѣ пира Вячеславъ послалъ сказать Изяславу: «Сынъ! Богъ тебѣ помоги, что воздалъ мнѣ честь, какъ отцу; а я вотъ что тебѣ скажу: я уже старъ, и всѣхъ рядовъ не могу рядить, останемся оба въ Кіевѣ; а какой намъ придется рядъ рядить, между христіанами или погаными, то пойдемъ оба помѣсту; дружина и полки будутъ у насъ общіе, ты ими ряди; гдѣ намъ можно будетъ обоимъ ѣхать, оба поѣдемъ, а гдѣ нельзя, такъ ты одинъ поѣдешь, съ моимъ полкомъ и съ своимъ.» Изяславъ съ великою радостію и съ великою честію поклонился отцу своему, и сказалъ: «Батюшка, кланяюсь тебѣ; какъ мы уговорились, такъ намъ дай Богъ и быть до конца жизни.» На третій день оба Князя отпустили Венгровъ домой, и въ слѣдъ за ними отправили сына Изяславова Мстислава, который долженъ былъ сказать королю: «Ты намъ то сдѣлалъ, что можетъ сдѣлать только братъ родному брату, или сынъ отцу; дай намъ Богъ быть съ тобою неразлучно во всемъ; гдѣ будетъ твоя обида, тамъ дай намъ Богъ быть самимъ и мстить за твою обиду, или, если не самимъ, такъ братьямъ нашимъ и сыновьямъ, а намъ тебѣ нечѣмъ больше заплатить за твое добро, какъ только своею головою; теперь же докончи доброе дѣло: самого тебя не зовемъ, потому что у тебя война съ Греками, но отпусти къ намъ войско на помощь, или такое же, какое теперь было, а хорошо если и побольше, потому что Юрій силенъ, Давыдовичи и Ольговичи съ нимъ, и Половцы дикіе, которыхъ приманиваетъ золотомъ; теперь, братъ, этою весною помоги намъ; если этою же весною мы управимся съ своимъ дѣломъ, то пойдемъ съ войскомъ къ тебѣ напомощь, а если ты управишься съ Греческимъ царемъ, то будь намъ помощникъ; остальное все разскажутъ тебѣ твои мужи и братъ твой Мстиславъ, какъ намъ Богъ по-

могъ, какъ встала за насъ вся Русская земля и Черные Клобуки.» Отрядивъ Мстислава въ Венгрію, Вячеславъ послалъ въ тоже время бояръ своихъ въ Смоленскъ сказать Ростиславу Мстиславичу: «Братъ! Богъ соединилъ насъ съ твоимъ братомъ, а съ моимъ сыномъ Изяславомъ; добывъ Русскую землю, онъ на мнѣ честь положилъ, посадилъ меня въ Кіевѣ, а я, сынъ, тебѣ скажу: какъ мнѣ сынъ братъ твой Изяславъ, такъ и ты; потрудись пріѣхать сюда къ намъ, чтобъ всѣмъ вмѣстѣ подумать о томъ, что впередъ дѣлать.» Изяславъ, съ своей стороны, послалъ сказать Ростиславу: «Ты меня, братъ, много понуждалъ положить честь на дядѣ и на отцѣ; и вотъ когда Богъ привелъ меня опять въ Русскую землю, то я посадилъ дядю нашего въ Кіевѣ, для тебя и для всей Русской земли; а теперь я скажу тебѣ: тамъ у тебя въ Новгородѣ сынъ мой и твой сынъ же крестный Ярославъ, тамъ же у тебя и Смоленскъ; такъ урядивши все въ верхнихъ земляхъ у себя, пріѣзжай къ намъ сюда, посмотримъ вмѣстѣ, что намъ Богъ дастъ.»

Изяславъ съ дядею не ошибались, призывая къ себѣ отовсюду союзниковъ: Юрій не думалъ оставлять ихъ въ покоѣ, и послалъ сказать Давыдовичамъ и Ольговичамъ: «Изяславъ уже въ Кіевѣ, ступайте ко мнѣ на помощь.» Святославъ Ольговичь выступилъ немедленно, соединился въ Черниговѣ съ Владиміромъ Давыдовичемъ и на лодкахъ приплыли вмѣстѣ въ Городокъ къ Юрію. Но другой Давыдовичь, Изяславъ перешелъ на сторону Вячеслава и Изяслава: какъ видно этотъ Давыдовичь поневолѣ былъ до сихъ поръ съ Юріемъ, на котораго сердился за отнятіе Дреговичскихъ земель въ пользу Святослава Ольговича. Скоро пріѣхалъ въ Кіевъ и Ростиславъ Мстиславичь съ полками Смоленскими, а между тѣмъ Юрій выступилъ съ союзниками изъ Городка, и сталъ у Днѣпра, при устьѣ рѣчки Радуни, куда пришло къ нему на помощь много дикихъ Половцевъ. На этотъ разъ Изяславъ былъ остороженъ, недалъ непріятельскому войску переправиться чрезъ Днѣпръ, и потому съ обѣихъ сторонъ начали биться въ лодкахъ, отъ Кіева до устья Десны. Въ этой рѣчной битвѣ Юрій не могъ получить успѣха, потому что Изяславъ, по выраженію лѣтописца, дивно исхитрилъ свои лодки: гребцовъ на нихъ не было видно, видны были толь-

ко одни весла, потому что лодки были покрыты досками, и на этой крышкѣ стояли ратники въ броняхъ и стрѣляли, а кормчихъ было по двое на каждой лодкѣ: одинъ на носу, а другой на кормѣ: куда хотятъ, туда и пойдутъ, необорачивая лодокъ. Видя, что нельзя переправиться черезъ Днѣпръ противъ Кіева, Юрій съ союзниками рѣшили идти внизъ къ Витичевскому броду; но, не смѣя пустить лодокъ мимо Кіева, пустили ихъ въ Долобское озеро, оттуда волокли берегомъ въ рѣку Золотчу, и по Золотчѣ уже впустили ихъ въ Днѣпръ, а Половцы шли по лугу. Но Мстиславичи съ дядею Вячеславомъ, съ Изяславомъ Давыдовичемъ, съ Городенскимъ Княземъ Борисомъ, съ Кіевлянами и Черными Клобуками шли рядомъ съ ними по западной сторонѣ Днѣпра, по нагорному берегу, а лодки плыли по рѣкѣ, такъ что когда войско Юрія достигло Витичевскаго брода, то уже тамъ стояла Кіевская рать, и опять началась рѣчная битва за переправу. Тогда Юрій позвалъ къ себѣ союзниковъ и сказалъ: «Стоимъ мы здѣсь, и чего достоимся? лучше постараемся перехватить у нихъ Зарубскій бродъ и перейти на ту сторону.» Всѣ согласились, и отпустили къ броду сыновей Юрьевыхъ съ Половцами, да Святослава Всеволодича, а сами, выстроивши полки, пошли подлѣ лодокъ берегомъ. Между тѣмъ передовой отрядъ ихъ пріѣхалъ къ Зарубскому броду, который стерегъ бояринъ Изяславовъ Шварнъ съ небольшою дружиною: Половцы, видя, что сторожей мало, бросились на лошадяхъ, и въ полномъ вооруженіи въ рѣку, подъ ихъ прикрытіемъ переѣхали и Русскіе въ лодьяхъ; а Шварнъ испугался, и побѣжалъ къ своему Князю; по замѣчанію лѣтописца, вся бѣда произошла отъ того, что при бродѣ былъ не Князь, а бояринъ, тогда какъ боярина не всѣ слушались. Переправившись чрезъ Днѣпръ, Юрьевичи послали сказать отцу: «Ступай скорѣе, мы уже перешли Днѣпръ; чтобъ не ударилъ на насъ однихъ Изяславъ;» Юрій пошелъ немедленно къ Зарубу, и также переправился. Получивъ вѣсть объ этой переправѣ, Мстиславичи возвратились въ Кіевъ, и начали думать, что теперь дѣлать? Оба Мстиславича хотѣли идти на встрѣчу къ дядѣ и биться; но дружина всѣхъ Князей не соглашалась; особенно отговаривали отъ этого Черные Клобуки, они говорили Изяславу: «Князь! нельзя намъ ѣхать къ нимъ, пото-

му что наши ратники не всѣ на коняхъ; ты къ нимъ поѣдешь, а они передъ тобою поѣдутъ къ Роси; тогда тебѣ надобно будетъ оставить свою пѣхоту, и ѣхать за ними съ одною конницею. По нашему надобно вотъ что сдѣлать: ступайте вы всѣ въ Кіевъ, а къ намъ приставьте брата своего Владиміра, мы поѣдемъ съ нимъ къ своимъ вежамъ, заберемъ ихъ, женъ, дѣтей, стада, и пойдемъ тогда къ Кіеву; побудьте тамъ только до вечера, мы къ вамъ придемъ непремѣнно, хотимъ за отца вашего Вячеслава, за тебя, за брата твоего Ростислава и за всю вашу братью головы свои сложить; либо честь вашу отыщемъ, либо изомремъ съ вами, а Юрія не хотимъ». Мстиславичи съ дядею послушались дружины, Кіевлянъ и Черныхъ Клобуковъ, отрядили брата Владиміра за вежами съ Торками, Коуями, Берендѣями и Печенѣгами (имена варварскихъ народцевъ, слывшихъ подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ), а сами пошли къ Треполю, и, переночевавши здѣсь, на солнечномъ восходѣ отправились къ Кіеву; въ городъ не вошли, а стали около него — Изяславъ Мстиславичь передъ Золотыми воротами, Изяславъ Давыдовичь между Золотыми и Жидовскими воротами; Ростиславъ съ сыномъ Романомъ передъ Жидовскими воротами, Борисъ Городенскій у Лядскихъ воротъ; Кіевляне, конные и пѣшіе, стали между Князьями. Скоро пришелъ и Владиміръ съ Черными Клобуками, съ вежами и стадами ихъ; эти союзники надѣлали вреда не меньше враговъ, вламывались въ монастыри, жгли села, огороды всѣ посѣкли; Мстиславичи велѣли Владиміру пойти съ Берендѣями, вежами и стадами ихъ къ Ольговой могилѣ и стать отъ нея до Ивановскаго огорода, и потомъ до Щековицы, а Коуи, Торки и Печенѣги стали отъ Золотыхъ воротъ до Лядскихъ, и потомъ до Клова, Берестоваго, Угорскихъ воротъ и Днѣпра. Такимъ образомъ Князья, дружина, Кіевляне и Черные Клобуки рѣшили не ходить къ непріятелю на встрѣчу, но подпустить его къ себѣ и биться подъ Кіевомъ; Изяславъ говорилъ: «Если Богъ намъ поможетъ, отобьемъ ихъ; то вѣдь они не птицы, перелетѣвши Днѣпръ, должны сѣсть гдѣ-нибудь, а когда поворотятъ отъ насъ, тогда уже какъ Богъ насъ съ ними управитъ.»

Но старикъ Вячеславъ прежде битвы хотѣлъ попытаться кон-

послѣ Калдіеро — отступленіе, потомъ нерѣшительность — Миланъ! Слѣдовательно, все погибло! Въ мертвомъ безмолвіи выходили отряды на Миланскую дорогу, но вдругъ надежда одушевила всѣхъ: велѣно было взять на лѣво, идти по теченію Адижа. «Мы не отступаемъ! Маленькій капралъ не спитъ!» заговорили солдаты. Они не ошибались — дивная мысль Наполеона созрѣла и ручалась за побѣду.

Послѣ перехода четырехъ льё войско достигло Ронко, гдѣ уже приготовленъ былъ мостъ. Армія переправилась за Адижъ. Планъ Наполеона все еще казался непостижимымъ. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ:

Адижъ отъ Вероны изгибается къ С. В. до Леньяго. Лѣвый берегъ рѣки противъ Ронко представляетъ непроходимыя болота, по которымъ идутъ только двѣ плотины, одна черезъ Порчиль и Гомбіоне къ Веронѣ, ниже Калдіеро, другая черезъ рѣчку Альпонъ, текущую въ болотахъ, мимо селенія Арколы, выше Калдіеро, на Вилла-Нуову по дорогѣ изъ Виченцы. Ставши въ Арколѣ, ключѣ двухъ путей, Наполеонъ находился во флангѣ непріятельской Калдіерской позиціи. Еслибы непріятель рѣшился аттаковать Верону, гдѣ оставался ген. Кильменъ, съ 1500-ми человѣкъ, Наполеонъ могъ ударить на него въ тылъ. Еслибы онъ продолжалъ удерживать позицію, Наполеонъ черезъ Арколу могъ также зайдти ему въ тылъ, и гнать его изъ Калдіеро, въ томъ и другомъ случаѣ «какъ будто обхватывая его сильными руками съ обѣихъ сторонъ.» Еслибы непріятель рѣшился, наконецъ,

слалъ опять сказать ему: «У тебя семеро сыновей, и я ихъ отъ тебя не отгоняю, а у меня только два—Изяславъ и Ростиславъ, да еще другіе младшіе; я, братъ, тебѣ вотъ что скажу: для Русской земли и для Христіанъ, ступай въ свои Переяславль и въ Курскъ, съ сыновьями, а тамъ у тебя еще Ростовъ Великій, Ольговичей отпусти домой, тогда и станемъ рядиться, а крови Христіанской не будемъ проливать; если же хочешь пойти по своему замыслу, то этой Пречистой Госпожѣ съ сыномъ своимъ и Богомъ нашимъ судить насъ въ этотъ вѣкъ и въ будущій». Говоря эти слова, Вячеславъ показывалъ на образъ Богородицы, висѣвшій на Золотыхъ воротахъ. Юрій, недавши на это никакого отвѣта, на другой день явился съ войскомъ у Кіева и сталъ по ту сторону Лыбеди. Начали перестрѣливаться объ рѣку, и перестрѣливались до вечера, а нѣкоторые изъ войска Юрьева переѣхали Лыбедь; Андрей Юрьичь и здѣсь, какъ прежде у Луцка, занесся впередъ и проскакалъ почти до самыхъ непріятельскихъ полковъ; одинъ Половецъ схватилъ подъ нимъ коня и воротилъ назадъ, браня своихъ, за чѣмъ всѣ отстали отъ Князя. Изяславъ видя, что непріятельскіе отряды переѣзжаютъ Лыбедь, велѣлъ ударить на нихъ выборной изъ всѣхъ полковъ дружинѣ, которая и вмяла непріятеля въ рѣку, гдѣ онъ потерялъ много убитыми и взятыми въ плѣнъ; между прочими убили и Савенча Боняковича, дикаго Половчина, который хвастался: «хочу ударить мечемъ въ Золотыя ворота, какъ отецъ мой въ нихъ ударилъ»; послѣ этого ни одинъ человѣкъ уже не переѣзжалъ больше чрезъ Лыбедь, и Юрій, оборотя полки, пошелъ прочь: дали ему вѣсть, что сватъ его Владимірко идетъ къ нему на помощь изъ Галича; такъ онъ и пошелъ къ нему на встрѣчу. Мстиславичи подъѣхали къ дядѣ Вячеславу и сказали: «они прочь поѣхали, пойдемъ за ними;» но Вячеславъ удержалъ ихъ:» это уже начало намъ Божіей помощи, говорилъ онъ; они сюда пріѣхали и ничего неуспѣли сдѣлать, только стыда добыли; а вамъ нечего спѣшить; Богъ дастъ выступимъ вечеромъ, а пожалуй даже и завтра, подумавши.» Тогда Изяславъ обратился къ Борису Городенскому и сказалъ ему: «Они вѣрно пойдутъ къ Бѣлгороду, ступайка, братъ, туда же боромъ; и Борисъ отправился.

Юрій въ самомъ дѣлѣ подошелъ къ Бѣлгороду, и послалъ сказать гражданамъ: «вы мои люди, отворите мнѣ городъ.» Бѣлгородцы отвѣчали: «А Кіевъ тебѣ развѣ отворилъ ворота? наши Князья Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ?» Услыхавъ такой отвѣтъ, Юрій пошелъ дальше, а между тѣмъ Мстиславичи съ дядею Вячеславомъ выступили за нимъ изъ Кіева, чтобъ предупредить соединеніе его съ Владимиркомъ; равнодушіе Кіевлянъ или нежеланіе ихъ поднимать руки на Мономаховичей прошли; они сказали Мстиславичамъ: «пусть идутъ всѣ, кто можетъ хоть что-нибудь взять въ руки; а кто не пойдетъ, выдай намъ того, мы его сами побьемъ:» — такая ревность служитъ знакомъ сильнаго нерасположенія къ Юрію. Всѣ пошли съ радостью по своимъ Князьямъ, говоритъ лѣтописецъ, на коняхъ и пѣши, многое множество. На дорогѣ Изяславъ получилъ вѣсть отъ сына Мстислава, который прислалъ сказать ему: «король, твой зять, отпустилъ къ тебѣ помощь, какой прежде не бывало, многое множество; я уже съ ними прошелъ горы; если мы будемъ тебѣ скоро надобны, то дай знать, мы скорѣе пойдемъ.» Изяславъ велѣлъ отвѣчать ему: «мы уже идемъ на судъ Божій, а вы намъ всегда нужны; ступайте, какъ можно скорѣе.» У рѣки Рута настигли Мстиславичи Юрія; мирные переговоры, начатые было снова, остались тщетными, потому что Ольговичи и Половцы не дали мириться: понятно, что тѣ и другіе много теряли съ примиреніемъ всѣхъ Мономаховичей. Юрію не хотѣлось вступить въ битву до прихода Владимиркова: та же самая причина заставляла Изяслава какъ можно скорѣе начать сраженіе. Когда всѣ уже были готовы, вдругъ мгла покрыла все поле, такъ что можно было видѣть только до конца копья, потомъ пошелъ дождь, къ полудню туманъ разсѣялся, и враги увидали, что озеро раздѣляетъ ихъ; Юрій отступилъ, перешелъ рѣчку Малый Рутецъ, и остановился на ночь; Мстиславичи съ дядею не отставали отъ него, и остановились ночевать на перелетъ стрѣлы отъ непріятельскихъ шатровъ. На другой день на зарѣ въ станѣ у Юрія ударили въ бубны, затрубили въ трубы, полки стали готовиться къ бою; скоро тѣже звуки раздались и въ станѣ Мстиславичей. Выстроивши полки, Юрій съ сыновьями и союзниками пошелъ на верхъ

Рутца, Мстиславичи также двинулись против него; но Юрій, дошедши до верховьевъ Рутца, поворотилъ полки и пошелъ къ Большому Руту: онъ не хотѣлъ биться, но хотѣлъ зайти за Рутъ, и тамъ дожидаться Владимірка; Мстиславичи, увидавъ его отступленіе, послали въ слѣдъ за нимъ стрѣльцовъ своихъ, Черныхъ Клобуковъ и Русь, которые начали наѣзжать на заднiе отряды, стрѣляться съ ними и отнимать возы. Тогда Юрій, видя, что непріятель не дастъ ему перейти за Рутъ, принужденъ былъ остановиться и вступить въ битву. Сынъ его Андрей, какъ старшій между братьями (Ростиславъ умеръ въ 1150 году въ Переяславлѣ), началъ рядить отцовскіе полки; на другой сторонѣ Мстиславичи подъѣхали къ дядѣ Вячеславу, и сказали ему: «ты много хотѣлъ добра, но братъ твой не согласился; теперь, батюшка, хотимъ головы сложить за тебя, или честь твою найти.» Вячеславъ отвѣчалъ имъ: «Братья и сыновья! отъ роду неохотникъ былъ я до кровопролитія; братъ мой довелъ до того, что вотъ стоимъ на этомъ мѣстѣ, Богъ насъ разсудитъ.» Племянники поклонились ему, и поѣхали въ свои полки; Изяславъ разослалъ повѣстить по всѣмъ войскамъ: «смотрите на мой полкъ, какъ онъ пойдетъ, такъ и вы всѣ ступайте.» Когда только съ обѣихъ сторонъ начали сходиться на битву, Андрей Юрьевичь, схвативъ копье, поѣхалъ на переди и прежде всѣхъ столкнулся съ непріятелями; копье его было изломано, щитъ оторванъ, шлемъ спалъ съ головы, конь, раненный въ ноздри, началъ соваться подъ нимъ въ разныя стороны; съ противной стороны тоже самое сдѣлалъ Изяславъ Мстиславичь и подвергся тойже опасности: онъ въѣхалъ прежде всѣхъ въ непріятельскіе полки, изломалъ копье, получилъ рану въ руку и въ стегно, и слетѣлъ съ павшаго коня. Послѣ общей схватки и злой сѣчи войска Мстиславичей побѣдили; степные союзники Юрьевы, Половцы любили пускать тучи стрѣлъ издали, и мало приносили пользы въ схваткахъ: не вынувши инодной стрѣлы изъ колчановъ, они пустились бѣжать первые, за ними Ольговичи, а за Ольговичами побѣжалъ и Юрій съ дѣтьми; много дружины ихъ было побито, взято въ плѣнъ, потонуло въ топкомъ Рутѣ; въ числѣ убитыхъ былъ Владиміръ Давыдовичь, Князь Черниговскій, въ числѣ плѣнныхъ много Князей Половецкихъ. Когда побѣдители воз-

вратились съ погони на поле битвы, то изъ кучи раненыхъ одинъ началъ привставать; толпа пѣшихъ Кіевлянъ подбѣжала къ нему и хотѣла убить, какъ вдругъ онъ сказалъ: «я Князь!» ну такъ тебя-то намъ и надобно, отвѣчалъ одинъ изъ Кіевлянъ, думая, что это Юрьевичь или Ольговичь, и началъ сѣчь его мечемъ по шлему; тогда раненый сказалъ: «я Изяславъ, Князь вашъ,» и снялъ шлемъ: Кіевляне узнали его, схватили съ радостію на руки, какъ царя и князя своего, по выраженію лѣтописца, и воскликнули: «Киріеелейсонъ!» И во всѣхъ полкахъ была большая радость, когда при побѣдѣ узнали еще, что и Князь живъ. Мстиславичь былъ очень слабъ, изшелъ кровію; но услыша, что Изяславъ Давыдовичь плачется надъ братомъ своимъ Владиміромъ, собралъ силы, сѣлъ на коня и поѣхалъ туда поплакать вмѣстѣ; долго плакавши, онъ сказалъ Давыдовичу: «уже намъ его не воскресить; такъ взявши тѣло, поѣзжайка лучше въ Черниговъ, я тебѣ помощь дамъ.» Мстиславичи отпустили съ нимъ Романа, сына Ростиславова съ дружиною; до вечера Давыдовичь съ Романомъ были уже въ Вышгородѣ, въ ночь перевезлись чрезъ Днѣпръ, а утромъ на другой день пріѣхали въ Черниговъ, гдѣ Изяславъ, похоронивши брата, сѣлъ на столѣ. Между тѣмъ Юрій съ сыновьями переѣхалъ Днѣпръ у Треполя и остановился въ Переяславлѣ, Половцы ушли въ степи, а Ольговичи переправились за Днѣпръ выше Заруба и бѣжали въ Городецъ. Святославъ Ольговичь былъ очень толстъ, сильно усталъ; потому, пріѣхавши въ Городецъ, не могъ уже ѣхать дальше, и отправилъ къ Чернигову одного племянника, Святослава Всеволодича; тотъ, пріѣхавши къ перевозу на Десну, узналъ, что Изяславъ Давыдовичь уже въ Черниговѣ, и поскакалъ тотчасъже назадъ, пославъ сказать дядѣ, чтобъ ѣхалъ въ Новгородъ Сѣверскій, а Черниговъ уже занятъ. Съ другой стороны Владимірко Галицкій шелъ къ свату своему Юрію на помощь, но узнавши на дорогѣ, что Юрій разбитъ, поспѣшно пошелъ назадъ. Такъ Мстиславичамъ нечего было бояться съ запада, и они съ торжествомъ вступили съ дядею въ Кіевъ, гдѣ начали жить очень весело и очень дружно.

Но дядя Юрій все сидѣлъ въ Переяславлѣ; Изяславу нельзя было позволить ему оставаться въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ,

и онъ съ дядею Вячеславомъ сталъ сбираться на него, а брата Ростислава отпустилъ въ Смоленскъ. Въ это время пришла къ нему непріятная новость съ запада: Владимірко Галицкій, возвращаясь домой, узналъ, что Мстиславъ Изяславичь ведетъ отрядъ Венгровъ на помощь отцу своему, и рѣшился напасть на него. Мстиславъ, ничего незная, сталъ у Сапогиня близъ Дорогобужа, откуда Владиміръ Андреевичь (посаженный здѣсь, какъ видно Владимірко́мъ[270]) прислалъ къ нему много вина, и велѣлъ сказать, что Владимірко идетъ на него; Мстиславъ сталъ пить съ Венграми, и во время пира объявилъ имъ о приближеніи Галицкаго Князя; пьяные Венгры отвѣчали: «пусть его приходитъ! мы съ нимъ побьемся.» Въ полночь, когда все улеглось въ станѣ, сторожа прибѣжали къ Мстиславу съ вѣстію, что идетъ Владимірко. Мстиславъ съ дружиною сѣли на коней, и начали будить Венгровъ, но тѣ послѣ попойки лежали какъ мертвые, нельзя было никакъ ихъ добудиться; на разсвѣтѣ Владимірко напалъ на станъ и перебилъ почти всѣхъ Венгровъ, немного только взялъ въ плѣнъ, а Мстиславъ съ дружиною убѣжалъ въ Луцкъ. Когда Изяславъ въ Кіевѣ получилъ вѣсть, что сынъ его побѣжденъ, и Венгры перебиты, то сказалъ поговорку, которую лѣтописецъ и прежде слыхалъ отъ него: «Не идетъ мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣсту; но далъ бы только Богъ здоровье мнѣ и королю; а Владимірку будетъ месть.» Но прежде надобно было раздѣлаться съ Юріемъ, и Вячеславъ съ племянниками—Изяславомъ и Святополкомъ и съ Берендѣями пошли къ Переяславлю, бились здѣсь два дня, на третій пѣхота ворвалась въ городъ и зажгла предмѣстья. Тогда Вячеславъ съ Изяславомъ послали сказать Юрію: «Кланяемся тебѣ; иди въ Суздаль, а сына посади здѣсь въ Переяславлѣ, съ тобою не можемъ быть здѣсь, приведешь на насъ опять Половцевъ.» Юрій въ это время не могъ ждать скоро ни откуда помощи, хотя пересылался и съ Владимірко́мъ и съ Половцами: изъ дружины его одни были убиты, другіе взяты въ плѣнъ; и потому онъ послалъ сказать брату и племяннику: «пойду въ Городокъ, и побывъ тамъ, пойду въ Суздаль;» тѣ велѣли отвѣчать ему, что можетъ оставаться въ Городкѣ мѣсяцъ, а потомъ чтобъ шелъ въ Суздаль; если же не пойдетъ, то они осадятъ его въ Городкѣ точно также, какъ те-

перь въ Переяславлѣ. Юрію было нечего дѣлать, неволею цѣловалъ крестъ съ сыновьями, что пойдетъ черезъ мѣсяцъ въ Суздаль, и не будетъ искать Кіева подъ Вячеславомъ и Изяславомъ; долженъ былъ также отказаться отъ союза съ Святославомъ Ольговичемъ, и не могъ включить его въ договоръ. Оставивъ въ Переяславлѣ сына Глѣба, онъ пошелъ въ Городокъ, а старшій сынъ его Андрей отпросился идти напередъ въ Суздаль: «намъ здѣсь, батюшка, говорилъ онъ, нечего больше дѣлать, уйдемъ за тепло.» Святославъ Ольговичь, слыша, что Юрій уладился съ братомъ и племянникомъ, послалъ въ Черниговъ къ Изяславу Давыдовичу сказать ему отъ своего имени и отъ имени племянника Святослава Всеволодича: «Братъ! миръ стоитъ до рати, и рать до мира; вѣдь мы тебѣ братья, прими насъ къ себѣ; отчины у насъ двѣ: одна моего отца Олега, а другая твоего отца Давыда,—ты Давыдовичь, а я Ольговичь; такъ ты, братъ, возьми отцовское Давыдовское, а что Ольгово, то отдай намъ, мы тѣмъ и подѣлимся.» Изяславъ поступилъ по-христіански, говоритъ лѣтописецъ, принялъ братьевъ и отчину имъ отдалъ, но, какъ видно, съ условіемъ, отстать отъ Юрія и быть вмѣстѣ съ Мстиславичами. Юрій не могъ разстаться съ Русскою землею, нарушилъ клятву, пробылъ въ Городкѣ болѣе мѣсяца; но Изяславъ хотѣлъ сдержать свое слово, и явился осаждать его въ Городкѣ съ Берендѣями, Изяславомъ Давыдовичемъ Черниговскимъ, Святославомъ Всеволодовичемъ и вспомогательнымъ отрядомъ Святослава Ольговича; послѣдній не пошелъ однако самъ противъ своего стараго союзника. Юрій затворился въ Городкѣ и долго отбивался; наконецъ стало ему тяжко, помощи не было ни откуда; онъ долженъ былъ цѣловать крестъ, что пойдетъ въ Суздаль, и на этотъ разъ дѣйствительно пошелъ, оставивъ въ Городкѣ сына Глѣба: Переяславль, какъ видно, былъ у него отнятъ за прежнее нарушеніе клятвы; Изяславъ посадилъ въ немъ послѣ сына своего Мстислава. Юрій пошелъ въ Суздаль на Новгородъ Сѣверскій, заѣхалъ къ старому пріятелю Святославу Ольговичу, принятъ былъ отъ него съ честію, и получилъ все нужное для дороги.

Быть можетъ это пріятельское свиданіе Юрія съ Ольговичемъ было одною изъ причинъ, заставившихъ Изяслава Мсти-

славича съѣхаться въ 1152 году съ Изяславомъ Давыдовичемъ Черниговскимъ и Святославомъ Всеволодичемъ. На этомъ съѣздѣ рѣшено было избавиться отъ опаснаго притона[271], который былъ у Юрія на Руси между Черниговскою и Переяславскою волостію, въ слѣдствіе чего Князья разрушили Городокъ и сожгли его вмѣстѣ съ Михайловскою церковію. Услыхавъ объ этомъ, Юрій вздохнулъ отъ сердца, по выраженію лѣтописца, и началъ собирать войско; пришелъ къ нему Рязанскій Князь Ростиславъ Ярославичь съ братьею, съ полками Рязанскими и Муромскими; соединился съ нимъ и Святославъ Ольговичь Сѣверскій; наконецъ пришло множество Половцевъ, всѣ орды, что между Волгою и Дономъ; Юрій сказалъ: «Они мой Городецъ пожгли и церковь, такъ я имъ отожгу за это,» и пошелъ прямо къ Чернигову. Между тѣмъ, услыхавъ о дядиномъ походѣ, Изяславъ Мстиславичь послалъ сказать брату Ростиславу въ Смоленскъ: «Тамъ у тебя Новгородъ сильный и Смоленскъ: собравшись, постереги свою землю; если Юрій пойдетъ на тебя, то я къ тебѣ пойду, а если минуетъ твою волость, то приходи ты сюда ко мнѣ.» Когда Ростиславъ узналъ, что дядя миновалъ Смоленскую область и пошелъ прямо на Черниговъ, то отправился немедленно и самъ туда же, опередилъ Юрія, и вмѣстѣ съ Святославомъ Всеволодичемъ затворился въ Черниговѣ, къ которому скоро явились Юрьевы Половцы, и стали жечь окрестности. Осажденные Князья, видя множество Половцевъ, велѣли жителямъ всѣмъ перебраться въ ночь изъ острога въ кремль (дѣтинецъ); а на другое утро подошли къ городу Юрій и Святославъ Ольговичь со всѣми своими полками; Половцы бросились къ городу, разломали острогъ, зажгли всѣ предмѣстія и начали биться съ Черниговцами, которые держались крѣпко. Видя это, осаждающіе Князья стали думать: «не крѣпко станутъ биться дружина и Половцы, если не поѣдемъ съ ними сами;» Андрей Юрьичь, по обычаю своему, вызвался первый идти впередъ: «я начну день свой,» сказалъ онъ, взялъ дружину, поѣхалъ подъ городъ, ударилъ на осажденныхъ, которые вздумали сдѣлать вылазку, и втопталъ ихъ въ городъ; другіе Князья, ободренные примѣромъ Андрея, также стали ѣздить подлѣ города, и напуганные Черниговцы уже несмѣли болѣе дѣлать вылазокъ. Уже 12 дней стоялъ Юрій подъ Черниговомъ,

какъ пришла къ нему вѣсть о приближеніи Изяслава Мстиславича съ дядею Вячеславомъ; Половцы, храбрые когда надобно было жечь Черниговскія предмѣстія и стрѣляться издали съ осажденными, теперь первые струсили, и начали отъѣзжать прочь. Юрій и Ольговичь, видя бѣгство Половцевъ, принуждены были также отступить отъ Чернигова; Юрій пошелъ на Новгородъ Сѣверскій, оттуда къ Рыльску, изъ Рыльска хотѣлъ идти уже въ Суздаль, какъ былъ остановленъ Святославомъ Ольговичемъ: «Ты хочешь идти прочь, говорилъ ему Святославъ, а меня оставить, погубивши мою волость, потравивши Половцами весь хлѣбъ; Половцы теперь ушли, а за ними въ слѣдъ явится Изяславъ, и погубитъ остальную мою волость за союзъ съ тобою». Юрій обѣщался оставить ему помощь, и оставилъ сына Василька съ 50 человѣкъ дружины! Ольговичь не обманулся въ своихъ опасеніяхъ: Изяславъ Мстиславичь стоялъ уже на рѣкѣ Альтѣ со всѣми своими силами; отпустивши старика Вячеслава въ Кіевъ, а сына Мстислава съ Черными Клобуками на Половцевъ, вѣроятно для того, чтобъ отвлечь ихъ отъ поданія помощи Сѣверскому Князю, Изяславъ самъ отправился къ Новгороду Сѣверскому, гдѣ соединились съ нимъ Изяславъ Давыдовичь, Святославъ Всеволодовичь и Романъ, сынъ Ростислава Смоленскаго. Когда острогъ былъ взятъ и осажденные вбиты въ крѣпость, то на третій день послѣ осады Святославъ Ольговичь прислалъ къ Изяславу съ поклономъ и съ просьбою о мирѣ; Изяславъ сначала не хотѣлъ слушать его просьбы, но потомъ раздумавъ, что время уже подходитъ къ веснѣ, помирился[272], и пошелъ назадъ къ Чернигову, гдѣ получилъ вѣсть отъ сына Мстислава, что тотъ разбилъ Половцевъ на рѣкахъ Углѣ и Самарѣ, самихъ прогналъ, вежи ихъ, лошадей, скотъ побралъ, и множество душъ христіанскихъ избавилъ изъ неволи и отпустилъ по домамъ. Послѣ этого, въ 1154 г., Юрій еще разъ собрался на Русскую землю, и опять неудачно: на дорогѣ открылся въ его войскѣ сильный конскій падежъ; пришедши въ землю Вятичей, онъ остановился, не доходя Козельска; здѣсь пришли къ нему Половцы; онъ подумалъ, и, отпустивъ сына Глѣба къ Половцамъ въ степь, самъ возвратился въ Суздаль. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Юрій принужденъ былъ

къ возвращенію тѣмъ, что Половцевъ пришло гораздо меньше, чѣмъ сколько онъ ожидалъ, и вотъ онъ отправилъ сына Глѣба въ степи для найма еще другихъ варваровъ[273].

Такъ кончилась борьба Юрія съ Изяславомъ. Мы видѣли, что въ этой борьбѣ главнымъ союзникомъ Ростовскаго Князя на востокѣ былъ Святославъ Ольговичь, который теперь долженъ былъ принять миръ на всей волѣ Изяславовой; но еще болѣе дѣятельнаго союзника имѣлъ Юрій на западѣ въ сватѣ своемъ, Князѣ Галицкомъ Владимірке: на этого Изяславъ долженъ былъ еще болѣе сердиться, чѣмъ на Ольговича; мы видѣли, какъ онъ обѣщался отомстить ему за пораженіе Венгровъ. Еще въ 1151 году, сбираясь выгнать Юрія изъ Городка, Изяславъ послалъ сказать Королю Венгерскому: «Владиміръ Галицкій дружину мою и твою избилъ; такъ теперь, братъ, тебѣ надобно подумать объ этомъ, не дай Богъ намъ этого такъ оставить, дай Богъ намъ отомстить за дружину; собирайся, братъ, у себя, а я здѣсь, и какъ намъ съ нимъ Богъ дастъ». Король отвѣчалъ, что онъ уже собирается; но Изяславъ боялся, чтобъ сборы не были долги, и послалъ сына Мстислава въ Венгрію торопить зятя; Гейза назначилъ срокъ, когда сбираться, и послалъ сказать Изяславу: «Я уже сажусь на коня, и сына твоего Мстислава беру съ собою; садись и ты на коня». Изяславъ тотчасъ собралъ дружину, взялъ съ собою весь полкъ Вячеславовъ, всѣхъ Черныхъ Клобуковъ, лучшихъ Кіевлянъ, всю Русскую дружину, и пошелъ на Галичь; на дорогѣ у Дорогобужа соединился съ нимъ родной братъ Владиміръ, у Пересопницы двоюродный Владиміръ Андреевичь и другой родной Святополкъ изъ Владимира[274]; Изяславъ велѣлъ Святополку оставаться въ своемъ городѣ, и, взявъ его полкъ, пошелъ далѣе. Перешедши рѣку Санъ, онъ встрѣтилъ королевскаго посла, который пріѣхалъ съ сотнею ратныхъ и сказалъ Изяславу: «Зять твой Король тебѣ кланяется и велѣлъ сказать, что онъ уже пятый день дожидается тебя, ступай скорѣе». Изяславъ пошелъ немедленно впередъ, и на другой день послѣ обѣда подошелъ къ Венгерскому стану, расположенному за Ярославлемъ. Король съ дружиною выѣхалъ къ нему навстрѣчу; они обнялись, говоритъ лѣтописецъ, съ великою любовію и съ ве-

ликою честію, и, вошедши въ королевскій шатеръ, стали думать, какъ бы на другой день рано ѣхать биться къ рѣкѣ Сану. На разсвѣтѣ Король ударилъ въ бубны, выстроилъ полки и послалъ сказать Изяславу: «Ступай съ своими полками подлѣ моего полку; гдѣ я стану, тамъ и ты становись, чтобъ намъ вмѣстѣ можно было обо всемъ думать». Союзники пришли къ Сану ниже Перемышля; на противоположномъ берегу уже стоялъ Владимірко, но скоро долженъ былъ отодвинуться дальше отъ натиска Венгровъ; передъ началомъ битвы Изяславъ сказалъ своей дружинѣ: «Братья и дружина! Богъ никогда Русской земли и русскихъ сыновъ въ безчестьи не оставлялъ; вездѣ они честь свою брали; теперь, братья, поревнуемъ тому, дай намъ Богъ въ этихъ земляхъ и передъ чужими народами честь свою взять». Сказавши это, Изяславъ бросился со всѣми своими полками въ бродъ; Венгры, видя, что Русскіе уже переправляются, бросились также въ бродъ, съ разныхъ сторонъ въѣхали въ полки Галицкіе и обратили ихъ въ бѣгство; самъ Владимірко, убѣгая отъ Венгровъ, попался было къ Чернымъ Клобукамъ, и едва самъ-другъ успѣлъ скрыться въ Перемышлѣ; этотъ городъ былъ бы тогда непремѣнно взятъ, потому что некому было отстаивать его, но къ счастію для Владимірка, за городомъ на лугу находился княжій дворъ, гдѣ было много всякаго добра: туда ринулось все войско, а о городѣ позабыли. Владимірко между тѣмъ видя бѣду, сталъ посылать къ Королю, просить мира; ночью послалъ, по старому обычаю, къ архіепископу и къ воеводамъ королевскимъ, притворился, что жестоко раненъ, лежитъ при смерти, и потому велѣлъ сказать имъ: «Просите за меня короля, я жестоко раненъ, каюсь предъ нимъ, что тогда огорчилъ его, перебивши Венгровъ, и что теперь опять сталъ противъ него; Богъ грѣхи отпускаетъ, пусть и Король проститъ меня, и не выдаетъ Изяславу, потому что я очень болѣнъ; если меня Богъ возьметъ, то отдаю королю сына моего на руки, я королеву отцу много послужилъ своимъ копьемъ и своими полками, за его обиду и съ Ляхами бился, пусть Король припомнитъ это и проститъ меня.» Много даровъ, золота, серебра, сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ, платья выслалъ Владимірко архіепископу и вельможамъ Венгерскимъ, чтобъ просили Короля

не губить его, не исполнять желаніе королевы, сестры Изяславовой. На другой день Гейза съѣхался съ Изяславомъ и сказалъ ему: «Батюшка! кланяюсь тебѣ: Владиміръ присылалъ ко мнѣ, молится и кланяется, говоритъ, что сильно раненъ и не останется живъ; что ты скажешь на это?» Изяславъ отвѣчалъ: «Если Владиміръ умретъ, то это Богъ убилъ его за клятвопреступленіе намъ обоимъ; исполнилъ ли онъ тебѣ хотя что нибудь изъ того, что̀ обѣщалъ? мало того, опозорилъ насъ обоихъ; такъ какъ ему теперь вѣрить? два раза онъ нарушалъ клятву; а теперь самъ Богъ отдалъ намъ его въ руки, такъ возьмемъ его вмѣстѣ съ волостью.» Особенно говорилъ противъ Владимірка и выставлялъ всѣ вины его Мстиславъ Изяславичь, который былъ сердитъ на Галицкаго Князя за Дорогобужское дѣло. Но король непослушался ихъ, потому что былъ уже уговоренъ архіепископомъ и вельможами, подкупленными Владиміркомъ; онъ отвѣчалъ Изяславу: «Не могу его убить, онъ молится и кланяется, и въ винѣ своей прощенья проситъ; но если теперь, поцѣловавъ крестъ, нарушитъ еще разъ клятву, тогда уже либо я буду въ Венгерской землѣ, либо онъ въ Галицкой.» Владимірко прислалъ и къ Изяславу съ просьбою: «Братъ! кланяюсь тебѣ и во всемъ каюсь, во всемъ я виноватъ; а теперь, братъ, прими меня къ себѣ и прости, да и Короля понудь, чтобъ меня принялъ; а мнѣ дай Богъ съ тобою быть.» Изяславъ самъ по себѣ не хотѣлъ и слышать о мирѣ; но одному ему нельзя было противиться королю и его вельможамъ; поневолѣ долженъ былъ начать переговоры: король требовалъ отъ Владимірка клятвы въ томъ, что онъ возвратитъ всѣ захваченные имъ Русскіе города Изяславу, и будетъ всегда въ союзѣ съ послѣднимъ, при всякихъ обстоятельствахъ, счастливыхъ или несчастныхъ; когда король хотѣлъ послать бояръ своихъ къ Владимірку съ крестомъ, который тотъ долженъ былъ поцѣловать, то Изяславъ говорилъ, что не для чего заставлять цѣловать крестъ человѣка, который играетъ клятвами; на это король отвѣчалъ: «Это самый тотъ крестъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ Богъ нашъ; Богу угодно было, чтобъ онъ достался предку моему Св. Стефану; если Владимірко поцѣлуетъ этотъ крестъ, нарушитъ клятву и останется живъ, то я тебѣ, ба-

тюшка, говорю, что либо голову свою сложу, либо добуду Галицкую землю; а теперь не могу его убить.» Изяславъ согласился, но сынъ его Мстиславъ сказалъ: «вы поступаете какъ должно по христіански, честному кресту вѣрите и съ Владимірковъ миритесь; но я вамъ передъ этимъ честнымъ крестомъ скажу, что онъ непремѣнно нарушитъ свою клятву; тогда ты, король, своего слова не забудь, и приходи опять съ полками къ Галичу;» король отвѣчалъ: «ну право же тебѣ говорю, что если Владимірко нарушитъ клятву, то какъ до сихъ поръ отецъ мой Изяславъ звалъ меня на помощь, такъ тогда уже я позову его къ себѣ на помощь.» Владимірко цѣловалъ крестъ, что исполнитъ королевскія требованія; цѣловалъ онъ крестъ лежа, показывая видъ, что изнемогъ отъ ранъ, тогда какъ ранъ на немъ никакихъ не было.

Простившись съ королемъ, Изяславъ пошелъ назадъ въ Рускую землю, и когда былъ во Владимирѣ, то послалъ посадниковъ[275] своихъ въ города, которые Владимірко обѣщалъ ему возвратить; но посадники пришли назадъ: Владимірко не пустилъ ихъ ни въ одинъ городъ. Изяславъ продолжалъ путь въ Кіевъ, только послалъ сказать королю: «ни тебѣ, ни мнѣ теперь уже не ворочаться назадъ, я только объявляю тебѣ, что Владимірко нарушилъ клятву; такъ не забудь своего слова.» Владимірко спѣшилъ нарушить и другое условіе мира: узнавъ, что сватъ его Юрій идетъ на племянника, онъ также выступилъ противъ Изяслава, но возвратился, когда дали ему вѣсть, что тотъ идетъ къ нему на встрѣчу. Управившись съ дядею, Изяславъ послалъ въ Галичь боярина своего Петра Бориславича, который былъ свидѣтелемъ клятвы Владимірковой предъ крестомъ Св. Стефана. Петръ долженъ былъ сказать Галицкому Князю отъ имени Изяслава: «ты намъ съ королемъ крестъ цѣловалъ, что возвратишь Русскіе города, и не возвратилъ; теперь я всего того не поминаю, но если хочешь исполнить свое крестное цѣлованіе и быть съ нами въ мирѣ, то отдай мнѣ города мои; а не хочешь отдать, то клятву свою ты нарушилъ, и мы съ королемъ будемъ перевѣдываться съ тобою, какъ намъ Богъ дастъ.» Владимірко отвѣчалъ на это послу: «скажи отъ меня Изяславу вотъ что: «ты нечаянно напалъ на меня самъ и

короля навелъ; такъ если буду живъ, то либо голову свою сложу, либо отомщу тебѣ за себя.» Петръ сказалъ ему на это: «Князь! вѣдь ты крестъ цѣловалъ Изяславу и королю, что все исправишь и будешь съ ними въ союзѣ; такъ ты нарушилъ крестное цѣлованіе.» Владимірко отвѣчалъ: «Вотъ еще: что мнѣ этотъ маленькій крестикъ!»—«Князь! возразилъ ему Кіевскій бояринъ: хотя крестъ и малъ, да сила его велика на небеси и на землѣ; вѣдь тебѣ король объявлялъ, что это самый тотъ крестъ, на которомъ Христосъ былъ распятъ: да и то было тебѣ говорено, что если поцѣловавъ этотъ крестъ, ты слова своего не сдержишь, то живъ не останешься; слышалъ ли ты обо всемъ этомъ отъ королевскаго посла?» Владимірко отвѣчалъ: «Да, помню, досыта вы тогда наговорились; а теперь ступай вонъ, поѣзжай назадъ къ своему Князю.» Петръ, положивъ предъ нимъ крестныя грамоты, пошелъ вонъ, и когда собрался ѣхать, то не дали ему ни повозки, ни корма, такъ что онъ принужденъ былъ отправиться на своихъ лошадяхъ. Петръ съѣзжалъ съ княжаго двора, а Владимірко шелъ въ то время въ церковь къ вечернѣ, и видя, что Петръ уѣзжаетъ, сталъ смѣяться надъ нимъ: «смотритека, Русскій-то бояринъ поѣхалъ, побравши всѣ волости!» Когда вечерня отошла, и Владимірко, возвращаясь изъ церкви, дошелъ до того самаго мѣста, гдѣ смѣялся надъ Петромъ, то вдругъ сказалъ: «что это какъ будто кто меня ударилъ по плечу!» и не могъ двинуть больше ногами: еслибъ не подхватили его, то упалъ бы съ лѣстницы; понесли его въ горенку, положили въ укропъ; къ вечеру стало ему хуже, а къ ночи умеръ. Между тѣмъ Петръ Бориславичь, выѣхавши изъ Галича, остановился ночевать въ селѣ Большовѣ[276]: вдругъ на разсвѣтѣ скачетъ къ нему гонецъ изъ Галича: «Князь не велѣлъ тебѣ ѣхать дальше, дожидайся пока пришлетъ за тобою.» Петръ, ничего не зная о Владимірковой смерти, сталъ тужить, что ему надобно ѣхать назадъ въ городъ и вѣрно придется вытерпѣть тамъ разныя притѣсненія; и точно еще до обѣда прискакалъ къ нему новый гонецъ съ приказомъ отъ Князя ѣхать въ городъ; Петръ отправился, и когда въѣхалъ на княжій дворъ, то къ нему на встрѣчу вышли изъ сѣней слуги княжіе всѣ въ черномъ; онъ удивился—что бы это такое значи-

ло? вошелъ на сѣни, смотритъ — на княжомъ мѣстѣ сидитъ сынъ Владимірковъ Ярославъ въ черномъ платьѣ и въ черной шапкѣ, также и всѣ бояре въ черномъ. Петру поставили стулъ, и когда онъ сѣлъ, то Ярославъ, взглянувши на него, залился слезами. Петръ сидѣлъ въ недоумѣніи, смотря на всѣ стороны, наконецъ спросилъ: да что же это такое значитъ? тутъ ему объявили, что ночью Князь умеръ.» Какъ умеръ? возразилъ Петръ: когда я поѣхалъ, онъ былъ совсѣмъ здоровъ!» Ему отвѣчали, что былъ здоровъ, да вдругъ схватился за плечо, началъ съ того изнемогать и умеръ. «Воля Божія», сказалъ на это Петръ, намъ всѣмъ тамъ быть.» Тогда Ярославъ началъ говорить Петру: «Мы позвали тебя для того, что вотъ Богъ сотворилъ волю свою; поѣзжай ты теперь къ отцу моему Изяславу, поклонись ему отъ меня и скажи: Богъ взялъ моего отца, такъ ты будь мнѣ вмѣсто него, ты съ покойникомъ самъ вѣдался, что тамъ между васъ было, уже Богъ разсудилъ васъ; Богъ отца моего къ себѣ взялъ, а меня оставилъ на его мѣсто, полкъ и дружина его у меня, только одно копье поставлено у его гроба, да и то въ моихъ рукахъ; теперь кланяюсь тебѣ, батюшка! прими меня какъ сына своего Мстислава, пусть Мстиславъ ѣздитъ подлѣ твоего стремени съ одной стороны, а я буду ѣздить по другой сторонѣ со всѣми своими полками.» Петръ съ этимъ и отправился.

Ярославъ, или по нѣкоторымъ извѣстіямъ[277] бояре его, только манили Изяслава, чтобъ выиграть время, а въ самомъ дѣлѣ и недумали возвращать ему городовъ, захваченныхъ Владимірковъ. Это заставило Кіевскаго Князя пойти въ другой разъ на Галичь (1153 г.); съ нимъ пошли сынъ его Мстиславъ съ Переяславцами, полкъ Изяслава Давыдовича Черниговскаго и всѣ Черные Клобуки; а на дорогѣ присоединились къ нему братья— Владиміръ изъ Дорогобужа, Святополкъ изъ Владимира, Владиміръ Андреичь изъ Бреста[278]. У Теребовля встрѣтился Изяславъ съ полками Ярославовыми, и передъ битвою Галицкіе бояре сказали своему Князю: «Ты, Князь, молодъ, отъѣзжай прочь и смотри на насъ: отецъ твой насъ кормилъ и любилъ, такъ мы хотимъ за честь твоего отца и за твою сложить свои головы; ты у насъ одинъ; если съ тобой что случится, то что

намъ тогда дѣлать? такъ ступайка, Князь, къ городу, а мы станемъ биться съ Изяславомъ, и кто изъ насъ останется живъ, тотъ прибѣжитъ къ тебѣ, и затворится съ тобою въ городѣ.» Злая сѣча продолжалась уже отъ полудня до вечера, когда сдѣлалось въ обѣихъ ратяхъ смятеніе, не видно было, которые побѣдили. Изяславъ гналъ Галичанъ, а братья его бѣжали отъ нихъ; Изяславъ побралъ въ плѣнъ Галицкихъ бояръ, а Галичане Изяславовыхъ. Время шло уже къ ночи, когда Кіевскій Князь остановился съ небольшою дружиною на мѣстѣ боя, и поднялъ Галицкіе стяги; Галичане побѣжали къ нимъ, думая, что тутъ свои, и были перехватаны; но въ ночь Изяславу стало страшно: дружины у него осталось мало, плѣнниковъ было больше чѣмъ дружины, а между тѣмъ изъ Теребовля Ярославъ могъ напасть на него; подумавши, Изяславъ велѣлъ перебить плѣнниковъ, оставя только лучшихъ мужей, и выступилъ назадъ къ Кіеву, потому что братья и дружина его разбѣжалась, не съ кѣмъ было продолжать походъ. Былъ послѣ этого плачь великій по всей землѣ Галицкой, говоритъ лѣтописецъ.

Этимъ печальнымъ походомъ заключилась дѣятельность Изяслава. Въ 1154 году, женившись во второй разъ на царевнѣ Грузинской, Изяславъ схоронилъ брата Святополка, а потомъ скоро самъ занемогъ и умеръ. Лѣтописецъ называетъ его честнымъ, благовѣрнымъ, христолюбивымъ, славнымъ, говоритъ, что плакала по немъ вся Русская земля и всѣ Черные Клобуки, какъ по царѣ и господинѣ своемъ, а больше какъ по отцѣ; причина такой любви народной ясна: при необыкновенной храбрости, (въ которой равнялся съ нимъ, быть можетъ, изъ Князей одинъ Андрей Юрьевичь), не уступая никому перваго мѣста въ битвѣ, гоня враговъ и въ то время, когда полки его бывали разбиты, Изяславъ отличался также искусствомъ, былъ хитеръ на воинскія выдумки; но будучи похожъ на знаменитаго дѣда своего храбростію, отвагою, онъ напоминалъ его также ласковостію къ народу: мы видѣли, какъ онъ обращался съ нимъ въ Кіевѣ, въ Новгородѣ; непріятное правленіе дяди Юрія только оттѣнило добрыя качества Изяслава, заставило смолкнуть всякое нерасположеніе, какое у кого было къ нему, и мы видѣли, какъ ревностно бились за него и граждане и Чер-

ные Клобуки, прежде равнодушные. Поговорка его: «Не идетъ мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣсту,» показываетъ его стремленіе, его положеніе, и, по всѣмъ вѣроятностямъ, служила для него оправданіемъ этихъ стремленій и происшедшей отъ нихъ новизны положенія его: поговорка эта оправдываетъ стремленіе дать личнымъ достоинствамъ силу предъ правомъ старшинства; дѣйствительно Изяславъ въ сравненіи съ своими старшими, дядьями, былъ въ родѣ Мономаховомъ единственною головою, которая шла къ мѣсту. Но мы видѣли, что Изяславъ долженъ былъ уступить; ему неудалось дать преимущества личнымъ достоинствамъ своимъ и даже другому праву своему, праву завоевателя, перваго пріобрѣтателя старшей волости; не смотря на то, что онъ головою добылъ Кіевъ, онъ принужденъ былъ наконецъ признать старшинство и права дяди Вячеслава, котораго голова уже ни какъ не шла къ мѣсту; а преждевременная смерть Изяслава нанесла окончательный ударъ притязаніямъ племянниковъ и Мстиславовой линіи: изъ братьевъ Изяславовыхъ ни одинъ не былъ способенъ замѣнить его; дѣятельнѣе, предпріимчивѣе дядей былъ сынъ его Мстиславъ, но онъ не могъ дѣйствовать одинъ мимо родныхъ дядей и противъ нихъ; его положеніе было одинаково съ положеніемъ отца, только гораздо затруднительнѣе; замѣтимъ еще, что преждевременная смерть отца Изяслава, отказавшагося отъ старшинства въ пользу дяди, въ глазахъ многихъ должна была отнимать у молодаго Мстислава право считаться отчичемъ на столѣ Кіевскомъ.

Старый дядя Вячеславъ плакалъ больше всѣхъ по племянникѣ, за щитомъ котораго онъ только что успокоился: «Сынъ, причиталъ старикъ надъ его гробомъ: это было мое мѣсто; но видно передъ Богомъ ничего не сдѣлаешь!» Въ Кіевѣ всѣ плакали, а на той сторонѣ Днѣпра сильно радовались смерти Изяславовой и не тратили времени. Изяславъ Давыдовичь Черниговскій немедленно поѣхалъ въ Кіевъ, но на перевозѣ у Днѣпра встрѣтилъ его посолъ отъ старика Вячеслава, съ вопросомъ: «За чѣмъ пріѣхалъ, и кто тебя звалъ? ступай назадъ въ свой Черниговъ.» Изяславъ отвѣчалъ: «Я пріѣхалъ плакаться надъ братомъ покойникомъ, я не былъ при его смерти, такъ

позволь теперь хотя на гробѣ его поплакать.» Но Вячеславъ, по совѣту съ Мстиславомъ Изяславичемъ и боярами своими, не пустилъ его въ Кіевъ. Трудно рѣшить, на сколько было справедливо подозрѣніе Мстислава и Кіевскихъ бояръ; для оправданія ихъ мы должны припомнить, что въ 1153 году Изяславъ Давыдовичь имѣлъ съѣздъ съ Святославомъ Ольговичемъ, гдѣ двоюродные братья обѣщали другъ другу стоять за одно. Въ Кіевѣ съ нетерпѣніемъ дожидались пріѣзда Ростислава Мстиславича изъ Смоленска, и между тѣмъ рѣшились разъединить Черниговскихъ, привлекши на свою сторону Святослава Всеволодича, которому легче всего было стать на сторонѣ Мстиславичей и по родству, да и потому, что изъ всѣхъ Черниговскихъ онъ одинъ былъ отчичь относительно старшинства и Кіева. Къ нему-то старикъ Вячеславъ послалъ сказать: «Ты Ростиславу сынъ любимый, также и мнѣ, пріѣзжай сюда, побудь въ Кіевѣ, пока пріѣдетъ Ростиславъ, а тогда всѣ вмѣстѣ урядимся о волостяхъ.» Всеволодичь, не сказавшись дядьямъ своимъ, поѣхалъ въ Кіевъ, и дождался тамъ Ростислава, которому всѣ очень обрадовались, по словамъ лѣтописца, и старикъ Вячеславъ, и вся Русская земля и всѣ Черные Клобуки. Вячеславъ, увидавъ племянника, сказалъ ему: «Сынъ! я уже старъ, всѣхъ рядовъ не могу рядить; даю ихъ тебѣ, какъ братъ твой держалъ и рядилъ; а ты почитай меня, какъ отца и уважай, обходись, какъ братъ твой со мною обходился; вотъ мой полкъ и дружина моя, ты ихъ ряди.» Ростиславъ поклонился и сказалъ: «Очень радъ, господинъ батюшка, почитаю тебя, какъ отца господина, и буду уважать тебя, какъ братъ мой Изяславъ уважалъ тебя и въ твоей волѣ былъ». Кіевляне, посадивши у себя Ростислава, также сказали ему: «Какъ братъ твой Изяславъ обходился съ Вячеславомъ, такъ и ты обходись, а до твоей смерти Кіевъ твой.»

Первымъ дѣломъ Ростислава было урядиться съ сестричичемъ своимъ (племянникомъ отъ сестры), Святославомъ Всеволодичемъ, онъ сказалъ ему: «Даю тебѣ Туровъ и Пинскъ за то, что ты пріѣхалъ къ отцу моему Вячеславу и волости мнѣ сберегъ, за то и надѣляю тебя волостію;» Святославъ принялъ это надѣленіе съ радостію. Нужно было богатою волостію привязать къ себѣ сына Всеволодова, потому что на той сторонѣ

Днѣпра дядья его уже дѣйствовали заодно съ Юріемъ Суздальскимъ; еще до пріѣзда Ростислава въ Кіевъ, они стали пересылаться съ Юріемъ; слѣдствіемъ чего было движеніе сына Юрьева Глѣба со множествомъ Половцевъ на Переяславль: мы видѣли, что этотъ Князь былъ посланъ отцемъ въ кочевья привесть какъ можно болѣе варваровъ. Ростиславъ и Святославъ Всеволодичь выступили къ Днѣпру и стали собирать дружину, какъ пригналъ къ нимъ посолъ отъ Мстислава Изяславича Переяславскаго съ вѣстію, что Половцы уже у города, и стрѣляются съ жителями; тогда Ростиславъ немедленно отрядилъ сына своего Святослава въ Переяславль, куда тотъ и успѣлъ пробраться. На другой день Половцы начали крѣпче приступать къ городу, но когда узнали, что къ Мстиславу пришла подмога, то испугались, и ушли за Сулу. Узнавъ о бѣгствѣ Половцевъ, Ростиславъ, по совѣту съ братьею, рѣшился, не заходя въ Кіевъ, идти прямо на Изяслава Давыдовича Черниговскаго: «Нужно намъ, говорилъ Ростиславъ, предупредить Юрія, либо прогнать его, либо миръ заключить.» Кіевскіе полки и Торки, подъ начальствомъ трехъ Князей—Ростислава, Святослава Всеволодича и Мстислава Изяславича перешли уже Днѣпръ у Вышгорода и хотѣли идти къ Чернигову, какъ вдругъ прискакалъ къ Ростиславу гонецъ изъ Кіева, и объявилъ: «Отецъ твой Вячеславъ умеръ.» «Какъ умеръ?» сказалъ Ростиславъ: «когда мы поѣхали, онъ былъ здоровъ?» Гонецъ отвѣчалъ: «Въ эту ночь пировалъ онъ съ дружиною и пошелъ спать здоровъ, но какъ легъ, такъ больше уже не вставалъ.» Ростиславъ тотчасъ же поскакалъ въ Кіевъ, похоронилъ дядю, роздалъ все имѣніе его духовенству и нищимъ, и поручивъ остальныя дѣла всѣ матери своей, вдовѣ Мстиславовой, отправился опять на ту сторону Днѣпра. Пріѣхавши къ войску, онъ началъ думать съ племянниками и дружиною—идти или нѣтъ на Черниговъ; бояре совѣтовали не ходить: «Дядя твой Вячеславъ умеръ, говорили они, а ты еще съ людьми Кіевскими не утвердился, лучше поѣзжай въ Кіевъ, утвердись тамъ съ людьми, и тогда если дядя Юрій придетъ на тебя, то захочешь помириться съ нимъ, помиришься, а незахочешь, будешь воевать.« Любопытно, что Кіевскіе бояре хотятъ, чтобъ Ростиславъ ѣхалъ въ Кіевъ и урядился съ его жителями,

тогда какъ послѣдніе уже прежде объявили ему, что Кіевъ принадлежитъ ему до самой смерти; притомъ Ростиславъ только что пріѣхалъ изъ Кіева: если бы граждане хотѣли объявить ему что-нибудь новое, то объявили бы послѣ похоронъ Вячеславовыхъ. Должно думать, что боярамъ самимъ хотѣлось возвратиться въ Кіевъ, и урядить тамъ свои дѣла по смерти стараго Князя; быть можетъ имъ хотѣлось заставить Кіевлянъ утвердиться съ Ростиславомъ насчетъ новой дружины его Смоленской. Какъ бы то нибыло, Ростиславъ не послушался бояръ, и пошелъ къ Чернигову, пославши напередъ сказать Изяславу Давыдовичу. «Цѣлуй крестъ, что будешь сидѣть въ своей отчинѣ, въ Черниговѣ, а мы будемъ въ Кіевѣ.» Изяславъ отвѣчалъ: «Я и теперь вамъ ничего не сдѣлалъ; не знаю, за чѣмъ вы на меня пришли, а пришли, такъ уже какъ намъ Богъ дастъ». Но вѣдь онъ подвелъ Глѣба Юрьевича съ Половцами, и былъ съ нимъ вмѣстѣ у Переяславля, замѣчаетъ лѣтописецъ. На другой день Давыдовичь соединился съ Глѣбомъ и Половцами, и вышелъ противъ Мстиславичей; Ростиславъ, увидавъ множество враговъ, а у себя небольшую дружину, испугался, и сталъ пересылаться съ Изяславомъ насчетъ мира, отдавалъ ему подъ собою Кіевъ, а подъ племянникомъ Мстиславомъ Переяславль. Такое недостойное поведеніе, трусость, неумѣнье блюсти выгоды племени сильно раздосадовали Мстислава Изяславича: «Такъ не будутъ же ни мнѣ Переяславля, ни тебѣ Кіева,» сказалъ онъ дядѣ, и поворотилъ коня въ Переяславль; Ростиславъ, оставленный племянникомъ, былъ обойденъ Половцами, и послѣ двухдневной битвы, обратился въ бѣгство; преслѣдуемый врагами, онъ потерялъ коня, сынъ Святославъ отдалъ ему своего, а самъ сталъ отбиваться отъ Половцевъ, и такимъ образомъ далъ отцу время уйти.

Ростиславъ переправился за Днѣпръ ниже Любеча и поѣхалъ въ Смоленскъ; Мстиславъ Изяславичь съ двоюроднымъ братомъ Святославомъ Ростиславичемъ ускакалъ въ Переяславль, здѣсь взялъ жену и уѣхалъ въ Луцкъ; а Святославъ Всеволодичь былъ захваченъ Половцами; Изяславъ Давыдовичь съ женою выручили его изъ плѣна, и другихъ Рус-

скихъ много выручили, много добра сдѣлали, говоритъ лѣтописецъ: если кто изъ плѣнниковъ убѣгалъ въ городъ, тѣхъ не выдавали назадъ. Быть можетъ Давыдовичь съ намѣреніемъ поступалъ такъ, желая пріобрѣсть расположеніе жителей Русской земли, которыхъ нелюбовь ко всему его племени онъ долженъ былъ знать хорошо. Онъ послалъ сказать Кіевлянамъ: «хочу къ вамъ поѣхать.» Кіевляне были въ самомъ затруднительномъ положеніи: покинутые Ростиславомъ, они видѣли приближеніе Половцевъ, отъ которыхъ могло спасти ихъ только немедленное принятіе Давыдовича, и они послали сказать ему: «Ступай въ Кіевъ, чтобъ насъ не взяли Половцы, ты нашъ Князь, пріѣзжай.» Изяславъ пріѣхалъ въ Кіевъ и сѣлъ на столѣ, а Глѣба Юрьевича послалъ княжить въ Переяславль, окрестности котораго были сильно опустошены союзниками ихъ Половцами. Но Юрія Ростовскаго не льзя было удовлетворить однимъ Переяславлемъ: только что услыхалъ онъ о смерти Изяславовой и о пріѣздѣ другаго Мстиславича въ Кіевъ, какъ уже выступилъ въ походъ и приблизился къ Смоленску, имѣя теперь дѣло преимущественно съ тамошнимъ Княземъ; тутъ пришла къ нему вѣсть, что Вячеславъ умеръ, Ростиславъ побѣжденъ, Давыдовичь сидитъ въ Кіевѣ, а Глѣбъ въ Переяславлѣ. Ростиславъ между тѣмъ, прибѣжавши въ Смоленскъ, успѣлъ собрать войско и вышелъ противъ дяди; но мы видѣли, что Ростиславъ не былъ похожъ на брата отвагою, видѣли также, что онъ не былъ охотникомъ и до споровъ съ дядьми, и потому послалъ къ Юрію просить мира: «Батюшка! велѣлъ онъ сказать ему: кланяюсь тебѣ: ты и прежде до меня былъ добръ и я до тебя; и теперь кланяюсь тебѣ, дядя мнѣ вмѣсто отца.» Юрій отвѣчалъ: «Правду говоришь, сынъ: съ Изяславомъ я не могъ быть; но ты мнѣ свой братъ и сынъ.» Послѣ этой пересылки дядя съ племянникомъ поцѣловали крестъ на всей любви, по выраженію лѣтописца, и Юрій отправился къ Кіеву, а Ростиславъ въ Смоленскъ; вѣроятно, что необходимость спѣшить въ Кіевъ и большое войско Ростислава также имѣли вліяніе на миролюбіе дяди. Не далеко отъ Стародуба встрѣтилъ Юрія сватъ его и старый союзникъ Святославъ Ольговичь, пріѣхалъ къ нему и

Святославъ Всеволодичь съ повинною: «Совсѣмъ обезумѣлъ я, говорилъ онъ Юрію, прости». По просьбѣ дяди Ольговича Юрій помирился съ Всеволодовичемъ, заставивъ его поклясться не отступать отъ себя и отъ дяди, послѣ чего всѣ трое пошли къ Чернигову. Не доходя еще до города, Святославъ Ольговичь послалъ въ Кіевъ сказать Давыдовичу: «Ступай, братъ, изъ Кіева, идетъ на тебя Юрій; вѣдь мы оба съ тобою позвали его.» Но Давыдовичь не слушался; тогда Святославъ въ другой разъ послалъ къ нему изъ Чернигова: «Ступай изъ Кіева, идетъ туда Юрій; а я тебѣ Черниговъ уступаю ради христіанскихъ душъ.» Изяславъ все не хотѣлъ выйти изъ Кіева, потому что этотъ городъ сильно понравился ему, говоритъ лѣтописецъ. Наконецъ самъ Юрій послалъ сказать ему: «Мнѣ отчина Кіевъ, а не тебѣ.» Безъ права и безъ особеннаго народнаго расположенія Давыдовичь не могъ долѣе оставаться въ Кіевѣ; и потому послалъ сказать Юрію: «развѣ я самъ поѣхалъ въ Кіевъ? посадили меня Кіевляне; Кіевъ твой, только не дѣлай мнѣ зла.»

Юрій помирился съ нимъ (1155 г.) и вошелъ въ Кіевъ съ четырьмя старшими сыновьями, которыхъ посажалъ около себя: Андрея въ Вышгородѣ, Бориса въ Туровѣ, Глѣба въ Переяславлѣ, Василька на Поросьѣ. На Волыни сидѣли Мстиславичи: Владиміръ съ племянниками — Мстиславомъ и Ярославомъ: первый, какъ видно, успѣлъ помириться съ Юріемъ, обѣщаясь дѣйствовать за одно съ нимъ противъ племянниковъ, на которыхъ Юрій послалъ стараго союзника своего и врага Мстиславичей, Юрія Ярославича со внуками брата его Вячеслава[279]; они прогнали Мстислава изъ Пересопницы въ Луцкъ; но и здѣсь онъ не могъ долго оставаться спокойнымъ: Юрій велѣлъ идти на Луцкъ зятю своему Ярославу Галицкому; тогда Мстиславъ, оставивъ брата Ярослава въ Луцкѣ, самъ ушелъ въ Польшу за помощью; Галицкій Князь вмѣстѣ съ Владиміромъ Мстиславичемъ подошелъ къ Луцку, но, постоявши нѣсколько времени подъ городомъ, ушелъ, ничего не сдѣлавъ ему. Юрій не могъ продолжать войны съ Изяславичами, потому что Черниговскій Давыдовичь, въ надеждѣ на вражду Юрія съ остальными Мономаховичами и на нерасположеніе къ нему народа въ Руси, не оставлялъ своихъ притязаній: немедленно по пріѣздѣ въ Чер-

пиговъ онъ уже началъ уговаривать Святослава Ольговича къ войнѣ съ Юріемъ; но тотъ удовольствовался тѣмъ, что отобралъ у племянника Святослава Всеволодовича три города (Сновскъ, Корачевъ, Воротынскъ), давши ему въ замѣнъ какіе-то три похуже, и не захотѣлъ вооружаться противъ стараго союзника; Юрій вѣроятно зналъ о замыслахъ Давыдовича; съ другой стороны безпокоили его Половцы; и потому онъ послалъ въ Смоленскъ сказать Ростиславу Мстиславичу: «Сынъ! пріѣзжай сюда, а то мнѣ не съ кѣмъ удержать Русской земли.» Ростиславъ пріѣхалъ къ нему и устроилъ миръ между дядею и племянниками своими, причемъ Владиміръ Мстиславичь и Ярославъ Изяславичь имѣли личное свиданіе съ Юріемъ; но Мстиславъ Изяславичь не поѣхалъ изъ страха, что Кіевскій Князь схватитъ его. Уладившись теперь съ своими, Юрій послалъ сказать Давыдовичу рѣшительно: «Приходи къ намъ на миръ, а не придешь, такъ мы къ тебѣ придемъ.» Давыдовичь, видя, что всѣ Мономаховичи въ соединеніи, испугался, и пріѣхалъ вмѣстѣ съ Святославомъ Ольговичемъ на съѣздъ, гдѣ уладились: Юрій далъ имъ по городу на западной сторонѣ Днѣпра: Давыдовичу Корецкъ на Волыни, Ольговичу Мозырь въ Туровской области; кромѣ того Юрій женилъ сына своего Глѣба на дочери Изяслава Черниговскаго.

Казалось, что послѣ этого миръ долженъ былъ водвориться во всѣхъ волостяхъ Русскихъ; но вышло иначе: въ разныхъ концахъ обнаружилась борьба съ тѣмъ же характеромъ, съ какимъ велась оно незадолго прежде, обнаружились усобицы между племянниками и дядьми: такъ въ Черниговской волости племянникъ Изяславовъ Святославъ, сынъ старшаго брата его Владиміра, вѣроятно будучи недоволенъ волостію, полученною отъ дяди, выбѣжалъ изъ Березаго (въ окрестностяхъ Чернигова) во Вщижь, захватилъ всѣ города по Деснѣ, и, отступивъ отъ роднаго дяди, отдался въ покровительство Ростислава Мстиславича Смоленскаго; Святославъ Всеволодовичь также всталъ противъ дядей; послѣдніе пошли было противъ племянниковъ, но заключили съ ними миръ, неизвѣстно на какихъ условіяхъ. Въ тоже время подобное явленіе обнаружилось на Волыни: мы видѣли, что здѣсь сидѣлъ Владиміръ Мстиславичь съ двумя

племянниками — Мстиславомъ и Ярославомъ Изяславичами; Мстиславъ, по примѣру отца, думалъ, что голова Владиміра пойдетъ къ старшему мѣсту, ибо Владиміръ хотя былъ ему и дядя, но вѣроятно даже моложе его лѣтами[280], и притомъ былъ сыномъ мачихи Изяславовой, второй жены Мстислава Великаго, почему и называется въ лѣтописи относительно Изяславичей не дядею (стрыемъ), но мачешичемъ. Какъ бы то нибыло впрочемъ, Мстиславъ напалъ нечаянно на дядю во Владимірѣ, захватилъ его жену, мать, все имѣніе, а самого прогналъ въ Венгрію. Юрій, самъ будучи младшимъ дядею, долженъ былъ вступиться за Владиміра, и дѣйствительно пошелъ на Мстислава (1157 г.) съ зятемъ своимъ Ярославомъ Галицкимъ, сыновьями, племянникомъ Владиміромъ Андреевичемъ, княжившимъ, какъ мы видѣли въ Брестѣ, и съ Берендѣями; Черниговскіе также хотѣли съ нимъ идти, но, по совѣту Ярослава Галицкаго, Юрій не взялъ ихъ съ собою. Скоро оказалось, что Юрій началъ эту войну не за Владиміра Мстиславича, но за другаго племянника своего, Владиміра Андреевича, потому что далъ клятву покойному брату своему Андрею, и потомъ сыну его — добыть для послѣдняго Владиміръ Волынскій. Взять нечаянно этотъ городъ Юрію не удалось; онъ началъ осаду, во время которой Владиміръ Андреевичь отпросился у Юрія воевать другіе города, и когда подъѣхалъ къ Червеню, то началъ говорить жителямъ: «Я пришелъ къ вамъ не ратью, потому что вы были люди милые отцу моему, и я вамъ свой княжичь, отворитесь.» Въ отвѣтъ одинъ изъ жителей пустилъ стрѣлу и угодилъ въ горло Владиміру; рана была впрочемъ не опасна, и Владиміръ успѣлъ отомстить Червенцамъ страшнымъ опустошеніемъ ихъ волости. Десять дней стоялъ Юрій у Владиміра, не видя ни малѣйшаго успѣха; есть даже извѣстіе, что Мстиславъ сдѣлалъ вылазку, и нанесъ сильное пораженіе Галицкимъ полкамъ[281]; тогда Юрій, посовѣтовавшись съ сыновьями и дружиною, пошелъ назадъ въ Кіевъ, а Ярославъ въ Галичь; Мстиславъ шелъ въ слѣдъ за Юріемъ до самаго Дорогобужа, пожигая села, и много зла надѣлалъ, говоритъ лѣтописецъ. Пришедши въ Дорогобужъ, Юрій сказалъ въ утѣшеніе Владиміру Андреевичу: «Сынъ! мы цѣло-

вали крестъ съ твоимъ отцемъ, что кто изъ насъ останется живъ, тотъ будетъ отцемъ для дѣтей умершаго, и волости за ними удержитъ, а потомъ я и тебѣ поклялся имѣть тебя сыномъ и Владимира искать тебѣ; теперь, если Владимира недобылъ, то вотъ тебѣ волость—Дорогобужъ, Пересопница и всѣ Погоринскіе города.»

Нападеніе Юрія на племянниковъ и не въ пользу брата, отнятіе у нихъ волости въ пользу Владиміра Андреевича должно было разсердить Ростислава Смоленскаго, обязаннаго заботиться о выгодахъ племени Мстиславова. Это помогло Изяславу Давыдовичу Черниговскому уговорить его начать войну противъ Юрія; разумѣется, что Мстислава Волынскаго не нужно было уговаривать къ союзу противъ дѣда. Давыдовичь попытался было уговорить къ тому же и Святослава Ольговича, но понапрасну, тотъ отвѣчалъ: «Я крестъ цѣловалъ Юрію, не могу безъ причины встать на него.» Отказъ Ольговича не помѣшалъ однако союзникамъ порѣшить походомъ противъ Юрія: Изяславъ долженъ былъ выступить съ полками Черниговскими и Смоленскими, которыми начальствовалъ Романъ, сынъ Ростиславовъ; въ тоже время Мстиславъ Изяславичь долженъ былъ ударить на Юрія съ запада; но въ тотъ самый день, когда Давыдовичь хотѣлъ двинуться къ Кіеву, оттуда прискакалъ къ нему гонецъ съ вѣстію: «Ступай, Князь, въ Кіевъ, Юрій умеръ» — это посольство отъ Кіевлянъ служитъ доказательствомъ, что они знали о намѣреніи союзниковъ и были готовы къ принятію Давыдовича, иначе не послали бы прямо къ нему съ вѣстію о смерти Юрія и съ приглашеніемъ пріѣхать княжить у нихъ. Изяславъ, получивъ эту вѣсть, заплакалъ и сказалъ: «Благословенъ еси, Господи, что разсудилъ меня съ нимъ смертію, а некровопролитіемъ.» 10-го Мая (1157 г.) Юрій пировалъ у какого-то Петрилы[282], въ ночь занемогъ, и черезъ пять дней умеръ. Въ день похоронъ (16-го Мая) надѣлалось много зла, говоритъ лѣтописецъ: разграбили дворъ Юрьевъ Красный, и другой дворъ его за Днѣпромъ, который онъ самъ звалъ раемъ, также дворъ Василька сына его въ городѣ; перебили Суздальцевъ по городамъ и селамъ, имѣніе ихъ разграбили: эти дѣйствія Кіевлянъ

служатъ яснымъ знакомъ нерасположенія ихъ къ Юрію и его Суздальской дружинѣ, которую онъ привелъ съ сѣвера[283].

Смертію Юрія кончилось третье поколѣніе Ярославичей; главнымъ характеромъ княжескихъ отношеній въ ихъ время, была, какъ мы видѣли, борьба младшихъ дядей съ племянниками отъ старшаго брата, кончившаяся торжествомъ дядей, т. е. торжествомъ права всѣхъ родичей на старшинство; въ это же время успѣли возстановить свое право на старшинство обѣ линіи Святославичей — Ольговичи и Давыдовичи. Изъ событій въ отдѣльныхъ княжествахъ мы упоминали о дѣятельности Владимірка Галицкаго и сына его Ярослава; видѣли дѣятельность потомковъ Изяслава Ярославича—Юрія Ярославича и внуковъ Вячеслава Ярославича, при чемъ однако ничего не знаемъ о ихъ волостяхъ; изъ потомковъ Давыда Игоревича встрѣчали извѣстія о внукѣ его Борисѣ Всеволодовичѣ, Князѣ Городенскомъ. Мы видѣли, что Изяславичи Полоцкіе по смерти Мстислава возвратились изъ изгнанія въ свою волость, успѣли овладѣть и Минскомъ; послѣ Василька Святославича, княжилъ въ Полоцкѣ Рогволодъ Борисовичь, женатый на дочери Изяслава Мстиславича; во все продолженіе борьбы въ Днѣпровской области не слышно о Полоцкихъ Князьяхъ, хотя по родственному союзу Рогволодъ и могъ бы помогать Изяславу Мстиславичу, знакъ, что онъ не имѣлъ къ тому или средствъ, или времени. Въ 1151 году Полочане не безъ участія Князей, схватили Рогволода, отослали въ Минскъ, держали его здѣсь въ большей нуждѣ, а къ себѣ приняли вѣроятно изъ Минска Ростислава, сына извѣстнаго намъ Глѣба Всеславича; но, какъ видно, Полочане боялись, чтобы торжествующій тогда Изяславъ Мстиславичь не вступился за зятя своего Рогволода, и потому отдались въ покровительство Изяславова врага, Святослава Ольговича Сѣверскаго: Глѣбовичь поклялся Святославу почитать его отцемъ и ходить въ его послушаньи. Быть можетъ, этотъ союзъ Ольговича съ Полоцкимъ Княземъ, врагомъ зятя Изяславова Рогволода, былъ не безъ вліянія на враждебныя дѣйствія Изяслава противъ Юрія, пріятеля Святославова: мы видѣли, что тотчасъ послѣ этого союза Изяславъ раззоряетъ Городецъ

Юрія. —Въ областяхъ Муромскихъ и Рязанскихъ мы видѣли борьбу между дядею Ростиславомъ Ярославичемъ и племянникомъ Владиміромъ Святославичемъ: племянникъ дѣйствовалъ за одно съ Ольговичемъ и Юріемъ, дядя съ Мстиславичами противъ Юрія, за что и былъ изгнанъ въ степи къ Половцамъ сыновьями послѣдняго; когда онъ возвратился, не знаемъ; знаемъ только то, что въ 1147 году Князья Рязанскіе являются ротниками Ростислава Мстиславича Смоленскаго, т. е. признаютъ его за отца и ходятъ въ его послушаньи[284]; но въ 1152 году тотъ же самый Ростиславъ Ярославичь Муромскій съ братьею шелъ вмѣстѣ съ Юріемъ на его племянниковъ; въ 1154 году видимъ опять вражду Юрія съ Ростиславомъ: возвратясь изъ подъ Козельска, Юрій выгналъ Ростислава изъ его волости и отдалъ ее сыну своему Андрею; но Ростиславъ скоро явился опять съ Половцами, напалъ на Андрея ночью, перебилъ его дружину; самъ Андрей объ одномъ сапогѣ бѣжалъ изъ Рязани въ Муромъ, а оттуда въ Суздаль; наконецъ въ 1155 году опять встрѣчаемъ извѣстіе, что Ростиславъ Мстиславичь Смоленскій цѣловалъ крестъ съ Рязанскими Князьями на всей любви: они всѣ смотрѣли на Ростислава, имѣли его себѣ отцемъ.—Въ Новгородѣ мы оставили Княземъ Святополка Мстиславича, посадникомъ, какъ видно, оставался по прежнему Судила: Святополкъ, принявши Новгородъ изъ рукъ Всеволода Ольговича, не могъ свергнуть стараго пріятеля Ольговичей; только черезъ годъ или больше, въ 1144 году читаемъ извѣстіе, что посадничество было дано Нѣжатѣ Твердятичу, также товарищу Судилину. Смерть Всеволода Ольговича и утвержденіе въ Кіевѣ Изяслава Мстиславича не могло перемѣнить хода дѣлъ въ Новгородѣ: Святополкъ оставался по прежнему тамъ Княземъ, только отняли посадничество у Нѣжаты, стараго пріятеля Ольговичей, и дали его Константину Микулиничу, старому приверженцу Мстиславичей, за что онъ и страдалъ въ заточеніи у Ольговича въ Кіевѣ. Въ 1147 году, по смерти Константина, посадникомъ избранъ опять Судила Ивановичь, какъ видно успѣвшій примириться со стороною Мономаховичей. Между тѣмъ шла война у Новгорода съ сосѣдомъ Юріемъ Ростовскимъ: въ 1147 году

Святополкъ со всею областію Новгородскою выступилъ противъ дяди, но возвратился отъ Торжка за распутьемъ. Въ слѣдующемъ году Архіепископъ Нифонтъ отправился въ Суздаль къ Юрію за миромъ: Юрій принялъ его съ любовію, освободилъ по его просьбѣ всѣхъ Новоторжцевъ и гостей, и отпустилъ ихъ съ честію въ Новгородъ, но мира не далъ. Въ томъ же году, какъ мы видѣли, Изяславъ вывелъ изъ Новгорода брата Святополка, злобы его ради, и прислалъ на его мѣсто сына Ярослава. По нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ[285], Изяславъ вывелъ Святополка за то, что тотъ позволилъ Новгородцамъ безъ его вѣдома сноситься съ Юріемъ о мирѣ; быть можетъ это желаніе Новгородцевъ помириться съ Юріемъ было въ связи съ избраніемъ Судилы, пріятеля Ростовскаго Князя. Мы видѣли подробности пріѣзда Изяславова въ Новгородъ и похода его съ Новгородцами на Ростовскую землю. Должно быть пребываніе ласковаго Мстиславича надолго оставило въ Новгородѣ пріятную память, потому что во время борьбы его съ дядею Юріемъ на югѣ, не смотря на неоднократное торжество послѣдняго, Новгородцы продолжали держать Ярослава Изяславича и враждавать, въ ущербъ себѣ, съ Ростовскимъ Княземъ: такъ въ 1149 году небольшой отрядъ Новгородцевъ пошелъ за данью въ Двинскую область; Юрій, узнавши, что Новгородцевъ не много, послалъ перехватить ихъ извѣстнаго Ивана Берладника, находившагося тогда, какъ видно, въ его службѣ; но Ивану не удалось перехватить Новгородцевъ: они отбились, при чемъ много легло съ обѣихъ сторонъ, впрочемъ Суздальцевъ гораздо больше, по замѣчанію Новгородскаго лѣтописца. Но, держа Изяславича во время неудачь отца его, Новгородцы вдругъ выгнали его въ 1154 году; о причинахъ лѣтописецъ молчитъ; видно только одно, что Ярославъ нарушилъ нарядъ т. е. былъ причиною борьбы сторонъ, для примиренія которыхъ Новгородцы призываютъ изъ Смоленска Ростислава Мстиславича — знакъ, что они не хотѣли разрывать съ Мстиславичами и Кіевскимъ Княземъ: не могъ Ростиславъ безъ согласія старшаго брата занять Новгородъ. Но и Ростиславъ не установилъ наряда; позванный въ Кіевъ по смерти Изяславовой, онъ оставилъ въ Новгородѣ сына Давида, при самыхъ

неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, при сильномъ неудовольствіи на послѣднія его распоряженія; Новгородцы, говоритъ лѣтописецъ, разсердились на Ростислава за то, что онъ не установилъ у нихъ порядка, но еще больше надѣлалъ смуты, и показали по немъ путь сыну его, взявши къ себѣ въ Князья Мстислава, сына Юріева; утвержденіе самаго Юрія на столѣ Кіевскомъ утвердило и сына его на столѣ Новгородскомъ. Но мы видѣли, что Юрій недолго былъ спокоенъ въ Кіевѣ, недолго спокойствіе могло сохраняться и въ Новгородѣ: союзъ всѣхъ Мстиславичей и Давыдовича противъ Юрія, какъ видно, послужилъ знакомъ къ возстанію стороны Мстиславичей и въ Новгородѣ; еще въ 1156 году отнято было посадничество у Судилы, и отдано старому Якуну Мірославичу; въ 1157 году, встала злая распря между жителями Новгорода, вооружились противъ Князя Мстислава Юрьевича, и начали выгонять его, но Юрьевичь успѣлъ уже пріобрѣсти приверженцевъ: торговая сторона вооружилась за него, и едва дѣло не дошло до кровопролитія. Пріѣздъ двоихъ Ростиславичей, Святослава и Давыда и бѣгство Юрьевича дало торжество сторонѣ Мстиславичей. Черезъ три дня пріѣхалъ въ Новгородъ самъ Ростиславъ изъ Смоленска, и на этотъ разъ успѣлъ примирить стороны: зла не было никакого, говоритъ лѣтописецъ; уѣзжая изъ Новгорода, Ростиславъ оставилъ здѣсь сына Святослава, а Давида посадилъ въ Торжкѣ, какъ видно для оберегапія границы со стороны Суздальской.

Касательно внѣшнихъ отношеній по прежнему продолжалась борьба съ пограничными варварами, на югѣ съ Половцами, на сѣверѣ съ Финскими племенами. Усобица Юрія съ племянникомъ Изяславомъ давала Половцамъ средства жить на счетъ Руси. Мы видѣли, что по утвержденіи Юрія въ Кіевѣ, въ 1155 году, Поросье получило особаго Князя, сына его Василька; Половцы не замедлили навѣстить послѣдняго въ новой волости, но Василько съ Берендѣями разбилъ ихъ, и пріѣхалъ къ отцу со славою и честью, по выраженію лѣтописца. Скоро послѣ этого Юрій отправился къ Каневу на съѣздъ съ ханами Половецкими: они начали просить освобожденія плѣнниковъ своихъ, взятыхъ Берендѣями въ послѣдней битвѣ; но Берендѣи не отдали, и ска-

зали Юрію: «Мы умираемъ за Русскую землю съ твоимъ сыномъ, и головы свои складываемъ за твою честь». Юрій не захотѣлъ насильно взять у нихъ плѣнниковъ, потому что опасно было раздражить эту пограничную стражу; онъ обдарилъ Половцевъ и отпустилъ ихъ; это любопытное извѣстіе показываетъ намъ отношенія пограничныхъ варваровъ къ князьямъ, за честь которыхъ они складывали свои головы. Въ томъ же году Половцы опять пришли на границу за миромъ; Юрій пошелъ толковать съ ними о мирѣ такъ, какъ обыкновенно ходили на добрую войну: взялъ съ собою обоихъ Мстиславичей Ростислава и Владиміра, Ярослава Изяславича, отрядъ Галицкаго войска, и послалъ сказать Половцамъ: «Ступайте ко мнѣ на миръ». Половцы пріѣхали сначала въ небольшомъ числѣ, поглядѣть только, много ли у Русскихъ войска, и сказали Юрію: «Завтра придемъ къ тебѣ всѣ;» но въ ночь всѣ убѣжали. — На сѣверѣ въ 1149 году Финны (Ямь) пришли ратью на Новгородскую волость, на Водскую пятину; Новгородцы съ Водью вышли къ нимъ на встрѣчу въ числѣ 500 человѣкъ, и не упустили ни одного человѣка изъ непріятелей: всѣхъ перебили или побрали въ плѣнъ.

Что касается бояръ, дѣйствовавшихъ въ разсмотрѣнный періодъ времени, то изъ тѣхъ, которыхъ мы видѣли у Мономаха, Иванъ Войтишичь продолжалъ служить и сыну Мономахову Мстиславу, ходилъ съ Торками на Полоцкихъ Князей; оставался въ Кіевѣ и при Всеволодѣ Ольговичѣ, который посылалъ его устанавливать нарядъ въ Новгородѣ, но вмѣстѣ съ другими главными боярами, дѣйствовалъ противъ брата его Игоря въ пользу внука Мономахова. Мы видѣли при Мономахѣ Переяславскимъ Тысяцкимъ Станислава; въ разсказѣ о Супойской битвѣ при Ярополкѣ, лѣтописецъ говоритъ, что въ числѣ убитыхъ бояръ находился Станиславъ Добрый Тукіевичь: имѣемъ право принять этого Станислава за прежняго Переяславскаго Тысяцкаго и считать его сыномъ Тукія, Чудинова брата, извѣстнаго намъ прежде. Вмѣстѣ съ Станиславомъ въ Супойской битвѣ палъ и Тысяцкій Кіевской Ярополковъ — Давыдъ Яруповичь; по его смерти неизвѣстно, кто былъ тысяцкимъ; при Всеволодѣ Ольговичѣ эту должность исправлялъ Улѣбъ, дѣйствовав-

шій противъ Игоря Ольговича въ пользу Изяслава Мстиславича, и потомъ ѣздившій посломъ отъ Изяслава Мстиславича къ Давыдовичамъ въ 1147 году; вмѣстѣ съ Улѣбомъ дѣйствовали за одно и Лазарь Саковскій, бывшій Тысяцкимъ послѣ Улѣба, Василій Полочанинъ и Мірославъ (Андреевичь) Хиличь внукъ; мы встрѣчали имя Василя при Святополкѣ, извѣстное время Василь былъ посадникомъ этого Князя во Владимірѣ Волынскомъ, если это тотъ самый, то ему могло быть въ 1146 году лѣтъ 75, 80; имя Мірослава видѣли мы въ числѣ бояръ, участвовавшихъ въ составленіи устава Мономахова. Послѣ торжества Изяславова надъ Игоремъ, взяты были бояре, преданные Ольговичамъ; нѣтъ права утверждать, что эти бояре были именно бояре Черниговскіе, бояре Ольговичей, они могли быть и старинные Кіевскіе, но преданные Ольговичамъ; ихъ имена: Данило Великій, Юрій Прокопьичь, Иворъ Юрьевичь, внукъ Мірославовъ. Что касается до отчества втораго изъ нихъ — Юрія Прокопьича, то мы видѣли Прокопія, Бѣлгородскаго Тысяцкаго участникомъ при составленіи Мономахова устава о ростахъ. Въ 1146 году при осадѣ Новгорода Сѣверскаго Давыдовичами и Мстиславомъ Изяславичемъ, упоминаются въ числѣ убитыхъ Димитрій Жирославичь и Андрей Лазаревичь; если послѣдній былъ съ Мстиславомъ, то могъ быть сыномъ Лазаря Саковскаго. Въ 1147 году, по случаю убіенія Игоря Ольговича, упоминаются въ Кіевѣ извѣстный уже Лазарь Саковскій, имѣвшій теперь должность Тысяцкаго, и Рагуило Добрыничь (быть можетъ сынъ Добрыни или Добрынка, боярина въ дружинѣ Изяслава Мстиславича), Тысяцкій Владиміра Мстиславича, и другой бояринъ его Михаилъ, помогавшій своему Князю защищать Игоря отъ убійцъ; послами отъ Изяслава въ Кіевъ съ вѣстію объ измѣнѣ Черниговскихъ Князей были — Добрынко и Радилъ. Любопытно, что Лазарь былъ Тысяцкимъ еще при жизни прежняго Тысяцкаго Улѣба, который находился въ это время въ войскѣ вмѣстѣ съ Княземъ Изяславомъ; быть можетъ отказъ Кіевлянъ идти съ Изяславомъ противъ Юрія былъ причиною отреченія Улѣбова отъ должности Тысяцкаго. Подъ 1151 годомъ упоминается воевода Изяслава Мстиславича — Шварно, который не умѣлъ уберечь Зарубскаго брода; подъ

слѣдующимъ годомъ видимъ Изяславова боярина Петра Борисовича, который ѣздилъ посломъ къ Владиміру Галицкому. Наконецъ по случаю смерти Юрія Долгорукаго лѣтопись упоминаетъ о какомъ-то Петрилѣ—Осменикѣ, у котораго Юрій пировалъ передъ кончиною. — Изъ бояръ Вячеслава Владиміровича Туровскаго упоминается подъ 1127 годомъ Тысяцкій его Иванко, ходившій вмѣстѣ съ своимъ Княземъ на Полоцкую волость при В. Князѣ Мстиславѣ. Быть можетъ это лице тождественно съ извѣстнымъ намъ прежде Иванкомъ Захарьичемъ; потомъ не разъ упоминается имя сына этого Иванка, Жирослава Ивановича: въ 1146 году Вячеславъ, по наученью бояръ своихъ, началъ распоряжаться какъ старшій, не обращая вниманія на племянника Изяслава, — послѣдній отнялъ у него за это Туровъ, гдѣ вмѣстѣ съ Епископомъ Іоакимомъ захваченъ былъ посадникъ Жирославъ: по связи разсказа можно заключать, что этотъ Жирославъ былъ однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ Вячеслава; послѣ, неизвѣстно какимъ образомъ, Жирославъ освободился изъ плѣна, и мы видимъ уже его въ дружинѣ Юрія Ростовскаго; онъ пришелъ вмѣстѣ съ сыномъ послѣдняго, Глѣбомъ на югъ, и подучалъ его захватить Переяславль, представлялъ, что Переяславцы охотно передадутся ему; быть можетъ онъ же былъ воеводою Половецкаго отряда въ войнѣ Юрія съ Изяславомъ въ 1149 году; наконецъ въ 1155 году Юрій посылалъ Жирослава выгнать Мстислава Изяславича изъ Пересопницы. — Изъ Волынскихъ бояръ Андрея Владиміровича упоминается Тысяцкій его Вратиславъ. Изъ Галицкихъ бояръ упоминаются Иванъ Халдѣевичь, такъ дѣятельно защищавшій Звенигородъ отъ Всеволода Ольговича, въ 1146 году; потомъ Избыгнѣвъ Ивачевичь, съ которымъ самъ-другъ бѣжалъ Владимірко съ поля битвы въ Перемышль въ 1152 году; наконецъ Кснятинъ или Константинъ Сѣрославичь подъ 1157 годомъ въ посольствѣ отъ Ярослава къ Юрію Долгорукому. Изъ бояръ Святослава Ольговича Сѣверскаго упомянутъ Коснятко, хлопотавшій по дѣламъ своего Князя у Давыдовичей въ Черниговѣ въ 1146 году; потомъ Петръ Ильичь, бывшій бояриномъ еще у Олега Святославича; онъ умеръ въ 1147 году 90 лѣтъ, не будучи въ состояніи уже отъ старости садиться на коня; лѣтопи-

сецъ называетъ его добрымъ старцемъ[286]; тіунами Всеволода Ольговича были въ Кіевѣ Ратша, а въ Вышгородѣ Тудоръ, которые такъ раздражили народъ своими грабительствами. Изъ Ростовскихъ бояръ упоминается подъ 1130 годомъ Ростовскій Тысяцкій Юрій. Въ битвѣ Глѣба Юрьевича съ Мстиславомъ Изяславичемъ у Переяславля въ 1148 году послѣдній взялъ въ плѣнъ какого-то Станиславича, который былъ казненъ казнью злою, вѣроятно за крамолу съ Переяславцами; быть можетъ это былъ сынъ Переяславскаго Тысяцкаго Станислава Тукіевича, о которомъ мы говорили выше, и который въ это время передался на сторону Юрія, за что и былъ казненъ казнью злою.

ГЛАВА V.

События отъ смерти Юрія Владиміровича до взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго.

(1157—1169).

Въ другой разъ Святославичь, теперь племени Давыдова получилъ родовое старшинство и Кіевъ; успѣхомъ своимъ Изяславъ Давыдовичь былъ обязанъ тѣмъ же самымъ обстоятельствамъ, какія дали возможность получить Кіевъ и двоюродному брату его Всеволоду Ольговичу: старшимъ въ племени Мономаховомъ былъ Ростиславъ Мстиславичь, нисколько не похожій на доблестнаго брата своего, могшій съ успѣхомъ дѣйствовать только при послѣднемъ, и рѣзко обнаружившій свою незначительность, когда пришлось дѣйствовать одному, въ челѣ родичей; бѣгство его предъ полками Изяслава Давыдовича по смерти Вячеславовой могло ли ручаться за успѣхъ вторичной его борьбы съ тѣмъ же Княземъ? нѣтъ сомнѣнія, что заключая союзъ противъ Юрія съ Черниговскимъ Княземъ, Ростиславъ отказался отъ старшинства въ пользу послѣдняго, который, по родовымъ счетамъ, точно приходился ему дядею; Мстиславъ Изяславичь, самый даровитый и дѣятельный Князь въ племени Мстиславичей, не могъ дѣйствовать одинъ ни въ пользу дяди противъ воли послѣдняго, тѣмъ менѣе въ свою собственную пользу: примѣръ отца показывалъ ему, что нельзя затрогивать господствующихъ понятій о правахъ дядей, особенно старшихъ. И вотъ въ слѣдствіе этихъ-то причинъ Изяславъ Давыдовичь въ другой разъ въѣхалъ въ Кіевъ, теперь уже по согласію всѣхъ Мономаховичей: о сынѣ Юрія, Андреѣ Боголюбскомъ не было, по крайней мѣрѣ, ничего слышно. Но перемѣщеніе Давыда на столъ Кіевскій не могло не повлечь за собою перемѣщеній въ

Черниговской волости: по родовымъ счетамъ Черниговъ долженъ былъ перейти къ Святославу Ольговичу, не только старшему по Изяславѣ въ племени Святославовомъ, но и въ цѣломъ родѣ Ярославичей, и вотъ Ольговичь, съ племянникомъ своимъ Святославомъ Всеволодичемъ явился передъ Черниговомъ, но не былъ впущенъ туда роднымъ племянникомъ Изяслава, Святославомъ Владиміровичемъ, котораго дядя, отъѣзжая въ Кіевъ, оставилъ здѣсь со всѣмъ полкомъ своимъ; лѣтописецъ говоритъ оставилъ, а не посадилъ—знакъ, что Изяславъ не передалъ ему Чернигова во владѣніе, но не хотѣлъ только, какъ видно, впускать туда Ольговича, съ которымъ былъ не въ ладахъ, потому что послѣдній не согласился идти съ нимъ вмѣстѣ на Юрія. Ольговичи, не впущенные въ Черниговъ, отступили отъ города, и стали за Свиною рѣкою, на противоположномъ берегу которой скоро показались полки Изяслава Давыдовича, пришедшаго вмѣстѣ съ Мстиславомъ Изяславичемъ. Дѣло не дошло однако до битвы: Давыдовичу трудно было удержать Черниговъ за собою, странно отдать племяннику вмѣсто дяди: оба дѣйствія одинаково сильно противорѣчили современнымъ понятіямъ; вотъ почему Давыдовичь сталъ пересылаться съ Ольговичемъ, и положили на томъ, что Черниговъ достанется послѣднему, а Сѣверская область Святославу Всеволодичу; но Святославу Ольговичу досталась не вся Черниговская волость: большую часть ея удержалъ Изяславъ за собою и за роднымъ племянникомъ Святославомъ Владиміровичемъ; Мозырь, уступленный прежде Юріемъ Святославу, также отошелъ къ Кіевской волости.

На западѣ, въ области Туровской произошло также любопытное явленіе: мы видѣли, что Юрій, утвердившись въ Кіевѣ, отдалъ Туровъ сыну своему Борису; по смерти отца, при всеобщемъ нерасположеніи къ нему на югѣ, Борисъ не могъ удержаться въ Туровѣ, и былъ смѣненъ здѣсь извѣстнымъ Юріемъ Ярославичемъ, представителемъ Изяславовой линіи; очень вѣроятно даже, что Юрій выгналъ Бориса[287]. Но ни Давыдовичь, ни Мстиславичи не хотѣли позволить этому изгою владѣть такою важною волостію, тѣмъ болѣе что, какъ видно, они прежде уговорились отдать ее младшему Мстиславичу—Вла-

диміру, не имѣвшему стола. Въ слѣдствіе этого Изяславъ отправился на Ярославича къ Турову; съ нимъ пошелъ Владиміръ Мстиславичь, Ярославъ Изяславичь изъ Луцка, Ярополкъ Андреевичь отъ брата изъ Дорогобужа, Рюрикъ Ростиславичь отъ отца изъ Смоленска, пошли Полоцкій и Галицкій отряды; не пошелъ Мстиславъ Изяславичь Волынскій: вѣрно не хотѣлъ онъ добывать сильной волости враждебному дядѣ, который въ случаѣ удачи похода долженъ былъ сдѣлаться опаснымъ ему сосѣдомъ. Туровская и Пинская волость были опустошены; но Юрій бился крѣпко на вылазкахъ изъ Турова. Не смотря на то, онъ видѣлъ, что ему одному не устоять противъ союзниковъ и посылалъ съ просьбою къ Изяславу: «Братъ! прими меня къ себѣ въ любовь!» Изяславъ не соглашался, хотѣлъ непремѣнно взять Туровъ и Пинскъ, но, простоявши 10 недѣль понапрасну, принужденъ былъ отступить, потому что въ войскѣ открылся конскій падежъ; изгой Ярославичь остался спокойно княжить въ Туровѣ, а Владиміръ Мстиславичь по прежнему безъ волости.

Въ слѣдующемъ 1158 году встала смута въ Галичѣ, подавшая поводъ къ изгнанію Изяслава Давыдовича изъ Кіева, и переходу послѣдняго опять въ родъ Мономаховъ. Не разъ упоминали мы объ изгнанномъ Галицкомъ Князѣ, Иванѣ Ростиславичѣ Берладникѣ, который принужденъ былъ служить разнымъ Князьямъ Русскимъ; въ послѣдній разъ мы видѣли его на сѣверѣ, въ службѣ Юрія Долгорукаго, который посылалъ его перехватывать Новгородцевъ. Когда Юрій окончательно утвердился въ Кіевѣ, то, нуждаясь въ помощи затя своего, Ярослава Галицкаго, согласился выдать ему несчастнаго Берладника, котораго уже и привели въ оковахъ изъ Суздаля въ Кіевъ, гдѣ дожидались его послы отъ Ярослава съ большею дружиною. Но духовенство вооружилось противъ такого гнуснаго поступка; Митрополитъ и всѣ игумены сказали Юрію: «Грѣшно тебѣ, цѣловавши крестъ, держать Ивана въ такой нуждѣ, да еще теперь хочешь выдать его на убійство.» Юрій послушался, не выдалъ Берладника Галичанамъ, только отправилъ его назадъ въ Суздаль въ оковахъ. Но Изяславъ Давыдовичь Черниговскій, узнавъ, что Берладника ведутъ опять въ Суздаль, послалъ перехватить его на дорогѣ и привести къ себѣ. По смерти Юрія, когда Изя-

славъ занялъ его мѣсто въ Кіевѣ, Берладникъ оставался здѣсь на свободѣ, имѣлъ полную возможность сноситься съ недовольными Галичанами. Легко понять, что Ярославъ не могъ оставаться при этомъ покойнымъ: онъ началъ искать двоюроднаго брата своего Ивана, говоритъ лѣтописецъ, и подмолвилъ всѣхъ Князей Русскихъ, Короля Венгерскаго, Польскихъ Князей, чтобъ были ему помощниками на Ивана; трудно теперь объяснить, что̀ заставило всѣхъ этихъ Князей и Короля согласиться на просьбу Ярослава, что возбуждало ихъ ненависть противъ несчастнаго Берладника? развѣ то, что взявши деньги у одного Князя, онъ переходилъ къ другому, потомъ къ третьему; быть можетъ также Ярославъ, подобно отцу, дѣйствовалъ хитро, каждому Князю умѣлъ обѣщать что-нибудь выгодное. Какъ бы то нибыло, одинъ Изяславъ Давыдовичь продолжалъ защищать Берладника, и когда явились къ нему послы отъ всѣхъ почти Князей Русскихъ (Ярослава Галицкаго, Святослава Ольговича, Ростислава Мстиславича, Мстислава Изяславича, Ярослава Изяславича, Владиміра Андреевича, Святослава Всеволодича), отъ Венгерскаго Короля и Князей Польскихъ съ требованіемъ выдачи Берладника, то Изяславъ переспорилъ ихъ всѣхъ, и отпустилъ съ рѣшительнымъ отказомъ. Берладникъ однако испугался почти всеобщаго союза Князей противъ себя, убѣжалъ въ степь къ Половцамъ, занялъ съ ними подунайскіе города, перехватилъ два судна Галицкія, взялъ много товару, и началъ преслѣдовать Галицкихъ рыболововъ. Собравши много Половцевъ, присоединивши къ нимъ еще 6000 Берладниковъ, такихъ же изгнанниковъ, козаковъ, какъ онъ самъ, Иванъ вошелъ съ ними въ Галицкую область, захватилъ городъ Кучелмину, и осадилъ Ушицу; засада (гарнизонъ) Ярославова крѣпко билась изъ города, но смерды начали перескакивать черезъ стѣну къ Ивану, и перескочило ихъ 300 человѣкъ; Половцы хотѣли взять городъ, но Иванъ не позволилъ, за что варвары озлобились на него и ушли, а между тѣмъ Изяславъ прислалъ звать его съ остальнымъ войскомъ въ Кіевъ, готовясь къ войнѣ. Мономаховичамъ южнымъ, главнымъ изъ которыхъ на дѣлѣ былъ Мстиславъ Изяславичь Волынскій, открылся теперь удобный случай изгнать Давыдовича изъ Кіева, и опять

перевести этотъ городъ въ свое племя: всѣ Князья были сердиты на Изяслава за отказъ выдать Берладника, и вотъ Мстиславъ и Владимiръ Андреевичь согласились съ Ярославомъ Галицкимъ идти на Кiевскаго Князя. Изяславъ, видя бѣду, спѣшилъ, по крайней мѣрѣ, примириться съ собственнымъ племенемъ, и послалъ сказать Святославу Ольговичу, что уступаетъ ему два города, Мозырь и Чичерскъ въ Кiевской волости. Святославъ велѣлъ отвѣчать ему: «Правду сказать, братъ, я сердился на тебя за то, что не отдаешь мнѣ всей Черниговской волости, но лиха тебѣ не хотѣлъ; а если теперь хотятъ на тебя идти, то избави меня Богъ волоститься (помогать тебѣ изъ волости), ты мнѣ братъ, дай мнѣ Богъ съ тобою пожить въ добрѣ.» Въ Лутавѣ (4 версты отъ Остра) съѣхались всѣ Святославичи — Ольговичь съ сыновьями и роднымъ племянникомъ Всеволодовичемъ, Давыдовичь съ своимъ племянникомъ, Владимiровичемъ, была любовь великая между ними три дня и дары большiе, по выраженiю лѣтописца; они немедленно отправили пословъ въ Галичь и на Волынь объявить тамошнимъ Князьямъ о своемъ тѣсномъ союзѣ, и это объявленiе достигло цѣли: Ярославъ и Мстиславъ отложили походъ. Но Изяславъ видѣлъ, что онъ можетъ быть покоенъ только на короткое время; вѣсти приходили къ нему изъ Владимира, что Ярославъ Галицкiй и Мстиславъ Волынскiй все думаютъ идти къ Кiеву, и потому онъ рѣшился предупредить ихъ; обстоятельства были благопрiятны, потому что Берладникъ получилъ приглашенiе отъ Галичанъ: «Только покажутся твои знамена, то мы тотчасъ же отступимъ отъ Ярослава;» приказывали они говорить ему. Только свергнувши Ярослава, и посадивши на его мѣсто Берладника, Давыдовичь могъ спокойно сидѣть въ Кiевѣ, и потому послалъ сказать Ольговичамъ, чтобъ шли къ нему съ войскомъ на помощь. Но Черниговскiй Князь не умѣлъ или не хотѣлъ понять необходимости войны для Изяслава, и посылалъ не разъ говорить послѣднему: «Братъ! кому ищешь волости? брату или сыну, лучшебъ тебѣ не начинать первому; а если пойдутъ на тебя съ похвальбою, то и Богъ будетъ съ тобою, и я, и племянники мои.» Мало того, когда Изяславъ, не послушавшись этихъ увѣщанiй, выступилъ въ походъ, то въ Василевѣ явился къ нему посолъ

отъ Святослава съ такими словами: «Братъ не велитъ тебѣ начинать рати, велитъ тебѣ возвратиться.» Справедливо раздосадованный, Изяславъ не удержался, и съ сердцемъ отвѣчалъ послу: «Скажи брату, что не возвращусь, когда уже пошелъ, да прибавь еще: если ты самъ нейдешь со мною, и сына не отпускаешь, то смотри: когда, Богъ дастъ, успѣю въ Галичѣ, то уже не жалуйся тогда на меня, какъ начнешь ползти изъ Чернигова къ Новгороду Сѣверскому.» Святославъ сильно разобидѣлся этими словами: «Господи! говорилъ онъ: Ты видишь мое смиреніе: я на свои выгоды не смотрѣлъ, хотѣлъ только одного, чтобъ кровь христіанская не лилась, и отчина моя не гибла, взялъ Черниговъ съ семью городами пустыми, въ которыхъ сидятъ только псари да Половцы, а всю волость Черниговскую онъ за собою держитъ, да за своимъ племянникомъ; и того ему мало: велитъ мнѣ изъ Чернигова выйти; ну, братъ, Богъ разсудитъ насъ и крестъ честный, который ты цѣловалъ, что не искать подо мною Чернигова никакимъ образомъ; а я тебѣ не лиха хотѣлъ, когда запрещалъ идти на войну, хотѣлъ я добра и тишины Русской землѣ.

Между тѣмъ Изяславъ, отойдя немного отъ Кіева, остановился, чтобъ дождаться племянника, котораго посдалъ за Половцами, и когда тотъ пришелъ, то двинулся къ Бѣлгороду, уже занятому союзными Князьями, Волынскимъ и Галицкимъ. Изяславъ осадилъ ихъ въ городѣ, и не сомнѣвался въ успѣхѣ, имѣя 20,000 Половцевъ, какъ измѣна Берендѣевъ, перемѣнила все дѣло: или надѣясь выиграть съ перемѣною, или дѣйствительно доброхотствуя сыну любимаго Князя своего Изяслава, они вошли въ сношенія съ осажденными, послали сказать Мстиславу: «Отъ насъ теперь зависитъ, Князь, и добро твое и зло; если хочешь насъ любить, какъ любилъ насъ отецъ твой, и дашь намъ по городу лучшему, то мы отступимъ отъ Изяслава[287]». Мстиславъ обрадовался такому предложенію, и въ ту же ночь поцѣловалъ крестъ, что исполнитъ всѣ ихъ желанія, послѣ чего Берендѣи не стали медлить, и въ полночь поскакали съ крикомъ къ Бѣлгороду. Изяславъ понялъ, что варвары затѣяли недоброе, сѣлъ на коня и поскакалъ къ ихъ стану, но, увидавъ, что станъ горитъ, возвратился назадъ, взялъ племянника Свято-

слава Владиміровича съ безземельнымъ Владиміромъ Мстиславичемъ, и побѣжалъ къ Днѣпру на Вышгородъ; въ Гомелѣ дождался жены, и бросился въ землю Вятичей, которую занялъ за то, что Святославъ Всеволодовичь ни самъ не пришелъ къ нему на помощъ, ни сына не отпустилъ; Святославъ отомстилъ дядѣ на боярахъ его, велѣлъ побрать всюду ихъ имѣніе, женъ и взялъ на нихъ окупъ.

Освобожденный Берендѣями отъ осады, Мстиславъ съ двумя союзниками вошелъ въ Кіевъ, захватилъ имѣніе дружины Изяславовой, отправилъ его къ себѣ во Владимиръ Волынскій, и послалъ въ Смоленскъ звать дядю Ростислава на старшій столъ, потому что прежде похода еще союзники цѣловали крестъ — искать Кіева Ростиславу. Но послѣдній понималъ затруднительность своего положенія въ Кіевѣ, гдѣ его, послѣ бѣгства передъ Давыдовичемъ, не могли много любить и много уважать; на первомъ мѣстѣ здѣсь стоялъ дѣятельный и храбрый племянникъ, который теперь, подобно отцу своему, добылъ головою Кіева, и только по необходимости уступаетъ его дядѣ; Ростиславъ могъ думать, что племянникъ захочетъ смотрѣть на него, какъ прежде Изяславъ смотрѣлъ на стараго дядю Вячеслава, оказывать наружное уваженіе, называть отцемъ, и между тѣмъ на дѣлѣ быть настоящимъ Княземъ-правителемъ; вотъ почему Ростиславъ послалъ сказать союзнымъ Князьямъ: «Если зовете меня въ правду съ любовію, то я пойду въ Кіевъ на свою волю, чтобъ вы имѣли меня отцемъ себѣ въ правду и въ моемъ послушаньи ходили; и прежде всего объявляю вамъ: не хочу видѣть Клима Митрополитомъ, потому что онъ не взялъ благословенія отъ св. Софіи и отъ Патріарха». Но Мстиславъ крѣпко держался за Клима и никакъ не хотѣлъ признать Митрополитомъ Грека Константина, за то, что послѣдній проклиналъ отца его, Изяслава. Тогда Ростиславъ послалъ въ Вышгородъ старшаго сына своего Романа, уговариваться съ Мстиславомъ на счетъ Митрополита: послѣ долгихъ и крѣпкихъ рѣчей Князья положили—свести обоихъ, и Клима и Константина, и принять новаго Митрополита изъ Константинополя.

Уладившись съ племянникомъ, Ростиславъ въѣхалъ въ Кіевъ въ 1159 году, и сѣлъ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ;

а Мстиславъ получилъ изъ Кіевскихъ волостей Бѣлгородъ, Торческъ, Триполь. Имѣя одного врага въ Изяславѣ Давыдовичѣ, Князья Кіевскіе и Черниговскіе должны были необходимо соединиться, и дѣйствительно скоро съѣхались въ Моравскѣ на великую любовь, по выраженію лѣтописца, Князья обѣдали другъ у друга безо всякаго извѣта и дарились: Ростиславъ дарилъ Святослава соболями, горностаями, черными куницами, песцами, бѣлыми волками, рыбьими зубьями; Святославъ отдарилъ Ростислава барсомъ и двумя борзыми конями въ кованыхъ сѣдлахъ; лѣтописецъ счелъ нужнымъ прибавить, что Князья — Мономаховичь и Ольговичь угощали другъ друга безо всякаго извѣта; страненъ и подозрителенъ казался этотъ союзъ въ Кіевѣ, не ждали здѣсь ничего добраго отъ Святослава Ольговича, постояннаго врага Мстиславичей, постояннаго союзника Юрьева, не думали, чтобъ онъ могъ забыть убійство брата своего Игоря. Чтобъ успокоить Кіевлянъ и Берендѣевъ, Ростиславъ долженъ былъ взять къ себѣ Всеволода, сына Святослава Всеволодовича[288], въ замѣнъ своего сына Рюрика, котораго отправилъ къ Святославу, въ Черниговъ на помощь противъ Давыдовича; послѣдній не остался сидѣть спокойно въ землѣ Вятичей: онъ набралъ множество Половцевъ, и сталъ съ ними по Деснѣ; но принужденъ былъ ограничиться однимъ опустошеніемъ селъ, потому что войска Ольговича не пустили его черезъ рѣку. Не смотря на то однако оба Святослава — и дядя и племянникъ видѣли недостаточность своихъ силъ, и послали въ Кіевъ за новою помощію: Ростиславъ отправилъ къ нимъ Ярослава Изяславича Луцкаго, Владиміра Андреевича Дорогобужскаго и Галицкій отрядъ; Давыдовичь испугался и ушелъ съ Половцами въ степь; но на дорогѣ догналъ его гонецъ отъ Черниговскихъ пріятелей, которые велѣли сказать ему: «Не уходи, Князь, никуда: братъ твой Святославъ боленъ, а племянникъ его пошелъ въ Новгородъ Сѣверскій, отпустивши дружину». Получивъ эту вѣсть, Изяславъ немедленно поскакалъ къ Чернигову, а Святославъ Ольговичь ничего не зналъ, и стоялъ спокойно передъ городомъ въ полаткахъ съ женою и дѣтьми, какъ вдругъ пришли сказать ему, что Изяславъ уже переправляется черезъ Десну, и Половцы жгутъ села; Свято-

славъ тотчасъ же выстроилъ полки, послалъ возвратить съ дороги Владиміра Андреевича и Рюрика, и тѣ явились въ тотъ же день, вмѣстѣ съ Галичанами. Такимъ образомъ Изяславу не удалось напасть въ расплохъ на Ольговича: тотъ ждалъ съ многочисленными и выстроенными полками, а Берендѣи между тѣмъ напали на Половцевъ и побили ихъ; видя, что Половцы бѣгутъ раненые, а другіе тонутъ въ Деснѣ, Изяславъ спросилъ: «что это значитъ?» и, получивъ въ отвѣтъ, что у города стоятъ сильные полки, бросился опять за Десну и потомъ въ степь, а союзники стали опустошать занятыя имъ волости; но Изяславъ скоро опять явился съ толпами Половцевъ, изъ Черниговской прошелъ въ Смоленскую волость, и страшно опустошилъ ее. Половцы повели въ плѣнъ болѣе 10,000 человѣкъ, не считая убитыхъ.

Видя противъ себя и Мстиславича и Ольговича, Изяславъ обратился къ сѣверному Князю, Андрею Юрьевичу, сидѣвшему во Владимирѣ Клязменскомъ: Изяславъ послалъ просить у него дочери въ замужство за племянника своего Святослава Владиміровича, Князя Вщижскаго, и вмѣстѣ помощи, потому что женихъ былъ осажденъ въ своемъ городѣ Ольговичами, дядею и племянникомъ, и Рюрикомъ Ростиславичемъ. Андрей отправилъ къ нему на помощь сына своего Изяслава со всѣми своими полками и Муромскою помощію; вѣсть о приближеніи большой Ростовской силы заставила сначала Ольговича отступить отъ Вщижа, но когда Андреевы полки ушли назадъ въ Ростовскую землю, то Ольговичи съ союзниками опять обступили Вщижъ, стояли около него пять недѣль и заставили Владиміровича отстать отъ союза съ роднымъ дядею, признать старшинство двоюроднаго, Ольговича, имѣть его вмѣсто отца и ходить въ его волѣ.

Не смотря однако на всѣ неудачи, Изяславъ не думалъ еще уступать; въ Кіевѣ и въ степной Украйнѣ смотрѣли съ неудовольствіемъ и подозрительностію на тѣсный союзъ Ростислава съ Ольговичемъ; этимъ нерасположеніемъ могъ воспользоваться Давыдовичь, чтобъ разорвать союзъ Кіевскаго Князя съ Черниговскимъ, союзъ, отнимавшій у него всякую надежду на успѣхъ; есть извѣстіе, что онъ дѣйствительно воспользовался

нимъ, успѣлъ подкупить бояръ Кіевскихъ и Черниговскихъ, которые взялись перессорить Князей своихъ; но сначала имъ это не удалось: Князья не вѣрили навѣтамъ, переслались между собою, и еще крѣпче утвердили союзъ свой[289]. Чтобъ сблизить, помирить Ольговича съ Кіевлянами и пограничнымъ варварскимъ народонаселеніемъ, принимавшимъ такое важное участіе въ дѣлахъ южной Руси, Ростиславъ послалъ сказать Черниговскому Князю: «Отпусти ко мнѣ сына своего Олега, пусть ознакомится съ лучшими Кіевлянами, Берендѣями и Торками.» Святославъ, ничего не подозрѣвая, отпустилъ сына, который былъ принятъ очень хорошо Ростиславомъ, два дня сряду обѣдалъ у него; но на третій день, выѣхавши изъ стана на охоту[290], Олегъ встрѣтилъ одного Кіевскаго боярина, который сказалъ ему: «Князь! есть у меня до тебя важное дѣло, поклянись, что никому ничего не скажешь;» Олегъ поклялся, и бояринъ объявилъ ему, чтобъ онъ остерегался, потому что хотятъ его схватить. Олегъ повѣрилъ, и, подъ предлогомъ материнской болѣзни, сталъ проситься у Ростислава назадъ въ Черниговъ; тотъ сначала не хотѣлъ отпустить его, но потомъ отпустилъ; надобно замѣтить, что лѣтописецъ совершенно оправдываетъ Ростислава, и складываетъ всю вину на бояръ: Князь, говоритъ онъ, не имѣлъ на сердцѣ никакого злаго умысла; все это сдѣлали злые люди, не хотѣвшіе видѣть добра между братьею[291]. Когда Олегъ пріѣхалъ назадъ въ Черниговъ, то не сказалъ ничего отцу, но втайнѣ сердился на него, и сталъ проситься въ Курскъ; Святославъ ничего не зная, отпустилъ его туда; на дорогѣ Олега встрѣтили послы Давыдовича съ дружелюбными рѣчами, съ приглашеніемъ вступить въ союзъ съ ихъ Княземъ, съ извѣстіемъ, что двоюродные братья его, Святославъ и Ярославъ Всеволодовичи уже приступили къ этому союзу. Олегъ объявилъ обо всемъ этомъ своимъ боярамъ, и тѣ отвѣчали: «Князь! развѣ это хорошо, что хотѣли схватить тебя въ Кіевѣ, а Черниговъ отдаютъ подъ отцомъ твоимъ; послѣ этого вы оба правы въ крестномъ цѣлованіи къ нимъ.» Олегъ послушался, и вступилъ въ союзъ съ Изяславомъ, безъ отцовскаго совѣта. Когда старикъ Святославъ узналъ, что племянники Всеволодовичи и родной сынъ его Олегъ соединились съ Изясла-

вомъ, то съ большимъ горемъ разсказалъ объ этомъ боярамъ своимъ; но тѣ отвѣчали ему: «удивительно намъ, Князь, что жалуешься на племянниковъ и на Олега, а жизни своей не бережешь; уже это не ложь, что Романъ Ростиславичь изъ Смоленска посылалъ попа своего сказать Изяславу: отдаетъ тебѣ батюшка Черниговъ, живи со мною въ мирѣ; а потомъ самъ Ростиславъ хотѣлъ схватить сына твоего въ Кіевѣ; ты, Князь, волость свою погубилъ, держась за Ростислава, а онъ тебѣ очень лѣниво помогаетъ». Такимъ образомъ Святославъ по неволѣ отведенъ былъ отъ Ростиславовой любви къ Изяславу, говоритъ лѣтописецъ. Давыдовичь спѣшилъ пользоваться выгоднымъ оборотомъ дѣлъ, собралъ большія толпы Половцевъ, соединился со Всеволодовичами сѣверскими, съ роднымъ племянникомъ Владиміровичемъ, съ Олегомъ Святославичемъ; но отецъ послѣдняго, не смотря ни на что, не пошелъ вмѣстѣ съ Изяславомъ, остался въ Черниговѣ. Давыдовичу хотѣлось поднять на Ростислава и зятя своего, Глѣба Юрьевича, княжившаго въ Переяславлѣ, но тотъ не поѣхалъ съ нимъ, въ слѣдствіе чего союзники подошли къ Переяславлю, простояли подъ нимъ двѣ недѣли, и ничего не сдѣлали. Этимъ временемъ воспользовался Ростиславъ, собралъ большое войско, выступилъ къ Днѣпру и находился въ Триполѣ, когда Изяславъ, узнавши о его приближеніи, обратился въ бѣгство, и всѣ Половцы его ушли въ степь; вѣроятно бѣгство Половцевъ, которые не любили сражаться съ многочисленными войсками, и заставило Давыдовича бѣжать предъ Ростиславомъ. Но какъ скоро послѣдній, возвратясь въ Кіевъ, распустилъ свое войско, то Изяславъ опять собралъ союзныхъ себѣ Князей и Половцевъ, перешелъ замерзшій Днѣпръ за Вышгородомъ, и явился у Кіева. Здѣсь съ Ростиславомъ былъ только одинъ двоюродный братъ его Владиміръ Андреевичь; послѣ кровопролитной схватки, которая показалась лѣтописцу вторымъ пришествіемъ, Изяславъ началъ одолѣвать, и Половцы пробивались уже сквозь частоколъ въ городъ, когда дружина Ростиславова сказала своему Князю: «Князь! братьевъ твоихъ еще нѣтъ, нѣтъ ни Берендѣевъ, ни Торковъ, а у непріятелей сила большая; ступай лучше въ Бѣлгородъ, и тамъ поджидай помощи». Ростиславъ послушался, поѣхалъ

въ Бѣлгородъ съ полками и съ княгинею, и въ тотъ же день пришелъ къ нему племянникъ Ярославъ Изяславичь Луцкій съ братомъ Ярополкомъ, а Владиміръ Андреевичь отправился въ Торческъ за Торками и Берендѣями. Давыдовичь вошелъ въ третій разъ въ свой любимый Кіевъ, простилъ всѣхъ гражданъ, попавшихся въ плѣнъ, и пошелъ немедленно осаждать Бѣлгородъ Ростиславовъ; но Святославъ Черниговскій опять прислалъ ему сказать, чтобъ мирился: «Если даже и не помирятся съ тобою, во всякомъ случаѣ ступай за Днѣпръ; когда будешь за Днѣпромъ, то вся твоя правда будетъ». Изяславъ велѣлъ отвѣчать ему: «Братья мои, возвратившись за Днѣпръ, пойдутъ въ свои волости; а мнѣ куда возвращаться? къ Половцамъ нельзя мнѣ идти, а у Выря не хочу помирать съ голоду; лучше мнѣ здѣсь умереть». Четыре недѣли понапрасну простоялъ онъ около Бѣлгородскаго кремля; а между тѣмъ Мстиславъ Изяславичь изъ Владимира шелъ на выручку къ дядѣ, съ Галицкою помощію; съ другой стороны шелъ Рюрикъ Ростиславичь съ Владиміромъ Андреевичемъ и Василькомъ Юрьичемъ изъ Торческа, ведя съ собою толпы пограничныхъ варваровъ-Берендѣевъ, Коуевъ, Торковъ, Печенѣговъ; у Котельницы соединились они съ Мстиславомъ, и пошли вмѣстѣ къ Бѣлгороду[292]. На дорогѣ Черные Клобуки стали проситься у Мстислава ѣхать напередъ: «Мы посмотримъ, Князь, говорили они, велика ли рать». Мстиславъ отпустилъ ихъ, а между тѣмъ дикіе Половцы Изяславовы съ своей стороны также подстерегали непріятельское войско, и, прискакавши къ Изяславу, сказали ему, что идетъ рать огромная. Давыдовичь испугался и, не видавши самъ Мстиславовыхъ полковъ, побѣжалъ отъ Бѣлгорода; осажденные Князья вышли тогда изъ города, и дождавшись своихъ избавителей, погнались вмѣстѣ за Черниговскими; Торки нагнали ихъ, стали бить и брать въ плѣнъ; одинъ изъ Торковъ, Воиборъ Негечевичь[293], нагналъ самого Изяслава, и ударилъ его по головѣ саблею; другой Торчинъ проололъ его въ стегно, и повалилъ съ лошади; при послѣднемъ издыханіи уже нашелъ его Мстиславъ и отправилъ въ Кіевскій Семеновскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ; тѣло его отослали въ Черниговъ[294]. (1160—1161 г.)

Въ другой разъ Ростиславъ получилъ Кіевъ благодаря племяннику своему Мстиславу: это уже самое обстоятельство могло вести къ ссорѣ между князьями: Мстиславъ могъ считать себя въ правѣ предъявлять большія требованія за свои услуги, тѣмъ болѣе, что онъ, подобно отцу, держась пословицы: нейдетъ мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣсту, не отличался сыновнею покорностію передъ дядьми; мы видѣли, какъ прежде поступилъ онъ съ Ростиславомъ, когда тотъ вздумалъ было, ему въ ущербъ, мириться съ Давыдовичемъ. Ростиславъ, съ своей стороны, не хотѣлъ походить на дядю своего Вячеслава: мы видѣли, что онъ пошелъ въ Кіевъ только на условіи быть настоящимъ старшимъ въ родѣ. Вотъ почему неудивительно намъ читать въ лѣтописи, что скоро послѣ вторичнаго вступленія Ростислава въ Кіевъ, Мстиславъ выѣхалъ изъ этого города въ сердцахъ на дядю, и что между ними были крупныя рѣчи. Въ тоже время одинъ изъ сыновей Ростиславовыхъ, Давыдъ, безъ отцовскаго впрочемъ приказа, поѣхалъ въ Торческъ и схватилъ тамъ посадника Мстиславова, котораго привелъ въ Кіевъ: было необходимо занять Торческъ, для того чтобъ отрѣзать Мстиславу сообщеніе съ Черными Клобуками; въ Бѣлгородъ Ростиславъ отправилъ другаго сына своего Мстислава. Волынскому Князю трудно было одному бороться съ дядею; онъ хотѣлъ пріобрѣсть союзниковъ, но придумалъ для этого странное средство: съ войскомъ двинулся къ Пересопницѣ, приказывая Владиміру Андреевичу отступить отъ Ростислава; Владиміръ не послушался, и Мстиславъ принужденъ былъ возвратиться назадъ[295], а между тѣмъ Ростиславъ помирился съ Ольговичами, и дядею и племянниками[296], помирился и съ Юріемъ Ярославичемъ, которому, благодаря враждѣ и слабости Мономаховичей, удалось утвердиться въ Туровѣ. Оставался еще одинъ беземельный Князь, младшій братъ Ростислава, Владиміръ Мстиславичь; мы видѣли, что онъ былъ прогнанъ изъ Волыни племянникомъ Мстиславомъ, потомъ находился въ войскѣ Изяслава Давыдовича и вмѣстѣ съ послѣднимъ бѣжалъ отъ Бѣлгорода за Днѣпръ; что случилось съ нимъ послѣ того, неизвѣстно; но подъ 1162 годомъ лѣтописецъ говоритъ о походѣ Князей — Рюрика Ростиславича, Святополка, сына Юрія

Туровскаго, обоихъ Всеволодовичей Сѣверскихъ—Святослава и Ярослава, Святослава Владиміровича Вщижскаго, Олега Святославича и Полоцкихъ князей къ Слуцку[297] на Владиміра Мстиславича; когда и какъ послѣдній овладѣлъ этимъ городомъ — неизвѣстно. Видя, что нельзя противиться такому большому войску, Владиміръ отдалъ городъ союзнымъ князьямъ, а самъ отправился къ брату Ростиславу въ Кіевъ: тотъ далъ ему Триполь съ четырьмя городами. Наконецъ въ слѣдующемъ 1163 году Ростиславъ заключилъ миръ и съ племянникомъ своимъ Мстиславомъ: вѣроятно послѣдній, видя, что всѣ остальные князья въ дружбѣ съ дядею, сталъ посговорчивѣе; Ростиславъ возвратилъ ему Торческъ и Бѣлгородъ, а за Триполь далъ Каневъ.

Но въ то время, какъ все успокоилось на западной сторонѣ Днѣпра, встала смута на восточной по случаю смерти Святослава Ольговича, послѣдовавшей въ 1164 году. Черниговъ, по всѣмъ правамъ, принадлежалъ послѣ него племяннику отъ старшаго брата, Святославу Всеволодовичу; но вдова Ольговича, по согласію съ епископомъ Антоніемъ и лучшими боярами мужа своего, три дня таила смерть послѣдняго, чтобъ имѣть время послать за сыномъ своимъ Олегомъ и передать ему Черниговъ; Олегу велѣли сказать: «Ступай, Князь, поскорѣе, потому что Всеволодовичь не ладно жилъ съ отцемъ твоимъ и съ тобою, не замыслилъ бы какого лиха?» Олегъ успѣлъ пріѣхать прежде Святослава, который узналъ о дядиной смерти отъ епископа Антонія: мы видѣли, что этотъ Антоній былъ въ заговорѣ съ княгинею и даже цѣловалъ Спасителевъ образъ съ клятвою, что никому не откроетъ о княжеской смерти, при чемъ еще Тысяцкій Юрій сказалъ: «Негодилось бы намъ давать епископу цѣловать Спасовъ образъ, потому что онъ святитель, а подозрѣвать его было намъ нельзя, потому что онъ любилъ своихъ князей;» и епископъ отвѣчалъ на это: «Богъ и его Матерь мнѣ свидѣтели, что самъ не пошлю къ Всеволодовичу никакимъ образомъ, да и вамъ дѣти, запрещаю, чтобъ не погинуть вамъ душею и не быть предателями, какъ Іуда.» Такъ говорилъ онъ на словахъ, а въ сердцѣ затаилъ обманъ, потому что былъ родомъ (Грекъ, прибавляетъ лѣтописецъ: первый поцѣловалъ онъ Спа-

совъ образъ, первый и нарушилъ клятву, послалъ къ Всеволодовичу грамоту, въ которой писалъ: «Дядя твой умеръ; послали за Олегомъ; дружина по городамъ далеко, княгиня сидитъ съ дѣтьми безъ памяти, а имѣнья у нея множество; ступай поскорѣе, Олегъ еще не пріѣхалъ, такъ ты урядишься съ нимъ на всей своей волѣ.» Святославъ, прочтя грамоту, немедленно отправилъ сына въ Гомель, по другимъ городамъ послалъ посадниковъ, а самъ сбирался ѣхать въ Черниговъ, но услыхавъ, что Олегъ предупредилъ его, сталъ пересылаться съ нимъ, улаживаясь насчетъ волостей; Олегъ уступилъ ему Черниговъ, а себѣ взялъ Новгородъ Сѣверскій; Всеволодовичь цѣловалъ также крестъ, что надѣлитъ изъ своихъ волостей братьевъ Олеговыхъ, Игоря и Всеволода, но не исполнилъ клятвы. Олегъ, какъ видно, на первый разъ смолчалъ; но скоро представился новый случай къ ссорѣ: въ 1167 году умеръ Князь Вщижскій Святославъ Владиміровичь, представитель старшей линіи въ Святославовомъ родѣ, имѣвшій по этому болѣе Ольговичей права на Черниговъ, но, какъ видно, не хотѣвшій вступать въ споръ по болѣзни или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ. Выморочную волость должны были подѣлить между собою остальные родичи[298]; но Святославъ не далъ ничего Олегу, отдалъ лучшую волость родному брату своему Ярославу, а во Вщижѣ посадилъ сына. Тогда Ростиславъ Кіевскій, видя, что Святославъ обижаетъ Олега, вступился за послѣдняго, тѣмъ болѣе, что за нимъ была его дочь[299], и нѣсколько разъ посылалъ уговаривать Всеволодовича, чтобъ надѣлилъ Олега какъ слѣдуетъ; а между тѣмъ Стародубцы, недовольные почему-то Всеволодовичемъ, послали также звать къ себѣ Олега; тотъ было поѣхалъ, но былъ предупрежденъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, и гражданамъ не льзя было исполнить своего намѣренія; тогда Олегъ, въ сердцахъ на неудачу, побралъ въ плѣнъ множество сельскихъ жителей около Стародуба. Святославъ хотѣлъ отомстить ему тѣмъ, что послалъ брата Ярослава съ Половцами къ Новгороду Сѣверскому; но это войско, не дошедши 15 верстъ отъ города, возвратилось назадъ. Олегъ не могъ самъ продолжать военныхъ дѣйствій, потому что сильно занемогъ, и потому легко согласился на предложеніе Ростислава

помириться съ Черниговскимъ Княземъ, взявши у послѣдняго четыре города.

Такимъ образомъ Ростиславу удалось умирить всѣхъ Князей и на восточной и на западной сторонѣ Днѣпра; оставалось урядить дѣла на сѣверѣ. Въ 1167 году онъ отправился туда, заѣхавши напередъ къ зятю своему, Олегу Сѣверскому; Смолняне, лучшіе люди начали встрѣчать его еще за 300 верстъ отъ своего города, потомъ встрѣтили его внуки, за ними сынъ Романъ, епископъ, Тысяцкій и мало не весь городъ вышелъ къ нему на встрѣчу: такъ всѣ обрадовались его приходу, и множество даровъ надавали ему. Изъ Смоленска Ростиславъ отправился въ Торопецъ, откуда послалъ въ Новгородъ къ сыну Святославу, чтобъ пріѣзжалъ съ лучшими гражданами къ нему въ Великіе Луки, потому что болѣзнь не позволяла ему ѣхать дальше. Урядившись съ Новгородцами, взявши много даровъ у нихъ и у сына, онъ возвратился въ Смоленскъ совсѣмъ больной; сестра Рогнѣда начала просить его, чтобъ остался въ Смоленскѣ и легъ въ построенной имъ церкви, но Ростиславъ отвѣчалъ: «Не могу здѣсь лечь, везите меня въ Кіевъ; если Богъ пошлетъ по душу на дорогѣ, то положите меня въ отцовскомъ благословеніи у св. Θеодора; а если, Богъ дастъ, выздоровлю, то постригусь въ Печерскомъ монастырѣ.» Передъ смертію онъ говорилъ духовнику своему, священнику Семену: «Отдашь ты отвѣтъ Богу, что не допустилъ меня до постриженія.» Ростиславъ постоянно имѣлъ эту мысль, и часто говорилъ Печерскому игумену Поликарпу: «Тогда мнѣ пришла мысль о постриженіи, какъ получилъ я вѣсть изъ Чернигова о смерти Святослава Ольговича.» Съ тѣхъ поръ онъ все твердилъ игумену: «Поставь мнѣ келью добрую, боюсь напрасной смерти.» Но Поликарпъ отговаривалъ ему: «Вамъ Богъ такъ велѣлъ быть, говорилъ игуменъ: правду блюсти на этомъ свѣтѣ, судъ судить праведный и стоять въ крестномъ цѣлованіи.» Ростиславъ отвѣчалъ на это: «Отецъ! Княженіе и міръ не могутъ быть безъ грѣха, а я уже не мало пожилъ на этомъ свѣтѣ, такъ хотѣлось бы поревновать святымъ.» Поликарпъ не хотѣлъ больше противиться, и отвѣчалъ: «Если уже ты такъ сильно этого хочешь, Князь, то да будетъ воля Божія.» Ростиславъ сказалъ на это: «Подожду еще не мно-

го; есть у меня коекакія дѣла.»—Теперь всѣ дѣла были устроены, и больной Ростиславъ спѣшилъ въ Кіевъ съ тѣмъ, чтобы лечь тамъ или постричься, какъ на дорогѣ изъ Смоленска, будучи въ сестриномъ селѣ Зарубѣ, почувствовалъ приближеніе смерти и послалъ за духовникомъ; самъ прочелъ отходную, и умеръ въ полной памяти, отирая платкомъ слезы. —И этотъ Мстиславичь представляетъ также замѣчательное явленіе между древними Князьями нашими: далеко уступая старшему брату своему Изяславу въ дѣятельности, отвагѣ и распорядительности ратной, Ростиславъ отличался охранительнымъ характеромъ: постоянно почтительный предъ старшимъ братомъ, покорный его волѣ, онъ былъ почтителенъ и передъ дядьми, съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на борьбу съ ними старшаго брата, уговаривалъ его уступить имъ; и когда самому пришла очередь быть старшимъ въ родѣ, то потребовалъ отъ младшихъ такого же повиновенія, какое самъ оказывалъ своимъ старшимъ. Принявши старшинство, онъ не уступилъ пылкому племяннику своему Мстиславу въ требованіяхъ, какъ по всему видно, неумѣренныхъ, но и его послѣ, и всѣхъ остальныхъ младшихъ родичей ни въ чемъ не обидѣлъ, всѣхъ старался примирить, всѣхъ надѣлилъ волостями, такъ что при концѣ его жизни повсюду водворилось спокойствіе (1167 г.).

По смерти Ростислава старшинство въ родѣ принадлежало прежде всего Святославу Всеволодовичу Черниговскому по старшинству племени; но Мономаховичи не хотѣли признавать этого старшинства; въ племени Мономаховомъ старшимъ по линіи былъ послѣдній сынъ Мстислава Великаго, Владиміръ Мстиславичь, но этотъ Князь, какъ мы видѣли, былъ моложе своего племянника лѣтами, былъ изгнанъ Мстиславомъ даже изъ Волыни: могъ ли онъ надѣяться, что послѣдній уступитъ ему Кіевъ; наконецъ послѣ Владиміра на старшинство въ родѣ имѣлъ право сынъ Юрія Долгорукаго, Андрей Боголюбскій; но сѣверныхъ Князей вообще не любили на югѣ, и Андрей поведеніемъ своимъ относительно братьевъ не могъ нисколько уменьшить этого нерасположенія. Вотъ почему, по смерти Ростислава взоры всѣхъ обратились на смѣлаго племянника его, Князя Владимирскаго на Волыни, который два раза уже овладѣвалъ Кіе-

вомъ, два раза уступалъ его родному и старшему дядѣ, но кромѣ послѣдняго не могъ уступить никому другому. Не смотря однако на это, спорность правъ Мстислава, спорность самой отчинности его (ибо его отецъ умеръ собственно не будучи старшимъ въ родѣ), давала родичамъ его надежду, что Изяславичь щедро наградитъ ихъ за уступку ему старшинства, дастъ имъ все, чего они сами захотятъ; но они ошиблись въ своемъ расчетѣ: Мстиславъ, подобно дядѣ Ростиславу, хотѣлъ быть старшимъ на дѣлѣ, а не по имени только. Получивъ приглашеніе ѣхать въ Кіевъ отъ братьи—Владиміра Мстиславича, Рюрика и Давида Ростиславичей, также особое приглашеніе отъ Кіевлянъ и особое отъ Черныхъ Клобуковъ, Мстиславъ отправилъ немедленно въ Кіевъ племянника Василька-Ярополчича съ своимъ тіуномъ. Здѣсь въ Кіевѣ пріятели Мстислава разсказали Васильку, что Князья Владиміръ Мстиславичь и Андреевичь, также Ярославъ Изяславичь Луцкій и Ростиславичи цѣловали крестъ, что будутъ стоять за одно и возьмутъ у Мстислава волости по своей волѣ: Владиміръ Мстиславичь возьметъ въ придачу къ Триполю Торческъ со всѣмъ Поросьемъ, Владиміръ Андреевичь Брестъ, Ярославъ Владиміръ. Василько немедленно далъ знать объ этомъ дядѣ Мстиславу, и тотъ, передавши вѣсть союзникамъ своимъ — Ярославу Галицкому, Всеволодовичамъ Городенскимъ и Князьямъ Польскимъ, выступилъ съ своими полками и съ Галицкою помощію къ Кіеву. Какъ видно, главою княжескаго заговора былъ Владиміръ Мстиславичь, давній врагъ своего племянника; вотъ почему услыхавъ о приближеніи послѣдняго къ Кіеву, онъ бросился бѣжать съ семьею изъ Триполя въ Вышгородъ, гдѣ и затворился вмѣстѣ съ Ростиславичами. Мстиславъ между тѣмъ вошелъ въ Кіевъ, урядился съ братьями, дружиною и Кіевлянами, и въ тотъ же день отправился осаждать Вышгородъ; послѣ крѣпкихъ схватокъ между осаждающими и осажденными, Князья начали пересылаться, и уладились наконецъ на счетъ волостей, послѣ чего Мстиславъ вторично вошелъ въ Кіевъ и сѣлъ на столѣ Ярославовомъ, на столѣ отца своего и дѣдовъ своихъ.

Но легко понять, что Князья, особенно старые, обманувшись въ своихъ надеждахъ, затаили горечь въ сердцѣ; особенно

злобился на племянника Владиміръ Мстиславичь, и тотчасъ послѣ ряду уже началъ затѣвать новые замыслы противъ Мстиславича; бояринъ Давыда Ростиславича, Василь Настасьичь, узнавши объ этихъ замыслахъ, объявилъ объ нихъ своему Князю, а тотъ разсказалъ все Мстиславу. Когда Владиміръ увидалъ, что умыселъ его открылся, то пріѣхалъ въ Кіевъ оправдываться предъ племянникомъ. Почти въ одно время съѣхались они въ Печерскомъ монастырѣ; Мстиславъ вошелъ въ игуменскую келью, а Владиміру велѣлъ сѣсть въ икономской, и послалъ спросить его: «Братъ! за чѣмъ ты пріѣхалъ? я за тобой не посылалъ.» Владиміръ велѣлъ отвѣчать: «Братъ! слышалъ я, что злые люди наговорили тебѣ на меня.» — «Говорилъ мнѣ братъ Давыдъ,»—велѣлъ отвѣчать на это Мстиславъ. Послали къ Давыду въ Вышгородъ, Давыдъ прислалъ Василя для улики, приставили къ нему Тысяцкаго и еще другаго боярина, и начался судъ. Черезъ три дня Мстиславъ опять пріѣхалъ въ Печерскій монастырь; Владиміръ прислалъ двоихъ бояръ своихъ, которые начали спорить съ Василемъ; но за послѣдняго явился новый свидѣтель. Дѣло это наконецъ наскучило Мстиславу; онъ сказалъ дядѣ: «Братъ! ты крестъ цѣловалъ, и еще губы у тебя не обсохли; вѣдь это отцовское и дѣдовское утвержденіе; кто нарушаетъ клятву, тому Богъ будетъ судья; такъ теперь, если ты не думалъ никакого зла и не думаешь, то цѣлуй крестъ.» Владиміръ отвѣчалъ: Съ радостію, братецъ, поцѣлую; все это на меня выдумали ложь,» — поцѣловалъ крестъ, и поѣхалъ въ Котельницу. Но въ томъ же году сталъ онъ опять сноситься съ Черными Клобуками, подучать ихъ на племянника; и когда послѣдніе дали ему слово дѣйствовать за одно, то онъ объявилъ объ этомъ своимъ боярамъ; но дружина отвѣчала ему: «Ты, Князь, задумалъ это самъ собою; такъ не ѣдемъ по тебѣ, мы ничего не знали.» Владиміръ разсердился и, взглянувъ на молодыхъ дружинниковъ, сказалъ: «вотъ у меня будутъ бояре», и поѣхалъ къ Берендѣямъ, съ которыми встрѣтился ниже Ростовца. Но варвары, увидавши, что онъ пріѣхалъ одинъ, встрѣтили его словами: «Ты намъ сказалъ, что всѣ братья съ тобою за одно,» гдѣ же Владиміръ Андреевичь, гдѣ Ярославъ и Давыдъ? да и дружины то у тебя нѣтъ;

ты насъ обманулъ, такъ и намъ лучше въ чужую голову, чѣмъ въ свою»—и начали пускать во Владиміра стрѣлы, изъ которыхъ двѣ и попали въ него. Владиміръ сказалъ тогда: «Сохрани Богъ вѣрить поганому, а я уже погибъ и душою и жизнію», и побѣжалъ къ Дорогобужу, потерявъ своихъ отроковъ, которыхъ перебили Черные Клобуки. Но Владиміръ Андреевичь раззорилъ мостъ на рѣкѣ Горынѣ и не пустилъ къ себѣ Мстиславича, который принужденъ былъ обратиться къ востоку, и чрезъ землю Радимичей пустился въ Суздальскую область къ Андрею Боголюбскому; и послѣдній не принялъ его къ себѣ, а послалъ сказать ему: «ступай въ Рязань къ тамошнему Князю, а я тебя надѣлю [300]. Владиміръ послушался, и отправился въ Рязань. Мстиславъ Кіевскій не хотѣлъ послѣ того терпѣть, чтобъ и мать Владимірова оставалась гдѣ-нибудь на Руси, и велѣлъ сказать ей: «ступай за Днѣпръ въ Городокъ, а оттуда иди куда хочешь; не могу жить съ тобою въ одномъ мѣстѣ, потому что сынъ твой всегда ловитъ головы моей, вѣчно нарушаетъ клятвы;» она отправилась въ Черниговъ къ Святославу Всеволодовичу.

Казалось, что съ удаленіемъ дяди Владиміра на дальній сѣверовостокъ, Мстиславъ долженъ былъ успокоиться; но вышло иначе. Мы видѣли, что Князья не могли распорядиться волостями такъ, какъ имъ хотѣлось при вступленіи на старшій столъ Мстислава; это оставило горечь во всѣхъ сердцахъ, которая должна была обнаруживаться при всякомъ удобномъ случаѣ. Послѣ удачнаго похода на Половцевъ въ 1168 году Князья разсердились на Мстислава за то, что онъ тайкомъ отъ нихъ отпускалъ слугъ своихъ раззорять Половецкія вежи; скоро послѣ этого Мстиславъ снова собралъ всю братью въ Кіевѣ и предложилъ новый походъ въ степи. Рѣчь его полюбилась всѣмъ Князьямъ, они выступили въ походъ, и остановились у Канева. Въ это время двое изъ дружины, Бориславичи, родные братья, Петръ и Несторъ, начали говорить Давыду Ростиславичу злыя рѣчи на Мстислава: послѣдній прогналъ ихъ отъ себя за то, что холопы ихъ покрали его лошадей изъ стада, и положили на нихъ свои пятна (клейма): такъ теперь Бориславичи хотѣли отомстить ему клеветою. Давыдъ повѣрилъ имъ и

началъ говорить брату Рюрику: «Братъ! пріятели говорятъ мнѣ, что Мстиславъ хочетъ насъ схватить.» «А за что? за какую вину?» отвѣчалъ Рюрикъ;—давно ли онъ къ намъ крестъ цѣловалъ?» Чтобъ увѣрить больше Ростиславичей, клеветники сказали имъ: «Мстиславъ положилъ схватить васъ у себя за обѣдомъ; такъ если онъ начнетъ звать васъ на обѣдъ, то значитъ, что мы сказали правду.» И точно Мстиславъ, ничего не зная, позвалъ на обѣдъ Рюрика и Давыда. Тѣ послали сказать ему въ отвѣтъ на зовъ: «Поцѣлуй крестъ, что не замыслишь на насъ никакого лиха, такъ поѣдемъ къ тебѣ.» Мстиславъ ужаснулся, и сказалъ дружинѣ: «Что это значитъ? братья велятъ мнѣ крестъ цѣловать, а я не знаю за собою никакой вины!» дружина отвѣчала: «Князь! нелѣпо велятъ тебѣ братья крестъ цѣловать; это вѣрно какіе-нибудь злые люди, завидуючи твоей любви къ братьи, пронесли злое слово. Злой человѣкъ хуже бѣса, и бѣсу того не выдумать, что злой человѣкъ замыслитъ; а ты правъ предъ Богомъ и предъ людьми: вѣдь тебѣ безъ насъ нельзя было ничего замыслить, ни сдѣлать, а мы всѣ знаемъ твою истинную любовь ко всей братьѣ; пошли сказать имъ, что ты крестъ цѣлуешь, но чтобъ они выдали тѣхъ, кто васъ ссоритъ.» Давыдъ не согласился выдать Бориславичей: «Кто жъ мнѣ тогда что-нибудь скажетъ послѣ, если я этихъ выдамъ», говорилъ онъ. Не смотря на то, Мстиславъ цѣловалъ крестъ, и Ростиславичи оба поцѣловали; однако сердце ихъ не было право съ нимъ, прибавляетъ лѣтописецъ. Въ тоже самое время Владиміръ Андреевичь началъ припрашивать волости у Мстислава; тотъ понялъ, что Владиміръ припрашиваетъ нарочно, чтобъ имѣть только случай къ ссорѣ, и послалъ сказать ему: «Братъ Владиміръ! давно ли ты крестъ цѣловалъ ко мнѣ и волость взялъ?» Владиміръ въ сердцахъ уѣхалъ въ свой Дорогобужъ. Этимъ всеобщимъ нерасположеніемъ южныхъ Князей къ Мстиславу воспользовался Андрей Боголюбскій, чтобъ предъявить права свои на старшинство и на Кіевъ: онъ также не любилъ Мстислава, какъ отецъ его Юрій не любилъ отца Мстиславова Изяслава, и точно также, какъ прежде отецъ его, началъ открытую войну, удостовѣрившись, что найдетъ союзниковъ на югѣ. Ждали только повода; поводъ открылся, когда Мстиславъ исполнилъ прось-

бу Новгородцевъ, и отправилъ къ нимъ на княженіе сына своего Романа; тогда всѣ братья стали сноситься другъ съ другомъ и утвердились крестомъ на Мстислава, объявивши старшимъ въ родѣ Андрея Юрьевича. Боголюбскій выслалъ сына своего Мстислава и воеводу Бориса Жидиславича съ Ростовцами, Владимірцами, Суздальцами; къ этому ополченію присоединилось 11 Князей: Глѣбъ Юрьевичь изъ Переяславля, Романъ изъ Смоленска, Владиміръ Андреевичь изъ Дорогобужа , Рюрикъ Ростиславичь изъ Овруча, братья его — Давыдъ и Мстиславъ изъ Вышгорода; Сѣверскіе — Олегъ Святославичь съ братомъ Игоремъ; наконецъ младшій братъ Боголюбскаго, знаменитый въ послѣдствіи, Всеволодъ Юрьевичь и племянникъ отъ старшаго брата, Мстиславъ Ростиславичь. Не пошелъ Святославъ Всеволодовичь Черниговскій, не желая, какъ видно, отнимать Кіевъ у Мстислава въ пользу Князя, старшинства котораго не могъ онъ признать; не пошелъ и одинъ изъ родныхъ братьевъ Боголюбского, Михаилъ Юрьевичь; его Мстиславъ отправилъ съ Черными Клобуками въ Новгородъ на помощь сыну своему Роману; но Ростиславичи — Рюрикъ и Давыдъ, узнавши, что рать Боголюбскаго и роднаго брата ихъ Романа уже приближается, послали въ погоню за Михаиломъ и схватили его, не далеко отъ Мозыря, благодаря измѣнѣ Черныхъ Клобуковъ.

Зналъ ли Мстиславъ о сбиравшейся на него грозѣ, или нѣтъ, трудно рѣшить; скорѣе можно предположить, что не зналъ, иначе не послалъ бы онъ Черныхъ Клобуковъ съ Юрьевичемъ въ Новгородъ. Въ Вышгородѣ соединились всѣ Князья — непріятели Мстислава и отсюда пошли и обступили Кіевъ. Мстиславъ затворился въ городѣ и крѣпко бился изъ него: любовь къ сыну Изяславову, и еще больше, быть можетъ, нелюбовь къ сыну Юріеву, заставила Кіевлянъ въ первый разъ согласиться выдержать осаду; лѣтописецъ не говоритъ, чтобъ ктонибудь изъ нихъ, какъ прежде, вышелъ на встрѣчу къ осаждавшимъ Князьямъ, или всѣ вѣчемъ говорили Мстиславу: «Ступай, Князь, теперь не твое время;» одни только Черные Клобуки, по обычаю, начали предательствовать. Послѣ трехъдневной осады, дружины осаждавшихъ Князей успѣли вор-

ваться въ городъ; тогда дружина Мстиславова сказала своему Князю: «Что стоишь? поѣзжай изъ города; намъ ихъ не перемочь;» Мстиславъ послушался, и побѣжалъ на Василевъ, отрядъ Черныхъ Клобуковъ гнался за нимъ, стрѣлялъ въ задъ, побралъ въ плѣнъ много дружины; но самому Мстиславу удалось соединиться съ братомъ Ярославомъ и пробраться вмѣстѣ съ нимъ во Владимиръ Волынскій. Въ первый разъ[301] Кіевъ былъ взятъ вооруженною рукою, при всеобщемъ сопротивленіи жителей, и въ первый разъ мать городовъ Русскихъ должна была подвергнуться участи города, взятаго на щитъ: два дни побѣдители грабили городъ, не было никому и ничему помилованія: церкви жгли, жителей—однихъ били, другихъ вязали, женъ разлучали съ мужьями и вели въ плѣнъ, младенцы рыдали, смотря на матерей своихъ; богатства непріятели взяли множество, церкви всѣ были пограблены; Половцы зажгли было и монастырь Печерскій, но монахамъ удалось потушить пожаръ; были въ Кіевѣ тогда, говоритъ лѣтописецъ, на всѣхъ людяхъ стонъ и тоска, печаль неутѣшная и слезы непрестанныя. — Но не старшій сынъ Юрія, во имя котораго совершенъ былъ походъ, взятъ и раззоренъ стольный городъ отцовъ, не Боголюбскій сѣлъ въ Кіевѣ; сынъ его Мстиславъ посадилъ здѣсь дядю, Глѣба Переяславскаго, который отдалъ Переяславль сыну своему Владиміру; старшій въ родѣ Князь остался жить на сѣверѣ, въ далекомъ Владимирѣ Клязменскомъ, и сынъ его Мстиславъ пошелъ назадъ къ отцу съ великою честію и славою, говоритъ лѣтописецъ; но въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ: съ проклятіемъ.

Изъ событій въ особыхъ княжествахъ по смерти Юрія Долгорукаго мы упоминали, какъ потомству Изяслава Ярославича удалось утвердиться въ Туровѣ; потомство Игоря Ярославича продолжало княжить въ Городнѣ. Ярославъ Галицкій освободился наконецъ отъ опаснаго соперника своего, Ивана Берладника: подъ 1161 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что Берладникъ умеръ въ Солунѣ; есть слухъ, прибавляетъ онъ, что смерть приключилась ему отъ отравы. Въ Полоцкѣ происходили большія смуты. Мы видѣли, что въ 1151 году Полочане выгнали Князя Рогволода Борисовича и взяли на его мѣсто Рости-

слава Глѣбовича, который вошелъ въ сыновнія отношенія къ Святославу Ольговичу. Но, какъ видно, Ростиславъ въ послѣдствіи позабылъ о своихъ обязанностяхъ относительно Черниговскаго Князя, потому что послѣдній принялъ къ себѣ изгнанника Рогволода, и даже въ 1159 году далъ ему свои полки для отысканія волостей. Пріѣхавши въ Слуцкъ, Рогволодъ началъ пересылаться съ жителями Друцка; тѣ обрадовались ему, стали звать къ себѣ: «Пріѣзжай, Князь, не мѣшкай, рады мы тебѣ; если придется, станемъ биться за тебя и съ дѣтьми.» И въ самомъ дѣлѣ больше трехъ сотъ лодокъ выѣхало къ нему на встрѣчу, съ честью ввели его Дручане въ свой городъ, а Глѣба Ростиславича выгнали, дворъ и дружину его разграбили. Когда Глѣбъ пришелъ къ отцу Ростиславу въ Полоцкъ, и когда узнали здѣсь, что Рогволодъ сидитъ въ Друцкѣ, то сильный мятежъ всталъ между Полочанами, потому что многіе изъ нихъ захотѣли Рогволода, и съ большимъ трудомъ могъ Ростиславъ установить людей. Обдаривши ихъ богато и приведя ко кресту, онъ пошелъ со всею братьею на Рогволода къ Друцку, но встрѣтилъ сильный отпоръ: Дручане бились крѣпко, и много падало людей съ обѣихъ сторонъ; тогда Ростиславъ, видя, что не возьметъ ничего силою, помирился съ Рогволодомъ, придалъ ему волостей, и возвратился домой. Но дѣло этимъ не кончилось: въ томъ же году Полочане сговорились выгнать Ростислава, позабывши, что̀ говорили ему при крестномъ цѣлованіи: «Ты нашъ Князь, и дай намъ Богъ съ тобою пожить.» Они послали тайкомъ въ Друцкъ сказать Рогволоду Борисовичу: «Князь нашъ! согрѣшили мы предъ Богомъ и предъ тобою, что встали на тебя безъ вины, имѣнье твое и дружины твоей все разграбили, а самого схвативши, выдали Глѣбовичамъ на великую муку; если ты позабудешь все то, что мы тебѣ сдѣлали своимъ безуміемъ, и поцѣлуешь къ намъ крестъ, то мы твои люди, а ты нашъ Князь; Ростислава отдадимъ тебѣ въ руки, дѣлай съ нимъ что хочешь.» Рогволодъ поклялся, что забудетъ все прошлое; но, какъ обыкновенно водилось въ городахъ, у Ростислава между Полочанами были также пріятели, которые дали ему знать, что остальные сбираются схватить его. Положено было позвать его обманомъ на братовщину къ Святой Богородицѣ къ

Старой, на Петровъ день, и тутъ его схватить; но Ростиславъ предувѣдомленный, какъ сказано выше, пріятелями, поддѣлъ броню подъ платье, и заговорщики не смѣли напасть на него тутъ, но на другой день опять послали звать его къ себѣ на вѣче: «Пріѣзжай къ намъ, Князь! велѣли они сказать ему: намъ съ тобой нужно кой о чемъ переговорить.» Ростиславъ отвѣчалъ посламъ: «Вѣдь я вчера былъ у васъ, чтожъ вы со мною ни о чемъ не говорили?» Не смотря однако на прежнее предувѣдомленіе, онъ поѣхалъ на этотъ разъ въ городъ, (а жилъ онъ тогда на загородномъ дворѣ въ Бѣлчицѣ, въ трехъ верстахъ отъ Полоцка, на другомъ берегу Двины). Но не успѣлъ Ростиславъ еще доѣхать до города, какъ встрѣтилъ отрока своего, который сказалъ ему: «Не ѣзди, Князь! въ городѣ на тебя вѣче, уже дружину твою бьютъ, и тебя хотятъ схватить.» Ростиславъ возвратился, собралъ дружину на Бѣлчицѣ, и пошелъ полкомъ въ Минскъ, къ брату Володарю, опустошая Полоцкую волость, забирая скотъ и челядь. Рогволодъ, по зову Полочанъ, пріѣхалъ княжить на его мѣсто, и не хотѣлъ оставить Глѣбовичей въ покоѣ: собралъ большое войско изъ Полочанъ, выпросилъ у Ростислава Смоленскаго на помощь двухъ сыновей его, Романа и Рюрика съ бояриномъ Внѣздомъ, полками Смоленскими, Новгородскими и Псковскими, и пошелъ сперва къ Изяславлю, гдѣ затворился Всеволодъ Глѣбовичь; этотъ Всеволодъ прежде былъ большимъ пріятелемъ Рогволоду, и потому, понадѣявшись на старую дружбу, поѣхалъ въ станъ къ Борисовичу и поклонился ему; Рогволодъ принялъ его хорошо, но не отдалъ назадъ Изяславля, который слѣдовалъ, какъ отчина, Брячиславу Васильковичу, а далъ вмѣсто того Стрѣжевъ; потомъ Рогволодъ отправился къ Минску, но, простоявши подъ городомъ 10 дней безъ успѣха, заключилъ съ Ростиславомъ миръ и возвратился домой. Глѣбовичи, уступя на время силѣ, скоро начали опять дѣйствовать противъ остальныхъ двоюродныхъ братьевъ: въ 1159 году овладѣли опять Изяславлемъ, схватили тамъ двоихъ Васильковичей, Брячислава и Володаря, и заключили ихъ въ Минскѣ. Это заставило Рогволода опять идти на Минскъ, Ростиславъ Мстиславичь изъ Кіева прислалъ ему на помощь 600 Торковъ; Рогволодъ шесть недѣль стоялъ около города и

заключилъ миръ на всей своей волѣ, т. е. заставилъ освободить Васильковичей; но Торки, потерявши лошадей и сами помирая съ голоду, возвратились пѣшкомъ на югъ, не дождавшись мира. Потомъ лѣтописецъ опять упоминаетъ о новомъ походѣ Рогволода на Ростислава къ Минску и о новомъ мирѣ. Въ 1161 году имѣлъ мѣсто новый походъ Рогволода на одного изъ Глѣбовичей, Володаря, княжившаго теперь въ Городцѣ; Володарь не сталъ биться съ нимъ днемъ, но сдѣлалъ вылазку ночью и съ Литвою нанесъ осаждавшимъ сильное пораженіе; Рогволодъ убѣжалъ въ Слуцкъ, и пробывъ здѣсь три дня, пошелъ въ старую свою волость—Друцкъ, а въ Полоцкъ не посмѣлъ явиться, погубивши столько тамошней рати подъ Городцемъ; Полочане посадили на его мѣсто одного изъ Васильковичей, Всеслава. Изъ Полоцкихъ волостей мы встрѣчаемъ упоминовеніе о Минскѣ, Изяславлѣ, Друцкѣ, Городцѣ, какъ объ отдѣльныхъ столахъ Княжескихъ; мы видѣли выше, что Ярославъ 1-й уступилъ Полоцкому Князю Брячиславу Витепскъ[302]; теперь подъ 1165 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Витепскѣ сѣлъ Давыдъ Ростиславичь Смоленскій, отдавши прежнему Витепскому Князю Роману два Смоленскихъ города—Васильевъ и Красный. Между тѣмъ Глѣбовичи не могли равнодушно видѣть, что Полоцкъ вышелъ изъ ихъ племени, и отъ Борисовича перешелъ къ Васильковичу; въ 1167 году Володарь Глѣбовичь Городецкій пошелъ на Полоцкъ; Всеславъ Васильковичь вышелъ къ нему на встрѣчу; но Володарь, не давши ему собраться и выстроить хорошенько полки, ударилъ внезапно на Полочанъ, многихъ убилъ, другихъ побралъ руками, и заставилъ Всеслава бѣжать въ Витепскъ, а самъ пошелъ въ Полоцкъ, и уладился съ тамошними жителями, цѣловалъ съ ними крестъ, какъ говоритъ лѣтописецъ. Утвердившись здѣсь, Володарь пошелъ къ Витепску на Давыда и Всеслава, сталъ на берегу Двины и началъ биться объ рѣку съ непріятелями; Давыдъ не хотѣлъ вступать съ нимъ въ рѣшительное сраженіе, поджидая брата своего Романа съ Смолнянами, какъ вдругъ въ одну ночь ударилъ страшный громъ, ужасъ напалъ на все войско Полоцкое, и дружина стала говорить Володарю: «чего стоишь, Князь, не ѣдешь прочь? Романъ переправляется черезъ рѣку, а съ другой стороны ударитъ Да-

выдъ.» Володарь испугался и побѣжалъ отъ Витепска; на другое утро, узнавъ о бѣгствѣ врага, Давыдъ послалъ за нимъ погоню, которая однако не могла настичь самого Князя, а переловила только многихъ ратниковъ его, заблудившихся въ лѣсу; Всеславъ впрочемъ отправился по слѣдамъ Володаревымъ къ Полоцку и опять успѣлъ занять этотъ городъ.

Мы видѣли, что въ Новгородѣ нарядъ былъ установленъ Ростиславомъ, который въ 1158 году посадилъ здѣсь сына своего Святослава, а въ Торжкѣ другаго сына Давыда. Скоро самъ Ростиславъ былъ позванъ племянникомъ на столъ Кіевскій, и слѣдовало ожидать, что это обстоятельство упрочитъ тишину въ Новгородѣ, но вышло противное. Андрей Боголюбскій, вступившись за Изяслава Давыдовича, вошедши съ нимъ въ родственную связь, захотѣлъ нанести Ростиславу чувствительный ударъ на сѣверѣ, и послалъ сказать Новгородцамъ: «Будь вамъ вѣдомо: хочу искать Новгорода и добромъ и лихомъ[303].» Услыхавъ грозное слово, Новгородцы не знали, что дѣлать; начались волненія и частыя вѣча. Не желая оскорбить Кіевскаго Князя, они начали сперва дѣйствовать полумѣрами, надѣясь, что Святославъ догадается и самъ выйдетъ отъ нихъ. Такъ они стали просить его, чтобъ вывелъ брата Давыда изъ Торжка, потому что содержаніе двухъ Князей тяжко для ихъ области. Святославъ исполнилъ ихъ требованіе, не разсердился и не оставилъ города. Тогда надобно было приступить къ мѣрамъ рѣшительнымъ; не должно забывать также, что въ Новгородѣ существовала сторона, противная Мстиславичамъ, и которая должна была теперь сильно дѣйствовать при этихъ благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ. Святославъ сидѣлъ на Городищѣ, у св. Благовѣщенія, какъ вдругъ пригналъ къ нему вѣстникъ и сказалъ: «Князь! большое зло дѣлается въ городѣ, хотятъ тебя люди схватить.» Святославъ отвѣчалъ: «А какое я имъ зло сдѣлалъ? развѣ они не цѣловали крестъ отцу моему, что будутъ держать меня Княземъ пока я живъ, да вчера и мнѣ самому всѣ цѣловали образъ Богородицы?» Не успѣлъ онъ еще сказать этого, какъ толпа народа нахлынула, схватили его, заперли въ избѣ, Княгиню послали въ монастырь, дружину поковали, имѣніе разграбили; потомъ отправили Святослава въ Ладогу,

приставивши къ нему крѣпкую стражу. Когда Ростиславъ въ Кіевѣ узналъ, что сына его схватили въ Новгородѣ, то велѣлъ перехватать всѣхъ Новгородцевъ и пометать ихъ въ Пересѣченское подземелье, гдѣ въ одну ночь померло ихъ четырнадцать человѣкъ; узнавши объ этомъ несчастіи, Ростиславъ сталъ сильно тужить, и велѣлъ остальныхъ выпустить изъ подземелья и развести по разнымъ городамъ. Между тѣмъ Новгородцы послали къ Андрею просить у него сына къ себѣ на княженіе; онъ не далъ имъ сына, давалъ брата своего Мстислава, а Новгородцы не хотѣли Мстислава, потому что онъ уже прежде у нихъ княжилъ; наконецъ уладились такъ, что въ Новгородъ поѣхалъ Мстиславъ Ростиславичь, племянникъ Андреевъ отъ старшаго брата; а Святославу удалось бѣжать изъ Ладоги въ Полоцкъ, откуда Рогволодъ Борисовичь проводилъ его къ роднымъ въ Смоленскъ. Смѣна Князя, какъ обыкновенно бывало, повлекла смѣну посадника: вмѣсто Якуна Міροславича выбранъ былъ Нѣжата. Но это не положило конца Новгородскимъ смутамъ: скоро Андрей урядился съ Ростиславомъ; Князья уговорились, чтобы Новгородъ опять перешелъ къ сыну Кіевскаго Князя—Святославу. Мы видѣли, что Новгородцы не любили брать Князей, которые прежде были у нихъ, по очень естественной причинѣ: такой Князь не могъ установить наряда, доброхотствуя своимъ прежнимъ пріятелямъ, преслѣдуя враговъ, усиліями которыхъ былъ изгнанъ. Но что они могли сдѣлать теперь противъ согласной воли двухъ сильнѣйшихъ Князей на Руси? Они принуждены были принять Святослава на всей волѣ его. Это выраженіе въ первый разъ упомянуто здѣсь лѣтописцемъ: если Святославъ былъ принятъ на всей волѣ его, то мы должны прямо заключить, что предшественники его были принимаемы на всей волѣ Новгородской, т. е. что прежде Святослава начали заключаться между Новгородомъ и Князьями условія, изложеніе которыхъ мы видимъ въ послѣдующихъ грамотахъ. Иначе и быть не могло въ смутное время, послѣдовавшее за смертію Мстислава Владиміровича; вторичное принятіе Всеволода Мстиславича, послѣ бѣгства его изъ Переяславля, можно считать временемъ, когда возникли первыя условія, первый рядъ Новгородцевъ съ Княземъ; вторичное принятіе Святослава, когда

онъ данъ былъ Новгородцамъ противъ воли ихъ силою двухъ соединенныхъ Князей, нарушало установившійся было обычай; это лишеніе пріобрѣтенныхъ льготъ произвело сильную ненависть Новгородцевъ къ Святославу, которая видна будетъ изъ послѣдующихъ событій. Первымъ слѣдствіемъ перемѣны Князя была смѣна посадника: Нѣжата былъ избранъ послѣ изгнанія Святослава, въ слѣдствіе торжества непріязненной послѣднему стороны; теперь, послѣ вторичнаго припятія Святослава, Нѣжата былъ свергнутъ, и должность его отдана Захаріи. Но, какъ надобно было ожидать, силою посаженный Князь не могъ сидѣть спокойно въ Новгородѣ. Мы видѣли, что Ростиславъ Кіевскій при концѣ жизни своей долженъ былъ отправиться на сѣверъ для установленія спокойствія въ Новгородѣ: онъ зналъ, что Новгородцы дурно живутъ съ его сыномъ. Въ Великихъ Лукахъ имѣлъ Ростиславъ свиданіе съ лучшими Новгородцами, и взялъ съ нихъ клятву не искать другаго Князя кромѣ сына его Святослава, только смертью разлучиться съ нимъ[304]. Но въ самый годъ смерти Ростислава, недовольные уже начали собирать тайныя вѣча по домамъ на сына его. Пріятели послѣдняго пріѣхали къ нему на городище и сказали: «Князь! народъ сбирается на вѣча по почамъ, хотятъ тебя схватить; промышляй о себѣ.» Святославъ объявилъ объ этомъ дружинѣ; та отвѣчала: «Только что теперь цѣловали всѣ они тебѣ крестъ послѣ отцовской смерти; но что же съ ними дѣлать? кому изъ Князей были они вѣрны? станемъ промышлять о себѣ, не то начнутъ объ насъ другіе промышлять.» Святославъ выѣхалъ изъ города, засѣлъ въ Великихъ Лукахъ, и послалъ оттуда сказать Новгородцамъ, что не хочетъ у нихъ княжить. Тѣ въ отвѣтъ поцѣловали образъ Богородицы съ клятвою не хотѣть Святослава, и пошли прогонять его изъ Лукъ; Святославъ выѣхалъ въ Торопецъ, оттуда отправился на Волгу, и, получивъ помощь отъ Андрея Суздальскаго, пожегъ Новый Торгъ, братья его Романъ и Мстиславъ пожгли Луки, изъ Лучанъ одни заперлись въ крѣпости, другіе ушли во Псковъ; собрался на Новгородъ Андрей Суздальскій съ Смолнянами и Полочанами, пути всѣ заняли, пословъ перехватали, не дали имъ послать вѣсти въ Кіевъ къ тамошнему Князю Мстиславу Изяславичу, чтобъ от-

пустилъ къ нимъ сына; Андрей съ Ростиславичами хотѣли силою помѣстить опять Святослава въ Новгородѣ: «нѣтъ вамъ другаго Князя, кромѣ Святослава», говорили они. Это извѣстіе лѣтописца показываетъ намъ, что Новгородцы входили въ переговоры съ Андреемъ, и просили себѣ Князя отъ его руки, только не Святослава. Но упорство Андрея пуще ожесточило Новгородцевъ: они убили пріятелей Святославыхъ: Захарію посадника, Неревина, знатнаго боярина, котораго мы уже видѣли разъ воеводою, Нѣзду бирича, обвинивши всѣхъ троихъ въ перевѣтѣ къ Святославу; наконецъ отыскали путь на югъ чрезъ владѣнія Полоцкихъ Князей, Глѣбовичей, враждебныхъ Ростиславичамъ Смоленскимъ по вышеописаннымъ отношеніямъ, и Даниславъ Лазутиничь съ дружиною отправился въ Кіевъ къ Мстиславу за сыномъ его, а другой воевода Якунъ (вѣроятно Мірославичь, старый посадникъ) отправился на встрѣчу къ Святославу, шедшему къ Русѣ съ братьями, Смолнянами и Полочанами. Непріятели не дошли до Русы, возвратились назадъ, ничего не сдѣлавши, а Новгородцы выбрали Якуна въ посадники, и стали съ нимъ дожидаться прихода Романа Мстиславича съ юга. Въ 1168 году Романъ пришелъ, и рады были Новгородцы своему хотѣнію, говоритъ ихъ лѣтописецъ. Получивъ желаннаго Князя, Новгородцы пошли съ нимъ мстить за свои обиды: пошли сперва съ Псковичами къ Полоцку, опустошили всю волость и возвратились, не дойдя тридцати верстъ до города; потомъ Романъ ходилъ на Смоленскую волость, къ Торопцу, пожегъ домы, взялъ множество плѣнниковъ. Но мы видѣли, какъ посылка Романа въ Новгородъ ускорила грозу, сбиравшуюся надъ отцемъ его Мстиславомъ, какъ заставила раздраженныхъ Ростиславичей тѣсно соединиться съ Андреемъ, чтобъ отомстить Кіевскому Князю, вытѣснявшему ихъ сыномъ изъ Новгорода; изгнаніе отца изъ Кіева не могло предвѣщать сыну долгаго княженія въ Новгородѣ.

При сильныхъ внутреннихъ волненіяхъ, имѣвшихъ мѣсто во время вторичнаго княженія Святослава Ростиславича, Новгородцы должны были выдержать довольно значительную внѣшнюю борьбу съ Шведами. Со временъ Рюрика Шведы не безпокоили Русскихъ владѣній[305], и было замѣчено[306], что такою

безопасностью сѣверозападныя Русскія волости были обязаны внутреннимъ волненіямъ, имѣвшимъ мѣсто въ Швеціи вслѣдствіе принятія Христіанства, которое повело къ разложенію древнихъ языческихъ формъ жизни. Тесть Ярослава I-го, король Олофъ (Schoosskönig), принявши Христіанство, не могъ болѣе называться Упсальскимъ королемъ, потому что это названіе означало верховнаго жреца; такимъ образомъ онъ потерялъ свое значеніе въ верхней Швеціи, жители которой большею частію были еще язычники. По прекращеніи рода Упсальскихъ королей, происходившихъ отъ знаменитаго Сигурда Ринга, избранъ былъ королемъ Стенкиль, сынъ извѣстнаго намъ Ярла Рагнвальда, ревностный Христіанинъ; его избраніе показывало уже господство Христіанской стороны; не смотря на то, когда Христіанскіе проповѣдники убѣждали его раззорить языческій храмъ въ Упсалѣ, то онъ отвѣчалъ имъ, что слѣдствіемъ такого поступка будетъ ихъ смерть, а его изгнаніе. По смерти Стенкиля, послѣдовавшей въ 1066 году, въ Швеціи встала сильная усобица: два Короля, оба носившіе одно имя – Ериха, стали спорить о престолѣ, и оба пали въ этой войнѣ вмѣстѣ со всѣми знатнѣйшими Шведами; язычество опять такъ усилилось во время усобицы, что ниодинъ епископъ не хотѣлъ ѣхать въ Швецію, боясь преслѣдованій. Борьба продолжалась до половины XII вѣка (1150 г.), т. е. до вступленія напрестолъ Ериха Святаго, который далъ окончательное торжество Христіанству: но усобицы между разными претендентами на престолъ продолжались; Ерихъ Св. лишился жизни въ битвѣ съ Датскимъ принцемъ Магнусомъ, который имѣлъ притязанія на Шведскій престолъ по родству съ домомъ Стенкиля; Магнусъ черезъ годъ былъ также убитъ, и ему наслѣдовалъ Готскій король Карлъ Сверкерсонъ, первый, который носитъ названіе короля Шведовъ и Готовъ; онъ оставилъ по себѣ память короля мудраго и благонамѣреннаго, при немъ не было усобицъ, въ слѣдствіе чего Шведы получили возможность къ наступательному движенію на сосѣдей; подъ 1164 годомъ лѣтописецъ Новгородскій говоритъ, что они пришли подъ Ладогу; Ладожане пожгли свои хоромы, затворились въ кремлѣ съ посадникомъ Нѣжатою, и послали звать Князя Святослава съ Новго-

родцами на помощь. Шведы приступили къ крѣпости, но были отражены съ большимъ урономъ, и отступили къ рѣкѣ Воронай[307], а на пятый день пришелъ Князь Святославъ съ Новгородцами и посадникомъ Захаріею, ударилъ на Шведовъ и разбилъ ихъ: изъ 55 шнекъ Шведы потеряли 43; мало ихъ спаслось бѣгствомъ, да и то раненые.

Въ томъ самомъ году, какъ Новгородцы такъ счастливо отбились отъ Шведовъ, Андрей Боголюбскій съ сыномъ Изяславомъ, братомъ Ярославомъ и Муромскимъ Княземъ Юріемъ удачно воевалъ съ Камскими Болгарами, перебилъ у нихъ много народу, взялъ знамена, едва съ малою дружиною успѣлъ убѣжать князь Болгарскій въ Великой городъ; послѣ этой побѣды Андрей взялъ славный городъ Болгарскій Бряхимовъ и пожегъ три другіе города. На юго-востокѣ по прежнему продолжалась борьба съ Половцами. Въ началѣ княженія Ростислава они понесли пораженіе отъ Волынскихъ Князей и Галичанъ; неудачно кончилось въ 1162 году нападеніе ихъ подъ Юрьевымъ на Черныхъ Клобуковъ, у которыхъ сначала побрали они много вежъ, но потомъ Черные Клобуки собрались всѣ и побили ихъ на берегахъ Роси, отняли весь полонъ и самихъ взяли больше 500 человѣкъ съ нѣсколькими княжичами. Не смотря на то, въ слѣдующемъ году Ростиславъ почелъ за нужное заключить съ ними миръ и женить сына своего Рюрика на дочери Хана Белука. Общаго продолжительнаго мира немогло быть съ этими варварами, раздѣлявшимися на многія орды подъ начальствомъ независимыхъ хановъ: въ 1165 году племянникъ Ростислава, Василько Ярополковичь побилъ Половцевъ на рѣкѣ Роси, много взялъ плѣнниковъ, которыхъ далъ на выкупъ за дорогую цѣну; дружина его обогатилась оружіемъ и конями. Въ слѣдующемъ году Половцы потерпѣли пораженіе въ Черниговскихъ предѣлахъ отъ Олега Святославича; но другимъ Половцамъ въ тоже время за Переяславлемъ удалось разбить Шварна, перебить его дружину; Шварнъ долженъ былъ заплатить за себя большой окупъ. Одни извѣстія говорятъ, что этотъ Шварнъ былъ воевода Князя Глѣба Переяславскаго[308], другіе, что богатырь[309]. Послѣ этого, въ лютую зиму, Ольговичи—Олегъ Святославичь и двоюродный братъ его Ярославъ

Всеволодовичь ходили удачно на Половцевъ, взяли ихъ вежи. Но варвары были опасны не одними только прямыми опустошеніями своими: они вредили торговлѣ Руси съ Греціею, которая была главною причиною благосостоянія Кіева, обогащенія казны великокняжеской. Мы знаемъ изъ свидѣтельства Константина Багрянороднаго, какъ опасно было въ старину плаваніе Русскихъ въ низовьяхъ Днѣпра, въ степи, гдѣ ждали ихъ обыкновенно толпы Печенѣговъ; эти затрудненія не прекратились и теперь, когда въ степяхъ приднѣпровскихъ по прежнему господствовали кочевые варвары съ новымъ только именемъ; торговыя лодки не могли безопасно плавать внизъ и вверхъ по Днѣпру; въ 1166 году Половцы засѣли въ порогахъ и начали грабить Гречниковъ, т. е. купцовъ греческихъ, или вообще купцовъ, производящихъ торговлю съ Греціею; Ростиславъ послалъ боярина своего, Владислава Ляха съ войскомъ, подъ прикрытіемъ котораго Гречники безопасно прошли пороги и поднялись до Кіева. Какъ важна была Греческая торговля для Русскихъ Князей и какъ важна была опасность для этой торговли отъ Половцевъ, доказываетъ извѣстіе лѣтописца подъ 1166 годомъ: Ростиславъ послалъ къ братьямъ и сыновьямъ своимъ съ приказомъ собираться имъ у себя со всѣми своими полками, и пришли: Мстиславъ Изяславичь изъ Владимира съ братьями—Ярославомъ изъ Луцка и Ярополкомъ изъ Бужска, Владиміръ Андреевичь, Владиміръ Мстиславичь, Глѣбъ Юрьевичь, Глѣбъ Городенскій, Иванъ Юрьевичь Туровскій, сыновья Ростислава—Рюрикъ, Давыдъ и Мстиславъ, Галицкая помощь, и всѣ стояли у Канева долгое время, дожидаясь до тѣхъ поръ, пока поднялись торговыя суда: тогда всѣ Князья разошлись по домамъ. При наслѣдникѣ Ростислава, Мстиславѣ походы на Половцевъ съ тою же цѣлію имѣли также мѣсто: въ 1167 году вложилъ Богъ въ сердце Мстиславу мысль добрую о Русской землѣ, говоритъ лѣтописецъ: созвалъ онъ братью свою и началъ имъ говорить: «Братья! пожалѣйте о Русской землѣ, о своей отчинѣ и дѣдинѣ: ежегодно Половцы уводятъ Христіанъ въ свои вежи; клянутся намъ не воевать, и вѣчно нарушаютъ клятву; а теперь уже у насъ всѣ торговые пути отнимаютъ[310]; хорошо было бы намъ, братья, возложивши надежду на помощь

Божію и на молитву святой Богородицы, поискать отцовъ и дѣдовъ своихъ пути и своей чести.» Рѣчь Мстислава была угодна Богу, всей братьи и мужамъ ихъ; Князья отвѣчали: «Помоги тебѣ Богъ, братъ, за такую добрую мысль, а намъ дай Богъ за Христіанъ и за всю Русскую землю головы свои сложить и къ мученикамъ быть причтенными.» Мстиславъ послалъ и за Черниговскими Князьями, и всѣмъ была угодна его дума, собрались въ Кіевъ съ полками—два Ростиславича Рюрикъ и Давыдъ, четверо Черниговскихъ — Всеволодовичи Святославъ и Ярославъ, Святославичи—Олегъ и Всеволодъ, Изяславичи Волынскіе—Ярославъ и Ярополкъ, Мстиславъ Всеволодковичь Городенскій, Святополкъ Юрьевичь Туровскій, Юрьевичи—Глѣбъ Переяславскій съ братомъ Михаиломъ. Уже девять дней шли Князья изъ Кіева по Каневской дорогѣ, какъ одинъ изъ ихъ войска далъ знать Половцамъ о приближеніи Русскихъ полковъ, и варвары побѣжали, бросивши своихъ женъ и дѣтей; Князья Русскіе погнались за ними на легкѣ, оставивши за собою у обоза Ярослава Всеволодовича; по рѣкамъ Углу и Снопороду захвачены были вежи, у Чернаго лѣса настигли самихъ Половцевъ, притиснули къ лѣсу, много перебили, еще больше взяли въ плѣнъ; всѣ Русскіе воины обогатились добычею, колодниками, женами и дѣтьми, рабами, скотомъ, лошадьми; отполоненныхъ Христіанъ отпустили всѣхъ на свободу, при чемъ изъ Русскихъ полковъ было только двое убитыхъ и одинъ взятъ въ плѣнъ. Мстиславъ впрочемъ недумалъ успокоиваться послѣ такой удачи; скоро онъ созвалъ опять Князей и сталъ говорить имъ: «Мы, братья, Половцамъ много зла надѣлали, вежи ихъ побрали, дѣтей и стада захватили, такъ они будутъ мстить надъ нашими Гречниками и Залозниками; надобно намъ будетъ выйти на встрѣчу къ Гречникамъ.» Братьѣ полюбилась эта рѣчь, они всѣ отвѣчали: «Пойдемъ; вѣдь это будетъ выгодно и намъ, и всей Русской землѣ.» По прежнему, какъ при Ростиславѣ, Князья дошли до Канева и здѣсь дожидались Гречниковъ. Не одни только Половцы мѣшали Греческой торговлѣ: въ 1159 году Берладники овладѣли Олешьемъ; Великій Князь Ростиславъ отправилъ на нихъ Днѣпромъ двухъ воеводъ, которые настигли разбойниковъ, перебили ихъ и отняли награбленное.

Изъ дружины княжеской въ описанное время упоминаются слѣдующія имена: въ Кіевѣ при Изяславѣ Давыдовичѣ былъ Глѣбъ Ракошичь, котораго Князь посылалъ къ двоюродному брату своему Святославу Черниговскому; послѣ при Изяславѣ, во время борьбы его съ Ростиславомъ, видимъ Шварна, быть можетъ того самаго, который былъ воеводою при Изяславѣ Мстиславичѣ, двоихъ братьевъ Милятичей—Степана и Якуна, и Нажира Переяславича; всѣ они были захвачены въ плѣнъ въ той битвѣ, гдѣ погибъ Изяславъ; потомъ при Ростиславѣ упоминаются Юрій Нестеровичь и Якунъ, ходившіе на Берладниковъ, которые взяли Олешье, и Жирославъ Нажировичь, ходившій съ Торками изъ Кіева на помощь Рогволоду Полоцкому; Гюрата Семковичь, посланный Ростиславомъ въ Константинополь къ Императору по дѣламъ церковнымъ; Владиславъ Вратиславичь, Ляхъ, посыланный Ростиславомъ для охраны Гречниковъ отъ Половцевъ; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, тысяцкимъ въ Кіевѣ при Ростиславѣ былъ Жирославъ Андреевичь[311]; близкими людьми къ этому Князю были также покладникъ, или спальникъ его Иванко Фроловичь, и Борисъ Захарьичь. Изъ дружины Мстислава Изяславича, когда еще онъ сидѣлъ на Волыни, упоминаются—Жирославъ Васильевичь, котораго онъ отправлялъ посломъ къ Изяславу Давыдовичу, по дѣлу Берладника; потомъ, во время войны его съ Изяславомъ, Кузьма Сновидичь и Олбырь Шерошевичь (происхожденіе котораго явно варварское); посадникомъ его въ Торческѣ былъ Вышко, котораго схватилъ Давыдъ Ростиславичь; Владиславъ Вратиславичь, Ляхъ, котораго Мстиславъ посылалъ предъ собою въ Кіевъ, позванный туда братьями и гражданами; но мы видѣли этого Владислава бояриномъ и воеводою Ростислава въ Кіевѣ: можно думать, что немедленно по смерти Ростислава, Владиславъ явился къ Мстиславу въ послахъ отъ Кіевлянъ съ приглашеніемъ на столъ; наконецъ при бѣгствѣ Мстислава изъ Кіева, упоминаются дружинники, взятые въ плѣнъ врагами: Димитрій Храбрый, Алексѣй Дворскій, Сбыславъ Жирославичь, быть можетъ сынъ упомянутаго Жирослава Васильевича, Иванко Творимиричь, Родъ или Родіонъ. Изъ Галицкихъ упоминаются извѣстный уже намъ прежде Избигнѣвъ Ивачевичь, отправленный

въ послахъ къ Изяславу Давыдовичу; въ войнѣ съ послѣднимъ воеводою Галицкаго отряда упоминается Тудоръ Елцичь. Изъ бояръ другихъ юго-западныхъ Князей упоминаются бояре Владиміра Мстиславича Трепольскаго — Рагуйло Добрыничь и Михаилъ, которые спорили съ Василемъ Настасьичемъ, обвинявшимъ ихъ Князя во враждебныхъ замыслахъ противъ Мстислава Изяславича; потомъ эти Рагуйло и Михаилъ вмѣстѣ съ третьимъ бояриномъ Завидомъ отъѣхали отъ него, когда онъ безъ нихъ замыслилъ опять вражду на Кіевскаго Князя, обоихъ первыхъ Рагуила и Михаила мы видѣли прежде: они вмѣстѣ съ своимъ Княземъ старались защитить Игоря Ольговича отъ убійцъ; Рагуилъ былъ тогда въ санѣ тысяцкаго при Владимірѣ; упоминаются Луцкій бояринъ Онофрій и Дорогобужскій Гаврило Васильевичь въ послахъ отъ Князей своихъ къ Изяславу Давыдовичу. Изъ Черниговскихъ бояръ Святослава Ольговича упоминается извѣстный намъ Жирославъ Иванковичь, старый бояринъ Вячеслава и Юрія; естественно, что по смерти послѣдняго Жирославъ отъѣхалъ къ Святославу Ольговичу, постоянному и единственному пріятелю Юріеву; потомъ упоминается Георгій Ивановичь, братъ Шакушановъ, котораго Святославъ отправлялъ въ послахъ къ Давыдовичу въ Кіевъ, съ увѣщаніемъ не вступаться за Берладника; по всѣмъ вѣроятностямъ онъ же и былъ тысяцкимъ въ Черниговѣ во время смерти Святославовой; у сына Святославова, Олега упоминается бояринъ Иванъ Радиславичь. Изъ Сѣверскихъ бояръ Святослава Всеволодовича упоминается Кіяниnъ; имя указываетъ въ немъ выходца изъ Кіева. Изъ Переяславскихъ бояръ въ битвѣ съ Половцами упоминается Шварнъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ воевода Князя Глѣба, по другимъ богатырь. Изъ Смоленскихъ бояръ Ростислава Мстиславича упоминается Иванъ Ручечникъ въ послахъ отъ своего Князя къ южнымъ Князьямъ, звавшимъ Ростислава на столъ Кіевскій; потомъ Внѣздъ, какъ видно тысяцкій Смоленскій, занимающій мѣсто послѣ Князя и епископа[312]; его видимъ также вмѣстѣ съ Смоленскими Князьями въ походѣ на помощь Полоцкому Князю Рогволоду противъ родичей. Изъ Вышегородскихъ бояръ Давыда Ростиславича упоминаются

Василь Настасьичь, тысяцкій Вышегородскій Радило[313], быть можетъ, тотъ самый, котораго мы видѣли прежде въ дружинѣ Изяслава Мстиславича, и Василій Волковичь; потомъ, какъ видно, двое братьевъ Бориславичей отъѣхали отъ Мстислава Кіевскаго также къ Давыду; имя одного изъ нихъ, Петръ можетъ указывать намъ въ немъ одно лице съ упомянутымъ прежде бояриномъ Изяславовымъ, Петромъ Борисовичемъ или Бориславичемъ. Изъ Суздальскихъ бояръ Андрея Боголюбскаго упоминается воевода Борисъ Жидиславичь, участвовавшій во взятіи Кіева; взявши въ соображеніе перемѣну его отчества Жидиславичь на Жирославичь, можно предположить, что это былъ сынъ извѣстнаго Жирослава Иванковича. Наконецъ упоминаются имена лицъ, неизвѣстно къ чьей дружинѣ принадлежавшихъ, напр. Давыдъ Борыничь, который подтверждалъ извѣстіе Василя Настасьича на счетъ замысловъ Владиміра Мстиславича; потомъ въ битвѣ съ Половцами убитъ былъ Константинъ Васильевичь, Яруновъ братъ, и Константинъ Хотовичь взятъ въ плѣнъ.

ГЛАВА V.

Отъ взятія Кіева войсками Боголюбскаго до смерти Мстислава Мстиславича Торопецкаго.

(1169—1228).

Казалось, что по смерти Ростислава Мстиславича событія на Руси примутъ точно такой же ходъ, какой приняли они прежде по смерти Всеволода Ольговича: старшій столъ, Кіевъ занялъ Мстиславъ Изяславичь вопреки правамъ дяди своего Андрея Суздальскаго, точно также какъ отецъ Мстислава, Изяславъ занялъ Кіевъ вопреки правамъ отца Андреева, Юрія; какъ последній вооружился за это на племянника и нѣсколько разъ изгонялъ его изъ Кіева, такъ теперь и Андрей вооружается противъ Мстислава, изгоняетъ его, беретъ старшинство—имѣемъ право ожидать продолженія борьбы, которая опять можетъ быть ведена съ перемѣннымъ счастіемъ, смотря потому, поддержится ли союзъ Андрея съ одиннадцатью Князьями, удовлетворитъ ли онъ ихъ желаніямъ, или нѣтъ; но мы обманываемся совершенно въ своихъ ожиданіяхъ: Андрей не самъ привелъ войска свои къ Кіеву, не пришелъ въ стольный городъ отцовъ и дѣдовъ и послѣ, отдалъ его опустошенный младшему брату, а самъ остался на сѣверѣ, въ прежнемъ мѣстѣ своего пребыванія, во Владимірѣ на Клязьмѣ. Этотъ поступокъ Андрея былъ событіемъ величайшей важности, событіемъ поворотнымъ, отъ котораго исторія принимала новый ходъ, съ котораго начинался на Руси новый порядокъ вещей. Это не было перенесеніе столицы изъ одного мѣста въ другое, потому что на Руси не было единаго государя; въ ней владѣлъ большой княжескій родъ, единство котораго поддерживалось тѣмъ, что ниодна линія въ немъ не имѣла первенствующаго значенія и не подчиняла себѣ

другія въ государственномъ смыслѣ, но каждый членъ рода въ свою очередь, въ слѣдствіе старшинства физическаго, имѣлъ право быть старшимъ, главнымъ, Великимъ Княземъ, сидѣть на главномъ столѣ, въ лучшемъ городѣ Русскомъ—Кіевѣ; отсюда для полноправныхъ Князей — родичей отсутствіе отдѣльныхъ волостей, отчинъ; отчиною для каждаго была цѣлая Русская земля, отсюда общность интересовъ для всѣхъ князей, понятіе объ общей, одинакой для всѣхъ обязанности защищать Русскую землю, эту общую отчину, складывать за нее свои головы; отсюда то явленіе, что во все продолженіе описанныхъ выше княжескихъ усобицъ предѣлы ниодной волости, ниодного княжества неувеличивались, покрайней мѣрѣ примѣтно, на счетъ другихъ, потому что Князю не было выгоды увеличивать волость, которой онъ былъ только временнымъ владѣльцемъ; мы видѣли на примѣръ, что Изяславъ Мстиславичь перемѣнилъ въ свою жизнь шесть волостей: какую надобность имѣлъ онъ заботиться объ увеличеніи предѣловъ, объ усиленіи каждой изъ нихъ, когда главная забота всей его жизни состояла въ борьбѣ съ дядьми за право старшинства, за возможность быть старшимъ и княжить въ Кіевѣ, или какая надобность была Князю Новгорода Сѣверскаго заботиться о своей волости, когда онъ зналъ, что по смерти дяди своего, Князя Черниговскаго, онъ перейдетъ въ Черниговъ, и прежнюю свою волость Сѣверскую долженъ будетъ уступить двоюродному брату, сыну прежняго Князя Черниговскаго, потомъ онъ зналъ, что и въ Черниговѣ долго не останется, умретъ Княземъ Кіевскимъ, а сына своего оставитъ въ Туровѣ, или на Волыни, или въ Новгородѣ Великомъ; слѣд. главная цѣль усобицъ была поддержать свое право на старшинство, свое мѣсто въ родовой лѣствицѣ, отъ чего зависѣло владѣніе тою или другою волостію. Но если верховнымъ желаніемъ, главною, завѣтною цѣлію для каждаго полноправнаго Князя-родича было достиженіе первой степени старшинства въ цѣломъ родѣ, и если съ этою степенью старшинства необходимо связывалось владѣніе лучшимъ городомъ на Руси, матерію городовъ Русскихъ, Кіевомъ, то понятно великое значеніе этого города для Князей. Самою крѣпкою основою для родоваго единства княжескаго было отсутствіе отдѣльности вла-

дѣній, отсутствіе отдѣльной собственности для членовъ рода, общее право на главный столъ; къ Кіеву стремились самыя пламенныя желанія Князей, около Кіева сосредоточивалась ихъ главная дѣятельность; Кіевъ былъ представителемъ единства княжескаго рода и единства земскаго, наконецъ единства церковнаго, какъ мѣстопребыванія верховнаго пастыря Русской церкви; Кіевъ, по словамъ самихъ Князей, былъ Старшимъ городомъ во всей землѣ[314]; Изяславъ Давыдовичь не хотѣлъ выйти изъ Кіева, «потому что, говоритъ лѣтописецъ[315], сильно полюбилось ему Великое Княженіе Кіевское; да и кто не полюбитъ Кіевскаго Княженія? вѣдь здѣсь вся честь и слава и величіе, глава всѣмъ землямъ Русскимъ Кіевъ, сюда отъ многихъ дальнихъ царствъ стекаются всякіе люди и купцы, и всякое добро отъ всѣхъ странъ собирается въ немъ.»

И вотъ нашелся Князь, которому не полюбилось Кіевское княженіе, который предпочелъ славному и богатому Кіеву бѣдный, едва только начавшій отстраиваться городъ на сѣверѣ, Владиміръ Клязменскій. Легко понять слѣдствіе переворота, произведеннаго такимъ поступкомъ Боголюбскаго: еслибъ перемѣна въ мѣстопребываніи старшаго Князя произошла съ согласія всѣхъ Князей родичей, если бы Кіевъ для всѣхъ нихъ утратилъ совершенно свое прежнее значеніе, передалъ его Владиміру Клязменскому, еслибъ всѣ Князья, и сѣверные и южные, и Мономаховичи и Ольговичи стали теперь добиваться Владиміра, какъ прежде добивались Кіева, то и тогда произошли бы большія перемѣны въ отношеніяхъ княжескихъ, и тогда велики были бы слѣдствія этого перенесенія главной сцены дѣйствія на новую почву, имѣвшую свои особенности. Но этого не было и быть не могло: для всѣхъ южныхъ Князей, и для Мономаховичей, и для Ольговичей, Кіевъ не потерялъ своего прежняго значенія, ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ предпочитать далекой и бѣдной Суздальской земли той благословенной сторонѣ, которая по преимуществу носила названіе земли Русской; Кіевъ остался по прежнему старшимъ городомъ Русской земли, и между тѣмъ самый старшій и самый могущественный Князь не живетъ въ немъ, но, оставаясь на отдаленномъ сѣверѣ, располагаетъ Кіевомъ, отдаетъ его старшему послѣ себя Князю;

такимъ образомъ сѣверный Суздальскій Князь, несмотря на то, что, подобно прежнимъ Великимъ Князьямъ, признается только старшимъ въ родѣ, является внѣшнею силою, тяготѣющею надъ южною Русью, силою отдѣльною, независимою; и прежде было нѣсколько отдѣльныхъ волостей — Галицкая, Полоцкая, Рязанская, Городенская, Туровская, но эти волости обособились въ слѣдствіе изгойства Князей ихъ, которые были относительно такъ слабы, что не могли обнаруживать рѣшительнаго вліянія на дѣла Руси; но сѣверная Ростовская или Суздальская область обособилась не въ слѣдствіе изгойства своихъ Князей, Князь ея признается первымъ, старшимъ въ цѣломъ родѣ и, кромѣ того, матеріально сильнѣйшимъ, обладающимъ, слѣдовательно, двойною силою; сознаніе этой особности, независимости и силы побуждаетъ его перемѣнить обращеніе съ слабѣйшими, младшими Князьями, требовать отъ нихъ безусловнаго повиновенія, къ чему не привыкли Князья при господствѣ неопредѣленныхъ, исключительно родовыхъ отношеній между старшимъ и младшими; такимъ образомъ родовымъ отношеніямъ впервые наносится ударъ, впервые сталкиваются они съ отношеніями другаго рода, впервые выказывается возможность перехода родовыхъ отношеній въ государственныя. Если бъ сѣверные Князья могли постоянно удерживать свое господствующее положеніе относительно южныхъ, то судьба послѣднихъ, разумѣется, скоро стала бы зависѣть отъ произвола первыхъ, отъ чего произошло бы необходимо измѣненіе въ цѣломъ бытѣ южной Руси, въ отношеніяхъ ея къ сѣверной. Если же сѣверные Князья потеряютъ на время свою силу, свое вліяніе на судьбу южной Руси, то отсюда необходимо произойдетъ окончательное раздѣленіе обѣихъ половинъ Руси, имѣющихъ теперь каждая свое особое средоточіе, свою особую сферу. Но легко понять, что это отдѣленіе сѣверной Руси отъ южной будетъ гораздо богаче послѣдствіями, чѣмъ, напримѣръ, отдѣленіе небольшихъ волостей — Галицкой, Полоцкой или Рязанской; теперь отдѣлится обширная область съ особымъ характеромъ природы, народонаселенія, съ особыми стремленіями, особыми гражданскими отношеніями. То важное явленіе, которое послужило поводомъ къ раздѣленію южной и сѣверной Руси, именно

поступокъ Боголюбскаго, когда онъ не поѣхалъ въ Кіевъ, остался на сѣверѣ и создалъ себѣ тамъ независимое, могущественное положеніе, давшее ему возможность перемѣнить прежнее поведеніе старшаго Князя относительно младшихъ, — это явленіе будетъ ли имѣть слѣдствія, повторится ли оно, станутъ ли старшіе Князья подражать Боголюбскому, станетъ ли каждый оставаться въ своей прежней волости, ее увеличивать, усиливать, создавать для себя въ ней независимое, могущественное положеніе, и, пользуясь этимъ могуществомъ, измѣнять родовыя отношенія къ младшимъ или слабѣйшимъ Князьямъ въ государственныя? и въ какой именно части Руси, въ южной или сѣверной примѣръ Боголюбскаго окажется плодотворнымъ, найдетъ подражателей?

Въ южной половинѣ Руси онъ не нашелъ подражателей; здѣсь не умѣли и не хотѣли понять важности этого явленія, не могли подражать ему; здѣсь самые доблестные Князья обнаружили отчаянное сопротивленіе ему; здѣсь старыя преданія были слишкомъ сильно укоренены; здѣсь ниодинъ Князь необладалъ достаточною матеріальною силою, для того чтобъ создать для себя независимое и могущественное положеніе въ своей волости: здѣсь при борьбѣ разныхъ племенъ (линій) Ярославова потомства за старшинство, это старшинство и столъ Кіевскій обыкновенно доставались старшему въ томъ племени, которое одерживало верхъ; власть великаго Князя была крѣпка не количествомъ волостей, но совокупною силою всей родовой линіи, которой онъ былъ старшимъ; онъ поддерживался этою совокупною силою, и раздавалъ ближайшіе къ Кіеву города своимъ сыновьямъ, братьямъ, племянникамъ, что было для него все равно, или даже еще выгоднѣе, чѣмъ раздавать ихъ посадникамъ: посадникъ скорѣе могъ отъѣхать къ чужому Князю, чѣмъ Князь измѣнить своему племени и его старшему; наконецъ утвержденію новаго порядка вещей на югѣ препятствовали разныя другія отношенія, основанныя, или, по крайней мѣрѣ развивавшіяся, укрѣплявшіяся въ силу родовыхъ отношеній княжескихъ, мы говоримъ объ отношеніяхъ къ дружинѣ, городамъ, войску, составленному изъ пограничнаго варварскаго народонаселенія, извѣстнаго подъ именемъ Черныхъ Клобу-

ковъ и т. п. Но другое дѣло на сѣверѣ: здѣсь была почва новая, дѣвственная, на которой новый порядокъ вещей могъ приняться гораздо легче, и точно принялся, какъ увидимъ въ послѣдствіи; здѣсь не было укорененныхъ старыхъ преданій о единствѣ рода княжескаго; сѣверъ начиналъ свою историческую жизнь этимъ шагомъ Князя своего къ новому порядку вещей; Всеволодъ III-й наслѣдуетъ стремленія брата своего; всѣ Князья сѣверные происходятъ отъ этого Всеволода III-го, слѣдовательно между ними новое преданіе о княжескихъ отношеніяхъ есть преданіе родовое, преданіе отцовское и дѣдовское; но главное обстоятельство здѣсь было то, что новымъ стремленіямъ Князей на сѣверѣ открывалось свободное поприще, они не могли встрѣтить себѣ препятствій въ другихъ отношеніяхъ, въ отношеніяхъ къ народонаселенію страны. Мы видѣли, какое значеніе имѣли города при родовыхъ счетахъ и усобицахъ княжескихъ, какое вліяніе оказывали они на исходъ этихъ усобицъ, на измѣненія въ этихъ счетахъ; мы видѣли значеніе Кіева при нарушеніи правъ Святославова племени въ пользу Мономаха и сыновей его, видѣли, какъ по смерти Всеволода Ольговича Кіевляне объявили, что не хотятъ переходить къ его брату, какъ будто по наслѣдству, слѣдовательно, зовя Мономаха къ себѣ на столъ, и передавая этотъ столъ сыновьямъ его мимо Черниговскихъ, Кіевляне не хотѣли утвердить правъ наслѣдства въ одномъ какомъ-нибудь племени, вообще были противъ наслѣдства; въ Полоцкѣ мы видѣли также явленія въ этомъ родѣ, увидимъ такія же явленія и въ Смоленскѣ, слѣдовательно, еслибы на югѣ какой-нибудь Князь захотѣлъ ввести новый порядокъ вещей относительно счетовъ по волостямъ, то встрѣтилъ бы сильное сопротивленіе въ городахъ, которое, вмѣстѣ съ сопротивленіемъ многочисленной толпы Князей-родичей помѣшало бы ему достигнуть своей цѣли. Но существовало ли это препятствіе на сѣверѣ; господствовали ли тамъ тѣ неопредѣленныя отношенія между Князьями и гражданами, какія имѣли мѣсто въ старыхъ городахъ, старыхъ общинахъ, какія были остаткомъ прежнихъ родовыхъ отношеній народонаселенія къ старшинамъ и поддерживались родовыми отношеніями, безпрестанными переходами и усобицами Князей

Рюриковичей? Здѣсь на сѣверѣ, въ обширной области, граничащей съ одной стороны съ областями, принадлежавшими изгнанной линіи Святославичей, а съ другой соприкасавшейся съ владѣніями Великаго Новгорода, въ этой суровой и рѣдко населенной странѣ находился только одинъ древній городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода Варяговъ: то былъ Ростовъ Великій, отъ котораго вся окружная страна получила названіе земли Ростовской. Скоро начали возникать около него города новые; сынъ Мономаха, Юрій особенно прославилъ себя какъ строитель неутомимый[316]; но мы знаемъ, что города новопостроенные входили къ древнимъ въ отношеніе младшихъ къ старшимъ, становились ихъ пригородами, и должны были находиться въ ихъ волѣ; отсюда младшіе города или пригороды не имѣли самостоятельнаго быта и во всемъ зависѣли отъ рѣшенія старшихъ, которые для ихъ управленія посылали своего посадника или тіуна; эта зависимость выражается въ лѣтописи такъ: «на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ.» Ясно, что если въ этихъ младшихъ городахъ, не имѣвшихъ самостоятельности, привыкшихъ повиноваться вѣчевымъ приговорамъ старшихъ, Князь утвердитъ свой столъ, то власть его будетъ развиваться гораздо свободнѣе; при этомъ не забудемъ, что въ Ростовской области всѣ эти новые города были построены и населены Князьями; получивъ отъ Князей свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностію. Такимъ образомъ на сѣверѣ, въ области Ростовской, вокругъ старыхъ вѣчниковъ, вокругъ одинокаго Ростова, Князь создалъ себѣ особый міръ городовъ, гдѣ былъ властелиномъ неограниченнымъ, хозяиномъ полновластнымъ, считалъ эти города своею собственностію, которою могъ распоряжаться: неудивительно послѣ того, что здѣсь явился первый Князь, которому лѣтописецъ приписываетъ стремленіе къ единовластію, неудивительно, что здѣсь впервые явились понятія объ отдѣльной собственности княжеской, которую Боголюбскій поспѣшилъ выдѣлить изъ общей родовой собственности Ярославичей, оставивъ примѣръ своимъ потомкамъ, могшимъ безпрепятственно имъ воспользоваться. Если вникнемъ въ свидѣтельство лѣтописи о различіи старыхъ и новыхъ городовъ, о торжествѣ по-

слѣднихъ надъ единственнымъ изъ первыхъ на сѣверѣ, если вникнемъ въ ту противоположность и враждебность, какая обнаружилась въ послѣдствіи между городами сѣверовосточной и городами западной Россіи, если вникнемъ въ бытъ западно-Русскихъ городовъ въ періодъ Литовскаго владычества, бытъ, явно носящій слѣды древности и несходный съ бытомъ городовъ сѣверовосточныхъ, то конечно не усумнимся уступить этому различію важное вліяніе на бытъ сѣверовосточной и потомъ на бытъ Россіи вообще; если намъ укажутъ въ началѣ и на сѣверовостокѣ такія же явленія, какія видимъ на западѣ и югѣ, то мы спросимъ: почему же эти явленія, имѣвшія мѣсто на сѣверовостокѣ въ слѣдствіе извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, не повторились, остались безъ слѣдствій? Ясно, что почва здѣсь была не по нихъ. Наконецъ не забудемъ обратить вниманіе на указанное выше[317] различіе между сѣверною и южною Русью, различіе въ характерѣ ея народонаселенія; это различіе необходимо содѣйствовало также установленію новаго порядка вещей на сѣверѣ, содѣйствовало тому значенію, какое имѣла сѣверная, Суздальская волость для остальныхъ частей Россіи.

Мы видѣли втораго сына Юріева, Андрея во время борьбы отца его съ племянникомъ своимъ Изяславомъ Мстиславичемъ за старшинство, за Кіевъ; онъ выдавался здѣсь своею необыкновенною храбростію, любилъ начинать битву впереди полковъ, заноситься на ретивомъ конѣ въ середину вражьяго войска, пренебрегать опасностями; но въ то же время видно было въ немъ какое-то нерасположеніе къ югу, къ собственной Руси, влеченіе къ сѣверу, что рѣзко отличало его отъ отца и другихъ братьевъ, раздѣлявшихъ со всѣми остальными Ярославичами любовь къ Кіеву; когда Юрій, проигравши свое дѣло на югѣ, все еще не хотѣлъ разстаться съ нимъ, медлилъ исполнить требованія брата и племянника, объявившихъ, что не могутъ жить съ нимъ вмѣстѣ, Андрей спѣшилъ впереди отца на сѣверъ, утверждая, что на югѣ уже больше дѣлать нечего. Потомъ, когда Юрій по смерти старшаго брата и племянника окончательно утвердился въ Кіевѣ, и посадилъ Андрея подлѣ себя въ Вышгородѣ[318], то онъ не просидѣлъ и году въ своей

южной волости, безъ отцовскаго позволенія ушелъ на сѣверъ, который послѣ никогда уже не оставлялъ. Для объясненія этого явленія замѣтимъ, что Андрей, безспорно и родившійся на сѣверѣ[319], провелъ тамъ большую половину жизни, и ту именно половину, впечатлѣнія которой ложатся крѣпко на душу человѣка и никогда его не покидаютъ; Юрій жилъ уже не въ Ростовѣ, а въ Суздалѣ, городѣ относительно новомъ, подчиненномъ; Андрей, какъ видно, получилъ отъ отца въ волость Владимиръ на Клязьмѣ; слѣдовательно онъ воспитался и окрѣпъ въ новой средѣ, при тѣхъ отношеніяхъ, которыя господствовали въ новыхъ городахъ, или пригородахъ Ростовскихъ. Уже только въ 1149 году, лѣтъ 30 слишкомъ отъ рожденія, пришелъ Андрей на югъ, въ Русь, съ полками отца своего; онъ привыкъ къ сѣверу, къ тому порядку вещей, который тамъ господствовалъ, не мудрено, что не понравился ему югъ, что чуждъ, непонятенъ и враждебенъ показался ему порядокъ вещей, здѣсь существовавшій. На югѣ всѣ Князья съ ранней молодости привыкали жить въ общемъ родовомъ кругу, видѣться другъ съ другомъ въ челѣ полковъ и во время мирныхъ совѣщаній; живя въ близи другъ отъ друга, находясь въ безпрерывныхъ сношеніяхъ, съ ранней молодости привыкали дѣятельно участвовать во всѣхъ родовыхъ столкновеніяхъ, и принимать къ сердцу всѣ родовые счеты и распри, находя въ этомъ самый главный, самый живой интересъ. Но Андрей 30 слишкомъ лѣтъ прожилъ на сѣверѣ, въ одной своей семьѣ, въ удаленіи отъ остальныхъ племенъ (линій) княжескихъ, рѣдко видясь, мало зная въ лице остальныхъ Князей—родственниковъ своихъ, близкихъ и дальнихъ; издали только доносились до него слухи о событіяхъ изъ этого чуждаго для него міра; такимъ образомъ въ слѣдствіе долговременнаго удаленія, для Андрея необходимо должна была ослабѣть связь, соединявшая его съ остальными родичами, почему приготовлялась для него возможность явиться въ послѣдствіи такимъ старшимъ Княземъ, который станетъ поступать съ младшими не по родственному; но мало одного удаленія: Андрея отдѣляла отъ южныхъ родичей, и самыхъ близкихъ, отъ двоюродныхъ братьевъ Мстиславичей, вражда; онъ привыкъ смотрѣть на нихъ, какъ на заклятыхъ враговъ, кото-

рые старались отнять у отца его и у всей семьи Юрія должное ей значеніе. Это отчужденіе, холодность относительно всѣхъ родичей, вражда къ Мстиславичамъ и отчужденіе отъ юга вообще не могли измѣниться, когда Андрей явился на Руси, гдѣ, какъ мы видѣли, отецъ и вся семья его не могли пріобрѣсти народнаго расположенія, когда въ слѣдствіе этого было такъ мало надежды скоро или даже когда-нибудь занять старшій столъ и удержать его. Послѣ всего этого неудивительно покажется намъ удаленіе Андрея изъ Вышгорода на сѣверъ; здѣсь онъ утвердился въ своей прежней волости, Владимирѣ Клязменскомъ[320], и во все остальное время отцовой жизни не былъ Княземъ главныхъ сѣверныхъ волостей, ни Ростова, ни Суздаля, потому что всѣ сѣверныя волости вообще Юрій хотѣлъ оставить младшимъ сыновьямъ своимъ, а старшихъ испомѣстить на югѣ, въ собственной Руси, и, какъ видно, города при жизни Юрія не хотѣли прямо возстать противъ его распоряженія. Но какъ скоро Юрій умеръ, то Ростовцы и Суздальцы, посовѣтовавшись вмѣстѣ, взяли къ себѣ въ Князья Андрея и посадили его въ Ростовѣ на отцовскомъ столѣ и въ Суздалѣ[321]. Изъ этого извѣстія лѣтописца мы видимъ ясно, что жители Ростова, какъ жители другихъ старыхъ городовъ, не считали своею обязанностію исполнить волю покойнаго Князя, отдавшаго ихъ волость младшимъ сыновьямъ своимъ; думали, что имѣютъ право выбирать кого хотятъ въ Князья. Андрей принялъ столъ Ростовскій и Суздальскій, но утвердилъ свое пребываніе въ прежней волости, Владимирѣ[322], его украшалъ по преимуществу, въ немъ хотѣлъ даже учредить особую Митрополію для сѣверной Руси, чтобъ дать ей независимость отъ южной и въ церковномъ отношеніи, зная, какое преимущество будетъ сохранять Кіевъ, если въ немъ будетъ попрежнему жить верховный пастырь Русской церкви. Такое поведеніе Андрея не могло нравиться Ростовцамъ; его поведеніе не нравилось, какъ видно, почему то и старымъ боярамъ отцовскимъ; какъ видно Андрей не жилъ съ ними по товарищески, не объявлялъ имъ всѣхъ своихъ думъ, къ чему привыкли бояре въ старой Руси; предлогъ къ смутѣ недовольные могли найти легко: Андрей овладѣлъ волостью вопреки отцовскому распоряженію; млад-

шіе Юрьевичи, которымъ отецъ завѣщалъ Суздальскую землю, жили тамъ, ихъ именемъ недовольные могли дѣйствовать, и вотъ Андрей гонитъ съ сѣвера своихъ младшихъ братьевъ, этихъ опасныхъ соперниковъ, Мстислава, Василька и Всеволода, которые отправились въ Грецію[323]; мы видѣли, что двое другихъ Юрьевичей имѣли волости на югѣ: Глѣбъ княжилъ въ Переяславлѣ, Михаилъ, какъ видно, въ Торческѣ; скоро Всеволодъ Юрьевичь съ племянниками Ростиславичами возвратился также изъ Греціи и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ[324], княжилъ въ Городцѣ Остерскомъ. Вмѣстѣ съ братьями Андрей выгналъ племянниковъ своихъ отъ старшаго брата Ростислава, наконецъ выгналъ старыхъ отцовскихъ бояръ, мужей отца своего переднихъ, по выраженію лѣтописца; онъ это сдѣлалъ, продолжаетъ лѣтописецъ, желая быть самовластцемъ во всей Суздальской землѣ. Но при этомъ необходимо рождается вопросъ: если Ростовцы и Суздальцы были недовольны, если передніе мужи были недовольны, если братья княжескіе были недовольны, то какая же сила поддерживала Андрея, дала ему возможность, несмотря на неудовольствіе Ростовцевъ и Суздальцевъ, выгнать братьевъ, выгнать бояръ и сдѣлаться самовластцемъ? Необходимо должно предположить, что сила его утверждалась на повиновеніи младшихъ, новыхъ городовъ или пригородовъ. Андрей, какъ видно, хорошо понималъ, на чемъ основывается его сила, и не оставилъ этихъ новыхъ городовъ, когда войска его взяли самый старшій и самый богатый изъ городовъ Русскихъ—Кіевъ.

Глѣбъ Юрьевичь, посаженный племянникомъ въ Кіевѣ, не могъ княжить здѣсь спокойно, пока живъ былъ изгнанный Мстиславъ Изяславичь. Послѣдній началъ съ ближайшаго сосѣда своего, Владиміра Андреевича Дорогобужскаго, который, какъ мы видѣли, былъ союзникамъ Юрьевичей при его изгнаніи; съ братомъ Ярославомъ и съ Галичанами приступилъ Мстиславъ къ Дорогобужу, сталъ биться около города, но, несмотря на болѣзнь Владиміра Андреевича, который не могъ лично распоряжаться своимъ войскомъ, не смотря на то, что Глѣбъ Кіевскій, вопреки своему обѣщанію, не далъ ему никакой помощи, Мстиславу неудалось взять Дорогобужа: онъ долженъ былъ удовольствоваться опустошеніемъ другихъ, менѣе крѣпкихъ

городовъ Владиміровыхъ и возвратился къ себѣ домой. Скоро Владиміръ Андреевичъ умеръ, какъ видно, не оставивъ дѣтей: но волости его уже дожидался безземельный Князь, Владиміръ Мстиславичь, пріѣхавшій съ сѣверовостока и жившій теперь въ Волынскомъ городѣ Полонномъ, который принадлежалъ Кіевской Десятинной церкви. Узнавъ о смерти Андреевича, онъ явился передъ Дорогобужемъ; но дружина покойнаго Князя не пустила его въ городъ; тогда онъ послалъ сказать ей: «Цѣлую крестъ вамъ и Княгинѣ вашей, что ни вамъ, ни ей не сдѣлаю ничего дурнаго;» поцѣловалъ крестъ, вошелъ въ городъ, и тотчасъ же позабылъ свою клятву, потому что, говоритъ лѣтописецъ, былъ онъ вертлявъ между всею братьею; онъ накинулся на имѣніе, на стада и на села покойнаго Андреевича, и погналъ Княгиню его изъ города. Взявши тѣло мужа своего, она отправилась въ Вышгородъ, откуда хотѣла ѣхать въ Кіевъ, но Князь Давыдъ Ростиславичь не пустилъ ее: «Какъ я могу отпустить тебя,» говорилъ онъ: ночью пришла мнѣ вѣсть, что Мстиславъ въ Василевѣ; пусть кто нибудь пойдетъ съ тѣломъ изъ дружины.» Но дружина Дорогобужская отвѣчала ему на это: «Князь! самъ ты знаешь, что мы надѣлали Кіевлянамъ, нельзя намъ идти, убьютъ насъ.» Тогда игуменъ Поликарпъ сказалъ Давыду: «Князь! дружина его не ѣдетъ съ нимъ, такъ отпусти кого-нибудь изъ своей, чтобъ было кому коня повести, и стягъ (знамя) понести.» Но Давыду не хотѣлось отпускать своей дружины въ такое опасное время; онъ отвѣчалъ Поликарпу: «Его стягъ и почесть отошли вмѣстѣ съ душею; возьми поповъ Борисоглѣбскихъ и ступайте одни.» Поликарпъ отправился и вмѣстѣ съ Кіевлянами похоронилъ Владиміра въ Андреевскомъ монастырѣ.

Между тѣмъ Мстиславъ съ большою силою, братомъ Ярославомъ, полками Галицкими, Туровскими и Городенскими, пошелъ къ Чернымъ Клобукамъ; соединившись съ ними, отправился къ Триполю, оттуда къ Кіеву, и безпрепятственно вошелъ въ него, потому что Глѣбъ былъ въ это время въ Переяславлѣ по дѣламъ Половецкимъ. Первымъ дѣломъ Мстислава по занятіи Кіева былъ рядъ съ союзниками своими, которые помогли ему овладѣть опять старшимъ столомъ; тутъ же договорился онъ и

съ Владиміромъ Мстиславичемъ: какъ видно изъ послѣдующихъ извѣстій, Владиміръ отказался искать Кіева не только подъ Мстиславомъ, но и подъ братомъ его Ярославомъ и подъ сыновьями, за что племянники позволили ему остаться въ Дорогобужѣ; о содержаніи договоровъ съ другими союзниками ничего неизвѣстно; заключенъ былъ рядъ и съ Кіевлянами, также съ Черными Клобуками, но послѣдніе, по обычаю, только обманывали Князей. Урядившись со всѣми, Мстиславъ пошелъ къ Вышгороду, и сталъ крѣпко биться съ осажденными; тѣ не уступали, потому что у Князя ихъ Давыда было много своей дружины, да братья прислали ему помощь, Князь Глѣбъ прислалъ также тысяцкаго своего съ отрядомъ; кромѣ того были у него Половцы дикіе и свои Берендѣи, тогда какъ союзники Мстислава начали расходиться; первый ушелъ Галицкій воевода Константинъ съ своими полками: онъ послалъ сказать Мстиславу: «Князь Ярославъ велѣлъ мнѣ только пять дней стоять подъ Вышгородомъ, а потомъ идти домой.» Мстиславъ велѣлъ отвѣчать ему на это: «Братъ Ярославъ мнѣ такъ говорилъ: «пока не уладишься съ братьею, до тѣхъ поръ не отпускай полковъ моихъ отъ себя.» Тогда Константинъ написалъ ложную грамоту, въ которой будто бы Князь Ярославъ приказывалъ ему возвратиться, и ушелъ съ Галичанами; по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, Константинъ былъ подкупленъ Давыдомъ Вышегородскимъ[325]; иначе трудно объяснить причину его поступка. По удаленіи Галичанъ, Мстиславъ отступилъ къ Кіеву, и сталъ передъ Золотыми воротами, въ огородахъ, а изъ Вышгорода выѣзжали Половцы съ Берендѣями и наносили большой вредъ его полкамъ. Видя, что союзники его всѣ расходятся, изнемогли отъ упорнаго боя, и слыша съ другой стороны, что Глѣбъ съ Половцами переправляется через Днѣпръ, а къ Давыду пришли еще вспомогательные отряды, Мстиславъ созвалъ на совѣтъ братью; тѣ сказали: «отъ насъ войско расходится, а къ тѣмъ приходитъ свѣжее, Черные Клобуки насъ обманываютъ, не льзя намъ дольше стоять, поѣдемъ лучше въ свои волости, и, отдохнувши немного, возвратимся назадъ.» Мстиславъ видѣлъ, что Князья говорятъ правду, и пошелъ на Волынь, выдержавши на дорогѣ перестрѣлку съ По-

ловцами, которыхъ Давыдъ послалъ за нимъ въ погоню. Половцы не могли нанести большаго вреда Мстиславу, но за то сильно опустошили страну, чрезъ которую проходили; племянникъ Мстислава, Василько Ярополковичь, сидѣвшій въ Михайловѣ, одномъ изъ городовъ Пороссихъ, хотѣлъ было ударить на нихъ нечаянно, но потерялъ только дружину, и едва самъ успѣлъ убѣжать въ свой городъ, гдѣ скоро былъ осажденъ Глѣбомъ съ тремя Ростиславичами: Рюрикомъ, Давыдомъ и Мстиславомъ; союзники сожгли Михайловъ, раскопали ровъ, а Василька отпустили въ Черниговъ.

Мстиславъ обѣщалъ, отдохнувши немного, возвратиться опять къ Кіеву; но не могъ исполнить своего обѣщанія: въ Августѣ 1170 года онъ сильно разболѣлся и послалъ за братомъ Ярославомъ, чтобъ урядиться съ нимъ на счетъ дѣтей своихъ; Ярославъ поклялся ему, что не отниметъ у нихъ волости, послѣ чего Мстиславъ скоро умеръ[326], не успѣвши, подобно отцу, удержать старшинства предъ дядьми. Неизвѣстно, что заставило Ярослава отказаться отъ Владиміра въ пользу племянниковъ и остаться въ прежней волости своей Луцкѣ, хотя старшинство въ племени осталось за нимъ: мы увидимъ послѣ, что онъ располагалъ силами всей Волынской земли и являлся представителемъ племени, удерживая свое право на Кіевъ; мы видѣли примѣры, какъ волости перемѣняли иногда свое значеніе смотря по обстоятельствамъ, какъ, напримѣръ, Кіевскій Князь сажалъ старшаго сына въ Вышгородѣ или Бѣлгородѣ, а младшаго въ Переяславлѣ; съ другой стороны Мстиславъ добылъ силою себѣ Владиміръ и отстоялъ его отъ Юрія и его союзниковъ, слѣдовательно имѣлъ полное право требовать отъ брата, чтобъ онъ уже не отнималъ у племянниковъ волости, которую отецъ ихъ добылъ головою.—Глѣбъ Юрьевичь Кіевскій не долго пережилъ своего соперника, онъ умеръ въ слѣдующемъ 1171 году, оставивъ по себѣ добрую память братолюбца, свято сохранявшаго клятвы. Преемникомъ его въ Кіевѣ былъ Князь, отличавшійся противоположнымъ свойствомъ, именно Владиміръ Мстиславичь. Трое Ростиславичей, сидѣвшихъ около Кіева, послали звать его, какъ дядю, на старшій столъ; всѣ Ростиславичи, слѣдуя отцовскому примѣру, уважали старшинство,

притомъ не имѣли предъ Владиміромъ того преимущества, какое имѣлъ Мстиславъ, т. е. старшинства физическаго, наконецъ имъ выгоднѣе было видѣть въ Кіевѣ Владиміра, чѣмъ Изяславича, съ которымъ были въ явной враждѣ. Такимъ образомъ Владиміръ, такъ долго безземельный, изгнанный отовсюду, вдругъ, благодаря обстоятельствамъ, получилъ возможность сѣсть въ Кіевѣ; тайкомъ отъ остальныхъ Волынскихъ Князей— Ярослава съ племянниками, которымъ прежде поклялся не искать старшинства, Владиміръ уѣхалъ въ Кіевъ, оставивъ Дорогобужъ сыну Мстиславу; но счастіе его и тутъ было непродолжительно: Кіевъ былъ уже теперь въ зависимости отъ сѣвернаго Князя Андрея Боголюбскаго, которому, говоритъ лѣтописецъ, было нелюбо, что Владиміръ сѣлъ въ Кіевѣ; онъ послалъ сказать ему, чтобъ шелъ оттуда, а на его мѣсто приказывалъ идти Роману Ростиславичу Смоленскому; онъ могъ сердиться на Владиміра и за то, что тотъ вступилъ въ союзъ съ Изяславичами Волынскими, и за то, что сѣлъ безъ его позволенія въ Кіевѣ; родныхъ младшихъ братьевъ своихъ онъ не любилъ по извѣстнымъ причинамъ, и былъ расположенъ къ однимъ Ростиславичамъ, которые признали его старшинство и крѣпко до сихъ поръ держались его: «Вы назвали меня отцемъ, велѣлъ онъ сказать имъ: такъ я хочу вамъ добра, и даю брату вашему Роману Кіевъ». Такъ скоро обнаружились уже тѣ слѣдствія, какія должны были произойти для южной Руси отъ усиленія сѣверной, которой самовластецъ вмѣсто всѣхъ родовыхъ правъ поставлялъ свой произволъ, и такимъ образомъ перепутывалъ всѣ прежніе родовые счеты: по родовымъ правамъ Кіевъ прежде всего принадлежалъ Владиміру Мстиславичу, потомъ младшимъ братьямъ Андрея, если онъ самъ не хотѣлъ сидѣть въ немъ, наконецъ Ярославу Изяславичу Луцкому: но Андрей, мимо всѣхъ этихъ Князей отдаетъ его Ростиславичу. Смерть избавила Владиміра отъ изгнанія: онъ умеръ въ Кіевѣ, побывши только четыре мѣсяца старшимъ Княземъ: «Много перенесъ онъ бѣдъ, говоритъ лѣтописецъ, бѣгая отъ Мстислава то въ Галичь, то въ Венгрію, то въ Рязань, то къ Половцамъ, но все по своей винѣ, потому что неустойчивъ былъ въ крестномъ цѣлованіи.»

Романъ, по приказу Андрея, пріѣхалъ въ Кіевъ, былъ принятъ всѣми людьми съ радостію; но радость эта не могла быть продолжительна: мы видѣли, какъ самовластно началъ обходиться Андрей съ младшими, южными Князьями, изгоняя одного изъ Кіева, посылая другаго на его мѣсто, не разбирая правъ ихъ. Ростиславичи молчали, когда это самовластіе было въ ихъ пользу; но скоро и они должны были увидать необходимость или безпрекословно исполнять всѣ приказанія Андреевы, или вступить съ нимъ въ отчаянную борьбу за старыя права родичей. Въ этой борьбѣ Ростиславичей съ Юрьевичами высказалась противоположность характеровъ сѣверныхъ и южныхъ Князей, противоположность ихъ стремленій. До сихъ поръ мы были свидѣтелями борьбы или въ слѣдствіе изгойства, когда Князья-сироты, по отсутствію отчинности, лишались волостей и принуждены бывали добывать ихъ силою, или борьба шла за старшинство между различными племенами (линіями) или въ одномъ племени между дядьми и племянниками. Борьба за старшинство въ племени Мономаховомъ, во время которой нельзя не замѣтить также борьбы между сѣверною и южною Русью, оканчивается собственно взятіемъ Кіева войсками Боголюбскаго, торжествомъ сѣверной Руси надъ южною; съ этихъ поръ потомство старшаго сына Мстислава Великаго, Изяслава сходитъ со сцены въ борьбѣ за старшинство, въ которой до этого времени играло главную роль, и удаляется на западъ, гдѣ начинаетъ играть другую роль, не менѣе блестящую. Ему на смѣну въ борьбѣ съ Князьями сѣверными, или Юрьевичами, выступаетъ потомство втораго сына Мстислава Великаго, Ростислава; но эта третья борьба нашихъ Князей носитъ опять новый характеръ: здѣсь борются не беземельные Князья, изгои, для того чтобъ получить волости, борьба идетъ и не за старшинство; но Князья южные, или Ростиславичи борятся за старый порядокъ вещей, за старую Русь, за родовыя отношенія, которыя хотятъ упразднить Юрьевичи. Въ этой многозначительной борьбѣ оба враждебныя племени или, лучше сказать, обѣ Руси выставляютъ каждая по двое князей для борьбы: Русь старая, Ростиславичи выставляютъ двоихъ Мстиславовъ—отца и сына;

новая, сѣверная Русь имѣетъ представителями двоихъ братьевъ Юрьевичей, Андрея Боголюбскаго и Всеволода III-го.

Андрею дали знать, что братъ его Глѣбъ умеръ въ Кіевѣ насильственною смертію и указали убійцъ: Григорія Хотовича, бывшаго, какъ мы видѣли, тысяцкимъ у Глѣба, потомъ какого-то Степанца и Олексу Святославича; Андрей могъ легко повѣрить извѣту, зная, какъ не терпѣли Юрьевичей на югѣ[327], и потому прислалъ сказать Ростиславичамъ: «Выдайте мнѣ Григорія Хотовича, Степанца и Олексу Святославича: это враги всѣмъ намъ, они уморили брата моего Глѣба.» Ростиславичи, считая, какъ видно, доносъ на бояръ неосновательнымъ, не послушались Андрея, но только отпустили отъ себя Григорія Хотовича. Тогда Андрей послалъ сказать Роману: «Не ходишь въ моей волѣ съ братьями своими: такъ ступай вонъ изъ Кіева, Давыдъ изъ Вышгорода, Мстиславъ изъ Бѣлгорода; ступайте всѣ въ Смоленскъ, и дѣлитесь тамъ какъ хотите.» Сильно обидѣлись Ростиславичи, что Андрей гонитъ ихъ изъ Русской земли, и отдаетъ Кіевъ брату своему Михаилу; старшій изъ нихъ Романъ не хотѣлъ противиться, и выѣхалъ въ Смоленскъ; но остальные братья не выѣзжали изъ своихъ волостей; боясь, какъ видно, ихъ, и Михаилъ не ѣхалъ изъ Торческа въ Кіевъ, а послалъ туда младшаго брата Всеволода съ племянникомъ Ярополкомъ Ростиславичемъ. Уже пять недѣль сидѣлъ Всеволодъ въ Кіевѣ, когда Ростиславичи—Рюрикъ, Давыдъ и Мстиславъ послали сказать Андрею: «Братъ! мы назвали тебя отцемъ себѣ, крестъ тебѣ цѣловали, и стоимъ въ крестномъ цѣлованіи, хотимъ тебѣ добра; но вотъ теперь брата нашего Романа ты вывелъ изъ Кіева, и намъ путь кажешь изъ Русской земли безъ нашей вины: такъ пусть разсудитъ насъ Богъ и сила крестная». Не получивши на это никакого отвѣта, Ростиславичи, сговорившись, въѣхали тайно ночью въ Кіевъ, схватили Всеволода Юрьевича, племянника его Ярополка, всѣхъ бояръ ихъ, и посадили въ Кіевѣ брата своего Рюрика. Потомъ отправились они къ Торческу на Михаила: тотъ держался шесть дней, а на седьмой помирился съ Ростиславичами, обѣщалъ быть съ ними за одно противъ Андрея и Святослава Черниговъ-

скаго, за что Ростиславичи обѣщали добыть ему къ Торческу Переяславль, гдѣ сидѣлъ молодой племянникъ его, Владиміръ, сынъ покойнаго Глѣба; братъ Михайловъ, Всеволодъ былъ выпущенъ изъ плѣна, но племянникъ Ярополкъ удержанъ и братъ его, Мстиславъ выгнанъ изъ своей волости, Треполя[328].

Услышавъ объ этихъ происшествіяхъ на югѣ, Андрей сильно разсердился, чему очень обрадовались Ольговичи Черниговскіе: они послали къ Андрею подущать его на Ростиславичей, велѣли сказать ему: «Кто тебѣ врагъ, тотъ и намъ; мы готовы идти съ тобою». Андрей, говоритъ лѣтописецъ, принялъ совѣтъ ихъ, исполнился высокоумія, сильно разсердился, надѣясь на плотскую силу, огородившись множествомъ войска, разжегся гнѣвомъ, призвалъ мечника своего Михна и наказалъ ему: «Поѣзжай къ Ростиславичамъ и скажи имъ: не ходите въ моей волѣ: такъ ступай же ты, Рюрикъ, въ Смоленскъ къ брату, въ свою отчину; Давыду скажи: «ты ступай въ Берладъ, въ русской землѣ не велю тебѣ быть; а Мстиславу молви: ты всему зачинщикъ, не велю тебѣ быть въ Русской землѣ». Мстиславъ, по словамъ лѣтописца, съ молоду привыкъ не бояться никого, кромѣ одного Бога: онъ велѣлъ Андрееву послу остричь передъ собою голову и бороду, и отослалъ его назадъ къ Андрею съ такими словами: «Ступай къ своему Князю и скажи отъ насъ ему: «Мы до сихъ поръ почитали тебя какъ отца по любви; но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ Князю, но какъ къ подручнику и простому человѣку, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ насъ разсудитъ.» Роковое слово: подручникъ въ противоположность Князю было произнесено: южные Князья поняли перемѣну въ обхожденіи съ ними сѣвернаго самовластца, поняли, что онъ хочетъ прежнія родственныя отношенія старшаго къ младшимъ замѣнить новыми, подручническими, не хочетъ болѣе довольствоваться только тѣмъ, чтобъ младшіе имѣли его какъ отца по любви, но хочетъ, чтобъ они безусловно исполняли его приказанія, какъ подданные.—Андрей опалъ въ лицѣ, когда услыхалъ отъ Михна отвѣтъ Мстиславовъ, и велѣлъ тотчасъ же собирать войско; собрались Ростовцы, Суздальцы, Владимирцы, Переяславцы, Бѣлозерцы, Муромцы, Новгородцы и Рязанцы; Андрей счелъ ихъ и

нашелъ 50,000; онъ послалъ съ ними сына своего Юрія, да воеводу Бориса Жидиславича съ такимъ наказомъ: «Рюрика и Давыда выгоните изъ моей отчины, а Мстислава схватите, и, не дѣлая ему ничего, приведите ко мнѣ». Уменъ былъ Князь Андрей, говоритъ лѣтописецъ, во всѣхъ дѣлахъ, и доблестенъ, но погубилъ смыслъ свой невоздержаніемъ, и распалившись гнѣвомъ, сказалъ такія дерзкія слова[329]. Когда рать Андреева шла мимо Смоленска, то Князь тамошній Романъ принужденъ былъ отпустить съ нею свои полки и сына на родныхъ братьевъ, потому что былъ въ рукахъ Андреевыхъ; Князьямъ Полоцкимъ, Туровскимъ, Пинскимъ и Городенскимъ также велѣно было идти всѣмъ; въ землѣ Черниговской присоединились къ Андреевой рати Ольговичи; потомъ подошли Юрьевичи Михаилъ и Всеволодъ, племянники ихъ Мстиславъ и Ярополкъ[330] Ростиславичи, Владиміръ Глѣбовичь изъ Переяславля, Берендѣи, Поросье; всѣхъ князей было больше двадцати; они перешли Днѣпръ и въѣхали въ Кіевъ безпрепятственно, потому что Ростиславичи не затворились въ этомъ городѣ, но разъѣхались каждый въ свои прежнія волости: Рюрикъ затворился въ Бѣлгородѣ, Мстислава съ Давыдовымъ полкомъ затворили въ Вышгородѣ, а самъ Давыдъ поѣхалъ въ Галичь просить помощи у Князя Ярослава. Старшимъ лѣтами и племенемъ между всѣми союзными Князьями былъ Святославъ Всеволодовичь Черниговскій, почему и получилъ главное начальство надъ всею ратью; онъ отрядилъ сперва къ Вышгороду Всеволода Юрьевича съ Игоремъ Святославичемъ Сѣверскимъ и другими младшими князьями. Когда они подошли къ городу, то Мстиславъ Ростиславичь выстроилъ свои полки и выѣхалъ противъ непріятеля; съ обѣихъ сторонъ сильно желали боя, и стрѣльцы уже начали свое дѣло; Андреева рать была расположена тремя отдѣлами: съ одной стороны стояли Новгородцы, съ другой Ростовцы, а въ серединѣ ихъ Всеволодъ Юрьевичь съ своимъ полкомъ; Мстиславъ, видя, что его стрѣльцы смѣшались уже съ непріятельскими ратниками, погналъ въ слѣдъ за ними, закричавъ дружинѣ: «Братья! ударимъ съ Божіею помощію и святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба». Они смяли средній полкъ Всеволодовъ, и смѣшались съ непріятелемъ, который обхва-

тывалъ со всѣхъ сторонъ малочисленную дружину; встало страшное смятеніе, говоритъ лѣтописецъ: слышались стоны, крики, какіе-то странные голоса, раздавался трескъ копій, звукъ мечей, въ густой пыли нельзя было различить ни коннаго, ни пѣшаго; наконецъ, послѣ сильной схватки, войска разошлись; много было раненыхъ, но мертвыхъ не много. Послѣ этой битвы младшихъ Князей, подступили къ Вышгороду всѣ остальные старшіе съ своими полками; каждый день дѣлались приступы, Мстиславъ много терялъ своихъ добрыхъ воиновъ убитыми и ранеными, но не думалъ о сдачѣ. Такимъ образомъ девять недѣль стояли уже Князья подъ Вышгородомъ, когда явился Ярославъ Изяславичь Луцкій со всею Волынскою землею; онъ пришелъ искать себѣ старшинства; но Ольговичи не хотѣли уступить ему Кіева. Тогда онъ завелъ переговоры съ Ростиславичами, тѣ уступили ему Кіевъ, и онъ отправился къ Рюрику въ Бѣлгородъ. Страхъ напалъ на Андреевыхъ союзниковъ; они говорили, что Ростиславичи непремѣнно соединятся съ Галичанами и Черными Клобуками и нападутъ на нихъ; въ войскѣ наступило страшное смятеніе, и, недождавшись свѣта, все бросилось переправляться черезъ Днѣпръ, при чемъ много людей перетонуло. Мстиславъ, увидавши всеобщее бѣгство, выѣхалъ съ дружиною изъ Вышгорода и ударилъ на непріятельскій станъ, гдѣ взялъ много плѣнниковъ. Такъ возвратилась вся сила Андрея Князя Суздальскаго, говоритъ лѣтописецъ: собралъ онъ всѣ земли и войску его не было числа; пришли они съ высокомысліемъ, и со смиреніемъ отошли въ домы свои. Причина такого неожиданнаго успѣха Ростиславичей ясна изъ самаго разсказа лѣтописца. Огромная рать пришла въ надеждѣ на вѣрный успѣхъ, и съ перваго же раза увидала, что успѣхъ этотъ долженъ быть купленъ большимъ трудомъ: это уже одно обстоятельство должно было произвести упадокъ духа въ войскѣ осаждающихъ; извѣстно изъ послѣдующихъ событій, что сѣверное народонаселеніе вовсе не отличалось воинскимъ духомъ; Смоленскіе полки бились по неволѣ, не льзя думать, чтобъ и Новгородцы сражались съ большою охотою, равно какъ и Князья Полоцкіе, Туровскіе, Пинскіе, Городенскіе, которымъ рѣшительно было все равно, кто побѣдитъ—Андрей или Рости-

славичи; Юрьевичи не могли усердно сражаться въ угоду брату, съ которымъ вовсе не были въ родственныхъ и дружескихъ отношеніяхъ, особенно когда видѣли, что двое Князей — Черниговскій и Волынскій спорятъ, кому долженъ достаться Кіевъ; можно думать, что Андрей обѣщалъ Кіевъ Святославу Черниговскому, а если не обѣщалъ никому, если ниодинъ изъ Князей не зналъ, кто воспользуется побѣдою Суздальскаго Князя надъ Ростиславичами, на кого изъ нихъ сѣверный самовластецъ броситъ благосклонный взглядъ, то ясно, какъ это незнаніе должно было ослаблять усердіе Князей, и вотъ когда увидали, что Волынскій Князь перешелъ на сторону Ростиславичей, когда слѣдовательно онъ съ Рюрикомъ могъ ударить на осаждающихъ съ одной стороны отъ Бѣлгорода, Мстиславъ изъ Вышгорода, Давыдъ могъ явиться съ Галицкою помощію, и Черные Клобуки перейти на сторону Ростиславичей, — то неудивительно, что ужасъ напалъ на сборную Андрееву рать, и она бросилась бѣжать за Днѣпръ [331].

Ростиславичи послѣ побѣды исполнили свое обѣщаніе, положили старшинство на Ярослава и дали ему Кіевъ; но онъ не долго сидѣлъ здѣсь спокойно: Святославъ Всеволодовичь Черниговскій прислалъ сказать ему: «Вспомни прежній нашъ уговоръ, начемъ ты мнѣ цѣловалъ крестъ; ты мнѣ говорилъ: если я сяду въ Кіевѣ, то я тебя надѣлю, если же ты сядешь въ Кіевѣ, то ты меня надѣли; теперь ты сѣлъ — право ли, криво ли — надѣли же меня». Ярославъ велѣлъ отвѣчать ему: «зачѣмъ тебѣ наша отчина? тебѣ эта сторона не надобна». Святославъ прислалъ опять сказать ему на это: «Я не Венгерецъ и не Ляхъ, мы всѣ одного дѣда внуки, и сколько тебѣ до него, столько же и мнѣ (т. е. я имѣю одинакую съ тобою степень старшинства на родовой лѣствицѣ), если не хочешь исполнять стараго договора, то твоя воля». Въ то время, когда Мстиславичи боролись съ новыми стремленіями, явившимися на сѣверѣ, отстаивали родовыя отношенія между старшимъ Княземъ и младшими, въ то самое время, съ другой стороны, они должны были вести борьбу съ Княземъ, для котораго они сами являлись нововводителями, нарушителями стараго порядка вещей, съ Княземъ, который стоитъ не только за родовыя отношенія между стар-

шимъ и младшими князьями, но напоминаетъ объ единствѣ всего потомства Ярославова, борится за общность владѣнія всею Русскою землею, тогда какъ Мстиславичи хотятъ удержать Кіевъ навсегда за собою. Черниговскій Князь, видя, что Ярославъ не хочетъ вспоминать старинныхъ уговоровъ, рѣшился, по примѣру отца и дяди, попытаться силою овладѣть Кіевомъ; время было благопріятное: Андрей утратилъ свое вліяніе на югъ; Ростиславичи, силою обстоятельствъ вынужденные признать старшинство Ярослава, равнодушны къ нему, Юрьевичи также; и вотъ Святославъ, соединясь съ братьею, явился нечаянно подъ Кіевомъ; Ярославъ, боясь затвориться въ городѣ одинъ, побѣжалъ въ Луцкъ, а Черниговскій Князь въѣхалъ въ Кіевъ, захватилъ все имѣніе Ярославово, жену его, сына, всю дружину, и отослалъ въ Черниговъ. Но онъ самъ не могъ долго оставаться въ Кіевѣ, потому что двоюродный братъ его, Олегъ Святославичъ напалъ на Черниговскую волость, желая, какъ видно, быть здѣсь преемникомъ Святослава. Но послѣдній, занявши Кіевъ нечаянно (изъѣздомъ), не надѣялся окончательно утвердиться здѣсь, боялся судьбы Изяслава Давыдовича, и потому не хотѣлъ уступить прежней волости двоюродному брату: онъ пошелъ на Олега, пожегъ его волость, надѣлалъ, по обычаю, много зла; а между тѣмъ Ярославъ, узнавъ, что Кіевъ стоитъ безъ Князя, пріѣхалъ опять, и въ сердцахъ задумалъ взять на Кіевлянахъ то, что отнято было у него Святославомъ: «Вы подвели на меня Святослава, сказалъ онъ имъ: такъ промышляйте, чѣмъ выкупить княгиню и сына». Когда Кіевляне не знали, что ему на это отвѣчать, то онъ велѣлъ грабить весь Кіевъ, игуменовъ, поповъ, монаховъ, монахинь, иностранцевъ, гостей, даже кельи затворниковъ. Святослава было ему нечего бояться: тотъ, сбираясь идти на Олега, помирился съ Ярославомъ, чтобъ свободнѣе защищать свою вѣрную волость. Въ это время Ростиславичи вошли опять въ сношенія съ Андреемъ: они вѣроятно знали, или, по крайней мѣрѣ, должны были догадываться, какъ непріятно смотрѣлъ онъ на то, что Кіевъ достался опять враждебному племени Изяславичей, которое не думало признавать его старшинства, и потому рѣшились послать къ нему съ просьбою, чтобъ помогъ овладѣть Кіе-

вомъ опять брату ихъ Роману, противъ котораго онъ не могъ питать вражды: «Подождите немного, велѣлъ отвѣчать имъ Андрей: послалъ я къ братьѣ своей въ Русь; какъ придетъ мнѣ отъ нихъ вѣсть, тогда дамъ вамъ отвѣтъ.» Изъ этихъ словъ видно, что Андрей не хотѣлъ оставлять въ покоѣ юга, сносился съ братьями, вѣроятно замышляя тамъ новыя перемѣны, и Ростиславичи спѣшили хлопотать о томъ, чтобъ эти перемѣны были къ ихъ выгодѣ. Но Андрей не дождался вѣстей отъ братьевъ.

Мы видѣли, что Андрей выгналъ изъ своей волости старыхъ бояръ отцовскихъ, и окружилъ себя новыми; видѣли также, какимъ повелительнымъ тономъ говорилъ Андрей даже и съ Князьями: можемъ заключить, что онъ былъ повелителенъ и строгъ съ окружавшими его; такъ онъ казнилъ смертью одного изъ ближнихъ родственниковъ своихъ по женѣ, Кучковича; тогда братъ казненнаго, Якимъ вмѣстѣ съ зятемъ своимъ Петромъ и нѣкоторыми другими слугами княжескими, рѣшился злодѣйствомъ освободиться отъ строгаго господина. Мы знаемъ также, что Русскіе Князья принимали къ себѣ въ службу пришлецовъ изъ разныхъ странъ и народовъ; Андрей подражалъ въ этомъ отношеніи всѣмъ Князьямъ, охотно принималъ пришлецовъ изъ земель христіанскихъ и нехристіанскихъ, латиновъ и православныхъ, любилъ показывать имъ свою великолѣпную церковь Богоматери во Владимирѣ, чтобъ иновѣрцы видѣли истинное христіанство, и крестились, и многіе изъ нихъ крестились дѣйствительно. Въ числѣ этихъ новокрещенныхъ иноземцевъ находился одинъ Ясъ, именемъ Анбалъ: онъ пришелъ къ Андрею въ самомъ жалкомъ видѣ, былъ принятъ въ княжескую службу, получилъ мѣсто ключника и большую силу во всемъ домѣ; въ числѣ приближенныхъ къ Андрею находился также какой-то Ефремъ Моизичъ, котораго отчество—Моизичъ или Моисѣевичъ указываетъ на жидовское происхожденіе. Двое этихъ-то восточныхъ рабовъ выставлены лѣтописцемъ вмѣстѣ съ Кучковичемъ и зятемъ его, какъ зачинщики дѣла, всѣхъ же заговорщиковъ было двадцать человѣкъ; они говорили: «нынче казнилъ онъ Кучковича, а завтра казнитъ и насъ; такъ промыслимъ объ этомъ Князѣ!» Кромѣ злобы и опасенія за свою участь, заговорщиковъ могла побуждать и зависть къ любимцу Андрееву,

какому-то Прокопію. 28 Іюня 1174 года, въ пятницу, въ обѣднюю пору, въ селѣ Боголюбовѣ, гдѣ обыкновенно жилъ Андрей, собрались они въ домѣ Кучкова зятя Петра, и порѣшили убить Князя на другой день, 29 числа ночью. Въ условленный часъ заговорщики вооружились и пошли къ Андреевой спальнѣ; но ужасъ напалъ на нихъ, они бросились бѣжать изъ сѣней, зашли въ погребъ, напились вина, и ободрившись имъ, пошли опять на сѣни. Подошедши къ дверямъ спальни, одинъ изъ нихъ началъ звать Князя: «Господинъ! Господинъ!» чтобъ узнать, тутъ ли Андрей. Тотъ, услышавши голосъ, закричалъ: «кто тамъ?» ему отвѣчали: «Прокопій.» — «Мальчикъ! сказалъ тогда Андрей спавшему въ его комнатѣ слугѣ: «вѣдь это не Прокопій?» Между тѣмъ убійцы, услыхавши Андреевъ голосъ, начали стучать въ двери и выломили ихъ. Андрей вскочилъ, хотѣлъ схватить мечь, который былъ всегда при немъ (онъ принадлежалъ св. Борису); но меча небыло: ключникъ Анбалъ укралъ его днемъ изъ спальни. Въ это время, когда Андрей искалъ меча, двое убійцъ вскочили въ спальню, и бросились на него; но Андрей былъ силенъ, и уже успѣлъ одного повалить, какъ вбѣжали остальные, и, не различивъ сперва въ потьмахъ, ранили своего, который лежалъ на землѣ, потомъ бросились на Андрея; тотъ долго отбивался, не смотря на то, что со всѣхъ сторонъ сѣкли его мечами, саблями, кололи копьями: «Нечестивцы! кричалъ онъ имъ: зачѣмъ хотите сдѣлать тоже, что Горясѣръ (убійца св. Глѣба)? Какое я вамъ зло сдѣлалъ? если прольете кровь мою на землѣ, то Богъ отомститъ вамъ за мой хлѣбъ.» Наконецъ Андрей упалъ подъ ударами; убійцы, думая, что дѣло кончено, взяли своего раненаго, и пошли вонъ изъ спальни, дрожа всѣмъ тѣломъ; но какъ скоро они вышли, Андрей поднялся на ноги и пошелъ подъ сѣни, громко стоная; убійцы услыхали стоны и возвратились назадъ; одинъ изъ нихъ говорилъ: «Я самъ видѣлъ, какъ Князь сошелъ съ сѣней;» «ну такъ пойдемте искать его,» отвѣчали другіе; войдя въ спальню, и видя, что его тутъ нѣтъ, начали говорить: «Погибли мы теперь, станемъ искать поскорѣе.» Зажгли свѣчи и нашли Князя по кровавому слѣду: Андрей сидѣлъ за лѣстничнымъ столпомъ; на этотъ разъ борьба не могла быть продолжительна съ осла-

бѣвшимъ отъ ранъ Княземъ: Петръ отсѣкъ ему руку, другіе прикончали его.

Порѣшивши съ Княземъ, заговорщики пошли—убили любимца его, Прокопія; потомъ пошли на сѣни, вынули золото, дорогіе камни, жемчугъ, ткани и всякое имѣніе, навьючили на лошадей и до свѣта отослали къ себѣ по домамъ, а сами разобрали княжое оружіе и стали набирать дружину, боясь, чтобъ Владимирцы не ударили на нихъ; для отнятія у послѣднихъ возможности къ этому, они придумали также завести смуту въ городѣ, произвести рознь, вражду между гражданами, для чего послали сказать имъ: «не сбираетесь ли вы на насъ? такъ мы готовы принять васъ и покончить съ вами; вѣдь не одною нашею думою убитъ Князь, есть и между вами наши сообщники». Владимирцы отвѣчали: «Кто съ вами въ думѣ, тотъ пусть при васъ и остается, а намъ не надобенъ». Убійцы впрочемъ боялись напрасно: Владимирцы не двинулись на нихъ: безъ Князя, въ неизвѣстности о будущей судьбѣ, не привыкши дѣйствовать самостоятельно, они не могли ничего предпринять рѣшительнаго, дожидались, что̀ начнутъ старшіе города, а между тѣмъ безначаліе вездѣ произвело волненія, грабежи; мы видѣли, что убійцы начали расхищеніе казны княжеской; въ слѣдъ за ними явились на княжій дворъ жители Боголюбова и остальные дворяне, пограбили, что осталось отъ заговорщиковъ, потомъ бросились на церковныхъ и палатныхъ строителей, присланныхъ Андреемъ въ Боголюбовъ, пограбили ихъ[332]; грабежи и убійства происходили по всей волости: пограбили и побили посадниковъ княжескихъ, тіуновъ, дѣтскихъ, мечниковъ; надежда добычи подняла и сельскихъ жителей: они приходили въ города и помогали грабить; грабежи начались и во Владимирѣ, но прекратились, когда священники съ образомъ Богородицы стали ходить по городу. По словамъ лѣтописца народъ грабилъ и билъ посадниковъ и тіуновъ, не зная, что гдѣ законъ, тамъ и обидъ много; эти слова показываютъ, что при Боголюбскомъ точно было много обидъ на сѣверѣ.

Во время этихъ смутъ тѣло убитаго Князя оставалось не погребеннымъ; въ первый же день послѣ убійства преданный по-

койному слуга, Кузьма Кіевлянинъ пошелъ на княжій дворъ, и видя, что тѣла нѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Андрей, сталъ спрашивать: «гдѣ же господинъ?» Ему отвѣчали: «Вонъ лежитъ выволоченъ въ огородъ; да ты не смѣй брать его, всѣ хотятъ выбросить его собакамъ, а если кто за него примется, тотъ намъ врагъ, убьемъ и его». Кузьма пошелъ къ тѣлу и началъ плакаться надъ нимъ: «Господинъ мой, Господинъ мой! какъ это ты не почуялъ скверныхъ и нечестивыхъ враговъ, когда они шли на тебя? какъ это ты не съумѣлъ побѣдить ихъ, вѣдь ты прежде умѣлъ побѣждать полки поганыхъ Болгаръ?» Когда Кузьма плакался надъ тѣломъ, подошелъ къ нему ключникъ Анбалъ; Кузьма, взглянувши на него, сказалъ: «Анбалъ, вражій сынъ! дай хоть коверъ или что нибудь подослать и прикрыть господина нашего». —«Ступай прочь, отвѣчалъ Анбалъ, мы хотимъ бросить его собакамъ». — «Ахъ ты еретикъ, сказалъ ему на это Кузьма: собакамъ выбросить? да помнишь ли ты, жидъ, въ какомъ платьѣ пришелъ ты сюда? теперь ты стоишь въ бархатѣ, а Князь нагой лежитъ; но прошу тебя честью, сбрось мнѣ что нибудь». Анбалъ усовѣстился и сбросилъ коверъ и корзно; Кузьма обвертѣлъ тѣло и понесъ его въ церковь, но когда сталъ просить, чтобъ отворили ему ее, то ему отвѣчали: «Брось тутъ въ притворѣ; вотъ носится, нечего дѣлать»; — уже всѣ были пьяны. Кузьма сталъ опять плакаться: «Уже тебя, господинъ, и холопы твои знать не хотятъ; бывало придетъ гость изъ Царягорода, или изъ иной какой страны, изъ Руси ли, латынецъ, христіанинъ или поганый, прикажешь: поведите его въ церковь, въ ризницу, пусть посмотритъ на истинное христіанство и крестится, что и бывало, крестилось много; Болгары и Жиды и всякая погань, видѣвши славу Божію и украшеніе церковное, сильно плачутъ по тебѣ, а эти не пускаютъ тебя и въ церковь положить». Поплакавши, Кузьма положилъ тѣло въ притворѣ, покрывъ корзномъ, и здѣсь оно пролежало двое сутокъ. На третій день пришелъ Козмодемьянскій игуменъ Арсеній и сказалъ: «Долго ли намъ смотрѣть на старшихъ игуменовъ и долго ли этому Князю лежать? Отоприте церковь, отпою надъ нимъ и положимъ его въ гробъ, а тамъ, когда злоба эта перестанетъ, придутъ изъ Владимира и понесутъ его туда». Пришли кли-

рошане Боголюбскіе, внесли тѣло въ церковь, положили въ каменный гробъ и отпѣли съ Арсеніемъ. На шестой уже день, когда волненіе утихло во Владимирѣ, граждане сказали игумену Өеодулу и Лукѣ, демественнику Богородичной церкви: «Нарядите носильщиковъ, поѣдемъ, возьмемъ Князя и господина нашего Андрея»; а протопопу Микулицѣ сказали: «собери всѣхъ поповъ, облачитесь въ ризы и выходите передъ Серебряныя ворота съ святою Богородицею, тутъ и дожидайтесь Князя». Өеодулъ исполнилъ ихъ волю: съ клирошанами Богородичной церкви и съ нѣкоторыми Владимирцами поѣхалъ въ Боголюбовъ, и взявши тѣло, привезъ во Владимиръ съ честію и съ плачемъ великимъ. Увидавши издали княжескій стягъ, который несли передъ гробомъ,Владимирцы, остававшіеся ждать у Серебряныхъ воротъ, не могли удержаться отъ рыданій, и начали приговаривать: «Уже не въ Кіевъ ли поѣхалъ ты, господинъ нашъ, въ ту церковь у Золотыхъ воротъ, которую послалъ ты строить на великомъ дворѣ Ярославовомъ; говорилъ ты: хочу построить церковь такую же какъ и ворота эти золотыя, да будетъ память всему отечеству моему.» Андрея похоронили въ построенной имъ церкви Богородичной. (1174 г.)

Какъ скоро вѣсть о смерти Андреевой разнеслась по волости, то Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы, и вся дружина отъ мала и до велика съѣхались во Владимиръ и сказали: «Дѣлать нечего, такъ уже случилось, Князь нашъ убитъ, дѣтей у него здѣсь нѣтъ, сынокъ его молодой въ Новгородѣ, братья въ Руси, за какимъ же Княземъ намъ послать? сосѣди у насъ Князья Муромскіе и Рязанскіе, надобно бояться, чтобъ они не пришли на насъ внезапно ратью; пошлемъ-ка къ Рязанскому Князю Глѣбу (Ростиславичу), скажемъ ему: «Князя нашего Богъ взялъ, такъ мы хотимъ Ростиславичей Мстислава и Ярополка, твоихъ шурьевъ» (сыновей старшаго сына Юріева). — Они забыли, говоритъ лѣтописецъ, что цѣловали крестъ Князю Юрію посадить у себя меньшихъ сыновей его, Михаила и Всеволода, нарушили клятву, посадили Андрея, а меньшихъ его братьевъ выгнали; и теперь послѣ Андрея не вспомнили о своей прежней клятвѣ, но все слушали Дѣдильца да Бориса, Рязанскихъ пословъ. — Какъ было рѣшено, такъ и сдѣлали: по-

цѣловали образъ Богородицы, и послали сказать Глѣбу: «твои шурья будутъ нашими Князьями, приставь къ нашимъ посламъ своихъ, и отправь всѣхъ вмѣстѣ за ними въ Русь.» Глѣбъ обрадовался такой чести, что выбрали его шурьевъ въ князья, и отправилъ къ нимъ пословъ въ Черниговъ, гдѣ они тогда жили. Послы отъ сѣверной дружины сказали Ростиславичамъ: «Вашъ отецъ добръ былъ, когда жилъ у насъ; поѣзжайте къ намъ княжить, а другихъ не хотимъ.» Эти другіе были младшіе Юрьевичи Михаилъ и Всеволодъ, которые тогда находились также въ Черниговѣ: какъ видно всѣ четверо, и дяди и племянники прибѣжали вмѣстѣ съ Святославомъ изъ подъ Вышгорода и не смѣли послѣ того возвратиться въ прежнія свои волости на Поросьи. Ростиславичи отвѣчали посламъ: «Помоги Богъ дружинѣ, что незабываетъ любви отца нашего;» но не смотря на то, что звали ихъ однихъ, они не захотѣли ѣхать безъ дядей Юрьевичей, и сказали: «либо добро, либо лихо всѣмъ намъ, пойдемъ всѣ четверо, Юрьевичей двое да Ростиславичей двое.» Напередъ поѣхали двое — Михаилъ Юрьевичь и Ярополкъ Ростиславичь; Михаилу дали старшинство, при чемъ всѣ цѣловали крестъ изъ рукъ Черниговскаго епископа[333]. Когда Князья пріѣхали въ Москву, то Ростовцы разсердились, узнавши, что вмѣстѣ съ Ростиславичемъ пріѣхалъ и Юрьевичь; они послали сказать Ярополку: «ступай сюда», а Михаилу: «подожди немного на Москвѣ.» Ярополкъ тайкомъ отъ дяди поѣхалъ къ Переяславлю, гдѣ стояла тогда вся дружина, выѣхавшая на встрѣчу къ Князьямъ; а Михаилъ, узнавъ что Ростиславичь отправился по Ростовской дорогѣ, поѣхалъ во Владимиръ, и затворился здѣсь съ одними гражданами, потому что дружина Владимирская въ числѣ 1500 человѣкъ, отправилась также въ Переяславль по приказанію Ростовцевъ. Здѣсь вся дружина поцѣловала крестъ Ярополку и отправилась съ нимъ ко Владимиру выгонять оттуда Михаила; ко всѣмъ силамъ земли Ростовской присоединились полки Муромскіе и Рязанскіе, окрестности были пожжены, городъ обложенъ. Что же заставило Владимирцевъ, непривыкшихъ къ самостоятельной дѣятельности, воспротивиться приговору старшихъ городовъ, взять себѣ особаго Князя и отстаивать его противъ соединенныхъ силъ всей земли Ростов-

ской и Рязанской? Къ этому принудила ихъ явно высказавшаяся вражда стараго города, Ростова, который съ ненавистію смотрѣлъ на свой пригородъ, населенный большею частію людьми простыми, ремесленными, жившими преимущественно отъ строительной дѣятельности Князя Андрея, и не смотря на то похитившій у стараго города честь имѣть у себя столъ Княжескій; Ростовцы и Суздальцы говорили: «пожжемъ Владиміръ, или пошлемъ туда посадника: то наши холопы каменщики.» Нельзя не замѣтить также, что здѣсь, въ этихъ словахъ слышится преимущественно голосъ высшаго разряда Ростовскихъ жителей, бояръ, дружины вообще, которая, какъ видно, особенно нелюбила Андрея за нововведенія[334]. Какъ бы то ни было, важно было начало борьбы между старыми и новыми городами, борьбы, которая должна была рѣшить вопросъ: гдѣ утвердится столъ княжескій — въ старомъ ли Ростовѣ или новомъ Владимірѣ, отъ чего зависѣлъ ходъ исторіи на сѣверѣ; за одно съ Владиміромъ, какъ слѣдуетъ ожидать, были и другіе новые города; Переяславцы хотѣли также Юрьевичей, и по неволѣ признали Ростиславичей[335]. Семь недѣль Владимірцы отбивались отъ осаждающихъ; наконецъ голодъ принудилъ ихъ сказать Михаилу: «Мирись, либо промышляй о себѣ.» Михаилъ отвѣчалъ: «Вы правы; не погибать же вамъ для меня», и поѣхалъ изъ города назадъ въ Русь; Владимірцы проводили его съ плачемъ великимъ, говоритъ лѣтописецъ. По отъѣздѣ Михаила, они заключили договоръ съ Ростиславичами; тѣ поклялись, что не сдѣлаютъ никакого зла городу, послѣ чего Владимірцы отворили ворота и встрѣтили Князей со крестами; въ Богородичной церкви заключенъ былъ окончательный договоръ: во Владимірѣ оставался княжить младшій Ростиславичь, Ярополкъ, а въ Ростовѣ старшій Мстиславъ. Такимъ образомъ, благодаря мужеству Владимірцевъ, торжество Ростова было неполное: правда столъ старшаго брата поставленъ былъ у нихъ, но за то ненавистный пригородъ Владиміръ получилъ своего Князя, а не посадника изъ Ростова. Но Ростовцы и особенно бояре, принужденные уступить требованіямъ Владимірцевъ, продолжали враждовать къ послѣднимъ, и вызвали ихъ къ возобновленію борьбы, столь важной для су-

дебъ сѣвера. Южныя волости не рѣдко испытывали неудобство отъ перемѣщенія Князей, когда новые Князья приводили съ собою свою дружину, своихъ слугъ, которымъ раздавали разныя должности, и тѣ спѣшили обогащаться на счетъ граждапъ, зная, что недолго среди нихъ останутся; теперь сѣверъ, въ свою очередь, испыталъ тоже неудобство: Ростиславичи пріѣхали въ Ростовскую область съ дружинниками, набранными на югѣ, и роздали имъ посадническія должности: эти Русскіе (т. е. южнорусскіе) дѣтскіе, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, скоро стали очень тяжки для народа судебными взысками и взятками; но Владимирцы терпѣли не отъ однихъ Русскихъ дѣтскихъ: Князья, говоритъ лѣтописецъ, были молоды, слушались бояръ, а бояре подучали ихъ какъ можно больше брать: и вотъ взяли они изъ церкви Владимирской Богородицы золото и серебро, въ первый же день отобрали ключи отъ ризницы, отняли городъ и всѣ дани, которые назначилъ для этой церкви Князь Андрей. Видно, что кромѣ корыстолюбія здѣсь дѣйствовала ненависть къ памяти Андрея, ко всему, имъ сдѣланному, хотѣли ограбить Владимирскій соборъ, великолѣпный памятникъ, который оставилъ по себѣ Андрей. Грабежъ церквей позволяли себѣ Князья и дружины ихъ только въ завоеванныхъ городахъ; легко послѣ этого понять, какъ должны были смотрѣть Владимирцы на ограбленіе своего собора, лучшаго украшенія, которымъ такъ гордился ихъ городъ; они стали сбираться и толковать: «Мы приняли Князей на всей нашей волѣ, они крестъ цѣловали, что не сдѣлаютъ никакого зла нашему городу, а теперь они точно не въ своей волости княжатъ, точно не хотятъ долго сидѣть у насъ, грабятъ не только всю волость, но и церкви; такъ промышляйте, братья!» Изъ этихъ словъ видно какъ будто, что Владимирцы не только оскорблялись тѣмъ, что Князья поступаютъ съ ихъ волостью, какъ съ завоеванною, но еще боялись, что Ярополкъ, ограбивши волость, уйдетъ отъ нихъ, и Ростовцы пришлютъ къ нимъ своего посадника: «Князь поступаетъ такъ, какъ будто не хочетъ сидѣть у насъ», говорили они. Но, по старой привычкѣ, Владимирцы прежде обратились къ старшимъ городамъ, Ростову и Суздалю съ жалобою на свою обиду; Ростовцы и Суздальцы

на словахъ были за нихъ, а на дѣлѣ нисколько не думали за нихъ вступаться; бояре же крѣпко держались за Ростиславичей, прибавляетъ лѣтописецъ, и тѣмъ опять даетъ знать, что преимущественно боярамъ хотѣлось вести дѣла въ противность тому, какъ шли они при Андреѣ. Тогда Владимирцы, видя явное недоброжелательство старшихъ городовъ и бояръ, рѣшились вмѣстѣ съ Переяславцами дѣйствовать собственными силами, и послали въ Черниговъ сказать Михаилу: «Ты старшій между братьями, приходи къ намъ во Владимиръ; если Ростовцы и Суздальцы задумаютъ что-нибудь на насъ за тебя, то будемъ управляться съ ними какъ Богъ дастъ и святая Богородица.» Михаилъ съ братомъ Всеволодомъ и съ Владимиромъ Святославичемъ, сыномъ Черниговскаго Князя, отправился на сѣверъ; но едва успѣлъ онъ отъѣхать верстъ 11 отъ Чернигова, какъ сильно занемогъ, и больной пріѣхалъ въ Москву, гдѣ дожидался его отрядъ Владимирцевъ съ молодымъ Княземъ Юріемъ Андреевичемъ, сыномъ Боголюбскаго, который жилъ у нихъ, будучи изгнанъ изъ Новгорода. Между тѣмъ Ростиславичи, узнавъ о приближеніи Михаила, совѣтовались въ Суздалѣ съ дружиною, что дѣлать? рѣшено было, чтобъ Ярополкъ шелъ съ своимъ войскомъ противъ Юрьевичей къ Москвѣ, биться съ ними и не пускать ко Владимиру. Михаилъ сѣлъ обѣдать, когда пришла вѣсть, что племянникъ Ярополкъ идетъ на него; Юрьевичи собрались и пошли по Владимирской дорогѣ, на встрѣчу къ непріятелю, но разошлись съ Ярополкомъ въ лѣсахъ; тогда Москвичи, услыхавши, что Ярополкъ, миновавъ ихъ войско, продолжаетъ идти къ Москвѣ, возвратились съ дороги отъ Михаила для обереженія своихъ домовъ, а Ярополкъ, видя, что разошелся съ Михаиломъ, пошелъ отъ Москвы въ слѣдъ за нимъ, пославъ между тѣмъ сказать брату Мстиславу въ Суздаль: «Михалко боленъ, несутъ его на носилкахъ, и дружины у него мало; я иду за нимъ, захватывая задніе его отряды; а ты, братъ, ступай поскорѣе къ нему на встрѣчу, чтобъ онъ не вошелъ во Владимиръ.» Мстиславъ объявилъ объ этой вѣсти дружинѣ, и на другой день рано выѣхалъ изъ Суздаля, помчался быстро, точно на зайцевъ, такъ что дружина едва успѣвала за нимъ слѣдовать, и въ пяти верстахъ отъ Владимира встрѣтился съ

Юрьевичами; полкъ Мстиславовъ, готовый къ битвѣ, въ броняхъ, съ поднятымъ стягомъ вдругъ выступилъ отъ села Загорья; Михаилъ началъ поскорѣе выстроивать свое войско, а враги шли на него съ страшнымъ крикомъ, точно хотѣли пожрать его дружину, по выраженію лѣтописца. Но эта отвага была непродолжительна; когда дошло до дѣла, и стрѣльцы начали перестрѣливаться съ обѣихъ сторонъ, то Мстиславова дружина, не схватившись ни разу съ непріятелемъ, бросила стягъ, и побѣжала; Юрьевичи взяли много плѣнныхъ, взяли бы и больше, но многихъ спасло то, что побѣдители не могли различать, кто свои и кто чужіе; Мстиславъ убѣжалъ въ Новгородъ, Ярополкъ, узнавши о его пораженіи, побѣжалъ въ Рязань, но мать ихъ и жены попались въ руки Владимирцамъ. Съ честью и славою вступилъ Михаилъ во Владимиръ, дружина и граждане, бывшіе въ сраженіи, вели плѣнниковъ. Первымъ дѣломъ Юрьевича было возвращеніе городовъ, отнятыхъ у Богородичной церкви Ярополкомъ; и была, говоритъ лѣтописецъ, радость большая во Владимирѣ, когда онъ увидалъ опять у себя великаго Князя всей Ростовской земли. Подивимся, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ, чуду новому, великому и преславному Божія Матери, какъ заступила она свой городъ отъ великихъ бѣдъ, и гражданъ своихъ укрѣпляетъ: не вложилъ имъ Богъ страха, не побоялись двоихъ Князей и бояръ ихъ, не посмотрѣли на ихъ угрозы, семь недѣль прожили безъ Князя, положивши всю надежду на Святую Богородицу и на свою правду [336]. Новгородцы, Смолняне, Кіевляне и Полочане и всѣ власти какъ на думу на вѣча сходятся, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ: а здѣсь городъ старый—Ростовъ и Суздаль, и всѣ бояре захотѣли свою правду поставить, а не хотѣли исполнить правды Божіей, говорили: «какъ намъ любо, такъ и сдѣлаемъ: Владимиръ пригородъ нашъ.» Воспротивились они Богу и Святой Богородицѣ и правдѣ Божіей, послушались злыхъ людей ссорщиковъ, не хотѣвшихъ намъ добра по зависти. Не съумѣли Ростовцы и Суздальцы правды Божіей исправить, думали, что они старшіе, такъ и могутъ дѣлать все по своему; но люди новые, худые Владимирскіе уразумѣли, гдѣ правда, стали за нее крѣпко держаться, сказали: «либо Михаила Князя себѣ добу-

демъ, либо головы свои сложимъ за Святую Богородицу и за Михаила Князя;» и вотъ утѣшилъ ихъ Богъ и Св. Богородица: прославлены стали Владимирцы по всей землѣ за ихъ правду[337].

Скоро явились во Владимиръ къ Михаилу послы отъ Суздальцевъ: «Мы, Князь, говорили они, не воевали противъ тебя съ Мстиславомъ, а были съ нимъ одни наши бояре, такъ не сердись на насъ и пріѣзжай къ намъ.» Михаилъ поѣхалъ въ Суздаль, оттуда въ Ростовъ, устроилъ весь нарядъ людямъ, утвердился съ ними крестнымъ цѣлованіемъ, взялъ много даровъ у Ростовцевъ, и, посадивши брата своего Всеволода въ Переяславлѣ, самъ возвратился во Владимиръ. Такимъ образомъ послѣдній, пригородъ, населенный холопами каменьщиками сдѣлался опять стольнымъ городомъ Князя всей Ростовской земли, Князь опять освобождалъ себя изъ подъ вліянія городовъ, которые привыкли рѣшать дѣла на вѣчѣ, и приговоровъ этого вѣча должны были слушаться города младшіе; мало того, младшій братъ Михаила Всеволодъ, сѣлъ также въ новомъ городѣ Переяславлѣ Залѣскомъ, а не въ Ростовѣ: выказалось ли въ этомъ явное предпочтеніе Князей къ новымъ городамъ предъ старыми, хотѣли ли наградить усердіе Переяславцевъ, дѣйствовавшихъ за одно съ Владимирцами — во всякомъ случаѣ явленіе было очень важное, свидѣтельствовавшее полную побѣду пригородовъ, полное пораженіе того начала, которое могло противодѣйствовать новому порядку вещей.

Если первымъ дѣломъ Михаила по вступленіи во Владимиръ было возвращеніе соборной церкви городовъ, отнятыхъ у нея Ростиславичами, то по утвержденіи своемъ въ цѣлой землѣ Ростовской, онъ долженъ былъ прежде всего идти на Рязанскаго Князя Глѣба, въ рукахъ котораго также находилось много сокровищъ, пограбленныхъ изъ этой церкви, и между прочимъ самый образъ Богородицы, привезенный Андреемъ изъ Вышгорода, и книги. Михаилъ отправился съ полками на Рязань, но встрѣтилъ на дорогѣ пословъ Глѣбовыхъ, которымъ поручено было сказать ему: «Князь Глѣбъ тебѣ кланяется и говоритъ: я во всемъ виноватъ, и теперь возвращаю все, что взялъ у шурьевъ своихъ, Ростиславичей, все до послѣдняго золотника;» — и точно возвратилъ все. Михаилъ, уладившись съ нимъ[338], поѣхалъ на-

задъ во Владиміръ, здѣсь, по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, казнилъ убійцъ Андреевыхъ, и потомъ отправился за чѣмъ-то въ Городецъ Волжскій, занемогъ въ немъ и умеръ (1176 г.). Ростовцы, не дождавшись даже вѣрнаго извѣстія о смерти Михаиловой, послали сказать въ Новгородъ прежнему своему Князю Мстиславу Ростиславичу: «Ступай, Князь, къ намъ, Михалка Богъ взялъ на Волгѣ въ Городцѣ, а мы хотимъ тебя, другаго не хотимъ.» Мстиславъ пріѣхалъ на зовъ, собралъ Ростовцевъ, всю дружину и отправился съ ними ко Владиміру. Но здѣсь былъ уже Князь: тотчасъ по смерти Михаиловой, Владимірцы вышли передъ Золотыя ворота, и, помня старую присягу свою Юрію Долгорукому, цѣловали крестъ Всеволоду Юрьевичу и дѣтямъ его; явленіе любопытное: Владимірцы присягаютъ не только Всеволоду, но и дѣтямъ его, значитъ не боятся, подобно Кіевлянамъ, переходить по наслѣдству отъ отца къ сыновьямъ, не думаютъ о правѣ выбирать Князя. Всеволодъ, узнавши о пріѣздѣ Ростиславича въ Ростовъ, собралъ Владимірцевъ, дружину свою, бояръ, оставшихся при немъ (большая часть бояръ, какъ видно, перешла къ Ростовскому Князю)[339], и отправился съ ними навстрѣчу къ сопернику, а за Переяславцами послалъ племянника Ярослава Мстиславича. Но, по своему характеру, Всеволодъ не хотѣлъ отдать всей своей будущности на произволъ военнаго счастія, не хотѣлъ судиться съ племянникомъ судомъ Божіимъ, битвою, какъ любили судиться южные Князья, и послалъ сперва сказать Ростиславичу: «Братъ! если тебя привела старшая дружина, то ступай въ Ростовъ, тамъ и помиримся; тебя Ростовцы привели и бояре, а меня съ братомъ Богъ привелъ, да Владимірцы съ Переяславцами; а Суздальцы пусть выбираютъ изъ насъ двоихъ, кого хотятъ.» Но Ростовцы и бояре не дали мириться своему Князю, ихъ злоба на Владимірцевъ и Юрьевичей еще болѣе усилилась отъ недавняго униженія, они сказали Ростиславичу: «если ты хочешь съ нимъ мириться, то мы не хотимъ;» особенно подстрекали къ войнѣ бояре—Добрыня Долгій, Матѣяшъ Бутовичь и другіе. Всеволодъ, получивъ отказъ, поѣхалъ къ Юрьеву, здѣсь дождался Переяславцевъ, и объявилъ имъ, что Ростовцы не хотятъ мира; Переяславцы отвѣчали: «Ты Мстиславу

добра хотѣлъ, а онъ головы твоей ловитъ; такъ ступай, Князь, на него; а мы не пожалѣемъ жизни за твою обиду, не дай намъ Богъ никому возвратиться назадъ; если отъ Бога не будетъ намъ помощи, то пусть, переступивъ чрезъ наши трупы, возьмутъ женъ и дѣтей нашихъ[340]; брату твоему еще девяти дней нѣтъ какъ умеръ, а они уже хотятъ кровь проливать.» На Юрьевскомъ полѣ, за рѣкою Кзою произошла битва: Владимирцы съ своимъ Княземъ опять побѣдили, съ ничтожною для себя потерею, тогда какъ со стороны непріятелей часть бояръ была побита, другіе взяты въ плѣнъ; самъ Мстиславъ бѣжалъ сперва въ Ростовъ, а оттуда въ Новгородъ; побѣдители взяли боярскія села, коней, скотъ; въ другой и послѣдній разъ старый городъ былъ побѣжденъ новымъ, послѣ чего уже не предъявлялъ больше своихъ притязаній.

Но Юрьевская побѣда не прекратила борьбы Всеволода съ племянниками: когда Мстиславъ Ростиславичь прибѣжалъ въ Новгородъ, то жители встрѣтили его словами: «какъ тебя позвали Ростовцы, такъ ты ударилъ Новгородъ пятою, пошелъ на дядю своего Михаила; Михаилъ умеръ, а съ братомъ его Всеволодомъ Богъ разсудилъ тебя; за чѣмъ же къ намъ идешь?» Не принятый Новгородцами, Мстиславъ поѣхалъ къ зятю своему, Глѣбу Рязанскому, и сталъ подстрѣкать его къ войнѣ со Всеволодомъ. Глѣбъ тоюже осенью пришелъ на Москву, и пожегъ весь городъ; Всеволодъ поѣхалъ къ нему на встрѣчу, но когда былъ за Переяславлемъ, явились Новгородцы, и сказали ему: «Князь! не ходи безъ Новгородцевъ, подожди ихъ.» Всегда осторожный, любившій дѣйствовать на вѣрное, Всеволодъ согласился ждать Новгородцевъ, чтобъ съ удвоенными силами ударить на враговъ, и возвратился въ Рязань. Но онъ понапрасну дожидался Новгородцевъ: тѣ не приходили; вмѣсто ихъ явились на помощь двое княжичей Черниговскихъ, Олегъ и Владиміръ Святославичи, да Князь Переяславля южнаго или Русскаго, Владиміръ Глѣбовичь. Всеволодъ выступилъ съ ними къ Коломнѣ, но здѣсь получилъ извѣстіе, что Глѣбъ съ Половцами другою дорогою пошелъ къ Владимиру, разграбилъ соборную церковь Андрееву, пожегъ другія церкви, села боярскія, а женъ, дѣтей, и всякое имѣніе отдалъ на щитъ

(въ добычу) поганымъ. Всеволодъ немедленно пошелъ назадъ въ свою волость, и встрѣтилъ Глѣба на рѣкѣ Колакшѣ; цѣлый мѣсяцъ стояли непріятели безъ дѣйствія по обѣимъ сторонамъ рѣки, наконецъ завязался бой, и Всеволодъ побѣдилъ опять, опять Мстиславъ Ростиславичь первый обратился въ бѣгство, а за нимъ побѣжалъ и Глѣбъ; но враги догнали ихъ обоихъ, взяли также въ плѣнъ сына Глѣбова Романа, перевязали всю дружину Рязанскую; между прочими попались въ плѣнъ Борисъ Жидиславичь, знаменитый воевода Боголюбскаго, который, какъ видно, отъѣхалъ въ Рязань или прямо, или вмѣстѣ съ Ростиславичемъ, не желая служить Юрьевичамъ; попался въ плѣнъ и Дѣдилецъ, который такъ сильно способствовалъ призванію Ростиславичей въ Ростовъ по смерти Боголюбскаго. Была большая радость во Владимирѣ, говоритъ лѣтописецъ, но онъ тутъ же говоритъ: судъ безъ милости тому, кто самъ не зналъ милости. Эти слова показываютъ расположеніе духа Владимирцевъ, которыхъ ненависть къ Глѣбу и Ростиславичамъ должна была дойти до высшей степени въ слѣдствіе еще новаго бѣдствія, претерпѣннаго ими отъ послѣднихъ. Два дня ждали они отъ Всеволода суда безъ милости надъ племянниками; на третій поднялся сильный мятежъ, встали бояре и купцы и сказали ему: «Князь! мы тебѣ добра хотимъ, и головы за тебя складываемъ, а ты держишь враговъ своихъ на свободѣ, враги твои и наши Суздальцы и Ростовцы[341]: либо казни ихъ, либо ослѣпи, либо отдай намъ.» Всеволодъ не хотѣлъ исполнить этого требованія и, для утишенія мятежа, велѣлъ только посадить плѣнниковъ въ тюрьму; послѣ чего послалъ сказать Рязанцамъ: «Выдайте мнѣ нашего врага (Ярополка Ростиславича), или я приду къ вамъ.» Рязанцы рѣшились исполнить это требованіе: «Князь нашъ и братья наша погибли изъ за чужаго Князя,» говорили они, поѣхали на Воронежь, схватили тамъ Ярополка и привезли во Владимиръ, гдѣ Всеволодъ велѣлъ посадить и его также въ тюрьму. Между тѣмъ зять Глѣба Рязанскаго, знаменитый Мстиславъ Ростиславичь Смоленскій послалъ сказать Святославу Черниговскому, чтобъ онъ попросилъ Всеволода за Ростиславичей; и княгиня Рязанская, жена Глѣбова присылала съ тѣмъ же, прося за мужа и сына; Святославъ отправилъ во Владимиръ Черни-

говскаго епископа Порфирія и Ефрема игумена вести переговоры по дѣлу плѣнниковъ; онъ предлагалъ, чтобъ Глѣбъ, получивъ свободу, отказался отъ Рязани, и ѣхалъ на житье въ Русь; но Глѣбъ никакъ не соглашался на такія условія: «лучше умру въ тюрьмѣ, говорилъ онъ, а не пойду въ Русь на изгнаніе.» Дѣло затянулось на два года, Глѣбъ между тѣмъ умеръ, а сынъ его Романъ былъ отпущенъ въ Рязань подъ условіемъ полной покорности Владимирскому Князю[342]. Иначе рѣшена была судьба Ростиславичей: Владимирцы, видя, что идутъ переговоры объ освобожденіи плѣнниковъ, никакъ не хотѣли отпустить Ростиславичей не отомстивши имъ за свои обиды; они собрались опять большою толпою, пришли на княжій дворъ и стали говорить Всеволоду: «До чего ихъ еще додержать? хотимъ ослѣпить ихъ.» Всеволоду очень не нравилось это требованіе; но дѣлать было нечего: Ростиславичей ослѣпили, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлали видъ, что ослѣпили и отослали въ Смоленскъ[343]. Такимъ образомъ кончилась борьба на сѣверѣ въ пользу послѣдняго изъ Юрьевичей, который сталъ также силенъ, какъ и братъ его Андрей, и немедленно пошелъ по слѣдамъ братнимъ: приведши Рязанскихъ Князей въ свою волю, онъ захотѣлъ также быть самовластцемъ въ Суздальской землѣ, единодержателемъ всего отцовскаго наслѣдства, и выгналъ изъ своей волости племянника Юрія Андреевича, который принужденъ былъ искать счастія въ Грузіи[344]; второй племянникъ, Ярославъ Мстиславичь также не получилъ волости въ землѣ Ростовской. Но если Всеволодъ вошелъ совершенно въ положеніе Андрея на сѣверѣ, то мы должны ожидать, что и относительно южной, старой Руси и относительно Новгорода Великаго онъ приметъ тоже самое значеніе.

На югѣ смерть Андрея дала свободу разыграться прежнимъ усобицамъ между Мономаховичами и Ольговичами, къ которымъ присоединялись, съ одной стороны, враждебныя отношенія въ самомъ племени Олеговомъ, а съ другой между Ростиславичами и Изяславичами въ племени Мономаховомъ. Мы видѣли, какъ Святославъ Всеволодовичь Черниговскій принужденъ былъ оставить намѣренія свои относительно Кіева для того, чтобъ свободнѣе отбивать Черниговскую волость отъ нападенія двою-

роднаго брата своего Олега Сѣверскаго; мы видѣли, что онъ опустошеніемъ отплатилъ послѣднему за опустошеніе, и возвратился въ Черниговъ; но Олегъ не думалъ такъ окончить это дѣло: онъ заключилъ союзъ съ шурьями своими, Ростиславичами, также съ Ярославомъ Кіевскимъ, и союзники рѣшили съ двухъ сторонъ напасть на Святослава. Но Ростиславичи съ Ярославомъ, пожегши два Черниговскихъ города[345], заключили миръ съ Святославомъ и предоставили Олега однимъ собственнымъ средствамъ. Тотъ съ братьями пришелъ къ Стародубу, города не взялъ, но захвитилъ скотъ изо всѣхъ окрестностей Стародуба и погналъ его къ Новгороду Сѣверскому, куда скоро явился за нимъ Святославъ съ Черниговскимъ войскомъ, и приступилъ къ городу; Олегъ вышелъ было къ нему на встрѣчу, но не успѣла дружина его пустить по стрѣлѣ, какъ обратилась въ бѣгство, самъ Князь успѣлъ вбѣжать въ городъ, но половина дружины его была перехвачена, другая перебита, острогъ пожженъ; Олегъ на другой день запросилъ мира, и получилъ его, онеизвѣстно на какихъ условіяхъ. Между тѣмъ на другой сторонѣ Днѣпра произошла перемѣна: къ Ростиславичамъ пришелъ на помощь старшій братъ ихъ Романъ изъ Смоленска, и Ярославъ Изяславичь увидалъ въ этомъ намѣреніе Ростиславичей выгнать его изъ Кіева; онъ послалъ сказать имъ: «Вы привели брата своего Романа, даете ему Кіевъ,» и выѣхалъ добровольно изъ этого города въ прежнюю волость свою Луцкъ; мы видѣли, что Ростиславичи просили еще прежде у Андрея Кіева для Романа, слѣд. Ярославъ имѣлъ право подозрѣвать ихъ во враждебныхъ для себя замыслахъ; скорая же уступка его двоюроднымъ братьямъ объясняется тѣмъ, что онъ никакъ не могъ полагаться на защиту Кіевлянъ, послѣ недавняго поступка съ ними, когда онъ ограбилъ весь городъ. Ростиславичи послали за нимъ, чтобъ ѣхалъ опять въ Кіевъ, но онъ не послушался, и Романъ сѣлъ на его мѣсто: дѣйствительно ли Ростиславичи не хотѣли его выгонять, или показывали только видъ, что не хотѣли—рѣшить трудно. Романъ не долго княжилъ спокойно въ Кіевѣ: Половцы напали на Русь, взяли шесть городовъ Берендѣевскихъ, и сильно поразили Ростиславичей у Ростовца по винѣ Давыда Ростиславича, который завелъ ссору съ братьями

и помѣшалъ успѣху дѣла. Бѣдою Ростиславичей спѣшилъ воспользоваться Святославъ Черниговскій; нуженъ былъ однако предлогъ, и онъ послалъ сказать Роману: «Братъ! я не ищу подъ тобою ничего, но у насъ такой рядъ: если Князь провинится, то платитъ волостью, а бояринъ головою; Давыдъ виноватъ, отними у него волость.» Романъ не послушался, тогда братья Святослава—Ярославъ и Олегъ перешли Днѣпръ и послали сказать зятю своему Мстиславу Владиміровичу, сыну покойнаго Владиміра Мстиславича, чтобъ перешелъ на ихъ сторону; Мстиславъ послушался и сдалъ имъ Треполь. Въ это время самъ Святославъ стоялъ съ полками своими у Витичева, куда пріѣхали къ нему Черные Клобуки съ Кіевлянами и объявили, что Романъ ушелъ въ Бѣлгородъ. Святославъ поѣхалъ въ Кіевъ и сѣлъ тамъ, но опять не надолго: на помощь къ братьямъ явился знаменитый Мстиславъ изъ Смоленска и Ростиславичи объявили, что на другой же день дадутъ битву Святославу; Святославъ испугался, и побѣжалъ за Днѣпръ, потому что Половцы, за которыми онъ послалъ, еще не пришли, а съ одною дружиною выступить противъ Мстислава трудно было рѣшиться. Не смотря на то однако Ростиславичи почли за лучшее уступить Кіевъ Святославу: Романъ, Князь, какъ видно, вовсе не воинственный, зналъ, что онъ будетъ сидѣть въ Кіевѣ въ безпрерывномъ страхѣ отъ Святослава, который уже разъ выгналъ его, и конечно не откажется отъ дальнѣйшихъ попытокъ на Кіевъ, въ слѣдствіе чего будутъ безпрерывныя усобицы; союзники Святослава, Половцы уже явились у Торческа и захватили много людей; и вотъ Ростиславичи, не желая губить Русской земли и проливать христіанской крови, по словамъ лѣтописца, подумали, и отдали Кіевъ Святославу, а Романъ пошелъ назадъ въ Смоленскъ[346]; Черниговъ, какъ видно, достался Олегу Святославичу; но онъ скоро умеръ, и въ Черниговѣ сѣлъ братъ Кіевскаго Князя, Ярославъ Всеволодовичь, а братъ Олеговъ, Игорь сѣлъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ: такъ и слѣдовало по родовому счету[347].

До сихъ поръ Святославъ Всеволодовичь жилъ въ дружбѣ со Всеволодомъ Суздальскимъ; мы видѣли, какую дѣятельную помощь оказалъ онъ послѣднему въ борьбѣ его съ пле-

мянниками; союзъ этотъ былъ еще болѣе скрѣпленъ родствомъ: Всеволодъ вызвалъ къ себѣ сына Святославова, Владиміра, и женилъ его на родной племянницѣ своей, дочери Михаила Юрьевича. Но скоро эта дружба перемѣнилась во вражду, виною которой были отношенія Рязанскія. Мы видѣли, что Романъ Глѣбовичь съ братьями поклялся ходить въ волѣ Всеволодовой; но Романъ былъ зять Святослава, который въ слѣдствіе этого родства, считалъ себя также въ правѣ вмѣшиваться въ Рязанскія дѣла, при чемъ его вліяніе необходимо сталкивалось съ вліяніемъ Всеволода; Святославъ могъ думать, что Всеволодъ, въ благодарность за прежнее добро, уступитъ его вліянію въ Рязани, но жестоко обманулся въ своемъ ожиданіи. Въ 1180 году младшіе братья Романа Рязанскаго, Всеволодъ и Владиміръ Глѣбовичи прислали сказать Всеволоду Юрьевичу Владимирскому: «Ты нашъ господинъ, ты нашъ отецъ; братъ нашъ старшій Романъ отнимаетъ у насъ волости, слушаясь тестя своего Святослава, а тебѣ крестъ цѣловалъ и нарушилъ клятву.» Всеволодъ немедленно выступилъ въ походъ, и когда приближался къ Коломнѣ, то двое Глѣбовичей встрѣтили его съ поклономъ; но въ Коломнѣ сидѣлъ сынъ Святослава, Глѣбъ, посланный отцемъ на помощь Роману Рязанскому; Всеволодъ послалъ сказать Глѣбу, чтобъ явился къ нему; тотъ сначала не хотѣлъ, но потомъ, видя, что сопротивляться нельзя, поѣхалъ; Всеволодъ велѣлъ его схватить, и въ оковахъ отослалъ во Владимиръ, гдѣ приставили къ нему стражу; дружина его подверглась той же участи. Между тѣмъ передовой отрядъ Романа, переправившійся черезъ Оку, потерпѣлъ пораженіе отъ передоваго отряда Всеволодова, часть его попалась въ плѣнъ, часть потонула въ рѣкѣ; Романъ, услыхавши объ этомъ несчастіи, побѣжалъ мимо Рязани въ степь, затворивши въ городѣ двоихъ братьевъ, Игоря и Святослава, которые не думали сопротивляться Всеволоду, когда тотъ явился подъ Рязанью, и заключили съ нимъ миръ на всей его волѣ: Владимирскій Князь урядилъ всю братью, роздалъ каждому волости по старшинству, и возвратился домой.

Легко понять, какъ раздосадованъ былъ Святославъ, когда узналъ о поступкѣ Всеволода съ его сыномъ; чѣмъ меньше

ждалъ онъ этого, тѣмъ сильнѣе была его ярость. Онъ распалился гнѣвомъ, разжегся яростію, по словамъ лѣтописца, и сказалъ: «Отомстилъ бы я Всеволоду, да нельзя: подлѣ меня Ростиславичи; эти мнѣ во всемъ дѣлаютъ досады въ Русской землѣ; ну да мнѣ все равно: кто ко мнѣ изъ Владимірова племени ближе, тотъ и мой.» Изъ этихъ словъ видно также, что Святославу очень не нравилось близкое сосѣдство Ростиславичей, которыми былъ окруженъ. Въ это самое время Давыдъ Ростиславичь охотился въ лодкахъ по Днѣпру, а Святославъ охотился противъ него на Черниговской сторонѣ: случай этотъ показался Кіевскому Князю очень удобнымъ для исполненія своего замысла: посовѣтовавшись только съ княгинею да съ любимцемъ своимъ Кочкаремъ, не сказавши ничего лучшимъ боярамъ своимъ, онъ переправился черезъ Днѣпръ и ударилъ на Давыдовъ станъ, разсуждая: «схвачу Давыда, Рюрика выгоню, завладѣю одинъ съ братьями Русскою землею, и тогда стану мстить Всеволоду за свою обиду.» Но замыселъ не удался: Давыдъ съ женою своею успѣлъ сѣсть въ лодку и уплыть, непріятельскія стрѣлы не сдѣлали ему никакого вреда: успѣвъ захватить только дружину и станъ Давыдовъ, Святославъ отъѣхалъ къ Вышгороду, и проведши подъ нимъ ночь, сталъ искать повсюду Давыда, но послѣ долгихъ безуспѣшныхъ поисковъ, отправился на восточный берегъ Днѣпра, сказавши своимъ: «Теперь уже я объявилъ свою вражду Ростиславичамъ, нельзя мнѣ больше оставаться въ Кіевѣ.» Пріѣхавши въ Черниговъ, онъ созвалъ всѣхъ сыновей своихъ, младшую братью, собралъ всѣ силы Черниговской волости, всю дружину, и сталъ говорить имъ: «Куда намъ ѣхать! Въ Смоленскъ, или въ Кіевъ?» На это отвѣчалъ ему двоюродный братъ, Игорь Сѣверскій: «Батюшка! лучше была бы тишина; но если уже такъ случилось; то далъ бы только Богъ тебѣ здоровья.» Святославъ тогда сказалъ: «Я старше Ярослава, а ты, Игорь, старше Всеволода, такъ я теперь вамъ остался вмѣсто отца, и приказываю тебѣ, Игорь, оставаться здѣсь съ Ярославомъ оберегать Черниговъ и всю волость, а я со Всеволодомъ пойду къ Суздалю выручать сына своего Глѣба, какъ насъ тамъ Богъ разсудитъ со Всеволодомъ Юрьевичемъ.» Святославъ раздѣлилъ и Половцевъ на двое: по-

ловину взялъ съ собою, а другую половину оставилъ братьи, послѣ чего отправился въ походъ, взявши съ собою Ярополка Ростиславича; подлѣ устья Тверцы соединился онъ съ сыномъ Владиміромъ и со всѣми полками Новгородскими (потому что Владиміръ княжилъ тогда въ Новгородѣ), положилъ всю Волгу пусту, по выраженію лѣтописца, пожегъ всѣ города, и въ сорока верстахъ отъ Переяславля Залѣскаго, на рѣкѣ Влепѣ встрѣтился со Всеволодомъ, который вышелъ съ полками Суздальскими, Рязанскими и Муромскими. Прежде обыкновенно Князья любили находиться въ челѣ полковъ своихъ, любили первые врѣзываться въ ряды непріятелей, спѣшили рѣшить дѣло битвою, въ которой видѣли судъ Божій. Но Всеволодъ руководствовался другими понятіями: онъ выбралъ для своего войска выгодное положеніе, огородился горами, рытвинами, и, не смотря на просьбы дружины, не хотѣлъ вступить въ рѣшительную битву съ южными полками, отличавшимися своею стремительностію въ нападеніяхъ, тогда какъ сѣверное народонаселеніе отличалось противоположнымъ характеромъ, было слабо въ чистомъ полѣ, и неодолимо при защитѣ мѣстъ. Всеволодъ послалъ только Рязанскихъ Князей, которые ворвались въ обозъ Святославовъ и сначала имѣли было успѣхъ, но потомъ были прогнаны съ большимъ урономъ. Уже двѣ недѣли стояли такимъ образомъ непріятели другъ противъ друга, перестрѣливаясь черезъ рѣку; Святославу наконецъ наскучило такое положеніе, и онъ послалъ своихъ священниковъ сказать Всеволоду: «Братъ и сынъ! много я тебѣ добра сдѣлалъ и не чаялъ получить отъ тебя такой благодарности; если же ты уже задумалъ на меня зло, захватилъ сына моего, то недалеко тебѣ меня искать, отступи подальше отъ этой рѣчки, дай мнѣ дорогу, чтобъ мнѣ можно было къ тебѣ переѣхать, и тогда насъ Богъ разсудитъ; если же ты мнѣ не хочешь дать дороги, то я тебѣ дамъ, переѣзжай ты на эту сторону, и пусть насъ Богъ разсудитъ.» Вмѣсто отвѣта, Всеволодъ задержалъ пословъ, отослалъ ихъ во Владиміръ, а самъ по прежнему не двинулся съ мѣста; Святославъ постоялъ еще нѣсколько времени, и, боясь оттепели, пошелъ назадъ на легкѣ, бросивъ обозы, которыми овладѣли полки Всеволодовы, но, по приказанію Князя своего,

не смѣли гнаться за удалявшимся Святославомъ. Послѣдній, отпустивъ брата Всеволода, сына Олега и Ярополка Ростиславича въ Русь, самъ съ сыномъ Владиміромъ поѣхалъ въ Новгородъ Великій.

Между тѣмъ Давыдъ Ростиславичь, спасшись отъ плѣна, которымъ угрожалъ ему Святославъ, прибѣжалъ въ Бѣлгородъ, къ брату Рюрику; тотъ, услыхавши, что Кіевъ оставленъ Святославомъ, поѣхалъ туда, и сѣлъ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ, и, предвидя сильную борьбу, сталъ набирать союзниковъ: послалъ за Князьями Луцкими, сыновьями Ярослава, Всеволодомъ и Ингваремъ, и привелъ ихъ къ себѣ, послалъ за помощію къ Галицкому Князю Ярославу, которая явилась съ бояриномъ Тудоромъ, а брата Давыда послалъ въ Смоленскъ на помощь къ старшему брату Роману. Но Давыдъ встрѣтилъ на дорогѣ гонца, который везъ ему вѣсть о смерти Романа; Давыдъ со слезами продолжалъ путь, при въѣздѣ въ Смоленскъ былъ встрѣченъ духовенствомъ со крестами, всѣми гражданами, и занялъ братнее мѣсто. По Романѣ, говоритъ лѣтописецъ, плакали всѣ Смоляне, вспоминая его доброту (добросердье), а княгиня его, стоя у гроба, причитала: «Царь мой добрый, кроткій, смиренный и правдивый! вправду дано было тебѣ имя Романъ, всею добродѣтелію похожъ ты былъ на св. Романа (т. е. св. Бориса); много досадъ принялъ ты отъ Смольнянъ, но никогда не видала я, чтобъ ты мстилъ имъ зломъ за зло.» И лѣтописецъ повторяетъ, что этотъ Князь былъ необыкновенно добръ и правдивъ. — Давыдъ, похоронивши брата, прежде всего долженъ былъ думать о защитѣ своей волости, потому что оставшіеся въ Черниговѣ Князья, Ярославъ съ Игоремъ, не видя ниоткуда нападенія на свою волость, рѣшились сами напасть на волость Смоленскую, и пошли съ Половцами сначала къ Друцку, гдѣ сидѣлъ союзникъ Ростиславичей, Глѣбъ Рогволодовичь. Но если одинъ изъ Полоцкихъ Князей былъ за Ростиславичей, то большинство его родичей было противъ нихъ; мы видѣли здѣсь усобицы между тремя племенами или линіями — Борисовичами, Глѣбовичами и Васильковичами, при чемъ Ростиславичи Смоленскіе дѣятельно помогали Борисовичамъ и Васильковичамъ; но теперь, вѣроятно въ слѣдствіе родственной

связи съ Ростиславичами сѣверными[348], видимъ Васильковичей въ союзѣ съ Черниговскими Князьями противъ Ростиславичей Смоленскихъ. Такъ у Друцка соединились съ Черниговскими полками Всеславъ Васильковичь Полоцкій, братъ его Брячиславъ Витепскій и нѣкоторые другіе родичи ихъ съ толпами Ливовъ и Литвы: такъ вслѣдствіе союза Полоцкихъ Князей съ Черниговскими въ одномъ станѣ очутились Половцы вмѣстѣ съ Ливами и Литвою, варвары черноморскіе съ варварами прибалтійскими. Давыдъ Смоленскій со всѣми полками пріѣхалъ къ Глѣбу въ Друцкъ, и хотѣлъ дать сраженіе Черниговскимъ до прихода Святославова изъ Новгорода; но Ярославъ съ Игоремъ не смѣли начать битвы безъ Святослава, выбрали выгодное положеніе на берегу Дручи и стояли цѣлую недѣлю, перестрѣливаясь съ непріятелемъ черезъ рѣку; но какъ скоро явился къ нимъ Святославъ, то построили гать на Другѣ съ тѣмъ, чтобъ перейти рѣку и ударить на Давыда; тогда послѣдній, въ свою очередь, не захотѣлъ биться и побѣжалъ въ Смоленскъ. Святославъ приступилъ къ Друцку, пожегъ острогъ, но не сталъ медлить подъ городомъ и, отпустивъ Новгородцевъ, самъ пошелъ въ Рогачевъ, а изъ Рогачева Днѣпромъ поплылъ въ Кіевъ, тогда какъ Игорь съ Половцами дожидался его противъ Вышгорода.

Услыхавъ о приближеніи Святослава, Рюрикъ выѣхалъ изъ Кіева въ Бѣлгородъ, и отправилъ войско противъ Половцевъ, которые съ Игоремъ Сѣверскимъ расположились станомъ у Долобскаго озера; войскомъ начальствовалъ Князь Мстиславъ Владиміровичь, при немъ находился Тысяцкій Рюриковъ Лазарь съ младшею дружиною, Борисъ Захарычь, любимый воевода Мстислава Храбраго съ людьми молодаго Княжича своего Владиміра, котораго отецъ, умирая, отдалъ ему на руки, и Сдѣславъ Жирославичь, воевода Мстислава Владиміровича съ Трипольскими полками. Половцевъ было много: они лежали безъ всякой осторожности, не разставивъ сторожей, надѣясь на силу свою и на Игоревъ полкъ. Черные Клобуки, не слушаясь приказа Русскихъ воеводъ, бросились на Половцевъ, врѣзались въ ихъ станъ, но были отброшены назадъ, и въ бѣгствѣ смяли дружину Мстиславо[illegible], которая также обратилась въ бѣгство, а

за нею и самъ Князь. Но лучшіе люди остались: Лазарь, Борисъ Захарычь и Сдѣславъ Жирославичь; не смутившись нимало, они ударили на Половцевъ и потоптали ихъ; много варваровъ перетонуло въ рѣкѣ Чарторыѣ, другіе были перебиты или захвачены въ плѣнъ, а Князь Игорь сѣлъ въ лодку и переправился на восточный берегъ. Но Рюрикъ воспользовался этою побѣдою только для того, чтобъ получить выгодный миръ у Святослава, у котораго никакъ не надѣялся отнять старшинство; Святославу также не хотѣлось еще разъ выѣзжать изъ Кіева, и онъ обрадовался предложенію Рюрика, который уступалъ ему старшинство и Кіевъ, а себѣ бралъ всю Русскую землю, т. е. остальные города Кіевской волости. Въ слѣдъ за этимъ былъ заключенъ миръ и со Всеволодомъ Суздальскимъ, который возвратилъ Святославу сына его Глѣба; миръ между Мономаховичами и Ольговичами былъ скрѣпленъ двойнымъ родственнымъ союзомъ: одинъ сынъ Святослава, Глѣбъ, женился на Рюриковнѣ, другой Мстиславъ на свояченицѣ Всеволода (1182 г.)

Такимъ образомъ сыну Всеволода Ольговича удалось окончательно утвердить за собою старшинство и Кіевъ; но это старшинство имѣло значеніе только на югѣ; старшій въ племени Мономаховомъ не вступалъ съ Святославомъ въ борьбу за Кіевъ, потому что Кіевъ не имѣлъ для него больше прежняго значенія, какое имѣлъ для отца его Юрія; Всеволодъ наслѣдовалъ все могущество того Князя, который давалъ Кіевъ изъ своихъ рукъ кому хотѣлъ; какъ много потерялъ Кіевъ изъ своего матеріальнаго значенія послѣ погрома отъ войскъ Боголюбскаго, ясно видно изъ всѣхъ описанныхъ событій: при всѣхъ смѣнахъ и усобицахъ Князей не слышно объ участи Кіевлянъ, о сильномъ полку Кіевскомъ, который рѣшалъ судьбу Руси, судьбу Князей во время борьбы Юрія Долгорукаго съ племянникомъ; теперь страдательно подчиняются Кіевляне всѣмъ перемѣнамъ, ничѣмъ не обнаруживаютъ признаковъ жизни. Какъ силенъ былъ сѣверный Князь Всеволодъ, и какъ слабъ былъ предъ нимъ старшій Князь южной Руси, Святославъ, доказательствомъ служитъ слѣдующее происшествіе: въ 1194 году Святославъ созвалъ братьевъ своихъ — роднаго Ярослава и двоюродныхъ Игоря и Всеволода, и началъ съ ними совѣтоваться,

какъ бы пойти на Рязанскихъ Князей, съ которыми давно уже у Черниговскихъ были ссоры за пограничныя волости; но Ольговичи не смѣли прямо выступить въ походъ, а послали сперва ко Всеволоду Суздальскому просить у него на то позволенія; Всеволодъ не согласился, и Святославъ долженъ былъ отложить походъ. Съ Ростиславичами Святославъ жилъ мирно, также какъ видно изъ страха предъ Всеволодомъ; въ 1190 году грозила было вспыхнуть между ними ссора по причинамъ, о которыхъ лѣтопись говоритъ очень неопредѣленно: у Святослава, по ея словамъ, была тяжба съ Рюрикомъ, Давыдомъ и Смоленскою землею, для этого онъ ѣздилъ и за Днѣпръ сговориться съ братьями, чтобъ какъ-нибудь не потерять своихъ выгодъ; но Рюрикъ принялъ также свои мѣры: онъ переслался со Всеволодомъ и съ братомъ Давыдомъ Смоленскимъ, и всѣ втроемъ послали сказать Святославу: «Ты, братъ, намъ крестъ цѣловалъ на Романовомъ ряду, который былъ заключенъ тобою, когда братъ нашъ Романъ сидѣлъ въ Кіевѣ; если стоишь въ этомъ ряду, то ты намъ братъ; а если хочешь вспомнить давнишнія тяжбы, которыя были при Ростиславѣ, то ты договоръ нарушилъ, чего мы терпѣть не будемъ; а вотъ тебѣ и крестныя грамоты назадъ.» Святославъ сначала много спорилъ съ послами и отпустилъ было уже ихъ съ отказомъ, но потомъ надумался, возвратилъ ихъ съ дороги и цѣловалъ крестъ на всей волѣ Мономаховичей.

Могущественное вліяніе Всеволода Суздальскаго обнаружилось даже и въ судьбахъ отдаленнаго Галича. Въ этомъ пограничномъ Русскомъ княжествѣ въ семидесятыхъ годахъ XII вѣка обнаружилось явленіе, подобныхъ которому не видимъ въ остальныхъ волостяхъ Русскихъ, именно важное значеніе бояръ, предъ которымъ никнетъ значеніе Князя. Мы уже разъ имѣли случай замѣтить своевольный поступокъ Галицкаго боярина, Константина Сѣрославича, который, вопреки волѣ Князя своего Ярослава, увелъ свои полки отъ Мстислава Изяславича. Этотъ Константинъ играетъ важную роль и въ смутахъ своего Княжества. Велико казалось въ другихъ странахъ могущество Ярослава Владиміровича Галицкаго, единовластнаго Князя богатой и цвѣтущей волости; вотъ какъ описывает-

ся это могущество въ Словѣ о полку Игореву: «Ярославъ Осмосмыслъ Галицкій! высоко сѣдишь ты на своемъ златокованномъ столѣ; ты подперъ горы Венгерскія своими желѣзными полками, заступилъ путь королю Венгерскому, затворилъ ворота къ Дунаю, отворяешь ворота къ Кіеву.» Но этотъ могущественный Князь окруженъ былъ людьми, которые были сильнѣе его, могли подчинять его волю своей. Ярославъ дурно жилъ съ женою своею Ольгою, сестрою Суздальскихъ Юрьевичей, и держалъ любовницу, какую-то Настасью; въ 1173 году Ольга ушла изъ Галича въ Польшу съ сыномъ Владиміромъ, извѣстнымъ уже намъ бояриномъ Константиномъ Сѣрославичемъ и многими другими боярами. Проживши восемь мѣсяцевъ въ Польшѣ, Владиміръ съ матерью пошелъ на Волынь, гдѣ думалъ поселиться на время, какъ на дорогѣ встрѣтилъ его гонецъ отъ бояръ изъ Галича: «Ступай домой, велѣли они сказать ему: отца твоего мы схватили, пріятелей его перебили, и врагъ твой Настасья въ нашихъ рукахъ.» Галичане сожгли несчастную на кострѣ, сына ея послали въ заточеніе, а съ Ярослава взяли клятву, что будетъ жить съ княгинею какъ слѣдуетъ. Въ 1187 году умеръ Ярославъ, Князь, по словамъ лѣтописца, мудрый, краснорѣчивый, богобоязливый, честный во всѣхъ земляхъ и славный полками; когда бывала ему отъ кого обида, то онъ самъ не ходилъ съ полками, а посылалъ воеводъ; чувствуя приближеніе смерти, онъ созвалъ бояръ, бѣлое духовенство, монаховъ, нищихъ, и говорилъ имъ со слезами: «Отцы, братья и сыновья! вотъ я отхожу отъ этого свѣта суетнаго и иду къ Творцу моему, согрѣшилъ я больше всѣхъ; отцы и братья! простите и отдайте.» Три дня плакался онъ предъ всѣми людьми, и велѣлъ раздавать имѣніе свое по монастырямъ и нищимъ; три дня раздавали по всему Галичу, и не могли всего раздать. Обратясь къ боярамъ, умирающій Князь сказалъ: «Я одною своею худою головою удержалъ Галицкую землю; а вотъ теперь приказываю свое мѣсто Олегу, меньшому сыну моему, а старшему Владиміру даю Перемышль.» Этотъ Олегъ родился отъ Настасьи, и потому былъ милъ Ярославу, говоритъ лѣтописецъ, а Владиміръ не ходилъ въ его волѣ: мы видѣли, что онъ уѣзжалъ отъ отца вмѣстѣ съ матерью, и воз-

вратился въ слѣдствіе торжества враговъ Настасьи; Владиміръ вмѣстѣ со всѣми боярами долженъ былъ присягнуть отцу, что не будетъ искать подъ братомъ Галича. Но можно ли было надѣяться на эту клятву, можно ли было думать, что убійцы Настасьи будутъ спокойно видѣть на старшемъ столѣ сына ея? и вотъ, едва только умеръ Ярославъ, какъ сильный мятежъ всталъ въ Галицкой землѣ; Владиміръ и бояре нарушили клятву и выгнали Олега изъ Галича; тотъ принужденъ былъ бѣжать въ Овручь къ Рюрику, а Владиміръ сѣлъ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ. Но бояре скоро увидали, что ошиблись въ своемъ выборѣ: Владиміръ, по словамъ лѣтописца, любилъ только пить, а не любилъ думы думать съ своими боярами; отнялъ у попа жену, и сталъ жить съ нею, прижилъ двоихъ сыновей; мало того: понравится ему чья-нибудь жена или дочь, бралъ себѣ насильно. Въ это время ближайшимъ сосѣдомъ Галицкаго Князя, на столѣ Владиміро-Волынскомъ, сидѣлъ Романъ Мстиславичь, получившій въ наслѣдство отъ отца и дѣда необыкновенную дѣятельность, предпріимчивость, неутомимость; не любилъ онъ отставать отъ разъ предпринятаго намѣренія, и не разбиралъ средствъ при его выполненіи. Романъ находился въ близкомъ свойствѣ съ Владиміромъ Галицкимъ: дочь его была за старшимъ сыномъ послѣдняго[349]; не смотря на то, узнавши, что бояре Галицкіе не хорошо живутъ съ своимъ Княземъ, Романъ сталъ пересылаться съ ними, побуждая ихъ выгнать Владиміра, на мѣсто котораго предлагалъ имъ себя въ Князья. Многіе бояре охотно согласились на его предложеніе, собрали полки, утвердились крестнымъ цѣлованіемъ между собою, но не смѣли явно возстать на Владиміра, схватить или убить его, потому что не всѣ бояре были противъ Князя, были между ними и его пріятели; заговорщики придумали другое средство освободиться отъ Владиміра, они послали сказать ему: «Князь! мы не на тебя встали, но не хотимъ кланяться попадьѣ, хотимъ ее убить; а ты гдѣ хочешь, тамъ и возьми жену.» Они надѣялись, что онъ никакъ не отпуститъ попадьи, и потому грозились убить ее, чтобъ тѣмъ скорѣе прогнать его самого, въ чемъ и не ошиблись: Владиміръ, опасаясь чтобъ и его любовницу не постигла таже участь, какая постигла Настасью, забралъ много золота и сереб-

ра, жену, двоихъ сыновей, дружину, и поѣхалъ въ Венгрію. Мы оставили эту страну подъ властію Короля Гейзы II-го, зятя и союзника Изяславова; самымъ опаснымъ врагомъ Гейзы былъ знаменитый Греческій Императоръ, Мануилъ Комненъ, послѣдній изъ великихъ государей, сидѣвшихъ на престолѣ Византійскомъ; вмѣшательство Гейзы въ дѣла Сербіи дали Мануилу поводъ враждебно выступить противъ Венгровъ съ цѣлію распространить предѣлы Имперіи на ихъ счетъ; сначала онъ поддерживалъ противъ Гейзы извѣстнаго уже намъ Бориса, сына дочери Мономаховой, а потомъ, когда Борисъ палъ въ битвѣ, сталъ поддерживать родныхъ братьевъ Гейзы, Стефана и Владислава, нашедшихъ убѣжище при дворѣ Византійскомъ. Гейза умеръ въ 1161 году, оставивъ престолъ двѣнадцатилѣтнему сыну своему Стефану III-му; малолѣтство короля дало Мануилу полную возможность къ осуществленію своихъ честолюбивыхъ плановъ относительно Венгріи, и немедленно выступилъ онъ съ большимъ войскомъ и обоими Князьями, Стефаномъ и Владиславомъ къ границамъ этой страны, пославъ сказать ея вельможамъ, что по старому обычаю престолъ долженъ переходить не къ сыну, а къ брату умершаго короля, и что потому они должны возвести на престолъ Стефана, брата покойнаго Гейзы; Венгры велѣли ему отвѣчать на это, что они не знаютъ ни о какомъ подобномъ обычаѣ въ своемъ отечествѣ, гдѣ съ незапамятныхъ поръ наслѣдуетъ корону старшій сынъ, а не братъ умершаго короля; они не могутъ слѣдовательно принять къ себѣ въ короли герцога Стефана старшаго; не примутъ его уже и потому, что не хотятъ имѣть королемъ подручника Императорскаго. Не смотря однако на этотъ смѣлый отвѣтъ, деньги и обѣщанія Мануила произвели свое дѣйствіе, и многіе изъ вельможъ отстали отъ молодаго Стефана, который и принужденъ былъ уступить престолъ дядѣ своему, не Стефану впрочемъ, а младшему Владиславу. Владиславъ черезъ полгода умеръ, тогда брату его Стефану удалось захватить престолъ, но не на долго: ибо когда въ Венгріи узнали, что онъ обѣщалъ Мануилу въ награду за помощь, отдать Сирмію, то почти всѣ перешли на сторону племянника его, который въ слѣдствіе этого и утвердился окончательно на престолѣ. Тогда Мануилъ, видя всеобщее нераспо-

ложеніе Венгровъ къ Стефану—дядѣ, объявилъ, что признаетъ королемъ племянника; мало того, не имѣя сыновей, выдаетъ дочь свою за Белу, младшаго брата Стефана III-го и назначаетъ его наслѣдникомъ своего престола, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ онъ былъ воспитанъ въ Константинополѣ и удержалъ за собою Сирмію, какъ полученный отъ отца удѣлъ. Король и вельможи согласились на предложеніе, и молодой Бела отправился въ Константинополь, гдѣ получилъ имя Алексѣя, былъ обрученъ съ дочерью Императора, провозглашенъ наслѣдникомъ престола, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство перемѣнило совершенно ходъ дѣлъ: у Мануила отъ второй жены его родился сынъ. Обрадованный Императоръ велѣлъ немедленно короновать младенца, и отнялъ у Белы не только надежду на престолъ, но даже невѣсту, свою дочь, и обручилъ его на свояченицѣ. Къ счастію для Белы умираетъ въ это время братъ его, Король Венгерскій, двадцатичетырехлѣтній Стефанъ III, какъ говорятъ отравленный братомъ (1173 г.); Бела поспѣшилъ въ Венгрію, но засталъ тамъ уже три партіи: одна хотѣла имѣть его королемъ; другая, состоящая преимущественно изъ высшаго духовенства, боясь, чтобъ воспитанный въ Константинополѣ Бела не сталъ дѣйствовать подъ вліяніемъ Императора и враждовать къ католицизму, хотѣла ждать разрѣшенія отъ бремени жены Стефана III-го; третья наконецъ стояла за младшаго брата Белы: въ челѣ этой партіи находилась старая вдовствующая королева, жена Гейзы II-го, Евфросинія Мстиславовна, которой хотѣлось видѣть на престолѣ младшаго, любимаго сына. Долго боролся Бела III-й съ двумя враждебными партіями, наконецъ осилилъ ихъ.

Болѣе десяти лѣтъ Бела спокойно правилъ Венгріею, какъ явился къ нему Галицкій изгнанникъ Владиміръ съ просьбою о помощи; спокойствіе внутри и внѣ давали Белѣ полную возможность вмѣшаться въ Галицкія дѣла, и онъ пошелъ къ Галичу со всѣми своими полками. Романъ, сѣвшій было здѣсь на столѣ, не видалъ средствъ противиться войскомъ Белы, и, захвативъ остатокъ княжеской казны, убѣжалъ назадъ на Волынь; но и Владиміръ не получилъ отцовскаго стола, потому что Бела, устроивши Галичанамъ всѣ ихъ дѣла, счелъ полез-

нѣе для себя и для нихъ дать имъ въ князья сына своего Андрея, а Владиміра повелъ опять въ Венгрію неволею, отнялъ у него все имѣніе и посадилъ въ башню[350]; онъ взялъ также съ собою въ Венгрію сыновей или братьевъ лучшихъ бояръ, чтобъ имѣть ручательство въ вѣрности послѣднихъ. Между тѣмъ Романъ съ тѣми изъ Галицкихъ бояръ, которые перезвали его къ себѣ, скитался по разнымъ странамъ, ища волости. Отъѣзжая княжить въ Галичь, онъ отдалъ Владиміръ брату своему Всеволоду, сказавши ему: «Больше мнѣ не нужно этого города.» Теперь, убѣгая предъ Венграми изъ Галича, онъ пріѣхалъ было назадъ во Владиміръ, но уже не былъ впущенъ сюда братомъ; тогда онъ поѣхалъ въ Польшу искать тамъ помощи, а жену свою отправилъ въ Овручь къ отцу ея Рюрику Ростиславичу. Не получивши отъ Польскихъ Князей никакой помощи, онъ и самъ отправился къ тестю Рюрику вмѣстѣ съ преданными ему Галицкими боярами. Пріѣхавши къ тестю, онъ сталъ проситься у него опять на Галичь: «Галичане зовутъ меня къ себѣ на княженіе,» говорилъ онъ ему: «отпусти со мной сына своего Ростислава.» Рюрикъ согласился, и Романъ отправилъ передовой отрядъ свой, чтобъ занять одинъ изъ пограничныхъ городовъ Плѣснескъ[351]; но отрядъ этотъ былъ разбитъ на голову Венграми и Галичанами. Романъ, услыхавъ объ этомъ несчастіи, отпустилъ шурина Ростислава домой, а самъ опять поѣхалъ въ Польшу. На этотъ разъ онъ былъ здѣсь счастливѣе, получилъ помощь и пошелъ съ нею на брата Всеволода ко Владиміру, но Всеволодъ въ другой разъ не пустилъ его, и Романъ опять отправился къ тестю; тотъ далъ ему пока волость—Торческъ, а между тѣмъ послалъ ко Всеволоду съ угрозами, которыя подѣйствовали и Романъ получилъ опять Владиміръ, а Всеволодъ отправился въ свою прежнюю волость Бельзъ.

Романа звали опять въ Галичь, слѣдовательно были тамъ люди, недовольные Венгерскимъ Королевичемъ; съ другой стороны Бела не могъ думать, чтобы Русскіе Князья спокойно стали смотрѣть на владычество иноземца въ старинной Русской волости; вотъ почему онъ спѣшилъ обѣщаніями склонить на свою сторону Святослава Кіевскаго. Въ 1189 году онъ прислалъ сказать ему: «Братъ! присылай сына своего ко мнѣ,

хочу исполнить свое обѣщаніе, въ чемъ тебѣ крестъ цѣловалъ.» Тогда Святославъ, тайкомъ отъ Рюрика, отправилъ къ королю сына своего Глѣба, думая что Бела дастъ ему Галичь[352]. Рюрикъ, узнавши объ этомъ, послалъ сказать Святославу[353]: «Ты отправилъ сына своего къ королю, не спросившись со мною, такъ ты уговоръ нашъ нарушилъ[354]. Начались сильные споры между Князьями; однако дѣло не дошло до ссоры; Святославъ послалъ сказать Рюрику: «Братъ и сватъ! вѣдь я сына своего посылалъ не на тебя поднимать короля, а за своими дѣлами; если хочешь идти на Галичь, такъ я также готовъ съ тобою идти.» Особенно помогалъ прекращенію спора Митрополитъ, которому очень не нравилось, что католикъ владѣетъ Галичемъ; онъ говорилъ и Святославу и Рюрику: «иноплеменники отняли вашу отчину: надобно бъ вамъ потрудиться возвратить ее опять себѣ.» Князья послушались и отправились вмѣстѣ добывать Галичь — Святославъ съ сыновьями, а Рюрикъ съ братьями; но прежде чѣмъ добыли волость, стали рядиться на счетъ ея и опять поссорились: Святославъ отдавалъ Галичь Рюрику, а себѣ хотѣлъ взять всю Русскую землю около Кіева; но Рюрикъ не хотѣлъ лишиться своей отчины и промѣнять старое, вѣрное на новое и невѣрное, а хотѣлъ подѣлиться Галичемъ съ Святославомъ[355]; на это не соглашался послѣдній, и такимъ образомъ сваты разошлись по домамъ, ничего не сдѣлавши.

Потерявши надежду получить помощь отъ кого-либо изъ сильныхъ Русскихъ Князей, недовольные королевичемъ Галичане обратились къ потомку своихъ родныхъ Князей — Ростиславичей, Ростиславу Ивановичу, сыну знаменитаго Берладника. Ростиславъ, безземельный Князь подобно отцу, жилъ въ это время у Смоленскаго Князя Давыда Ростиславича; получивши приглашеніе, онъ отправился немедленно къ Галицкимъ предѣламъ, захватилъ два пограничныхъ города и оттуда поѣхалъ къ самому Галичу. Тамошніе бояре не всѣ одинаково ему благопріятствовали: нѣкоторые изъ нихъ крѣпко держались за королевича, потому что сыновья ихъ и братья находились у Белы, который въ это время прислалъ на помощь сыну большое войско, боясь враждебныхъ покушеній со стороны

дѣла, а въ забавныхъ разсказахъ его сверкало Итальянское воображеніе. Но никогда и ничто не могло побѣдить моего непобѣдимаго удаленія отъ всего, что я въ немъ замѣчала. Мнѣ казалось, что взглядъ и рѣчь его пронзаютъ мнѣ грудь холоднымъ, острымъ мечемъ, который, раздирая, холодитъ ее. Я чувствовала въ умѣ его глубокую иронію, отъ коей ничто не могло охраниться, ни великое, ни прекрасное, даже его собственная слава, ибо онъ презиралъ тѣхъ, кого старался подчинить себѣ, и ни одна искра восторга не примѣшивалась у него къ потребности удивлять родъ человѣческій. Сколько разъ ни встрѣчалась я съ нимъ, у меня всегда занималось дыханіе, и я не могла привыкнуть равнодушно видѣть его. Когда онъ замѣчалъ, что его наблюдаютъ, онъ лишалъ глаза свои всякаго выраженія, дѣлалъ ихъ, какъ будто мраморными; лицо его было тогда неподвижно, и только неопредѣленная улыбка оставалась на немъ, сбивая наблюдательность всякаго, кто хотѣлъ бы проникнуть мысль его. Онъ былъ тогда худъ и блѣденъ. При небольшомъ ростѣ и длинномъ туловищѣ, онъ казался красивѣе верхомъ, и на поляхъ битвы изумлялъ своимъ поразительнымъ видомъ. Въ обществѣ являлся онъ неловкимъ, но не робкимъ; было что-то невнимательное, когда онъ удерживался, и что-то грубое, когда онъ давалъ себѣ волю; выраженіе презрѣнія всего болѣе было ему къ лицу, и онъ пользовался имъ часто и искусно. И тогда уже онъ не скрывалъ своего превосходства

обѣщалъ ему давать ежегодно по двѣ тысячи гривенъ серебра, то Фридрихъ отправилъ его при своемъ послѣ къ Польскому Князю Казимиру съ приказомъ, чтобъ тотъ помогъ ему получить обратно Галицкій столъ; Казимиръ послушался, и отправилъ съ Владиміромъ къ Галичу воеводу своего Николая. Когда Галичане узнали о приближеніи своего дѣдича съ Польскими войсками, то съ радостію вышли къ нему на встрѣчу, провозгласили Княземъ своемъ, а королевича прогнали изъ земли. Но Владиміръ не считалъ себя безопаснымъ отъ сосѣднихъ Князей, иноземныхъ и Русскихъ до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣтетъ покровительства дяди своего, сильнаго Князя Суздальскаго, и потому послалъ къ нему съ слѣдующими словами: «Отецъ и господинъ! удержи Галичь подо мною, а я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ и въ твоей волѣ всегда.» Всеволодъ отправилъ пословъ по всѣмъ Русскимъ Князьямъ и въ Польшу, и взялъ со всѣхъ присягу не искать Галича подъ его племянникомъ. И съ тѣхъ поръ, говоритъ лѣтописецъ, Владиміръ утвердился въ Галичѣ, и никто не поднимался на него войною.

Вліяніе Сѣвернаго Князя на дѣла южной Руси еще болѣе обозначилось по смерти Святослава Всеволодовича (1194 г.), оставившаго по себѣ въ лѣтописи память мудраго Князя. Преемникомъ его въ Кіевѣ былъ Рюрикъ Ростиславичь, котораго всѣ на Руси приняли съ большою радостію, и Кіевляне, и Христіане и поганые, потому что, говоритъ лѣтописецъ, онъ всѣхъ принималъ съ любовію, и Христіанъ и поганыхъ, и не отгонялъ отъ себя никого. Сѣвши въ Кіевѣ, Рюрикъ послалъ сказать брату своему Давыду въ Смоленскъ: «Братъ! мы теперь остались старше всѣхъ въ Русской землѣ; пріѣзжай ко мнѣ въ Кіевъ, повидаемся и подумаемъ, погадаемъ вмѣстѣ о Русской землѣ, о братьяхъ, о Владиміровомъ племени, и покончимъ всѣ дѣла.» Но этотъ Князь, считавшій себя старшимъ въ Русской землѣ, получилъ старшинство по волѣ другаго Князя, старѣйшаго и сильнѣйшаго, Князя Суздальской земли: Всеволодъ, говоритъ сѣверный лѣтописецъ, послалъ мужей своихъ въ Кіевъ, и тѣ посадили тамъ Рюрика Ростиславича. Давыдъ Смоленскій согласился на предложеніе брата, и поплылъ къ нему внизъ по Днѣпру; въ Вышгородѣ свидѣлись братья и стали пировать:

сперва Рюрикъ позвалъ на обѣдъ Давыда: Князья повеселились, обдарили другъ друга, и разстались въ большой любви; потомъ позвалъ Давыда къ себѣ въ Бѣлгородъ племянникъ его Ростиславъ Рюриковичъ; здѣсь было также большое веселье. Давыдъ отплатилъ также угощеніями и дарами: сперва позвалъ на обѣдъ брата Рюрика и племянниковъ; потомъ позвалъ на обѣдъ монаховъ изъ всѣхъ монастырей, роздалъ имъ и нищимъ большую милостыню; наконецъ позвалъ Черныхъ Клобуковъ, напоилъ ихъ всѣхъ и одарилъ богато. Кіевляне, съ своей стороны, позвали Давыда на обѣдъ и обдарили, и Давыдъ отблагодарилъ ихъ веселымъ пиромъ. Пируя, братья занимались и дѣломъ: покончили всѣ ряды о Русской землѣ, о братьѣ своей, о Владиміровомъ племени, послѣ чего Давыдъ отправился назадъ въ Смоленскъ. Но Ростиславичи скоро увидали, что имъ не приходилось оканчивать всѣхъ рядовъ своихъ о Русской землѣ безъ вѣдома Князя Суздальскаго; въ Кіевъ пріѣхали послы изъ Владимира и сказали Рюрику отъ имени своего Князя: «Вы назвали меня старшимъ въ своемъ Владиміровомъ племени; теперь ты сѣлъ въ Кіевѣ, а мнѣ не далъ никакой части въ Русской землѣ, роздалъ другимъ, младшей братьѣ; ну если мнѣ въ ней нѣтъ части, то какъ ты тамъ себѣ хочешь, кому далъ въ ней часть, съ тѣмъ ее и стереги, посмотрю, какъ ты ее съ нимъ удержишь; а мнѣ не надобно.» По словамъ Владимірскихъ пословъ выходило, что Князь ихъ сердился на Рюрика за то, что онъ отдалъ лучшую волость зятю своему, Роману Волынскому, именно пять городовъ: Торческъ, Треполь, Корсунь, Богуславъ, Каневъ, лежащихъ на рѣкѣ Роси, по границѣ съ степью, въ странѣ, населенной Черными Клобуками, игравшими такую важную роль въ усобицахъ княжескихъ. Рюрикъ началъ думать съ боярами, какъ бы уладить дѣло; ему никакъ не хотѣлось брать назадъ волость у Романа, потому что онъ поклялся ему не давать ее никому другому; онъ предлагалъ Всеволоду другіе города, но тотъ не хотѣлъ ничего кромѣ Поросья, и грозился начать войну въ случаѣ отказа. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Рюрикъ обратился къ Митрополиту Никифору и разсказалъ ему все дѣло, какъ онъ цѣловалъ крестъ Роману не отнимать у него Поросья,

какъ не хочетъ нарушить клятвы, и изъ за этого начинается у него война со Всеволодомъ. Митрополитъ отвѣчалъ: «Князь! мы приставлены отъ Бога въ Русской землѣ удерживать васъ отъ кровопролитія; если станетъ проливаться христіанская кровь въ Русской землѣ изъ-за того, что ты далъ волость младшему обойдя старшаго, и крестъ цѣловалъ, то я снимаю съ тебя крестное цѣлованіе и беру его на себя, а ты послушайся меня: возьми волость у зятя и отдай ее старшему, а Роману дай вмѣсто нея другую.» Рюрикъ послалъ сказать Роману: «Всеволодъ проситъ подъ тобою волости, и жалуется на меня изъ-за тебя.» Романъ отвѣчалъ: «Батюшка! нечего тебѣ изъ-за меня начинать ссору съ сватомъ; ты мнѣ можешь или другую волость дать вмѣсто прежней, или заплатить за нее деньгами.» Рюрикъ, подумавъ съ братьею и боярами, послалъ сказать Всеволоду: «Ты жаловался на меня, братъ, за волость; такъ вотъ тебѣ та самая, которую просилъ.» — Нельзя думать, чтобъ одно только наслѣдственное нерасположеніе Всеволода къ Изяславовымъ потомкамъ заставляло его требовать именно той волости, которая была отдана Роману: Юрій могъ ненавидѣть дѣда Романова Изяслава, потому что тотъ отнималъ у него старшинство; Андрей Боголюбскій могъ не любить отца Романова, Мстислава, потому что и этотъ не признавалъ его старшинства, хотѣлъ сидѣть въ Кіевѣ старшимъ и независимымъ Княземъ, но Всеволоду не зачто было сердиться на Романа, который не предъявлялъ никакихъ притязаній: Всеволодъ былъ признанъ отовсѣхъ и старшимъ и сильнѣйшимъ Княземъ. Онъ могъ хотѣть получить волость для пріобрѣтенія большей матеріальной силы на Руси; но почему же онъ требовалъ именно Поросья? онъ могъ придавать большое значеніе этой пограничной волости и поселеннымъ въ ней Чернымъ Клобукамъ: но послѣ онъ не обратилъ большаго вниманія, когда Рюрикъ отобралъ ее у него назадъ. Всеволодъ могъ не желать усиленія Романа, обнаружившаго уже въ Галицкихъ событіяхъ предпріимчивость и честолюбіе: но все равно, Рюрикъ далъ бы ему другую волость, равнозначительную или деньги, на которыя можно было нанять Половцевъ и переманить Черныхъ Клобуковъ. Наконецъ Всеволодъ могъ

оскорбляться, что Рюрикъ, распоряжаясь волостями, не сдѣлалъ ему чести, обошелъ волостію: но такое притязаніе было странно въ положеніи Всеволода; онъ былъ признанъ старшимъ, Кіевъ принадлежалъ ему, онъ могъ пріѣхать въ этотъ городъ, и распоряжаться всѣми окружными волостями; но онъ, по примѣру брата, пренебрегъ Кіевомъ, отдалъ его младшему, а теперь оскорбляется, что этотъ младшій не надѣлилъ его волостію[356]. Если всѣ эти расчеты и могли въ какой-нибудь мѣрѣ имѣть вліяніе на поведеніе Всеволода, то главнымъ однако побужденіемъ его мы должны принять желаніе поссорить южныхъ Мономаховичей, тѣсный дружественный союзъ которыхъ необходимо уменьшалъ вліяніе сѣвернаго Князя на югъ. Получивъ отъ Рюрика требуемую волость, Всеволодъ немедленно отдалъ лучшій городъ Торческъ сыну его, а своему зятю Ростиславу, а въ остальные четыре города послалъ своихъ посадниковъ. Расчетъ былъ вѣренъ, ибо когда Романъ узналъ, что Торческъ взятъ у него и черезъ руки Всеволода переданъ Рюрикову же сыну, то началъ посылать къ тестю съ жалобами, будучи увѣренъ, что тотъ сговорился нарочно со Всеволодомъ и отнялъ у него волость для того только, чтобъ передать ее своему сыну. Рюрикъ послалъ отвѣчать ему на его жалобы: «Я прежде всѣхъ далъ тебѣ эту волость, какъ вдругъ Всеволодъ наслалъ на меня съ жалобами, что чести на него не положили прежде всѣхъ; вѣдь я тебѣ объявлялъ всѣ его рѣчи, и ты добровольно отступился отъ волости; самъ знаешь, что намъ не льзя было не сдѣлать по его, намъ безъ него нельзя быть: вся братья положила на немъ старшинство во Владиміровомъ племени; а ты мнѣ сынъ свой, вотъ тебѣ и волость, такая же какъ та.» Но Романа нельзя уже было успокоить и увѣрить, что тутъ не было никакого злаго умысла противъ него; онъ началъ совѣтоваться съ своими боярами, какъ бы отомстить за обиду, и придумали послать въ Черниговъ къ Ярославу Всеволодовичу, уступить ему старшинство и звать въ Кіевъ на Рюрика; Ярославъ обрадовался случаю и принялъ предложеніе. Тогда Рюрикъ послалъ объявить Всеволоду о замыслахъ Романа и Ольговичей: «Ты, братъ, во Владиміровомъ племени старше всѣхъ насъ, велѣлъ онъ сказать ему: такъ думай, гадай о Русской землѣ, о своей

чести и о нашей;» а къ зятю Роману послалъ бояръ своихъ обличить его и бросить предъ нимъ крестныя грамоты. Романъ испугался, увидавъ, что тесть узналъ о его сношеніяхъ съ Ольговичами, и, не будучи приготовленъ такъ скоро начать войну, отправился въ Польшу за помощью.

Мы оставили Польскія событія послѣ изгнанія Владислава II-го, когда старшинство принялъ братъ его, Болеславъ IV Кудрявый (1142 г.). Изгнанникъ Владиславъ, послѣ неудачныхъ попытокъ получить опять старшинство, умеръ въ Германіи; но три сына его—Болеславъ, Мечиславъ и Конрадъ, вѣроятно, по настоянію Императора, возвратились въ отечество и получили Силезію. По смерти Белеслава IV Кудряваго, старшинство перешло къ брату его, третьему Болеславичу, Мечиславу III-му; но Мечиславъ скоро возбудилъ противъ себя негодованіе вельможъ, которые, изгнавъ его, провозгласили Великимъ Княземъ послѣдняго изъ Болеславичей, Казимира Справедливаго (четвертый Болеславичь, Генрихъ умеръ прежде). Мы видѣли участіе, какое принималъ Казимиръ и знаменитый палатинъ его Николай при возстановленіи Владиміра Ярославича на столѣ Галицкомъ. По смерти Казимира (1194 г.) рождался вопросъ: кому должно достаться старшинство, потому что былъ живъ еще одинъ изъ Болеславичей, прежде лишенный старшинства Мечиславъ Старый. Мечиславу не льзя было надѣяться вторично занять Краковскій столъ: прежнее нерасположеніе къ нему было еще живо въ вельможахъ, которымъ сверхъ того было гораздо выгоднѣе имѣть Княземъ несовершеннолѣтняго племянника, чѣмъ стараго дядю, и вотъ прелаты и вельможи, собранные въ Краковѣ, рѣшили передать старшій столъ Лешку, малолѣтному сыну Казимира Справедливаго. Но Мечиславъ не думалъ отказываться отъ своихъ правъ, и сталъ готовиться къ войнѣ съ племянниками. Въ это самое время явился къ послѣднимъ въ Краковъ Романъ Волынскій съ просьбою о помощи противъ тестя Рюрика; онъ имѣлъ право надѣяться на помощь, потому что вдова Казимирова Елена была ему родная племянница отъ брата, Всеволода Мстиславича Бельзскаго. Казимировичи отвѣчали Роману: «Мы бы ради были тебѣ помочь, но обижаетъ насъ дядя Межко (Мечиславъ), ищетъ

подъ нами волости; прежде помоги ты намъ, а когда будемъ всѣ мы Поляки за однимъ щитомъ, то пойдемъ мстить за твои обиды.» Романъ послушался и поѣхалъ на Межка съ Казимировичами; тотъ не хотѣлъ биться съ Романомъ, но прислалъ къ нему съ просьбою быть посредникомъ въ спорѣ между нимъ и племянниками. Романъ не послушался ни его, ни бояръ своихъ и вступилъ въ битву, въ которой потерпѣлъ сильное пораженіе, и раненый убѣжалъ въ Краковъ къ Казимировичамъ, откуда дружина принесла его во Владиміръ Волынскій. Видя надъ собою такую бѣду, онъ отправилъ посла къ тестю Рюрику съ поклонами и мольбою, чтобъ простилъ его; послалъ просить и Митрополита Никифора, чтобъ тотъ ходатайствовалъ за него предъ Рюрикомъ. Митрополитъ исполнилъ просьбу, и Рюрикъ, послушавшись его, созвалъ бояръ и сказалъ имъ: «Если Романъ проситъ и раскаивается въ своей винѣ, то я его приму, приведу ко кресту и волость дамъ; если онъ устоитъ въ крестномъ цѣлованіи, будетъ вправду имѣть меня отцемъ и добра моего хотѣть, то я буду имѣть его сыномъ, какъ прежде имѣлъ и добра ему хотѣлъ.» И дѣйствительно Рюрикъ послалъ сказать Роману, что пересталъ на него сердиться, привелъ его къ кресту на всей своей волѣ и далъ ему волость[357].

Романъ былъ смиренъ; но не льзя было забыть, что онъ предлагалъ старшинство и Кіевъ Ярославу Черниговскому и тотъ принялъ предложеніе; вотъ почему Рюрикъ, переславшись съ сватомъ Всеволодомъ и братомъ Давыдомъ, послалъ сказать Ярославу и всѣмъ Ольговичамъ отъ имени всѣхъ Мономаховичей: «Цѣлуй намъ крестъ со всею своею братьею, что не искать вамъ нашей отчины, Кіева и Смоленска подъ нами и подъ нашими дѣтьми, и подъ всѣмъ нашимъ Владиміровымъ племенемъ: дѣдъ нашъ Ярославъ раздѣлилъ насъ по Днѣпръ, потому и Кіева вамъ ненадобно[358].» Ольговичи обидѣлись такимъ предложеніемъ и послали сказать Всеволоду: «У насъ былъ уговоръ не искать Кіева подъ тобою[359] и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ: мы и стоимъ въ этомъ договорѣ; но если ты приказываешь намъ отказаться отъ него навсегда, то мы не Венгры и не Ляхи, а внуки одного дѣда: при вашей жизни мы не ищемъ Кіева, но послѣ васъ кому Богъ его дастъ.» И были между ни-

ми распри многія и рѣчи крупныя и не уладились, говоритъ лѣтописецъ[360]. Всеволодъ хотѣлъ тоюже зимою идти на Черниговъ; Ольговичи испугались, и послали къ нему игумена съ поклономъ и обѣщаніемъ исполнить его волю; тотъ повѣрилъ имъ и сошелъ съ коня. Въ тоже время Черниговскіе послы явились и къ Рюрику съ слѣдующими словами отъ своихъ Князей: «Братъ! у насъ съ тобою не было никогда ссоры: мы этой зимой еще не успѣли заключить окончательнаго договора ни со Всеволодомъ, ни съ тобою, ни съ братомъ твоимъ Давыдомъ, а такъ какъ ты ближе всѣхъ къ намъ, то цѣлуй крестъ не начинать съ нами войны до тѣхъ поръ, пока мы кончимъ переговоры со Всеволодомъ и Давыдомъ.» Рюрикъ, посовѣтовавшись съ боярами, принялъ предложеніе Ярослава, отправилъ въ Черниговъ своего посла, и взялся хлопотать о томъ, чтобъ помирить съ Ольговичами Всеволода и Давыда; при этомъ Рюрикъ обѣщалъ Ярославу уступить ему Витепскъ, и отправилъ въ Смоленскъ посла объявить объ этой уступкѣ брату своему Давыду, послѣ чего, надѣясь на миръ, распустилъ по домамъ дружину, братьевъ, сыновей, Половцевъ, богато одаривши ихъ, а самъ отправился въ Овручь по своимъ дѣламъ. Но Ярославъ, не дождавшись окончанія переговоровъ о Витепскѣ, послалъ племянника своего, Олега Святославича захватить этотъ городъ, гдѣ сидѣлъ одинъ изъ Полоцкихъ Князей, зять Давыда Смоленскаго. Послѣдній, ничего еще не зная о сдѣлкѣ Рюрика съ Ярославомъ и слыша, что отрядъ Ольговичей, не доѣхавши до Витепска, сталъ пустошить Смоленскую область, выслалъ противъ него войско подъ начальствомъ племянника своего Мстислава Романовича. Мстиславъ ударилъ на Олега, потопталъ его стяги, изрубилъ его сына: но въ то время какъ Мстиславъ получилъ успѣхъ на одной сторонѣ, Смоленскій Тысяцкій Михалко потерпѣлъ пораженіе отъ Полочанъ, союзниковъ Черниговскаго Князя; Мстиславъ, возвращаясь съ преслѣдованія побѣжденнаго Олега, встрѣтилъ побѣдителей Полочанъ, думая, что это свои, спокойно въѣхалъ въ ряды ихъ, и былъ взятъ въ плѣнъ; тогда обрадованный Олегъ Святославичь послалъ вѣсть къ дядѣ въ Черниговъ, приписывая себѣ весь успѣхъ дѣла: «Мстислава я взялъ въ плѣнъ и полкъ его побѣдилъ, и Давыдовъ полкъ Смолен-

скій, а плѣнные Смоляне сказываютъ мнѣ, что братья ихъ не въ ладу живутъ съ Давыдомъ; такого, батюшка, удобнаго времени уже больше не будетъ; собравши братью, поѣзжай поскорѣе, возьмемъ честь свою.» Ярославъ и всѣ Ольговичи обрадовались, помчались къ Смоленску, но перехвачены были на дорогѣ посломъ Рюриковымъ, который сказалъ Ярославу отъ своего Князя: «Если ты, обрадовавшись случаю, поѣхалъ убить моего брата, то нарушилъ нашъ договоръ и крестное цѣлованіе, и вотъ тебѣ твои крестныя грамоты, ступай къ Смоленску, а я пойду къ Чернигову, и какъ насъ Богъ разсудитъ, да крестъ честный.» Ярославъ испугался, возвратился въ Черниговъ, и отправилъ своего посла къ Рюрику, оправдыя себя, обвиняя Давыда, зачѣмъ помогаетъ зятю своему. Рюрикъ отвѣчалъ ему на это: «Я тебѣ Витепскъ уступилъ и посла отправилъ къ брату Давыду, давая ему знать объ этой уступкѣ; ты, не дождавшись конца дѣлу, послалъ своихъ племянниковъ къ Витепску, а они, идучи, стали воевать Смоленскую волость, Давыдъ и послалъ на нихъ племянника своего Мстислава.» Долго спорили, и не могли уладиться[361].

Въ 1196 году Рюрикъ послалъ сказать свату своему Всеволоду Суздальскому: «Мы уговорились садиться всѣмъ на коней съ Рождества Христова и съѣхаться въ Черниговѣ, я и собрался съ братьею, дружиною, съ дикими Половцами, и сидѣлъ наготовѣ, дожидаясь отъ тебя вѣсти; но ты той зимой не сѣлъ на коня, повѣрилъ Ольговичамъ, что станутъ на всей нашей волѣ; я, услыхавъ, что ты на коня не садишься, распустилъ братью, дикихъ Половцевъ, и поцѣловалъ съ Черниговскимъ Ярославомъ крестъ, что не воевать до тѣхъ поръ, пока или уладимся всѣ, или не уладимся; а теперь, братъ, и твой и мой сынъ Мстиславъ сидитъ въ плѣну у Ольговичей: такъ не мѣшкая сѣлъ бы ты на коня, и съѣхавшись всѣ, помстили бы мы за свою обиду и срамъ, а племянника своего выстояли, и правду свою нашли.» Долго не было вѣсти отъ Всеволода, наконецъ онъ прислалъ сказать Рюрику: «Ты начинай, а я буду готовъ.» Рюрикъ собралъ братью свою, дикихъ Половцевъ, и сталъ воевать съ Ольговичами; тогда Ярославъ прислалъ сказать ему: «Зачѣмъ, братъ, сталъ ты воевать мою волость, и поганымъ ру-

ки наполнять? изъ-за чего намъ съ тобою ссориться, развѣ я ищу подъ тобою Кіева? а что Давыдъ послалъ на моихъ племянниковъ Мстислава, и Богъ насъ тамъ разсудилъ, то я выдаю тебѣ Мстислава безъ выкупа, по любви. Цѣлуй со мною крестъ, да и съ Давыдомъ меня помири, а Всеволодъ захочетъ съ нами уладиться — уладимся, а тебѣ съ братомъ Давыдомъ нѣтъ до того дѣла.» Рюрикъ отвѣчалъ ему: «Если въ правду хочешь мира, то дай мнѣ путь черезъ твою волость, я отправлю посла и ко Всеволоду и къ Давыду, и согласившись всѣ, уладимся съ тобою.» Рюрикъ, по словамъ лѣтописца, точно хотѣлъ отправить посла для того только, чтобъ устроить общій миръ, но Ярославъ не вѣрилъ Рюриковымъ рѣчамъ, онъ думалъ, что Мономаховичи хотятъ сговориться на него, и потому не пускалъ Рюриковыхъ пословъ черезъ свою волость; Ольговичи заняли всѣ пути, и цѣлое лѣто до самой осени продолжалась война набѣгами. Осенью Ольговичи пріобрѣли себѣ союзника: Романъ Волынскій, принужденный въ бѣдѣ прибѣгнуть къ милости тестя, теперь отправился, и хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобъ отомстить за прежнее униженіе: онъ послалъ отрядъ своихъ людей въ пограничный городъ Полонный, и велѣлъ имъ оттуда опустошать Кіевскую волость набѣгами. Услыхавъ объ этомъ новомъ врагѣ[362], Рюрикъ обратился къ Князю, котораго могъ считать естественнымъ союзникомъ своимъ по враждѣ къ Роману, именно къ Владиміру Ярославичу, Князю Галицкому, и послалъ къ нему племянника своего, Мстислава Мстиславича, сына знаменитаго Мстислава Ростиславича, соперника Андреева. Мстиславъ, долженъ былъ сказать Владиміру отъ имени Рюрика: «Зять мой нарушилъ договоръ, и воевалъ мою волость; такъ ты, братъ, съ племянникомъ моимъ изъ Галича воюйте его волость; я и самъ хотѣлъ идти ко Владиміру (Волынскому), да пришла мнѣ вѣсть, что сватъ мой Всеволодъ сѣлъ на коня, соединился съ братомъ моимъ Давыдомъ и вмѣстѣ жгутъ волость Ольговичей, города Вятичей взяли и пожгли: такъ я сижу на готовѣ, дожидаясь вѣсти вѣрной.» Владиміръ поѣхалъ съ Мстиславомъ, повоевалъ и пожегъ волость Романову, а съ другой стороны повоевалъ и пожегъ ее Ростиславъ Рюриковичъ съ Владиміровичами (сыновь-

ями Владиміра Мстиславича) и съ Черными Клобуками, набрали много рабовъ и скота.

Вѣсть, полученная Рюрикомъ о движеніи Всеволода и Давыда была справедлива: они дѣйствительно вступили въ землю Ольговичей и пожгли ее. Услыхавъ объ этомъ, Ярославъ собралъ братью, посадилъ двоихъ Святославичей—Олега и Глѣба въ Черниговѣ, укрѣпилъ остальные города, боясь Рюрикова прихода, а самъ съ остальными родичами и Половцами отправился противъ Всеволода и Давыда: онъ сталъ подъ своими лѣсами, огородился засѣками, на рѣкахъ велѣлъ мосты разобрать, и приготовившись такимъ образомъ, послалъ сказать Всеволоду: «Братъ и сватъ! отчину нашу и хлѣбъ нашъ ты взялъ; если хочешь мириться съ нами и жить въ любви, то мы любви не бѣгаемъ и на всей волѣ твоей станемъ; а если ты замыслилъ что другое, и отъ того не бѣгаемъ, какъ насъ Богъ разсудитъ съ вами и св. Спасъ.» Всеволодъ былъ не охотникъ до рѣшительныхъ битвъ, этихъ судовъ Божіихъ по понятіямъ южныхъ Князей; при томъ же Ольговичи обѣщали безъ битвы стать на всей его волѣ; онъ началъ думать съ Давыдомъ, Рязанскими Князьями, боярами, на какихъ бы условіяхъ помириться съ Ольговичами. Давыдъ никакъ не хотѣлъ мира, но требовалъ непремѣнно, чтобъ Всеволодъ шелъ къ Чернигову; онъ говорилъ ему: «Ты уговорился съ братомъ Рюрикомъ и со мною сойтись всѣмъ въ Черниговѣ и тамъ мириться на всей нашей волѣ, а теперь ты не далъ знать Рюрику о своемъ приходѣ; онъ воюетъ съ ними, волость свою пожегъ для тебя, а мы безъ его совѣта и вѣдома хотимъ мириться; какъ хочешь, братъ, а я только тебѣ то скажу, что такой миръ не понравится брату моему.» Но Всеволоду не понравились рѣчи Давыдовы и Рязанскихъ Князей; онъ началъ переговоры съ Ольговичами, требуя у нихъ во первыхъ, отреченія отъ Кіева и Смоленска, во вторыхъ, освобожденія Мстислава Романовича, въ третьихъ, изгнанія давняго врага своего, Ярополка Ростиславича, который жилъ тогда въ Черниговѣ, въ четвертыхъ, прекращенія связи съ Романомъ Волынскимъ. Ярославъ соглашался на три первыя требованія, но не хотѣлъ отступать отъ Романа, который оказалъ ему такую важную услугу, нападши на тестя и от-

влекши его отъ похода на Черниговъ. Всеволодъ не настаивалъ, и тѣмъ подтвердилъ подозрѣніе, что хотѣлъ продолженія безпокойствъ на югѣ, не хотѣлъ окончательнаго усиленія здѣсь Ростиславичей. Помирившись съ Ярославомъ, онъ послалъ сказать Рюрику: «Я помирился съ Ярославомъ; онъ цѣловалъ крестъ, что не будетъ искать Кіева подъ тобою, а Смоленска подъ братомъ твоимъ.» Рюрикъ сильно разсердился, и послалъ ему такой отвѣтъ: «Сватъ! ты клялся, что кто мнѣ врагъ, тотъ и тебѣ врагъ; просилъ ты у меня части въ Русской землѣ, и я далъ тебѣ волость лучшую, не отъ изобилья, но отнявши у братьи своей и у зятя своего Романа, Романъ послѣ этого сталъ моимъ врагомъ не изъ за кого другаго, какъ только изъ за тебя; ты обѣщалъ сѣсть на коня и помочь мнѣ, но перевелъ все лѣто и зиму, а теперь и сѣлъ на коня, но какъ помогъ? Самъ помирился, заключилъ договоръ, какой хотѣлъ, а мое дѣло съ Романомъ оставилъ на волю Ярославову, Ярославъ будетъ насъ съ нимъ рядить? А изъ за кого же все дѣло-то стало? для чего я тебя и на коня-то посадилъ? Отъ Ольговичей мнѣ какая обида была? они подо мною Кіева не искали; для твоего добра я былъ съ ними недобръ, и воевалъ, и волость свою пожегъ; ничего ты не исполнилъ, о чемъ уговаривался, на чемъ мнѣ крестъ цѣловалъ.» Въ сердцахъ Рюрикъ отнялъ у Всеволода всѣ города, которые прежде далъ, и роздалъ опять своей братьѣ. Всеволодъ, повидимому, оставилъ это безъ вниманія, но уже разумѣется, не могъ послѣ этого желать добра Рюрику. На западномъ берегу Днѣпра Всеволодъ потерялъ волость, но на восточномъ продолжалъ держать въ своемъ племени Переяславль южный или Русскій: здѣсь по смерти Владиміра Глѣбовича сидѣлъ другой племянникъ Всеволодовъ, Ярославъ Мстиславичь, ходившій совершенно въ волѣ дяди: доказательствомъ служитъ то, что Переяславль даже и въ церковномъ отношеніи зависѣлъ отъ Всеволода: въ 1197 году онъ послалъ туда Епископа. Въ слѣдующемъ 1198 году умеръ Ярославъ Мстиславичь, и на его мѣсто Всеволодъ отправилъ въ Переяславль сына своего Ярослава (1201); Всеволодъ послалъ также (1194 г.) возобновить отцовскій Городокъ на Острѣ, разрушенный еще Изяславомъ Мстиславичемъ.

Не даромъ Рюрикъ такъ безпокоился на счетъ отношеній своихъ къ Волынскому Князю: скоро (1198) могущество послѣдняго удвоилось, потому что по смерти Владиміра Ярославича ему удалось опять, съ помощію Поляковъ, сѣсть на столѣ Галицкомъ, и на этотъ разъ уже утвердиться здѣсь окончательно. Лѣтопись ничего не говоритъ, почему черезъ три года послѣ этого (1202) Рюрикъ собрался идти на Романа. Очень естественно, что Кіевскому Князю не нравилось утвержденіе Романа въ Галичѣ; но почему же онъ такъ долго медлилъ походомъ на зятя[363]? Подъ 1197 годомъ лѣтопись говоритъ о смерти брата Романова, Давыда Смоленскаго, который, по обычаю, передалъ столъ свой племяннику отъ старшаго брата, Мстиславу Романовичу, а своего сына Константина отослалъ старшему брату Рюрику на руки. Въ 1198 г., умеръ Ярославъ Черниговскій, и его столъ, по тому же обычаю, занялъ двоюродный братъ его Игорь Святославичь Сѣверскій, знаменитый герой Слова о Полку; но скоро и онъ умеръ (1202), оставя Черниговскій столъ старшему племяннику Всеволоду Святославичу Чермному, внуку Всеволода Ольговича. Всѣ эти перемѣны и особенно, какъ видно, неувѣренность въ Ольговичахъ, могли мѣшать Рюрику вооружиться на Романа; но въ 1202 году онъ успѣлъ уговорить Всеволода Чермнаго Черниговскаго дѣйствовать съ нимъ за одно противъ Галицко-Волынскаго Князя; Ольговичи явились въ Кіевъ, какъ союзники тамошняго Князя, Мономаховича, чего давно уже не бывало; но Романъ предупредилъ враговъ, собралъ полки Галицкіе и Владимірскіе, и въѣхалъ въ Русскую землю; произошло любопытное явленіе, напомнившее время борьбы дѣда Романова, Изяслава съ дядею Юріемъ: или Рюрикъ не умѣлъ пріобрѣсть народнаго расположенія, или жива была память и привязанность къ дѣду и отцу Романову, или наконецъ Романъ успѣлъ переманить Черныхъ Клобуковъ на свою сторону обѣщаніями, или наконецъ всѣ эти причины дѣйствовали вмѣстѣ—Русь (Кіевская область) поднялась противъ Рюрика, все бросилось къ Роману: первые отъѣхали къ нему отъ Рюрика сыновья Владиміра Мстиславича, какъ видно, безземельные, подобно отцу[364], за ними пріѣхали всѣ Черные Клобуки, наконецъ явились отряды изъ жителей всѣхъ Кіевскихъ

городовъ; Романъ, видя это всеобщее движеніе въ свою пользу[365], со всѣми полками спѣшилъ къ Кіеву, Кіевляне отворили ему Подольскія ворота, и онъ занялъ Подолъ, тогда какъ Рюрикъ съ Ольговичами стояли въ верхней части города (на горѣ); видя все противъ себя, они, разумѣется, не могли болѣе держаться въ Кіевѣ, и вступили въ переговоры съ Романомъ: Рюрикъ отказался отъ Кіева и поѣхалъ въ Овручь, Ольговичи отправились за Днѣпръ въ Черниговъ, а Кіевъ отданъ былъ Великимъ Княземъ Всеволодомъ и Романомъ двоюродному брату послѣдняго, Ингварю Ярославичу Луцкому. Явленіе замѣчательное, бывшее необходимымъ слѣдствіемъ преобладанія сильнѣйшаго сѣвернаго Князя и вмѣстѣ старшаго въ родѣ, который пересталъ жить въ Кіевѣ: Всеволодъ, враждуя съ Рюрикомъ, не хочетъ поддерживать его противъ Романа, и, по уговору съ послѣднимъ, отдаетъ Кіевъ младшему изъ Мстиславичей, не имѣвшему никакого права даже предъ Романомъ, не только предъ Рюрикомъ. Самъ Романъ не могъ сѣсть въ Кіевѣ: очень вѣроятно, что и Всеволодъ не хотѣлъ позволить этого, не хотѣлъ допустить соединенія Кіевской, Владиміро-Волынской и Галицкой волостей въ рукахъ одного Князя и особенно въ рукахъ такого Князя, каковъ былъ Романъ; а съ другой стороны и самъ Романъ не искалъ чести сидѣть въ Кіевѣ: его присутствіе было необходимо въ новопріобрѣтенномъ Галичѣ.

Но Рюрикъ не хотѣлъ спокойно перенесть своего изгнанія и видѣть въ Кіевѣ племянника: въ слѣдующемъ 1203 году онъ опять соединился съ Ольговичами, нанялъ множество Половцевъ и взялъ съ ними Кіевъ. Какъ видно союзники, не имѣя чѣмъ заплатить варварамъ, обѣщали отдать имъ Кіевъ на разграбленіе; Рюрику нечего было жалѣть Кіевлянъ, которые отворили ворота Роману: и вотъ Половцы разсыпались по городу, пожгли не только Подолъ, но и Гору, ограбили Софійскій соборъ, Десятинную церковь и всѣ монастыри[366]; монаховъ и монахинь, священниковъ и женъ ихъ, старыхъ и увѣчныхъ перебили, а молодыхъ и здоровыхъ повели въ плѣнъ, также и остальныхъ Кіевлянъ; пощадили только иностранныхъ купцовъ, спрятавшихся по церквамъ: у нихъ взяли половину имѣнія и выпустили на свободу. Послѣ этого страшнаго опу-

стошенія Рюрикъ не хотѣлъ сѣсть въ Кіевѣ: или не хотѣлъ онъ княжить въ пожженномъ, ограбленномъ и пустомъ городѣ, ждалъ времени, пока онъ оправится, или боялся опять прихода Романова; какъ бы то ни было, онъ уѣхалъ назадъ въ Овручь, гдѣ скоро былъ осажденъ Романомъ, пришедшимъ, по выраженію лѣтописца, отвести его отъ Ольговичей и отъ Половцевъ; Рюрикъ принужденъ былъ цѣловать крестъ Великому Князю Всеволоду и дѣтямъ его, т. е. отказался отъ старшинства въ родѣ и по смерти Всеволода, обѣщался снова быть въ волѣ Великаго Князя Суздальскаго и дѣтей его, послѣ чего Романъ сказалъ ему: «Ты уже крестъ цѣловалъ, такъ отправь посла къ свату своему, а я пошлю своего боярина къ отцу и господину Великому Князю Всеволоду, и ты проси, и я буду просить, чтобъ далъ тебѣ опять Кіевъ.» Всеволодъ согласился, и Рюрикъ опять сталъ княжить въ Кіевѣ; Всеволодъ помирился и съ Ольговичами, также по просьбѣ Романа.

Изъ всѣхъ этихъ извѣстій видно, что Романъ дѣйствительно хотѣлъ мира на Руси, вѣроятно для того, чтобъ свободнѣе управляться въ Галичѣ и дѣйствовать противъ враговъ внѣшнихъ; но его желаніе не исполнилось. Возвратившись въ 1203 году изъ похода противъ Половцевъ, Князья Романъ и Рюрикъ съ сыновьями остановились въ Треполѣ и начали толковать о распредѣленіи волостей, подняли споръ и дѣло кончилось тѣмъ, что Романъ схватилъ Рюрика, отослалъ въ Кіевъ и тамъ велѣлъ постричь въ монахи вмѣстѣ съ женою и дочерью, своею женою, съ которою развелся, а сыновей Рюриковыхъ — Ростислава и Владиміра взялъ съ собою въ Галичь; кого оставилъ въ Кіевѣ, дошедшія до насъ лѣтописи не говорятъ[367]. Но Всеволодъ Суздальскій не могъ смотрѣть на это спокойно: онъ отправилъ пословъ своихъ къ Роману, и тотъ принужденъ былъ отпустить сыновей Рюриковыхъ, и старшему изъ нихъ Ростиславу, зятю Всеволодову, отдать Кіевъ. Рюрикъ однако недолго оставался въ монастырѣ. Мы видѣли тѣсную связь Романа съ Князьями Польскими, Казимиромъ Справедливымъ и сыновьями его, видѣли, какъ онъ помогалъ послѣднимъ въ борьбѣ съ дядею ихъ Мечиславомъ, и какъ они въ свою очередь, помогли ему овладѣть Галичемъ по смерти Владиміра Ярославича. Не смотря на неудачу Романа въ

битвѣ съ Мечиславомъ, послѣднему не удалось овладѣть старшинствомъ и Краковымъ; но не успѣвши достигнуть своей цѣли оружіемъ, онъ прибѣгнулъ къ переговорамъ, убѣжденіямъ, и успѣлъ наконецъ склонить вдову Казимира и сына ея Лешка къ уступкѣ ему старшинства: имъ показалось выгоднѣе отказаться на время отъ Кракова, и потомъ получить его по праву родоваго Княжескаго преемства, чѣмъ владѣть имъ по милости вельможъ и въ зависимости отъ послѣднихъ. Вторично получилъ Мечиславъ старшинство и Краковъ, и вторично былъ изгнанъ; вторично успѣлъ обольстить вдову Казимирову и ея сына обѣщаніями, въ третій разъ занялъ Краковъ, и удержался въ немъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1202 году. Смертію Мечислава Стараго пресѣклось первое поколѣніе Болеславичей. Краковскіе вельможи, опять мимо старшихъ двоюродныхъ братьевъ, отправили пословъ къ Лешку Казимировичу звать его на старшій столъ, но съ условіемъ, чтобъ онъ отдалилъ отъ себя Сендомирскаго Палатина Говорека, имѣвшаго на него сильное вліяніе; Краковскіе вельможи слѣдовательно хотѣли отвратить отъ себя ту невыгоду, которую терпѣли Русскіе бояре отъ княжескихъ перемѣщеній изъ одной волости въ другую, при чемъ новые бояре заѣзжали старыхъ; здѣсь же видимъ и начало условій, предлагаемыхъ Польскими вельможами Князьямъ ихъ; но легко понять, что при такомъ значеніи вельможъ родовые счеты княжескіе не могли продолжаться въ Польшѣ. Лешко, который прежде уступилъ старшинство дядѣ для того, чтобъ избавиться зависимости отъ вельможъ (особенно самаго могущественнаго изъ нихъ, извѣстнаго уже намъ Палатина Краковскаго Николая), и теперь не хотѣлъ для Кракова согласиться на условіе, предложенное вельможами: онъ отвѣчалъ посламъ, что пусть вельможи выбираютъ себѣ другаго Князя, который способенъ будетъ согласиться на ихъ условія. Тогда вельможи обратились къ Князю, имѣвшему болѣе права на старшинство, чѣмъ Лешко, именно къ Владиславу Ласконогому, сыну Мечиславову, и провозгласили его Великимъ Княземъ; но Владиславъ скоро вооружилъ противъ себя прелатовъ, которые, вмѣстѣ съ вельможами, изгнали его изъ Кракова и перезвали на его мѣсто опять Лешка Казимировича, на этотъ разъ, какъ ви-

дно, безъ условій, вѣроятно потому, что Палатина Николая не было болѣе въ живыхъ. Обязанный старшинствомъ преимущественно старанію прелатовъ, и, вѣроятно, желая найти въ духовенствѣ опору противъ вліянія вельможъ, Лешко, немедленно послѣ занятія Краковскаго стола, предалъ себя и свои земли въ покровительство св. Петра, обязавшись платить въ Римъ ежегодную подать. Духовенство поспѣшило отблагодарить своего доброжелателя: уже давно оно смотрѣло враждебно на родовыя отношенія и счеты между Князьями; уже по смерти Казимира Справедливаго епископъ Краковскій Фулконъ защищалъ порядокъ преемства отъ отца къ сыну противъ родоваго старшинства, и успѣлъ утвердить Краковъ за сыномъ Казимировымъ: теперь же, когда Лешко отдалъ себя и потомство свое въ покровительство св. Петра, церковь Римская торжественно утвердила его наслѣдственнымъ Княземъ Кракова съ правомъ передать этотъ столъ послѣ себя старшему сыну своему. Такъ родовыя отношенія Княжескія встрѣтили въ Польшѣ два могущественныя начала — власть вельможъ и власть духовенства, предъ которыми и должны были поникнуть.

Романъ Волынскій, постоянный союзникъ Лешка, продолжалъ враждовать и съ Мечиславомъ и съ сыномъ его, Владиславомъ Ласконогимъ; но когда Лешко утвердился въ Краковѣ, то Романъ потребовалъ отъ него волости въ награду за прежнюю дружбу; Лешко не согласился, при томъ же, по словамъ лѣтописца, Владиславъ Ласконогій много содѣйствовалъ ссорѣ Лешка съ Романомъ[368], въ слѣдствіе чего Галицкій Князь осадилъ Люблинъ; потомъ услыхавъ, что Лешко съ братомъ Кондратомъ идутъ противъ него, оставилъ осаду и двинулся къ нимъ на встрѣчу: перейдя Вислу, онъ расположился станомъ подъ городомъ Завихвостомъ, куда прибыли къ нему послы отъ Лешка и завязали переговоры; положено было прекратить военныя дѣйствія до окончанія послѣднихъ, и Романъ, понадѣявшись на это, съ малою дружиною отъѣхалъ отъ стана на охоту; но тутъ въ засадѣ ждалъ его Польскій отрядъ, и Романъ, послѣ мужественнаго сопротивленія, легъ на мѣстѣ съ дружиною (1205 г.). Такъ погибъ знаменитый внукъ Изяслава Мстиславича; предпріимчивостію, отвагою будучи похожъ на отца и

дѣда, получивши чрезъ пріобрѣтеніе Галича и большія матеріальныя средства, находясь въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ пограничными иностранными государствами, гдѣ въ это время родовыя отношенія княжескія смѣнились государственными, Романъ, необходимо подчиняясь вліянію того порядка вещей, который господствовалъ въ ближайшихъ западныхъ странахъ, могъ, повидимому, явиться проводникомъ этихъ новыхъ понятій для южной Руси[369], содѣйствовать въ ней смѣнѣ родовыхъ княжескихъ отношеній государственными и могъ, подобно отцу и дѣду, вступить въ борьбу съ сѣверными Князьями, въ борьбу, которая однако должна была носить уже новый характеръ, еслибъ и Романъ сталъ стремиться къ самовластію на югѣ, точно также какъ стремились къ нему Юрьевичи на сѣверѣ. Но это сходство положенія Романа съ положеніемъ сѣверныхъ Князей есть сходство обманчивое, потому что почва югозападной Руси, преимущественно почва Галицкаго княжества вовсе не заключала въ себѣ тѣхъ условій крѣпкаго государственнаго быта, которыя существовали на сѣверѣ, и которыми воспользовались тамошніе Князья для собранія Русской земли, для утвержденія въ ней единства и наряда. Мы видѣли, какою силою пользовались бояре въ Галичѣ, силою, предъ которою никло значеніе Князя; легко понять, что Князь съ такимъ характеромъ, какъ Романъ, скоро долженъ былъ враждебно столкнуться съ этою силою; «Не передавивши пчелъ, меду не ѣсть,» говорилъ онъ, и вотъ лучшіе бояре погибли отъ него, какъ говорятъ, въ страшныхъ мукахъ; другіе разбѣжались; Романъ возвратилъ ихъ обѣщаніемъ всякихъ милостей, но скоро, подъ разными предлогами, подвергъ ихъ той же участи[370].—Оставя по себѣ такую кровавую память въ Галичѣ, въ остальной Руси Романъ слылъ грознымъ бичемъ окрестныхъ варваровъ, Половцевъ, Литвы, Ятвяговъ, добрымъ подвижникомъ за Русскую землю, достойнымъ наслѣдникомъ прадѣда своего Мономаха: «онъ стремился на поганыхъ, какъ левъ, говоритъ народное поэтическое преданіе: сердитъ былъ, какъ рысь, губилъ ихъ какъ крокодилъ, перелеталъ земли ихъ, какъ орелъ и храбръ онъ былъ какъ туръ, ревновалъ дѣду своему, Мономаху.» Мы видѣли, что одною изъ главныхъ сторонъ дѣятельности Князей

нашихъ было построеніе городовъ, населеніе пустынныхъ пространствъ: Романъ заставлялъ побѣжденныхъ Литовцевъ расчищать лѣса подъ пашню; но тщетенъ казался для современниковъ трудъ Романа отучить дикарей отъ грабежа, пріучить къ мирнымъ, земледѣльческимъ занятіямъ, и вотъ осталась поговорка: «Романъ! Романъ! худымъ живешь, Литвою орешь[371].»

Какъ видно, Романъ не успѣлъ передавить всѣхъ пчелъ, и дѣти его долго не могли спокойно ѣсть меда. У него отъ втораго брака осталось двое сыновей, Даніилъ четырехъ лѣтъ и Василько двухъ. Но кромѣ бояръ Галицкихъ, Романъ оставилъ другихъ враговъ своимъ дѣтямъ: Рюрикъ, какъ только узналъ о смерти Романа, такъ тотчасъ же скинулъ монашескую рясу и объявилъ себя Княземъ Кіевскимъ вмѣсто сына; онъ хотѣлъ было разстричь и жену; но та не согласилась и постриглась въ схиму. Ольговичи также поднялись, явились съ полками у Днѣпра; Рюрикъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, и уговорились всѣмъ вмѣстѣ идти на Галичь, отнимать наслѣдство у сыновей Романовыхъ. На рѣкѣ Серетѣ[372] встрѣтили союзники Галицкое и Владимиро-Волынское войско, бились съ нимъ цѣлый день и принудили отступить къ Галичу; но они не могли ничего сдѣлать этому городу, и возвратились домой безо всякаго успѣха. Причиною неудачи было то, что въ Галичѣ находился сильный Венгерскій гарнизонъ, изъ страха передъ которымъ Галичане не смѣли передаться непріятелямъ Романовичей. Въ Венгріи въ это время Королемъ былъ сынъ Белы III-го, Андрей II-й, который нѣкоторое время княжилъ въ Галичѣ; Андрей по смерти отца велъ постоянную борьбу съ старшимъ братомъ своимъ, Королемъ Емерихомъ, и потомъ съ сыномъ послѣдняго, малолѣтнымъ Владиславомъ III-мъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній не умеръ и не очистилъ для него престола. Какъ видно изъ лѣтописи, Андрей во время этой борьбы не только не предъявлялъ своихъ притязаній на Галичь, но даже находился въ тѣсномъ союзѣ съ Романомъ: они поклялись другъ другу, что кто изъ нихъ переживетъ другаго, тотъ будетъ заботиться о семействѣ послѣдняго. Андрей вступилъ на королевскій престолъ въ годъ смерти Романовой, и долженъ былъ исполнить свою обязанность относительно семейства послѣдняго; въ Санокѣ онъ имѣлъ сви-

daніе со вдовствующей Княгиней Галицкой, принялъ Данiила, какъ милаго сына, по выраженiю лѣтописца, и послалъ пятерыхъ вельможъ съ сильнымъ войскомъ, которое и спасло Галичь отъ Рюрика и его союзниковъ.

Но опасности и бѣды для сыновей Романовыхъ только еще начинались. Въ слѣдующемъ 1206 году всѣ Ольговичи собрались въ Черниговъ на сеймъ—Всеволодъ Святославичь Чермный съ своею братьею, и Владимiръ Игоревичь Сѣверскiй съ своею братьею; къ нимъ пришелъ Смоленскiй Князь Мстиславъ Романовичь съ племянниками, пришло множество Половцевъ, и всѣ двинулись за Днѣпръ; въ Кiевѣ соединился съ ними Рюрикъ съ двумя сыновьями—Ростиславомъ и Владимiромъ и племянниками, Берендѣи, и пошли къ Галичу, а съ другой стороны шелъ тудаже Лешко Польскiй. Галицкая княгиня съ приверженными къ ней людьми, слыша новую сильную рать, идущую со всѣхъ сторонъ, испугалась, и послала просить помощи у Венгерскаго Короля; Андрей поднялся самъ со всѣми своими полками. Но вдова Романова съ дѣтьми не могла дожидаться прихода королевскаго: около нихъ всталъ сильный мятежъ, который принудилъ ихъ бѣжать въ старинную отцовскую волость Романову—Владимiръ Волынскiй. Галичане остались безъ Князя, а между тѣмъ Король перешелъ Карпаты, съ двухъ другихъ сторонъ приближались Русскiе Князья и Поляки; но тѣ и другiе остановились, услыхавъ о приходѣ королевскомъ, Андрей также остановился, боясь столкнуться вдругъ съ двумя непрiятельскими войсками. Внутреннiя смуты, возбуждаемыя поведенiемъ Королевы Гертруды и братьевъ ея, отзывали Андрея домой: онъ спѣшилъ вступить въ мирные переговоры съ Лешкомъ Польскимъ, уговорился съ Галичанами, чтобъ они приняли къ себѣ въ Князья Ярослава, Князя Переяславскаго, сына Великаго Князя Всеволода Суздальскаго, и отправился назадъ въ Венгрiю; Русскiе Князья еще прежде двинулись назадъ; но Галичане, ожидая двѣ недѣли прiѣзда Ярославова, и боясь, чтобъ Ольговичи, узнавъ объ отступленiи Короля, не возвратились къ ихъ городу, рѣшились послать тайно къ Владимiру Игоревичу Сѣверскому, звать его къ себѣ въ Князья: этому рѣшенiю ихъ много содѣйствовали два боярина, которые, будучи изгнаны

Романомъ, проживали въ Сѣверской области, а теперь возвратились, и расхваливали Игоревичей. Владиміръ Игоревичь, съ братомъ Романомъ, получивъ приглашеніе, въ ночь, украдкою отъ остальныхъ Князей, поскакали въ Галичь, Владиміръ сѣлъ здѣсь, а Романъ въ Звѣнигородѣ; Ярославъ Всеволодовичь также былъ на дорогѣ въ Галичь, но опоздалъ тремя днями, и узнавъ, что Игоревичь уже принятъ Галичанами, возвратился назадъ въ Переяславль.

Но ни Игоревичи, ни Галицкіе бояре, затѣявшіе мятежъ противъ сыновей Романовыхъ, не хотѣли успокоиться до тѣхъ поръ, пока послѣдніе были живы и на свободѣ въ своей отчинѣ, Владимирѣ Волынскомъ: сюда явился священникъ, посолъ отъ Галицкаго Князя, и объявилъ гражданамъ отъ имени послѣдняго: «Не останется въ вашемъ городѣ камня на камнѣ, если не выдадите мнѣ Романовичей и не примете къ себѣ княжить брата моего Святослава.» Разсерженные Владимирцы хотѣли было убить священника; но трое какихъ-то людей уговорили ихъ, что негодится убивать посла. Эти трое людей[373] дѣйствовали впрочемъ не изъ уваженія къ званію посла, а потому что благопріятствовали Галицкому Князю. Когда на другой день Княгиня узнала, что пріѣзжалъ посолъ изъ Галича, и что во Владимирѣ есть люди, которые стоятъ за Игоревичей, то начала совѣтоваться съ дядькою сына своего, Міроставомъ: тотъ говорилъ, что дѣлать нечего, надобно скорѣе бѣжать изъ города. Ночью, въ проломъ городской стѣны вышла жена Романа Великаго вчетверомъ съ дядькою Мірославомъ, священникомъ и кормилицею, которые несли маленькихъ Князей Даніила и Василька; бѣглецы не знали, куда имъ идти? со всѣхъ сторонъ враги; рѣшились бѣжать въ Польшу къ Лешку, хотя и отъ этого не могли ожидать хорошаго пріема: Романъ былъ убитъ на войнѣ съ нимъ, послѣ чего миръ еще не былъ заключенъ. Къ счастію въ Лешкѣ жалость пересилила вражду: онъ съ честію принялъ бѣглецовъ, говоря: «не знаю, какъ это случилось, самъ дьяволъ поссорилъ насъ съ Романомъ.» Онъ отправилъ малютку Даніила въ Венгрію и съ нимъ посла своего сказать Королю: «Я позабылъ свою ссору съ Романомъ, а тебѣ онъ былъ другъ, вы клялись другъ другу, что кто изъ васъ

останется въ живыхъ, тотъ будетъ заботиться о семействѣ умершаго; теперь Романовичи изгнаны отовсюду: пойдемъ, возвратимъ имъ отчину ихъ.» Андрей сначала принялъ было къ сердцу предложеніе Лешка, но потомъ, когда Галицкій Князь Владиміръ прислалъ богатые дары имъ обоимъ, то усердіе ихъ къ Романовой семьѣ охладѣло, и когда Игоревичи перессорились другъ съ другомъ, то одинъ изъ нихъ Романъ, пріѣхавши въ Венгрію, успѣлъ убѣдить Андрея дать ему войско на помощь, и съ этимъ войскомъ выгналъ изъ Галича брата Владиміра, который принужденъ былъ бѣжать назадъ въ свою волость, въ Путивль[374]. Въ слѣдующемъ (1207) году Польскіе Князья, Лешко и братъ его Кондратъ двинулись наконецъ на Владиміръ, гдѣ послѣ бѣгства сыновей Романовыхъ княжилъ третій Игоревичь Святославъ; но и тутъ Лешко шелъ на Владиміръ не для того, чтобъ возвратить этотъ городъ Романовичамъ, онъ хотѣлъ посадить тамъ своего дядю по матери, роднаго племянника Романова, Александра Всеволодовича Бельзскаго. Жители Владиміра отворили ворота передъ Александромъ: «вѣдь это племянникъ Романа», говорили они. Но союзники Александра, Поляки, не смотря на то, что вошли въ городъ безпрепятственно, ограбили его, стали было уже отбивать двери и у соборной Богородичной церкви, какъ по просьбѣ Александровой, пріѣхали Лешко съ братомъ и отогнали ихъ. Владимірцы сильно жаловались на Поляковъ: «Мы повѣрили ихъ клятвѣ, говорили они: вѣдь если бъ съ ними не было Александра, то мы не дали бъ имъ перейти и Бугъ.» Святослава Игоревича взяли въ плѣнъ и отвели въ Польшу; на его мѣсто Польскіе Князья посадили сперва Александра, но потомъ передумали: старшимъ во всемъ племени Изяслава Мстиславича былъ Ингварь Ярославичь Луцкій, которато мы видѣли въ Кіевѣ, его-то посадили теперь во Владимірѣ; но и здѣсь онъ сидѣлъ не долго: бояре не полюбили его, и, съ согласія Лешка, Александръ опять пріѣхалъ княжить во Владиміръ, а Ингварь отправился назадъ въ свой Луцкъ; младшій братъ его Мстиславъ, прозвищемъ Нѣмой, княжилъ въ Пересопницѣ; малолѣтному Васильку Романовичу Лешко отдалъ Брестъ, по просьбѣ тамошнихъ гражданъ, которые съ радостію приняли

малютку, видя въ немъ какъ бы живаго Романа; послѣ мать Василька прислала къ Лешку съ новою просьбою: «Александръ, говорила княгиня, держитъ всю нашу землю и отчину, а сынъ мой сидитъ въ одномъ Брестѣ.» Лешко велѣлъ Александру отдать Бельзъ Романовичу[375], а братъ Александра Всеволодъ сѣлъ въ Червнѣ. Такимъ образомъ смерть сильнаго Романа дала Польскому Князю возможность распоряжаться Волынскими волостями.

Между тѣмъ въ Галичѣ продолжали происходить безпокойства; Кіевскій Князь Рюрикъ, по соглашенію съ Венгерскимъ Королемъ, отправилъ въ Галичь сына своего Ростислава; Галичане приняли его съ честію, выгнали Романа, но потомъ скоро выгнали Ростислава и опять приняли Романа[376]; это побудило Короля Андрея покончить съ Галичемъ, присоединить его къ своимъ владѣніямъ. Онъ послалъ на Романа Игоревича Палатика Бенедикта Бора, который схватилъ Романа въ банѣ, сталъ именемъ королевскимъ самъ управлять въ Галичѣ, и управлялъ такъ, что его прозвали Антихристомъ: мучилъ и бояръ и простыхъ гражданъ, сладострастію своему не зналъ предѣловъ, безчестилъ женъ, монахинь, попадей. Угнетенные Галичане послали звать къ себѣ на помощь Мстислава Ярославича, Князя Пересопницкаго; тотъ пріѣхалъ, но не нашелъ еще Галичанъ готовыми къ возстанію, или, что всего вѣроятнѣе, дружина, приведенная Мстиславомъ, была, по мнѣнію Галичанъ, слишкомъ слаба для того, чтобъ съ нею можно было возстать противъ Венгровъ, и одинъ изъ главныхъ бояръ, Илья Щепановичь, взведши Мстислава на Галичину могилу, сказалъ ему въ насмѣшку: «Князь! ты на Галичинѣ могилѣ посидѣлъ, такъ все равно, что княжилъ въ Галичѣ.» Осмѣянный Мстиславъ отправился назадъ въ Пересопницу. Тогда Галичане обратились опять къ Игоревичамъ Сѣверскимъ, послали сказать Владиміру и Роману, которому удалось между тѣмъ уйти изъ Венгерскаго плѣна: «Виноваты мы передъ вами; избавьте насъ отъ этого томителя Бенедикта.» Игоревичи явились на зовъ съ сильною ратью, заставили Бенедикта бѣжать въ Венгрію, и усѣлись опять въ Галицкомъ княжествѣ: Владиміръ въ самомъ Галичѣ, Романъ въ Звѣнигородѣ, Святославъ въ Перемышлѣ; сыну сво-

ему Изяславу Владиміръ далъ Теребовль, а другаго Всеволода отправилъ въ Венгрію задаривать Короля, чтобъ тотъ оставилъ ихъ спокойно княжить за Карпатами.

Отъ Венгерскаго Короля можно было избавиться дарами; притомъ же у него было много дѣла внутри своего государства, но чѣмъ было Игоревичамъ избавиться отъ бояръ Галицкихъ, которые не давали имъ покоя своими крамолами? Игоревичи рѣшились дѣйствовать по примѣру Романа, рѣшились передавить пчелъ, чтобы ѣсть спокойно медъ, и вотъ, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, они велѣли бить Галицкую дружину; 500 человѣкъ изъ нея погибло, въ томъ числѣ двое знатнѣйшихъ бояръ, Юрій Витановичь и Илья Щепановичь; но другіе разбѣжались; между ними Владиславъ, которому преимущественно Игоревичи были обязаны Галицкою волостью, и двое другихъ, Судиславъ и Филиппъ отправились въ Венгрію. Они стали просить Короля Андрея: «Дай намъ отчича нашего Даніила, мы пойдемъ съ нимъ и отнимемъ Галичь у Игоревичей.» Король согласился, послалъ изгнанныхъ бояръ и съ ними молодаго Даніила въ Галичь, давши ему сильное войско подъ начальствомъ осьми воеводъ. Владиславъ пришелъ прежде всего къ Перемышлю, и послалъ сказать тамошнимъ жителямъ: «Братья! что вы колеблетесь? не Игоревичи ли перебили отцовъ вашихъ и братьевъ, имѣніе ваше разграбили, дочерей вашихъ отдали за рабовъ вашихъ, наслѣдствомъ вашимъ завладѣли пришельцы? такъ неужели вы теперь хотите положить за нихъ свои души!» Слова эти подѣйствовали на Перемышльцевъ: они схватили Князя своего, Святослава Игоревича и сдали городъ на имя Даніилово. Оттуда бояре съ Венграми пошли къ Звѣнигороду, но Звѣнигородцы были за Игоревичей, и стали сильно отбиваться отъ осаждающихъ, не смотря на то, что на помощь къ послѣднимъ пришли полки изъ Бельза отъ Василька Романовича, изъ Польши отъ Лешка, пришли Волынскіе Князья— Мстиславъ Нѣмой изъ Пересопницы, Александръ съ братомъ изъ Владимира, Луцкій Князь Ингварь также прислалъ свои полки. На помощь къ Роману Игоревичу Звѣнигородскому явились только Половцы, которыхъ привелъ племянникъ его Изяславъ Владиміровичь, и, не смотря на успѣхъ, который полу-

чили Половцы и Звенигородцы въ дѣлѣ съ Венграми, Романъ видѣлъ, что не можетъ долго держаться въ городѣ и бѣжалъ, но на дорогѣ былъ схваченъ и приведенъ въ станъ къ Даніилу и воеводамъ Венгерскимъ, которые тотчасъ же послали сказать Звенигородцамъ: «Сдавайтесь, Князь вашъ схваченъ.» Тѣ сначала было не повѣрили, но потомъ, узнавши, что Романъ дѣйствительно въ плѣну, сдали свой городъ. Отъ Звенигорода Даніилъ съ союзниками пошелъ къ Галичу; Владиміръ Игоревичь съ сыномъ, не дожидаясь непріятельскаго прихода, бѣжали, и Даніилъ безпрепятственно въѣхалъ въ Галичь, гдѣ всѣ бояре Владимирскіе и Галицкіе посадили его на отцовскій столъ въ соборной церкви Богородицы.

Но бояре не довольны были торжествомъ своимъ и хотѣли мести: въ рукахъ у Венгровъ были плѣнные Игоревичи; воеводы хотѣли вести ихъ къ Королю, но бояре Галицкіе, задаривши воеводъ, выпросили себѣ Игоревичей и повѣсили ихъ. Легко понять, что эти бояре посадили Даніила не для того, чтобъ усердно повиноваться малюткѣ; за послѣдняго хотѣла было управлять его мать, пріѣхавшая въ Галичь какъ скоро узнала объ успѣхѣ сына; но бояре немедленно же ее выгнали. Маленькій Даніилъ не хотѣлъ разставаться съ матерью, плакалъ, и когда Александръ, Шумавинскій Тіунъ хотѣлъ насильно отвести его коня, то Даніилъ выхватилъ мечь, чтобъ ударить Александра, но не попалъ, и ранилъ только его коня; мать поспѣшила вырвать у него изъ рукъ мечь, упросила успокоиться и остаться въ Галичѣ, а сама отправилась въ Бельзъ опять къ Васильку, и оттуда къ Королю въ Венгрію. Андрей принялъ ея сторону, призвалъ бояръ Владимирскихъ, Князя Ингваря Луцкаго и пошелъ въ Галичь, гдѣ, по изгнаніи княгини, всѣмъ управлялъ бояринъ Владиславъ съ двумя другими своими товарищами — Судиславомъ и Филиппомъ. Король велѣлъ схватить всѣхъ троихъ и подвергнуть тяжкому заключенію; Судиславъ успѣлъ деньгами откупиться отъ неволи, но Владиславъ принужденъ былъ слѣдовать за Королемъ въ Венгрію, гдѣ впрочемъ пробылъ не долго: двое братьевъ его, Яволдъ и Ярополкъ успѣли спастись бѣгствомъ въ Пересопницу, и убѣдили тамошняго Князя, Мстислава Нѣмаго пойти съ ними въ другой разъ на Галичь;

бояре, узнавши о вступленіи Мстислава въ ихъ землю, передались ему, и Даніилъ съ матерью опять принужденъ былъ бѣжать въ Венгрію, а братъ его Василько потерялъ Белзъ, который взялъ у него Лешко Польскій, чтобъ отдать опять Александру Всеволодовичу Владимирскому; Василько принужденъ былъ удалиться въ Каменецъ[377]. Но въ то время какъ братья Владиславовы такъ успѣшно хлопотали въ Пересопницѣ и Галичѣ, самъ Владиславъ дѣйствовалъ въ Венгріи у Короля Андрея: какъ видно изъ послѣдующаго лѣтописнаго разсказа, онъ убѣдилъ Андрея не давать Галича никому изъ Русскихъ Князей, а взять его себѣ, при чемъ обѣщалъ приготовить все въ Галичѣ къ новому порядку. Иначе трудно будетъ объяснить то извѣстіе, что Король, сбираясь идти на Галичь, отправилъ туда въ передовыхъ Владислава. Король однако не могъ слѣдовать за Владиславомъ: его задержали страшныя событія въ Венгріи, на которыя мы должны обратить вниманіе по однородности ихъ съ знаменитыми явленіями въ Галичѣ, не могшемъ загородиться Карпатами отъ Венгерскаго вліянія: поведеніе Галицкихъ бояръ объясняется поведеніемъ вельможъ Венгерскихъ. Во время усобицъ, предшествовавшихъ воцаренію Андрея, значеніе вельможъ такъ возрасло, что Андрей, вступая на престолъ, первый изъ Королей Венгерскихъ долженъ былъ клятвенно подтвердить права и преимущества высшаго сословія; но мы уже замѣтили, что при этомъ поведеніе Королевы Гертруды и ея братьевъ постоянно возбуждало неудовольствіе вельможъ, и наконецъ повело къ явному возстанію, когда одинъ изъ братьевъ Королевы Екбертъ, съ вѣдома сестры и даже въ ея комнатахъ, обезчестилъ жену извѣстнаго намъ Галицкаго антихриста, Палатина Бенедикта Бора. Бенедиктъ, не смотря на то, что самъ позволялъ себѣ подобные поступки въ Галичѣ, пылалъ местію къ виновникамъ своего позора, и составилъ заговоръ вмѣстѣ съ другими вельможами. Пользуясь выступленіемъ Андрея въ Галицкій походъ, заговорщики ворвались во дворецъ и изрубили Королеву въ куски, послѣ чего дворецъ былъ разграбленъ. Король долженъ былъ отложить походъ, чтобъ имѣть возможность управиться съ своими мятежниками; этимъ обстоятельствомъ воспользовался Владиславъ, въѣхалъ

съ торжествомъ въ Галичь, послѣ бѣгства оттуда Мстислава Пересопницкаго, вокняжился и сѣлъ на столѣ, по выраженію лѣтописца, признавая впрочемъ, какъ видно, верховную власть Венгерскаго Короля.

Между тѣмъ Даніилъ, видя страшную смуту въ Венгріи, удалился оттуда сперва въ Польшу, и, не получивъ отъ Лешка ничего кромѣ почетнаго пріема, поѣхалъ въ Каменецъ къ брату Васильку. На этотъ разъ началъ дѣло Мстиславъ Нѣмой Пересопницкій: онъ поднялъ Лешка въ походъ на Галичь; тотъ взялъ Даніила изъ Каменца, Александра изъ Владимира, брата его Всеволода изъ Бельза, и отправился противъ новаго Галицкаго Князя изъ бояръ. Владиславъ оставилъ братьевъ защищать Галичь, а самъ съ войскомъ, набраннымъ изъ Венгровъ и Чеховъ (какъ видно наемныхъ), вышелъ навстрѣчу къ непріятелю на рѣку Боброкъ. Союзникамъ удалось поразить Владислава, но неудалось взять Галича; они должны были удовольствоваться опустошеніемъ волости, и возвратились назадъ, послѣ чего Лешко велѣлъ Александру, Князю Владимирскому отдать Романовичамъ два города — Тихомль и Перемышль: здѣсь, говоритъ лѣтописецъ, стали княжить Даніилъ и Василько съ матерью, а на Владимиръ смотрѣли, говоря: «рано или поздо и Владимиръ будетъ нашъ.» Между тѣмъ Король Андрей, освободившись нѣсколько отъ внутреннихъ своихъ дѣлъ, выступилъ въ походъ на Лешка за опустошеніе Галицкой волости, которую онъ считалъ своею; Лешко не хотѣлъ войны съ Королемъ, и послалъ къ нему воеводу своего Пакослава съ предложеніемъ слѣдующей сдѣлки: «Не годится боярину княжить въ Галичѣ; но возьми лучше мою дочь за своего сына Коломана и посади его тамъ.» Андрей согласился, имѣлъ личное свиданіе съ Лешкомъ, свадьба устроилась, и молодой Коломанъ сталъ княжить въ Галичѣ, а бояринъ Владиславъ былъ схваченъ и умеръ въ заточеніи, надѣлавъ много зла дѣтямъ своимъ и всему племени, потому что ниодинъ Князь не хотѣлъ пріютить у себя сыновей боярина, который осмѣлился похитить княжеское достоинство. Кромѣ выгоднаго брака для своей дочери, Лешко получилъ отъ Короля изъ Галицкой волости Перемышль и Любачевъ; послѣдній городъ былъ отданъ

воеводѣ Пакославу, который умѣлъ устроить этотъ выгодный союзъ. Пакословъ былъ пріятель молодымъ Романовичамъ и ихъ матери; по его совѣту Лешко послалъ сказать Александру Всеволодовичу: «Отдай Владимиръ Романовичамъ, а не дашь, такъ пойду на тебя вмѣстѣ съ ними.» Александръ не далъ волею, и потомъ принужденъ былъ отдать неволею.

Такимъ образомъ иноплеменники подѣлили между собою отчину Ростиславичей; Русскіе Князья одинъ за другимъ должны были оставить Галичь, или гибли въ немъ позорною смертію; остальные Князья на Руси сильно сердились на Галичанъ за безчестье, которое они нанесли роду ихъ, повѣсивши Игоревичей, но были безсильны отомстить имъ за это безчестье, потому что Мономаховичи съ Ольговичами продолжали свою обычную борьбу. Въ 1206 году, по возвращеніи изъ втораго похода подъ Галичь, Ольговичи, обрадовавшись тому, что успѣли занять его своими родичами, Игоревичами, рѣшились отнять у Мономаховичей старшинство и Кіевъ, Всеволодъ Святославичь Чермный сѣлъ въ Кіевѣ, надѣясь на свою силу, какъ говоритъ лѣтописецъ, и послалъ посадниковъ по Кіевскимъ городамъ; а Рюрикъ, видя свое безсиліе или, какъ выражается лѣтописецъ, непогодье, уѣхалъ въ свою прежнюю волость Овручь, сынъ его Ростиславъ въ Вышгородъ, а племянникъ Мстиславъ Романовичь въ Бѣлгородъ[378]. Отнявши Кіевъ у Мономаховичей, Ольговичи захотѣли отнять у нихъ и Переяславль, тѣмъ больше, что, какъ мы видѣли, Переяславскій Князь Ярославъ Всеволодовичь былъ соперникомъ Игоревичей по Галицкому столу, и вотъ Всеволодъ Чермный посылаетъ сказать Ярославу: «Ступай изъ Переяславля къ отцу въ Суздаль, а Галича не ищи подъ моею братьею; если же не пойдешь добромъ, такъ пойду на тебя ратью.» Ярославъ, не имѣя надежды получить отъ кого либо помощь, послалъ ко Всеволоду просить свободнаго пропуска на сѣверъ чрезъ Черниговскія владѣнія, и получилъ его, поцѣловавши крестъ Ольговичамъ на всей ихъ волѣ, а въ Переяславлѣ сѣлъ на его мѣсто сынъ Чермнаго. Но послѣдній самъ не долго сидѣлъ въ Кіевѣ: въ томъ же году Рюрикъ, соединясь съ сыновьями и племянниками своими, выгналъ Ольговичей изъ Кіева и изъ Переяславля, самъ сѣлъ въ Кіевѣ,

а сына своего Владиміра посадилъ въ Переяславлѣ; Чермный явился зимою съ братьею и съ Половцами добывать Кіева, стоялъ подъ нимъ три недѣли; но не могъ взять и ушелъ назадъ ни съ чѣмъ. Счастливѣе былъ онъ въ слѣдующемъ 1207 году: съ трехъ сторонъ пришли враги на Мономаховичей — изъ Чернигова Чермный съ братьею, изъ Турова Князь Святополкъ, изъ Галича Владиміръ Игоревичь; Рюрикъ, слыша, что идетъ на него отовсюду безчисленная рать, а помощи нѣтъ ни отъ кого, бѣжалъ изъ Кіева въ Овручь; Триполь, Бѣлгородъ, Торческъ были отняты у Мономаховичей, которые, по причинѣ голода, не могли выдерживать продолжительныхъ осадъ; Всеволодъ сѣлъ опять въ Кіевѣ, надѣлавъ много зла Русской землѣ чрезъ своихъ союзниковъ Половцевъ. Тогда поднялся было на него Всеволодъ Суздальскій: услыхавъ, что Ольговичи съ погаными воюютъ землю Русскую, онъ пожалѣлъ объ ней и сказалъ: «развѣ тѣмъ однимъ отчина Русская земля, а намъ уже не отчина? какъ меня съ ними Богъ управитъ, хочу пойти къ Чернигову.» Всеволодъ собралъ сильное войско, но дѣла Рязанскія помѣшали его походу на Черниговъ; когда Рязанскіе Князья были схвачены, то Рюрикъ, обрадовавшись успѣху Всеволода надъ союзниками Ольговичей, явился нечаянно у Кіева и выгналъ изъ него Чермнаго; тотъ напрасно послѣ старался получить обратно этотъ городъ силою, ему удалось овладѣть имъ только посредствомъ переговоровъ со Всеволодомъ: въ 1210 году Чермный и всѣ Ольговичи прислали въ Суздаль Митрополита Матѳея, прося мира и во всемъ покоряясь Всеволоду; послѣдній, получивши незадолго передъ тѣмъ непріятность отъ одного изъ Ростиславичей, Мстислава Мстиславича Удалаго въ Новгородѣ, не могъ быть очень расположенъ въ пользу этого племени, и потому согласился, чтобъ Всеволодъ Чермный, какъ старшій между пятиюродными братьями въ Ярославовомъ родѣ, сѣлъ въ Кіевѣ, а Рюрику отдалъ Черниговъ. Такимъ образомъ, когда на сѣверѣ обозначились ясно стремленія къ новому порядку вещей, въ южной Руси послѣ долгой борьбы старинныя представленія объ единствѣ рода Ярославова и ненаслѣдственности волостей въ одномъ племени, получаютъ полное торжество: мало того, что Ольговичь получаетъ Кіевъ, старшій по немъ Моно-

маховичь садится въ Черниговѣ, возобновляется слѣдовательно тотъ первоначальный порядокъ княжескихъ переходовъ по волостямъ, который былъ нарушенъ еще при Мономахѣ исключеніемъ Ольговичей изъ старшинства. Миръ Суздальскаго Князя съ Ольговичами былъ скрѣпленъ бракомъ сына Всеволодова Юрія на дочери Чермнаго.

Но въ то время, когда южная Русь оставалась такъ вѣрна своей старинѣ, которая не могла дать ей силы, возвратить утраченное значеніе, первенство, сѣверный Князь усиливалъ себя все болѣе и болѣе. Съ 1179 года Рязанскіе Князья Глѣбовичи находились въ волѣ Всеволодовой; въ 1186 году встала между ними опять усобица: старшіе братья — Романъ, Игорь и Владиміръ вооружились противъ младшихъ — Всеволода и Святослава, сидѣвшихъ въ Пронскѣ. Чтобъ легче раздѣлаться съ послѣдними, старшіе братья послали звать ихъ на общій съѣздъ, намѣреваясь тутъ схватить ихъ; младшіе узнали объ умыслѣ, и вмѣсто того, чтобъ ѣхать къ старшимъ, стали укрѣплять свой городъ, ожидая нападенія; ждали они не долго: старшіе явились съ большимъ войскомъ, и стали опустошать все около города. Тогда Всеволодъ Суздальскій послалъ сказать имъ: «Братья! что̀ это вы дѣлаете? удивительно ли, что поганые воевали насъ, вы вотъ теперь хотите и родныхъ братьевъ убить.» Но тѣ, вмѣсто послушанія, стали сердиться на Всеволода за его вмѣшательство, и еще больше поднимать вражду на братьевъ. Тогда младшіе Глѣбовичи послали просить Всеволода о помощи, и тотъ отправилъ къ нимъ сперва триста человѣкъ изъ Владимирской дружины, которые сѣли въ Пронскѣ и отбивались вмѣстѣ съ осажденными, а потомъ отправилъ еще другое войско, къ которому присоединились Князья Муромскіе. Слыша о приближеніи войска изъ Владимира, старшіе Глѣбовичи сняли осаду Пронска и побѣжали къ себѣ въ Рязань, а Всеволодъ Глѣбовичь поѣхалъ на встрѣчу къ полкамъ Великаго Всеволода; тѣ, узнавши отъ него, что осада Пронска снята, и имъ идти дальше не зачѣмъ, пошли назадъ во Владимиръ, куда поѣхалъ также и Глѣбовичь, чтобъ посовѣтоваться со Всеволодомъ, какъ быть имъ съ старшими братьями. Но въ это время Рязанскіе Князья, узнавши,

что Владимирское войско возвратилось, и что въ Пронскѣ одинъ Святославъ, пошли и осадили опять этотъ городъ, перехватили воду у жителей, а къ брату Святославу послали сказать: «Не мори себя голодомъ съ дружиною, и людей не мори, ступай лучше къ намъ; вѣдь ты намъ свой братъ, развѣ мы тебя съѣдимъ? только не приставай къ брату своему Всеволоду.» Святославъ объявилъ объ этомъ своимъ боярамъ, тѣ сказали: «Братъ твой ушелъ во Владимиръ, а тебя выдалъ, такъ что жъ тебѣ его дожидаться?» Святославъ послушался и отворилъ городъ. Братья отдали ему Пронскъ назадъ, но взяли жену, дѣтей, дружину Всеволода Глѣбовича, и повели въ Рязань; вмѣстѣ съ дружиною Всеволода Глѣбовича перевязали дружину великаго Всеволода, сидѣвшую въ Пронскѣ въ осадѣ. Всеволодъ Глѣбовичь, услыхавъ, что семья и дружина его взяты, а братъ Святославъ передался на сторону старшихъ, сталъ сначала сильно горевать, потомъ захватилъ Коломну и началъ изъ нея пустошить волости братьевъ, тѣ мстили ему тѣмъ же, и ненависть между ними разгаралась все больше и больше.

Всеволода Великаго также сильно раздосадовалъ поступокъ Святослава, который позволилъ братьямъ перевязать Владимирскую дружину; онъ послалъ сказать ему: «Отдай мнѣ мою дружину добромъ, какъ ты ее у меня взялъ; захотѣлъ помириться съ братьями, мирись, а людей моихъ зачѣмъ выдалъ? я къ тебѣ ихъ послалъ по твоей же просьбѣ, ты у меня ихъ челомъ выбилъ; когда ты былъ ратенъ, и они были ратны, когда ты помирился, и они стали мирны.» Глѣбовичи, услыхавъ, что Всеволодъ Великій хочетъ идти на нихъ, послали ему сказать: «Ты отецъ нашъ, ты господинъ, ты братъ; гдѣ твоя обида будетъ, то мы прежде тебя головы свои положимъ за тебя, а теперь не сердись на насъ; если мы воевали съ братомъ своимъ, то отъ того, что онъ насъ не слушается, а тебѣ кланяемся, и дружину твою отпускаемъ.» Всеволодъ не захотѣлъ мира, а когда Всеволодъ не хотѣлъ мира, то это значило, что война была очень выгодна и успѣхъ вѣренъ. Но въ слѣдующемъ году (1187) явился во Владимиръ Черниговскій епископъ Порфирій съ ходатайствомъ за Глѣбовичей, потому что Рязань принадлежала къ Черниговской епархіи; онъ уговорилъ Владимирскаго епископа Луку дѣйствовать съ нимъ

за одно, и оба вмѣстѣ стали просить Всеволода за Глѣбовичей: Всеволодъ послушался ихъ и послалъ Порфирія въ Рязань съ миромъ; вмѣстѣ съ епископомъ отправились послы Всеволодовы, и послы Князей Черниговскихъ; они повели и плѣнниковъ Рязанскихъ, отпущенныхъ Всеволодомъ въ знакъ своего расположенія къ миру. Но Порфирій, пришедши въ Рязань, повелъ дѣло не такъ, какъ хотѣлъ Всеволодъ и тайкомъ отъ его пословъ. Всеволодъ разсердился, хотѣлъ было послать въ погоню за Порфиріемъ, но потомъ раздумалъ; впрочемъ, оставя въ покоѣ Порфирія, онъ не хотѣлъ оставить въ покоѣ Глѣбовичей, и тѣмъ же годомъ выступилъ противъ нихъ въ походъ, взявши съ собою Князя Муромскаго и Всеволода Глѣбовича изъ Коломны; онъ переправился чрезъ Оку, и страшно опустошилъ Рязанскую волость[379]. Этимъ походомъ Всеволодъ, какъ видно, достигъ своей цѣли, потому что послѣ, во время войны съ Ольговичами, мы видимъ Рязанскихъ Князей въ его войскѣ, притомъ же Пронскъ былъ возвращенъ Всеволоду Глѣбовичу, который тамъ вскорѣ и умеръ. Но когда въ 1207 году Всеволодъ Великій собрался идти на Ольговичей къ Чернигову, и соединившись въ Москвѣ съ сыномъ своимъ, Константиномъ Новгородскимъ, дожидался здѣсь также и прихода Князей Рязанскихъ, то вдругъ пришла къ нему вѣсть, что послѣдніе обманываютъ его, сговорились съ Ольговичами, и идутъ къ нему для того, чтобъ послѣ удобнѣе предать его. Всѣ Рязанскіе дѣйствительно явились съ дружинами: ихъ было восемеро: Романъ и Святославъ Глѣбовичи, послѣдній съ двумя сыновьями, да племянники ихъ, сыновья умершихъ Игоря и Владиміра, двое Игоревичей — Ингварь и Юрій, и двое Владиміровичей — Глѣбъ и Олегъ. Всеволодъ принялъ ихъ всѣхъ радушно и позвалъ къ себѣ на обѣдъ; столъ былъ накрытъ въ двухъ шатрахъ: въ одномъ сѣли шестеро Рязанскихъ Князей, а въ другомъ Великій Князь Всеволодъ, и съ нимъ двое остальныхъ Рязанскихъ, именно Владиміровичи, Глѣбъ и Олегъ. Послѣдніе стали говорить Всеволоду: «Не вѣрь, Князь, братьямъ нашимъ: они сговорились на тебя съ Черниговскими[380].» Всеволодъ послалъ уличать Рязанскихъ Князей, Князя Давыда Муромскаго и бояриа своего Михаила Борисовича; обвиненные стали клясться, что и не думали ни-

чего подобнаго; Князь Давыдъ и бояринъ Михаилъ долго ходили изъ одного шатра въ другой, наконецъ въ шатеръ къ Рязанскимъ явились родичи ихъ — Глѣбъ и Олегъ и стали уличать ихъ; Всеволодъ, слыша, что истина обнаружилась наконецъ[381], велѣлъ схватить уличенныхъ Князей вмѣстѣ съ ихъ думцами, отвести во Владимиръ, а самъ на другой же день переправился черезъ Оку, и пошелъ къ Пронску, гдѣ сидѣлъ сынъ умершаго Всеволода Глѣбовича, Михаилъ; этотъ Князь, слыша, что дядья его схвачены, и Всеволодъ приближается съ войскомъ къ его городу, испугался и убѣжалъ къ тестю своему въ Черниговъ, — знакъ, что онъ былъ также на сторонѣ схваченныхъ Князей и на сторонѣ Черниговскаго Князя, своего тестя; иначе для чего было бы ему бояться Всеволода, всегда благосклоннаго къ отцу его?

Жители Пронска взяли къ себѣ третьяго Владиміровича, Изяслава, не бывшаго, какъ видно, за одно съ родными братьями, и затворились въ городѣ. Всеволодъ послалъ къ нимъ боярина Михаила Борисовича съ мирными предложеніями, но они не хотѣли объ нихъ слышать, лѣтописецъ называетъ отвѣтъ ихъ буйною рѣчью. Тогда Всеволодъ велѣлъ приступить къ городу со всѣхъ сторонъ и отнять воду у жителей; но тѣ не унывали, бились крѣпко изъ города и ночью крали воду; Всеволодъ велѣлъ стеречь и день и ночь, и разставилъ полки свои у всѣхъ воротъ: старшаго сына своего Константина съ Новгородцами и Бѣлозерцами поставилъ на горѣ у однихъ воротъ, Ярослава съ Переяславцами у другихъ, Давыда съ Муромцами у третьихъ, а самъ съ сыновьями Юріемъ и Владиміромъ и съ двумя Владиміровичами сталъ за рѣкою съ поля Половецкаго (степи). Проняне все не сдавались, и дѣлали частыя вылазки не для того впрочемъ, чтобъ биться съ осаждающими, но чтобъ достать воды, потому что помирали отъ жажды. Между тѣмъ у осаждающихъ стали выходить съѣстные припасы, и Всеволодъ отправилъ отрядъ войска подъ начальствомъ Олега Владиміровича на Оку, гдѣ стояли лодки его съ хлѣбомъ; на дорогѣ Олегъ узналъ, что двоюродный братъ его, третій Игоревичъ Романъ, оставленный дядьями въ Рязани, вышелъ изъ нея съ войскомъ и напалъ на Владимирскихъ лодочниковъ, стоявшихъ у Оль-

гова[382]; получивши эту вѣсть, Владиміровичь бросился на помощь къ лодочникамъ, Рязанцы оставили послѣднихъ и сразились съ новоприбывшимъ отрядомъ, но были побѣждены, ставши между двумя непріятелями, между полкомъ Олега и лодочниками. Олегъ возвратился къ войску съ побѣдою и хлѣбомъ: тогда Проняне послѣ трехнедѣльной осады принуждены были сдаться, Всеволодъ далъ имъ въ Князья Олега Владиміровича, а самъ пошелъ къ Рязани, сажая по всѣмъ городамъ своихъ посадниковъ, чѣмъ обнаруживалъ намѣреніе укрѣпить ихъ за собою. Онъ уже былъ въ двадцати верстахъ отъ старой Рязани, у села Добраго Сота, и хотѣлъ переправляться черезъ рѣку Проню, какъ явились къ нему Рязанскіе послы съ поклономъ, чтобъ не приходилъ къ ихъ городу; епископъ Рязанскій Арсеній также не разъ присылалъ къ нему говорить: «Князь Великій! не пренебреги мѣстами честными, не пожги церквей святыхъ, въ которыхъ жертва Богу и молитва приносится за тебя; а мы исполнимъ всю твою волю, чего только хочешь.» Всеволодъ склонился на ихъ просьбу и пошелъ назадъ черезъ Коломну во Владиміръ; воля Всеволода состояла въ томъ, чтобъ Рязанцы выдали ему всѣхъ остальныхъ Князей своихъ и съ княгинями; Рязанцы повиновались, и въ слѣдующемъ 1208 году пріѣхалъ къ нимъ княжить сынъ Всеволода Ярославъ. Рязанцы присягнули ему; но замышляя измѣну: стали хватать и ковать людей его, и нѣкоторыхъ уморили, засыпавши въ погребахъ. Тогда Всеволодъ пошелъ опять на Рязань, подъ которою былъ встрѣченъ сыномъ Ярославомъ; Рязанцы, по приказанію Всеволода, вышли за Оку на ряды, т. е. на судъ съ Княземъ своимъ Ярославомъ, но вмѣсто оправданія, прислали буйную рѣчь, по своему обычаю и непокорству, говоритъ лѣтописецъ; тогда Всеволодъ приказалъ захватить ихъ, потомъ послалъ войско въ городъ захватить ихъ женъ и дѣтей; городъ былъ зажженъ, а жители его расточены по разнымъ городамъ; такимъ же образомъ поступилъ онъ и съ Бѣлгородомъ, и пошелъ назадъ во Владиміръ, веди съ собою всѣхъ Рязанцевъ и епископа ихъ Арсенія. Прежній Князь Пронскій Михаилъ Всеволодовичь съ двоюроднымъ братомъ Изяславомъ Владиміровичемъ (выпущеннымъ, какъ видно, по сдачѣ Прон-

ска), приходили въ томъ же году воевать волости Всеволодовы около Москвы, но были побѣждены сыномъ Великаго Князя, Юріемъ, и спаслись только бѣгствомъ, потерявши всѣхъ своихъ людей[383].

Также грозенъ былъ Всеволодъ и другимъ сосѣднимъ Князьямъ, Смоленскимъ: подъ 1206 годомъ находимъ въ лѣтописи извѣстіе, что Смоленскій епископъ Михаилъ вмѣстѣ съ игуменомъ Отроча монастыря пріѣзжали во Владиміръ упрашивать Всеволода, чтобъ простилъ ихъ Князя Мстислава Романовича за союзъ съ Ольговичами[384]. Новгороду Великому при Всеволодѣ также начинала было грозить перемѣна въ его старомъ бытѣ. Мы оставили Новгородъ въ то время, когда вопреки волѣ Боголюбскаго и Ростиславичей, жители его приняли къ себѣ въ Князья сына Мстислава Изяславича, знаменитаго Романа, въ слѣдствіе чего должны были готовиться къ опасной борьбѣ съ могущественнымъ Княземъ Суздальскимъ. Въ 1169 году Даниславъ Лазутиничь, тотъ самый, который успѣлъ провести Романа въ Новгородъ, отправился на Сѣверную Двину за данью съ 400 человѣкъ дружины; Андрей послалъ семитысячный отрядъ войска перехватить его; но Даниславъ обратилъ въ бѣгство Суздальцевъ[385], убивши у нихъ 1300 человѣкъ, а своихъ потерявши только 15. Послѣ этого Лазутиничь отступилъ, какъ видно боясь идти дальше, но потомъ, спустя нѣсколько времени двинулся опять впередъ и благополучно взялъ всю дань, да еще на Суздальскихъ подданныхъ другую. Андрей однако недолго сносилъ торжество Новгородцевъ; выгнавши отца изъ Кіева, онъ послалъ сильную рать выгонять сына изъ Новгорода: это было зимою 1169 года; войско повели сынъ Андреевъ Мстиславъ, да воевода Борисъ Жирославичъ, была тутъ вся дружина и всѣ полки Ростовскіе и Суздальскіе; къ нимъ присоединились Князья Смоленскіе — Романъ и Мстиславъ Ростиславичи, потомъ Князья Рязанскіе и Муромскіе, войску, по свидѣтельству лѣтописца, и числа не было. Послѣ страшнаго опустошенія Новгородской волости оно подошло къ городу; но жители его затворились съ своимъ молодымъ Княземъ Романомъ и бились крѣпко; четыре приступа неудались; въ послѣдній изъ нихъ, продолжавшійся цѣлый день, Князь Мстиславъ[386] въѣхалъ было

уже въ ворота городскіе и убилъ нѣсколько человѣкъ, но былъ принужденъ возвратиться къ своимъ. Новгородцы и Романъ торжествовали побѣду, а между тѣмъ въ полкахъ у осаждающихъ обнаружился моръ на людяхъ и конскій падежъ. Рать Андреева должна была отступить ничего не сдѣлавши; и отступленіе это было гибельно по опустошенной странѣ; одни померли на дорогѣ, другіе кое какъ дошли пѣшкомъ до домовъ, много попалось въ плѣнъ къ Новгородцамъ, которые продавали по двѣ ногаты человѣка. Но опустошеніе, причиненное Андреевою ратью имѣло тяжкія слѣдствія и для Новгорода: въ немъ сдѣлался сильный голодъ, а хлѣба можно было только достать съ востока, изъ областей Андреевыхъ; притомъ же Мстиславъ Изяславичь умеръ, не было больше основанія держать его сына, и вотъ Новгородцы показали путь Роману, а сами послали къ Андрею за миромъ и за Княземъ. Къ нимъ явился княжить Рюрикъ Ростиславичь; неизвѣстно, какимъ образомъ Якунъ лишился посадничества: по всѣмъ вѣроятностямъ миръ съ Андреемъ и Ростиславичами условливалъ смѣну посадника, такъ сильно поддерживавшаго въ Новгородцахъ сопротивленіе Суздальскому Князю. Преемникомъ Якуна является Жирославъ; но Рюрикъ отнялъ посадничество и у этого, и далъ его Ивану Захарьичу, сыну прежняго посадника Захаріи, который былъ убитъ народомъ за приверженность къ брату Рюрикову Святославу; Рюрикъ не только отнялъ посадничество у Жирослава, но даже выгналъ его изъ города, и тотъ ушелъ къ Андрею въ Суздаль. Но въ тотъ же годъ самъ Рюрикъ ушелъ изъ Новгорода: братъ его Романъ, сѣвши въ Кіевѣ, далъ ему волость на Руси, и Новгородцы отправили къ Андрею пословъ просить другаго Князя; Андрей пока отпустилъ къ нимъ Жирослава посадничать съ своими боярами, а потомъ, въ слѣдующемъ году, прислалъ сына Юрія; но Жирославомъ, какъ видно, были недовольны въ Новгородѣ, и архіепископъ Илья отправился во Владимиръ къ Андрею, чтобъ уладить окончательно всѣ дѣла; слѣдствіемъ поѣздки было то, что посадничество опять отдали Ивану Захарьевичу.

Смерть Боголюбскаго повела снова къ перемѣнамъ въ Новгородѣ; сынъ его Юрій долженъ былъ уступить мѣсто сыну

Мстислава Ростиславича, призваннаго Ростовцами; но въ тотъ же годъ самъ Мстиславъ, разбитый дядею Михаиломъ и выгнанный изъ Ростова, смѣнилъ сына въ Новгородѣ. Въ томъ же 1175 году умеръ посадникъ Иванъ Захарьевичь; посадничество получилъ опять было Жирославъ, но въ концѣ года лишился его снова, и мѣсто его заступилъ Завидъ Неревиничь, сынъ того боярина Неревина, который былъ убитъ вмѣстѣ съ Захаріею. Только что успѣлъ Мстиславъ Ростиславичь жениться въ Новгородѣ на дочери стараго Якуна Мирославича, какъ былъ позванъ опять Ростовцами, опять былъ побѣжденъ и выгнанъ дядею Всеволодомъ, пришелъ назадъ въ Новгородъ, но здѣсь показали ему путь вмѣстѣ съ сыномъ, котораго, какъ видно, онъ вторично оставилъ вмѣсто себя, и взяли Князя изъ рукъ побѣдителя Всеволода, который прислалъ въ Новгородъ племянника своего Ярослава Мстиславича. Но Ростиславичь, по всѣмъ вѣроятностямъ, оставилъ по себѣ въ Новгородѣ сильную сторону, въ челѣ которой, разумѣется, долженъ былъ стоять тесть его Якунъ: въ слѣдующемъ же 1177 году онъ явился снова въ Новгородѣ, былъ посаженъ на столъ, брату его Ярополку дали Торжокъ, а Ярославу, прежнему Князю Волокъ-Ламскій—знакъ, что онъ отступилъ отъ Всеволода къ врагамъ его Ростиславичамъ. Легко понять, что Всеволодъ не могъ спокойно видѣть послѣднихъ Князьями въ сосѣднихъ волостяхъ Новгородскихъ; притомъ же не могъ онъ простить Новгородцамъ нарушеніе обѣщанія признавать его верховную власть и другаго обѣщанія придти къ нему на помощь въ войнѣ съ Глѣбомъ Рязанскимъ; въ 1178 году, когда Мстиславъ Ростиславичь умеръ и Новгородцы посадили себѣ Княземъ брата его Ярополка, Всеволодъ велѣлъ захватить по своей волости купцовъ Новгородскихъ; Новгородцы испугались и выгнали Ярополка, но Князю новыхъ городовъ мало было одной чести давать изъ своихъ рукъ Князей старому городу; онъ хотѣлъ какой-нибудь болѣе существенной пользы, и выступилъ въ походъ къ Торжку, жители котораго обѣщали давать ему дань; подойдя къ городу, Всеволодъ сначала не хотѣлъ было брать его приступомъ, дожидаясь исполненія обѣщаній; но дружина стала жаловаться и побуждать его къ приступу, говоря: «Мы не цѣло-

ваться съ ними пріѣхали, они, Князь, Богу лгутъ и тебѣ.» Войско бросилось къ городу и взяло его, жителей перевязали, городъ сожгли—за Новгородскую неправду, прибавляетъ лѣтописецъ, потому что Новгородцы на одномъ днѣ цѣлуютъ крестъ и нарушаютъ свою клятву. Отправивъ плѣнныхъ Новоторжанъ во Владимиръ, Всеволодъ пошелъ къ Волоку Ламскому; жители его успѣли выбѣжать, но Князь ихъ Ярославъ Мстиславичь былъ схваченъ и городъ сожженъ. Новгородцы между тѣмъ послали за ближайшимъ къ себѣ Княземъ, Романомъ Ростиславичемъ Смоленскимъ, который и пріѣхалъ къ нимъ, а Всеволодъ, довольный большою добычею, и, не желая, какъ видно, имѣть дѣла съ Ростиславичами южными, возвратился во Владимиръ.

Романъ недолго пожилъ въ Новгородѣ: въ слѣдующемъ же 1179 году онъ уѣхалъ назадъ въ Смоленскъ, и Новгородцы послали звать накняженіе брата его, Мстислава Ростиславича, знаменитаго своею борьбою съ Боголюбскимъ. Здѣсь начинается союзъ Новгорода съ двумя Мстиславами—отцемъ и сыномъ, самыми блестящими представителями старой, югозападной Руси, въ борьбѣ ея съ новою, сѣверовосточною. Союзъ этотъ былъ необходимъ по одинаковости стремленій: какъ Новгородъ, такъ и Мстиславы хотѣли поддержать старый порядокъ вещей противъ новаго, поддержать родовыя отношенія между Князьями и вмѣстѣ старый бытъ старыхъ городовъ. Сперва Мстиславъ не хотѣлъ было идти въ Новгородъ по общей Князьямъ этого племени привязанности къ югу, къ собственной Руси и по опасности, которая грозила тамъ Мономаховичамъ отъ Ольговичей: «Не могу выйти изъ своей отчины и разойтись съ братьями,» говоритъ Мстиславъ. Онъ всѣми силами старался, говоритъ лѣтописецъ, трудиться для отчины своей, всегда стремился онъ къ великимъ дѣламъ, думая думу съ мужами своими, желая быть вѣренъ своему происхожденію, своему значенію княжескому (хотя исполнити отечествіе свое). Но братья и дружина уговаривали его идти въ Новгородъ, они говорили ему: «Если зовутъ тебя съ честію, то ступай; развѣ тамъ не наша же отчина?» Мстиславъ пошелъ, но положилъ на умѣ: «Если Богъ дастъ мнѣ здоровье, то никакъ не могу забыть Русской земли.» Каковъ былъ характеръ этого Мстислава, представителя нашихъ

старыхъ Князей, какъ понималъ онъ обязанности своего званія, исполненіе отечествія своего, видно изъ того, что едва успѣлъ онъ придти въ Новгородъ, какъ началъ думать, куда бы пойти повоевать. Не задолго передъ тѣмъ, въ 1176 году, Чудь приходила на Псковскую землю, имѣла злую битву съ Псковичами, въ которой съ обѣихъ сторонъ легло много народу. И вотъ Мстиславъ вздумалъ пойти на Чудь; онъ созвалъ Новгородцевъ и сказалъ имъ: «Братья! поганые насъ обижаютъ; чтобы намъ, призвавши на помощь Бога и святую Богородицу, отомстить за себя и освободить землю Новгородскую отъ поганыхъ.» Люба была его рѣчь всѣмъ Новгородцамъ, и они отвѣчали ему: «Князь! если это Богу любо и тебѣ, то мы готовы.» Мстиславъ собралъ Новгородское войско, и сочтя его, нашелъ 20,000 человѣкъ; съ такими-то сильными полками вошелъ онъ въ Чудскую землю, пожегъ ее всю, набралъ въ плѣнъ челяди и скота, и возвратился домой съ побѣдою, славою и честью великою, по словамъ лѣтописца. Возвращаясь изъ Чудской земли, по дорогѣ заѣхалъ Мстиславъ во Псковъ, перехваталъ тамъ сотскихъ, которые не хотѣли имѣть Княземъ племянника его, Бориса Романовича, и, утвердившись съ людьми, пошелъ въ Новгородъ, гдѣ и провелъ зиму.

На весну онъ опять сталъ думать съ дружиною, куда бы еще пойти повоевать, и придумалъ пойти на зятя своего, Полоцкаго Князя Всеслава: слишкомъ лѣтъ сто тому назадъ ходилъ дѣдъ Всеславовъ на Новгородъ, взялъ утвари церковныя, и одинъ Новгородскій погостъ завелъ за Полоцкъ; такъ теперь Мстиславъ хотѣлъ возвратить Новгородскую волость и отомстить за обиду; онъ уже стоялъ съ войскомъ на Лукахъ, когда явился къ нему посолъ отъ старшаго брата Романа изъ Смоленска; Романъ велѣлъ сказать ему: «Всеславъ тебя ничѣмъ не обижалъ, а если идешь на него такъ, безъ причины, то прежде ступай на меня.» Вѣрный во всемъ старшинѣ, Мстиславъ не хотѣлъ оскорбить старшаго брата, тѣмъ болѣе, что послѣдній уже отправилъ сына своего на помощь Всеславу, и Новгородцамъ пришлось бы сражаться съ Смолнянами вмѣсто Полочанъ. По возвращеніи въ Новгородъ Мстиславъ крѣпко занемогъ, потерялъ всѣ силы, едва могъ говорить; чувствуя, что долженъ ско-

ро умереть, онъ взглянулъ на дружину свою, потомъ на княгиню, вздохнулъ глубоко, заплакалъ и началъ говорить: «Приказываю дитя свое Владиміра Борису Захарьевичу, и обоихъ ихъ отдаю братьямъ Рюрику и Давыду и съ волостію на руки; а обо мнѣ какъ Богъ промыслитъ[387].» Послѣ этого распоряженія Мстиславъ поднялъ руки къ небу, вздохнулъ, прослезился опять—и умеръ. Новгородцы похоронили его въ той же гробницѣ, гдѣ лежалъ первый Князь, умершій у нихъ, Владиміръ Ярославичь, основатель Софійской церкви. Плакала по Мстиславѣ вся земля Новгородская, говоритъ лѣтописецъ, особенно плакали горько лучшіе мужи; они такъ причитали на похоронахъ: «Уже нельзя теперь намъ будетъ поѣхать съ тобою на чужую землю, привести поганыхъ рабами въ область Новгородскую, ты замышлялъ много походовъ на всѣ стороны поганыя; лучше бы намъ теперь было умереть съ тобою, ты далъ намъ большую свободу отъ поганыхъ, точно такъ какъ дѣдъ твой Мстиславъ освободилъ насъ ото всѣхъ обидъ, ты поревновалъ ему и наслѣдовалъ путь дѣда своего; а теперь уже не увидимъ тебя больше, солнце наше зашло и остались мы беззащитные, всякой можетъ теперь обижать насъ.» Мстиславъ, по свидѣтельству лѣтописца, былъ средняго роста, хорошъ лицемъ, украшенъ всякою добродѣтелію и благонравенъ, имѣлъ ко всѣмъ любовь, особенно былъ щедръ къ бѣднымъ, снабжалъ монастыри, кормилъ монаховъ и съ любовію принималъ ихъ, снабжалъ и мірскія церкви, потомъ и всему святительскому чину воздавалъ достойную честь; былъ крѣпокъ на рати, не жалѣлъ жизни за Русскую землю и за христіанъ; когда видѣлъ христіанъ, уводимыхъ въ плѣнъ погаными, то говорилъ дружинѣ своей: «Братья! не сомнѣвайтесь: если теперь умремъ за христіанъ, то очистимся отъ грѣховъ и Богъ вмѣнитъ кровь нашу въ мученическую; если Богъ подастъ милость свою, то слава Богу, а если придется умереть, то все равно, надобно же когда-нибудь умирать.» Такими словами онъ придавалъ смѣлость дружинѣ, и отъ всего сердца бился за отчину свою; а дружину свою любилъ, имѣнія не щадилъ для нея, золота и серебра не собиралъ, а раздавалъ дружинѣ, или раздавалъ церквамъ и нищимъ для спасенія души своей. Не было уголка на Руси, гдѣ

бы его не хотѣли и не любили; сильно горевали братья, услыхавши о его смерти, плакала по немъ вся Русская земля, не могши забыть доблестей его, и Черные Клобуки всѣ не могли забыть его приголубленія. (1180 г.)

По смерти Мстислава Новгородцамъ предстолъ выборъ: у кого просить себѣ Князя? взять ли его изъ рукъ Всеволода III-го Суздальскаго, Князя новой, сѣверной Руси, или изъ рукъ Святослава Всеволодовича, который сидѣлъ въ Кіевѣ, и потому считался старшимъ въ старой, южной Руси? Новгородцы поступили по старинѣ, и взяли у Святослава сына его Владиміра, тѣмъ болѣе, что Всеволодъ недавно показалъ уже свою непріязнь къ Новгороду, показалъ, что былъ братомъ Боголюбскаго. Взявши къ себѣ въ Князья Владиміра, Новгородцы участвовали въ войнѣ отца его Святослава со Всеволодомъ и, конечно, по желанію Святослава, посадили опять въ Торжкѣ племянника и стараго врага Всеволодова, Ярополка Ростиславича, что не могло не повести къ враждебнымъ столкновеніямъ съ Суздальскимъ Княземъ: въ то время, когда Новгородцы отправили полки свои къ Друцку на помощь Святославу, Всеволодъ явился въ другой разъ у Торжка и осадилъ въ немъ Ярополка; Новоторжане пять недѣль сидѣли въ осадѣ, терпя страшный голодъ, и когда Князь ихъ Ярополкъ былъ раненъ въ сшибкѣ, то сдались Всеволоду: тотъ повелъ съ собою въ оковахъ Ярополка, вывелъ и всѣхъ Новоторжанъ съ женами и дѣтьми, а городъ ихъ сжегъ. Новгородцы увидали, что опасность отъ Всеволода близка и велика, а на помощь изъ Чернигова плохая надежда, и потому, выгнавши Владиміра Святославича, послали за Княземъ ко Всеволоду: тотъ далъ имъ свояка своего, Ярослава Владиміровича, безземельнаго сына безземельнаго отца, Владиміра Мстиславича. Но Ярославъ не много нажилъ въ Новгородѣ: онъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе, и Всеволодъ вывелъ его изъ Новгорода, жители котораго, какъ видно не безъ вѣдома и согласія его, призвали къ себѣ изъ Смоленска Мстислава Давыдовича[388]. Посадникъ Завидъ Неревиничь былъ смѣненъ тотчасъ по прибытіи Владиміра Святославича въ Новгородъ — знакъ, что онъ не былъ за Ольговича; мѣсто его получилъ Михаилъ Степановичь; изгнаніе Ольговича должно было повести

и смѣну посадника: Михаилъ Степановичь былъ сверженъ, и на его мѣсто возведенъ опять Завидъ; но въ 1186 году Завидъ снова потерялъ свою должность и ушелъ къ Давыду въ Смоленскъ, а на его мѣсто былъ возведенъ опять Михаилъ Степановичь. Родственники и пріятели Завида не переставали однако дѣйствовать, но были пересилены противною стороною: родной братъ Завида, Гаврило Неревиничь былъ свергнутъ съ моста, вмѣстѣ съ какимъ-то Ивачемъ Свеневичемъ. Любопытно, что въ то же время вспыхнуло возстаніе Смольнянъ противъ Князя Давыда, и пало, говоритъ лѣтописецъ, много головъ лучшихъ мужей. Быть можетъ, эти событія въ Новгородѣ и Смоленскѣ имѣютъ какую-нибудь связь между собою; нѣтъ сомнѣнія, что Новгородскія волненія, борьба сторонъ Завидовой и Михайловой были связаны съ перемѣною Князей: Завидъ, бывшій посадникомъ при Мстиславѣ Храбромъ, стоялъ за Ростиславичей: на это указываетъ смѣна его при Ольговичѣ, и уходъ его къ Давыду въ Смоленскъ послѣ вторичной потери должности; сторона Михайла Степановича была вмѣстѣ стороною Князя Ярослава, и потому неудивительно, что когда она восторжествовала надъ противною стороною, то въ слѣдующемъ же 1187 году Мстиславъ Давыдовичь былъ изгнанъ, и Новгородцы послали ко Всеволоду во Владиміръ опять просить Ярослава Владиміровича — знакъ, что послѣдній былъ прежде выведенъ не въ слѣдствіе всеобщаго негодованія, но въ слѣдствіе негодованія одной только стороны. Посадникъ при этомъ не былъ смѣненъ; но черезъ годъ противная сторона начала брать верхъ: у Михаила Степановича отняли посадничество и дали его Мирошкѣ Нездиничу, котораго отецъ Незда былъ убитъ за приверженность къ Ростиславичамъ Смоленскимъ, слѣдовательно имѣемъ право думать, что Мирошка наслѣдовалъ отъ отца эту приверженность, и стоялъ за Мстислава Давыдовича противъ Ярослава. Въ справедливости послѣдняго утверждаетъ насъ извѣстіе, что въ 1195 году Мирошка вмѣстѣ съ Борисомъ Жирославичемъ и соцкимъ Никифоромъ, Иванкомъ, Ѳомою отправились къ Всеволоду съ просьбою смѣнить Ярослава и дать на его мѣсто сына своего. Что же сдѣлалъ Всеволодъ? чтобъ оставить Ярослава спокойнымъ въ Новгородѣ, онъ задержалъ

Мирошку съ товарищами, какъ главъ противной Ярославу стороны, потомъ отпустилъ Бориса и Никифора, но продолжалъ держать Мирошку, Иванка и Ѳому, не смотря на просьбы изъ Новгорода о ихъ возвращеніи; наконецъ отпустилъ Ѳому, но все держалъ Мирошку и Иванка. Это разсердило Новгородцевъ, т. е. сторону, противную Ярославу; послѣдній былъ изгнанъ, и посолъ отправился въ Черниговъ просить сына у тамошняго Князя; что здѣсь дѣйствовала только одна сторона, доказываютъ слова лѣтописца, который говоритъ, что добрые люди жалѣли объ Ярославѣ, а злые радовались его изгнанію. Но прошло то время, когда изгнанные Князья уѣзжали изъ Новгорода, не думая о мести; мы видѣли, что уже Святославъ Ростиславичь, надѣясь на помощь Боголюбскаго, не хотѣлъ спокойно оставить области Новгородской; Ярославъ Владиміровичь послѣдовалъ его примѣру: онъ засѣлъ въ Торжкѣ, гдѣ жители приняли его съ поклономъ, и сталъ брать дани по всему Верху, по Мстѣ, и даже за Волокомъ, а Всеволодъ въ тоже время перехватывалъ вездѣ Новгородцевъ и не пускалъ изъ Владимира; впрочемъ здѣсь держалъ ихъ не въ заперти.

Между тѣмъ изъ Чернигова пріѣхалъ Князь, Ярополкъ Ярославичь, но просидѣлъ въ Новгородѣ только шесть мѣсяцевъ: вражда съ Владимирскимъ Княземъ и съ Ярославомъ, который сидѣлъ въ Торжкѣ и бралъ дани, не могла быть выгодна для Новгородцевъ; пользуясь этимъ, сторона Ярославова восторжествовала, изгнала въ 1197 году Ярополка, и послала въ Торжокъ за Ярославомъ; тотъ однако не поѣхалъ прямо въ Новгородъ, но сперва отправился во Владимиръ ко Всеволоду, который, какъ видно, не хотѣлъ позволить, чтобъ Новгородцы присвоивали себѣ право ссориться и мириться съ князьями безъ его вѣдома; во Владимиръ должны были ѣхать изъ Новгорода лучшіе люди (передніе мужи), и соцкіе; тамъ изъ рукъ Всеволода приняли они Ярослава со всею правдою и честію, по выраженію лѣтописца; когда, говоритъ тотъ же лѣтописецъ, Ярославъ пріѣхалъ въ Новгородъ, то помирился съ людьми и стало все по добру, возвратился по здорову и посадникъ Мирошка, просидѣвши два года за Новгородъ, и рады были въ Новгородѣ всѣ отъ мала и до велика; сынъ Ярославовъ, Изя-

славъ былъ посаженъ въ Лукахъ, чтобъ быть защитою (оплечьемъ) Новгороду отъ Литвы[389]. Есть очень вѣроятное по обстоятельствамъ извѣстіе[390], что Новгородцы приняли Ярослава на всей волѣ великаго Всеволода, который съ этихъ поръ сталъ располагать Новгородомъ, какъ располагалъ имъ Мономахъ или сынъ его Мстиславъ. Но миръ Ярослава съ Мирошкою и его стороною былъ непродолжителенъ, и черезъ годъ (1199 г. пріѣхали во Владиміръ изъ Новгорода лучшіе люди, родственники и пріятели Мирошки, которые отдали Князю поклонъ и просьбу отъ всего Новгорода: «Ты господинъ, говорили они, ты Юрій, ты Владиміръ, просимъ у тебя сына княжить въ Новгородъ, потому что тебѣ отчина и дѣдина Новгородъ.» Всеволодъ согласился, вывелъ Ярослава изъ Новгорода, приказавъ ѣхать къ себѣ, а Владыкѣ, посаднику Мирошкѣ и лучшимъ людямъ велѣлъ также явиться во Владиміръ и взять оттуда къ себѣ на княженіе сына своего, десятилѣтняго Святослава, на всей волѣ великокняжеской[391]; на дорогѣ преставился архіепископъ Мартирій, и Всеволодъ, вопреки старому обычаю Новгородцевъ—выбирать владыку на вѣчѣ, самъ, поговоря только съ посадникомъ, выбралъ и послалъ къ нимъ архіепископа Митрофана, котораго потомъ отправили къ митрополиту на поставленіе съ Новгородскими мужами и Всеволодовыми. Въ 1203 году умеръ посадникъ Мирошка, и его мѣсто заступилъ соперникъ его, старый посадникъ Михаилъ Степановичь; черезъ годъ Всеволодъ прислалъ сказать Новгородцамъ: «въ землѣ вашей рать ходитъ[392], а Князь вашъ, сынъ мой Святославъ малъ, такъ даю вамъ старшаго сына своего, Константина.» О рати въ продолженіе трехъ предыдущихъ лѣтъ нѣтъ извѣстій, а что Всеволодъ при этой перемѣнѣ могъ руководиться какими-нибудь внутренними волненіями въ Новгородѣ, доказательствомъ служитъ смѣна посадника тотчасъ по смѣнѣ Князя, или, лучше сказать, по смѣнѣ бояръ Владимирскихъ, управлявшихъ именемъ малолѣтнаго Святослава: у Михаила Степановича посадничество отняли и дали сыну покойнаго Мирошки, Димитрію[393]; что малолѣтный Святославъ и посадникъ Михаилъ были смѣнены по жалобамъ Новгородцевъ, доказываютъ слова лѣтописца, что по прибытіи Константина весь городъ обрадо-

вался исполненію своего желанія. Владимирскій лѣтописецъ говоритъ, что когда Всеволодъ отпускалъ Константина въ Новгородъ, то сказалъ ему: «Сынъ мой Константинъ! на тебѣ Богъ положилъ старшинство во всей братьѣ твоей, а Новгородъ Великій старшее княженье во всей русской землѣ, по имени твоемъ и хвала твоя такая; не только Богъ положилъ на тебѣ старшинство въ братьи твоей, но и во всей Русской землѣ; и я тебѣ даю старшинство, поѣзжай въ свой городъ.»

Новый посадникъ Мирошкиничь съ братьею и пріятелями, опираясь на силу Суздальскаго Князя, захотѣли обогащаться на счетъ жителей и позволили себѣ такіе поступки, которые возстановили противъ нихъ весь городъ; въ челѣ недовольныхъ, какъ видно, стоялъ какой-то Алексѣй Сбыславичь; братъ посадника, Борисъ Мирошкиничь отправился во Владиміръ ко Всеволоду, и возвратился оттуда съ бояриномъ послѣдняго Лазаремъ, который привезъ повелѣніе убить Алексѣя Сбыславича, и повелѣніе было исполнено: Алексѣя убили на Ярославовомъ дворѣ — безъ вины, прибавляетъ лѣтописецъ, потому что обычнаго условія съ Княземъ—не казнить безъ объявленія вины, не существовало болѣе, Всеволодъ распоряжался самовластно въ Новгородѣ. Въ слѣдъ за этимъ событіемъ Всеволодъ пошелъ на Черниговъ и велѣлъ Константину съ Новгородскими полками слѣдовать за собою въ походъ; мы видѣли, что Константинъ соединился съ отцемъ въ Москвѣ, но вмѣсто Чернигова пошли на Рязань. Какъ видно во время этого похода Новгородцамъ удалось довести до свѣдѣнія Великаго Князя о поступкахъ посадника съ товарищами: по окончаніи похода, отпуская Новгородцевъ съ Коломны домой, Всеволодъ щедро одарилъ ихъ, и, по выраженію лѣтописца, далъ имъ всю волю и уставы старыхъ Князей, чего они именно хотѣли; онъ сказалъ имъ: «Кто до васъ добръ, того любите, а злыхъ казните»; сына Константина, посадника Димитрія, тяжело раненаго подъ Пронскомъ, и семерыхъ изъ лучшичъ мужей онъ оставилъ при себѣ: первое и послѣднее обстоятельство могутъ показывать, что новыя распоряженія Всеволода происходили именно въ слѣдствіе жалобъ Новгородскихъ, возбудившихъ неудовольствіе Великаго Князя на посадника съ пріятелями его и на са-

мого сына, который позволялъ имъ насильственные поступки. Какъ бы то ни было, когда Новгородскіе полки пришли домой, то немедленно созвали вѣче на посадника Димитрія и на братью его, обвиняя ихъ въ томъ, что они приказывали на Новгородцахъ и по волости брать лишніе поборы, купцамъ велѣли платить дикую виру и возить повозы, и въ разныхъ другихъ насильственныхъ поступкахъ, во всякомъ злѣ, по выраженію лѣтописца. На вѣчѣ положили идти на домы обвиненныхъ грабежомъ, дворъ Мирошкинъ и дворъ Дмитріевъ зажгли[394], имѣніе ихъ взяли, села и рабовъ распродали, и раздѣлили по всему городу, а долговыя записи оставили Князю; кто при этомъ тайкомъ нахваталъ разныхъ вещей, о томъ Богъ одинъ знаетъ, говоритъ лѣтописецъ; извѣстно только, что многіе разбогатѣли послѣ грабежа Мирошкиничей. Народное озлобленіе противъ бывшаго посадника дошло до того, что когда привезли тѣло Димитрія, умершаго во Владимирѣ, то Новгородцы хотѣли сбросить его съ моста, едва архіепископъ Митрофанъ успѣлъ удержать ихъ. Княземъ явился въ Новгородъ прежде бывшій здѣсь Святославъ Всеволодовичь, а въ посадники выбрали Твердислава Михайловича, по всѣмъ вѣроятностямъ, сына покойнаго Михайла Степановича, соперника Мирошки: ненависть къ роду послѣдняго естественно должна была побудить къ этому выбору; Новгородцы поцѣловали крестъ, что не хотятъ держать у себя ни дѣтей Дмитріевыхъ, ни братьевъ, ни пріятелей, и новый Князь Святославъ отослалъ ихъ въ заточеніе къ отцу, другіе откупились большими деньгами.

Перемѣна Князя впрочемъ не перемѣнила дѣлъ въ Новгородѣ, не удовлетворила всѣмъ сторонамъ: сынъ Всеволода, какъ бы онъ ни назывался, Константинъ или Святославъ, не могъ обходиться съ Новгородцами, какъ обходились съ ними прежніе Князья изъ югозападной Руси, и вотъ по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, недовольные послали въ Торопецъ къ тамошнему Князю, Мстиславу, сыну знаменитаго Мстислава Храбраго, съ просьбою избавить Новгородъ отъ Суздальскихъ притѣсненій. Мстиславъ согласился принять на себя наслѣдственную обязанность ратовать за старую Русь, за старый порядокъ вещей противъ новаго, который вводили Юрьевичи сѣвер-

ные; но, не будучи увѣренъ еще, какъ видно, хотятъ ли его Новгородцы всѣмъ городомъ, захватилъ сперва Торжокъ, заковалъ дворянъ Святославовыхъ и посадниковъ, имѣніе ихъ разграбили, чья только рука до него дошла, послѣ чего Мстиславъ послалъ сказать Новгородцамъ: «Кланяюсь св. Софіи, гробу отца моего, и всѣмъ Новгородцамъ; пришелъ я къ вамъ, услыхавъ о насиліяхъ, которыя вы терпите отъ Князей, жаль мнѣ стало своей отчины.» Новгородцы послали къ нему съ отвѣтомъ: «Ступай, Князь, на столъ»; а Святослава Всеволодовича заперли въ архіепископскомъ домѣ и съ дружиною до тѣхъ поръ, пока управятся съ отцемъ. Мстиславъ пріѣхалъ въ Новгородъ, былъ принятъ съ большею радостію, и тотчасъ же двинулся къ Торжку, потому что Всеволодъ захватилъ купцовъ Новгородскихъ по своимъ волостямъ, и отправилъ сыновей съ войскомъ къ Новгородскимъ границамъ; но битвы не было: мы видѣли, какъ Всеволодъ остерегался вступать въ рѣшительныя сраженія съ Князьями старой Руси, притомъ же теперь сынъ его сидѣлъ плѣнникомъ въ Новгородѣ; Всеволодъ, по словамъ лѣтописца, прислалъ сказать Мстиславу слова, совершенно тому понятныя: «Ты мнѣ сынъ, а я тебѣ отецъ, отпусти Святослава съ дружиною, и отдай все, что захватилъ, а я также отпущу гостей и товары ихъ.» Мстиславъ согласился, и миръ былъ заключенъ[395]. Какъ видно изъ послѣдующаго поведенія посадника Твердислава, такъ сильно стоявшаго за старину, онъ не могъ быть на сторонѣ Юрьевичей, вѣроятно онъ не менѣе другихъ радовался и содѣйствовалъ перемѣнѣ, и потому не могъ быть смѣненъ въ слѣдствіе этой перемѣны. Но скоро по утвержденіи Мстислава въ Новгородѣ явился съ юга изъ Руси Димитрій Якуновичь, сынъ стараго посадника Якуна Мирославича; мы видѣли, что Якунъ былъ въ тѣсной связи съ Ростиславичами сѣверными, врагами Всеволода, дочь его была за Мстиславомъ Ростиславичемъ; когда Всеволодъ утвердилъ свою власть надъ Новгородомъ, то сынъ Якуна, Димитрій принужденъ былъ искать убѣжища въ Руси, и возвратился теперь въ Новгородъ, когда уже нечего было болѣе бояться Суздальскаго Князя: Твердиславъ уступилъ ему добровольно посадничество, какъ старшему. Но если Твердиславъ не могъ быть заподозрѣнъ въ

пріязни ко Всеволоду, то очень легко могъ быть заподозрѣнъ Архіепископъ Митрофанъ, данный Новгороду Всеволодомъ вопреки старому обычаю: и вотъ Мстиславъ вмѣстѣ съ Новгородцами свергнулъ Митрофана, который былъ отведенъ въ Торопецъ (1211 г.)

Такимъ образомъ и Великій Всеволодъ при концѣ жизни своей, подобно брату Андрею, долженъ былъ потерпѣть неудачу въ своихъ стремленіяхъ, благодаря Князьямъ старой Руси: войска Андрея бѣжали со стыдомъ отъ Мстислава—отца, Всеволодъ долженъ былъ уступить Новгородъ Мстиславу — сыну, долженъ былъ заговорить съ нимъ его языкомъ. Въ 1212 году Всеволодъ сталъ изнемогать, и хотѣлъ при жизни урядить сыновей, которыхъ у него было шестеро — Константинъ, Юрій, Ярославъ, Святославъ, Владиміръ, Иванъ. Онъ послалъ за старшимъ Константиномъ, княжившимъ въ Ростовѣ, желая дать ему послѣ себя Владимиръ, а въ Ростовъ послать втораго сына Юрія. Но Константинъ не соглашался на такое распоряженіе, ему непремѣнно хотѣлось получить и Ростовъ и Владимиръ: старшинство обоихъ городовъ, какъ видно, было еще спорное и тогда, и Константинъ боялся уступить тотъ или другой младшему брату; какъ видно, онъ опасался еще старинныхъ притязаній Ростовцевъ, которыми могъ воспользоваться Юрій: «Батюшка! велѣлъ онъ отвѣчать Всеволоду: если ты хочешь меня сдѣлать старшимъ, то дай мнѣ старый начальный городъ Ростовъ и къ нему Владимиръ, или если тебѣ такъ угодно, дай мнѣ Владимиръ и къ нему Ростовъ [396].» Всеволодъ разсердился, созвалъ бояръ и долго думалъ съ ними, какъ быть; потомъ послалъ за епископомъ Іоанномъ, и по совѣту съ нимъ, порѣшилъ отдать старшинство младшему сыну Юрію мимо старшаго, ослушника воли отцовской: явленіе важное! мало того, что на Сѣверѣ отнято было старшинство у стараго города и передано младшему, пригороду, отнято было отцемъ старшинство у старшаго сына въ пользу младшаго; нарушенъ былъ коренной обычай, и младшіе Князья на сѣверѣ не преминутъ воспользоваться этимъ примѣромъ; любопытно, что бояре не рѣшились присовѣтовать Князю эту мѣру, рѣшился присовѣтовать ее епископъ. — 14 Апрѣля умеръ Всеволодъ, на 64 году своей жизни, княживъ

въ Суздальской землѣ 37 лѣтъ. Онъ былъ украшенъ всѣми добрыми нравами, по отзыву сѣвернаго лѣтописца, который не упускаетъ случая оправдывать вводимый Юрьевичами порядокъ, и хвалить ихъ за это: Всеволодъ, по его словамъ, злыхъ казнилъ, а добромысленныхъ миловалъ, потому что Князь не даромъ мечь носитъ, въ месть злодѣямъ и въ похвалу добро творящимъ; одного имени его трепетали всѣ страны, по всей землѣ пронеслась его слава, всѣхъ враговъ (зломысловъ) Богъ покорилъ подъ его руки. Имѣя всегда страхъ Божій въ сердцѣ своемъ, онъ подавалъ требующимъ милостыню, судилъ судъ истинный и нелицемѣрный, не взирая на сильныхъ бояръ своихъ, которые обижали меньшихъ людей.

Сѣверная Русь лишилась своего Всеволода; умирая, онъ ввергнулъ мечь между сыновьями своими, и злая усобица между ними грозила разрушить дѣло Андрея и Всеволода, если только это дѣло было произведеніемъ одной ихъ личности; югозападная, старая Русь высвобождалась отъ тяготѣвшаго надъ нею вліянія сѣверной, послѣдняя связь между ними—старшинство и сила Юрьевичей—рушилась, и надолго теперь они разрознятся, будутъ жить особою жизнію до тѣхъ поръ, пока на сѣверѣ явятся опять государи единовластные, собиратели Русской земли; тогда опять послышится слово, что нельзя южной Руси быть безъ сѣверной и послѣдуетъ окончательное соединеніе ихъ. Но по смерти Всеволода казалось, что южная Русь не только освободится отъ вліянія сѣверной, но, въ свою очередь, подчинитъ ее своему вліянію; ибо когда сѣверная Русь лишилась Всеволода и сыновья его губили свои силы въ усобицахъ, у Руси южной оставался Мстиславъ, котораго доблести начали съ этихъ поръ обнаруживаться самымъ блистательнымъ образомъ: ни въ Русской, ни въ сосѣднихъ странахъ не было Князя храбрѣе его, куда ни явится, всюду принесетъ съ собою побѣду, онъ не будетъ дожидаться пока сѣверный Князь пришлетъ на югъ многочисленные полки, чтобъ отразить ихъ, какъ отецъ его отразилъ полки Андреевы, онъ самъ пойдетъ въ глубь этого страшнаго, суроваго, сжимающаго сѣвера, и тамъ поразитъ его Князей, надѣющихся на свое громадное ополченіе, и вмѣстѣ уничтожитъ завѣщаніе Всеволода; въ Руси Днѣпровской онъ

не дастъ Мономахова племени въ обиду Ольговичамъ; наконецъ вырветъ Галичь изъ рукъ иноплеменниковъ. Казалось бы, какая блистательная судьба должна была ожидать югозападную Русь при Мстиславѣ, какія важныя, продолжительныя слѣдствія должна была оставить въ ней его дѣятельность — если только судьба югозападной Руси могла зависѣть отъ одной личности Мстиславовой.

Въ 1212 году умеръ Всеволодъ Великій, и въ 1213 г. уже встрѣчаемъ извѣстіе объ усобицѣ сыновей его. Константинъ не могъ спокойно сносить потерю старшинства; по словамъ лѣтописи, онъ разгорѣлся яростію, воздвигнулъ брови свои гнѣвомъ на брата Юрія и на всѣхъ думцевъ, которые присовѣтовали старому Всеволоду отнять у него старшинство, и тотчасъже наступило сильное волненіе въ Суздальской землѣ, люди толпами стали перебѣгать съ одной стороны на другую[397]. Между прочими Князь Святославъ Всеволодовичь, разсердившись за что-то на брата Юрія, бѣжалъ отъ него къ большому брату Константину въ Ростовъ; другой Всеволодовичь, Владиміръ, Князь Юрьевскій также былъ противъ Владимирскаго Князя. Видя это, послѣдній спѣшилъ заключить крѣпкій союзъ покрайней мѣрѣ съ Ярославомъ Всеволодовичемъ, Княземъ Переяславскимъ; онъ сказалъ ему: «Братъ Ярославъ! если пойдетъ на меня Константинъ или Владиміръ, будь ты со мною заодно, а если противъ тебя пойдутъ, то я приду къ тебѣ на помощь.» Ярославъ согласился, поцѣловалъ съ Юріемъ крестъ, и отправился въ свой Переяславль, гдѣ созвалъ жителей къ св. Спасу и сказалъ имъ: «Братья Переяславцы! отецъ мой отошелъ къ Богу, васъ отдалъ мнѣ, а меня далъ вамъ на руки, скажитеже мнѣ, братцы: хотителн имѣть меня своимъ Княземъ и головы свои сложить за меня?» Переяславцы отвѣчали въ одинъ голосъ: «И очень хотимъ, ты нашъ господинъ, ты Всеволодъ.» Послѣ чего всѣ цѣловали ему крестъ[398]. Въ то время, какъ это происходило въ Переяславлѣ, въ Ростовѣ Константинъ все злобился на Юрія, толковалъ: «ну развѣ можно сидѣть на отцовскомъ столѣ меньшему, а не мнѣ большому,» и сбирался идти на Владимиръ съ братомъ Святославомъ. Юрій боялся войны, и послалъ сказать ему: «Братъ Константинъ! Если хочешь Вла-

димира, то ступай садись въ немъ, а мнѣ дай Ростовъ.» Но Константинъ не хотѣлъ этого, онъ хотѣлъ въ Ростовѣ посадить сына своего Василька, а самъ хотѣлъ сѣсть во Владимірѣ, и отвѣчалъ Юрію: «Ты садись въ Суздалѣ.» Юрій не согласился, и послалъ сказать брату Ярославу: «Идетъ на меня братъ Константинъ; ступай къ Ростову, и какъ тамъ Богъ дастъ: уладимся или станемъ биться.» Ярославъ пошелъ съ своими Переяславцами, а Юрій съ Владимірцами и Суздальцами, и стали у Ростова за рѣкою Ишнею, а Константинъ разставилъ свои полки на бродахъ подлѣ рѣки, и начали биться объ нее; рѣка была очень грязна, и потому Юрію съ Ярославомъ нельзя было подойти къ городу, они пожгли только села вокругъ, скотъ угнали, да жито потравили; потомъ, простоявши другъ противъ друга четыре недѣли, братья помирились и разошлись по своимъ городамъ. Но усобица была далека до конца; Юрій зналъ, что миръ не надеженъ и принималъ свои мѣры: ему, какъ видно, трудно было удерживать за собою отцовское пріобрѣтеніе, Рязанскія волости, которыхъ князья и дружины ихъ томились въ тюрьмахъ Владимірскихъ: онъ освободилъ ихъ, одарилъ и Князей и дружину золотомъ, серебромъ, конями, утвердился крестнымъ цѣлованіемъ и отпустилъ въ свои волости.

Скоро началась опять усобица; началъ ее Владиміръ Всеволодовичь: онъ выбѣжалъ изъ своего Юрьева сперва на Волокъ, а оттуда на Москву и сѣлъ здѣсь, отнявши этотъ городъ у Юрія. Потомъ началъ наступать и Константинъ: отнялъ у Юрія Солигаличь, пожегъ Кострому, а у Ярослава отнялъ Нерехту: обиженные братья собрали полки и пошли опять къ Ростову вмѣстѣ съ Княземъ Давыдомъ Муромскимъ, остановились на старомъ мѣстѣ за рѣкою Ишнею, и велѣли людямъ своимъ жечь села. Между тѣмъ Владиміръ съ Москвичами и дружиною своею пошелъ къ Дмитрову, городу Ярославову; Дмитровцы сами пожгли всѣ посады, затворились и отбили всѣ приступы, и Владиміръ, испуганный вѣстію о приближеніи Ярослава, бѣжалъ отъ города назадъ въ Москву, потерявши заднiй отрядъ своей дружины, который перерѣзали Дмитровцы, гнавшiеся за бѣглецами. Юрій и Ярославъ стояли все у Ростова, не вступая въ битву, по сѣверному обычаю, и опять помирились, выговоривши

у Константина, чтобъ онъ не только не помогалъ Владиміру, но чтобъ еще далъ полки свои для отнятія у послѣдняго Москвы. Пришедши къ Москвѣ, Юрій послалъ сказать Владиміру: «Пріѣзжай ко мнѣ, не бойся, я тебя не съѣмъ, ты мнѣ свой братъ.» Владиміръ поѣхалъ, и братья уговорились, чтобъ Владиміръ отдалъ Москву назадъ Юрію, а самъ отправился княжить въ Переяславль южный.

Такимъ образомъ два раза младшій Всеволодовичь, Юрій одержалъ верхъ надъ старшимъ Константиномъ, и казалось, что послѣдній, потерпя два раза неудачу, долженъ былъ отказаться отъ попытокъ добыть Владиміръ, какъ вдругъ сѣверная Русь пришла въ столкновеніе съ южной, послѣдняя одержала блистательную побѣду надъ первою, необходимымъ слѣдствіемъ чего было возстановленіе старины, хотя на время. Мѣстомъ столкновенія былъ Новгородъ Великій. Три года княжилъ здѣсь Мстиславъ, ходилъ на Чудь до самаго моря, бралъ съ нея дань, двѣ части отдавалъ Новгородцамъ, третью дружинѣ своей; Новгородцамъ нравился такой Князь, все было тихо, какъ вдругъ, въ 1214 году, пришла къ Мстиславу вѣсть изъ Руси отъ братьевъ, что Ольговичи обижаютъ тамъ Мономаховичей. Рюрикъ Ростиславичь, какъ видно, умеръ почти въ одно время съ сватомъ своимъ, Всеволодомъ Великимъ[399], и Всеволодъ Чермный спѣшилъ воспользоваться ихъ смертію, чтобъ вытѣснить изъ Руси Мономаховичей; предлогомъ къ войнѣ послужили событія Галицкія, именно повѣшеніе Игоревичей боярами: такъ какъ мѣсто Ольговичей занялъ въ Галичѣ Мономаховичь Даніилъ, то Чермный объявилъ ближайшимъ къ себѣ Мономаховичамъ: «Вы повѣсили въ Галичѣ двоихъ братьевъ моихъ, Князей, какъ злодѣевъ, и положили укоризну на всѣхъ, такъ нѣтъ вамъ части въ Русской землѣ.» Тогда внуки Ростиславовы послали въ Новгородъ сказать Мстиславу: «Всеволодъ Святославичь не даетъ намъ части въ Русской землѣ, приходи, поищемъ своей отчины.» Мстиславъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и сталъ звать Новгородцевъ въ Кіевъ на Всеволода Чермнаго; Новгородцы отвѣчали ему: «куда, Князь, ты посмотришь, туда мы бросимся головами своими.» Мстиславъ пошелъ съ ними на югъ, но въ Смоленскѣ Новгородцы

завели ссору съ жителями, убили одного Смолянина, и не хотѣли идти дальше; по нѣкоторымъ очень вѣроятнымъ извѣстіямъ[400], Новгородцы не хотѣли уступить перваго мѣста полкамъ Смоленскимъ, которые велъ Мстиславъ Романовичь, старшій между внуками Ростиславовыми. Мстиславъ Мстиславичь сталъ звать Новгородцевъ на вѣче, но они не пошли; тогда онъ, перецѣловавши всѣхъ, поклонился и пошелъ одинъ съ дружиною при Смоленскихъ полкахъ. Новгородцы начали одумываться, собрались на вѣче, и стали разсуждать, что̀ дѣлать? Посадникъ Твердиславъ[401] сказалъ имъ: «Какъ трудились наши дѣды и отцы за Русскую землю, такъ братья, и мы пойдемъ за своимъ Княземъ.» Новгородцы послушались посадника, нагнали Мстислава и начали всѣ вмѣстѣ воевать Черниговскія волости по Днѣпру, взяли Рѣчицу на щитъ и многіе другіе города; подъ Вышгородомъ встрѣтилъ ихъ Чермный и далъ битву, въ которой Мстиславъ съ братьями остался побѣдителемъ: двое Ольговичей[402] попались въ плѣнъ, Вышегородцы отворили ворота, а Всеволодъ бѣжалъ за Днѣпръ въ Черниговскую область; посадивши въ Кіевѣ Мстислава Романовича, Мстиславъ Новгородскій осадилъ Черниговъ, простоялъ подъ нимъ 12 дней и заключилъ миръ съ Чермнымъ, который скоро послѣ того умеръ.

Мстиславъ Мстиславичь возвратился въ Новгородъ, но не долго здѣсь оставался: при постоянной борьбѣ сторонъ, при наслѣдственныхъ ненавистяхъ и стремленіяхъ, ниодинъ Князь не могъ быть пріятенъ всѣмъ одинаково, каждый долженъ былъ держаться одной какой-нибудь стороны, которая, въ свою очередь, поддерживала его самого. Сторона, державшаяся Князей Суздальскихъ, должна была уступить враждебному большинству, образовавшемуся въ слѣдствіе поведенія Всеволодова; но теперь Всеволода не было болѣе, а между тѣмъ Мстиславъ и его сторона преслѣдовали сторону противную, что ясно показываетъ извѣстіе объ участи Владыки Митрофана; Якуничь пришелъ изъ Руси и получилъ посадничество, а каждый знаменитый домъ имѣлъ своихъ приверженцевъ и своихъ враговъ; враги тѣхъ бояръ, которые держались Мстислава, необходимо поэтому были и врагами послѣдняго, искали случая, какъ бы избавиться отъ него. И вотъ Мстиславъ узналъ, что враждебная сторона

собираетъ тайныя вѣча, хочетъ изгнать его[403]; быть можетъ она воспользовалась его отсутствіемъ, чтобъ усилиться; посадникомъ былъ уже ни Димитрій Якуничь, ни Тве диславъ, но Юрій Ивановичь[404]. Мстиславъ не сталъ дожидаться, чтобъ ему показали путь, но созвалъ самъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и сказалъ Новгородцамъ: «У меня есть дѣла въ Руси, а вы вольны въ Князьяхъ.» Проводивши Мстислава, Новгородцы долго думали, наконецъ отправили посадника Юрія Ивановича, Тысяцкаго Якупа и старшихъ купцовъ 10 человѣкъ за Ярославомъ Всеволодовичемъ, Княземъ Переяславскимъ—ясный знакъ, что пересилила сторона, державшаяся Суздальскихъ Князей; знакомъ ея торжества служитъ и то, что Ярославъ, пріѣхавши въ Новгородъ, схватилъ двоихъ бояръ, и сковавши, заточилъ въ свой ближній городъ[405] Тверь; оклеветанъ былъ и Тысяцкій Якунъ Намнѣжичь; Князь Ярославь созвалъ вѣче, народъ бросился съ него ко двору Якупа, домъ его разграбили, жену схватили; самъ Якунъ съ посадникомъ пришелъ къ Князю, и тотъ велѣлъ схватить сына его Христофора[406]. Но волненіе, возбужденное враждою сторонъ, этимъ не кончилось: жители Прусской улицы убили боярина Овстрата съ сыномъ и бросили тѣла ихъ въ ровъ. Такое своеволіе не понравилось Ярославу: онъ не захотѣлъ оставаться долѣе въ Новгородѣ, выѣхалъ въ Торжокъ, сѣлъ здѣсь княжить, а въ Новгородъ послалъ намѣстника, послѣдовавши въ этомъ случаѣ примѣру дѣда, дядей и отца, которые покинули старый городъ Ростовъ и утвердили свое пребываніе въ новыхъ.

Скоро представился ему благопріятный случай стѣснить Новгородъ и привести его окончательно въ свою волю: морозъ побилъ осенью весь хлѣбъ въ Новгородской волости, только на Торжку все было цѣло; Ярославъ не велѣлъ пропускать въ Новгородъ ни одного воза съ хлѣбомъ изъ Низовой земли; въ такой нуждѣ Новгородцы послали къ нему троихъ бояръ съ просьбою переѣхать къ нимъ опять; Князь задержалъ посланныхъ. А между тѣмъ голодъ усиливался: кадь ржи покупали по десяти гривенъ, овса по три гривны, возъ рѣпы по двѣ гривны, бѣдные люди ѣли сосновую кору, липовый листъ, мохъ, отдавали дѣтей своихъ въ вѣчное холопство; поставили новую

скудельницу, наклали полну труповъ—недостало больше мѣста, по торгу валялись трупы, по улицамъ трупы, по полю трупы, собаки не успѣвали съѣдать ихъ; большая часть Вожанъ померла съ голоду, остальные разбѣжались по чужимъ странамъ: такъ разошлась наша волость и нашъ городъ, говоритъ лѣтописецъ. Новгородцы, оставшiеся въ живыхъ, послали къ Ярославу посадника Юрiя Ивановича, Степана Твердиславича и другихъ знатныхъ людей звать его опять къ себѣ; онъ велѣлъ задержать и этихъ, а вмѣсто отвѣта послалъ въ Новгородъ двухъ своихъ бояръ, вывесть оттуда жену свою, дочь Мстислава Мстиславича. Тогда Новгородцы послали къ нему Мануила Яголчевича съ послѣднею рѣчью: «Ступай въ свою отчину, къ св. Софiи, а нейдешь, такъ скажи прямо;» Ярославъ задержалъ Яголчевича, задержалъ и всѣхъ гостей Новгородскихъ—и были въ Новгородѣ печаль и вопль, говоритъ лѣтописецъ. Расчетъ Ярослава былъ вѣренъ, старинѣ Новгородской трудно было устоять при такихъ обстоятельствахъ; но старая Русь была еще сильна своимъ Мстиславомъ: узнавши, какое зло дѣлается въ Новгородѣ, Мстиславъ прiѣхалъ туда, (11 Февраля 1216 г.), схватилъ Ярославова намѣстника Хота Григорьевича, перековалъ всѣхъ его дворянъ, въѣхалъ на дворъ Ярославовъ и цѣловалъ крестъ къ Новгородцамъ, а Новгородцы къ нему—не разставаться ни въ животѣ, ни въ смерти: «либо отыщу мужей Новгородскихъ и волости, либо головою повалю за Новгородъ,» сказалъ Мстиславъ. – Между тѣмъ Ярославъ, узнавши о Новгородскихъ новостяхъ, сталъ готовиться къ защитѣ, велѣлъ подѣлать засѣки по Новгородской дорогѣ и рѣкѣ Тверцѣ, а въ Новгородъ отправилъ сто человѣкъ изъ его жителей, казавшихся ему преданными, съ порученiемъ поднять противную Мстиславу сторону и выпроводить его изъ города; но эти сто человѣкъ, какъ скоро пришли въ Новгородъ, такъ единодушно стали вмѣстѣ со всѣми другими за Мстислава, который отправилъ въ Торжокъ священника сказать Ярославу: «Сынъ! кланяюсь тебѣ: мужей моихъ и гостей отпусти, изъ Торжка выйди, а со мною любовь возьми.» Ярославу не полюбилось такое предложенiе, онъ отпустилъ священника безъ мира и всѣхъ Новгородцевъ, задержанныхъ въ Торжкѣ, числомъ больше 2000

созвалъ на поле за городъ, велѣлъ схватить ихъ, перековать и разослать по своимъ городамъ, имѣніе ихъ и лошадей роздалъ дружинѣ. Вѣсть объ этомъ сильно опечалила Новгородцевъ: ихъ оставалось мало; лучшіе люди были схвачены Ярославомъ, а изъ меньшихъ одни разошлись, другіе померли съ голоду; но Мстиславъ не унывалъ, онъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и сказалъ народу: «Пойдемте искать свою братью и своихъ волостей, чтобъ не былъ Торжокъ Новгородомъ, а Новгородъ Торжкомъ, но гдѣ св. Софія, тамъ и Новгородъ; и въ силѣ Богъ, и въ малѣ Богъ да правда!» — и Новгородцы рѣшились идти за нимъ.

1-го Марта 1216 года, въ первый день новаго года по тогдашнему счету, выступилъ Мстиславъ съ Новгородцами на зятя своего Ярослава, и черезъ день же обнаружилось, какъ сильно было раздѣленіе и вражда сторонъ въ Новгородѣ: не смотря на то, что въ Новгородѣ всѣ цѣловали крестъ стоять единодушно за Мстислава, четыре человѣка, собравшись съ женами и дѣтьми, побѣжали къ Ярославу[407]. Мстиславъ отправился озеромъ Селигеромъ, и вошедши въ свою Торопецкую волость, сказалъ Новгородцамъ: «ступайте сбирать припасы, только людей не берите въ плѣнъ;» — тѣ пошли, набрали корму для себя и для лошадей, и когда достигли верховьевъ Волги, то получили вѣсть, что братъ Ярославовъ, Святославъ Всеволодовичъ съ десятитысячнымъ войскомъ осадилъ Мстиславовъ городъ Ржевку, гдѣ посадникъ Ярунъ отбивался отъ него съ сотнею человѣкъ. У Мстислава съ братомъ Владиміромъ Псковскимъ было всего 500 человѣкъ войска; несмотря на то, они двинулись на выручку Ржевки, и Святославъ побѣжалъ отъ нея не дождавшись Новгородскихъ полковъ, а Мстиславъ пошелъ дальше и занялъ Зубцовъ, городъ Ярославовъ. На рѣкѣ Вазузѣ настигъ его двоюродный братъ, Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій съ своими полками; не смотря на эту помощь, Мстиславъ не хотѣлъ идти дальше, и, ставши на рѣкѣ Холохольнѣ[408], послалъ въ Торжокъ къ Ярославу съ мирными предложеніями, но тотъ велѣлъ отвѣчать: «Мира не хочу, пошли, такъ ступайте, на одного вашего придется по сту нашихъ.» Ростиславичи, получивъ этотъ отвѣтъ, сказали другъ другу: «Ты, Ярославъ

съ плотію, а мы съ крестомъ честнымъ",—и стали думать, куда бы пойти дальше; Новгородцы, которымъ прежде всего хотѣлось очистить свою волость, уговаривали Князей идти къ Торжку; но тѣ отвѣчали имъ: «Если пойдемъ къ Торжку, то попустошимъ Новгородскую волость; пойдемъ лучше къ Переяславлю: тамъ у насъ есть третій другъ:» Ростиславичи были увѣрены, что Константинъ Ростовскій вступитъ въ союзъ съ ними противъ младшихъ братьевъ. Они двинулись къ Твери, и стали брать села и жечь ихъ, а объ Ярославѣ не знали, гдѣ онъ—въ Торжкѣ или Твери? Услыхавъ, что Ростиславичи воюютъ Тверскія села, онъ выѣхалъ изъ Торжка въ Тверь, взявши съ собою старшихъ бояръ и Новгородцевъ, молодыхъ по выбору, а Новгородцевъ всѣхъ, и послалъ изъ нихъ сто человѣкъ съ небольшимъ отборныхъ людей въ сторожу; но въ 15 верстахъ отъ города, 25 Марта, наѣхалъ на нихъ воевода Мстиславовъ Ярунъ съ молодою дружиною, тридцать три человѣка взялъ въ плѣнъ, семьдесять положилъ на мѣстѣ, остальнымъ удалось убѣжать въ Тверь.

Получивши этотъ первый успѣхъ, который далъ ратникамъ ихъ возможность безпрепятственно собирать съѣстные припасы, Ростиславичи послали Смоленскаго боярина Яволода въ Ростовъ къ Князю Константину Всеволодовичу приглашать его къ союзу противъ братьевъ; провожать посла до рубежа отправили Владиміра Псковскаго съ Псковичами и Смолнянами, а сами съ Новгородцами пошли дальше, пожгли села по рѣкамъ Шошѣ и Дубнѣ, тогда какъ Владиміръ Псковскій взялъ городъ Константиновъ (Кснятинъ) на устьѣ большой Нерли и пожегъ все Поволожье. Константинъ Ростовскій не замедлилъ отвѣтомъ; онъ послалъ воеводу своего Еремѣя сказать Ростиславичамъ: «Князь Константинъ кланяется вамъ; обрадовался онъ, услыхавши о вашемъ приходѣ, и посылаетъ вамъ въ помощь 500 человѣкъ, а для остальныхъ рядовъ пошлите къ нему шурина его Всеволода (сына Мстислава Романовича Кіевскаго).» Ростиславичи отпустили къ нему Всеволода съ сильнымъ отрядомъ, а сами пошли въ низъ по Волгѣ; потомъ, чтобъ скорѣе окончить походъ, бросили возы, и сѣвши на коней, поѣхали къ Переяславлю. 9 Апрѣля, въ Свѣтлое Воскресенье къ Рости-

славичамъ, стоявшимъ на рѣкѣ Сарѣ[409], пришелъ Константинъ Ростовскій съ своими полками; но онъ боялся, что оставилъ свой городъ безъ защиты, почему Ростиславичи отправили въ Ростовъ Владиміра Псковскаго съ дружиною, а сами съ Константиномъ пошли къ Переяславлю и стали противъ него на Ѳоминой недѣли. Здѣсь подъ городскими стѣнами они захватили въ плѣнъ одного человѣка, отъ котораго узнали, что Ярослава нѣтъ въ городѣ, пошелъ къ брату Юрію съ полками, съ Новгородцами и Новоторжанами, а Князь Юрій съ братьями Святославомъ и Владиміромъ выступилъ также изъ своего города. Войско младшіе Всеволодовичи собрали большое, Муромцевъ, Бродниковъ, Городчанъ и всю силу Суздальской земли, погнали всѣхъ и изъ селъ, у кого не было лошади, тотъ шелъ пѣшкомъ. Страшное было чудо и дивное, братья, говоритъ лѣтописецъ: пошли сыновья на отца, отцы на дѣтей, братъ на брата, рабы на господина, а господинъ на рабовъ[410]. Ярославъ и Юрій съ братьями стали на рѣкѣ Кзѣ, Мстиславъ и Владиміръ съ Новгородцами поставили полки свои близь Юрьева, а Константинъ Ростовскій сталъ дальше съ своими полками, на рѣкѣ Липицѣ. Когда Ростиславичи завидѣли полки Ярославовы и Юрьевы, то послали сотскаго Ларіона сказать Юрію: «Кланяемся; у насъ съ тобою нѣтъ ссоры, ссора у насъ съ Ярославомъ»; Юрій отвѣчалъ: «Мы съ братомъ Ярославомъ одинъ человѣкъ.» Тогда они послали сказать Ярославу: «Отпусти Новгородцевъ и Новоторжанъ, возврати волости Новгородскія, которыя ты захватилъ, Волокъ, съ нами помирись и крестъ цѣлуй, а крови не проливай.» Ярославъ отвѣчалъ: «Мира не хочу, Новгородцевъ и Новоторжанъ при себѣ держу; вы далеко шли и вышли какъ рыба на сухо.» Когда Ларіонъ пересказалъ всѣ эти слова Ростиславичамъ, тѣ отправили къ обоимъ братьямъ съ послѣднею рѣчью: «Мы пришли, братъ Князь Юрій и Ярославъ, не на кровопролитіе, крови не дай намъ Богъ видѣть, лучше управиться прежде; мы всѣ одного племени, такъ дадимъ старшинство Князю Константину, и посадите его во Владимирѣ, а вамъ Суздальская земля вся.» Юрій отвѣчалъ на это послу: «Скажи братьѣ моей, Князьямъ Мстиславу и Вла-

диміру: пришли, такъ ступайте куда хотите; а брату Князю Константину скажи: перемоги насъ, и тогда тебѣ вся земля.»

Младшіе Всеволодовичи, ободренные мирными предложеніями враговъ, видя въ этомъ признакъ слабости, отчаяннаго положенія, начали пировать съ боярами; на пиру одинъ старый бояринъ, Андрей Станиславовичъ[411], сталъ говорить молодымъ Князьямъ: «Миритесь, Князья Юрій и Ярославъ, а меньшая братья въ вашей волѣ; по моему лучше бы помириться и дать старшинство Князю Константину; нечего смотрѣть, что передъ нами мало Ростиславова племени, да Князья-то все они мудрые, смышленые, храбрые, мужи ихъ—Новгородцы и Смольняне смѣлы на бою, а про Мстислава Мстиславича и сами знаете въ томъ племени, что дана ему отъ Бога храбрость больше всѣхъ; такъ подумайте-ка, господа, объ этомъ!» Не люба была эта рѣчь Князьямъ Юрію и Ярославу, и одинъ изъ Юрьевыхъ бояръ сказалъ: «Князья Юрій и Ярославъ! не было того ни при прадѣдахъ, ни при дѣдѣ, ни при отцѣ вашемъ, чтобъ кто-нибудь вошелъ ратью въ сильную землю Суздальскую и вышелъ изъ нея цѣлъ, хотя бъ тутъ собралась вся Русская земля, и Галицкая, и Кіевская, и Смоленская и Черниговская, и Новгородская и Рязанская, никакъ имъ не устоять противъ нашей силы; а эти-то полки—да мы ихъ право сѣдлами закидаемъ.» Эта рѣчь понравилась Князьямъ, они созвали бояръ своихъ и начали имъ говорить: «Когда достанется намъ непріятельскій обозъ въ руки, то вамъ будутъ кони, брони, платье, а кто вздумаетъ взять живаго человѣка, тотъ будетъ самъ убитъ, у кого и золотомъ будетъ шитое платье, и того убивай, не оставимъ ни одного въ живыхъ; кто изъ полку побѣжитъ и будетъ схваченъ, такихъ вѣшать или распинать; а о Князьяхъ, если достанутся намъ въ руки, подумаемъ послѣ.» Отпустивши людей своихъ, Князья вошли въ шатеръ и начали дѣлить волости; Князь Юрій сказалъ: «Мнѣ, братъ Ярославъ, Владимирская земля и Ростовская, тебѣ Новгородъ, Смоленскъ брату нашему Святославу, Кіевъ отдай Черниговскимъ Князьямъ, а Галичь намъ же.» Младшіе братья согласились, поцѣловали крестъ и написали грамоты. Здѣсь всего любопытнѣе для насъ презрѣ-

ніе сѣверныхъ Князей къ Кіеву, съ которымъ для ихъ предковъ и для всѣхъ южныхъ Князей соединялась постоянно мысль о старшинствѣ, о высшей чести; но богатый Галичь Всеволодовичи берутъ себѣ.

Подѣливши между собою всѣ Русскіе города, Юрій съ Ярославомъ стали звать враговъ къ бою; Ростиславичи, съ своей стороны, призвали Князя Константина, долго думали съ нимъ, взяли съ него клятву, что не будетъ въ немъ перевѣту къ братьямъ, и двинулись въ ночь къ Ростовскому стану на рѣку Липицу; во всѣхъ полкахъ ихъ раздавались клики, въ Константиновомъ войскѣ трубили въ трубы: это навело страхъ на Юрія и Ярослава, они отступили за дебрь и расположили свои полки на Авдовой горѣ; Ростиславичи на разсвѣтѣ пришли къ Липицамъ, и видя, что враги отступили на Авдову гору, расположились на противоположной горѣ, Юрьевой, и послали ко Всеволодичамъ троихъ мужей опять съ мирными предложеніями: «а не дадите мира, велѣли они сказать имъ, такъ отступите подальше на ровное мѣсто, а мы пойдемъ на вашу сторону; или мы отойдемъ къ Липицамъ, а вы перейдете на наши станы.» Князь Юрій отвѣчалъ: «Ни мира не беру, ни отступаю; вы прошли черезъ всю землю, такъ неужели этой дебри не перейдете?» Всеволодовичи надѣялись на свои укрѣпленія: они обвели свой станъ плетнемъ и насовали кольевъ, боясь, чтобъ Ростиславичи не ударили на нихъ въ ночь. Получивши ихъ отвѣтъ, Ростиславичи послали своихъ молодыхъ людей биться противъ Ярославовыхъ полковъ, тѣ бились цѣлый день до ночи, но бились не усердно, потому что была буря и очень холодно. На другое утро, 21 Апрѣля, въ четвергъ, на второй недѣлѣ по Пасхѣ, Ростиславичи рѣшились было идти прямо ко Владиміру, не схватываясь съ непріятелемъ, и полки ихъ стали уже готовиться къ выступленію; видя это, полки Юрьевы начали также сходить съ своей горы, думая, что враги бѣгутъ, но тѣ остановились и опрокинули ихъ назадъ. Въ это время явился Князь Владиміръ Псковской изъ Ростова, Ростиславичи стали думать, куда идти, при чемъ Константинъ сказалъ имъ: «Братья, Князь Мстиславъ и Владиміръ! если пойдемъ мимо нихъ, то ударятъ на насъ въ тылъ, а потомъ мои люди на бой не охочи,

того и гляди, что разойдутся по городамъ.» На это Мстиславъ отвѣчалъ: «Князь Владиміръ и Константинъ! гора намъ не поможетъ, гора насъ и не побѣдитъ; призвавши на помощь крестъ честный и свою правду, пойдемъ къ нимъ.» Всѣ согласились и начали ставить полки: Владиміръ Рюриковичь Смоленскій поставилъ полки свои съ краю, подлѣ него сталъ Мстиславъ и Всеволодъ съ Новгородцами, да Владиміръ Псковскій съ Псковичами, а подлѣ него сталъ Князь Константинъ съ Ростовцами; съ противной стороны Ярославъ сталъ съ своими полками, т. е. Переяславскими и Тверскими, также съ Муромскими, съ Городчанами и Бродниками противъ Владиміра и Смольнянъ, Юрій сталъ противъ Мстислава и Новгородцевъ со всею землею Суздальскою, а меньшіе братья противъ Князя Константина.

Мстиславъ и Владиміръ начали ободрять своихъ Новгородцевъ и Смольнянъ: «Братья! говорили они имъ: вошли мы въ землю сильную, такъ положивши надежду на Бога, станемъ крѣпко, нечего намъ озираться назадъ, побѣжавши не уйти; забудемъ, братья, про домы, женъ и дѣтей; вѣдь надобноже будетъ когда-нибудь умереть? ступайте, кто какъ хочетъ, кто пѣшъ, кто на конѣ.» Новгородцы отвѣчали: «мы не хотимъ помирать на коняхъ, хотимъ биться пѣши, какъ отцы наши бились на Кулакшѣ.» Мстиславъ обрадовался этому, и Новгородцы, сойдя съ лошадей, посметавши съ себя порты и сапоги, ударились бѣжать босые на враговъ, Смольняне побѣжали за ними также пѣшкомъ, за Смольнянами Князь Владиміръ отрядилъ Ивора Михайловича съ полкомъ, а старшіе Князья и всѣ воеводы поѣхали сзади на лошадяхъ. Когда полкъ Иворовъ въѣхалъ въ дебрь, то подъ Иворомъ споткнулся конь, что заставило его пріостановиться; но пѣшіе, не дожидаясь Ивора, ударили на пѣшіе полки Ярославовы съ крикомъ, бросая палки и топоры; Суздальцы не выдержали и побѣжали, Новгородцы и Смольняне стали ихъ бить, подсѣкли стягъ Ярославовъ, а когда приспѣлъ Иворъ, то досѣклись и до другаго стяга. Увидавши это, Мстиславъ сказалъ Владиміру Рюриковичу: «Не дай намъ Богъ выдать добрыхъ людей!» — и всѣ Князья разомъ ударили на враговъ сквозь свою пѣхоту. Мстиславъ трижды проѣхалъ по вражьимъ полкамъ, посѣкая людей, былъ у него на рукѣ то-

поръ съ паворозою, которымъ онъ и рубилъ; Князь Владиміръ не отставалъ отъ него, и, послѣ лютой битвы, досѣклись наконецъ до обоза Всеволодовичей; тогда послѣдніе, видя, что Ростиславичи жнутъ ихъ полки какъ колосья, побѣжали вмѣстѣ съ Муромскими Князьями, а Князь Мстиславъ закричалъ своимъ: «Братья Новгородцы! не останавливайтесь надъ товаромъ, доканчивайте бой, а то воротятся назадъ и взметутъ васъ.» Новгородцы, говоритъ лѣтописецъ, отстали отъ обоза и бились, а Смольняне напали на добычу, одирали мертвыхъ, о битвѣ же не думали. Великъ, братья промыслъ Божій, говоритъ тотъ же лѣтописецъ: на этомъ страшномъ побоищѣ пало только пять человѣкъ Новгородцевъ, да одинъ Смольнянинъ, всѣ сохранены были силою честнаго креста и правдою; съ противной стороны было убито множество, а въ плѣнъ взято 60 человѣкъ во всѣхъ станахъ; если бы Князья Юрій и Ярославъ знали это да вѣдали, то мирились бы, потому что слава ихъ и хвала погибла, и полки сильные ни вочто пошли: было у Князя Юрія 13 стяговъ, трубъ и бубновъ 60, говорили и про Ярослава, что у него было стяговъ 17, а трубъ и бубновъ 40. Люди больше всего жаловались на Ярослава: отъ тебя, говорили они, потерпѣли мы такую бѣду, о твоемъ клятвопреступленіи сказано: придите, птицы небесныя, напитайтесь крови человѣческой; звѣри, наѣшьтесь мясъ человѣческихъ. Не десять человѣкъ убито, не сто, но всѣхъ избито 9233 человѣка; крикъ, вытье раненыхъ слышны были въ Юрьевѣ и около Юрьева, не было кому погребать, многіе перетопули во время бѣгства въ рѣкѣ, иные раненые, зашедши въ пустое мѣсто, умерли безъ помощи, живые побѣжали одни къ Владиміру, другіе къ Переяславлю, нѣкоторые въ Юрьевъ.

Юрій прибѣжалъ во Владиміръ на четвертомъ конѣ, а трехъ заморилъ, прибѣжалъ въ одной первой сорочкѣ, подкладъ и тотъ бросилъ; онъ пріѣхалъ около полудня, а схватка была въ обѣденную пору. Во Владимірѣ оставался одинъ безоружный народъ, попы, монахи, жены да дѣти; видя издали, что кто-то скачетъ къ нимъ на конѣ, они обрадовались, думая, что то вѣстникъ отъ Князя съ побѣдою: «наши одолѣваютъ,» говорили они. И вдругъ пріѣзжаетъ самъ Князь Юрій одинъ, начинаетъ

ѣздить около города, кричитъ: «укрѣпляйте стѣны!» Всѣ смутились, вмѣсто веселья поднялся плачь; къ вечеру и въ ночь стали прибѣгать и простые люди: одинъ прибѣжитъ раненый, другой нагой. На другое утро Юрій созвалъ народъ и сталъ говорить: «Братья Владимирцы! затворимся въ городѣ, авось отобьемся отъ нихъ» ему отвѣчали: «Князь Юрій! съ кѣмъ намъ затвориться! братья наши избиты, другіе взяты въ плѣнъ, остальные пришли безъ оружія, съ кѣмъ намъ стать?» Юрій сказалъ: «все это я самъ знаю; только не выдайте меня брату Константину и Ростиславичамъ, чтобъ мнѣ можно было выйти по своей волѣ изъ города.» Это Владимирцы ему обѣщали. — Ярославъ также прибѣжалъ въ Переяславль на пятомъ конѣ, а четырехъ заморилъ, и затворился въ городѣ. Не довольно было ему перваго зла, говоритъ лѣтописецъ, не насытился крови человѣческой, избивши въ Новгородѣ много людей, и въ Торжкѣ и на Волокѣ, этого было ему все мало; прибѣжавши въ Переяславль, онъ велѣлъ и тутъ теперь перехватать всѣхъ Новгородцевъ и Смольнянъ, зашедшихъ въ землю его для торговли, и велѣлъ ихъ покидать однихъ въ погреба, другихъ запереть въ тѣсной избѣ, гдѣ они и перемерли всѣ, числомъ полтораста; на Смольнянъ онъ не такъ злобился, и велѣлъ запереть ихъ 15 человѣкъ особо, отъ чего они всѣ и остались живы. Не такъ поступали Князья изъ милостиваго племени Ростиславова: они остальную часть дня оставались на мѣстѣ побоища, а если бы погнались за непріятелемъ, то Князьямъ Юрію и Ярославу неуйти бы, да и Владимиръ былъ бы взятъ въ расплохъ; но Ростиславичи тихо пришли ко Владимиру, объѣхали и стали думать, откуда взять; а когда ночью загорѣлся княжій дворъ, и Новгородцы хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ для приступа, то Мстиславъ не пустилъ ихъ; черезъ день вспыхнулъ опять пожаръ въ городѣ, и горѣло до свѣта, Смольняне также стали проситься на приступъ, но Князь Владиміръ не пустилъ ихъ [412]. Тогда Князь Юрій выслалъ къ осаждающимъ Князьямъ съ челобитьемъ: «Не ходите на меня нынче, а завтра самъ пойду изъ города.» И точно на другой день рано утромъ выѣхалъ онъ изъ города, поклонился Князьямъ Мстиславу и Владиміру Рюриковичу, и сказалъ: «Братья! вамъ челомъ бью, вамъ жи-

вотъ дать и хлѣбомъ меня накормить, а братъ мой Константинъ въ вашей волѣ;» — онъ далъ имъ богатые дары, тѣ помирились съ нимъ, помирили его и съ братомъ Константиномъ, который взялъ себѣ Владиміръ, а Юрій долженъ былъ удовольствоваться Радиловымъ Городцемъ на Волгѣ: владыка, княгиня и весь дворъ его сѣли немедленно въ лодки и поплыли внизъ по Клязьмѣ, а самъ Князь Юрій, зашедши передъ отъѣздомъ въ Соборную церковь, сталъ на колѣни у отцовскаго гроба и со слезами сказалъ: «Суди Богъ брату моему Ярославу, что довелъ меня до этого.» Проводивши Юрія, Владимірцы-духовенство и народъ пошли встрѣчать новаго Князя Константина, который богато одарилъ въ тотъ день Князей и бояръ, а народъ привелъ къ присягѣ себѣ. Между тѣмъ Ярославъ все злобился и нехотѣлъ покоряться, заперся въ Переяславлѣ, и думалъ, что отсидится здѣсь; но когда Ростиславичи съ Константиномъ двинулись къ Переяславлю, то онъ испугался и сталъ слать къ нимъ съ просьбою о мирѣ, а наконецъ и самъ пріѣхалъ къ брату Константину, ударилъ ему челомъ и сказалъ: «Господинъ! я въ твоей волѣ: не выдавай меня тестю моему Мстиславу и Владиміру Рюриковичу, а самъ накорми меня хлѣбомъ.» Константинъ помирилъ его съ Мстиславомъ еще на дорогѣ, и когда Князья пришли къ Переяславлю, то Ярославъ одарилъ ихъ и воеводъ всѣхъ богатыми дарами; Мстиславъ, взявши дары, послалъ въ городъ за дочерью своею, женою Ярославовою, и за Новгородцами, которые остались въ живыхъ и которые находились въ полкахъ съ Ярославомъ; тотъ не разъ послѣ этого посылалъ къ нему съ просьбою отдать ему жену, но Мстиславъ не согласился.

Такъ Мстиславъ уничтожилъ завѣщаніе Всеволода III, возстановилъ повидимому старину на сѣверѣ, хотя собственно здѣсь торжествомъ Константина прокладывался путь къ торжеству новаго порядка вещей, потому что старшій братъ становился матеріально несравненно сильнѣе младшихъ, получивъ и Ростовъ и Владиміръ, чего прежде желалъ; племени Константинову слѣдовало теперь усиливаться на счетъ остальныхъ сыновей Всеволодовыхъ, но судьба хотѣла иначе, и предоставляла честь собранія сѣверной Руси племени третьяго сына Всеволо-

дова, того самаго Ярослава, который былъ виновникомъ описанныхъ событій. Слабый здоровьемъ Константинъ не долго накняжилъ во Владимірѣ; онъ чувствовалъ приближеніе смерти, видѣлъ сыновей своихъ несовершеннолѣтними, и потому спѣшилъ помириться съ братомъ Юріемъ, чтобъ не оставить въ немъ для послѣднихъ опаснаго врага: уже въ слѣдующемъ 1217 году онъ вызвалъ къ себѣ Юрія, далъ ему Суздаль, обѣщалъ и Владиміръ по своей смерти, много дарилъ и заставилъ поцѣловать крестъ — разумѣется на томъ, чтобъ быть отцемъ для племянниковъ. Въ 1218 году Константинъ послалъ старшаго сына своего Василька на столъ Ростовскій, а Всеволода на Ярославскій; по словамъ лѣтописца, онъ говорилъ имъ: «Любезные сыновья мои! будьте въ любви между собою, всею душею бойтесь Бога, соблюдая его заповѣди, подражайте моимъ правамъ и обычаямъ: нищихъ и вдовъ не презирайте, церкви не отлучайтеся, іерейской и монашескій чинъ любите, книжнаго поученья слушайтесь, слушайтесь и старшихъ, которые васъ добру учатъ, потому что вы оба еще молоды; я чувствую, дѣти, что конецъ мой приближается, и поручаю васъ Богу, Пречистой его Матери, брату и господину Юрію, который будетъ вамъ вмѣсто меня.» Константинъ умеръ 2 Февраля 1218 года; лѣтописецъ распространяется въ похвалахъ его кротости, милосердію, попеченію о церквахъ и духовенствѣ, говоритъ, что онъ часто читалъ книги съ прилѣжаньемъ и дѣлалъ все по писанному въ нихъ. Послѣ имя Константина поминается съ прозваніемъ добрый.— Братъ его Юрій сталъ по прежнему княжить во Владимірѣ; каковы были отношенія его къ младшимъ братьямъ и племянникамъ Константиновичамъ — объ этомъ можемъ узнать только изъ одного извѣстія лѣтописца, помѣщеннаго подъ 1229 годомъ: въ этотъ годъ Ярославъ Всеволодовичь Переяславскій, послушавшись чьихъ-то внушеній, усумнился относительно поведенія старшаго брата, отвелъ отъ него троихъ племянниковъ Василька, Всеволода и Владиміра Константиновичей, и думалъ вооруженною рукою сопротивляться Юрію. Но послѣдній спѣшилъ предотвратить вражду: созвалъ родичей на сеймъ въ Суздаль и уладился съ ними: они разъѣхались довольные. Понятно, что Юрій могъ возбудить подозрительность родичей на-

мѣреніемъ усилиться на ихъ счетъ, передать Владимиръ сыновьямъ своимъ мимо братьевъ и старшихъ племянниковъ.

Съ княжествомъ Суздальскимъ по природнымъ условіямъ тѣсно были соединены княжества Рязанское и Муромское. Князь Муромскій Давыдъ[413] ходилъ постоянно въ волѣ великаго Всеволода, помогалъ ему въ покореніи Рязанскихъ Князей; во время Липецкой битвы Муромскіе Князья съ своими полками находились въ войскѣ младшихъ Всеволодовичей. Рязанскіе Князья были отпущены Юріемъ изъ плѣна въ свои волости, но не долго жили здѣсь въ мирѣ: тотъ самый Глѣбъ Владиміровичь, который прежде съ братомъ Олегомъ обносилъ остальную братью предъ Всеволодомъ III, теперь съ другимъ братомъ Константиномъ вздумалъ истребить всѣхъ родичей, и княжить вдвоемъ во всей землѣ Рязанской: мы видѣли причины сильной вражды между Ярославичами Рязанскими въ крайнемъ размельченіи волостей; причину же братоубійственнаго намѣренія Владиміровичей, почти единственнаго примѣра[414] между Русскими Князьями послѣ Ярослава, можно объяснить изъ большей грубости, одичалости нравовъ въ Рязани, этой оторванной, отдаленной Славянорусской колоніи на Финскомъ востокѣ. Какъ бы то ни было, въ 1217 году, во время съѣзда Рязанскихъ Князей для родственнаго совѣщанія, Владиміровичи позвали остальную братью—шестерыхъ Князей[415] на пиръ къ себѣ въ шатеръ; тѣ, ничего не подозрѣвая, отправились къ нимъ съ своими боярами и слугами; но когда начали пить и веселиться, то Глѣбъ съ братомъ, вынувши мечи, бросились на нихъ съ своими слугами и Половцами, скрывавшимися подлѣ шатра: всѣ гости были перебиты. Остался въ живыхъ не бывшій на съѣздѣ Ингварь Игоревичь, который и удержалъ за собою Рязань; Глѣбъ въ 1219 году пришелъ на него съ Половцами, но былъ побѣжденъ и едва успѣлъ уйти.

Мстиславъ, возвратившись съ побѣдою въ Новгородъ, не долго оставался въ немъ: въ слѣдующемъ же 1217 году онъ ушелъ въ Кіевъ, оставивъ въ Новгородѣ жену и сына Василія, и взявши съ собою троихъ бояръ, въ томъ числѣ стараго посадника Юрія Иванковича; какъ видно, онъ взялъ ихъ въ заложники за безопасность жены и сына; такъ сильна была вра-

жда сторонъ и возможность торжества стороны Суздальской; на существованіе этой вражды, на существованіе въ Новгородѣ людей, непріязненныхъ Мстиславу, указываетъ извѣстіе, что Удалой, по возвращеніи въ Новгородъ въ томъ же году, долженъ былъ схватить Станимира Дерновича съ сыномъ Нѣздилою, заточить ихъ въ оковахъ, взявши себѣ богатое имѣніе ихъ; а въ 1218 году онъ пошелъ въ Торжокъ, и схватилъ тамъ Борислава Некуришинича, при чемъ также овладѣлъ большимъ имѣніемъ, послѣ однако всѣ эти люди были выпущены на свободу. Въ томъ же году Мстиславъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и сказалъ Новгородцамъ: «Кланяюсь св. Софіи, гробу отца моего и вамъ, хочу поискать Галича, а васъ не забуду; дай мнѣ Богъ лечь подлѣ отца у св. Софіи.» Новгородцы сильно упрашивали его: «не ходи Князь;» — но не могли удержать его. Проводивши Мстислава, Новгородцы послали въ Смоленскъ за племянникомъ его, Святославомъ, сыномъ Мстислава Романовича; но въ томъ же 1218 году встала смута: какъ-то Матей Душильчевичь, связавши одного чиновника Моисѣича, убѣжалъ, бѣглеца схватили и привели на Городище, какъ вдругъ пронесся въ городѣ ложный слухъ, что посадникъ Твердиславъ выдалъ Матея Князю[416]; встало волненіе: жители Зарѣчья (Опиполовцы) зазвонили у св. Николы и звонили цѣлую ночь, а жители Неревскаго конца стали звонить у 40 Святыхъ, сбирая также людей на Твердислава. Князь, услыхавъ о мятежѣ, выпустилъ Матея; но народъ уже не могъ успокоиться: Опиполовцы выступили въ броняхъ[417], какъ на рать, Неревляне также, а Загородцы не присоединились ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, но смотрѣли, что будетъ. Тогда Твердиславъ, взглянувши на св. Софію, сказалъ: «Если я виноватъ, то пусть умру; если же правъ, то ты меня оправи, Господи!» — и пошелъ на бой съ Людинымъ концемъ и съ жителями Прусской улицы. Битва произошла у городскихъ воротъ, и Опиполовцы съ Неревцами обратились въ бѣгство, потерявши изъ своихъ Ивана Душильчевича, Матеева брата, а Неревляне Константина Прокопьича, да кромѣ этихъ еще шесть человѣкъ, побѣдители—жители Людина конца и Прусской улицы потеряли по одному человѣку, а раненыхъ было много съ обѣихъ сторонъ. Цѣлую недѣлю послѣ

этого побоища все были вѣча въ городѣ, наконецъ сошлись братья вмѣстѣ единодушно, и цѣловали крестъ. Но тутъ Князь Святославъ прислалъ своего Тысяцкаго на вѣче: «Не могу, говорилъ Князь, быть съ Твердиславомъ, и отнимаю у него посадничество.» Новгородцы спросили: «А какая вина его!»—«Безъ вины,» велѣлъ отвѣчать Князь. Тогда Твердиславъ сказалъ: «Тому я радъ, что вины на мнѣ нѣтъ никакой; а вы, братья, вольны и въ посадничествѣ и въ Князьяхъ.» Новгородцы велѣли отвѣчать Святославу: «Князь! если Твердиславъ ни въ чемъ не виноватъ, то ты намъ клялся безъ вины не отнимать ни у кого должности; тебѣ кланяемся, а вотъ нашъ посадникъ, и до того не допустимъ, чтобъ отняли у него безъ вины посадничество.» Святославъ не настаивалъ больше, и наступило спокойствіе.

Въ слѣдующемъ году Мстиславъ Романовичь, Князь Кіевскій, прислалъ въ Новгородъ сына своего Всеволода: «Примите къ себѣ, велѣлъ онъ сказать Новгородцамъ, этого Всеволода, а Святослава старшаго отпустите ко мнѣ.» Новгородцы исполнили его волю. Тоюже зимою Семьюнъ Еминъ съ отрядомъ изъ четырехъ сотъ человѣкъ пошелъ на Финское племя Тоймокаровъ[418]; но Суздальскіе Князья, ни Юрій, ни Ярославъ не пропустили ихъ чрезъ свою землю; принужденные возвратиться назадъ въ Новгородъ, Семьюнъ съ товарищами стали шатрами по полю, а въ городѣ начали распускать слухъ, что посадникъ Твердиславъ и Тысяцкій Якунъ нарочно заслали къ Юрію, чтобъ онъ не пускалъ ихъ, и этими слухами взволновали городъ: Твердиславъ и Якунъ лишены были своихъ должностей; посадничество отдано Семену Борисовичу, кажется внуку знаменитаго Мирошки, а тысяча Семьюну Емину. Но оба они и году не пробыли въ своихъ должностяхъ: въ томъ же 1219 году посадничество опять отдано было Твердиславу, а тысяча Якуну. Смуты, борьба сторонъ касались даже и Владыкъ: мы видѣли, что Мстиславъ съ своими приверженцами свергнулъ владыку Митрофана, какъ избранника Всеволодова; но по уходѣ Мстислава въ 1218 году Митрофанъ возвратился изъ Владимира въ Новгородъ и сталъ жить въ Благовѣщенскомъ монастырѣ; въ 1219 году, когда преемникъ его Антоній пошелъ въ Торжокъ, Новгородцы провозгласили опять Митрофана своимъ владыкою, а

къ Антонію послали сказать: «ступай куда тебѣ любо;» онъ отправился на житье въ Спасонередицкій монастырь; наконецъ Князь Всеволодъ и Новгородцы сказали обоимъ Владыкамъ: «Ступайте къ Митрополиту въ Кіевъ, и кого онъ изъ васъ пришлетъ опять къ намъ, тотъ и будетъ нашимъ владыкою.» Въ 1220 году пришелъ назадъ Архіепископъ Митрофанъ, оправданный Богомъ и св. Софіею, по выраженію лѣтописца, Антонія же Митрополитъ удержалъ у себя въ чести, и далъ ему епископство Перемышльское.

Всеволодъ Мстиславичь наслѣдовалъ вражду брата своего Святослава къ посаднику Твердиславу: въ 1220 году онъ отправился по своимъ дѣламъ въ Смоленскъ, оттуда проѣхалъ въ Торжокъ, и когда возвратился въ Новгородъ, то поднялъ половину его жителей на Твердислава, хотѣлъ убить его, а Твердиславъ былъ въ это время боленъ. Всеволодъ пошелъ съ Городища, гдѣ жилъ, со всѣмъ своимъ дворомъ, одѣвшись въ брони, какъ на рать, и пріѣхалъ на дворъ Ярославовъ, куда сошлись къ нему Новгородцы также вооруженные и стали полкомъ на княжомъ дворѣ; больнаго Твердислава вывезли на саняхъ къ Борисоглѣбской церкви, куда къ нему на защиту собрались жители Прусской улицы, Людина конца, Загородцы, и стали около него пятью полками. Князь увидавши, что они хотятъ крѣпко отдать свой животъ, по выраженію лѣтописца, не поѣхалъ на нихъ, но прислалъ владыку Митрофана съ добрыми рѣчами, и владыка успѣлъ помирить обѣ стороны. Но Твердиславъ самъ отказался отъ посадничества по причинѣ болѣзни, и видя, что болѣзнь все усиливается, тайкомъ отъ жены, дѣтей и всей братьи ушелъ въ Аркажь монастырь и тамъ постригся. Въ преемники ему былъ избранъ Иванко Дмитріевичь, какъ видно, сынъ Димитрія Якунича.

Между тѣмъ примиреніе Князя Всеволода съ Твердиславовою стороною не было прочно; въ слѣдующемъ же 1221 году Новгородцы показали путь Всеволоду: «не хотимъ тебя, ступай куда хочешь», сказали они ему. Необходимымъ слѣдствіемъ изгнанія Ростиславича было обращеніе къ Юрьевичамъ Суздальскимъ, и вотъ владыка Митрофанъ, посадникъ Иванко, старѣйшіе мужи отправились во Владиміръ къ Юрію Всеволодовичу

за сыномъ, и тотъ далъ имъ сына своего Всеволода на всей ихъ волѣ: послѣ Липецкой битвы Суздальскимъ Князьямъ нельзя было вдругъ опять начать прежнее поведеніе съ Новгородцами; Юрій, какъ видно, былъ очень радъ обращенію Новгородцевъ къ своему племени: богато одарилъ владыку и другихъ пословъ, и прислалъ брата своего Святослава съ войскомъ на помощь Новгородцамъ противъ Чуди. Но Юрьеву сыну не понравилось въ Новгородѣ: въ томъ же году онъ тайкомъ выѣхалъ оттуда со всѣмъ дворомъ своимъ; Новгородцы опечалились и отправили снова старшихъ мужей сказать Юрію: «Если тебѣ не угодно держать Новгорода сыномъ, такъ дай намъ брата.» И Юрій далъ имъ брата своего Ярослава, того самого, который прежде поморилъ ихъ голодомъ. Новгородцы были рады Ярославу, говоритъ лѣтописецъ, и когда въ 1223 году онъ ушелъ отъ нихъ въ свою волость — Переяславль Залѣскій, то они кланялись ему, уговаривали: «Не ходи, Князь;» но онъ не послушалъ ихъ просьбы; опять Новгородцы послали за Княземъ къ Юрію, и тотъ опять далъ имъ сына своего Всеволода. Въ 1224 году пришелъ Всеволодъ вторично въ Новгородъ, и въ томъ же году опять тайкомъ, ночью ушелъ оттуда; на этотъ разъ впрочемъ дѣло только этимъ не кончилось: Всеволодъ, по примѣру дяди, засѣлъ въ Торжкѣ, куда пришелъ къ нему отецъ Юрій съ полками, дядя Ярославъ, двоюродный братъ Василько Константиновичь съ Ростовцами, шуринъ Юріевъ, Михаилъ съ Черниговцами. Новгородцы послали сказать Юрію: «Князь! отпусти къ намъ сына своего, а самъ пойди съ Торжка прочь.» Юрій велѣлъ отвѣчать: «Выдайте мнѣ Якима Ивановича, Никифора Тудоровича, Иванка Тимошкинича, Сдилу Савинича, Вячка, Иваца, Радка; а если не выдадите, то я поилъ коней Тверцою, напою и Волховомъ.» Новгородцы собрали всю волость, около города поставили острогъ, и послали опять сказать Юрію: «Князь! кланяемся тебѣ, а братьи своей не выдаемъ, и ты крови не проливай, впрочемъ какъ хочешь: твой мечь, а наши головы.» И въ тоже время Новгородцы разставили сторожей по дорогамъ, подѣлали засѣки, твердо рѣшась умереть за св. Софію; Юрій не рѣшился идти поить коней Волховомъ, и послалъ сказать Новгородцамъ:

«Возьмите у меня въ князья шурина моего Михаила Черниговскаго.» Новгородцы согласились и послали за Михаиломъ, Юрій вышелъ изъ Торжка, но не даромъ: Новгородцы заплатили ему семь тысячь; здѣсь въ первый разъ они принуждены были откупиться деньгами отъ сѣвернаго Князя; преемники Юрія не преминутъ воспользоваться его примѣромъ.

Южный Князь изъ старой Руси былъ по нраву Новгородцамъ: при немъ было легко ихъ волости. Но подобно всѣмъ Князьямъ, Михаилъ не могъ долго у нихъ оставаться. Онъ пошелъ сперва во Владимиръ, выпрашивать у Юрія назадъ товаровъ Новгородскихъ, которые тотъ захватилъ на Торжку и по своей волости; возвратясь съ товарами въ Новгородъ, онъ сталъ на Ярославовомъ дворѣ, и сказалъ Новгородцамъ: «Не хочу у васъ княжить, иду въ Черниговъ; пускайте ко мнѣ купцовъ, пусть ваша земля будетъ какъ моя земля.» Новгородцы много упрашивали его остаться, и не могли упросить. Проводивши Михаила съ честію, Новгородцы принуждены были опять послать въ Переяславль къ Ярославу. Тотъ пришелъ къ нимъ, и на этотъ разъ пробылъ въ Новгородѣ почти три года, и когда уходилъ назадъ въ свой Переяславль, то оставилъ Новгородцамъ двоихъ сыновей, Ѳедора и Александра съ бояриномъ Ѳедоромъ Даниловичемъ и съ тіуномъ Якимомъ. Но при Ярославѣ и сыновьяхъ его Новгородской волости не было такъ легко, какъ при Михаилѣ Черниговскомъ: явились новыя подати, новыя распоряженія, какихъ не было означено въ старыхъ грамотахъ Ярославовыхъ. Съ другой стороны, молодымъ Князьямъ или, лучше сказать, дядькѣ ихъ Ѳедору Даниловичу не могло нравиться въ Новгородѣ, гдѣ происходили безпрерывныя волненія и вѣчевыя самоуправства, неизвѣстныя въ Низовой землѣ. Осенью 1228 года полили сильные дожди день и ночь, съ Успеньева дня до Николина не видать было солнца; ни сѣна нельзя было добыть, ни пашни пахать. Тогда дьяволъ, по выраженію лѣтописца, завидуя христіанскимъ подвигамъ владыки Арсенія, возбудилъ противъ него чернь: собрали вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и пошли на дворъ Владычинъ, крича: «Это изъ за Арсенія такъ долго стоитъ у насъ тепло: онъ выпроводилъ прежняго владыку Антонія на Хутынь, а самъ сѣлъ

задаривши Князя», — вытолкали его за ворота какъ злодѣя, чуть чуть не убили; едва успѣлъ онъ запереться въ Софійской церкви, откуда пошелъ въ Хутынь монастырь. На его мѣсто вывели опять прежняго архіепископа Антонія, но этимъ дѣло не кончилось: взволновался весь городъ; вооружились и пошли съ вѣча на тысяцкаго Вячеслава, разграбили дворъ его, дворъ брата его Богуслава, дворъ Андреича, владыкина стольника и другихъ; послали грабить дворъ и Душильца, Липитскаго старосты, а самого хотѣли повѣсить, но онъ успѣлъ убѣжать къ Ярославу, такъ взяли его жену, говоря: «эти люди наводятъ Князя на зло.» Отнявши должность Тысяцкаго у Вячеслава и давши ее Борису Нѣгочевичу, Новгородцы послали сказать Князю Ярославу: «Пріѣзжай къ намъ, новыя пошлины оставь, судей по волости не шли, будь нашимъ Княземъ на всей волѣ нашей и на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, или ты себѣ, а мы себѣ[419].» Вмѣсто отвѣта Ѳедоръ Даниловичь и тіунъ Якимъ, взявши двухъ княжичей, побѣжали изъ Новгорода; Новгородцы сказали: «Что же это онъ побѣжалъ? развѣ какое зло задумалъ на св. Софію; а мы ихъ не гнали, только братью свою казнили, а Князю никакого зла не сдѣлали, пусть на нихъ будетъ Богъ и крестъ честный, а мы себѣ Князя промыслимъ», — поцѣловали образъ Богородицы, что быть всѣмъ за одно, и послали за Михаиломъ въ Черниговъ; послы ихъ были задержаны въ Смоленскѣ тамошними Князьями по Ярославову наученію, да и потому вѣроятно, что Ростиславичи не могли желать добра Новгородцамъ послѣ изгнанія Всеволода. Не смотря на то, Михаилъ какъ-то узналъ о Новгородскихъ происшествіяхъ, о томъ, что послы, отправленные за нимъ задержаны въ Смоленскѣ, и поскакалъ въ Торжокъ, а оттуда въ 1229 году явился въ Новгородѣ, къ величайшей радости Новгородцевъ, которымъ онъ цѣловалъ крестъ на всей ихъ волѣ и на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, освободилъ смердовъ отъ платежа дани на пять лѣтъ, платежъ сбѣжавшимъ на чужую землю установилъ на основаніи распоряженій прежнихъ Князей. Получивъ желаннаго Князя, сторона Михаилова обратилась противъ своихъ противниковъ, приверженцевъ Ярославовыхъ, преимущественно Городищанъ: дворовъ ихъ не грабили, но взяли съ нихъ много

денегъ, и дали на строеніе большаго моста. Тогда же отняли посадничество у Ивана Дмитріевича, и отдали его Внѣзду Водовику, а Иванку дали Торжокъ, но жители этого города не приняли его, и онъ пошелъ къ Ярославу.

Михаилъ впрочемъ и на этотъ разъ не долго оставался въ Новгородѣ: въ томъ же 1229 году, оставивъ сына Ростислава въ Новгородѣ, и взявши съ собою нѣсколько знатныхъ Новгородцевъ, онъ пошелъ въ Черниговъ къ братьямъ; къ Ярославу послали сказать: «Отступись отъ Волока и отъ всего Новгородскаго, что взялъ силою, и цѣлуй крестъ.» Ярославъ отвѣчалъ: «Ни отъ чего не отступаюсь и креста не цѣлую, вы себѣ, а я себѣ», — и продержалъ пословъ все лѣто. Въ слѣдующемъ году Михаилъ явился въ Новгородъ, справилъ постриги своему сыну Ростиславу, посадилъ его на столѣ, а самъ опять пошелъ въ Черниговъ. Имѣть малолѣтнаго Князя для Новгородцевъ было все равно, что не имѣть его вовсе, начались опять сильныя волненія: новый посадникъ Водовикъ поссорился съ сыномъ стараго посадника Степаномъ Твердиславичемъ, сторону котораго принялъ Иванко Тимошкиничь; слуги посадничьи прибили Тимошкинича, который на другой день собралъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, въ слѣдствіе чего дворъ посадничій былъ разграбленъ. Но Водовикъ вмѣстѣ съ Семеномъ Борисовичемъ, старымъ посадникомъ, соперникомъ Твердислава, а слѣдовательно и сына его, подняли снова весь городъ на Иванка и его пріятелей, пошли съ вѣча и много дворовъ разграбили, а Волоса Блуткинича убили на вѣчѣ, при чемъ Водовикъ приговаривалъ: «ты мой дворъ хотѣлъ зажечь.» Водовикъ послѣ убилъ также и Тимошкинича, сбросивши его въ Волховъ. Но зимою, когда посадникъ вмѣстѣ съ княжичемъ Ростиславомъ поѣхалъ въ Торжокъ, то на другой же день враги его убили Семена Борисовича, домъ и села его разграбили, жену схватили; также разграбили дворъ и села Водовиковы, брата его и пріятелей, тысяцкаго Бориса. Услыхавъ объ этомъ, Водовикъ съ братьями, тысяцкій Борисъ и Торжокскіе бояре побѣжали къ Михаилу въ Черниговъ, а въ Новгородѣ дали посадничество Степану Твердиславичу, должность тысяцкаго Никитѣ Петриловичу, имѣніе Семена и Водовика раздѣлили по сотнямъ, а Князю Ростисла-

ву показали путь изъ Торжка, послали сказать ему: «Твой отецъ обѣщался сѣсть на коня и въ походъ идти съ Воздвиженія, а теперь уже Николинъ день; съ насъ крестное цѣлованіе долой, а ты ступай прочь, мы себѣ Князя промыслимъ»,— и послали за Ярославомъ на всей волѣ Новгородской[420]; тотъ пріѣхалъ немедленно, поклялся исполнять всѣ грамоты Ярославовы, но по прежнему не постоянно жилъ въ Новгородѣ, гдѣ занимали его мѣсто сыновья — Ѳедоръ и Александръ; новыя льготы, данныя Михаиломъ, были уничтожены по нѣкоторымъ извѣстіямъ.

Такимъ образомъ слѣдствія дѣла Мстиславова, Липецкой побѣды, не были продолжительны на сѣверѣ: Юрій по прежнему сидѣлъ во Владимирѣ, и Новгородцы, послѣ многихъ волненій и перемѣнъ, должны были опять принять Ярослава, который, не смотря на всѣ неудачи, не перемѣняетъ своего поведенія, не отказывается отъ намѣренія стѣснять старинный бытъ Новгородскій вопреки южному Черниговскому Князю, который даетъ старымъ вѣчникамъ новыя льготы. Обратимся теперь къ дѣятельности Мстиславовой на югозападѣ. Сваты — Андрей Венгерскій и Лешко Польскій скоро поссорились; Король отнялъ у Лешка Перемышль и Любачевъ, и тотъ, не имѣя возможности самъ отомстить за свое безчестье и овладѣть Галичемъ, послалъ сказать Мстиславу: «Ты мнѣ братъ, приходи и садись въ Галичѣ.» Мстиславъ долженъ былъ обрадоваться этому приглашенію, потому что въ Новгородѣ въ это время (1215 г.[421]) приходилось ему плохо; онъ явился въ Галичь, Венгры побѣжали, и Удалой утвердился на столѣ Романа, выдавши за сына его Даніила дочь свою Анну. Даніилъ возмужалъ и скоро всѣ увидали, что онъ пойдетъ въ знаменитаго отца своего. Пользуясь слабостію Волыни по смерти Романа и во время малолѣтства сыновей его, Поляки овладѣли пограничными мѣстами, украйною; теперь Даніилъ вздумалъ отнять у нихъ эту украйну, и пріѣхавъ къ тестю Мстиславу, сказалъ ему: «Батюшка! Ляхи держатъ мою отчину!» тотъ отвѣчалъ ему: «Сынъ! за прежнюю любовь я не могу подняться на Лешка, ищи себѣ другихъ союзниковъ.» У Даніила былъ одинъ неизмѣнный союзникъ во всю жизнь — родной братъ Василько; вмѣстѣ съ нимъ онъ по-

шелъ на Поляковъ, и возвратилъ Волынскую украйну. Лешко сильно разсердился за это на Романовичей, послалъ противъ нихъ войско, но войско это возвратилось пораженное. Не смотря на то, что Мстиславъ отказался помогать зятю противъ Лешка, онъ не избѣжалъ подозрѣнія, что война начата по его совѣту, и Лешко, злобясь на него, соединился снова съ Венгерскимъ Королемъ, приглашая его опять овладѣть Галичемъ для сына своего, зятя Лешкова. Королевичь Коломанъ пришелъ съ сильными полками, противъ которыхъ Мстиславъ, при нерасположеніи бояръ, съ одною своею дружиною не могъ бороться; онъ вышелъ изъ страны, сказавши молодому Даніилу, который отличился необыкновенною храбростію при отступленіи изъ Галича: «Князь! ступай во Владиміръ, а я пойду къ Половцамъ: отомстимъ за стыдъ свой.»

Но не къ Половцамъ отправился Мстиславъ: онъ пошелъ на сѣверъ, тамъ освободилъ Новгородъ отъ Ярослава Всеволодовича, одержалъ Липецкую побѣду, и только въ 1218 году явился опять на югѣ; нанявши Половцевъ, въ слѣдующемъ году онъ пошелъ на Галичь; войсками Коломана начальствовалъ воевода Филя, которому лѣтописецъ придаетъ названіе прегордаго: Филя съ презрѣніемъ отзывался о Русскихъ полкахъ, онъ говаривалъ: «Одинъ камень много горшковъ побиваетъ;» говаривалъ также: «Острый мечь, борзый конь—много Руси.» Но въ тяжкой битвѣ съ Мстиславомъ не спасли его ни острый мечь, ни борзый конь, ни Польская помощь: онъ проигралъ битву и былъ взятъ въ плѣнъ. Послѣ побѣды Мстиславъ осадилъ Галичь; Венгры заперлись на крѣпкой башнѣ, которую Филя построилъ надъ Богородичною церковію, и тамъ защищались, стрѣляя и метая камни на гражданъ; лѣтописецъ смотритъ на это обращеніе церкви въ крѣпость, какъ на оскверненіе святаго мѣста, укоряетъ Филю, и говоритъ, что Богородица, не стерпѣвши поруганія надъ домомъ своимъ, предала башню и защитниковъ ея въ руки Мстиславу: Венгры, изнемогая отъ жажды, сдались. Была радость большая, говоритъ лѣтописецъ: спасъ Богъ отъ иноплеменниковъ; потому что изъ Венгровъ и Ляховъ одни были перебиты, другіе взяты въ плѣнъ, иные перетопули въ рѣкахъ, нѣкоторыхъ перебили сельскіе жители,ниодинъ не

ушелъ. Между плѣнными находился и знаменитый бояринъ Судиславъ; когда его привели къ Мстиславу, то онъ припалъ къ ногамъ побѣдителя, клянясь быть ему вѣрнымъ слугою; Мстиславъ повѣрилъ, сталъ держать его въ большой чести и отдалъ Звѣнигородъ въ управленіе. — Когда Романовичи, во время отсутствія Мстиславова, должны были бороться съ опасными врагами Венграми и Поляками, и не было имъ ни откуда помощи, кромѣ одного Бога, по выраженію лѣтописца, противъ нихъ всталъ также ближній родственникъ, двоюродный братъ, Александръ Всеволодовичь Бѣльзскій; но теперь, когда Мстиславъ восторжествовалъ надъ Венграми и Лешко поспѣшилъ примириться съ Романовичами, то послѣдніе пошли отомстить Александру, и поплѣнили всю его землю; только заступничеству Мстислава Бѣльзской Князь былъ обязанъ сохраненіемъ своей волости.

Но понятно, что злоба Александрова на двоюродныхъ братьевъ не уменьшилась отъ этого, и ему скоро представился случай отомстить имъ, потому что Даніилъ не долго жилъ въ дружбѣ съ тестемъ. Причинъ къ нерасположенію не могло не быть, потому что права ихъ на Галичь сталкивались: Мстиславъ добылъ Галичь оружіемъ отъ иноплеменниковъ, но Даніилъ не забывалъ, что эта была волость отца его; притомъ же смутниковъ было много: бояре крамолили, Александръ Бѣльзскій поджигалъ еще больше. Узнавши, что Мстиславъ не въ ладахъ съ зятемъ, онъ сильно обрадовался и сталъ понуждать Удалаго къ рати противъ Романовичей. Началась усобица между двумя изъ знаменитѣйшихъ Князей Русскихъ стараго и новаго поколѣнія: Даніилъ соединился съ Поляками, Мстиславъ привелъ Половцевъ, поднялъ и Владиміра Рюриковича, Князя Кіевскаго; но въ этой усобицѣ больше всѣхъ потерпѣлъ главный виновникъ ея, Александръ Бѣльзскій: Мстиславъ дѣйствовалъ какъ-то вяло въ его пользу, и волость Бѣльзская снова была страшно опустошена Романовичами; озлобленный Александръ еще больше сталъ поджигать Мстислава на Даніила: «зять твой хочетъ тебя убить» — твердилъ онъ ему; но напослѣдокъ Удалому открыли глаза, онъ увидалъ, что все это была клевета на Даніила, и помирился съ зятемъ. Но и по-

слѣ этого спокойствіе не возстановилось; бояринъ Жирославъ завелъ смуту: онъ увѣрилъ остальныхъ бояръ, что Мстиславъ идетъ въ степь къ тестю своему, Половецкому хану Котяну, дабы тамъ перебить ихъ всѣхъ. Бояре всполошились, и побѣжали въ Перемышльскій округъ, въ Карпатскія горы, откуда послали объявить Мстиславу о причинѣ своего бѣгства, прямо указывая на Жирослава. Мстиславъ, который, по увѣренію лѣтописца, и не думалъ ничего предпринимать противъ бояръ, послалъ къ нимъ духовника своего Тимоѳея разувѣрить ихъ; Тимоѳей исполнилъ порученіе и привелъ назадъ бояръ, послѣ чего Жирославъ былъ изгнанъ Мстиславомъ отъ себя. Жирославъ былъ изгнанъ, но товарищи его остались, и потому смута слѣдовала за смутой. Бояре уговорили Мстислава обручить меньшую свою дочь Венгерскому Королевичу Андрею, и дать нареченному зятю Перемышль; Андрей не долго нажилъ здѣсь въ покоѣ: послушавшись боярина Семена Чермнаго, онъ бѣжалъ къ отцу въ Венгрію и поднялъ его на войну противъ тестя Мстислава; съ Венграми соединились Поляки, и Король съ сильнымъ войскомъ сталъ забирать Галицкіе города; но подъ Звѣнигородомъ потерпѣлъ сильное пораженіе отъ Мстислава и поспѣшилъ уйти назадъ въ свою землю. Романовичи, пріѣхавши на помощь къ Мстиславу, побуждали его преслѣдовать Короля; но послѣднему благопріятствовали бояре, и одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ, Судиславъ, да другой еще Глѣбъ Зеремѣевичь; они не только удержали Мстислава отъ преслѣдованія, но уговорили его выдать дочь за обрученнаго жениха, Королевича, и отдать послѣднему не Перемышль только, но все Галицкое княжество; они говорили Мстиславу: «Князь! самъ ты не можешь держать Галича: бояре не хотятъ тебя; если отдашь его Королевичу, то можешь взять его подъ нимъ назадъ, когда захочешь; если же отдашь Даніилу, то уже никогда не будетъ больше твой Галичь, потому что народъ крѣпко любитъ Даніила.» Мстиславъ исполнилъ желаніе бояръ, отдалъ Королевичу Андрею Галичь, а самъ взялъ Понизье; потомъ раскаялся и послалъ сказать Даніилу: «Сынъ! согрѣшилъ я, что не далъ тебѣ Галича, но отдалъ его иноплеменнику, по совѣту льстеца Судислава: обольстилъ онъ меня; но, если Бо-

гу угодно, то дѣло еще можно поправить: пойдемъ на нихъ— я съ Половцами, а ты съ своими; когда Богъ намъ поможетъ, то ты возьмешь Галичь, а я Понизье.» Но Удалой не успѣлъ загладить своей неосторожности, и до самой смерти не могъ высвободиться изъ подъ вліянія Глѣба Зеремѣевича, который не допустилъ его передъ кончиною повидаться съ Даніиломъ, и отдать послѣднему домъ свой и дѣтей на руки. Мстиславъ умеръ въ 1228 году[422]: Князь знаменитый подвигами славными, но безполезными, показавшій ясно несостоятельность старой, южной Руси, неспособность ея къ дальнѣйшему государственному развитію. На сѣверѣ Мстиславъ освободилъ Новгородъ сперва отъ Всеволода, потомъ отъ сына Всеволодова, наконецъ Липецкою побѣдою нарушилъ завѣщаніе Всеволода: но мы видѣли, продолжительны ли были слѣдствія Липецкой побѣды; на югѣ Мстиславъ овладѣлъ Галичемъ, отнялъ его у Венгровъ, но потомъ самъ добровольно отдалъ имъ назадъ это Русское княжество, изъявилъ только передъ смертію безполезное раскаяніе въ своей безхарактерности; — и все здѣсь на югѣ осталось по прежнему, какъ будто бы Мстислава и не было; по прежнему южная Русь стала доживать свой вѣкъ въ безконечныхъ ссорахъ Мономаховичей съ Ольговичами, Ростиславичей съ Изяславичами.

Мы видѣли, что Мстиславъ Удалой въ 1214 году, выгнавши изъ Кіева Всеволода Чермнаго, посадилъ на его мѣсто старшаго между Ростиславовыми внуками, Мстислава Романовича, который и сидѣлъ на старшемъ столѣ до 1224 года; по смерти Романовича Кіевъ достался по очереди старшему по немъ двоюродному брату Владиміру Рюриковичу. Въ Черниговѣ, по смерти Всеволода Чермнаго княжилъ братъ его Мстиславъ, а по смерти послѣдняго въ 1224 году, племянникъ его, сынъ Всеволода Чермнаго Михаилъ, котораго мы видѣли дѣйствующимъ въ Новгородѣ; но занялъ ли Михаилъ Черниговъ тотчасъ по смерти Мстислава, трудно рѣшить утвердительно, ибо какъ то странно, что въ 1224 году онъ рѣшился промѣнять Черниговъ на Новгородъ; вѣрно одно, что Михаилъ не могъ утвердиться въ Черниговѣ, безъ борьбы съ дядею своимъ Олегомъ Курскимъ; неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта борьба, если бъ

на помощь къ Михаилу не явился сильный союзникъ, зять его, Князь Суздальскій Юрій съ двумя племянниками Константиновичами (1226 г.); разумѣется Курскій Князь не могъ противиться соединеннымъ силамъ Суздальскаго и Черниговскаго Князей, и долженъ былъ уступить права свои племяннику; въ лѣтописи сказано, что Юрій помирилъ ихъ съ помощію митрополита Кирилла: такъ сѣверному Князю удалось нарушить старину и на югѣ еще при жизни Мстислава Удалаго; — племя Ольговичей было многочисленно: лѣтопись упоминаетъ о князьяхъ Козельскихъ, Трубчевскихъ, Путивльскихъ, Рыльскихъ. — Старшіе Юрьевичи Суздальскіе, уступая Кіевъ слѣдующимъ послѣ нихъ по племенному старшинству Мстиславичамъ, удерживаютъ Переяславль для своихъ младшихъ, Юрьевичей, которые соотвѣтствуютъ по старшинству Мстиславичамъ, сидящимъ въ Кіевѣ. Мы видѣли, какъ сынъ Всеволода, Ярославъ былъ изгнанъ изъ Переяславля Всеволодомъ Чермнымъ въ 1207 году, послѣ чего Переяславль одно время былъ за Ростиславичами; но въ 1213 году Всеволодовичи послали туда младшаго брата своего Владиміра, который было засѣлъ на время въ Москвѣ; взятый въ плѣнъ Половцами въ 1215 году, и освободившись изъ плѣна въ 1218 г., Владиміръ отправился къ братьямъ на сѣверъ, гдѣ получилъ отъ нихъ Стародубъ и нѣкоторыя другія волости, и умеръ въ 1227 году; въ этомъ же самомъ году Юрій Всеволодовичь отправилъ въ Переяславль на столъ племянника своего Всеволода Константиновича; кто же сидѣлъ здѣсь во время плѣна Владимірова и пребыванія его на сѣверѣ—неизвѣстно; но Всеволодъ Константиновичь не пробылъ и года въ Переяславлѣ, куда на его мѣсто Юрій отправилъ брата своего Святослава. — На западъ отъ Днѣпра мы видѣли судьбу старшей линіи Изяслава Мстиславича, княжившей во Владимирѣ Волынскомъ; что касается до младшей линіи, Князей Луцкихъ, то по смерти Ярослава Изяславича, въ Луцкѣ княжилъ Ингварь сынъ его, котораго мы видѣли одно время и въ Кіевѣ; по смерти Ингваря въ Луцкѣ сѣлъ братъ его Мстиславъ Нѣмой, который, умирая, поручилъ отчину свою и сына Ивана Даніилу Романовичу; Иванъ скоро умеръ, и Луцкъ былъ занятъ двоюроднымъ братомъ его Ярославомъ Ингваревичемъ, а

Чарторыйскъ Княземъ Пинскимъ Ростиславомъ; но Даніилъ взялъ и Луцкъ и Чарторыйскъ, и отдалъ Луцкъ и Пересопницу брату своему Васильку, который владѣлъ также и Брестомъ, а Ярославу далъ Перемышль и Межибожь. Мы упомянули о Князѣ Пинскомъ: послѣ того какъ внуку Святополкову, Юрію Ярославичу удалось утвердиться въ Туровской волости, волость эта стала дѣлиться въ его поколѣніи между двумя княжескими линіями, пошедшими отъ сыновей его — Святополка и Глѣба; главнымъ образомъ Туровская волость дѣлилась на два княжества — Туровское и Пинское, кромѣ того были другія мельчайшія волости. Святополкъ Юрьевичь, шуринъ Рюрика Ростиславича, умеръ въ 1195 году[423]. — Между разными линіями Князей Полоцкихъ по прежнему происходили усобицы, ни чѣмъ особенно не замѣчательныя[424].

Разсматривая дѣятельность Князей Русскихъ въ періодъ времени отъ взятія Кіева войсками Боголюбскаго до смерти Мстислава Удалаго, мы замѣтили при нихъ бояръ и слугъ: на сѣверѣ, въ Суздальской области видѣли знаменитаго воеводу Боголюбскаго, Бориса Жидиславича, который по смерти Андрея вмѣстѣ съ другими своими товарищами держалъ сторону Ростиславичей противъ Юрьевичей, въ слѣдствіе торжества послѣднихъ перешелъ въ службу къ врагу ихъ, Князю Глѣбу Рязанскому, вмѣстѣ съ которымъ попался въ плѣнъ ко Всеволоду III въ сраженіи при Прусковой горѣ. На одной сторонѣ съ Борисомъ были Добрыня Долгій, Иванко Степановичь, Матеяшъ Бутовичь, двое первыхъ погибли въ битвѣ Всеволода III-го съ Мстиславомъ Ростовскимъ, послѣдній, какъ видно, тутъ же былъ взятъ въ плѣнъ. Кромѣ именъ лицъ, находившихся при дворѣ Андреевомъ и участвовавшихъ въ заговорѣ на его жизнь, мы встрѣчаемъ имя Михна, посла его къ Ростиславичамъ южнымъ. Изъ мужей Всеволода III-го встрѣчаемъ исполнителями его порученій Михаила Борисовича, (быть можетъ сына Бориса Жидиславича), который водилъ Ольговичей ко кресту въ 1207 году, участвовалъ въ дѣлахъ Рязанскихъ и Новгородскихъ; Лазаря, который распоряжался именемъ своего Князя въ Новгородѣ, тіуна Гюря, котораго Всеволодъ посылалъ на югъ для обновленія Городца Остерскаго въ 1195 го-

ду; меченошу Кузьму Ратьшича, который воевалъ Тепру въ 1210 году; Ѳому Лазковича и Дорожая, участвовавшихъ въ Болгарскомъ походѣ 1182 года; боярина, Якова, племянника В. Князя Всеволода отъ сестры. Изъ бояръ при сыновьяхъ Всеволодовыхъ упоминается Иванъ Родиславичь, убитый въ сраженіи подъ Ростовомъ[425], Андрей Станиславичь, который уговаривалъ младшихъ Всеволодовичей предъ Липецкою битвою мириться съ Мстиславомъ Удалымъ[426]; Еремѣй Глѣбовичь, служившій сперва Константину, а потомъ Юрію, Воиславъ Добрыничь, Ростовскій воевода при сыновьяхъ Константиновыхъ. Изъ бояръ при Князьяхъ южной Руси подъ 1171 годомъ упоминается Шумскій посадникъ Паукъ, кормилецъ Дорогобужскаго Князя Владиміра Андреевича; при Глѣбѣ Юрьевичѣ въ Кіевѣ Тысяцкимъ былъ Григорій — неизвѣстно, Кіевскій ли бояринъ, или пришлый съ Глѣбомъ изъ Переяславля. Извѣстный намъ прежде выѣзжій Полякъ, Владиславъ Вратиславичь, по изгнаніи Мстислава Изяславича изъ Кіева, отступилъ отъ послѣдняго къ враждебнымъ ему Князьямъ: Давыдъ Ростиславичь Вышегородскій посылаетъ его преслѣдовать Мстислава въ 1172 году; во время войны Глѣба и Михаила Юрьевичей съ Половцами (1172 г.) воеводою у нихъ былъ Владиславъ, Яневъ братъ—быть можетъ тотъ же самый Ляхъ, быть можетъ и другой, и Яневъ братъ сказано именно для отличія его отъ извѣстнаго Ляха; по смерти Глѣба послѣдній оставался въ Кіевѣ и держалъ сторону Боголюбскаго противъ Ростиславичей, которые захватили его тамъ вмѣстѣ со Всеволодомъ Юрьевичемъ въ 1174 году. Поводомъ къ знаменитой борьбѣ Боголюбскаго съ Ростиславичами было обвиненіе троихъ Кіевскихъ бояръ—Григорія Хотовича, Степанца и Олексы Святославича въ отравленіи Князя Глѣба: Григорій Хотовичь былъ вѣроятно упомянутый выше Тысяцкій Григорій, братъ Константина Хотовича, плѣненнаго прежде Половцами. Изъ бояръ въ Кіевѣ при Святославѣ Всеволодовичѣ упоминается любимецъ его Кочкарь, по всѣмъ вѣроятностямъ приведенный имъ изъ Чернигова; лѣтописецъ говоритъ, что Князь открывалъ свои тайныя намѣренія одному этому Кочкарю мимо другихъ. По походамъ на Половцевъ извѣстны Черниговскіе бояре Ольстинъ Олексичь и Ро-

манъ Нѣздиловичь (1184, 1185, 1187 г.). У Рюрика Ростиславича Бѣлгородскаго и потомъ Кіевскаго упоминается воевода Лазарь, Сдѣславъ Жирославичь, Борисъ Захарьичь, кормилецъ Владиміра, сына Мстислава Храбраго; Сдѣславъ Жирославичь упоминается послѣ въ числѣ бояръ Мстислава Удалаго; потомъ у Рюрика въ Бѣлгородѣ встрѣчаемъ воеводу Славна Борисовича, бывшаго потомъ Тысяцкимъ въ Кіевѣ, гдѣ видимъ также при Рюрикѣ боярина Чурыню, посыланнаго въ 1187 году вмѣстѣ съ Славномъ за дочерью Всеволода III-го; у сына Рюрикова, Ростислава былъ бояринъ Рогволодъ, котораго онъ въ 1192 году посылалъ къ отцу толковать о Половецкомъ походѣ. Смоленскимъ Тысяцкимъ при Князѣ Давыдѣ Ростиславичѣ былъ Михалко; у Владиміра Рюриковича во время Липецкаго боя упоминается бояринъ Яволодъ, и потомъ Иворъ Михайловичь, быть можетъ, сынъ упомянутаго выше Михалка. Изъ бояръ Князя Глѣба Рязанскаго упоминаются Борисъ и Дѣдилецъ, которые такъ много содѣйствовали отстраненію Юрьевичей въ пользу Ростиславичей по смерти Боголюбскаго; Дѣдилецъ вмѣстѣ съ другимъ Рязанскимъ бояриномъ Олстинымъ попался въ плѣнъ Всеволоду III въ 1177 году[427]; потомъ изъ Рязанскихъ бояръ во время войны Святослава Черниговскаго со Всеволодомъ III упоминается Иванъ Мирославичь.

Разсмотрѣвши отношенія внутреннія, обратимся ко внѣшнимъ, которыя въ послѣднее время начинаютъ принимать особый, очень важный характеръ. Мы знаемъ, что древнія Русскія владѣнія въ прибалтійскихъ областяхъ дѣлились на двѣ части: сѣверную, зависѣвшую болѣе или менѣе отъ Новгорода, и южную, зависѣвшую отъ Полоцка. Къ берегамъ этой-то южной части Русскихъ владѣній, къ устью Двины, въ 1158 году, прибитъ былъ бурею корабль Бременскихъ купцовъ. Негостепріимно встрѣтили ихъ туземцы; но послѣ схватки, въ которой побѣда осталась на сторонѣ Нѣмцевъ, Ливы стали сговорчивѣе и позволили пришлецамъ производить мѣну. Выгода этой мѣны заставила Бременцевъ нѣсколько разъ возвращаться съ товарами къ устью Двины, наконецъ выпросили они себѣ у туземцевъ позволеніе основать здѣсь постоянную контору; мѣсто было выбрано подлѣ Двины на горѣ, гдѣ построили большой домъ и остро-

жекъ, который получилъ названіе Укскуль; скоро потомъ построена была другая факторія Даленъ[428].

Извѣстіе о поселеніяхъ, заведенныхъ Нѣмцами при устьѣ Двины среди языческаго народонаселенія, обратило на себя вниманіе Бременскаго Архіепископа, который не могъ пропустить благопріятнаго случая для распространенія предѣловъ церкви. Онъ объявилъ объ этомъ Папѣ Александру III-му, и тотъ велѣлъ ему отправить въ Ливонію искуснаго миссіонера; Архіепископъ отправилъ туда Мейнгарда, монаха Августинскаго ордена[429]. Мейнгардъ выпросилъ позволеніе у Князя Полоцкаго проповѣдовать Евангеліе между подвластными ему язычниками, построилъ церковь въ Укскулѣ, и успѣлъ обратить нѣсколько туземцевъ. Скоро Литовцы напали на окрестности Укскуля; Мейнгардъ съ жителями послѣдняго спрятался въ лѣсахъ, гдѣ имѣлъ бой съ врагами. По ихъ удаленіи онъ началъ укорять Ливовъ за то, что они живутъ такъ оплошно, не имѣютъ крѣпостей, и обѣщалъ имъ построить крѣпкіе замки, если они за это обяжутся принять Христіанство. Ливы согласились; и на слѣдующее лѣто явились изъ Готланда строители и каменосѣчцы. Еще прежде чѣмъ начали строить замокъ Укскуль, часть народа окрестилась, остальные обѣщали креститься какъ скоро весь замокъ будетъ готовъ. Замокъ выстроили, Мейнгардъ посвященъ былъ въ Епископы, — но никто не думалъ креститься; подъ условіемъ такогоже обѣщанія выстроили другой замокъ — Гольмъ, и также никто не думалъ принимать Христіанство; мало того, язычники начали явно обнаруживать непріязненныя намѣренія противъ Епископа, грабили его имѣніе, били его домашнихъ; но всего больше огорчало Мейнгарда то, что уже крещенные туземцы стали погружаться въ Двину, чтобъ, по ихъ словамъ, смыть съ себя крещеніе и отослать его въ Германію[430]. У Мейнгарда былъ товарищъ въ дѣлѣ проповѣди, братъ Ѳеодорихъ, монахъ Цистерціенскаго ордена: этого Ѳеодориха Ливонцы вздумали однажды принесть въ жертву богамъ, чтобъ жатва была обильнѣе, чтобъ дожди не повредили ей. Народъ собрался, положили копье на землю, вывели священнаго коня, смотрятъ, какою ногою прежде ступитъ конь — правою — опредѣлитъ смерть, лѣвою жизнь; конь ступаетъ ногою жизни; но

волхвъ противится, утверждаетъ, что тутъ чары со стороны враждебной религіи: опять ведутъ коня, опять ступаетъ онъ лѣвою ногою, и Ѳеодорихъ спасенъ. Въ другой разъ тотъ же Ѳеодорихъ находился въ Эстоніи, когда въ день св. Іоанна Крестителя случилось солнечное затмѣніе; несчастному монаху грозила опять страшная опасность отъ язычниковъ, которые приписали затмѣніе ему, говоря, что онъ съѣдаетъ солнце.

Когда Мейнгардъ увидалъ, что мирными средствами трудно будетъ распространить христіанство между Ливами, то отправилъ посла къ папѣ представить жалкое положеніе юной церкви своей: Папа велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ противъ Ливонскихъ язычниковъ; но Мейнгардъ не дождался прибытія крестоваго ополченія: онъ умеръ въ 1196 году; въ этомъ же году Датскій Король Канутъ VI-й присталъ къ Эстонскому берегу и утвердился здѣсь, принудивъ туземцевъ силою принять христіанство. Между тѣмъ Ливонскіе христіане отправили посольство къ Бременскому архіепископу съ просьбою о присылкѣ преемника Мейнгарду; новый епископъ, Бартольдъ явился сперва безъ войска, собралъ туземныхъ старшинъ и пытался привлечь ихъ къ себѣ угощеніями и подарками, однако напрасно: при первомъ удобномъ случаѣ они завели споръ о томъ, какимъ способомъ погубить новаго епископа: сжечь ли его въ церкви, или убить, или утопить въ Двинѣ. Бартольдъ тихонько ушелъ на корабль и отплылъ сперва на Готландъ, а потомъ въ Германію, откуда послалъ къ Папѣ съ извѣстіемъ о своемъ печальномъ положеніи; Папа объявилъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто отправится въ крестовый походъ противъ Ливонцевъ, въ слѣдствіе чего около Бартольда собрался значительный отрядъ крестоносцевъ, съ которымъ онъ и отправился назадъ въ Ливонію. Туземцы вооружились, и послали спросить епископа, зачѣмъ онъ привелъ съ собою войско? Когда Бартольдъ отвѣчалъ, что войско пришло для наказанія отступниковъ, то Ливонцы велѣли сказать ему: «Отпусти войско домой, и ступай съ миромъ на свое епископство: кто крестился, тѣхъ ты можешь принудить оставаться христіанами, другихъ убѣждай словами, а не палками[431].» Урокъ не подѣйствовалъ на Бартольда: онъ позволилъ себѣ принять участіе въ битвѣ между

крестоносцами и туземцами, и когда послѣдніе были обращены въ бѣгство, то быстрый конь занесъ епископа въ ряды язычниковъ, которые изрубили его. Нѣмцы воспользовались своею побѣдою и страшно опустошили страну; туземцы принуждены были къ покорности, крестились, приняли къ себѣ священниковъ, опредѣлили на ихъ содержаніе извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ съ плуга; но только что крестоносцы успѣли сѣсть на корабли, какъ уже Ливонцы начали окунываться въ Двину, чтобъ смыть съ себя крещеніе, ограбили священниковъ, выгнали ихъ изъ страны; хотѣли сдѣлать тоже и съ купцами, но тѣ задарили старшинъ, и остались.

Скоро возвратились также и священники; съ ними пріѣхалъ новый епископъ Албертъ въ сопровожденіи крестоваго отряда, помѣщавшагося на 23 корабляхъ. Албертъ принадлежалъ къ числу тѣхъ историческихъ дѣятелей, которымъ предназначено измѣнять бытъ старыхъ обществъ, полагать твердыя основы новымъ; пріѣхавши въ Ливонію, онъ мгновенно уразумѣлъ положеніе дѣлъ, нашелъ вѣрныя средства упрочить торжество христіанства и своего племени надъ язычествомъ и туземцами, съ изумительнымъ постоянствомъ стремился къ своей цѣли, и достигъ ея. Враждебно встрѣтили туземцы новаго епископа, онъ долженъ былъ выдержать отъ нихъ осаду въ Гольмѣ; новоприбывшіе крестоносцы освободили его; но Албрехтъ хорошо видѣлъ, что съ помощію этихъ временныхъ гостей нельзя утвердиться въ Ливоніи; туземцы не умѣли выдерживать битвъ съ искусными нѣмецкими ополченіями; потерпѣвъ пораженіе, видя жилища и нивы свои опустошенными, они покорялись, обѣщаясь принять христіанство; но стоило только крестоносцамъ сѣсть на корабли, какъ они возвращались къ прежней вѣрѣ и начинали враждебно дѣйствовать противъ пришлецовъ. Нужно было слѣдовательно вести борьбу не временными, случайными наѣздами; нужно было стать твердою ногою на новой почвѣ, вывести сильную Нѣмецкую колонію, основать городъ, въ стѣнахъ котораго юная церковь могла бы находить постоянную защиту. Съ этою цѣлію въ 1200 году Альбертъ основалъ при устьѣ Двины городъ Ригу; но мало было основать, нужно было дать народонаселеніе новому городу, и Альбертъ самъ ѣздилъ въ Герма-

нію набирать колонистовъ, и привозилъ ихъ съ собою. Но одного города съ Нѣмецкимъ народонаселеніемъ было еще недостаточно: народонаселеніе это не могло предаваться мирнымъ занятіямъ, потому что должно было вести постоянную борьбу съ туземцами; нужно было слѣдовательно постоянное военное сословіе, которое бы приняло на себя обязанность постоянно бороться съ туземцами, обязанность защищать новую колонію; для этого Албертъ сперва началъ было вызывать рыцарей изъ Германіи и давать имъ замки въ ленное владѣніе, но это средство могло вести къ цѣли только очень медленно, и потому онъ скоро придумалъ другое, болѣе вѣрное, именно основаніе ордена воинствующихъ братій, по образцу военныхъ орденовъ въ Палестинѣ; Папа Иннокентій III-й одобрилъ мысль Альберта, и въ 1202 году былъ основанъ орденъ рыцарей Меча, получившій уставъ Храмоваго ордена; новые рыцари носили бѣлый плащъ съ краснымъ мечемъ и крестомъ, вмѣсто котораго послѣ стали нашивать звѣзду; первымъ магистромъ ихъ былъ Винно фонъ Рорбахъ.

Такимъ образомъ Нѣмцы стали твердою ногою при устьяхъ Двины; какъ же смотрѣли на это Князья Полоцкіе? Они привыкли ходить войною на Чудь и брать съ нея дань силою, если она не хотѣла платить ее добровольно. Точно также хотѣли они теперь дѣйствовать противъ Нѣмцевъ: въ 1203 году Полоцкій Князь внезапно явился предъ Укскулемъ и осадилъ его; неприготовленные къ осадѣ жители предложили ему дань; онъ взялъ ее и пошелъ осаждать другой замокъ—Гольмъ; но сюда Епископъ уже успѣлъ послать гарнизонъ, и Русскіе, потерявъ много лошадей отъ стрѣльбы осажденныхъ, отступили отъ замка. Въ Ливоніи, по берегамъ Двины, роду Полоцкихъ Князей принадлежали двѣ волости—Кукейносъ (Кокенгузенъ) и Герсикъ; Князь послѣдняго съ Литовцами (которые для Полоцкихъ Князей служили тѣмъ же, чѣмъ Половцы служили для остальныхъ Русскихъ Князей) опустошилъ окрестности Риги — но всѣ эти набѣги не могли нанести большаго вреда пришельцамъ. Наконецъ въ 1206 году отношенія между послѣдними и Полоцкими Князьями начали, повидимому, принимать болѣе важный оборотъ. Албертъ, желая безпрепятственно утвердиться въ

низовьяхъ Двины, рѣшился на время усыпить вниманіе Полоцкаго Князя, и потому отправилъ къ нему Аббата Ѳеодориха съ подарками и дружелюбными предложеніями. Прибывши въ Полоцкъ, Ѳеодорихъ узналъ, что тамъ находятся посланцы отъ Ливонскихъ старшинъ, пріѣхавшіе жаловаться Князю на насилія Нѣмцевъ и просить его объ изгнаніи ненавистныхъ пришлецовъ. Въ присутствіи Ливонцевъ Князь спросилъ Ѳеодориха, за чѣмъ онъ пришелъ къ нему, и когда тотъ отвѣчалъ, что за миромъ и дружбою, то Ливонцы закричали, что Нѣмцы не хотятъ и не умѣютъ сохранять мира[432]. Князь отпустилъ епископскихъ пословъ, приказавъ имъ дожидаться рѣшенія въ отведенномъ для нихъ домѣ: онъ не хотѣлъ отпустить ихъ тотчасъ въ Ригу, чтобъ тамъ не узнали о его непріятельскихъ намѣреніяхъ. Но Аббату удалось подкупить одного боярина, который и открылъ ему, что Русскіе, въ согласіи съ туземцами, готовятся къ нападенію на пришлецовъ; Аббатъ, узнавши объ этомъ, не терялъ времени: онъ отыскалъ въ городѣ какого-то нищаго изъ замка Гольмъ и нанялъ его отнести къ епископу въ Ригу письмо, въ которомъ извѣщалъ его о всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Епископъ приготовился къ оборонѣ; а Князь, узнавши, что его намѣреніе открылось, вмѣсто войска отправилъ пословъ въ Ригу съ наказомъ выслушать обѣ стороны — какъ Епископа, такъ и Ливонцевъ, и рѣшить, на чьей сторонѣ справедливость. Послы, пріѣхавши въ Кукейносъ, послали оттуда дьякона Стефана въ Ригу къ Епископу звать его на съѣздъ съ ними и Ливонскими старшинами для рѣшенія всѣхъ споровъ, а сами между тѣмъ разсѣялись по странѣ для созванія туземцевъ. Албертъ оскорбился предложеніемъ Стефана и отвѣчалъ, что, по обычаю всѣхъ земель, послы должны являться къ тому владѣльцу, къ которому посланы, а не онъ долженъ выходить къ нимъ на встрѣчу. Между тѣмъ Ливонцы, собравшись въ назначенное время и мѣсто и видя, что Нѣмцы не явились на съѣздъ, рѣшили захватить замокъ Гольмъ, и оттуда добывать Риги; но ихъ намѣреніе не имѣло желаннаго конца: потерпѣвъ сильное пораженіе, потерявъ старшинъ, изъ которыхъ одни пали въ битвѣ, другіе были отведены въ оковахъ въ Ригу, они принуждены были снова покориться пришельцамъ; въ числѣ убитыхъ находился старшина

Ако, котораго лѣтописецъ называетъ виновникомъ всего зла: онъ возбудилъ Полоцкаго Князя противъ Рижанъ, онъ собралъ Леттовъ и всю Ливонію противъ Христіанъ[433]. Епископъ послѣ обѣдни находился въ церкви, когда ему одинъ рыцарь поднесъ окровавленную голову Ако, какъ вѣсть побѣды.

Когда все опять успокоилось хотя на время, неутомимый Албертъ поспѣшилъ въ Германію, чтобъ набрать новыхъ крестоносцевъ: онъ предвидѣлъ новую, продолжительную борьбу. Его отсутствіемъ воспользовались туземцы и отправили опять пословъ къ Полоцкому Князю съ просьбою освободить ихъ отъ притѣснителей. Князь приплылъ съ войскомъ по Двинѣ и осадилъ Гольмъ; по его призыву встало окружное народонаселеніе, но мало принесло ему пользы при осадѣ: гарнизонъ Гольмскій, при всей своей малочисленности, наносилъ сильный вредъ Русскому войску камнестрѣльными машинами, употребленія которыхъ не знали Полочане; они сдѣлали было себѣ также маленькую машину по образцу Нѣмецкихъ, но первый опытъ неудался: машина била своихъ. Не смотря однако на это, жители Гольма и Риги не долго могли держаться противъ Русскихъ, потому что должны были бороться также противъ враговъ, находившихся внутри стѣнъ—туземцевъ, которые безпрестанно сносились съ Русскими;—какъ вдругъ на морѣ показались Нѣмецкіе корабли; Князь, потерявши много народу отъ камнестрѣльныхъ машинъ при осадѣ Гольма, не рѣшился вступить въ борьбу съ свѣжими силами непріятеля и отплылъ назадъ въ Полоцкъ. Эта неудача нанесла страшный ударъ дѣлу туземцевъ; самые упорные изъ нихъ отправили пословъ въ Ригу требовать крещенія и священниковъ; Нѣмцы исполнили ихъ просьбу, взявши напередъ отъ старшинъ ихъ сыновей въ заложники. Торжество пришлецовъ было понятно: въ челѣ ихъ находился человѣкъ, одаренный необыкновеннымъ смысломъ и дѣятельностію, располагавшій сильнымъ средствами—рыцарскимъ орденомъ и толпами временныхъ крестоносцевъ, приходившихъ на помощь Рижской церкви; противъ него были толпы безоружныхъ туземцевъ; что же касается до Русскихъ, то Епископъ и Орденъ имѣли дѣло съ однимъ Полоцкимъ княжествомъ, которое въ слѣдствіе извѣстнаго отдѣленія Рогволодовыхъ вну-

ковъ отъ Ярославичей, предоставлено было собственнымъ силамъ, а силы эти были очень незначительны: Князья разныхъ Полоцкихъ волостей вели усобицы другъ съ другомъ, боролись съ Ярославичами, съ собственными гражданами, наконецъ имѣли опасныхъ враговъ въ Литовцахъ: могли ли они послѣ того успѣшно дѣйствовать противъ Нѣмцевъ? доказательствомъ разъединенія между ними и необходимой отъ того слабости служитъ поступокъ Князя Кукейноскаго Вячеслава[434]: не будучи въ состояніи собственными средствами и средствами родичей бороться съ Литвою, онъ въ 1207 году явился въ Ригу и предложилъ Епископу половину своей земли и города, если тотъ возьмется защищать его отъ варваровъ: Епископъ съ радостію согласился на такое предложеніе; не смотря на то однако, изъ дальнѣйшаго разсказа лѣтописца не видно, чтобъ онъ немедленно имъ воспользовался: вѣроятно Вячеславъ обѣщался принять къ себѣ Нѣмецкій гарнизонъ только въ случаѣ Литовскаго нападенія. Какъ бы то нибыло, Русскій Князь скоро увидалъ на опытѣ, что вмѣсто защитниковъ онъ нашелъ въ рыцаряхъ враговъ, которые были для него опаснѣе Литовцевъ. Между нимъ и рыцаремъ Даніиломъ фонъ Лепеварденъ произошла частная ссора; послѣдній напалъ нечаянно ночью на Кукейносъ, овладѣлъ имъ безъ сопротивленія, перевязалъ жителей, забралъ ихъ имѣніе, самого Князя заключилъ въ оковы. Епископъ, узнавъ объ этомъ, послалъ приказъ Даніилу немедленно освободить Князя, возвратить ему городъ и все имѣніе, потомъ позвалъ Вячеслава къ себѣ, принялъ съ честію, богато одарилъ лошадями и платьемъ, помирилъ съ Даніиломъ,—но при этомъ припомнилъ прежнее обѣщаніе его сдать Нѣмцамъ половину крѣпости, и отправилъ въ Кукейносъ отрядъ войска для занятія и укрѣпленія города — на случай Литовскаго нападенія. Князь выѣхалъ изъ Риги съ веселымъ лицемъ, но въ душѣ таилъ месть: онъ видѣлъ, что въ Ригѣ все готово было къ отъѣзду епископа и многихъ крестоносцевъ въ Германію, и рѣшился воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ для освобожденія своего города отъ непріятныхъ гостей. Думая, что епископъ съ крестоносцами уже въ морѣ, онъ посовѣтовался съ дружиною, и вотъ въ одинъ день, когда почти всѣ Нѣмцы спустились въ ямы, гдѣ добывали ка-

мень для городскихъ построекъ, а мечи свои и прочее оружіе оставили на верху, отроки княжескіе и мужи прибѣгаютъ къ ямамъ, овладѣваютъ оружіемъ, и умерщвляютъ беззащитныхъ его владѣльцевъ. Троимъ изъ послѣднихъ однако удалось спастись бѣгствомъ и достигнуть Риги, гдѣ они разсказали, что случилось съ ними и ихъ товарищами въ Кукейносѣ. Вячеславъ думая, что положено доброе начало дѣлу, послалъ къ Полоцкому Князю коней и оружіе непріятельское съ приглашеніемъ идти какъ можно скорѣе на Ригу, которую легко взять: лучшіе люди перебиты имъ въ Кукейносѣ, другіе отъѣхали съ Епископомъ въ Германію; Полоцкій Князь повѣрилъ и началъ уже собирать войска. Но Вячеславъ жестоко ошибался въ своихъ надеждахъ: противные вѣтры задержали Алберта въ двинскомъ устьѣ, и когда пришла въ Ригу вѣсть о происшествіяхъ въ Кукейносѣ, то онъ немедленно возвратился, убѣдилъ и спутниковъ своихъ опять послужить святому дѣлу; Нѣмцы, разсѣянные по всѣмъ концамъ Ливоніи, собрались въ Ригу. Тогда Русскіе, видя, что не въ состояніи бороться противъ соединенныхъ силъ Ордена, собрали свои пожитки, зажгли Кукейносъ, и ушли далѣе на востокъ, а окружные туземцы въ глубинѣ дремучихъ лѣсовъ своихъ искали спасенія отъ мстительности пришельцевъ; но не всѣмъ удалось найти его: Нѣмцы преслѣдовали ихъ по лѣсамъ и болотамъ, и если кого отыскивали, то умерщвляли жестокою смертію.

Паденіе Кукейноса скоро повлекло за собою покореніе и другаго княжества Русскаго въ Ливоніи — Герсика. Въ 1209 году Епископъ, говоритъ лѣтописецъ, постоянно заботясь о защитѣ Лифляндской церкви, держалъ совѣтъ съ разумнѣйшими людьми, какъ бы освободить юную церковь отъ вреда, который наноситъ ей Литва и Русь. Рѣшено было выступить въ походъ противъ враговъ Христіанскаго имени; лѣтописецъ впрочемъ спѣшитъ оговориться, и прибавляетъ, что Князь Герсика, Всеволодъ былъ страшнымъ врагомъ Христіанскаго имени, преимущественно Латынянъ[435]; онъ женатъ былъ на дочери Литовскаго Князя, былъ съ Литовцами въ постоянномъ союзѣ и часто являлся предводителемъ ихъ войска, доставлялъ имъ безопасную переправу черезъ Двину и съѣстные припасы. Ли-

товцы тогда, продолжаетъ лѣтописецъ, были ужасомъ всѣхъ сосѣднихъ народовъ: рѣдкіе изъ Леттовъ отваживались жить въ деревняхъ; большая часть ихъ искали безопасности отъ Литвы въ дремучихъ лѣсахъ, но и тамъ не всегда находили ее; Литовцы преслѣдовали ихъ и въ лѣсахъ, били однихъ, уводили въ плѣнъ другихъ, отнимали у нихъ все имѣніе. И Русскіе бѣгали также предъ Литовцами, многіе предъ немногими, какъ зайцы предъ охотниками; Ливы и Летты были пищею Литовцевъ, какъ овцы безъ пастыря бываютъ добычею волковъ. И вотъ Богъ послалъ имъ добраго и вѣрнаго пастыря, именно Епископа Альберта. Добрый и вѣрный пастырь нечаянно напалъ съ большимъ войскомъ на Герсикъ и овладѣлъ имъ: Князь Всеволодъ успѣлъ спастись на лодкахъ черезъ Двину, но жена его со всею своею прислугою попалась въ плѣнъ. Нѣмецкое войско пробыло цѣлый день въ городѣ, собрало большую добычу, снесло изо всѣхъ угловъ города платье, серебро, изъ церквей колокола, иконы и всякія украшенія. На слѣдующій день, приведши все въ порядокъ, Нѣмцы собрались въ обратный путь и зажгли городъ. Когда Князь Всеволодъ увидалъ съ другаго берега Двины пожаръ, то сталъ жалостно вопить: «Герсикъ! любимый городъ, дорогая моя отчина! пришлось мнѣ увидать бѣдному сожженіе моего города и гибель моихъ людей!» Епископъ и все войско, подѣливши между собою добычу, съ княгинею и со всѣми плѣнниками возвратились въ Ригу, куда послали звать и Князя Всеволода, если хочетъ получить миръ и освобожденіе своихъ. Князь пріѣхалъ въ Ригу, называлъ Епископа отцемъ, всѣхъ Латынцевъ братьями, просилъ только, чтобъ выпустили изъ плѣна жену и другихъ Русскихъ. Ему предложили условіе: «хочетъ онъ отдать свое княжество на вѣки въ даръ церкви св. Богородицы, и потомъ взять его назадъ изъ рукъ Епископа, такъ отдадутъ ему княгиню и другихъ плѣнниковъ.» Всеволодъ согласился[436] и поклялся открывать Епископу и Ордену всѣ замыслы Русскихъ и Литовцевъ; но когда возвратился домой съ женою и дружиною, то забылъ обѣщаніе, началъ опять сноситься съ Литовцами, и подводить язычниковъ противъ Нѣмцевъ Кукейноскихъ.

Въ то время, когда Нѣмцы утверждались въ Ливоніи, от-

нимая низовыя двинскія страны у Полоцка, Новгородцы и Псковичи продолжали бороться съ Чудью, жившею на югѣ и на сѣверѣ отъ Финскаго залива; въ 1176 году вся Чудская земля, по выраженію лѣтописца, приходила подъ Псковъ, но была отбита съ большимъ урономъ; но мы видѣли, какъ Мстиславъ Храбрый отомстилъ Чуди за эти обиды; обыкновенно наступательныя движенія Новгородцевъ на Чудь имѣли мѣсто въ минуты ладовъ ихъ съ своими Князьями, но такія минуты были очень рѣдки; и потому движенія Новгородцевъ не могли отличаться постоянствомъ: вотъ причина, почему они не могли утвердиться въ Эстоніи, и успѣшно спорить съ Нѣмцами о господствѣ надъ нею. Въ 1190 году Чудь снова пришла ко Пскову на судахъ по озеру, но и на этотъ разъ Псковичи не упустили изъ нея ни одного живаго. Юрьевъ былъ снова захваченъ Чудью, и снова взятъ Новгородцами и Псковичами въ 1191 году, при чемъ, по обычаю, земля Чудская была пожжена, полону приведено безчисленное множество; а въ слѣдующемъ году Псковичи снова ходили на Чудь и взяли у нея Медвѣжью голову. Потомъ не слышно о походахъ на Эстонію до 1212 года: въ этомъ году, по счету нашего лѣтописца, и двумя годами ранѣе, по счету Нѣмецкаго, Мстиславъ Удалой съ братомъ Владиміромъ вторгнулись въ страну Чуди-Тормы, обитавшей въ нынѣшнемъ Дерптскомъ уѣздѣ, и, по обычаю, много людей поплѣнили, скота безчисленное множество домой привели. Потомъ на зиму пошелъ Мстиславъ съ Новгородцами на Чудской городъ Медвѣжью-Голову (Оденпе); истребивши села вокругъ, пришли подъ городъ: Чудь поклонилась, дала дань, и Новгородцы по здорову возвратились домой. Но лѣтописецъ Нѣмецкій гораздо подробнѣе описываетъ этотъ походъ: Князь Новгородскій съ Княземъ Псковскимъ и со всѣми своими Русскими пришли съ большимъ войскомъ въ Унганнію и осадили крѣпость Оденпе; восемь дней отбивалась отъ нихъ Чудь; наконецъ почувствовавши недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, запросила мира; Русскіе дали ей миръ, окрестили нѣкоторыхъ своимъ крещеніемъ, взяли 400 марокъ погатъ[437], и отступили въ свою землю, обѣщавшись, что пришлютъ своихъ священниковъ, чего однако потомъ не сдѣ-

лали, изъ страха предъ Нѣмцами, прибавляетъ лѣтописецъ: должно думать, что не столько изъ страха предъ Нѣмцами, сколько по недостатку надлежащаго вниманія къ дѣламъ Эстонскимъ. Такъ Новгородцы, пока жилъ у нихъ Мстиславъ, ходили сквозь Чудскую землю къ самому морю, села жгли, укрѣпленія брали, и заставляли Чудь кланяться и давать дань[438]; но Мстиславъ скоро ушелъ на югъ; Новгородцы по прежнему начали ссориться съ сѣверными Суздальскими Князьями, Чудь была опять забыта; а Нѣмцы между тѣмъ соединенными силами дѣйствовали постоянно въ одномъ направленіи, съ одною цѣлію. Чтобъ удобнѣе заняться покореніемъ Эстовъ, Леттовъ и другихъ туземцовъ, и чтобъ обогатить Ригу торговлею съ странами, лежащими при верхнихъ частяхъ Двины и Днѣпра, они рѣшились заключить мирный договоръ съ Полоцкимъ Княземъ, при чемъ епископъ обязался вносить послѣднему ежегодную дань за Ливовъ, порабощенныхъ Рижской церкви и ордену.

Въ то время когда Полоцкій Князь, довольный данью, заключилъ миръ съ опасными пришлецами, Псковъ впервые обнаруживаетъ къ нимъ ту сильную непріязнь, какою будетъ отличаться во всей послѣдующей исторіи своей: въ 1213 году Псковичи выгнали Князя своего Владиміра за то, что онъ выдалъ дочь свою за брата епископа Алберта; изгнанникъ пошелъ было сначала въ Полоцкъ, но найдя тамъ не очень привѣтливый пріемъ, отправился къ зятю въ Ригу, гдѣ принятъ былъ съ честію, по свидѣтельству Нѣмецкаго лѣтописца. Владиміръ скоро имѣлъ случай отблагодарить епископа за это гостепріимство. Полоцкій Князь, видя, что орденъ воспользовался временемъ мира съ Русскими для того только, чтобъ тѣмъ удобнѣе покорить туземцевъ и принудить ихъ къ принятію христіанства, назначилъ въ Герсикѣ съѣхаться Алберту для переговоровъ. Епископъ явился на съѣздъ съ Княземъ Владиміромъ, рыцарями, старшинами Ливовъ и Леттовъ и съ толпою купцовъ, которые были всѣ хорошо вооружены. Князь сперва говорилъ съ Албертомъ ласково, потомъ хотѣлъ угрозами принудить его къ тому, чтобъ онъ перестал насильно крестить туземцевъ, его подданныхъ. Епископъ отвѣчалъ, что онъ не отстанетъ отъ своего дѣла, не пренебрежетъ обязанностію, возложенною на него великимъ

первосвященникомъ Рима. Но кромѣ насильственнаго крещенія изъ словъ лѣтописца можно замѣтить, что епископъ не соблюдалъ главнаго условія договора, не платилъ дани Князю, подъ тѣмъ предлогомъ, что туземцы, не желая работать двумъ господамъ, и Нѣмцамъ и Русскимъ, умоляли его освободить ихъ отъ ига послѣднихъ[439]. Князь, продолжаетъ лѣтописецъ, не хотѣлъ принимать справедливыхъ причинъ, грозился, что сожжетъ Ригу и всѣ Нѣмецкіе замки, и велѣлъ войскамъ своимъ выйти изъ стана и выстроиться къ бою; провожатые епископа сдѣлали тоже самое: въ это время Іоаннъ, Пробстъ Рижской Богородичной церкви и Псковскій изгнанникъ, Князь Владиміръ подошли къ Полоцкому Князю и начали уговаривать его, чтобъ онъ не начиналъ войны съ христіанами, представили, какъ опасно сражаться съ Нѣмцами, людьми храбрыми, искусными въ бою, и жаждущими помѣрить силы свои съ Русскими. Князь будто бы удивился ихъ отвагѣ, велѣлъ войску своему возвратиться въ станъ, а самъ подошелъ къ епископу, называя его духовнымъ отцемъ; тотъ, съ своей стороны, принялъ его какъ сына; начались мирные переговоры, и Князь, какъ будто подъ внушеніемъ свыше, уступилъ епископу всю Ливонію безо всякой обязанности платить дань, съ условіемъ союза противъ Литвы и свободнаго плаванія по Двинѣ. — Какъ ни мало удовлетворителенъ является этотъ разсказъ Нѣмецкаго лѣтописца, историкъ долженъ принять одно за достовѣрное, что епископъ пересталъ платить дань Полоцкому Князю, и что тотъ не имѣлъ средствъ принудить его къ тому. Владиміръ Псковскій былъ награжденъ за свои услуги мѣстомъ Фохта въ одной изъ провинцій Ливонскихъ; но творя судъ и расправу надъ туземцами, онъ много пожиналъ такого, чего никогда не сѣялъ, по выраженію лѣтописца; не понравился его судъ Ратцебургскому епископу и всѣмъ другимъ, такъ что онъ увидѣлъ себя въ необходимости отправиться въ Россію, исполняя желаніе многихъ, прибавляетъ лѣтописецъ; скоро однако онъ опять возвратился съ женою, сыновьями и всѣмъ семействомъ, и вступилъ снова въ исправленіе своей должности, не къ удовольствію подчиненныхъ, прибавляетъ тотъ же лѣтописецъ, потому что скоро опять поднялись противъ него жалобы, опять онъ долженъ былъ выслу-

шивать упреки Нѣмецкихъ духовныхъ: это ему наскучило наконецъ, и онъ въ другой разъ выѣхалъ въ Россію, гдѣ былъ принятъ снова Псковичами. Избавившись отъ Владиміра, Нѣмцы захотѣли избавиться и отъ другаго Русскаго Князя, остававшагося въ Ливоніи, хотя въ качествѣ подручника епископскаго—Князя Всеволода Герсикскаго. Кокенгаузенскіе (Купейноскіе) рыцари начали обвинять его въ томъ, что онъ не является къ епископу, своему отцу и господину, держитъ совѣтъ съ Литвою, подаетъ ей помощь во всякое время. Нѣсколько разъ требовали они его къ отвѣту, Всеволодъ не являлся; тогда рыцари, по согласію съ епископомъ, подступили нечаянно къ городу, взяли его хитростію, ограбили жителей и ушли назадъ; это было въ 1214 году; въ слѣдующемъ 1215 Нѣмцы опять собрали войско и въ другой разъ овладѣли Герсикомъ, въ другой разъ опустошили его; но Всеволодъ уже успѣлъ послать къ Литовцамъ за помощію; тѣ явились, принудили Нѣмцевъ оставить городъ и нанесли имъ сильное пораженіе. Такъ разсказываетъ древнѣйшій лѣтописецъ Ливонскій[440]; но въ позднѣйшихъ хроникахъ читаемъ иное, а именно, что Князь Всеволодъ былъ убитъ во время втораго нападенія Нѣмцевъ на его городъ, и послѣдній окончательно разрушенъ; о Литовской помощи не говорится ни слова[441], тогда какъ въ древнѣйшей лѣтописи подъ 1225 годомъ упоминается опять о Герсикскомъ Князѣ Всеволодѣ, который пріѣзжалъ въ Ригу видѣться съ Папскимъ легатомъ[442]. Какъ бы то нибыло, вѣрно одно, что Герсикъ раньше или позднѣе подпалъ власти Нѣмцевъ. Между тѣмъ Владиміру Псковскому удалось отомстить за свои обиды: въ 1217 году онъ отправился съ Новгородцами и Псковичами къ постоянной цѣли Русскихъ походовъ – къ Оденпе, и сталъ подъ городомъ. Чудь, по обычаю, начала слать съ поклономъ, но на этотъ разъ обманывала, потому что послала звать Нѣмцевъ на помощь; Новгородцы собрали вѣче поодаль отъ стану, и начали толковать съ Псковичами о предложеніяхъ Чуди, почные сторожа сошли съ своихъ мѣстъ, а дневные еще не пришли къ нимъ на смѣну, какъ вдругъ нечаянно явились Нѣмцы и ворвались въ покинутыя палатки; Новгородцы побѣжали съ вѣча въ станъ, схватили оружіе и выбили Нѣмцевъ, которые побѣжали

къ городу, потерявши трехъ воеводъ, изъ которыхъ двое было убито, а третій попался въ плѣнъ; Новгородцы взяли также 700 лошадей и возвратились по здорову домой[443]; Нѣмецкій лѣтописецъ прибавляетъ, что Русскіе заключили договоръ съ Нѣмцами, чтобъ послѣдніе оставили Оденпе, при чемъ Владиміръ захватилъ зятя своего Ѳеодориха, епископскаго брата и отвелъ во Псковъ. Вѣроятно удачный походъ Владиміра ободрилъ Эстовъ, и они рѣшились свергнуть иго пришлецовъ. Съ этою цѣлію они отправили пословъ въ Новгородъ просить помощи; Новгородцы обѣщали придти къ нимъ съ большимъ войскомъ, и не исполнили обѣщанія, потому что у нихъ съ 1218 по 1224 годъ пять разъ смѣнялись Князья, происходили постоянныя смуты, ссоры Князей съ знаменитымъ посадникомъ Твердиславомъ. Эсты, понадѣявшись на Новгородскія обѣщанія, встали, но не могли одни противиться Нѣмцамъ, и принуждены были опять покориться.

Новгородцы явились уже поздо въ Ливонію съ Княземъ своимъ Всеволодомъ, въ 1219 году; имѣли успѣхъ въ битвѣ съ Нѣмцами, но по напрасну простояли двѣ недѣли подъ Венденомъ, и возвратились домой по здорову. Также безъ слѣдствій остались два другіе похода Новгородцевъ въ 1222 подъ Венденъ и 1223 году подъ Ревель: въ обычныхъ выраженіяхъ разсказываетъ лѣтописецъ, что они повоевали всю Чудскую землю, полона привели безъ числа, золота много взяли, но городовъ не взяли, и возвратились всѣ по здорову. Тутъ же въ лѣтописи видимъ и причины, почему всѣ эти походы, кромѣ опустошенія страны, не имѣли другихъ слѣдствій: послѣ перваго похода въ 1223 году Князь Всеволодъ тайкомъ ушелъ изъ Новгорода со всѣмъ дворомъ своимъ и оставилъ гражданъ въ печали; послѣ втораго Князь Ярославъ также ушелъ въ свою постоянную волость — Переяславль Залѣскій, сколько Новгородцы ни упрашивали его остаться. А между тѣмъ Нѣмцы дѣйствовали: въ роковой 1224 годъ, когда южная Русь впервые узнала Татаръ, на западѣ пало предъ Нѣмцами первое и самое крѣпкое поселеніе Русское въ Чудской земли — Юрьевъ или Дерптъ. Здѣсь начальствовалъ въ это время тотъ самый Князь Вячеславъ или Вячко, который принужденъ былъ Нѣмцами по-

никакого страха. Такъ теперь положимъ: кто изъ нашихъ первый взойдетъ на стѣну, того превознесемъ почестями, дадимъ ему лучшихъ лошадей и знатнѣйшаго плѣнника, исключая этого вѣроломнаго Князя, котораго мы вознесемъ выше всѣхъ, повѣсивши на самомъ высокомъ деревѣ.» Мнѣніе было принято. На слѣдующее утро осаждающіе устремились на приступъ, и были побиты. Осажденные сдѣлали въ стѣнѣ большое отверстіе и выкатили оттуда раскаленныя колеса, чтобъ зажечь башню, которая наносила столько вреда крѣпости; осаждающіе должны были сосредоточить всѣ свои силы, чтобъ затушить пожаръ и спасти свою башню. Между тѣмъ братъ епископа, Іоганнъ фонъ Аппельдернъ, неся огонь въ рукѣ, первый начинаетъ взбираться на валъ, за нимъ слѣдуетъ слуга его, Петръ Оге, и оба безпрепятственно достигаютъ стѣны; увидавъ это, остальные ратники бросаются за ними; каждый спѣшитъ, чтобъ взойти первому въ крѣпость, но кто взошелъ первый—осталось неизвѣстнымъ; одни поднимали другъ друга на стѣны, другіе ворвались сквозь отверстіе, сдѣланное недавно самими осажденными для пропуска раскаленныхъ колесъ; за Нѣмцами ворвались Летты и Ливы, и началась рѣзня: никому не было пощады; Русскіе долго еще бились внутри стѣнъ, наконецъ были истреблены; Нѣмцы окружили отовсюду крѣпость, и не позволили никому спастись бѣгствомъ. Изъ всѣхъ мужчинъ, находившихся въ городѣ, оставили въ живыхъ только одного, слугу Князя Суздальскаго: ему дали лошадь и отправили въ Новгородъ донести своимъ о судьбѣ Юрьева, и Новгородскій лѣтописецъ записалъ: «Того же лѣта убиша Князя Вячка Нѣмцы въ Гюргевѣ, а городъ взяша[445].»

Что же Новгородцы? перенесли спокойно уничтоженіе Русскихъ владѣній въ Чудской землѣ? Слѣдущій разсказъ лѣтописца всего лучше покажетъ намъ, имѣли ли возможность Новгородцы предпринять что-нибудь рѣшительное. Въ 1228 году Князь Переяславля Залѣскаго, Ярославъ Всеволодовичь, призванный княжить въ Новгородъ, отправился съ посадникомъ и тысяцкимъ во Псковъ. Псковичи, узнавши, что идетъ къ нимъ Князь, затворились въ городѣ, и не пустили его къ себѣ: пронеслась вѣсть во Псковѣ, что Ярославъ везетъ съ собою оковы,

хочетъ ковать лучшихъ мужей. Ярославъ возвратился въ Новгородъ, созвалъ вѣче на владычнемъ дворѣ, и объявилъ гражданамъ, что не мыслилъ никакого зла на Псковичей: «Я, говорилъ онъ, везъ къ нимъ не оковы, а дары въ коробьяхъ, ткани дорогія, овощи, а они меня обезчестили;» — и много жаловался на нихъ Новгородцамъ. Скоро послѣ этого онъ привелъ полки изъ Переяславля, съ тѣмъ, чтобъ идти на Ригу. Псковичи, узнавши объ этомъ, заключили отдѣльный миръ съ Нѣмцами, дали имъ 40 человѣкъ въ заложники, съ условіемъ, чтобъ они помогли имъ въ случаѣ войны съ Новгородцами. Но послѣдніе также заподозрили Ярослава, стали говорить: «Князь то насъ зоветъ на Ригу, а самъ хочетъ идти на Псковъ.» Ярославъ опять послалъ сказать Псковичамъ: «Ступайте со мною въ походъ, я зла на васъ не думалъ никакого, а тѣхъ мнѣ выдайте, кто наговорилъ вамъ на меня?» Псковичи велѣли отвѣчать ему: «Тебѣ, Князь, кланяемся, и вамъ, братья Новгородцы, но въ походъ нейдемъ, и братьи своей не выдаемъ, а съ Рижанами мы помирились; вы къ Колываню (Ревелю) ходили, взяли серебро, и возвратились ничего не сдѣлавши, города не взявши, также и у Кеси (Вендена) и у Медвѣжьей Головы (Оденпе), и за то нашу братью Нѣмцы побили на озерѣ, а другихъ въ плѣнъ взяли; Нѣмцевъ только вы раздразнили, да сами ушли прочь, а мы поплатились. А теперь на насъ что ли идти вздумали? такъ мы противъ васъ съ Святой Богородицею и съ поклономъ: лучше вы насъ перебейте, а женъ и дѣтей нашихъ въ полонъ возьмите, чѣмъ поганые; на томъ вамъ и кланяемся.» Новгородцы сказали тогда Князю: «Мы безъ своей братьи, безъ Псковичей нейдемъ на Ригу, а тебѣ, Князь, кланяемся;» много уговаривалъ ихъ Ярославъ, но все понапрасну; тогда онъ отпустилъ свои полки назадъ въ Переяславль. — Можно ли было при такихъ отношеніяхъ успѣшно бороться съ Нѣмцами?

На сѣверъ отъ Финскаго залива Новгородцы ходили на Чудское племя Ямь; походы эти имѣли такой же характеръ, какъ и походы на Эстовъ: такъ въ 1186 годили на Ямь Новгородскіе молодцы съ какимъ-то Вышатою Васильевичемъ, и пришли домой поздорову, добывши полона. Въ 1191 году ходили Новгородцы вмѣстѣ съ Корѣлою на Ямь, землю ея повоевали

и пожгли, и скотъ перебили. Въ 1227 году Князь Ярославъ Всеволодовичь пошелъ съ Новгородцами на Ямь, землю всю повоевали, полона привели безъ числа; но въ слѣдующемъ году Ямь захотѣла отомстить за опустошеніе своей земли, пришла Ладожскимъ озеромъ на судахъ и стала опустошать Новгородскія владѣнія[446]; Новгородцы услыхавши о набѣгѣ, сѣли на суда, и поплыли Волховомъ къ Ладогѣ; но Ладожане съ своимъ посадникомъ Владиславомъ не стали дожидаться ихъ, погнались на лодкахъ за Ямью, настигли и вступили въ битву, которую прекратила ночь; ночью Ямь прислала просить мира, но Ладожане не согласились; тогда Финны, перебивши плѣнниковъ и побросавши лодки, побѣжали въ лѣсъ, гдѣ большая часть ихъ была истреблена Корѣлою; что же дѣлали въ это время Новгородцы? они стояли на Невѣ, да вѣче творили, хотѣли убить одного изъ своихъ, какаго-то Судимира, да Князь скрылъ его въ своей лодьѣ, потомъ возвратились домой ничего не сдѣлавши. — Были также столкновенія у Новгородцевъ съ Финскими племенами за Волокомъ, въ области сѣверной Двины и далѣе на востокъ: подъ 1187 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородскіе сборщики даней (ясака) были перебиты въ Печерѣ и за Волокомъ, погибло ихъ человѣкъ сто; возстаніе, какъ видно, было въ разныхъ мѣстахъ въ одно время. Въ 1193 году Новгородцы пошли ратью за Уралъ, въ Югру, съ воеводою Ядрѣемъ; пришли въ Югру, взяли одинъ городъ, потомъ осадили другой и стояли подъ нимъ пять недѣль; осажденные стали подсылать къ нимъ обманомъ, говорили: «Мы копимъ серебро, соболей и разное другое добро, за чѣмъ же вы хотите погубить своихъ смердовъ и свои дани.»Но вмѣсто серебра и соболей они копили войско, да сносились съ измѣнникомъ Новгородскимъ, какимъ-то Савкою, который держалъ перевѣтъ къ Югорскому Князю. Когда войско было собрано, то осажденные послали сказать Новгородскому воеводѣ, чтобъ приходилъ къ нимъ въ городъ съ 12 лучшими людьми, за данью; тотъ, ничего не подозрѣвая, пошелъ и былъ убитъ вмѣстѣ съ товарищами, потомъ было приманено въ городъ еще тридцать человѣкъ, потомъ еще пятьдесятъ. Измѣнникъ Савка сказалъ при этомъ Князю Югорскому: «Если, Князь, не убьешь Якова Прокшинича и пустишь

его въ Новгородъ живаго, то онъ опять приведетъ сюда войско и опустошитъ твою землю, вели убить его;» — и Яковъ былъ убитъ, сказавши передъ смертію Савкѣ: «Братъ! судитъ тебѣ Богъ и св. Софья, что подумалъ на свою братью: станешь ты съ нами передъ Богомъ и отдашь отвѣтъ за кровь нашу.» Наконецъ осажденные истребивши лучшихъ людей, ударили на остальныхъ, полумертвыхъ отъ голода, и большую часть ихъ истребили; спаслись только 80 человѣкъ, которые съ великою нуждою добрались до Новгорода. Приходъ ихъ, разумѣется, долженъ былъ произвести сильное волненіе, когда узнали, что бѣда приключилась отъ измѣны: сами путники убили троихъ гражданъ, обвиняя ихъ въ зломъ умыслѣ на свою братью, другіе обвиненные откупились деньгами: лѣтописецъ говоритъ, что одному Богу извѣстно, кто тутъ былъ правъ, кто виноватъ[447]. Изъ этихъ, хотя очень рѣдкихъ извѣстій лѣтописи, мы можемъ составить себѣ понятіе объ отношеніяхъ Новгорода къ его Заволоцкимъ владѣніямъ, къ тамошнему Финскому народонаселенію: ходили отряды такъ называемыхъ данниковъ (сборщиковъ дани) собирать ясакъ съ туземцевъ серебромъ и мѣхами, иногда эти данники встрѣчали сопротивленіе, были истребляемы вдругъ въ разныхъ мѣстахъ; неизвѣстно - походъ Ядрея былъ ли попыткою взять ясакъ съ племенъ, еще до сихъ поръ его не платившихъ, или съ старыхъ плательщиковъ, отказавшихся на этотъ разъ платить; слова князька: «Мы копимъ серебро.... за чѣмъ вы хотите губить своихъ смердовъ» — могутъ указывать на послѣднее[448]. Но если Новгородскіе данники не всегда были счастливы въ своихъ заволоцкихъ походахъ, то Новгородскимъ выходцамъ, принужденнымъ оставить по разнымъ причинамъ родную землю, удалось въ послѣдней четверти XII вѣка утвердиться въ сторонѣ прикамской, на берегахъ рѣки Вятки, гдѣ они основали независимую общину, ставшую на сѣверовостокѣ притономъ всѣхъ бѣглецовъ, подобно южному Берладу и Тмутараканю.

Если Новгородцы боролись съ Финскими племенами за Волокомъ, въ нынѣшней Финляндіи и Эстоніи—тамъ для того, чтобъ сбирать съ нихъ богатый ясакъ серебромъ и мѣхами, здѣсь—частію также для добычи, частію для защиты собственныхъ вла-

дѣній, опустошаемыхъ дикарями, то сѣверные, Суздальскіе Князья, повинуясь природнымъ указаніямъ, распространяли свои владѣнія внизъ по Волгѣ, при чемъ постоянно должны были бороться съ Болгарами, Мордвою и другими инородцами. Зимою 1172 года Андрей Боголюбскій отправилъ на Болгаръ сына своего Мстислава, съ которымъ должны были соединиться сыновья Муромскаго и Рязанскаго Князей; походъ этотъ, говоритъ лѣтописецъ, не нравился всѣмъ людямъ, потому что не время воевать зимою Болгаръ, и полки шли очень медленно и неохотно; при устьѣ Оки соединенные Князья двѣ недѣли дожидались разныхъ людей, и рѣшились наконецъ ѣхать съ одною передовою дружиною, въ которой всѣмъ распоряжался тогда воевода Борисъ Жидиславичь. Русскіе неожиданно въѣхали въ поганую землю, взяли шесть селъ да седьмой городъ, мужчинъ перебили, женщинъ и дѣтей побрали въ плѣнъ; Болгары, услыхавъ, что Князья пришли съ небольшою дружиною, собрали шесть тысячь человѣкъ рати и погнались за Русскими, но, недошедши до нихъ 20 верстъ, возвратились. Наши, говоритъ лѣтописецъ, прославили Бога, потому что очевидно спасла ихъ отъ неминуемой бѣды Святая Богородица и Христіанская молитва. Въ 1184 году Всеволодъ III-й вздумалъ пойти на Болгаръ, и послалъ просить помощи у Кіевскаго Князя Святослава Всеволодовича; тотъ отправилъ къ нему сына Владиміра, велѣвъ сказать сѣверному Князю: «Дай Богъ, братъ и сынъ, повоевать намъ въ наше время съ погаными.» Съ осьмью князьями[449] выступилъ Всеволодъ въ походъ водою, по Окѣ и Волгѣ; вышедши на берегъ, Великій Князь оставилъ у лодокъ Бѣлозерскій полкъ съ двумя воеводами — Ѳомою Лазковичемъ и Дорожаемъ, и пошелъ съ остальнымъ войскомъ на коняхъ къ Великому городу Серебряныхъ Болгаръ, отправя впередъ сторожевой отрядъ. Сторожа увидали въ полѣ войско, и подумали сначала, что это Болгары, но оказалось, что то были Половцы; пять человѣкъ изъ нихъ пріѣхали къ Всеволоду, ударили предъ нимъ челомъ и сказали: «Кланяются тебѣ, Князь, Половцы Ямяковскіе, пришли мы также воевать Болгаръ.» Всеволодъ, подумавши съ князьями и дружиною, привелъ Половцевъ къ присягѣ по ихъ обычаю, и пошелъ съ ними вмѣстѣ къ Великому

городу, приблизившись къ которому, сталъ думать съ дружиною; въ это время племянникъ его, Изяславъ Глѣбовичь, схвативъ копье, помчался съ своею дружиною къ городу, подлѣ котораго пѣшіе Болгары устроили себѣ укрѣпленіе; Изяславъ выбилъ ихъ отсюда и проскакалъ къ самымъ городскимъ воротамъ, но здѣсь изломалъ свое копье, получилъ рану стрѣлою сквозь броню подъ самое сердце и полумертвый принесенъ былъ въ станъ. А между тѣмъ Бѣлозерскій полкъ, оставленный при лодкахъ, выдержалъ нападеніе отъ Болгаръ, приплывшихъ Волгою изъ разныхъ городовъ въ числѣ 5000 человѣкъ, и обратилъ ихъ въ бѣгство, при чемъ перетонуло ихъ больше тысячи человѣкъ. Всеволодъ стоялъ еще 10 дней подъ Великимъ Городомъ; но видя, что племянникъ изнемогаетъ, а Болгары просятъ мира, отправился назадъ къ своимъ лодкамъ, гдѣ Изяславъ и умеръ; Великій Князь пошелъ послѣ этого во Владиміръ, пославши конницу на Мордву. Въ 1186 году Всеволодъ посылалъ опять воеводъ своихъ съ Городчанами на Болгаръ: Русскіе взяли много селъ и возвратились съ полономъ. Послѣ того при Всеволодѣ не встрѣчаемъ больше извѣстій о походахъ на Болгаръ; по смерти его усобица между сыновьями долго не давала имъ возможности обратить вниманіе на сосѣдніе народы, пользуясь чѣмъ Болгары предприняли наступательное движеніе и взяли Устюгъ въ 1217 году. Только въ 1220 году В. Князь Юрій Всеволодовичь собрался послать сильную рать на Болгаръ: онъ послалъ брата своего Святослава, Князя Юрьевскаго и съ нимъ полки свои подъ начальствомъ воеводы Еремѣя Глѣбовича; Ярославъ Всеволодовичь Переяславскій послалъ также свои полки; племяннику Васильку Константиновичу Великій Князь велѣлъ послать полки изъ Ростова и изъ Устюга на верхъ Камы; Муромскій Князь Давыдъ послалъ сына своего Святослава, Юрій — Олега, и всѣ снялись на устьѣ Оки, откуда поплыли налодкахъ внизъ по Волгѣ и высадились на берегъ противъ города Ошела. Святославъ выстроилъ войско: Ростовскій полкъ поставилъ по правую руку, Переяславскій по лѣвую, а самъ сталъ съ Муромскими Князьями посерединѣ, и въ такомъ порядкѣ двинулся къ лѣсу, оставивъ одинъ полкъ у лодокъ. Прошедши лѣсъ, Русскіе полки вышли на поле къ городу; здѣсь были они

встрѣчены Болгарскою конницею, которая, постоявши немного, пустила въ нашихъ по стрѣлѣ, и помчалась къ городу; Святославъ двинулся за нею и осадилъ Ошелъ. Около города былъ сдѣланъ острогъ, огороженный крѣпкимъ дубовымъ тыномъ; за острогомъ были еще два укрѣпленія и между ними валъ: по этому валу бѣгали осажденные и бились съ Русскими. Князь Святославъ, подошедши къ городу, отрядилъ напередъ людей съ огнемъ и топорами, а за ними стрѣльцовъ и копейниковъ; Русскіе подсѣкли тынъ, раззорили и два другихъ укрѣпленія и зажгли ихъ, потомъ зажгли и самый городъ; но тутъ поднялся противный вѣтеръ и понесъ клубы дыма на Русскіе полки: дымъ, въ которомъ нельзя было различить человѣка, зной и пуще всего безводіе заставили осаждающихъ отступить отъ города. Когда они отдохнули отъ трудовъ, то Святославъ сказалъ: «пойдемъ теперь за вѣтромъ на другую сторону города!» полки встали и пошли, и когда были у городскихъ воротъ, то Князь сказалъ имъ: «Братья и дружина! сегодня предстоитъ намъ или добро или зло, такъ пойдемте скорѣе!» и самъ Князь поскакалъ впереди всѣхъ къ городу, за нимъ остальное войско, посѣкли тынъ и оплоты, и зажгли ихъ, потомъ зажгли городъ со всѣхъ сторонъ, при чемъ встала сильная буря, такъ что страшно было смотрѣть, а въ городѣ раздавался громкій вопль; Князь Болгарскій успѣлъ убѣжать на лошадяхъ съ малою дружиною, а которые Болгары выбѣжали пѣшкомъ, тѣхъ всѣхъ Русскіе перебили, женъ и дѣтей въ плѣнъ побрали, другіе Болгары сгорѣли въ городѣ, а иные перебили сперва своихъ женъ и дѣтей, а потомъ и сами себя лишили жизни; нѣкоторые изъ Русскихъ ратниковъ осмѣлились войти въ городъ за добычею, но едва убѣжали отъ пламени, а иные такъ и сгорѣли. Пожегши городъ, Святославъ пошелъ назадъ къ лодкамъ; когда онъ пришелъ къ нимъ, то поднялась сильная буря съ дождемъ, такъ что съ трудомъ можно было удержать лодки у берега; потомъ буря начала стихать, и Святославъ, переночевавши тутъ и пообѣдавши на другой день, поплылъ назадъ вверхъ по Волгѣ. Между тѣмъ Болгары изъ Великаго и другихъ городовъ, услыхавши объ истребленіи Ошела, собрались съ Князьями своими и пришли къ берегу; Свя-

тославъ зналъ о приближеніи враговъ, и велѣлъ своимъ приготовиться къ битвѣ: пошли—полкъ за полкомъ, били въ бубны, играли въ трубы и сопѣли, а Князь шелъ сзади всѣхъ. Болгары, подошедши къ берегу, увидали между Русскими своихъ плѣнниковъ, кто отца, кто сына и дочь, кто братьевъ и сестеръ, и стали вопить, кивая головами и закрывая глаза; но напасть на Русскихъ не посмѣли, и Святославъ благополучно достигъ устья Камы, гдѣ соединился съ Ростовскимъ и Устюжскимъ полками, бывшими подъ начальствомъ воеводы Воислава Добрынича. Ростовцы и Устюжане пришли съ большею добычею, потому что воевали внизъ по Камѣ, взяли много городовъ и селъ. Съустья Камы пошли всѣ къ Городцу, здѣсь вышли на берегъ и отправились на коняхъ къ Владиміру: Князь Юрій встрѣтилъ брата у Боголюбова, и задалъ ему и всему войску большой пиръ, пировали три дня, при чемъ Святославъ и все войско получили богатые подарки. Слѣдствіемъ Святославова похода было то, что на туже зиму Болгарскіе послы явились къ великому Князю съ просьбою о мирѣ; но Юрій сначала не согласился на миръ, и послалъ собирать войско, хотѣлъ самъ теперь идти въ походъ, и дѣйствительно выступилъ къ Городцу; на дорогѣ встрѣтили его новые послы отъ Болгаръ съ челобитьемъ, но онъ и тѣхъ не послушалъ; наконецъ уже въ Городецъ пришли къ нему еще послы съ дарами и съ выгодными условіями, на которыя В. Князь и согласился: заключенъ былъ миръ по прежнему, какъ было при отцѣ и дѣдѣ Юрія.

Послѣ этого удачнаго похода на Болгаръ Юрій рѣшился укрѣпить за Русью важное мѣсто при устьѣ Оки въ Волгу, гдѣ привыкли собираться Суздальскія и Муромскія войска: здѣсь въ 1221 году заложенъ былъ Нижній Новгородъ. Онъ былъ основанъ на землѣ Мордвы, съ которою слѣдовательно необходимо должна была возникнуть борьба: въ 1226 году В. Князь посылалъ братьевъ своихъ Святослава и Ивана на Мордву, которую они побѣдили и взяли нѣсколько селъ. Въ 1228 году въ Сентябрѣ Юрій послалъ было на Мордву племянника Василька Константиновича Ростовскаго съ воеводою своимъ, извѣстнымъ Еремѣемъ Глѣбовичемъ, но возвратилъ ихъ за непогодою, потому что лили дожди день и ночь; а зимою въ Генварѣ мѣсяцѣ

отправился въ походъ самъ съ братомъ Ярославомъ, племянниками Константиновичами и Муромскимъ Княземъ Юріемъ; Русскіе вошли въ землю Мордовскаго Князя Пургаса, пожгли и потравили хлѣбъ, перебили скотъ, а плѣнниковъ отправили домой; Мордва скрылась въ лѣсахъ и твердяхъ, а которые не успѣли спрятаться, тѣхъ перебила младшая дружина Юріева. Видя успѣхъ Юрьевой дружины, младшая дружина Ярославова и Константиновичей, тайкомъ отправилась на другой день въ дремучій лѣсъ на поиски за Мордвою; Мордва дала имъ зайти въ глубину лѣса, потомъ окружила ихъ и однихъ истребила на мѣстѣ, другихъ поволокла въ свои укрѣпленія, и тамъ перебила[450]. Между тѣмъ Болгарскій Князь пришелъ было на Пуреша, присяжнаго Князька Юрьева, но услыхавъ, что Великій Князь жжетъ села Мордовскія, побѣжалъ ночью назадъ, а Юрій съ братьею и со всѣми полками возвратились домой по здорову. Вообще, не смотря на всю медленность, недружность наступательнаго движенія Руси на Финскія племена, послѣднимъ не было возможности съ успѣхомъ противиться ей, потому что Русь, мимо всѣхъ препятствій къ государственному развитію, все шла впередъ по пути этого развитія, тогда какъ Финскія племена оставались и теперь на той же ступени, на какой Славянскія племена, Дреговичи, Сѣверяне, Вятичи находились въ половинѣ IX вѣка, жили особными и потому безсильными племенами, которыя, раздробляясь, враждовали другъ съ другомъ. Мѣстное преданіе очень вѣрно указываетъ на причину подчиненія Финскихъ племенъ Руси: на мѣстѣ Нижняго Новгорода, говоритъ оно, жилъ нѣкогда Мордвинъ Скворецъ, другъ Соловья разбойника; было у него 18 женъ и 70 сыновей. Чародѣй Дятелъ предсказалъ ему, что если дѣти его будутъ жить мирно, то останутся владѣтелями отцовскаго наслѣдія, а если поссорятся, то будутъ покорѣны Русскими; потомки Скворца начали враждовать между собою, и Андрей Боголюбскій изгналъ ихъ съ устья Оки.

Не таковы были отношенія Руси къ западнымъ ея дикимъ сосѣдямъ, Литовцамъ, которыхъ набѣги становятся все сильнѣе и дружнѣе: въ 1190 году Рюрикъ Ростиславичь, будучи еще Княземъ Бѣлгородскимъ, по родству своему съ Князьями Пин-

скими, которые должны были особенно терпѣть отъ Литвы, предпринялъ было походъ на нее, но не могъ дойти до земли Литовской, потому что сдѣлалось тепло и снѣгъ растаялъ, а въ этой болотистой странѣ только и можно было воевать въ сильные холода. Счастливѣе былъ зять его, знаменитый Романъ Волынскій, о поведеніи котораго относительно плѣнныхъ Литвы и Ятвяговъ уже было упомянуто; въ 1196 году, по словамъ лѣтописи, Романъ ходилъ на Ятвяговъ отмщеваться, потому что они воевали его волость; когда Романъ вошелъ въ ихъ землю, то они не могли стать противъ его силы, и бѣжали въ свои тверди, а Романъ пожегъ ихъ волость, и отомстившись, возвратился домой[451]. Усобицы, возникшія на Волыни по смерти Романа Великаго, дали Ятвягамъ и Литвѣ возможность опустошать эту страну: подъ 1205 годомъ читаемъ извѣстіе, что Литва и Ятвяги повоевали землю отъ Турійска до Червеня, бились у самыхъ воротъ Червенскихъ: бѣда была въ землѣ Владимирской отъ воеванья Литовскаго и Ятвяжскаго, говоритъ лѣтописецъ. Въ 1215 году Литовскіе Князья, числомъ 21, дали миръ вдовѣ Романовой, которая немедленно употребила ихъ противъ Поляковъ. Въ 1227 году Ятвяги пришли было воевать около Бреста, но потерпѣли пораженіе отъ Даніила Романовича. — Сѣверозападныя Русскія границы не были также безопасны отъ Литвы: въ 1183 году бились Псковичи съ Литвою, и много потерпѣли зла отъ нея. Въ 1200 году Литовцы опустошили берега Ловати[452]; Новгородцы погнались за ними, и обратили ихъ въ бѣгство, убивши 80 человѣкъ и отнявши добычу. Въ тотъ же годъ воевода Великолуцкій, Нѣздила Пехчиничь ходилъ съ небольшею дружиною на Летголу, засталъ непріятелей спящими, убилъ 40 человѣкъ, а женъ и дѣтей увелъ въ плѣнъ. Подъ 1210 годомъ упоминается снова о набѣгѣ Литовскомъ на Новгородскую область; въ 1213 Литовцы пожгли Псковъ; въ 1217 Литва опять воевала по Шелони; въ 1225 около Торопца; въ 1224 пришла къ Русѣ: посадникъ Ѳедоръ выѣхалъ было противъ нея, но былъ побѣжденъ; въ 1225 Литовцы, въ числѣ 7000, страшно опустошили села около Торжка, не дошедши до города только трехъ верстъ, побили много купцовъ, поплѣнили и Торопецкую волость всю; Князь Ярославъ

Всеволодовичь нагналъ ихъ близь Усвята, разбилъ, истребилъ 2000 человѣкъ, отнялъ добычу, изъ Русскихъ палъ здѣсь Торопецкій Князь Давыдъ, сынъ Мстислава Храбраго.

На югѣ и юговостокѣ продолжалась прежняя борьба съ степняками или Половцами. Когда Андрей Боголюбскій посадилъ брата своего Глѣба въ Кіевѣ, то въ Русскихъ предѣлахъ явилось множество Половцевъ, одна половина ихъ вошла въ предѣлы Переяславскаго княжества, а другая Кіевскаго, и обѣ послали къ Глѣбу съ такими рѣчами: «Богъ и Князь Андрей посадили тебя на твоей отчинѣ и дѣдинѣ въ Кіевѣ, а мы хотимъ урядиться съ тобою обо всемъ, послѣ чего мы присягнемъ тебѣ, а ты намъ, чтобъ вы насъ не боялись, а мы васъ.» Глѣбъ отвѣчалъ: «Я готовъ идти къ вамъ на сходку,» и сталъ думать съ дружиною, къ какимъ Половцамъ идти прежде? рѣшили, что лучше идти сперва къ Переяславлю, потому что Князь тамошній, Владиміръ Глѣбовичь былъ тогда малъ, всего 12 лѣтъ. Глѣбъ и пошелъ на сходку къ Переяславскимъ Половцамъ, а другимъ, Русскимъ (т. е. Кіевскимъ) послалъ сказать: «подождите меня здѣсь, теперь я ѣду къ Переяславлю, и когда умирюсь съ тѣми Половцами, то приду и къ вамъ на миръ.» Но Кіевскіе Половцы, услыхавъ, что Глѣбъ пошелъ на ту сторону Днѣпра, начали разсуждать: «Глѣбъ то поѣхалъ на ту сторону, къ тѣмъ Половцамъ, и тамъ долго пробудетъ, а къ намъ непоѣхалъ; такъ мы пойдемъ за Кіевъ, возьмемъ села и пойдемъ домой съ добычею.» И дѣйствительно отправились воевать Кіевскія волости, жители которыхъ, не ожидая нападенія, неуспѣли убѣжать[453], были всѣ перехватаны и вмѣстѣ со стадами погнаны въ степи. Глѣбъ возвращался отъ Переяславля и хотѣлъ было отправиться къ Корсуню, гдѣ стояли прежде Половцы, какъ дали ему знать, что варвары, не дождавшись съѣзда, поѣхали воевать и воюютъ. Глѣбъ хотѣлъ немедленно самъ гнаться за ними, но Берендѣи схватили за поводъ его коня и сказали: Князь, не ѣзди! тебѣ пристойно только ѣздить въ большомъ полку, когда соберется вся братья, а теперь пошли кого-нибудь изъ Князей, да съ нимъ отрядъ изъ насъ, Берендѣевъ.» Глѣбъ послушался и отправилъ брата своего Михаила съ сотнею Переяславцевъ и съ 1500 Берендѣевъ; Михаилъ перенялъ у Половцевъ

дорогу, напалъ безъ вѣсти на сторожей ихъ, которыхъ было 300 человѣкъ, и однихъ перебилъ, а другихъ взялъ въ плѣнъ; когда у этихъ начали спрашивать, много ли вашихъ назади? и они отвѣчали, что много, тысячь семь, то Русскіе стали думать: «Половцевъ назади много, а насъ мало, если оставимъ плѣнниковъ въ живыхъ, то во время битвы они будутъ намъ первые враги,» и перебили ихъ всѣхъ; потомъ пошли на другихъ Половцевъ, разбили ихъ, добычу отняли и опять спросили у плѣнниковъ: «много ли еще вашихъ назади?» тѣ отвѣчали: «теперь великій полкъ идетъ.» Русскіе дождались и великаго полка, и поѣхали противъ него: у поганыхъ было 900 копій, а у Русскихъ только 90. Смѣлые Переяславцы хотѣли было ѣхать напередъ съ Княземъ Михаиломъ; но Берендѣи опять схватили у Михаила коня за поводъ, и сказали: «вамъ не слѣдъ ѣхать напередъ, потому что вы нашъ городъ (защита), а мы стрѣльцы пойдемъ напередъ.» Битва была злая, Князь Михаилъ получилъ три раны, наконецъ Половцы побѣжали, при чемъ полторы тысячи ихъ попалось нашимъ въ плѣнъ. Зимою 1174 года Половцы снова явились на Кіевской сторонѣ и взяли множество селъ; больной Глѣбъ выслалъ противъ нихъ Торковъ и Берендѣевъ подъ начальствомъ двоихъ братьевъ своихъ Михаила и Всеволода, которые нагнали и разбили Половцевъ за рѣкою Бугомъ, при чемъ отполонили 400 человѣкъ своихъ.

По смерти Глѣба, въ княженіе Романа Ростиславича въ Кіевѣ, лѣтописецъ упоминаетъ о Половецкихъ набѣгахъ на пограничныя земли по рѣкѣ Роси; но гораздо замѣчательнѣе шла борьба съ варварами по ту сторону Днѣпра, гдѣ Сѣверскій Князь Игорь Святославичь пошелъ на Половцевъ въ степи за Ворсклу. Узнавши на дорогѣ, что два Хана, Кобякъ и Кончакъ отправились пустошить Переяславскую волость, Игорь погнался за ними, принудилъ бѣжать и отнялъ всю добычу: такъ счастливо началъ борьбу свою съ Половцами Игорь Святославичь, которому суждено было пріобрѣсти такую знаменитость отъ несчастнаго похода своего на нихъ. Въ 1179 году Кончакъ много зла надѣлалъ Христіанамъ у Переяславля; въ 1184 году новое извѣстіе о нашествіи Кончака. До сихъ поръ усобицы между Мономаховичами и Ольговичами на югѣ не давали Князьямъ

возможности отплачивать Половцамъ походами въ степи; но теперь съ окончательнымъ утвержденіемъ Святослава Всеволодовича въ Кіевѣ усобицы прекратились, и начинается рядъ степныхъ походовъ. Уже въ 1184 году, послѣ нашествія Кончака, Князь Святославъ, посовѣтовавшись съ сватомъ своимъ Рюрикомъ, пошелъ на Половцевъ, и сталъ у Ольжичь, ожидая Ярослава Всеволодовича изъ Чернигова; Ярославъ пріѣхалъ и сказалъ имъ: «Теперь, братья, не ходите, но лучше назначимъ срокъ и пойдемъ, дастъ Богъ, на лѣто.» Старшіе Князья послушались его и возвратились, приказавши вмѣсто себя идти въ степь младшимъ: Святославъ отправилъ Игоря Святославича Сѣверскаго, а Рюрикъ Владиміра Глѣбовича Переяславскаго. Но эти младшіе—Мономаховичь Владиміръ и Ольговичь Игорь сейчасъ же начали споръ за старшинство и поссорились: Владиміръ сталъ проситься у Игоря ѣхать напереди, а Игорь не пустилъ его; тогда Владиміръ разсердился и вмѣсто Половцевъ, пошелъ на Сѣверскіе города, гдѣ взялъ большую добычу; Игорь одинъ съ своими Ольговичами отправился на Половцевъ и принудилъ бѣжать ихъ, но далеко не могъ идти за ними, потому что отъ дождя вода поднялась въ рѣкахъ. Старшіе Князья Святославъ и Рюрикъ исполнили свое обѣщаніе, лѣтомъ повѣстили походъ на Половцевъ, собрали Князей—Переяславскаго, Волынскихъ, Смоленскихъ, Туровскихъ, взяли вспомогательный Галицкій отрядъ, и пошли внизъ по Днѣпру; Черниговскіе отказались идти вмѣстѣ, они послали сказать Святославу Всеволодовичу: «далеко намъ идти внизъ Днѣпромъ, не можемъ своихъ земель оставить пустыми, но если пойдешь на Переяславль, то сойдемся съ тобою на Сулѣ.» Святославу не понравилось это неповиновеніе младшей братьи; онъ продолжалъ безъ нихъ путь по Днѣпру, вышелъ на восточный берегъ при Инжирѣ бродѣ, и отрядилъ младшихъ Князей на поискъ за Половцами съ 2100 Берендѣевъ; Владиміръ Глѣбовичь Переяславскій отпросился у него ѣхать прежде всѣхъ: «моя волость пуста отъ Половцевъ, говорилъ онъ: такъ пусти меня, батюшка Святославъ, напередъ съ сторожами!» Половцы, увидавши идущій на себя полкъ Владиміровъ, ударились бѣжать, такъ что Рускій сторожевой отрядъ не могъ нагнать ихъ, и возвратился къ

рѣкѣ Ерелу; остановились и Половцы, и Ханъ Кобякъ, думая, что Русскихъ всего только, что съ Владиміромъ, погнался за послѣднимъ и сталъ перестрѣливаться съ его отрядомъ черезъ рѣку; услыхавъ объ этомъ, Святославъ и Рюрикъ отправили на помощь къ сторожамъ большіе полки, въ слѣдъ за которыми пошли и сами; но Половцы, увидавши первые полки, отправленные на помощь къ сторожамъ, подумали, что это сами Святославъ и Рюрикъ идутъ, побѣжали, Русскіе за ними, стали ихъ бить и хватать въ плѣнъ и набрали 7000 человѣкъ; взяли тутъ самого Кобяка съ двумя сыновьями и много другихъ Князей[454], и возвратились Святославъ и Рюрикъ со славою и честію великою, по словамъ лѣтописца. Между тѣмъ Игорь Святославичь Сѣверскій, услыхавъ, что Кіевскій Святославъ пошелъ на Половцевъ, призвалъ къ себѣ брата Всеволода, племянника Святослава Ольговича, сына Владиміра, дружину, и сказалъ имъ: «Половцы обратились теперь противъ Русскихъ Князей, такъ мы безъ нихъ ударимъ на ихъ вежи.» Князья поѣхали и за рѣкою Мерломъ встрѣтились съ Половецкимъ отрядомъ въ 400 человѣкъ, которые пробирались воевать Русь; Игорь ударилъ на нихъ и прогналъ назадъ.

Въ слѣдующемъ 1185 году пошелъ окаянный, безбожный и треклятый Кончакъ со множествомъ Половцевъ на Русь съ тѣмъ, чтобъ поплѣнить города Русскіе и пожечь ихъ огнемъ: нашелъ онъ одного бусурмана, который стрѣлялъ живымъ огнемъ; были у Половцевъ также луки тугіе самострѣльные, которые едва могли натянуть 50 человѣкъ. Половцы сначала пришли и стали на рѣкѣ Хоролѣ; Кончакъ хотѣлъ обмануть Ярослава Всеволодовича Черниговскаго, и послалъ къ нему какъ будто мира просить, и Ярославъ, ничего не подозрѣвая, отправилъ къ нему своего боярина для переговоровъ. Но Святославъ Кіевскій послалъ сказать Ярославу: «Братъ! невѣрь имъ и не посылай боярина; я на нихъ пойду;» и дѣйствительно вмѣстѣ съ Рюрикомъ Ростиславичемъ и со всѣми своими полками пошелъ на Половцевъ, отправивши впередъ молодыхъ Князей — Владиміра Глѣбовича и Мстислава Романовича. На дорогѣ купцы, ѣхавшіе изъ земли Половецкой, указали Князьямъ мѣсто, гдѣ стоялъ Кончакъ; Владиміръ и Мстиславъ напали на него и

обратили въ бѣгство, при чемъ былъ взятъ въ плѣнъ и тотъ бусурманъ, что стрѣлялъ живымъ огнемъ: хитреца привели къ Святославу со всѣмъ снарядомъ его. — Ярославъ Черниговскій не ходилъ съ братомъ на Половцевъ; онъ велѣлъ сказать ему: «я уже отправилъ къ нимъ боярина, и не могу ѣхать на своего мужа.» Но не такъ думалъ Игорь Святославичь Сѣверскій, онъ говорилъ: «не дай Богъ отрекаться отъ похода на поганыхъ, поганые всѣмъ намъ общій врагъ, и началъ думать съ дружиною, куда бы поѣхать, чтобъ нагнать Святослава; дружина сказала ему: «Князь! поптичьи нельзя перелетѣть: пріѣхалъ къ тебѣ бояринъ отъ Святослава въ четвергъ, а самъ онъ идетъ въ воскресенье изъ Кіева; какъ же тебѣ его нагнать?» Игорю не правилось, что такъ дружина говоритъ, онъ хотѣлъ ѣхать степью возлѣ Сулы рѣки: но вдругъ сдѣлался такой туманъ, что никакъ нельзя было никуда идти. Святославъ, возвратясь въ Кіевъ, тою же весною послалъ боярина своего Романа Нѣздиловича съ Берендѣями на Половцевъ, и Романъ въ самое Свѣтлое Воскресенье (21 Апрѣля) взялъ Половецкія вежи, забралъ въ нихъ много плѣнниковъ и лошадей.

Между тѣмь Игорь Святославичь не хотѣлъ оставить своего намѣренія идти на Половцевъ; сѣверскимъ Князьямъ не давали покоя счастливые походы съ той стороны Днѣпра, въ которыхъ они не участвовали: «развѣ уже мы не Князья, говорили они: добудемъ и мы такой же себѣ чести.» И вотъ 23-го Апрѣля Игорь выѣхалъ изъ Новгорода Сѣверскаго, велѣвши идти съ собою брату Всеволоду изъ Трубчевска, племяннику Святославу Ольговичу изъ Рыльска, сыну Владиміру изъ Путивля, а у Ярослава Черниговскаго выпросилъ боярина Олстина Олексича съ Коуями Черниговскими; Сѣверскіе Князья шли тихо, собирая дружину, потому что кони у нихъ были очень тучны. Какъ дошли они до рѣки Донца, время было уже къ вечеру, Игорь взглянулъ на небо, и увидалъ, что солнце стоитъ точно мѣсяцъ: «Посмотрите-ка, что̀ это значитъ?» спросилъ онъ у бояръ и у дружины. Тѣ посмотрѣли и опустили головы. «Князь! сказали они потомъ: не на добро это знаменіе.» Игорь отвѣчалъ имъ на это: «Братья и дружина! тайны Божіей ни кто не знаетъ, а знаменію всякому и всему міру своему Богъ творецъ; уви-

димъ, что сотворитъ намъ Богъ, на добро или на зло наше.» Сказавши это, Игорь переправился за Донецъ и пришелъ къ Осколу, гдѣ два дня дожидался брата Всеволода, который шелъ инымъ путемъ изъ Курска, и изъ Оскола отправились всѣ къ рѣкѣ Сальницѣ, куда пріѣхали сторожа, посланные ловить языка, и объявили Князьямъ: «видѣлись мы съ непріятелемъ, непріятели ваши ѣздятъ на готовѣ: такъ или ступайте скорѣе, или ворочайтесь домой, потому что не наше теперь время.» Игорь и другіе Князья сказали на это: «если мы теперь не бившись возвратимся, то стыдъ намъ будетъ хуже смерти; поѣдемъ на милость Божію,» и ѣхали всю ночь, а утромъ, въ обѣднее время встрѣтили полки Половецкіе: поганые собрались отъ мала до велика и стояли по той сторонѣ рѣки Сюурлія. Русскіе Князья выстроили шесть полковъ: Игоревъ полкъ стоялъ по серединѣ, по правую сторону полкъ брата его Всеволода, по лѣвую племянника Святослава, а напереди полкъ сына Владиміра съ отрядомъ Коуевъ Черниговскихъ, а напереди этого полка стояли стрѣльцы, выведенные изъ всѣхъ полковъ. Игорь сказалъ братьѣ: «Братья! мы этого сами искали, такъ пойдемъ,»— и пошли. Изъ Половецкихъ полковъ выѣхали стрѣльцы, пустили по стрѣлѣ на Русь, и бросились бѣжать, Русь не успѣла еще переѣхать рѣку, какъ побѣжали и остальные Половцы; передовой Русскій полкъ погнался за ними, началъ бить ихъ и хватать въ плѣнъ, а старшіе Князья Игорь и Всеволодъ шли по тихоньку, не распуская своего полка; Половцы пробѣжали мимо своихъ вежъ, Русскіе заняли послѣднія и захватили много плѣнныхъ. Три дня стояли здѣсь сѣверскіе полки, и веселились, говоря: «Братья наши съ великимъ Княземъ Святославомъ ходили на Половцевъ и бились съ ними, озираясь на Переяславль, въ землю Половецкую не смѣли войти; а мы теперь въ самой землѣ Половецкой, поганыхъ перебили, жены и дѣти ихъ у насъ въ плѣну; теперь пойдемъ на нихъ за Донъ и до конца истребимъ ихъ; если тамъ побѣдимъ ихъ, то пойдемъ въ Лукоморье, куда и дѣды наши не хаживали, и возьмемъ до конца свою славу и честь.» Когда передовой полкъ возвратился съ погони, то Игорь сталъ говорить братьямъ и боярамъ своимъ: «Богъ далъ намъ побѣду, честь и славу; мы видѣли полки По-

ловецкіе, много ихъ было, всѣ ли они тутъ были собраны? пойдемъ теперь въ ночь, а остальные пусть идутъ за нами завтра утромъ.» На это Святославъ Ольговичь отвѣчалъ дядьямъ: «Я далеко гонялся за Половцами и утомилъ лошадей; если теперь опять поѣду, то останусь на дорогѣ.» Дядя Всеволодъ принялъ его сторону, и положено было еще переночевать тутъ. Но на другой день на разсвѣтѣ начали вдругъ выступать одинъ за другимъ полки Половецкіе, точно боровы; Русскіе Князья изумились, Игорь сказалъ: «Сами мы собрали на себя всю землю;» Князья стали совѣтоваться, какъ быть? «Если побѣжимъ, говорили они, то сами спасемся, но черныхъ людей оставимъ, и будетъ на насъ грѣхъ предъ Богомъ, что ихъ выдали; уже лучше — умремъ ли, живы ли будемъ, всѣ на одномъ мѣстѣ.» Порѣшивши на этомъ, всѣ сошли съ коней, и пошли на битву: бились крѣпко цѣлый день до вечера, и много было раненыхъ и мертвыхъ въ полкахъ Русскихъ; бились вечеръ и ночь, на разсвѣтѣ замѣшались Коуи и побѣжали. Игорь еще въ началѣ битвы былъ раненъ въ руку и потому сѣлъ на лошадь; увидѣвъ, что Коуи бѣгутъ, онъ поскакалъ къ нимъ, чтобъ удержать бѣглецовъ, но тутъ былъ захваченъ въ плѣнъ; окруженный Половцами, которые держали его, Игорь увидалъ брата Всеволода, отбивавшагося отъ враговъ, и сталъ просить себѣ смерти, чтобъ только не видать гибели брата своего; но Всеволодъ не погибъ, а былъ также взятъ въ плѣнъ; изъ многочисленныхъ полковъ Сѣверскихъ спаслось очень мало: Русскихъ ушло человѣкъ 15, а Коуевъ еще меньше, потому что какъ стѣнами крѣпкими были они огорожены полками Половецкими. Ведомый въ плѣнъ, Игорь вспомнилъ прежній грѣхъ свой, какъ однажды, взявши на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля, не пощадилъ крови христіанской: «Недостоинъ былъ я жизни, говорилъ онъ; теперь вижу месть отъ Господа Бога моего; гдѣ теперь возлюбленный мой братъ, гдѣ племянникъ, гдѣ сынъ, гдѣ бояре думающіе, гдѣ мужи храборствующіе, гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружіе многоцѣнное? всего я лишился, и связаннаго предалъ меня Богъ въ руки беззаконнымъ!»

Въ это время Святославъ Кіевскій былъ въ Корачевѣ[455], и собиралъ въ верхнихъ земляхъ войско, хотѣлъ идти на Полов-

цевъ къ Дону на все лѣто. На возвратномъ пути изъ Корачева, будучи у Новгорода Сѣверскаго, онъ узналъ, что Игорь съ братьею пошли на Половцевъ тайкомъ отъ него, и не понравилось ему это своевольство. Изъ Новгорода Сѣверскаго Святославъ приплылъ по Деснѣ въ Черниговъ, и тутъ дали ему знать о бѣдѣ Сѣверскихъ Князей. Святославъ заплакалъ и сказалъ: «Ахъ любезные мои братья и сыновья и бояре Русской земли! далъ бы мнѣ Богъ притомить поганыхъ; но вы не сдержали молодости своей и отворили имъ ворота въ Русскую землю; воля Господия да будетъ; какъ прежде сердитъ я былъ на Игоря, такъ теперь жаль мнѣ его стало.» Святославъ однако не терялъ времени въ пустыхъ жалобахъ и отправилъ сыновей своихъ Олега и Владиміра въ Посемье (страну по рѣкѣ Сейму): плачь поднялся по всѣмъ городамъ Посемскимъ, въ Новгородѣ Сѣверскомъ и во всей волости Черниговской о томъ, что Князья въ плѣну, а изъ дружины одни схвачены, другіе перебиты; жители метались въ отчаяніи, по словамъ лѣтописца, не стало никому мило свое ближнее, но многіе отрекались отъ душъ своихъ изъ жалости по князьяхъ. Святославъ принималъ и другія мѣры, послалъ сказать Давыду Смоленскому: «Мы было сговорились идти на Половцевъ и лѣтовать на Дону, а теперь вотъ Половцы побѣдили Игоря съ братьею; такъ пріѣзжай, братъ, постереги Русскую землю.» Давыдъ приплылъ по Днѣпру; пришли и другіе полки на помощь и стали у Треполя; а Ярославъ, собравши войска свои, стоялъ на готовѣ въ Черниговѣ.

Между тѣмъ Половцы, побѣдивши Игоря съ братьею, загордились, собрали весь свой народъ на Русскую землю, но когда стали думать, въ какую сторону идти имъ, то начался споръ между ихъ ханами: Кончакъ говорилъ: «Пойдемъ на Кіевскую сторону, гдѣ перебита наша братья и великій Князь нашъ Бонякъ;» а другой ханъ, Кза говорилъ: «Пойдемъ на Сеймъ, гдѣ остались одни жены да дѣти, готовъ намъ тамъ полонъ собранъ, возьмемъ города безъ всякой трудности;» — и раздѣлились на двое: Кончакъ пошелъ къ Переяславлю, осадилъ городъ и бился цѣлый день; въ Переяславлѣ былъ Княземъ извѣстный Владиміръ Глѣбовичь, смѣлый и крѣпкій на рати, по словамъ лѣтописца; онъ выѣхалъ изъ города и ударилъ на Половцевъ съ

очень небольшою дружиною, потому что остальные не осмѣлились выйти на вылазку; Владиміръ былъ окруженъ множествомъ Половцевъ и раненъ тремя копьями, тогда остальная дружина, видя Князя въ опасности, ринулась изъ города и высвободила Владиміра, который тяжело раненый въѣхалъ въ свой городъ и утеръ мужественный потъ за отчину свою. Онъ слалъ и къ Святославу, и къ Рюрику, и къ Давыду: «Половцы у меня, помогите мнѣ!» Святославъ слалъ къ Давыду, а Давыдъ не трогался съ мѣста, потому что его Смольняне собрали вѣче и толковали: «Мы шли къ Кіеву только, еслибъ здѣсь была рать, то мы и стали бъ биться, а теперь намъ нельзя искать другой рати, мы уже и такъ устали.» Давыдъ принужденъ былъ идти назадъ съ ними въ Смоленскъ. Но Святославъ съ Рюрикомъ сѣли на суда и поплыли Днѣпромъ внизъ противъ Половцевъ, которые, услыхавъ объ этомъ, отошли отъ Переяславля, но по дорогѣ осадили городъ Римовъ[456]; Римовичи затворились, и взошли на стѣны биться, какъ вдругъ двѣ городницы (стѣнныя укрѣпленія) рухнули вмѣстѣ съ людьми прямо къ Половцамъ; ужасъ напалъ на остальныхъ жителей, и городъ былъ взятъ; спаслись отъ плѣна только тѣ изъ Римовичей, которые вышли изъ города и бились съ непріятелемъ по Римскому болоту. Такимъ образомъ Половцы, благодаря медленности Князей, дожидавшихся по напрасну Давыда Смоленскаго, успѣли взять Римовъ, и съ добычею безопасно возвратиться въ свои степи; Князья не преслѣдовали ихъ туда, но съ печалію разошлись по волостямъ своимъ. Другіе Половцы съ Ханомъ Кзою пошли къ Путивлю, пожгли села вокругъ, острогъ у самаго Путивля и возвратились съ добычею.

Игорь Святославичь все жилъ въ плѣну у Половцевъ, которые, какъ будто стыдясь воеводства его, по выраженію лѣтописца, не дѣлали ему никакихъ притѣсненій; приставили къ нему 20 сторожей, но давали ему волю ѣздить на охоту куда хочетъ, и брать съ собою слугъ своихъ, человѣкъ по пяти и по шести; да и сторожа слушались его и оказывали всякую честь: куда кого пошлетъ, исполняли приказъ безпрекословно; Игорь вызвалъ было уже къ себѣ и священника со всею службою, думая, что долго пробудетъ въ плѣну. Но Богъ, говоритъ лѣтопи-

сецъ, избавилъ его по Христіанской молитвѣ, потому что многіе проливали слезы за него. Нашелся между Половцами одинъ человѣкъ, по имени Лаворъ; пришла ему добрая мысль, и сталъ онъ говорить Игорю: «Пойду съ тобою въ Русь.» Игорь сперва не повѣрилъ ему; по молодости своей держалъ онъ мысль высокую, думалъ схвативши Лавора бѣжать съ нимъ въ Русь, онъ говорилъ: «Я для славы не бѣжалъ во время бою отъ дружины, и теперь безславнымъ путемъ не пойду.» Съ Игоремъ вмѣстѣ были въ плѣну сынъ Тысяцкаго и конюшій его; оба они понуждали Князя принять предложеніе Лавора, говорили: «Ступай, Князь, въ Русскую землю, если Богъ захочетъ избавить тебя;» Игорь все медлилъ; но когда возвратились Половцы отъ Переяславля, то думцы его начали опять говорить: «у тебя, Князь, мысль высокая и Богу неугодная: ты все ищешь случая, какъ бы схватить Лавора и бѣжать съ нимъ, а объ томъ не подумаешь, какой слухъ идетъ, говорятъ, будто Половцы хотятъ перебить васъ всѣхъ князей и всю Русь; такъ не будетъ тебѣ ни славы, ни жизни.» На этотъ разъ Игорь послушался ихъ, испугался Половецкаго прихода и сталъ искать случая къ бѣгству: нельзя было бѣжать ни днемъ ни ночью, потому что сторожа стерегли его, только и было можно, что на самомъ солнечномъ закатѣ. И вотъ Игорь послалъ конюшаго своего сказать Лавру, чтобъ тотъ переѣхалъ на ту сторону рѣки съ поводнымъ конемъ. Наступило назначенное время, стало темнѣть, Половцы напились кумыса, пришелъ конюшій и объявилъ, что Лаворъ ждетъ. Игорь всталъ въ ужасѣ и трепетѣ, поклонился Спасову образу и кресту честному, говоря: «Господи сердцевѣдче! спаси меня недостойнаго;» — надѣлъ на себя крестъ, икону, поднялъ стѣну и вылѣзъ вонъ. Сторожа играли, веселились, думая, что Игорь спитъ, а онъ уже былъ за рѣкою и мчался по степи; въ одиннадцать дней достигъ онъ города Донца, откуда поѣхалъ въ свой Новгородъ Сѣверскій, а изъ Новгорода сперва поѣхалъ къ брату Ярославу въ Черниговъ, а потомъ къ Святославу въ Кіевъ просить помощи на Половцевъ; всѣ Князья обрадовались ему и обѣщались помогать.

Но только черезъ годъ (1187 г.) Святославъ съ сватомъ своимъ Рюрикомъ собрались на Половцевъ, хотѣли напасть на

нихъ внезапно, получивши вѣсть, что Половцы у Татинца на Днѣпровскомъ бродѣ[458]. Владиміръ Глѣбовичь пріѣхалъ къ нимъ изъ Переяславля съ дружиною, и выпросился ѣхать напередъ съ Черными Клобуками; Святославу не хотѣлось было отпустить Владиміра впереди своихъ сыновей; но Рюрикъ и всѣ другіе хотѣли этого, потому что Переяславскій Князь былъ смѣлъ и крѣпокъ въ битвѣ, всегда стремился на добрыя дѣла. Въ это время Черные Клобуки дали знать сватамъ своимъ Половцамъ, что Русскіе Князья идутъ на нихъ, и тѣ убѣжали, а Князьямъ нельзя было ихъ преслѣдовать, потому что Днѣпръ уже трогался, весна наступала. По возвращеніи изъ этого похода разболѣлся и умеръ знаменитый защитникъ Украйны отъ Половцевъ, Переяславскій Князь Владиміръ Глѣбовичь: плакали по немъ всѣ Переяславцы, говоритъ лѣтописецъ, потому что онъ любилъ дружину, золота не собиралъ, имѣнія не щадилъ, но раздавалъ дружинѣ, былъ Князь добрый, мужествомъ крѣпкимъ и всякими добродѣтелями исполненный, Украйна много стонала объ немъ, и недаромъ, потому что немедленно Половцы начали воевать ее. Зимою Святославъ сталъ опять пересылаться съ Рюрикомъ, звать его на Половцевъ; Рюрикъ отвѣчалъ ему: «Ты, братъ, поѣзжай въ Черниговъ, сбирайся тамъ съ своею братьею, а я здѣсь буду сбираться съ своею.» Всѣ Князья собрались и пошли по Днѣпру, иначе нельзя было идти, потому что снѣгъ былъ очень великъ; у рѣки Снопорода перехватали сторожей Половецкихъ и тѣ объявили, что вежи и стада Половецкія у Голубаго лѣса. Ярославу Черниговскому не хотѣлось идти дальше, и сталъ онъ говорить брату Святославу: «Не могу идти дальше отъ Днѣпра, земля моя далеко, а дружина изнемогла.» Рюрикъ началъ слать къ Святославу, понуждая его продолжать походъ: «Братъ и сватъ! говорилъ онъ ему: исполнилось то, чего намъ слѣдовало у Бога просить, пришла вѣсть, что Половцы только за полдень пути отъ насъ; если же кто раздумываетъ и не хочетъ идти, то вѣдь мы съ тобой вдвоемъ до сихъ поръ ни на кого не смотрѣли, а дѣлали что намъ Богъ давалъ.» Святославу самому хотѣлось продолжать походъ, и онъ отвѣчалъ Рюрику: «Я, братъ, готовъ; но пошли къ брату Ярославу, понудь его, чтобъ намъ всѣмъ вмѣстѣ поѣхать.» Рюрикъ послалъ сказать Яро-

славу: «Братъ! не слѣдовало бы тебѣ дѣло разстроивать; къ намъ дошла вѣрная вѣсть, что вежи Половецкія всего отъ насъ на полдень пути, велика ли это ѣзда? прошу тебя, братъ, поѣзжай еще только полдня для меня, а я для тебя десять дней ѣду.» Но Ярославъ никакъ не соглашался: «Не могу поѣхать одинъ, говорилъ онъ: полкъ мой пѣшъ; вы бы мнѣ дома сказали, что такъ далеко идти.» Князья завели распрю: Рюрикъ понуждалъ Всеволодовичей идти впередъ, Святославъ хотѣлъ идти дальше по вмѣстѣ съ братомъ, и когда тотъ не согласился, то всѣ возвратились ни съ чѣмъ домой. Въ концѣ года зимою Святославъ съ Рюрикомъ отправили Черныхъ Клобуковъ съ воеводою Романомъ Нѣздиловичемъ на Половцевъ за Днѣпръ; Романъ взялъ вежи и возвратился домой со славою и честью великою, потому что Половцевъ не было дома, пошли къ Дунаю. Подъ 1190 годомъ читаемъ въ лѣтописи, что Святославъ съ Рюрикомъ утишили Русскую землю и Половцевъ примирили въ свою волю, послѣ чего поѣхали на охоту внизъ по Днѣпру на лодкахъ къ устью Тясмины, наловили множество звѣрей и провели время очень весело. Но миръ съ Половцами не былъ продолжителенъ: осенью того же года Святославъ по доносу схватилъ Кондувдѣя Торцкаго Князя; Рюрикъ вступился за Торчина, потому что былъ онъ отваженъ и надобенъ въ Руси, по словамъ лѣтописца; Святославъ послушался Рюрика, привелъ Кондувдѣя къ присягѣ и отпустилъ на свободу. Но Торчинъ хотѣлъ отомстить за свой позоръ, и ушелъ къ Половцамъ, которые обрадовались случаю, и стали съ нимъ думать, куда бы поѣхать имъ на Русскую землю; рѣшили ѣхать на Чурнаевъ, гдѣ сидѣлъ прежде Кондувдѣй; взяли острогъ, зажгли княжой дворъ, захватили имѣніе его, двухъ женъ, множество рабовъ; потомъ, давши отдохнуть конямъ, пошли было къ другому городу Боривому, но услыхавъ, что Ростиславъ Рюриковичъ въ Торческѣ, возвратились къ своимъ ватагамъ, и отсюда стали часто наѣзжать съ Кондувдѣемъ на мѣста по рѣкѣ Роси. Святослава этою осенью не было въ Кіевѣ, онъ поѣхалъ за Днѣпръ къ братьямъ на думу; Рюрикъ также поѣхалъ въ Овручь по своимъ дѣламъ, оставивъ на всякій случай сына Ростислава въ Торческѣ: онъ зналъ, что Кондувдѣй станетъ воевать Русь изъ мести Святославу. Съ этою же мыслію

онъ послалъ сказать Святославу: «Мы вотъ свои дѣла дѣлаемъ, такъ и Русской земли не оставимъ безъ обороны, я оставилъ сына своего съ полкомъ, оставь и ты своего.» Святославъ обѣщалъ ему послать сына Глѣба, и не послалъ, потому что ссорился съ Мономаховичами; но къ счастію Князья скоро помирились. Между тѣмъ зимою лучшіе люди между Черными Клобуками пріѣхали въ Торческъ къ Ростиславу Рюриковичу и сказали ему: «Половцы этою зимою часто насъ воюютъ, и не знаемъ, Подунайцы что ли мы? отецъ твой далеко, а къ Святославу нечего и слать: онъ сердитъ на насъ за Кондувдѣя.» Ростиславъ Рюриковичь послѣ этого послалъ сказать Ростиславу Владиміровичу (сыну Владиміра Мстиславича): «братъ! хотѣлось бы мнѣ поѣхать на вежи Половецкія, отцы наши далеко, а другихъ старшихъ нѣтъ: такъ будемъ мы за старшихъ, пріѣзжай ко мнѣ поскорѣе.» Соединившись съ Черными Клобуками, Ростиславъ Рюриковичь внезапно напалъ на Половецкія вежи, захватилъ женъ, дѣтей и стадъ множество. Половцы услыхавъ, что вежи взяты, погнались за Ростиславомъ и настигли его: Рюриковичь не испугался, что Половцевъ было много, и велѣлъ молодымъ стрѣльцамъ своимъ начать дѣло; Половцы начали было съ ними перестрѣливаться, но когда увидали знамена самаго Ростислава, то ударились бѣжать, при чемъ Русскіе стрѣльцы и Черные Клобуки взяли 600 человѣкъ плѣнныхъ, Черные Клобуки взяли между прочимъ Половецкаго Хана Кобана, но не повели его въ полкъ, опасаясь Князя Ростислава, а тайкомъ договорились съ нимъ о выкупѣ и отпустили. Тоюже зимою Половцы съ двумя Ханами въѣхали въ Русь Ростиславовою дорогою, но заслышавъ, что самъ Святославъ Кіевскій стоитъ на готовѣ, бросились бѣжать, побросавши знамена и копья. Святославъ послѣ этого поѣхалъ въ Кіевъ, оставивъ сына Глѣба въ Каневѣ, и вотъ Половцы, услыхавъ, что Святославъ поѣхалъ домой, возвратились съ Кондувдѣемъ, но были встрѣчены Глѣбомъ, побѣжали и обломились на рѣкѣ Роси, тутъ ихъ много перехватали и перебили, другіе потонули, а Кондувдѣй ушелъ.

Въ слѣдующемъ 1191 году ходилъ Игорь Сѣверскій опять на Половцевъ, и на этотъ разъ удачно; на зиму пошли въ другой разъ Ольговичи въ степи, но Половцы приготовились встрѣ-

тить ихъ, и Русскіе не рѣшились биться съ ними, ночью ушли назадъ. Въ 1192 году Святославъ съ Рюрикомъ и со всею братьею стояли цѣлое лѣто у Канева, уберегли землю свою отъ поганыхъ, и разошлись по домамъ. Потомъ Святославъ съ Черными Клобуками пошелъ было на Половцевъ, но Черные Клобуки не захотѣли идти за Днѣпръ, потому что тамъ сидѣли ихъ сваты, и поспоривши съ Княземъ, возвратились назадъ. Наконецъ Рюрику удалось перезвать къ себѣ изъ Половцевъ Кондувдѣя: онъ посадилъ его въ своей волости, далъ ему городъ на Роси Дверенъ.

Помирившись съ Кондувдѣемъ, захотѣли договориться и съ прежними союзниками его, Половцами: въ 1193 году Святославъ послалъ сказать Рюрику: «Ты договорился съ Половцами Лукоморскими; а теперь пошлемъ за остальными, за Бурчевичами.» Рюрикъ послалъ за Лукоморскими, за двумя Ханами, а Святославъ за Бурчевичами, также за двумя Ханами. На осень Святославъ съ Рюрикомъ съѣхались въ Каневѣ, Лукоморскіе Ханы пришли туда же, но Бурчевичи остановились на той сторонѣ Днѣпра, и послали сказать Князьямъ: «Если хотите договариваться съ нами, то пріѣзжайте къ намъ на эту сторону.» Князья, подумавши, велѣли отвѣчать имъ: «Ни дѣды, ни отцы наши не ѣзжали къ вамъ; если хотите, то пріѣзжайте сюда къ намъ, а не хотите, то ваша воля.» Бурчевичи не согласились и уѣхали прочь; тогда Святославъ не захотѣлъ мириться и съ Лукоморцами: «Нечего намъ мириться съ одною половиною,» говорилъ онъ Рюрику, и такимъ образомъ Князья разъѣхались по домамъ, ничего не сдѣлавши. Рюрикъ послѣ этого, подумавши съ боярами своими, послалъ сказать Святославу: «Вотъ, братъ, ты мира не захотѣлъ, такъ намъ уже теперь нельзя не быть на готовѣ, станемъ же думать о своей землѣ: идти ли намъ зимою, такъ ты объяви заранѣе, я велю тогда братьямъ и дружинѣ готовиться; если же думаешь только стеречь свою землю, то объяви и объ этомъ.» Святославъ отвѣчалъ: «Теперь, братъ, нельзя намъ идти въ походъ, потому что жито не родилось у насъ; теперь дай Богъ только свою землю устеречь.» Тогда Рюрикъ велѣлъ сказать ему: «Братъ и сватъ! если въ походъ мы не пойдемъ на Половцевъ, то я пойду на Литву по своимъ

дѣламъ.» Святославъ съ сердцемъ отвѣчалъ ему: «Братъ и сватъ! если ты идешь изъ отчины по своимъ дѣламъ, такъ и я пойду за Днѣпръ по своимъ же дѣламъ, а въ Русской землѣ кто останется?» и этими рѣчами онъ помѣшалъ Рюрику идти на Литву. Но зимою лучшіе люди между Черными Клобуками пріѣхали къ Ростиславу Рюриковичу и стали опять звать его на Половцевъ: «Князь! говорили они: поѣзжай съ нами на вежи Половецкія, теперь самое время; прежде мы хотѣли было просить тебя у отца, да услыхали, что отецъ твой сбирается идти на Литву, такъ пожалуй тебя и не отпуститъ; а ужъ такого случая, какъ теперь, послѣ долго ждать.» Ростиславъ согласился, и прямо съ охоты поѣхалъ въ Торческъ, не сказавшись отцу, а къ дружинѣ послалъ сказать: «время намъ теперь вышле удобное, поѣдемъ на Половцевъ, а что отецъ мой идетъ на Литву, такъ еще успѣемъ съѣздить до его похода.» Въ три дня собралась дружина; Ростиславъ послалъ и въ Треполь за двоюроднымъ братомъ Мстиславомъ Мстиславичемъ (Удалымъ); тотъ немедленно поѣхалъ съ бояриномъ своимъ Сдѣславомъ Жирославичемъ и нагналъ Ростислава за Росью. Соединившись съ Черными Клобуками, Князья перехватали Половецкихъ сторожей, отъ которыхъ узнали, что Половцы стоятъ съ вежами и стадами своими по западой, по Русской сторонѣ Днѣпра за день пути; по этимъ указаніямъ Русскіе Князья отправились ночью, на разсвѣтѣ ударили на Половцевъ, и взяли безчисленную добычу. Услыхавъ объ этомъ, Святославъ послалъ сказать Рюрику: «Вотъ уже твой сынъ затронулъ Половцевъ, зачалъ рать, а ты хочешь идти въ другую сторону, покинувъ свою землю; ступай лучше въ Русь стеречь свою землю.» Рюрикъ послушался, и отложивъ походъ въ Литву, поѣхалъ со всѣми своими полками въ Русь. Долго стоялъ Святославъ съ Рюрикомъ у Василева, сторожа свою землю: Половцы не показывались; но только что Святославъ уѣхалъ за Днѣпръ въ Корачевъ, а Рюрикъ въ свою волость, то поганые стали опять воевать Украйну.

Святославу и Рюрику даже во время мира не подъ силу были наступательныя движенія на Половцевъ: если они и ходили въ степи, то озираясь на Переяславль; удалые сѣверскіе Князья вздумали было пойти подальше, но дорого заплатили за свою

отвагу. Сила, которая давала Мономаху и сыну его Мстиславу возможность прогонять поганыхъ за Донъ, къ морю, эта сила теперь перешла на сѣверъ, и вотъ подъ 1198 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что великій Всеволодъ съ сыномъ Константиномъ выступилъ въ походъ на Половцевъ, какимъ путемъ, неизвѣстно[459]. Половцы, услыхавши объ этомъ походѣ, бѣжали съ вежами къ морю; великій Князь ходилъ по зимовищамъ ихъ возлѣ Дона, и возвратился назадъ. Скоро потомъ и на югѣ явился сильный Князь, который могъ напомнить Половцамъ времена Мономаховы: то былъ Романъ Волынскій и Галицкій: въ 1202 году зимою онъ ходилъ на Половцевъ, взялъ ихъ вежи, привелъ много плѣнныхъ, отполонилъ множество Христіанскихъ душъ, и была радость большая въ землѣ Русской. Но радость эта перемѣнилась въ печаль, когда въ слѣдующемъ году Рюрикъ и Ольговичи со всею Половецкою землею взяли и разграбили Кіевъ, когда жителей послѣдняго иноплеменники повели къ себѣ въ вежи. Потомъ Всеволодъ и Романъ умирили было на время всѣхъ Князей; южные Князья въ 1208 году, въ жестокую зиму, отправились на Половцевъ, и была поганымъ большая тягость, говоритъ лѣтописецъ, и большая радость всѣмъ Христіанамъ Русской земли; въ тоже время Рязанскіе Князья ходили также на Половцевъ и взяли ихъ вежи. Но скоро опять встали смуты между Князьями, знаменитый Романъ умеръ, Половцамъ некого стало бояться на югѣ, и въ 1210 году они сильно опустошили окрестности Переяславля. Въ 1215 году Половцы опять отправились къ Переяславлю; тамошній Князь Владиміръ Всеволодовичъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу съ полками, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ.

Въ то время какъ Русь, Европейская Украйна вела эту безконечную и однообразную борьбу съ степными народами, Половцами, въ дальнихъ, восточныхъ степяхъ Азіи произошло явленіе, которое должно было дать иной ходъ этой борьбѣ. Изстари Китайскіе лѣтописцы въ степяхъ на сѣверозападъ отъ страны своей обозначали два кочевыхъ народа подъ именемъ Монгкуловъ и Тата[460]; образъ жизни этихъ народовъ былъ одинаковъ съ образомъ жизни другихъ собратій ихъ, являвшихся прежде въ Исторіи — Скиѳовъ, Гунновъ, Половцевъ. Въ

первой четверти XIII-го вѣка среди нихъ обнаружилось сильное движеніе: одинъ изъ Монгольскихъ хановъ, Темучинъ, извѣстный больше подъ именемъ Чингисъ — Хана, началъ наступательныя движенія на другихъ Хановъ, сталъ покорять ихъ, орда присоединялась къ ордѣ подъ одну власть, и вотъ образовалась огромная воинственная масса народа, которая, пробужденная отъ вѣковаго сна къ кровавой дѣятельности, безсознательно повинуясь разъ данному толчку, стремится на осѣдлые народы къ востоку, югу и западу, разрушая все на своемъ пути. Въ 1224 году двое полководцевъ Чингисхановыхъ, Джебе и Субутъ прошли обычныя ворота кочевниковъ между Каспійскимъ моремъ и Уральскими горами, поплѣнили Ясовъ, Обезовъ, и вошли въ землю Половецкую. Половцы вышли къ нимъ на встрѣчу съ сильнѣйшимъ Ханомъ своимъ Юріемъ Кончаковичемъ, но были поражены, и принуждены бѣжать къ Русскимъ границамъ, къ Днѣпру. Ханъ ихъ Котянъ, тесть Мстислава Галицкаго, сталъ умолять зятя своего и другихъ Князей Русскихъ о помощи, не жалѣлъ даровъ имъ, роздалъ много коней, верблюдовъ, буйволовъ, невольницъ; онъ говорилъ Князьямъ: «нашу землю нынче отняли Татары, а вашу завтра возьмутъ, защитите насъ; если же не поможете намъ, то мы будемъ перебиты нынче, а вы завтра.» Князья съѣхались въ Кіевѣ на совѣтъ; здѣсь было трое старшихъ: Мстиславъ Романовичь Кіевскій, Мстиславъ Святославичь Черниговскій, Мстиславъ Мстиславичь Галицкій; изъ младшихъ были Даніилъ Романовичь Волынскій, Всеволодъ Мстиславичь, сынъ Князя Кіевскаго, Михаилъ Всеволодовичь, племянникъ Черниговскаго. Мстиславъ Галицкій сталъ упрашивать братью помочь Половцамъ, онъ говорилъ: «если мы, братья, не поможемъ имъ, то они передадутся Татарамъ, и тогда у нихъ будетъ еще больше силы.» Послѣ долгихъ совѣщаній Князья наконецъ согласились идти на Татаръ; они говорили: «Лучше намъ принять ихъ на чужой землѣ, чѣмъ на своей.» Татары узнавши о походѣ Русскихъ Князей, прислали сказать имъ: «Слышали мы, что вы идете противъ насъ, послушавшись Половцевъ, а мы вашей земли не занимали, ни городовъ вашихъ, ни селъ, на васъ не приходили; пришли мы попущеніемъ Божіимъ на холопей

своихъ и конюховъ, на поганыхъ Половцевъ, а съ вами намъ нѣтъ войны; если Половцы бѣгутъ къ вамъ, то вы бейте ихъ оттуда, и добро ихъ себѣ берите, слышали мы, что они и вамъ много зла дѣлаютъ, потому же и мы ихъ отсюда бьемъ.» Въ отвѣтъ Русскіе Князья велѣли перебить Татарскихъ пословъ, и шли дальше; когда они стояли на Днѣпрѣ не доходя Олѣшья, пришли къ нимъ новые послы отъ Татаръ и сказали: «Если вы послушались Половцевъ, пословъ нашихъ перебили и все идете противъ насъ, то ступайте, пусть насъ Богъ разсудитъ, а мы васъ ничѣмъ не трогаемъ.» На этотъ разъ Князья отпустили пословъ живыми. Когда собрались всѣ полки Русскіе и Половецкіе, то Мстиславъ Удалой съ 1000 человѣкъ перешелъ Днѣпръ, ударилъ на Татарскихъ сторожей, и обратилъ ихъ въ бѣгство; Татары хотѣли скрыться въ Половецкомъ курганѣ, но и тутъ имъ не было помощи, не удалось имъ спрятать и воеводу своего Гемябека; Русскіе нашли его и выдали Половцамъ на смерть. Услыхавъ о разбитіи непріятельскихъ сторожей, всѣ Русскіе Князья переправились за Днѣпръ, и вотъ имъ дали знать, что пришли Татары осматривать Русскія лодки; Даніилъ Романовичь съ другими Князьями и воеводами сѣлъ тотчасъ на коня и поскакалъ посмотрѣть новыхъ враговъ; каждый судилъ объ нихъ по своему: одни говорили, что они хорошіе стрѣльцы, другіе, что хуже и Половцевъ, но Галицкій воевода Юрій Домамеричь утверждалъ, что Татары добрые ратники. Когда Даніилъ съ товарищами возвратились съ этими вѣстями о Татарахъ, то молодые Князья стали говорить старымъ: «нечего здѣсь стоять, пойдемъ на нихъ.» Старшіе послушались, и всѣ полки Русскіе перешли Днѣпръ; стрѣльцы Русскіе встрѣтили Татаръ на Половецкомъ полѣ, побѣдили ихъ, гнали далеко въ степи, отняли стада, съ которыми и возвратились назадъ къ полкамъ своимъ. Отсюда весемь дней шло войско до рѣки Калки, гдѣ было новое дѣло съ Татарскими сторожами, послѣ котораго Татары отъѣхали прочь, а Мстиславъ Галицкій велѣлъ Даніилу Романовичу съ нѣкоторыми полками перейти рѣку, за ними перешло и остальное войско, и расположилось станомъ, пославши въ сторожахъ Яруна съ Половцами. Удалой выѣхалъ также изъ стану, посмотрѣлъ на Татаръ, и возвратившись, велѣлъ по-

скорѣе вооружаться своимъ полкамъ, тогда какъ другіе два Мстислава сидѣли спокойно въ станѣ, ничего не зная: Удалой не сказалъ имъ ни слова изъ зависти, потому что, говоритъ лѣтописецъ, между ними была большая распря. Битва началась 16 Іюня: Даніилъ Романовичь выѣхалъ напередъ, первый схватился съ Татарами, получилъ рану въ грудь, но не чувствовалъ ея по молодости и пылу: ему было тогда 18 лѣтъ и былъ онъ очень силенъ, смѣлъ и храбръ, отъ головы до ногъ не было на немъ порока. Увидавши Даніила въ опасности, дядя его Мстиславъ Нѣмой Луцкій бросился къ нему на выручку; уже Татары обратили тылъ передъ Даніиломъ съ одной стороны, и предъ Олегомъ Курскимъ съ другой, когда Половцы и здѣсь, какъ почти вездѣ, побѣжали предъ врагами, и потоптали станы Русскихъ Князей, которые, по милости Мстислава Удалаго, не успѣли еще ополчиться. Это рѣшило дѣло въ пользу Татаръ: Даніилъ, видя, что послѣдніе одолѣваютъ, оборотилъ коня, прискакалъ къ рѣкѣ, сталъ пить, и тутъ только почувствовалъ на себѣ рану. Между тѣмъ Русскіе потерпѣли повсюду совершенное пораженіе, какого, по словамъ лѣтописца, не бывало отъ начала Русской земли. Мстиславъ Кіевскій съ зятемъ своимъ Андреемъ и Александромъ Дубровицкимъ[461], видя бѣду, не двинулся съ мѣста: стоялъ онъ на горѣ надъ рѣкою Калкою, мѣсто было каменистое, Русскіе огородили его кольемъ и три дня отбивались изъ этого укрѣпленія отъ Татаръ, которыхъ оставалось тутъ два отряда съ воеводами Чегирканомъ и Ташуканомъ, потому что другіе Татары бросились въ погоню къ Днѣпру за остальными Русскими Князьями. Половцы дали побѣду Татарамъ; другая варварская сбродная толпа докончила ихъ дѣло, погубивъ Мстислава Кіевскаго: съ Татарами были Бродники[462], съ воеводою своимъ Плоскинею: послѣдній поцѣловалъ крестъ Мстиславу и другимъ Князьямъ, что если они сдадутся, то Монголы не убьютъ ихъ, но отпустятъ на выкупъ; Князья повѣрили, сдались, и были задавлены: Татары подложили ихъ подъ доски, на которыя сѣли обѣдать. Шестеро[463] другихъ Князей погибло въ бѣгствѣ къ Днѣпру, и между ними Князь Мстиславъ Черниговскій съ сыномъ; кромѣ Князей погибъ знаменитый богатырь Александръ Поповичь съ семидесятью собратіями. Василько

Ростовскій, посланный дядею Юріемъ на помощь къ южнымъ Князьямъ, услыхалъ въ Черниговѣ о Калкской битвѣ и возвратился назадъ. Мстиславу Галицкому съ остальными Князьями удалось переправиться за Днѣпръ, послѣ чего онъ велѣлъ жечь, рубить лодки, отталкивать ихъ отъ берега, боясь Татарской погони; но Татары дошедши до Новгорода Святополчьскаго, возвратились назадъ къ востоку; жители городовъ и селъ Русскихъ, лежавшихъ на пути, выходили къ нимъ на встрѣчу со крестами, но были всѣ убиваемы; погибло безчисленное множество людей, говоритъ лѣтописецъ, вопли и вздохи раздавались по всѣмъ городамъ и волостямъ. Не знаемъ, продолжаетъ лѣтописецъ, откуда приходили на насъ эти злые Татары Таурмени, и куда опять дѣлись; нѣкоторые толковали, что это должно быть тѣ нечистые народы, которыхъ нѣкогда Гедеонъ загналъ въ пустыню, и которые предъ концемъ міра должны явиться и поплѣнить всѣ страны.

Обозрѣвъ главныя явленія, характеризующія сто семидесятичетырехлѣтній періодъ отъ смерти Ярослава I-го до смерти Мстислава Мстиславича Торопецкаго, скажемъ нѣсколько словъ вообще о ходѣ этихъ явленій. Сыновья Ярослава начали владѣть Русскою землею цѣлымъ родомъ, не раздѣляясь, признавая за старшимъ въ цѣломъ родѣ право сидѣть на главномъ столѣ и быть названнымъ отцемъ для всѣхъ родичей. Но при первыхъ же Князьяхъ начинаются уже смуты и усобицы: въ слѣдствіе общаго родоваго владѣнія, по отсутствію отдѣльныхъ волостей для каждаго Князя, наслѣдственныхъ для его потомства, являются изгои, Князья-сироты, преждевременною смертію отцевъ лишенные права на старшинство, на правильное движеніе къ нему по ступенямъ родовой лѣствицы, предоставленные милости старшихъ родичей, осужденные сносить тяжкую участь сиротства; эти Князья-сироты, изгои естественно стремятся выйти изъ своего тяжкаго положенія, силою добыть себѣ волости въ Русской землѣ; средства у нихъ къ тому подъ руками: въ степяхъ всегда можно набрать многочисленную толпу, готовую подъ чьими угодно знаменами броситься на Русь

въ надеждѣ грабежа. Но сюда присоединяются еще другія причины смутъ: отношенія городскаго народонаселенія къ Князьямъ не прочны, неопредѣленны; старшій сынъ Ярослава, Изяславъ, долженъ оставить Кіевъ, гдѣ на его мѣсто садится Князь Полоцкій, мимо родовыхъ правъ и счетовъ. Послѣдній не долго оставался на старшемъ Русскомъ столѣ, Изяславъ возвратился на отцовское мѣсто, но скоро былъ изгнанъ опять родными братьями, возвратился въ другой разъ по смерти брата Святослава, но это возвращеніе повело къ новымъ усобицамъ, потому что Изяславъ включилъ въ число изгоевъ и сыновей Святославовыхъ; Изяславъ погибаетъ въ битвѣ съ племянниками—изгоями, княженіе брата его Всеволода проходитъ также въ смутахъ. При первомъ старшемъ Князѣ изъ втораго поколѣнія Ярославичей прекращаются усобицы отъ изгойства происшедшія и на восточной и на западной сторонѣ Днѣпра, прекращаются на двухъ съѣздахъ княжескихъ: Святославичи входятъ во всѣ права отца своего, и получаютъ отцовскую Черниговскую волость; на западѣ въ слѣдствіе испомѣщенія изгоевъ кромѣ давно отдѣленной Полоцкой волости является еще отдѣльная волость Галицкая съ Князьями, неимѣющими права двигаться къ старшинству и переходить на другіе столы, образуется также отдѣльная маленькая волость Городенская для потомства Давыда Игоревича. Казалось, что послѣ родовыхъ княжескихъ рядовъ при сынѣ Изяславовомъ смуты должны были прекратиться; но вышло иначе, когда по смерти Святополка Кіевляне провозглашаютъ Княземъ своимъ Мономаха, мимо старшихъ двоюродныхъ братьевъ его Святославичей? Благодаря матеріальному и нравственному могуществу Мономаха, и онъ, и старшій сынъ его Мстиславъ владѣли спокойно Кіевомъ; родовая общность владѣнія между тремя линіями Ярославова потомства и слѣдовательно самая крѣпкая связь между ними должна была рушиться: Святославичи Черниговскіе должны были навсегда ограничиться восточною стороною Днѣпра, ихъ волость должна была сдѣлаться такою же отдѣльною волостію, каковы были на западѣ волость Полоцкая или Галицкая; между самыми Святославичами дядя потерялъ старшинство передъ племянникомъ, онъ самъ и потомки его должны были ограничиться одною Му-

ромскою волостью, которая въ слѣдствіе этого явилась также особною отъ остальныхъ волостей Черниговскихъ; старшая линія Изяславова теряетъ также старшинство и волости въ слѣдствіе неуваженія Ярослава Святополковича къ дядѣ и тестю. Въ послѣдствіи она пріобрѣтаетъ волость Туровскую въ особное владѣніе. Но вотъ по смерти Мстислава Великаго и въ самомъ племени Мономаховомъ начинается усобица между племянниками отъ старшаго брата и младшими дядьми, что даетъ возможность Ольговичамъ Черниговскимъ добиться старшинства и Кіева и возстановить такимъ образомъ нарушенное было общее владѣніе между двумя линіями Ярославова потомства. По смерти Всеволода Ольговича въ слѣдствіе всеобщаго народнаго нерасположенія къ Ольговичамъ на западной сторонѣ Днѣпра, они лишаются старшинства, которое переходитъ къ сыну Мстислава Великаго мимо старшихъ дядей: это явленіе могло быть богато слѣдствіями, если бъ Изяславу Мстиславичу удалось удержать за собою старшинство: благодаря исключенію изъ старшинства и изъ общаго владѣнія Ольговичей съ одной стороны, и младшаго Мономаховича Юрія съ другой, главныя, центральныя владѣнія Рюриковичей распадались на три отдѣльныя части: Русь Кіевскую, Русь Черниговскую и Русь Ростовскую или Суздальскую. Но крѣпкія еще родовыя понятія на югѣ, въ старой Руси, и другія важныя, характеристическія черты ея древняго быта, неопредѣленность въ отношеніяхъ городскаго народонаселенія и пограничныхъ варваровъ помѣшали раздѣленію, нарушенію общаго родоваго владѣнія между Князьями: когда дядя Юрій явился на югѣ, то племянникъ его Изяславъ услыхалъ съ разныхъ сторонъ: «Поклонись дядѣ, мирись съ нимъ, мы не пойдемъ противъ сына Мономахова,» и вотъ Изяславъ, не смотря на всѣ свои доблести, на расположеніе народное къ нему, долженъ былъ покаяться въ грѣхѣ своемъ и признать старшинство дяди Вячеслава, вступить къ нему въ сыновнія отношенія. Изяславъ умеръ прежде дядей, братъ его не былъ въ уровень своему положенію, и вотъ представленіе о старшинствѣ всѣхъ дядей надъ племянниками торжествуетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ торжествуетъ представленіе объ общности родоваго владѣнія; Юрій умираетъ на стар-

шемъ столѣ въ Кіевѣ, послѣ него садится здѣсь Черниговскій Давыдовичь; послѣдній изгоняется Мстиславомъ, сыномъ знаменитаго Изяслава Мстиславича; Мстиславъ призываетъ въ Кіевъ изъ Смоленска дядю Ростислава, по смерти котораго занимаетъ старшій столъ, но сгоняется съ него дядею — Андреемъ Боголюбскимъ. Андрей даетъ событіямъ другой ходъ: онъ не ѣдитъ въ Кіевъ, отдаетъ его младшему брату, а самъ остается на сѣверѣ, гдѣ является новый міръ отношеній, гдѣ старые города уступаютъ новымъ, отношенія которыхъ къ Князю опредѣленнѣе, гдѣ подлѣ городовъ, жившихъ по старинѣ, нѣтъ и Черныхъ Клобуковъ, которые не привыкли ни къ чему государственному. Въ силу поступка Андреева южная, старая Русь явственно подпала вліянію Сѣверной, гдѣ сосредоточилась и сила матеріальная и вмѣстѣ нравственная, ибо здѣсь сидѣлъ старшій въ племени Мономаховомъ; всѣ эти отношенія, имѣвшія мѣсто при Андреѣ, повторяются и при братѣ его, Всеволодѣ III-мъ. Такимъ образомъ поколѣніе младшаго сына Мономахова Юрія, благодаря поселенію его на сѣверѣ, усиливается предъ всѣми другими поколѣніями Ярославичей; и въ этомъ усиленіи является возможность для уничтоженія родовыхъ отношеній между Князьями, общаго родоваго владѣнія, является возможность для государственнаго объединенія Руси; но какая же судьба предназначена доблестному потомству старшаго Мономаховича, Мстислава Великаго? Мы видѣли, что Изяславъ Мстиславичь и сынъ его Мстиславъ потерпѣли неудачу въ борьбѣ съ господствовавшимъ представленіемъ о старшинствѣ дядей надъ племянниками; Мстиславъ Изяславичь, по изгнаніи своемъ изъ Кіева войсками Боголюбскаго, долженъ былъ удовольствоваться одною Волынью; и здѣсь онъ самъ и потомки его обнаруживаютъ наслѣдственныя стремленія, обнаруживая притомъ и наслѣдственные таланты; обстоятельства были благопріятны: Волынь была пограничною Русскою областью, въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ западными государствами, гдѣ въ это время, благодаря различнымъ условіямъ и столкновеніямъ, родовыя княжескія отношенія рушатся, въ ближайшей Польшѣ духовные сановники разсуждаютъ о преимуществѣ наслѣдственности въ одной нисходящей линіи предъ общимъ родо-

вымъ владѣніямъ; въ Венгріи давно уже говорили, что не хотятъ знать о правахъ дядей предъ племянниками отъ старшаго брата: все это какъ нельзя лучше согласовалось съ наслѣдственными стремленіями потомковъ Изяслава Мстиславича; быть можетъ сначала безсознательныя, вынужденныя обстоятельствами, эти стремленія получаютъ теперь оправданіе, освященіе; и вотъ, быть можетъ, не даромъ старшій столъ на Волыни, Владимиръ, перешелъ по смерти Мстислава къ сыну его Роману мимо брата; не даромъ, говорятъ[464], Романъ увѣщевалъ Русскихъ Князей перемѣнить существовавшій порядокъ вещей на новый, какъ водилось въ другихъ государствахъ; но Князья старой Руси остались глухи къ увѣщанію Романову; ихъ можно было только силою заставить подчиниться новому порядку, и вотъ Романъ ищетъ пріобрѣсти эту силу, пріобрѣтаетъ княжество Галицкое, становится самымъ могущественнымъ Княземъ на югѣ, для южной Руси слѣдовательно открывается возможность государственнаго сосредоточенія; все зависитъ отъ того, встрѣтитъ ли потомство старшаго Мономахова сына на югозападѣ такія же благопріятныя для своихъ стремленій условія и обстоятельства, какія потомство младшаго Мономахова сына встрѣтило на сѣверѣ, почва югозападной Руси также ли способна къ воспринятію новаго порядка вещей, какъ почва Руси сѣверовосточной? Исторія немедленно же дала отвѣтъ отрицательный, показавши ясно по смерти Романа Галицкія отношенія, условія быта югозападной Руси. А между тѣмъ умеръ Всеволодъ III-й, сѣверная Русь на время замутилась, потеряла свое вліяніе на южную, которой, на оборотъ, открылась возможность усилиться на счетъ сѣверной, благодаря доблестямъ знаменитаго своего представителя, Мстислава Удалаго. Но въ дѣйствіяхъ этого полнаго представителя старой Руси и обнаружилась вся ея несостоятельность къ произведенію изъ самой себя новаго, прочнаго государстеннаго порядка: Мстиславъ явился только странствующимъ героемъ, покровителемъ утѣсненныхъ, безо всякаго государственнаго пониманія, безо всякихъ государственныхъ стремленій, и отнялъ Галичь у иноплеменника для того только, чтобъ послѣ добровольно отдать его тому же иноплеменнику! Но сѣверная Русь идетъ своимъ

путемъ: съ одной стороны ея Князья распространяютъ свои владѣнія все дальше и дальше на востокъ, съ другой не перестаютъ тѣснить Новгородъ — рано или поздно ихъ вѣрную добычу, наконецъ, обнаруживаютъ сильное вліяніе на ближайшія къ себѣ области южной Руси, утверждаютъ на Черниговскомъ столѣ племянника мимо дяди.

Такимъ образомъ въ началѣ мы видимъ, что единство Русской земли поддерживается единствомъ рода Княжескаго, общимъ владѣніемъ. Не смотря на независимое, въ смыслѣ государственномъ, управленіе каждымъ Княземъ своей волости, Князья представляли рядъ временныхъ областныхъ правителей, смѣняющихся если не по волѣ главнаго Князя, то, по крайней мѣрѣ, въ слѣдствіе рядовъ съ нимъ, общихъ родовыхъ счетовъ и рядовъ, такъ что судьба каждой волости не была независимо опредѣлена внутри ея самой, но постоянно зависѣла отъ событій происходившихъ на главной сценѣ дѣйствія, въ собственной Руси, въ Кіевѣ, около старшаго стола княжескаго; Сѣверская, Смоленская, Новгородская, Волынская область перемѣняли своихъ Князей смотря по тому, что́ происходило въ Кіевѣ, смѣнялъ ли тамъ Мономаховичь Ольговича, Юрьевичь Мстиславича или на оборотъ, а это необходимо поддерживало общій интересъ, сознаніе о земскомъ единствѣ.

Но мы скоро видимъ, что нѣкоторыя области выдѣляются въ особыя княжества, отпадаютъ отъ общаго единства области крайнія на западѣ и востокѣ, которыхъ особность условливалась и прежде причинами физическими и историческими: отпадаетъ область западной Двины, область Полоцкая, которая при самомъ началѣ исторіи составляетъ уже владѣніе особаго княжескаго рода; отпадаетъ область Галицкая, издавна переходная и спорная между Польшею и Русью, на востокѣ отпадаетъ отдаленный Муромъ съ Рязанью; далекая Тмутаракань перестаетъ быть Русскимъ владѣніемъ. Обособленіе этихъ крайнихъ волостей не могло имѣть вліянія на ходъ событій въ главныхъ срединныхъ волостяхъ; здѣсь, въ южной, Днѣпровской половинѣ мы не замѣчаемъ измѣненія въ господствующемъ порядкѣ вещей, обособленія главныхъ волостей, ибо никакія условія, ни физическія, ни племенныя, ни политическія не тре-

буютъ этого обособленія; но какъ скоро одна вѣтвь, одно племя княжескаго рода утверждается въ сѣверной, Волжской половинѣ Руси, какъ скоро Князь изъ этого племени получаетъ родовое старшинство, то немедленно же и происходитъ обособленіе сѣверной Руси, столь богатое послѣдствіями; но обособленіе произошло не по требованію извѣстныхъ родовыхъ княжескихъ отношеній, а по требованію особыхъ условій историческихъ и физическихъ; нарушеніе общаго родоваго владѣнія и переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя условливались различіемъ двухъ главныхъ частей древней Руси, и проистекавшимъ отсюда стремленіемъ къ особности.

Благодаря состоянію окружныхъ государствъ и народовъ, всѣ эти внутреннія движенія и перемѣны на Руси могли происходить безпрепятственно. Въ Швеціи еще продолжалась внутренняя борьба, и столкновенія ея съ Русью, имѣвшія мѣсто въ минуты отдыха, были ничтожны. Польша, кромѣ внутреннихъ смутъ, усобицъ, была занята внѣшнею борьбою съ опасными сосѣдями—Нѣмцами, Чехами, Пруссами; Венгрія находилась въ томъ же самомъ положеніи; хотя оба эти сосѣднія государства принимали иногда дѣятельное участіе въ событіяхъ югозападной Руси, каково напримѣръ было участіе Венгріи въ борьбѣ Изяслава Мстиславича съ дядею Юріемъ, но подобное участіе никогда не имѣло рѣшительнаго вліянія на ходъ событій, никогда не могло измѣнить этого хода, условленнаго внутренними причинами. Вліяніе быта Польши и Венгріи на бытъ Руси было ощутительно въ Галичѣ, можно замѣтить его и въ пограничной Волыни, но дальше это вліяніе не простиралось. Польша и Венгрія не могли быть для Руси проводницами западноевропейскаго вліянія, скорѣе, можно сказать, уединяли ее отъ него, потому что и сами, кромѣ религіозной связи, имѣли мало общихъ формъ быта съ послѣднею; но если и Польша съ Венгріею, не смотря на религіозную связь, мало участвовали въ общихъ явленіяхъ европейской жизни того времени, тѣмъ менѣе могла участвовать въ ней Русь, которая не была связана съ западомъ церковнымъ единеніемъ, принадлежала къ церкви восточной, слѣдовательно должна была подвергаться духовному вліянію Византіи. Византійская образованность, какъ уви-

димъ, проникала въ Русь, Греческая торговля богатила ее; но главная сцена дѣйствія уже перенеслась на сѣверовостокъ, далеко отъ великаго воднаго пути, соединявшаго сѣверозападную Европу съ юговосточною; Русь уходила все далѣе и далѣе въ глубь сѣверовостока, чтобъ тамъ въ уединеніи отъ всѣхъ постороннихъ вліяній выработать для себя крѣпкія основы быта; Новгородъ не могъ быть для нея проводникомъ чуждаго вліянія уже по самой враждебности, которая проистекала отъ различія его быта съ бытомъ остальныхъ сѣверныхъ областей. Но если Русь въ описываемое время отдѣлялась отъ западной Европы Польшею, Венгріею, Литвою, то ничѣмъ не отдѣлялась отъ востока, съ которымъ должна была вести безпрерывную борьбу. Собственная южная Русь была украйною, такъ сказать, европейскимъ берегомъ степи, и берегомъ низкимъ, не защищеннымъ нисколько природою, слѣдовательно подверженнымъ частому наплыву кочевыхъ ордъ; искусственныя плотины, города, которые начали строить еще первые Князья наши, не достаточно защищали Русь отъ этого наплыва. Мало того, что степняки или Половцы сами нападали на Русь, они отрѣзывали ее отъ Черноморскихъ береговъ, препятствовали сообщенію съ Византіею: Русскіе Князья съ многочисленными дружинами должны были выходить на встрѣчу къ Греческимъ купцамъ и провожать ихъ до Кіева, оберегать отъ степныхъ разбойниковъ; варварская Азія стремится отнять у Руси всѣ пути, всѣ отдушины, которыми та сообщалась съ образованною Европою. Южная Русь, украйна, Европейскій берегъ степи заносится уже съ разныхъ сторонъ степнымъ народонаселеніемъ; по границамъ Кіевской, Переяславской, Черниговской области садятся варварскія толпы, свои поганые, какъ называли ихъ въ отличіе отъ дикихъ, т. е. независимыхъ степняковъ, или Половцевъ. Находясь въ полузависимости отъ Русскихъ Князей, чуждое гражданскихъ связей съ новымъ Еврепейскимъ отечествомъ своимъ, это варварское пограничное народонаселеніе по численной значительности и воинственному характеру своему имѣетъ важное вліяніе на ходъ событій въ южной Руси, умножая вмѣстѣ съ дикими Половцами грабежи и безнарядье, служа самою сильною под-

держкою для усобицъ, представляя всегда ссорящимся Князьямъ готовую дружину для опустошенія родной страны. Точно такъ какъ позднѣйшіе Черкасы, и пограничные варвары описываемаго времени повидимому служатъ государству, борятся за него съ степняками, но между тѣмъ находятся съ послѣдними въ тѣсныхъ, родственныхъ связяхъ, берегутъ ихъ выгоды, выдаютъ имъ государство. Будучи совершенно равнодушны къ судьбамъ Руси, къ торжеству того или другаго Князя, сражаясь только изъ за добычи, и дикіе Половцы, и свои поганые или Черные Клобуки первые измѣняютъ, первые обыкновенно обращаются въ бѣгство. Съ такими-то народами должна имѣть постоянное дѣло южная Русь, а между тѣмъ историческая жизнь отливаетъ отъ нея къ сѣверу, она лишается матеріальной силы которая переходитъ къ области Волжской, лишается политическаго значенія, матеріальнаго благосостоянія, честь и краса ея, старшій стольный городъ во всей Руси, Кіевъ презрѣнъ, покинутъ старѣйшими и сильнѣйшими Князьями, нѣсколько разъ разграбленъ. Но когда Князья южной Руси, не умѣя утвердить между собою крѣпкихъ государственныхъ отношеній, обезсилѣютъ, дружины ихъ исчезнутъ, беззащитные города полягутъ въ развалинахъ, когда весь верхній блестящій слой смятется, то что останется на первомъ планѣ? Торки, Берендѣи, Коуи, Турпѣи, Бродники—Черные Клобуки древней, Черкасы позднѣйшей Украйны.

Таковы общія черты явленій нашей Древней Исторіи отъ 1054 до 1228 года; теперь обратимся къ подробностямъ внутренняго быта Русскаго общества въ описываемое время.

ПРИМѢЧАНІЯ

1) Такъ Ростиславичи въ 1195 году говорили Всеволоду III: «А ты, брате, въ Володимери племени старѣй еси насъ, а думай, гадай о Руской земли и о своей чести и о нашей.» Полн. Собр. Руск. Лѣт. II, 145.

2) «А ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди.» Тамъ-же стр. 41.— Мстиславъ Владимірович поточи Полотьскіи Князи.... зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли ѣ зовяшеть на Рускую землю въ помощь. Тамъ-же, стр. 12 и 15. — Святополку, какъ старшему въ родѣ, поручено было отъ родичей наказать Давыда Игоревича, тамъ-же I, 112.

3) Полн. Собр. Руск. Лѣт. II, 20: Всеволодъ (Ольговичь) отда двѣ Всеволодковнѣ, Володимери внуцѣ, едину за Володимира за Давыдовича, а другу за Ярославлича за Дюрдя.

4) Тамъ-же стр. 85: «Оже мя въ правду зовете съ любовію, то я всяко иду Кіеву на свою волю, яко вы имѣти мя отцемъ собѣ въ правду и въ моемъ вы послушаньи ходити.»

5) Тамъ-же стр. 8: И наказавъ его (Ярослава Святополчича) Володимеръ о семъ, веля ему къ собѣ приходити, когда тя позову.

6) Тамъ-же стр. 94: Посла Ростиславъ къ братьи своей и къ сыномъ своимъ, веля имъ всимъ съвкупитися у себе со всими полкы своими.

7) Тамъ-же стр. 73: Нынѣ, отце, кланяютися, прими мя яко сына своего Мстислава такоже и мене, ать ѣздить Мстиславъ подлѣ твой стремень по одиной сторонѣ тобе, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твой стремень ѣжедю, всими своими полкы.» См. Тамъ-же стр. 32, 39. Съ этимъ выраженіемъ: ѣздить подлѣ стремени должно сравнить древнѣйшее: ходить по комъ, которое также означало сыновнее отношеніе младшаго къ старшему; такъ объ Игорѣ сказано: «Игореви же взростшу, и хожаше по Ользѣ, и слушаше его.»

8) Тамъ-же стр. 75: «Велми радъ, господине отце, имѣю тя отцемъ господиномъ, якоже и братъ мой имѣлъ тя и въ твоей воли былъ.» Тамъ-же, стр. 88, 202.

9) Тамъ-же стр. 79: Они же вси (Рязанскіе Князья) зряху на Ростислава, имѣяхуть и отцемъ собѣ. Тамъ-же стр. 149.

10) Тамъ-же стр. 39.

11) Тамъ-же стр. 18, 19.

12) Тамъ-же стр. 39.

13) Тамъ-же стр. 109.

14) Тамъ-же стр. 9.

15) Тамъ-же стр. 38.

16) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 111.

17) Тамъ-же II, 74, 122. Вячеславъ же посла по Святослава по Всеволодича, река ему: «Ты еси Ростиславу сынъ любимый, такоже и мнѣ, а поѣди сѣмо ко мнѣ, перебуди же у мене Кіевѣ, доколѣ же придеть Ростиславъ, а тогда рядъ вси учинимъ.» Или: Иде Святославъ къ Любчю и призва къ собѣ братью свою, ряды ему дѣющю.

18) Русская Правда: по Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячько, Перенѣгъ, Никифоръ и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати; а ино все якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша.—Володимеръ Всеволодичь, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмь: Ратибора, Кіевьского тысячьского, Прокопью, Бѣлогородьского тысячьского, Святослава, Переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, Олгова мужа, и уставили до третьяго рѣза, и проч.

19) Полн. Собр. Руск. Лѣт. II, 119. Молвяше же Романови Святославъ: «брате! я не ищю подъ тобою ничего же, но рядъ нашь такъ есть: оже ся Князь извинитъ, то въ волость, а мужь у голову.

20) Тамъ-же стр. 110: Святославъ же нача слати къ Ярославу съ жалобою, река ему: «на чѣмъ еси цѣловалъ крестъ, а помяни первый рядъ; реклъ бо еси, оже я сяду въ Кіевѣ, то я тебе надѣлю, паки ли ты сядеши въ Кіевѣ, то ты мене надѣли.

21) Тамъ же 125. Рюрикъ же, размысливъ, съ мужи своими угадавъ, бѣ бо Святославъ старѣй лѣты, и урядився съ нимъ съступися ему старѣйшинства и Кіева.—Тамъ же стр. 50: А се ми есть яко отець стрый свой; тамъ-же стр. 61, 77. Касательно преимущества старшаго брата, слова св. Бориса: «тось ми буди въ отца мѣсто,» — и слова Ярослава I-го сыновьямъ. — Касательно старшинства тестя передъ зятемъ см. выше слова лѣтописца о винѣ Ярослава Святополковича передъ тестемъ своимъ Мстиславомъ; Мстиславъ Мстиславичь Удалой доводился племянникомъ Ярославу Всеволодовичу, и между тѣмъ называетъ его своимъ сыномъ, какъ зятя, Новгор. III, 33. — О правѣ старшаго зятя предъ меньшими шурьями Изяславъ Мстиславичь говоритъ: «Всеволода есмь имѣлъ въ правду брата старишаго, занеже ми братъ и зять старѣй меня яко отець;» Тамъ-же стр. 23.—Король Венгерскій, женатый на младшей сестрѣ Изяслава Мстиславича, не иначе зоветъ послѣдняго, какъ отцемъ, тамъ-же стр. 66.

22) Никон. II, 265.

23) Изгои трои: поповъ сынъ грамоты не умѣеть; холопъ изъ холопьства выкупиться, купець одолжаеть, а се четвертое изгойство, и себе приложимъ, аще Князь осиротѣеть.

24) Относительно дани вотъ единственное упоминовеніе въ лѣто-

писи: Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 132): Ярополкъ посла Мстиславича Изяслава къ братьи Новугороду, и даша дани Печерьскыѣ и отъ Смоленска даръ. — Отъ Новгорода, находившагося въ особенныхъ отношеніяхъ къ Вел. Князю, послѣдній получаетъ дань, но отъ Смоленска только даръ: — На особность волостей какъ отдѣльныхъ земель, ясно указываетъ слѣдующее извѣстіе (Полн.Собр. Руск. Лѣт. II, 140). Онъ же (Святославъ Всеволодовичь) имяся ему послати Глѣба сына,—и не посла, зане бяшеть ему тяжа съ Рюрикомъ и съ Давыдомъ и Смоленьскою землею. — Но всѣ эти волости, всѣ племена, въ нихъ обитавшія сперва имѣли непосредственное отношеніе къ Кіеву платили туда дань, составляли съ нимъ одно цѣлое: что же ослабило эту государственную связь, какъ не родовыя отношенія Князей?

25) О разнорѣчіяхъ въ показаніи дня кончины Ярославовой см. у Арцыбышева Пов. о Россіи, I, 32, примѣч. 120.

26) По всѣмъ вѣроятностямъ отвага Брячислава всего болѣе содѣйствовала тому, что Ярославъ согласился оставить Полоцкое Княжество въ его владѣніи.

27) Мѣсто лѣтописи о распорядкѣ между сыновьями Ярослава I-го нуждается въ объясненіи: «Преставися великый Князь Русьскый Ярославъ. И еще бо живу сущю ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере, да аще будете въ любви межю собою, Богъ будеть въ васъ, и покорить вы противные подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ которающеся, то погыбнете сами и погубите землю отець своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ, но пребывайте мирно послушающе братъ брата. Се же поручаю въ собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кіевъ, сего послушайте, якоже послушаете мене, да то вы будеть въ мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, (а Игорю Володимерь), а Вячеславу Смоленскъ. — И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити; рекъ Изяславу: аще кто хощеть обидити брата своего, то ты помагай его же обидять и тако урядн сыны своя пребывати въ любви. Самому же болну сущю и пришедшю Вышегороду, разболѣся велми, Изяславу тогда сущю Новѣгородѣ, а Святославу Володимери, Всеволоду же тогда сущю у отця, бѣ бо любимъ отцемъ паче всее братьи, его же имяше присно у собе. Ярославу же приспѣ конець житья, и предасть душю свою.» — Здѣсь прежде всего представляется вопросъ: Ярославъ дѣлаетъ завѣщаніе, чувствуя близость смерти, прямо говоритъ: я умираю; дѣлаетъ завѣщаніе передъ всѣми сыновьями, и между тѣмъ этихъ сыновей, кромѣ Всеволода нѣтъ при его кончинѣ и погребеніи? Это сомнѣніе изъ самого разсказа лѣтописца можетъ разрѣшиться такимъ образомъ, что хотя Ярославъ и чувствовалъ приближеніе кончины, однако находился еще не въ отчаян-

номъ положенiи, былъ довольно крѣпокъ для того, чтобъ отправиться въ Вышгородъ, и здѣсь уже «разболѣся велми.» Слѣдовательно сыновья его могли отправиться въ свои прежнiя волости, даже хотя бы для того, чтобъ распорядиться тамъ относительно переѣзда въ новыя волости, достававшiяся имъ по послѣднему отцовскому распредѣленiю. Другое затрудненiе: въ нѣкоторыхъ спискахъ пропущено, что Игорь получилъ отъ отца Владимiръ Волынскiй. Разумѣется, есть основанiе смотрѣть на это просто какъ на пропускъ, тѣмъ болѣе, что Игорь въ годъ кончины отца своего не могъ быть малолѣтенъ: онъ родился, по Татищеву (II, 106), въ 1036 году, слѣд. въ 1054 имѣлъ 18 лѣтъ; еслибъ даже кто незахотѣлъ вѣрить свидѣтельству Татищева, то извѣстно, что Игорь, умершiй черезъ 6 лѣтъ, въ 1060 году, былъ уже женатъ, и оставилъ двоихъ сыновей, слѣдов. шесть лѣтъ назадъ не могъ быть малолѣтенъ. Въ дошедшихъ до насъ спискахъ годъ рожденiя Игоря не означенъ; въ 1036 году помѣщено рожденiе Вячеслава, которое у Татищ. помѣщено подъ 1034 годомъ. Рожденiе Всеволода подъ 1029, у Татищ. подъ 1030. Третье затрудненiе: Игорь получилъ Владимiръ, но при описанiи кончины Ярославовой говорится, что во Владимирѣ былъ Святославъ, а не Игорь. Дѣло объясняется тѣмъ, что Ярославъ задолго до смерти своей уже роздалъ сыновьямъ волости; мы знаемъ, что старшiй сынъ его Владимiръ княжилъ въ Новгородѣ, имѣемъ полное право думать, что и другiе сыновья получили также волости, но не тѣ, которыя были назначены предъ кончиною, или которыя они взяли сами по кончинѣ, если не придерживаться буквально лѣтописнаго извѣстiя; ясно, что прежнею волостью Святослава былъ Владимiръ, а не Черниговъ, точно такъ какъ прежнею волостiю Изяслава былъ Туровъ, что прямо видно изъ свидѣтельства нѣкоторыхъ списковъ; но потомъ, по смерти старшаго Ярославича Владимiра, Изяславъ, какъ наслѣдникъ старшинства, получилъ Новгородъ. — О распорядкѣ между сыновьями Ярослава см. излѣдованiе въ Studien zur gründl. Kenntniss der Vorzeit Russlands, s. 113; также въ моей книгѣ: Истор. отн. между Рус. Кн. Рюр. Дома. стр. 68 и слѣд. Г. Погодинъ, (въ IV т. своихъ Изслѣдов.) старается изъ каждой волости Княжеской сдѣлать наслѣдственное владѣнiе, отчину для одной какой-нибудь линiи Ярославова потомства; при такомъ распредѣленiи отчинъ ему необходимо долженъ былъ представиться вопросъ: гдѣ же была отчина самой старшей линiи, линiи Изяслава? Г. Погодинъ полагаетъ, что эта отчина была Туровъ; основанiемъ послужили ему слова тѣхъ списковъ лѣтописи, въ которыхъ говорится, что, во время смерти Ярослава I-го, старшiй сынъ его Изяславъ княжилъ въ Туровѣ: «Изяславу въ Туровѣ Князяшю;» но за то въ другихъ спискахъ находится извѣстiе, что Изяславъ княжилъ въ это время въ Новгородѣ. Г. Погодинъ отвергаетъ послѣднее чтенiе, обвиняя г. Бередникова, зачѣмъ онъ внесъ въ текстъ извѣстiе лѣтописей новѣйшихъ, а извѣстiя о Туровѣ, находящiяся въ спискахъ Ипатьевскомъ и Хлѣбни-

ковскомъ, помѣстилъ въ варіантахъ. Въ самомъ дѣлѣ г. Бередниковъ выразился объ этомъ различіи въ чтеніяхъ не совсѣмъ ясно; желательно было бы, чтобъ онъ принялъ на себя трудъ сказать опредѣлительнѣе, что̀ заставило его предпочесть чтеніе: «въ Новгородѣ» чтенію: «въ Туровѣ.» До тѣхъ поръ мы не будемъ спѣшить обвиненіемъ г. Бередникова, тѣмъ болѣе, что Карамзинъ также читалъ: «въ Новгородѣ.» Но если бы даже чтеніе «въ Новгородѣ» и точно было чтеніемъ позднѣйшихъ списковъ, а чтеніе «въ Туровѣ» древнѣйшихъ, то это одно обстоятельство еще нисколько не могло бы рѣшить дѣла въ пользу послѣдняго; позднѣйшіе списки могли быть списаны съ древнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ. Надобно, слѣдовательно, по историческимъ даннымъ опредѣлить, какое чтеніе будетъ вѣрнѣе. Изяславъ былъ старшій сынъ Ярослава; но мы видимъ изначала, что старшіе сыновья Великихъ Князей обыкновенно сидятъ въ Новгородѣ. Такъ Владиміръ Св. посадилъ въ Новгородѣ старшаго сына своего Вышеслава, и когда тотъ умеръ, то перевелъ на его мѣсто Ярослава. Здѣсь сначала встрѣчается затрудненіе: почему же, по смерти Вышеслава, Владиміръ перевелъ въ Новгородъ не слѣдующаго за нимъ по старшинству Святополка, который княжилъ въ Туровѣ? Это затрудненіе отстраняется свидѣтельствомъ Дитмара, что Святополкъ находился во враждѣ съ своимъ отцемъ, и даже въ заключеніи. Ярославъ посылаетъ въ Новгородъ старшаго сына своего, Владиміра, и когда тотъ умеръ, его мѣсто долженъ былъ занять старшій по немъ Изяславъ; и вотъ мы въ самомъ дѣлѣ читаемъ въ лѣтописяхъ, что Изяславъ находился въ Новгородѣ во время предсмертной болѣзни отца своего. Мы видѣли, какъ объясняется извѣстіе списковъ, что Изяславъ княжилъ въ Туровѣ: онъ дѣйствительно долженъ былъ княжить здѣсь, но прежде смерти брата своего Владиміра. Что Туровъ не могъ быть отчиною Изяслава и дѣтей его въ томъ смыслѣ, въ какомъ хочетъ этого г. Погодинъ, доказывается тѣмъ, что во время княженія Изяслава въ Кіевѣ, старшій сынъ его, Святополкъ, сидитъ въ Новгородѣ, а не въ Туровѣ; второй сынъ Ярополкъ, сидитъ въ Вышгородѣ, а не въ Туровѣ; Святополкъ остается въ Новгородѣ и во время княженія Всеволода, а младшему брату его, Ярополку, послѣдній даетъ Владиміръ Волынскій и въ придачу Туровъ — ясное доказательство, что этотъ городъ не былъ наслѣдственнымъ достояніемъ Изяславова потомства, а зависѣлъ отъ В. Князя. Понятно, что г. Погодину не нравится это извѣстіе о распоряженіи Всеволода, и онъ хочетъ перемѣнить смыслъ лѣтописи: «Ярополкъ (говоритъ онъ) вѣрно владѣлъ Туровомъ, а Всеволодъ посадилъ его въ Володимерѣ, придавъ къ Турову.» Но мы не можемъ предоставить автору права измѣнять смыслъ лѣтописей въ угоду любимой мысли. Передъ смертью Всеволода, Святополкъ переходитъ изъ Новгорода на югъ, поближе къ Кіеву, въ Туровъ, и тамъ, какъ ближайшій наслѣдникъ старшинства, дожидается дядиной смерти; точно также сдѣлалъ послѣ Мономаховъ сынъ Мстиславъ, перейдя пе-

редъ отцовскою смертью изъ Новгорода поближе къ Кіеву, въ Бѣлгородъ. Г. Погодинъ приводитъ въ свою пользу слова Давида Игоревича Святополку: «Аще ти отъидеть (Василько) въ свою волость, да узришь — аще ти не заиметь градъ твоихъ Турова и Пиньска.» Но города — Туровъ и Пинскъ были необходимо Святополковы, потому что они составляли часть Кіевскаго Княжества, которымъ тогда владѣлъ Святополкъ; доказательствомъ тому служатъ слова Всеволода Ольговича Вячеславу Владиміровичу, который владѣлъ Туровомъ: «Сѣдиши въ Кіевской области, а мнѣ достоить.» Г. Погодинъ говоритъ: «Важное затрудненіе представляется при разсмотрѣніи этого дѣленія (между сыновьями Ярослава): что же должно было быть отчиною старшему Ярославову сыну, Изяславу? на что имѣли право его дѣти по смерти отца, когда Кіевскій столъ долженъ былъ достаться ихъ дядѣ, Черниговскому Князю Святославу?» Не понимаемъ, для чего авторъ затрудняетъ себя вопросами, прямые отвѣты на которые даетъ намъ лѣтописецъ: по смерти Изяслава въ Кіевѣ началъ княжить братъ его Всеволодъ; что же досталось сыновьямъ Изяславовымъ? на это лѣтопись прямо отвѣчаетъ, что одинъ Изяславовъ сынъ княжилъ въ Новгородѣ, а другой во Владимирѣ Волынскомъ. — Надобно замѣтить, что по Никон. сп. и Татищеву, Изяславъ также былъ на погребеніи отца вмѣстѣ съ Всеволодомъ. — Въ Воскрес. спискѣ (1,190) за извѣстіемъ о смерти Ярослава тотчасъ же помѣщено слѣдующее: «И по семъ раздѣлиша Смоленскъ на три части.» Это трудное для объясненія извѣстіе можетъ показывать только одно, что извѣстный распорядокъ между Ярославичами послѣдовалъ не вдругъ.

28) Карамз. II, примѣч. 50.

29) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 75. Здѣсь, при описаніи дѣйствій волхвовъ сказано, что встали два волхва отъ Ярославля, пришли на Бѣлоозеро; сюда же явился отъ Святослава за данью Янъ, сынъ Вышатинъ, и разузналъ, что эти два волхва суть смерды Князя его Святослава. Событіе поставлено въ лѣтописи подъ 1070 годомъ; но нельзя непремѣнно относить его къ этому году, потому что событіе очень легко могло быть разсказано только по связи его съ другимъ, именно съ явленіемъ волхва въ Кіевѣ, время котораго лѣтописецъ отнесъ къ 1070 году, хотя и то не очень опредѣленно: «въ си времена,» говоритъ онъ вмѣсто болѣе опредѣленнаго: «въ се же лѣто.» Если предположить, что Янъ оставался постоянно въ Кіевѣ, имѣя тамъ большое значеніе, какъ сынъ Тысяцкаго, и самъ Тысяцкій (такимъ, покрайней мѣрѣ мы видимъ его въ 1089 году), то онъ могъ ходить отъ имени Святослава только тогда, когда этотъ Князь сидѣлъ въ Кіевѣ послѣ изгнанія Изяслава; легко подумать, что Святославъ, сѣдши въ Кіевѣ и отдавши Всеволоду Черниговскую волость со всѣми принадлежностями, взялъ себѣ въ замѣнъ Бѣлозерскую и Ростовскую область.

30) Въ спискахъ то 24 года, то 28 и все неправильно, потому что

былъ заключенъ въ 1036 году. Судиславъ умеръ въ Кіевѣ, и погребенъ при церкви св. Георгія, см. Арцыб. I, примѣч. 132.

31) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 92.

32) Объ этомъ сказано только въ Татищевскомъ сводѣ (II, 117); но мы имѣемъ право принять извѣстіе, основываясь во 1) на томъ, что хотя въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи и говорится, что Ростиславъ убѣжалъ въ Тмуторакань изъ Новгорода, за то въ другихъ не означено вовсе мѣста, откуда убѣжалъ. 2) По смерти Ростислава, дѣти его живутъ во Владимирѣ Волынскомъ: лѣтописецъ указываетъ намъ ихъ здѣсь; здѣсь они стараются утвердиться, враждуютъ съ тѣми князьями, которые также здѣсь ищутъ себѣ волостей.

33) Никон. I, 144; Воскр. I, 190. См. также припись къ Остромирову Евангелію. Что заставило Порѣя и Вышату бѣжать вмѣстѣ съ Ростиславомъ: страсть ли къ подвигамъ, приключеніямъ, личная ли привязанность къ молодому Князю, или наконецъ какія-нибудь также неудовольствія? можетъ быть все это вмѣстѣ.

34) У Татищева приведена причина: они боялись мщенія Русскихъ.

35) Ростиславъ умеръ 3 Февраля 1065 года, и похороненъ въ Тмутораканской церкви св. Богородицы. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 1065. Ростиславъ, по Татищеву, былъ женатъ на дочери Венгерскаго Короля; по смерти мужа она хотѣла ѣхать къ отцу въ Венгрію; Изяславъ ее отпустилъ, но сыновей удержалъ на Руси.

36) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 2. — Карамз. II, прим. 118.

37) Это мѣстность спорная. Обыкновенно полагали (Карамз. Арцыб.), что Нѣмизою называется здѣсь Нѣманъ; но въ Минскѣ есть рѣка Немиза, которая могла брать истокъ свой гдѣ-нибудь дальше; между Оршею и Друцкомъ, по древнему географическому отрывку, поставленъ городъ Немиза. Очень вѣроятно, что Ярославичи, взявши Минскъ, направляли путь къ сѣверовостоку, въ свои Смоленскія волости, гдѣ хотѣли провести весну, время неудобное для войны въ слѣдствіе разлитія рѣкъ и таянія снѣга, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, но были настигнуты Всеславомъ. Другой споръ касательно мѣста Рши, гдѣ былъ схваченъ Всеславъ; лѣтописецъ говоритъ, что это было у Смоленска, основываясь на чемъ, нѣкоторые изслѣдователи никакъ не хотятъ признать здѣсь Оршу, по ея отдаленности отъ Смоленска; но Кіевскій лѣтописецъ имѣлъ полное право сказать, что Орша находилась у Смоленска, ибо онъ не зналъ ближайшаго къ ней и болѣе извѣстнаго города; впрочемъ указывается еще подобная мѣстность — Оршанскій Ямъ, не далеко отъ Краснаго, слѣд. ближе къ Смоленску, чѣмъ Орша (Карамз. IX, примѣч. 225).—Дѣло въ томъ, что въ лѣтописи указывается рѣка: на Рши.

38) По Татищеву, Ярославичи 3 Марта пришли къ Немизѣ, и битва была 10 Марта; въ дошедшихъ до насъ спискахъ битва была 3 Марта.

39) По Татищеву, Ярославичи, послѣ битвы при Немизѣ раззорили

Полоцкую волость; Всеславъ прислалъ просить мира; Ярославичи зазвали его для переговоровъ и захватили, по совѣту Святослава.

40) Половцы — Русскій переводъ Татарскаго Кипчакъ.

41) Слова изъ Половецкаго языка объясняются Татарскими. См. статью кн. Оболенскаго, въ Москвитян. 1850, Мартъ, кн. I.

42) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 70. Иде Всеволодъ на Торкы; въ нѣкоторыхъ сп. прибавлено: «зимѣ къ Воиню.» Что касается Воина, то, по замѣчанію Гг. Надеждина и Неволина, (см. изслѣд. Погод. IV, стр. 263), подобноименныхъ мѣстъ много въ Полтавской губерніи. Если это не Войницы, означенныя Арцыбашевымъ, то всего вѣроятнѣе нынѣшняя Воинская Гребля, большое селеніе Золотоношскаго уѣзда, близь слиянія Сулы съ Днѣпромъ.

43) Извѣстіе о поселеніи плѣнныхъ Торковъ по городамъ находится только у Татищева; но мы внесли его въ текстъ, какъ достовѣрное, потому что иначе откуда же бы взялись Торки, о которыхъ такъ часто будетъ рѣчь въ послѣдствіи?

44) Я рѣшился внести въ текстъ это мѣсто, которое находится только у Татищева, потому что оно совершенно вѣрно обстоятельствамъ: на Тысяцкаго всего прежде народъ долженъ былъ обратить свой ропотъ, какъ на предводителя городовыхъ полковъ.

45) Арцыбашевъ (I, пр. 147) думаетъ, что этотъ дворъ принадлежалъ Полоцкимъ Князьямъ, и былъ тотъ самый, гдѣ жила прежде Рогнѣда. Но почему же въ послѣднемъ случаѣ онъ не называется Рогнѣдинымъ, Изяславовымъ, а именно: Брячиславовымъ?

46) Своихъ, т. е. Кіевлянъ, посаженныхъ въ тюрьму Изяславомъ. Изъ лѣтописи видно ясно, что сначала хотѣли отворить и дѣйствительно отворили только одну общую тюрьму, гдѣ содержались простые граждане; потомъ уже, послѣ спора съ Изяславомъ рѣшили, что съ послѣднимъ дѣлать нечего, нужно себѣ добыть другаго Князя, въ слѣдствіе чего и былъ освобожденъ Всеславъ. Слѣд. не нужно вмѣстѣ съ Арцыбашевымъ предполагать, что выпущенные прежде изъ тюрьмы были сообщники Всеслава.

47) Не забудемъ, что это выраженіе: безчисленное мы должны принимать относительно.

48) Рѣка Сновъ впадаетъ въ Десну съ правой стороны въ Черниговскомъ уѣздѣ; гдѣ находился на ней городъ Сновскъ — неизвѣстно.

49) См. Слово о Полку Игореву.

50) Лѣтописецъ молчитъ о судьбѣ Всеволода послѣ бѣгства его изъ Кіева вмѣстѣ съ Изяславомъ; видно, что онъ не пошелъ съ нимъ въ Польшу. Не могутъ ли дополнить намъ это извѣстіе слова Мономаха въ завѣщаніи: «Первое Ростову идохъ, сквозѣ Вятичѣ, посла мя отець, а самъ иде Курьску, и пакы второе къ Смолиньску со Ставкомъ Скордятичемъ, той пакы и отъиде къ Берестію со Изяславомъ, а мене посла Смолиньску; то и Смолиньска идохъ Володимерю. Тое же зимы то и по-

сласта Берестію брата на головнѣ, иде бяху пожгли, то и ту блюдъ городъ тихъ. Та идохъ Переяславли отцю, а по велицѣ дни изъ Переяславля же Володимерю, на Сутейску мира творитъ съ Ляхы. Оттуда пакы на лѣто Володимерю опять.» Можно думать, что Всеволодъ, по изгнаніи Изяслава, искалъ убѣжища въ волостяхъ Святославовыхъ, именно въ Курскѣ, опасаясь жить въ Переяславлѣ, а сына послалъ на сѣверъ въ Ростовъ, потомъ Мономахъ отправился въ Смоленскъ со Ставкомъ Скордятичемъ, который изъ Смоленска отправился къ Бресту съ Изяславомъ: здѣсь намекъ на удаленіе Изяслава въ Польшу черезъ Брестъ, ибо мы не знаемъ никакого другаго похода Изяслава къ этому городу. Потомъ, когда Половцы, послѣ пораженія при Сновскѣ, очистили Русь, Всеволодъ возвратился въ Переяславль; что же касается до мира съ Поляками на Сутейску, то можно думать, что Святославъ и Всеволодъ посылали Мономаха договариваться съ Болеславомъ и Изяславомъ на счетъ Кіева. Что касается до Сутейска, то по Ходаковскому, есть и теперь село Сутиски, на лѣвомъ берегу восточнаго Буга, Подольской губерніи въ Винницкомъ повѣтѣ, и деревня Сутескъ въ Красноставскомъ повѣтѣ.

51) О разсказахъ Польскихъ лѣтописцевъ о Болеславовомъ походѣ и пребываніи въ Кіевѣ, см. Roepell, Gesch. Polens, I, 193.

52) Изяславъ же възгна торгъ на гору. На основаніи союза же соединяютъ эти извѣстія съ предыдущимъ, и видятъ въ этомъ мѣру Князя противъ будущихъ волненій народныхъ; но Татищевъ (II, 124) прямо говоритъ, что Изяславъ не хотѣлъ, чтобъ торгъ и народное сборище было на низу, въ отдаленіи отъ его дома.

53) Жителей Вотской пятины.

54) Замѣчательно, что Всеславъ нашелъ убѣжище и помощь среди Финскаго племени, ближайшаго къ Новгороду и издавна находившагося съ нимъ въ соединеніи. Мы удерживаемся отъ всякихъ предположеній.

55) Полн. Собр. Руск. Лѣт. III, 2. Новгородцы же поставиша пълкъ противъ ихъ (т. е. Вожанъ; въ рукописи вырванъ уголъ, и потому недостаетъ словъ: приде Всеславъ съ Вожаны), у Звѣриньця, на Къземли.» Въ другихъ лѣтописяхъ на Гзени; Гзенью назыв. мѣсто въ самомъ Новгородѣ, Карамз. II, пр. 125; Арцыб. I, пр. 156. Что такое звѣринецъ? вѣроятно мѣсто, гдѣ продавали живыхъ звѣрей. — Здѣсь представляется еще вопросъ: какимъ образомъ Новгородъ перешелъ къ Глѣбу Святославичу? Карамзинъ (II, прим. 118), на основаніи лѣтописи XV в. въ Синодал. библ. № 349), гдѣ сказано: «въ Новгородѣ Изяславъ посади сына своего Мстислава и побѣдиша и на Черехѣ, и бѣжа къ Кыеву, и по взятіи града преста рать,» догадывается, что Мстиславъ, будучи побѣжденъ Всеславомъ, ушелъ въ Кіевъ; и точно мы видимъ его на югѣ: онъ раздѣляетъ изгнаніе отца, его Изяславъ посылаетъ прежде себя для наказанія Кіевлянъ, выпустившихъ Всеслава. По всѣмъ вѣроятностямъ, послѣ того какъ захватили Всеслава на Рши, Изяславъ

взялъ себѣ его волость Полоцкъ, гдѣ и посадилъ своего сына, а Новгородъ уступилъ Святославу, который послалъ туда Глѣба.—Всеслава отпустили ради Бога; нѣкоторые изслѣдователи сомнѣваются въ такомъ великодушіи Новгородцевъ; но изъ Новгородской исторіи мы знаемъ, что граждане никогда не позволяли себѣ жестокостей съ враждебными Князьями; Всеславъ былъ богатырь, внушалъ къ себѣ всеобщее уваженіе, объ немъ ходили дивныя преданія, притомъ былъ несчастливъ, дядья поступили съ нимъ вѣроломно, и теперь не давали ему покоя; въ первый разъ случилось Новгородцамъ видѣть въ своихъ рукахъ плѣннаго Князя-богатыря; нѣтъ ничего удивительнаго, что они увлеклись непосредственнымъ чувствомъ, и отпустили Всеслава ради Бога, взявши, разумѣется, съ него клятву, что не будетъ болѣе нападать на Новгородъ. Историкъ не долженъ отрицать возможности такого непосредственнаго чувства, которое очень часто имѣетъ мѣсто.

56) Голотическъ упоминается въ древнемъ географическомъ отрывкѣ въ числѣ городовъ Литовскихъ.

57) Полн. Собр. Руск. Лѣт. I, 78: Изяславъ же иде въ Ляхы со имѣньемъ многымъ, глаголя: «яко симъ налѣзу вои.» Еже все взяша Ляхове у него, показавше ему путь отъ себе. — Что Ляхи взяли не все, доказываютъ дары, поднесенные Изяславомъ Императору; что взяли однако, доказываетъ письмо Папы къ Королю Польскому.—Мы видѣли, что при первомъ изгнаніи Изяслава, народъ разграбилъ княжескую казну; какими же средствами Изяславъ могъ, въ такое короткое время послѣ своего возвращенія, пріобрѣсть опять значительное богатство? Должно быть онъ успѣлъ возвратить все пограбленное.

58) Lamberti Schafnaburgensis Chronicon, p. 380, ann. 1075. — Мы не должны также упустить изъ виду Татищевскаго извѣстія, что за Болеславомъ была дочь Святослава.

59) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103.

60) Histor. Russiae Monum. I, № 1, 2.

61) Татищ. II, 130.

62) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103: Мономахъ говоритъ о себѣ: «И Святославъ умре, и язъ паки Смолиньску, а и Смолиньска той же зимѣ та къ Новугороду, на весну Глѣбови въ помочь.

63) Ходаковскій пріурочиваетъ это мѣсто къ рѣкѣ Одрову, впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны въ Копысскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи.

64) По всѣмъ вѣроятностямъ, Давыдъ княжилъ въ Переяславлѣ: такъ слѣдовало по счету.

65) Изгнанный Глѣбъ убитъ былъ далеко на сѣверѣ въ странахъ Чуди Заволоцкой. Объ изгнаніи Глѣба см. лѣтопись во II-мъ томѣ продолж. Древ. Вивліоѳ. «И посади Святослав...... всего Глѣба. И выгнаша.... и бѣжа за волокъ, и у...... и Чудь.» Пропуски эти дополняются тождественною съ напечатанною въ Вивл. лѣтописью, находящеюся въ

Румянц. музеѣ подъ № CCXLIX: «И посла Святославъ сына своего Глѣба, и выгнаша изъ города и бѣжа за Волокъ и убиша й Чудь.» См. Арцыб. I, пр. 181.

66) Карамз. II, 135.

67) Татищ. II, 133.

68) Полн. Собр. Руск. Лѣт. I, 88: «Володимеръ же приступи ко вратомъ всточнымъ, отъ стреженій отя врата.» Рѣчка Стриженъ течетъ въ самомъ Черниговѣ. Арцыб. I, прим. 185.

69) Близь Чернигова. Арцыб. I, 187.

70) Ярослава погребли точно также, въ ракѣ мраморной.

71) Если Всеволодъ признавалъ изгнаніе Изяслава справедливымъ, признавъ старшинство Святослава законнымъ, то какимъ же образомъ потомки Всеволода могли считать это старшинство незаконнымъ? Въ такомъ случаѣ они обвиняли бы своего предка, какъ участника въ беззаконіи? Развѣ мы не видимъ въ послѣдствіи, что Всеволодовичи, домогаясь отнять у Святославичей право на старшинство, ни слова не говорятъ о беззаконномъ старшинствѣ Святослава, а выставляютъ только какое-то завѣщаніе Ярослава I-го, по которому Князья восточныхъ областей не должны были вступаться въ западныя. Ясно, что у Всеволодовичей не было никакого права исключать Святославичей изъ старшинства, что они, пользуясь правомъ сильнаго, выставляли только странные предлоги.

72) Подобноименныхъ мѣстъ въ нынѣшней Полтавской губерніи много. См. Арцыб. I, пр. 190; Карамз. II, 145; Погод. Изслѣд. IV, стр. 263.

73) Татищ. II, 136.

74) Хожденіе игумена Даніила.

75) Studien — Еверса, стр. 238.

76) Сколько? Ростиславичей было трое: Рюрикъ, Володарь и Василько; въ нѣкоторыхъ спискахъ сказано только двое—предполагается Рюрикъ и Василько, если Володарь еще не возвратился изъ Тмутораканя; но въ нѣкоторыхъ сказано просто Ростиславичи (Кёнигсб.) и прибавленъ Давидъ: «выбѣгоста Ростиславича два отъ Ярослава» и «выбѣгоста Ростиславичи Давидъ и Ярополкъ;» смѣна легка, но мы предпочитаемъ чтеніе Ростиславича два какъ труднѣйшее.

77) Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день. Въ се же время выбѣгоста Ростиславича 2 отъ Ярополка, и пришедше прогнаста Ярополка.—Ни откуда не слѣдуетъ, чтобъ Ростиславичи овладѣли Владиміромъ въ отсутствіе Ярополка, иначе какъ могло быть сказано, что пришедши они прогнали этого Князя; можно только допустить, что они убѣжали въ его отсутствіе; но у Татищева читаемъ, что Ярополкъ на Великъ день приходилъ уже въ Кіевъ жаловаться на изгнаніе.

78) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 88 и 103. — И пакы по Изяславичихъ за Микулинъ и не постигохомъ ихъ.—Но что же это за Изясла-

вичи? Святополкъ былъ въ Новгородѣ! Мы думаемъ, что должно читать Ростиславичи вмѣсто Изяславичи. — Есть мѣстечко Микулинцы, Подольской губерніи, Винницкаго повѣта, и еще городъ ниже Тарнополя и выше Струсова.

79) На рѣкѣ Горынѣ, близъ Ровна. Арцыб. I, пр. 201.

80) Татищ. II, 137.

81) Прибавленіе нужное для вѣрности характеру, который послѣ приданъ Ярополку.

82) Уѣздный городъ Волынской губерніи, на рѣкѣ Стырѣ.

83) По извѣстіямъ Польскихъ лѣтописцевъ, Червенскіе города, взятые Болеславомъ II, были возвращены Ростиславичами. Арцыб. I, пр. 218.

84) Здѣсь можетъ быть рѣчь только объ одномъ какомъ-нибудь изъ четырехъ Звенигородовъ Галицкихъ. См. Изслѣд. Погод. IV, пр. 152.

85) Мы распространились объ этомъ событіи потому, что существуетъ цѣлая статья о смерти Ярополка Изяславича, авторъ которой старался оправдать совершенно Ростиславичей и сложить вину на Давида (Соврем. т. XVI, отд. II). Уваженіе, питаемое нами къ ученымъ трудамъ автора статьи, заставило насъ подробнѣе коснуться ея предмета.

86) Что слова лѣтописца: «Ходи Всеволодъ къ Перемышлю» означаютъ воинскій походъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію: иначе для чего ходилъ Всеволодъ? Великій Князь не могъ ходить просто для свиданія къ младшему. У Татищева В. Князь предпринялъ походъ на Ростиславичей по жалобамъ Святополка Изяславича и Давида Игоревича, дошелъ до Звенигорода, послалъ за Ростиславичами, и помирился съ ними. (II, 140).

87) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103: «Пожегъ землю и повоевалъ до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютьскъ воюя. Лукомль — мѣстечко Могилевской губерніи, Сенинскаго уѣзда; Друцкъ — мѣстечко Могилевскаго уѣзда; Логойскъ — Минской губерніи, въ Борисовскомъ уѣздѣ, на р. Гойнѣ, впадающей въ Березину.

88) Слово о Полку Игореву.

89) Такъ въ 1071 году они воевали у Ростовца и у Неятина (мѣстоположеніе этихъ городовъ спорное: одни полагаютъ на западной, другіе на восточной сторонѣ Днѣпра, т. е. одни въ Кіевской, другіе въ Черниговской волости; см. Изслѣд. Погод. IV, стр. 148). Подъ 1092 годомъ читаемъ: «рать велика бяше отъ Половець и отвсюду: взяша 3 грады, Пѣсоченъ, Переволоку, Прилукъ, и многа села воеваша, по обѣма странама;» — всѣ три мѣста въ Переяславской волости, въ нынѣшней Полтавской губерніи, на рѣкѣ Удаѣ.

90) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103.

91) Здѣсь можетъ быть только вопросъ: какимъ образомъ самъ Изяславъ предпринималъ походъ противъ Голядей? изъ соображенія лѣтописныхъ извѣстій можно полагать, что Великій Князь все это время находился самъ на сѣверѣ, въ Смоленскѣ, Псковѣ и сосѣднихъ мѣстахъ.

92) Въ дошедшихъ до насъ спискахъ говорится кратко о взятіи Мурома Болгарами безъ объясненія причинъ и слѣдствій; но Татищевъ, основываясь на Нижегородскомъ и Макарьевскомъ спискахъ, говоритъ, что по Окѣ и Волгѣ въ это время были сильные разбои, вредившіе Болгарской торговлѣ; Болгары присылали къ Князю Олегу и брату его Ярославу Святославичамъ, которымъ, по Татищеву, принадлежала въ это время Тмуторакань, Рязань и Муромъ, просить на разбойниковъ, но, не получа управы, пошли на Муромъ, и взяли его. — Извѣстіе это очень любопытно и очень вѣроятно: нѣтъ основанія отвергать, чтобъ въ это время не было ушкуйничества, которое мы увидимъ въ такой силѣ послѣ.

93) Владиміръ самъ говоритъ въ началѣ поученія своего дѣтямъ: «Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленнымъ, славнымъ, нареченъ въ крещеніи Василій, Русьскымъ именемъ Володимиръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мьномахъ.» — Изъ этихъ словъ видно, что «Мономахъ» не былъ прозваніемъ, но именемъ, даннымъ при рожденіи, точно такимъ же, какими были Владиміръ и Василій. Ярославъ хотѣлъ назвать первенца внука отъ любимаго сына Владиміромъ — Василіемъ въ честь отца своего; отецъ и мать Мономахомъ въ честь дѣда по матери, Императора Греческаго; естественно, что Всеволодъ гордился происхожденіемъ сына своего отъ Царя.

94) У Татищева читаемъ, что Кіевляне просили Мономаха остаться у нихъ княжить.

95) Русск. Достопамят. I, стр. 63: И видять вси и чюдяться.

96) Тамъ же, стр. 69.

97) Тамъ же, стр. 63: Митрополитъ Никифоръ говоритъ о Мономахѣ: «Его же Богъ издалеча проразумѣ и предповелѣ, его же изъ утробы освяти и помазавъ, отъ царской и княжеской крови смѣсивъ.»

98) Мы видѣли, что когда Святополкъ пришелъ въ Кіевъ, то Владиміръ отправился въ Черниговъ, а братъ его Ростиславъ въ Переяславль; изъ этого уже одного извѣстія имѣемъ право заключить, что эти столы были прежде за ними при Всеволодѣ; но кромѣ того лѣтописецъ прямо говоритъ, что Всеволодъ, заступивъ мѣсто Изяслава въ Кіевѣ, посадилъ сына своего Владиміра въ Черниговѣ; потомъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что Мономахъ, примирившись съ Ярополкомъ, возвратился въ Черниговъ. Но самъ Мономахъ въ поученіи дѣтямъ говоритъ: «И на весну посади мя отець въ Переяславли передъ братьею», тогда какъ изъ прежнихъ словъ того же поученія видно, что онъ сидѣлъ въ Черниговѣ, ибо ходилъ въ походъ съ жителями этого города, что слѣдовательно подтверждаетъ слова лѣтописи. Но какимъ же образомъ могло случиться, что Всеволодъ далъ ему Переяславль послѣ Чернигова, когда Черниговъ былъ старше Переяславля, и что значитъ «передъ братьею,» когда у Владиміра былъ только одинъ братъ Ростиславъ? Развѣ принимать здѣсь временное посаженіе для войны съ По-

ловцами, но тогда что будетъ значитъ: передъ братьею! впереди братьевъ, въ передовой рати? или, можетъ быть, здѣсь ошибка: вмѣсто: «передъ братіею» должно читать: «передъ ратію.» ??

99) Теперь селеніе Торчица, на берегу Торчи, впад. слѣва въ Рось.

100) Триполье, мѣстечко при устьѣ рѣкѣ Стугны, Кіев. уѣзда.

101) Между Бѣлгородкой и Кіевомъ, на рѣчкѣ, называемой нынѣ Борщаговкой, есть селеніе: Жиляне.

102) Полн. Собр. Руск. Лѣт. I, 103: Миръ створихомъ съ Тугорканомъ и со инѣми Князи Половечьскыми, и у Глѣбови чади пояхомъ дружину свою всю. — Любопытно, что здѣсь Глѣбъ имя Половецкое.

103) Въ словѣ о Полку Игореву Олегъ называется Гориславичемъ: по связи послѣдующихъ выраженій должно думать, что онъ въ народномъ мнѣніи былъ славенъ не своимъ, но чужимъ горемъ; такъ смотритъ на него и лѣтописецъ.

104) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 104: И идохомъ на вои ихъ за Римовъ, и Богъ ны поможе. — Есть селеніе Римъ, значащееся на границѣ уѣздовъ Роменскаго, Лохвицкаго и Прилуцкаго.

105) Я внесъ сюда извѣстіе списковъ Татищевскихъ (II, 153), безъ котораго въ лѣтописи не будетъ связи между приходомъ Славаты и совѣтомъ Ратиборовичей.

106) Я принимаю здѣсь чтеніе чадь въ смыслѣ родни, а не дружины, ибо увидимъ послѣ, что главнымъ дѣйствователемъ будетъ сынъ Ратибора; при томъ что за дружина Ратиборова?

107) У Татищева прямо такъ сказано II, 155.

108) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 104: И вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомъ. — Теперешнее мѣстечко Голтва находится при впаденіи въ Пселъ (Полтав. губ. Кобелякскаго уѣзда) рѣчки Большой Голтовы, которая принимаетъ въ себя нѣсколько другихъ Голтвъ.

109) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 3.

110) Татищ. II, 156.

111) Эти слова вовсе не доказываютъ существованія безусловной отчинности, какъ хотятъ нѣкоторые изслѣдователи. Олегъ занималъ между двоюродными братьями то же самое мѣсто, какое отецъ его занималъ между Ярославичами, слѣд. онъ имѣлъ право владѣть и всѣми волостями послѣдняго.

112) Дядя племяннику также считался отцемъ, см. выше первую главу.

113) Этими словами Мономахъ прямо говоритъ, что Изяславъ занялъ волости Святославичей безъ его вѣдома и согласія.

114) Стало быть В. Кн. Всеволодъ посадилъ ихъ тамъ.

115) «А его же то и хощеши насильемъ, тако вѣдаяла у Стародуба и Милкусяюча по тебѣ отчину твою.» — Здѣсь вся запутанность произошла отъ слитнаго написанія двухъ словъ вѣ (мы) даяла (давали) двойственное число, т. е. мы съ Святополкомъ давали тебѣ и

у Стародуба еще Рязань и Муромъ, что теперь ты хочешь взять насильемъ. Милкусюча есть явно искаженное милующися.

116) Это было 5 Ноября, а имянины были 8-го; Святополка звали Михаиломъ.

117) Быть можетъ, нынѣшняя деревня Здвишка, на рѣкѣ Здвижи, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

118) Т. е. родичи не ослѣпляли еще другъ друга; погибали Князья въ бою; было подозрѣніе, что Ярополкъ Изяславичь погибъ отъ Ростиславичей, но подозрѣніе только, при томъ здѣсь была также явная вражда, смута; Всеславъ былъ схваченъ вѣроломно, но не ослѣпленъ; но никогда еще не было такого вопіющаго вѣроломства и насилія.

119) Можетъ возникнуть вопросъ: за чѣмъ Кіевляне удержали Святополка отъ бѣгства, имъ должно было быть пріятно избавиться отъ такого Князя? Но они хорошо помнили слѣдствія изгнанія отца Святополкова; хорошо знали, что Святополкъ будетъ стараться всѣми силами добыть себѣ опять свой столъ, слѣдствіемъ чего будутъ усобицы, за которыя поплатятся города и села, и особенно ихъ городъ; усобица княжеская была страшнѣе всего, потому что ею пользовались Половцы.

120) Всеволожь — быть можетъ нынѣшнее селеніе Воложки, въ 12 верстахъ отъ Ковеля, города Волынской губерніи. Шеполь—есть селеніе Шепель въ Луцкомъ уѣздѣ Волынской губерніи, въ 18 верстахъ отъ уѣзднаго города, на рѣкѣ Ставѣ, впадающей въ Стырь. Перемиль - есть Перемиль въ Дубенскомъ повѣтѣ, къ сѣверовостоку отъ Берестечка, на Стырѣ.

121) Теперь Бускъ, мѣстечко въ Золочовскомъ округѣ Галиціи, на правой сторонѣ Западнаго Буга.

122) Татищ. II, 185.

123) Мѣстечко Волынской губерніи, Ковельскаго уѣзда, на рѣкѣ Турьѣ.

124) Татищ. II, 187.

125) У Татищева прямо такъ читаемъ II, 188.

126) Арцыбаш. указываетъ на Рожеямполь, мѣстечко Волынской губерніи, Владимирскаго повѣта.

127) У Татищева (II, 189) читаются любопытныя слова Ростиславичей, сказанныя Святополку передъ началомъ битвы: «Дѣдъ нашъ Владиміръ былъ старѣйшій братъ отцу твоему, а отецъ нашъ старѣйшій тебѣ, и по смерти дѣда нашего Владиміра отецъ твой съ братьею — Святославомъ и Всеволодомъ дали отцу нашему Владимиръ со всею Червенскою землею, а себѣ взяли другіе удѣлы, болѣе нежели отцу нашему дали, и утвердили ротою, какъ мы имѣемъ отца твоего грамоты. По смерти отца нашего мы хотя малы осталися, но отецъ твой и Святославъ, помня свою къ отцу нашему роту, Владимира у насъ не отнимали; но какъ отецъ твой умеръ, то братъ твой Ярополкъ, преступя отцово клятвенное обѣщаніе, и стрыя своего Всеволода увѣщаніе,

насъ Владимира лишилъ, и мы уже довольны были тѣмъ, что намъ тогда дали, и братъ твой клятвою утвердилъ. Мы болѣе того отъ тебя не требуемъ, и когда ты своимъ не доволенъ, и хочешь насъ отцовскаго владѣнія лишить, то оставляемъ на судъ Божій, кому Онъ хочетъ, тому дастъ, а мы тебѣ не дадимъ ни села, но просимъ пока, помня клятвенное обѣщаніе отца своего, и свою на съѣздѣ данную роту, оставить насъ въ покоѣ, а мы какъ тебя ни чѣмъ не оскорбили, и всегда тебя почитаемъ, яко старѣйшаго, то всегда обѣщаемъ сохранитъ.»

128) Число Венгерскаго войска въ нашихъ лѣтописяхъ до крайности преувеличено до 100,000, а число погибшихъ до 40,000. Вѣроятнѣе извѣстія Бѣльскаго и Стрыйковскаго, полагающихъ 8000 всего войска. И то будетъ много, если возьмемъ въ соображеніе малочисленность Русскихъ и Половцевъ; впрочемъ успѣхъ послѣднихъ объяснится, если прочтемъ извѣстіе Татищева (II, 192), что Володарь, узнавши о прибытіи Давыда и Боняка, сдѣлалъ, съ своей стороны, вылазку изъ Перемышля и ударилъ на станъ королевскій; это окончательно разстроило Венгровъ.

129) Сутейскъ—подобныя названія мѣстъ встрѣчаются теперь, но вдалекѣ отъ описываемой сцены дѣйствія; Червень— полагаютъ нынѣшнее мѣстечко Червоногородъ, въ Чортовскомъ округѣ, при рѣкѣ Дзурошъ, впадающей въ Днѣстръ.

130) Выгошевцы, жители города Выгошева. Указываютъ теперь подобнозвучащія мѣстности; изъ нихъ можно принять къ соображенію только деревни Выжовку и мѣстечко Выжву въ Ковельскомъ уѣздѣ Волынской губерніи.

131) Причиною такой оплошности Давыдовой у Татищева полагается надежда его на слово Святоши. Удивительно, какъ всѣ эти Князья безпрестанно нарушали свои клятвы и все еще надѣялись на нихъ.

132) Полагаютъ это мѣсто на рѣкѣ Вѣтѣ. Журн. Мин. Внут. Дѣлъ. 1849, № 6.

133) Нѣтъ никакого основанія читать: въ Бужскомъ острогѣ вмѣсто въ Бужскѣ, въ острогѣ; Бужскъ встрѣчали мы прежде безъ прибавленія—острогъ, притомъже Острогъ находится подлѣ городовъ, данныхъ Давыду — Бужска, Дубна и Черторыйска. Дубно, городъ Волынской губерніи, Черторыйскъ — мѣстечко той же губерніи, Луцкаго уѣзда, на рѣкѣ Стырѣ.

134) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 100: Усрѣтоша бо мя слы отъ братья моея на Волзѣ, говоритъ Мономахъ, рѣша: «потъснися къ намъ, да выженемъ Ростиславичи и волость ихъ отъимемъ; аже ли не поидеши съ нами, то мы собе будемъ, а ты собѣ.» И рѣхъ: «аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити.»

135) Тамъ-же, стр. 116: Въ лѣто 6608. Выиде Мстиславъ отъ Давыда на море, мѣсяца Іюня въ 10. Томъ-же мѣсяци (читай: лѣтѣ) братья створиша миръ межи собою, Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ,

Олегъ, въ Увѣтичихъ, мѣсяца Августа въ 10 (14) день. Того же мѣсяца въ 30, томъ же мѣстѣ, братья вся сняшася... и приде къ нимъ Игоревичь Давыдъ. — Нѣтъ слѣд. никакого основанія думать, что Князья собрались 10 Августа и до 30 дожидались Давыда.

136) Никон. II, 32: И начаша посылати по Давыда Игоревича, любовію вадяще его къ себѣ, и обѣщевающе ему стольный градъ Володимеръ.

137) И ятъ й на Нурѣ; рѣка впадающая въ Бугъ въ Гродненской губерніи.

138) Братъ его — Вячеславъ Ярополчичь умеръ въ 1104 году.

139) И Устье пожже. — Вѣроятно устье Трубежа.

140) Задомъ, а не за домъ, какъ напечатано въ Пол. Собр. I, 99.

141) На лѣвомъ берегу Днѣпра, недалеко отъ Переяславля, быть можетъ нынѣшнее село Сальковъ.

142) Подробности одного и тогоже событія разсказаны въ Лавр. спискѣ подъ 1103 годомъ, а въ Ипатьев. отнесены къ 1111.

143) Уѣздный городъ Полтавской губерніи.

144) Тамъ-же, II, 206.

145) Воскрес. I, 254.

146) Полн. Собр. Руск. Лѣт. II, 155.

147) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 3: Подъ 1105 годомъ: «Идоша въ Ладогу на войну.» — Подъ 1111: Ходи Мстиславъ на Очелу. Эта Очела есть Отела, Чудское племя, упоминаемое въ 1229 году въ договорѣ между Дерптскимъ Епископомъ Германомъ и Нѣмецкимъ Орденомъ; см. Шегрена — Ueber die ältesten Wohnsitze der Iemen, стр. 312. — Подъ 1112: Побѣди Мьстиславъ, на Бору, Чудь.

148) Татищ. II, 199: Борисъ Всеславичь Полоцкій ходилъ на Ятвягъ и побѣдя ихъ, возвратясь, поставилъ градъ Борисовъ въ свое имя, и людьми населилъ. — Въ 1106 году (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 120): Побѣдиша Зимѣгола Всеславичь, всю братью, и дружины убиша 9 тысящъ. Подъ 1112 (II, 3): Ярославъ ходи на Ятвязи, сынъ Святополчь, и побѣди я.

149) Полн. Собр. Руск. Лѣт. I, 119; годъ 110: Бися Ярославъ съ Мордвою, и побѣженъ бысть Ярославъ. Въ Новгор.: Побѣдиша Ярослава Мордва Муромѣ.

150) Полн. Собр. Руск. Лѣт. I, 115. — По Никон. (II, 33) и Татищеву (II, 191) и второй сынъ, Ярославъ былъ также отъ этой наложницы; быть можетъ, уменьшительныя: Мстиславецъ, Ярославецъ, какъ ихъ называли, указывали на ихъ происхожденіе.

151) Татищ. II, 211: Сей Великій Князь былъ ростомъ высокъ, сухъ, волосы черноваты и прямы, борода долгая, зрѣніе острое, читатель былъ книгъ, и вельми памятенъ, за многая бо лѣта бывшая, могъ сказать, яко написанное; болѣзней же ради мало ѣлъ, и весьма рѣдко, и то по нуждѣ для другихъ упивался; къ войнѣ не былъ охотникъ, и хо-

тя на кого скоро осердился, но скоро и запамятовалъ; при томъ вельми сребролюбивъ былъ и скупъ, для котораго жидамъ многіе предъ христіаны вольности далъ, чрезъ что многіе христіане торгу и ремеслъ лишились. Наложницу свою поялъ въ жену, и тако ее любилъ, что безъ слезъ на малое время разлучиться не могъ, и много ея слушая, отъ Князей терпѣлъ поношеніе, а часто и вредъ съ сожалѣніемъ; и ежели бы Владиміръ его не охранялъ, тобъ давно Кіева Святославичами лишенъ былъ. — У Татищ. (II, 156) къ Княженію Святополкову относится походъ на Корсунцевъ: «Корсуняне, напавъ на Русскіе корабли, разбили и многое богатство пограбили, о чемъ Святополкъ и Владиміръ посылали къ царю Алексію просить и къ Корсунянамъ, но не получили достойнаго награжденія, для котораго Владиміръ съ Давыдомъ Игоревичемъ и Ярославомъ Ярополчичемъ имѣющимъ войска Святополковы, къ тому же взявъ Торковъ и Козаровъ, пошелъ въ Корсунь, и сошедшись съ войски Корсунскими у града ихъ Кафы побѣдилъ, по которомъ Корсуняне, заплатя всѣ убытки Владиміру, миръ испросили.» — Здѣсь Татищ. ссылается на Степенныя, Стрыйковскаго и рукопись Волынскаго.

152) Патер. Печер. листъ 141, 144, 145.

153) Ср. послѣ слова Ольговичей Давыдовичу о волостяхъ.

154) Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 4: Съвѣтъ створиша Кіяне, послаша къ Владимеру, глаголюще: «пойди, Княже на столъ отенъ и дѣденъ.» — Татищ. II, 211: По смерти его (Святополка) Кіевляне сошедшись къ церкви св. Софіи, учинили совѣтъ о избраніи на великое княженіе, на которое безъ всякаго спора всѣ согласно избрали Владимира Всеволодича. — При этомъ прибавляетъ въ примѣчаніи (359): Сіе избраніе Государя погрѣшно внесено; ибо по многихъ обстоятельствахъ видимъ, что силы Кіевлянъ въ томъ не было, и брали сущіе наслѣдники по закону или по завѣтамъ или силою. — Вотъ лучшее доказательство добросовѣстности Татищева: ему не нравился фактъ избранія, и однако онъ оставилъ его въ текстѣ.

155) Татищ. II, 212.

156) См. выше, примѣч. 16.

157) Татищ. II, 213. Здѣсь читаемъ, что Владиміръ созвалъ Князей, и на общемъ совѣтѣ положили выгнать Жидовъ изо всей Русской земли. Этому извѣстію противорѣчитъ извѣстіе лѣтописи подъ 1124 годомъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 10) о пожарѣ, во время котораго погорѣли въ Кіевѣ и Жиды. — Впрочемъ прежнее мѣсто жительства Жидовъ могло долго удерживать ихъ имя.

158) Теперь уѣздный городъ Минской губерніи.

159) Полтавской губерніи, въ Золотоношскомъ уѣздѣ, на р. Сулѣ, не далеко отъ устья ея въ Днѣпръ, находится старинное мѣстечко Жовнинъ, или Жолнинъ.

160) По Татищеву (II, 222) Глѣбъ началъ опять воевать Новгород-

скую и Смоленскую волости; Владиміръ послалъ на него сына своего Мстислава, который и отнялъ у него Минскъ.

161) Никон. II, 53: Бяше бо негодуя внуку его Ярославецъ Мстиславлю дщерь.

(162) По свидѣтельству анонимнаго автора Vitae S. Ottonis (Ludwig, Script. rer. Bamberg. p. 649 — 50) передъ бракомъ этимъ была война у Святополка съ Болеславомъ, если это извѣстіе вѣрно, то поводомъ къ войнѣ должно положить дѣло племянника Святополкова, Ярослава Ярополчича, которое велось на Польскихъ границахъ, и тутъ могли возникнуть непріязненныя столкновенія.

163) Збигнѣвъ, изгнанный Болеславомъ съ помощію Ярослава, нашелъ однако убѣжище при дворѣ Святополка Кіевскаго и былъ примиренъ имъ съ братомъ: Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 120; подъ годомъ 1106: Въ то же лѣто прибѣже Избыгнѣвъ къ Святополку.

164) Татищ. II, 219. Что это извѣстіе Татищева справедливо, доказательствомъ служатъ слова Мономаховы въ лѣтописи: «веля ему къ собѣ приходити, когда тя позову» ясно, что прежде Ярославъ не приходилъ на зовъ.

165) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 9: Володаря яша Ляхове лестью, Василкова брата, Roepell — Geschichte Polens, I, 266. — Жур. Мин. Нар. Просв. 1836, № 10.

166) Мы видѣли, что и прежде такія дѣла обыкновенно поручались иностранцамъ, Варягамъ, Торкамъ; вспомнимъ убіеніе Ярополка Святославича, св. Глѣба, ослѣпленіе Василька. Въ Ипатьев. спискѣ не сказано, откуда вышли два Ляха; въ Воскрес. (I, 263) сказано, что изъ города; въ Никон. II, 55, что граждане, вышедши изъ города, убили Ярослава.

167) Полн. Соб. Русск. Лѣт. I, 130, 131.

168) Тамъ же, II, 8.

169) Воскрес. I, 258.

170) Какъ напр. Даніилъ заточникъ называетъ Юрія Долгорукаго сыномъ Великаго Царя Владиміра.

171) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 9: Ведена Мьстиславна въ Грекы за царь: царемъ былъ тогда Іоаннъ Комненъ, слѣд. напрасно обвиняетъ Карамзинъ Татищева за поставленіе здѣсь Императора Іоанна; если кто ошибся, такъ лѣтописецъ, а не Татищевъ.—Что же касается здѣсь зятя Мономахова и сына Діогенова, то его должно отдѣлять отъ самозванца, о которомъ говоритъ Анна Комнена: по ея словамъ обманщикъ былъ сосланъ въ Херсонъ, освобожденъ оттуда Половцами, привелъ послѣднихъ во Ѳракію, былъ взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ въ 1096 году. Это событіе знаетъ и наша лѣтопись: подъ 1095 годомъ читаемъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 97): Идоша Половци на Грьки съ Девгеневичемъ (Діогеновичемъ), воевали по Гречьстѣй землѣ; и я царь Девгенича, и повелѣ и слѣпити.— Относительно присылки даровъ Мономаху см. разсказъ Густинской лѣтописи (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II,

290), гдѣ прямо сказано, что прислалъ ихъ Мономаху Царь Алексѣй Комнинъ; въ другихъ же лѣтописяхъ, также позднѣйшаго составленія ошибкою вмѣсто Алексѣя Комнина поставленъ Константинъ Мономахъ, давно уже умершій, точно такъ какъ крестнымъ отцемъ св. Ольги вмѣсто Константина Багрянороднаго поставленъ Цимисхій. Ошибку доказываетъ здѣсь то, что всѣ лѣтописи согласно помѣщаютъ присылку даровъ послѣ Ѳракійской войны, во время старости Мономаховой, а не младенчества его; слѣд. нѣтъ возможности на этой ошибкѣ строить какія либо новыя предположенія.

172) Придоша къ Выру (Полн. Соб. Русск. Лѣт. II, 4). Старые Виры, на границѣ Курской и Харьковской губерніи.

173) Полн. Собр. Руск. Лѣт. III, 5.

174) Портретъ Мономаха у Татищева (II, 229): лицемъ былъ красенъ, очи велики, волосы рыжеваты и кудрявы, чело высоко, борода широкая, ростомъ не вельми великъ, но крѣпкій тѣломъ и силенъ вельми, въ воинствѣ вельми храбръ и хитръ на устроеніе войскъ, многихъ враговъ своихъ побѣдилъ и покорилъ, самъ же единою токмо у Триполя побѣжденъ былъ, о чемъ никогда упоминать не могъ, частію отъ жалости по утопшемъ тогда братѣ Ростиславѣ, котораго вельми любилъ, частію отъ стыда, что непорядкомъ Святополковымъ къ тому приведенъ.»

175) Никон. II, 58.

176) Татищ. II, 231: Черниговскіе князи весьма тому Мстиславлю возшествію на престолъ зазрили, поставляя себя старѣйшими, но вѣдая храбрость и великой умъ Мстиславль съ молчаніемъ оставили, понеже не былъ никто въ состояніи противорѣчить ему.

177) Но, какъ видно, Мстиславъ, будучи переведенъ отцемъ изъ Новгорода въ Бѣлгородъ, считался Княземъ Переяславскимъ по старшинству стола, а сидѣлъ въ Бѣлгородѣ для того только, чтобъ быть поближе къ отцу. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 122: Въ тоже лѣто Ярополкъ приведе Всеволода Мстиславича изъ Новгорода, и да ему Переяславль по хрестьному цѣлованью, яко же ся бяше урядилъ съ братомъ своимъ Мстиславомъ, по отню повелѣнью, яко же бяше има далъ Переяславль съ Мстиславомъ.

178) Мономахъ въ письмѣ къ Олегу говоритъ: «Да то ти сѣдитъ сынъ твой хрестьный (Мьстиславъ) съ малымъ братомъ своимъ (Юріемъ).

179) Рѣка въ Харьковской губерніи, впадающая въ Сеймъ.

180) Впадающей въ Вырь.

181) Татищ. II, 235.

182) По Татищеву (II, 265) это былъ сынъ Давыда Игоревича. Городно считаютъ мѣстечкомъ Минской губерніи Пинскаго уѣзда.

183) Неизвѣстно сынъ какого Ярослава — Святополковича или Ярополковича; Карамзинъ думаетъ, что перваго. Этотъ женился въ 1112 году (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 3); положимъ, что Вячеславъ былъ

первенецъ и родился черезъ годъ — и тогда въ 1127 году было ему только 14 лѣтъ.

184) Въ Борисовскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Гойнѣ, впад. въ Березину.— Друцкъ мѣстечко Могилевскаго уѣзда на рѣкѣ Другѣ.

185) Потомъ же и Новгородци придоша съ Мстиславичемъ со Всеволодомъ къ Неколочю.— Селеніе Неклочь Витенской губерніи, Лепельскаго уѣзда, въ 19 верстахъ отъ Лепеля.

186) Конечно Рогволода Всеславича, а не Борисовича, потому что нельзя было взять сына мимо отца, а Борисъ умеръ послѣ.

187) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 15: Зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли ѣ зовяшеть въ Русскую землю на помощь, но паче молвяху Бонякови шелудивому во здоровье,» объясняется такъ у Татищева (II, 240): Полоцкіе съ ругательствомъ отказали, глаголя: «Ты съ Бонякомъ шолудякомъ здравствуйте оба, и управляйтесь сами, а мы имѣемъ дома что дѣлать.»

188) Татищ. II, 241: Императоръ же, принявъ ихъ, опредѣлилъ имъ довольное на содержаніе, и послалъ въ войско, бывшее противъ Сарацынъ, гдѣ они съ похвалою служили, въ Полоцкъ же Мстиславъ опредѣлилъ сына своего Изяслава.

189) Полтавской губерніи, Пирятинскаго уѣзда, мѣстечко Полстинъ.

190) Siögren—Ueber die älteren Wohnsitze der Iemen, p. 312.

191) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 132: И сѣдѣ по немъ братъ его Ярополкъ, княжа Кыевѣ: людье бо Кыяне послаша понь.

192) Тамъ же: Ярополкъ приведе Всеволода Мстиславича изъ Новагорода, и да ему Переяславль по хрестьному цѣлованью, яко же ся бяше урядилъ съ братомъ своимъ Мстиславомъ, по отню повелѣнью, ако же бяше има далъ Переяславль съ Мстиславомъ. —

193) Тамъ-же. И посла по другаго Мстиславича въ Полтескъ, и приведе й съ клятвою.

194) Никон. II, 67.

195) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 132: И дошедъ Городца воротися опять.

196) Никон. II, 67.

197) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 13: То же все ся створи, оже выгна Гюрги Всеволода изъ Переяславля, а потомъ Изяслава выгна Вячьславъ, а потомъ Изяслава же выгна тотъ же Вячеславъ изъ Турова, а они приступиша къ Ольговичемъ.

198) Татищ. II, 249: Юрій Владиміровичь, Князь Ростовскій выпросилъ у брата Ярополка Переяславль, и вмѣсто того Ярополку далъ Ростовъ и Суздаль, но не со всею областію, которымъ Мстиславичи племянники ихъ оскорбились, представляя, что Переяславль имъ по клятвенному обѣщанію Ярополкову надлежитъ, и они ища покоя Вечеславу за прозьбу ихъ уступили и просили, чтобъ имъ Переяславль возвратить, или Ростовъ и Суздаль, яко прежній отца ихъ удѣлъ, имъ

отдать совсѣмъ; но видя, что дядья ихъ не слушаютъ, просили о помощи зятя своего, Всеволода Ольговича Черниговскаго.

199) Такъ въ Ипатьев. (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 13); въ Лавр. (тамъ-же, I, 132): Тое же зимы придоша Ольговичи съ Половци, и взяша Городокъ и Нѣжатинъ, и села пожгоша, и Баручь пожгоша. — Подъ Нѣжатинымъ указываютъ здѣсь нынѣшней Нѣжинъ; но на это справедливо возражаютъ, что по лѣтописи мѣсто дѣйствія должно находиться подлѣ Кіева, и Городецъ тотъ самый, который находился противъ этого города. Не знаемъ, почему думаютъ, что этого Нѣжатина не должно смѣшивать съ Нѣжатиной Нивой: изъ разсказа подъ 1078 годомъ вовсе не слѣдуетъ, чтобъ Нѣжатина Нива непремѣнно должна быть подлѣ Чернигова: Ярославичи пошли противъ племянниковъ отъ Чернигова, могли встрѣтиться съ ними въ Переяславской волости; что же касается до названія, то Нѣжатинъ очень могъ называться Нѣжатина Нива, какъ Углечь назывался Углече Поле.

200) Татищ. II, 248.

201) И тако възъимаша ѣ, держаще стягъ Ярополчь. Слѣд. Ярополкъ въ бѣгствѣ своемъ оставилъ даже стягъ свой въ рукахъ враговъ, а между тѣмъ Кіевской лѣтописецъ очень искусно ослабилъ пораженіе своего Князя: «Видѣвше же братья вся, Ярополкъ, Вячеславъ, Гюрди и Андрей, полкы своя възметены, отъѣхаша въ свояси.»

202) Этимъ опредѣляется спорное положеніе Вышегорода относительно Кіева; чтобъ стать противъ Вышгорода, Всеволоду, идущему на сѣверъ отъ Супоя, нужно было перейти Десну.

203) По Ипатьев. «Почаша воевати отъ Трьполя около Красна и Васильева и до Васильева и до Бѣлогорода, или же до Кіева и по Желанѣ и до Вышьгорода и до Деревъ, и чрезъ Лыбедь стрѣляхуся. Красное на рѣкѣ Краснѣ, впад. въ Днѣпръ у Триполя, Василевъ, мѣстечко къ югозападу отъ Краснаго и Триполя. – По Лавр. «Взяша Триполь и Халепъ пуста.» Халепъ — нынѣ Халепье и Холопье въ 53 верстахъ отъ Кіева между Трипольемъ и Стайками.

204) Ходячю межи ими честьному Михаилу Митрополиту съ крестомъ. — У Татищева Митрополитъ выставленъ главнымъ виновникомъ мира.

205) И тако утѣши благоумный Князь Ярополкъ брань ту лютую.

206) Теперь мѣстечко Моровскъ Остерскаго уѣзда Черниговской губ.

207) Пол. Соб. Рус. Л. I, 133: И по семъ пакы створиста миръ Ярополкъ со Всеволодомъ Ольговичемъ, и дары многы межю собою даяше.

208) Тамъ же III, 4: Въ се же лѣто (1117) преставися Добрына, посадникъ Новгородьскый.—Въ лѣто 6626 (1118). Преставися Дъмитръ Завидинь Посадникъ Новгородьскыи, посадницявъ 7 мѣсяць одину.

209) Тамъ же, IV, 2.

210) Тамъ же, III, 5: Оженися Мстиславъ Кыевѣ, поя Дмитровну Новѣгородѣ Завидиця.

211) Тамъ же, стр. 6: И придоша Пльсковици и Ладожане Новугороду, и выгониша Князя Всеволода изъ города. — Здѣсь собственно должно понимать, что Псковичи и Ладожане были преимущественно виновниками изгнанія Всеволодова; но отъ лѣтописца не льзя требовать такихъ точностей при необыкновенно свободной конструкціи, какую онъ обыкновенно употребляетъ.

212) Татищ. II, 241.

213) Рѣка Дубна, впадающая въ Волгу ниже города Корчевы, въ Тверской губерніи.

214) Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 4.

215) Тамъ-же, III, 8: И сдумавше Князь и людье на пути, въспятишася на Дубровьнѣ. — Въ Порховскомъ уѣздѣ на большой дорогѣ изъ Новгорода есть погостъ Дубровно или Дубровка, на рѣкѣ Удохѣ, впад. въ Шелонь.

216) Тамъ-же, стр. 6; Татищ. II, 246.

217) Воскрес. I, 276. Нѣкоторые изслѣдователи, изъ словъ: «по отець нашихъ завѣщанію» выводятъ, что былъ договоръ между Мономахомъ и Олегомъ, по которому послѣдній отрекся отъ Кіева за себя и потомство. Правда, что завѣщаніе въ древнемъ нашемъ языкѣ употребляется въ смыслѣ договора, однако скорѣе можно здѣсь разумѣть обычай предковъ, по которому сынъ не могъ наслѣдовать старшинства, если отецъ его не былъ старшимъ, тѣмъ болѣе, что Изяславъ прямо указываетъ на Черниговъ, отчину Всеволода: послѣдній, по означенному обычаю, могъ быть старшимъ только въ племени Святославовомъ, владѣть Черниговомъ какъ отчиною, а никакъ не Кіевомъ.

218) Татищ. II, 259.

219) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 15.

220) Татищ. II, 259.

221) Тамъ же, стр 261. У Татищева сказано, будто Изяслава увѣдомили, что зять хочетъ схватить его, и потому онъ не поѣхалъ къ нему въ Кіевъ.

222) Деревня Карань, въ 5 верстахъ отъ Переяславля, на Трубежѣ.

223) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 17: Въ то же время Всеволодъ, разлучивая съ братомъ своимъ, и да ему Бѣлъгородъ.—Это мѣсто подозрительно: разлучивать съ братомъ своимъ не имѣетъ смысла, необходимо предположить здѣсь еще третье лице, кромѣ Всеволода и Святослава; это предположеніе необходимо и въ слѣдствіи союза и, поставленнаго послѣ дѣепричастія; это третье лице очень можетъ быть Игорь.

224) Мѣстечко Гродненской губерніи, Кобринскаго уѣзда.

225) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 18: И взя около Гомія волость ихъ всю. — Гомій (Гомель), мѣстечко Могилевской губерніи, Бѣлицкаго уѣзда.

226) Городецъ - Остерскій или Юрьевъ, принадлежавшій Юрію Дол-

горукому Ростовскому, и отнятый у него недавно Всеволодомъ; Рогачевъ, уѣздный городъ Могилевской губерніи, о Рогачевѣ Волынскомъ нельзя думать, потому что между Святославичами дѣло шло о дѣлежѣ Турово-Пинского княжества, пріобрѣтеннаго теперь этою линіею въ слѣдствіе переселенія Вячеслава въ Переяславль; Всеволодъ и даетъ Туровскіе города или Черниговскіе, за нимъ остававшіеся, а Волынскихъ онъ не могъ отдавать: они принадлежали Изяславу Мстиславичу; Чарторыйскъ могъ находиться на границахъ Владимирскаго княжества съ Туровскимъ и принадлежать къ послѣднему.

227) Вщижь, село Орловской губерніи, въ 40 верстахъ отъ Брянска; есть два села Воршиныхъ въ Могилевскомъ уѣздѣ.

228) Я ставлю Ростислава старшимъ, потому что ему достался старшій столъ—Перемышль; тогда какъ Владиміру достался Звенигородъ, по извѣстію Стрыйковскаго.

229) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 17, подъ годомъ 1141: Преставися у Галичи Васильковичъ Иванъ, и прія волость его Володимерко Володаревичь, сѣде въ обною волостью княжа въ Галичи.

230) Изъ многихъ Звенигородовъ вѣроятно здѣсь и въ другихъ мѣстахъ разумѣется тотъ, который находится подъ Львовымъ въ Бережанскомъ округѣ. Вотъ опущенныя въ текстѣ подробности лѣтописныя по Лавр. списку, который здѣсь исправнѣе Ипатьевскаго: И не могоша битися, зане бяшеть межи има рѣка Серетъ, идоша обои подлѣ рѣку, за недѣлю, къ Звенигороду; и на Рожнѣ полѣ не могоша ся бити, зане Володимеръ стоя на Голыхъ горахъ. Приде же къ нему (т. е. Всеволоду) Изяславъ Давыдовичь съ Половци, переемъ два города, Ушицю и Микулинъ. И иде Всеволодъ къ Звенигороду, и ста по сей сторонѣ города, а Владимеръ объ ону страну, сшедъ съ горы, а межи ими рѣка мелка, и повелѣ Всеволодъ чинити гати, комуждо своему полку; и заутра переидоша рѣку, и взяша горы за Володимеромъ. Володимеръ же мня, ако къ нему идуть, ста исполчивъся передъ городомъ на болоньи. Симъ же полкомъ не лзѣ бяше биться съ ними, тѣсноты ради, зане болота пришла поли подъ горы; тѣмже взидоша Русскыи полци на горы, и заидоша й отъ Перемышля и отъ Галича.—Касательно мѣстностей — Микулинъ теперь находится въ Галиціи, въ Тарнопольскомъ округѣ, на рѣкѣ Середѣ, слѣд. и Ушица должно быть нынѣшнее селеніе Ушня, въ Золочовскомъ округѣ Галиціи, близь городка Бѣлый-Камень, въ верховьи западнаго Буга, не вдалекѣ отъ верховья Середа. — Г. Погодинъ возражаетъ противъ этого (Изслѣдов. Т. IV, стр. 168): «Какимъ образомъ Изяславъ Давыдовичь могъ зайти съ этой стороны?» Но если Г. Погодинъ затрудняется тѣмъ, что Изяславъ, для взятія города на верховьи Середа, зашелъ слишкомъ далеко съ сѣвера, то почему же не затрудняется предположеніемъ, что Черниговскій Князь зашелъ слишкомъ далеко съ юга, если двигался, какъ онъ думаетъ, отъ Ушицы Подольской къ Теребовлю? Гораздо легче, по нашему мнѣнію, предполо-

жить, что онъ шелъ съ Половцами по степной Украйнѣ Кіевскаго Княжества, и прямо вошелъ въ Галицкія владѣнія при верховьи Серета, а не дѣлалъ крюка отъ Винницы къ Ушицѣ и отъ Ушицы къ Теребовлю.— Между верховьями западнаго Буга, Середа и Стыря есть и теперь селеніе **Рожня**, близко отсюда находится и мѣстечко **Гологоры**.

231) Вышедшю Володимеру въ Тисманичю, на ловы. — Городъ Тисманица, на правомъ берегу рѣки Вороны, недалеко отъ Станиславова.

232) Слѣд. Иванъ Ростиславичь княжилъ въ Звѣнигородѣ, а не былъ изгнанъ, или лишенъ законнаго наслѣдства, какъ говоритъ Карамзинъ; изъ лѣтописи видно только, что Владимірко не подѣлился съ племянникомъ Теребовльскою волостію; см. выше примѣч. 229.

233) Теперь Прилуки, большое мѣстечко въ Бердичевскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи.

234) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 8: И послашася Новгородци Кыеву по Святослава по Олговиця, заходивъше ротѣ.

235) Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 19. Того же лѣта (1142) отда Всеволодъ дчерь свою Звениславу въ Ляхы за Болеслава.—Наши историки сочли этого Болеслава за Кудряваго, брата Владиславова; но у Татищева (II, 264) сказано, что за сына, чѣмъ и объясняется постоянный союзъ Всеволода съ Владиславомъ противъ младшихъ братьевъ послѣдняго. Владиславъ называется въ лѣтописи **зятемъ** Всеволодовымъ: это заставило историковъ предположить, что и за Владиславомъ была также дочь Всеволодова: но кромѣ того, что они заставили двухъ родныхъ братьевъ жениться на двухъ родныхъ сестрахъ; они заставили Владислава имѣть двухъ женъ въ одно время. Дѣло въ томъ, что или лѣтописецъ смѣшалъ отца съ сыномъ, что очень легко предположить, или слово **зять** употреблялось въ сторону въ значеніи также **свата**, какъ употреблялось въ значеніи **жениха**.

236) Теперь есть мѣстечко Визна въ Августовской губерніи царства Польскаго, при сліяніи Бобра съ Наревомъ.

237) Селеніе Малютенцы въ 20 верстахъ отъ Пирятина.

238) У Татищева читаемъ о Всеволодѣ: (II, 281): «Сей великій Князь ростомъ былъ мужъ великъ и вельми толстъ, власовъ мало на главѣ имѣлъ, брада широкая, очи не малые, носъ долгій, мудръ былъ въ совѣтахъ и судѣхъ, для того кого хотѣлъ, того могъ оправдать или обвинить. Много наложницъ имѣлъ, и болѣе въ веселіяхъ, нежели расправахъ, упражнялся. Чрезъ сіе Кіевляномъ отъ него тягость была великая, и какъ умеръ, то едва кто по немъ кромѣ бабъ любимыхъ заплакалъ, и болѣе были ради, но притомъ болѣе еще тягости отъ Игоря, вѣдая его правъ свирѣпый и гордый, опасалися.»—Въ самомъ дѣлѣ въ дошедшихъ до насъ спискахъ лѣтописей нѣтъ похвалы Всеволоду, и нѣтъ упоминовенія, чтобъ объ немъ плакали.

239) Воскрес. I, 283.

240) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 23: «Ты нашъ Князь, поѣди, Ол-

говичь не хочемъ быти акы въ задничи.» — Задница — наслѣдство; см. статью Проф. Неволина, въ Ж. М. Н. Пр. 1851, № 2.

241) Должно быть тѣ, которые Всеволодъ отдалъ братьямъ.

242) Бужскъ, Межибожье, Котельницу и еще два неизвѣстныхъ. Котельница на рѣкѣ Гуивѣ въ Житомирскомъ уѣздѣ; не далеко отъ нея находится Межибожъ; Бужска должно искать на берегахъ рѣки Божекъ или Бужекъ, соединяющихся съ восточнымъ Бугомъ у Межибожа.

243) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 120: Иде Володимеръ (Мономахъ), и Давыдъ, и Олегъ къ Аепѣ и другому Аепѣ, и створиша миръ; и поя Володимеръ за Юрья Аепину дщерь, Осеневу внуку, а Олегъ поя за сына Аепину дчерь, Гиргеневу внуку. (1107 г.)

244) Полн. Соб. Русск. Лѣт. II, 25. И тогда съ полку прибѣже къ нему Иванъ Берладникъ. — Мы думаемъ, что должно читать: съ полкомъ или у полку.

245) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 28. Давыдовича идоста къ Дьбрянску (Брянску), а Всеволодичь Святославъ въ Корачевъ, и посла Козельску ко Святославу стрьеви своему, рекъ ему: «Изяславъ ти Мстиславичь пошелъ Кыеву, а Давыдовичи съ Смоленьскимъ Ростиславомъ хочета ити по тобѣ.»

246) Кіевляне называютъ Ольговичами вообще всѣхъ Святославичей, потому что фигура знаменитаго Гориславича выдавалась въ ихъ воображеніи на первый планъ; Давыдъ вовсе не былъ столь извѣстенъ.

247) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 33. Кіяне же рекоша: «ради, оже ны Богъ тебе избавилъ отъ великія льсти братью нашю.» Любопытныя подробности объ Игорѣ Ольговичѣ см. у Татищева, II, 312: здѣсь обнаружены причины вражды къ Ольговичамъ.—О характерѣ и наружности Игоря тамъ же, стр. 313: «Сей Игорь Ольговичь былъ мужъ храбрый, и великій охотникъ къ ловлѣ звѣрей и птицъ, читатель книгъ, и и въ пѣніи церковномъ ученъ. Чинъ священническій мало почиталъ, и постовъ не хранилъ; того ради у народа мало любимъ былъ, ростомъ былъ средней и сухъ, смуглъ лицомъ, власы подъ обычай, какъ попъ, носилъ долги, брада же узка и мала. Егда же въ монастырѣ былъ подъ стражею, тогда прилѣжно уставы иноческіе хранилъ.

248) Теперь село Сиволожь, Черниговской губерніи, въ Борзнинскомъ уѣздѣ.

249) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 36. Слышавше ины гради, Уненѣжь, Бѣловежа, Бохмачь, оже Всеволожь взятъ, и побѣгоша Чернигову, и иніи гради мнози бѣжаша. Бѣлая Вѣжа — въ Черниговской губерніи, въ Борзнинскомъ уѣздѣ, при верховьяхъ Остра; Бохмачь, въ Конотопскомъ уѣздѣ, у верховьевъ рѣчки Борзны. Положеніе Унѣнежа необъяснено удовлетворительно.

250) Воеваша Брягинь. — Мѣстечко Брагинъ, Минской губерніи Рѣчицкаго уѣзда.

251) Зая городокъ Отень у Изяслава. — Здѣсь Отень есть прила-

гательное — отцовскій. Мы видѣли, что Всеволодъ Ольговичь отнялъ этотъ Городецъ у Юрія; къ Изяславу онъ перешелъ вѣроятно въ то время, когда этотъ Князь находился въ союзѣ съ Давыдовичами противъ Ольговича, или, быть можетъ, былъ взятъ имъ у Давыдовичей уже при разрывѣ, когда были взяты Курскъ съ Посемьемъ.

252) Въ Лавр. спискѣ упоминается разъ о покушеніи Глѣба на Переяславль: «послушавъ Жирослава, рекуща ему: поидѣ Переяславлю, хотять тебе людье; онъ же послушавъ его, приде къ Переяславлю вборзѣ.» — Это извѣстіе помѣщено въ началѣ 1148 года; въ Ипатьев. сп. почти въ тѣхъ же словахъ помѣщено оно въ концѣ 1147 года; но потомъ подъ 1148 годомъ, послѣ извѣстія о походѣ Изяслава Мстиславича на Черниговъ, помѣщено опять извѣстіе о покушеніи Глѣба на Переяславль, въ существенныхъ чертахъ сходное съ первымъ: «Въ то же время свѣщався Гюргевичь Глѣбъ съ Переяславци, и ѣха къ нимъ изъ Городца; увѣдавъ же Мьстиславъ Изяславичь, оже идеть нань, изъиде противу полкомъ своимъ съ Переяславци , Глѣбъ же узрѣ , оже идеть нань Мьстиславъ, Глѣбъ же бяше вмалѣ, и рече: прельстили мя Переяславци, не терпя противу стати, поскачи; они же постигаше дружину его изоимаша, а другыя избиша, и Станиславича ту яша и казниша казнью злою, и ины многы изоимаша, а самъ Глѣбъ убѣжа у Городокъ, и не стерпя въ немъ быти, бѣжа къ Чернигову.» —Мы думаемъ, что это два извѣстія объ одномъ и томъ же событіи.

253) И пришедъ ста на Олговѣ поли. — Теперь въ 8 верстахъ отъ Чернигова находятся два хутора: Льговъ и Льговскій.

254) Оли и до Боловоса. — Теперь село Старый Бѣлоусъ въ 6 верстахъ отъ Чернигова.

255) Любопытно, что о Вячеславѣ даже не упоминаетъ: такъ ничтоженъ былъ этотъ князь въ глазахъ родичей.

256) Приходъ Ростислава Юрьича въ разныхъ спискахъ лѣтописи описанъ различно. Ипатьевскій списокъ говоритъ, что Ростиславъ пришелъ, роскоторався съ отцемъ своімъ, который недалъ ему волости. Но иначе разсказываетъ Лаврентьевскій списокъ: «Поиде Ростиславъ Гюргевичь изъ Суждаля съ дружиною своею, въ помочь Олговичемъ , на Изяслава Мстиславича, посланъ отъ отца своего. И сдумавъ Ростиславъ съ дружиной своею река: любо си ся на мя отцю гнѣвати, не иду къ ворогомъ своимъ, то суть были ворози и дѣду моему и строемъ моимъ, но поидемъ, дружино моя, къ Изяславу, то ми есть сердце свое, ту ти дасть ны волость; и послася къ Изяславу.» Вѣроятно Юрій послалъ Ростислава на югъ съ тѣмъ , чтобъ тотъ добылъ себѣ тамъ волость , подобно тому , какъ добыли волость прежде сынъ его Иванъ, потомъ Глѣбъ; но, пришедши на югъ, и увидавши, что дѣла Черниговскихъ идутъ плохо, и что они хотятъ заключить миръ съ Изяславомъ, Ростиславъ заблагоразсудилъ обратиться также къ послѣднему, тѣмъ

болѣе, что прежде Изяславъ звалъ къ себѣ брата его Глѣба. Такъ могутъ быть соглашены извѣстія обоихъ списковъ.

257) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 39: »Аже братъ Святославъ не пріѣхалъ, ни сестричичь твой, явѣ есвѣ,« — здѣсь ошибка въ текстѣ: явѣ есвѣ, должно поправить изъ сноски: »а вѣ есвѣ«—а мы есьмы, т. е. а мы тутъ.

258) Въ Лавр. спискѣ этотъ походъ разсказанъ съ оттѣнкомъ обличающимъ сѣвернаго лѣтописца: »Иде Изяславъ Новгороду, въ помочь Новгородцемъ на Гюргя, а воемъ повелѣ по себѣ ити; и поидоша по немъ, и похромаша кони у нихъ, и самъ съ Новгородци дошедъ Волгы и повоевавъ ю, и не успѣ ничтоже Гюргеви, и дошедъ Углеча поля поворотися Новгороду.«

259) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 43: Пойдите со мною; ать ми ся добро съ ними отъ силы мирити.«

260) Читатели припомнятъ сказанное въ первой главѣ о томъ, почему племянники отъ старшаго брата считались братьями дядьямъ своимъ.

261) Полн. Собр. Руск. Лѣт. II, 41: И бысть лесть въ Переяславчехъ, рекуче: »Гюрги намъ Князь свой, того было намъ искати и далече,« то рекуче и поскачиша. — Тамъ же III, II: И Переяславьци сѣдоша на щитѣ, науценіемъ Гюргя.

262) Полн. Соб. Русск. Лѣт. II, 45: Поча ся слати въ Угры къ зятю своему Королеви, и въ Ляхы къ свату своему Болеславу и Межку и Индрихови, и къ Ческому Князю къ свату своему Володиславу. — За королемъ Венгерскимъ была меньшая сестра его Евфросинія; Польскіе Князья были ему сваты по супружеству племянницы его, дочери Всеволода Ольговича съ Болеславомъ Владиславичемъ, Ческій Князь былъ сватомъ по супружеству брата ея Святополка на одной изъ Чешскихъ Княженъ, см. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 9.

263) Мѣстечко Ровенскаго уѣзда Волынской губерніи.

264) Мѣстечко Волынской губерніи, Дубенскаго повѣта.

265) Корецъ, мѣстечко Волынской губерніи, Новогородскаго уѣзда.

266) За сыномъ Владиміровымъ Ярославомъ была дочь Юрія.

267) Полн. Собр. Русс. Лѣт. II, 52: Володимеръ же отъя городы всѣ, идя, и приде къ Лючьску. — Здѣсь идя не имѣетъ смысла; въ Ипатьев. древнѣйшемъ спискѣ стоитъ и да съ пропускомъ кому далъ; мы возстанавливаемъ текстъ такъ, что Владиміръ отдалъ Погоринскіе города Мстиславу Юрьичу.

268) Татищ. III, 13; годъ 1149: Половцы, увѣдавъ о войнѣ Русскихъ Князей, пришедшихъ во множествѣ чрезъ Днѣпръ, градъ Торческъ взяли, и много селеній пожгли и поплѣнили; но Юрій по нѣкоей клеветѣ гнѣваясь на Черныхъ Клобуковъ, якобы они Изяславу доброхотствуютъ, въ помощь имъ войскъ не послалъ, за что они весьма оскорбясь, послали тайно ко Изяславу говорить, чтобъ собравъ войско, шелъ къ Кіеву.—Тамъ же стр. 23, годъ 1150: Изяславъ Мстиславичь

послалъ къ Андрею въ Пересопницу просить, чтобъ его съ отцемъ примирили.... Юрій же не токмо волость по Горыню отдать Изяславу не хотѣлъ, но возгордясь, сказалъ присланному: »Когда Изяславъ не уляжется во Владимирѣ, то я ему дамъ такую же область, какову онъ далъ Игорю.« Сіе слышавъ Кіявляне, что Юрій намѣренъ Изяслава погубить, многіе о томъ плакали, и всѣ какіе знатные, такъ подлые Юрія наипаче не взлюбили, и тайно стали старатися, чтобъ Изяслава паки на Кіевѣ имѣтъ, но явно учинить не могли, токмо тайно нѣкоторые устроили для Юрія различныя увеселенія и пиры со многимъ питіемъ, чтобъ его отъ намѣренія къ войнѣ тѣмъ отвратить, а его войска праздностію въ слабость привести. Другіе тайно Черниговскимъ опасность отъ Юріева властолюбія и ненависть его вкореняли, по всѣмъ городамъ Юріеву злость и свирѣпость разсѣвали, понося его безпорядочное житіе и правленіе, и со Изяславомъ имѣли пересылку; но все такъ тайно происходило, что Юрій въ своихъ веселіяхъ ничего увѣдать не могъ.

269) Годъ рожденія ни Вячеслава, ни Юрія изъ дошедшихъ до насъ списковъ лѣтописи не можетъ быть съ точностію опредѣленъ; но извѣстенъ годъ рожденія старшаго Мономаховича Мстислава (1076) и самого младшаго Андрея (1102); если даже предположимъ, что слѣдующіе за Мстиславомъ сыновья Мономаха были погодки: Изяславъ род. въ 1077, Ярополкъ въ 1078, Святославъ въ 1079, Вячеславъ въ 1080, Романъ въ 1081, то Юрій долженъ былъ родиться между 1081 и 1102 годомъ; чтобъ Вячеславу быть бородатымъ прежде рожденія Юрія, принимая даже за бородатость время, когда только начинаетъ пробиваться борода (лѣтъ 15), Юрій долженъ былъ родиться въ 1096 году; но въ 1107 году онъ женился, стало быть онъ женился 10 лѣтъ? Братъ ея Андрей женился 15 лѣтъ (1117 г.); это нисколько не можетъ затруднять насъ, потому что Константинъ Всеволодовичь женился 11 лѣтъ; Всеволодъ III отдалъ осьмилѣтнюю дочь свою Верхуславу за Ростислава Рюриковича. Но у Татищева сказано, что Юрій умеръ (1157 г.) 66 лѣтъ отъ роду, значитъ родился въ 1091 году; странно, что у Вячеслава пробивалась борода 10 лѣтъ, или даже 11-ти, если предположимъ что онъ былъ старше Святослава; скорѣе предположить ошибку у Татищева.

270) Владиміръ Андреевичь вмѣстѣ съ Андреемъ Юрьичемъ, отправился за Днѣпръ къ Юрію, и вмѣстѣ съ послѣднимъ явился опять на западной сторонѣ Днѣпра. Послѣ неудачнаго сраженія подъ Кіевомъ, на дорогѣ отъ Бѣлгорода къ Руту, Юрій отправилъ Владиміра Андреевича къ Владиміру Галицкому звать его скорѣе на помощь: это послѣднее извѣстіе о Владимірѣ Андреевичѣ. Посаженный Владиміромъ въ Дорогобужѣ, онъ вѣроятно хотѣлъ снискать расположеніе побѣдителей и вошелъ въ сношеніе съ Мстиславомъ; впрочемъ, быть можетъ, онъ послалъ ему много вина въ угоду Галицкому Князю.

271) См. у Татищ. III, 58.

272) У Татищева (III, 72) условіе міра: Чтобъ Святославъ учиненные убытки Черниговской волости заплатилъ, или два города Изяславу Давыдовичу далъ, въ чемъ имъ между собою договориться, отъ Юрія отстать и никакими мѣры съ нимъ не сообщаться.

273) Татищ. III, 81.

274) Выходитъ, что теперь въ Дорогобужѣ княжилъ уже Владиміръ Мстиславичь, а Владиміръ Андреевичь въ Пересопницѣ. Татищевъ говоритъ, что Владиміръ Андреевичь пріѣхалъ изъ Луцка.

275) Города эти были: Бужскъ, Шумскъ, Тихомль, Выгошевъ, Гнойница. О положеніи трехъ первыхъ изъ нихъ было упомянуто; есть теперь селеніе Тихомель въ Острожскомъ уѣздѣ Волынской губерніи, въ 60 верстахъ отъ Острога; въ томъ же уѣздѣ, на рѣкѣ Горыни есть мѣста — большая и малая Гнойница.

276) Село Гольшевъ въ Святославовскомъ округѣ.

277) Татищ. III, 77.

278) Такимъ образомъ Владиміръ Андреевичь еще разъ перемѣнилъ волость: вмѣсто Пересопницы видимъ его въ Брестѣ.

279) Объ этомъ Вячеславѣ см. Полн. Собр. Русс. Лѣт. II, 11.

280) Владиміръ родился въ 1132 году, слѣд. въ описываемое время, въ 1152 году ему было только 24 года; въ 1146 году, когда Изяславъ впервые овладѣлъ Кіевомъ, ему было только 14 лѣтъ; но въ этотъ самый годъ мы уже видимъ Мстислава Изяславича начальникомъ вспомогательнаго отряда, который отецъ его послалъ къ Черниговскимъ, младшій братъ его Ярославъ сидитъ на столѣ въ Туровѣ — неужели имъ было тогда меньше 14 лѣтъ? Въ 1144 году сестра ихъ уже вышла замужъ за Полоцкаго Князя.

281) Татищ. III, 100.

282) Полн. Собр. Русс. Лѣт. II, 81. Пивъ бо Гюрги въ осменика у Петрила, въ тъ день на ночь разболѣся.

283) У Татищева (III, 103) прибавлено, будто Кіявляне приговаривали, побивая Суздальцевъ: »Вы насъ грабили, раззоряли, женъ и дочерей нашихъ насильствовали; нѣсть намъ братія, но непріятели.« — Тамъ же о наружности и характерѣ Юрія: »Былъ роста немалаго, толстый, лицемъ бѣлый, глаза не велики, великій носъ долгій и накривленный, брада малая, великій любитель женъ, сладкихъ пищъ и питія, болѣе о веселіяхъ, нежели о расправѣ и воинствѣ прилежалъ; но все оное стояло вовласти и смотрѣніи вельможъ его и любимцевъ.

284) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 32: Изяславъ говоритъ брату Ростиславу: »И къ ротникомъ ся сли, и въ Рязань, и всямо.

285) Татищ. II, 322.

286) Что касается до Васиря Половчина, Судимира Кучебича и Горѣна, упоминаемыхъ подъ 1147 годомъ, то мы не рѣшимся включить ихъ въ дружину Святослава Ольговича; очень вѣроятно, что это были чистые Половцы, изъ которыхъ Василь былъ крещенъ, Судиміръ могъ

носить Славянское имя точно такъ какъ русскіе люди иногда носили Половецкія, послѣ Татарскія имена. Вообще должно замѣтить, что если принятіе въ дружину княжескую людей изъ разныхъ народовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ всѣ мужи, носившіе нерускія имена были именно иностранцами; въ противномъ случаѣ мы должны будемъ отца Галицкаго боярина Ивана Халдѣевича произвести прямо изъ древній Вавилоніи.

287) Борисъ умеръ на сѣверѣ въ 1159 году. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149.

288) А по Никон. II, 163: воста на него крамола отъ домашнихъ его, и мнози отбѣжаша отъ него въ градъ; а иніи явѣ идоша ко Князю Мстиславу Изяславичу.

289) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 86: Ростиславъ бяше поялъ у Святослава Всеволода, сына его, увѣряя Кіяны и Берендѣѣ, бяху бо не вѣрующе за свое съгрѣшеніе.

290) Татищ. III, 129.

291) Полн. Собр. Руск. Лѣт. II, 89: ѣдущю Олгови изъ товаръ на поѣздьство.

292) У Татищева прибавлено: »Ростиславъ для пользы Ольговой говорилъ, чтобъ онъ съѣздилъ къ Берендичамъ, и не худо, еслибъ съ ними на Половцевъ сходилъ, дабы тѣмъ оныхъ поприласкать; а клеветникъ Олгу толковалъ, что тамъ его Ростиславъ хочетъ поимать.... Ростиславъ не имѣлъ никакого злаго намѣренія, но отъ любви къ Олгу не хотѣлъ его отпустить (въ Черниговъ), а клеветники злые тѣмъ наиболѣе Олга возмущали.« — Извѣстія очень вѣроятныя, тѣмъ болѣе, что Ростиславъ и призывалъ Олега съ тѣмъ, чтобъ познакомить его съ Торками и Берендѣями.

293) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 90: И сняшася у Котелничи со Мьстиславомъ; и оттуда пойдоша къ Бѣлгороду на Мутижиръ, и быша на Кучари. — Гг. Надеждинъ и Неволинъ справедливо полагаютъ, что здѣсь и подъ 1693 годомъ разумѣется одинъ Торческъ, близкій къ Половцамъ, за Росью: Отсюда Рюрикъ соединился съ Мстиславомъ въ Котельнѣ на Гунвѣ. Потомъ они пошли къ Бѣлугороду на Мутижиръ, или нынѣшній Житомиръ, не вдалекѣ отъ Котельни вверхъ по Гунвѣ, или село Мотижинъ, близь нынѣшней Бѣлогородки (послѣднее разумѣется вѣроятнѣе). Кучары долженъ быть: или Кошарище, деревня на рѣкѣ Тетеревѣ, или село Кочерево, на дорогѣ изъ Махновки въ Радомыслъ; оба въ Радомысльскомъ уѣздѣ, на пути изъ Котельни къ Бѣлогородкѣ. Между Бѣлгородкой и Кіевомъ, на рѣчкѣ, называемой нынѣ Борщаговкой, есть селенія: Жиляне и Бѣличи, оба въ весьма близкомъ разстояніи другъ отъ друга и отъ Кіева. Всѣ эти мѣста вполнѣ соотвѣтствуютъ приведеннымъ лѣтописнымъ указаніямъ: »Торци же постигоша возы ихъ на Желяни, полкы же ихъ постигоша отъ Буличь.» — Г. Погодинъ (И. З. Л. IV, 190) нехочетъ согласиться, чтобъ Торцькій былъ

Торческъ на рѣкѣ Роси, и, указывая на нынѣшній Торчинъ между Луцкомъ и Владимиромъ, приводитъ слѣдующее доказательство своему мнѣнію: зачѣмъ бы Рюрику отъ Роси отдаляться на Волынь, чтобъ послѣ оттуда придти къ Бѣлугороду, столь близкому отъ Торческа Кіевскаго?— Но въ лѣтописи ясно указана причина такого движенія Рюрика: онъ пошелъ къ Котельнѣ, чтобъ соединиться съ Мстиславомъ, который шелъ изъ Владимира.

294) Что этотъ Воиборъ былъ Торчинъ ясно изъ разсказа лѣтописи: одни Торки были въ дѣлѣ; далѣе подъ тѣмъ же годомъ сказано: «Придоша Половци мнози къ Гюргеву, и взяша вѣжи многи по Роту и Въибора убиша, иже бяше Изяслава убилъ.» Здѣсь опять говорится о вѣжахъ, о Торкахъ, между которыми былъ убитъ Воиборъ. Слѣд. нѣтъ основанія включать этого Воибора въ число дружинниковъ княжескихъ.

295) Въ Никон. (II, 174) читаемъ слѣдующее описаніе кончины Изяславовой: «И еще ему живу сущу лежащу, пріидоша надъ него князь Ростиславъ Мстиславичь и князь Мстиславъ Изяславичь, и нача кричати и плакати, глаголюще: господине великой княже Изяславъ Давыдовичь! не досыти ли тебѣ было великое княженіе Черниговское что ия еси выгналъ изъ Кіева, и уже и Кіевъ еси взялъ, почто же изъ Бѣлгорода гнати умыслилъ еси? Онъ же лежаше и воздыхаше тяжко зѣло, и кровь много течаше отъ него, тоже воспроси воды пити. Князь же Ростиславъ и князь Мстиславъ повелѣша ему дати вина, онъ же рече: хощу воды. Они же даша ему вина, онъ же испивъ вина, усну сномъ вѣчнымъ.

296) Въ Никон. (II, 189) читаемъ, что Владиміръ Андр. послалъ сказать Мстиславу: «Аще хощеши и моея власти, и се азъ исхожу изъ града своего, и отъ всея власти своея, съ женою и дѣтьми своими, имѣніе же и богатство все оставихъ, точію мало на потребу себѣ и дѣтемъ своимъ взяхъ и умыслихъ въ чужой землѣ нищенствовати, неже кровь проліяти бѣдне и грѣшне.... Князь же Мстиславъ Изяславичь удивися разуму его, и посла къ нему дары многи, и моляше его да паки возвратится въ свою волость.

297) Ник. II, 199: Миръ этотъ устроилъ Митрополитъ Θеодоръ.

298) По другимъ лѣтописямъ къ Луцку, что также очень вѣроятно, см. Воскрес. II, 64.

299) Полн. Соб. Русск. Лѣт. II, 93: Олегъ бо просяше въ праву надѣленья.

300) Тамъ же. Ведена бысть Ростиславна Огаѳья за Олга за Святославича.

301) Тамъ же стр. 97: Андрей велѣлъ сказать ему: «Иди въ Рязань къ отчицю своему Глѣбови.» — Здѣсь не можетъ разумѣться никакая степень плотскаго родства, но только родства духовнаго, крестоваго.

302) Несправедливо возражаетъ Арцыбашевъ (1188, примѣч. 1,165), что Кіевъ брали прежде — Изяславъ въ 1146 году, и Юрій въ 1150.

Изяславъ былъ призванъ Кіевлянами, которые и помогли ему побѣдить Игоря; Юрій былъ перевезенъ Кіевлянами чрезъ Днѣпръ, и принятъ остальными съ честію, безъ сопротивленія; слѣд. о взятіи въ обоихъ случаяхъ не можетъ быть рѣчи. Скорѣе можно было сказать, что Кіевъ былъ взятъ Изяславомъ Давыдовичемъ, но и тутъ битва была подлѣ Кіева; сражались противъ Изяслава только нѣкоторые Кіевляне, которые были взяты въ плѣнъ и прощены побѣдителемъ. По Никон. (II, 204) Кіевъ былъ взятъ измѣною бояръ Петра Борисовича, Нестора Жирославича и Якова Дигеневича.

303) См. томъ I-й, примѣч. 312.

304) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 93: Давыдъ Ростиславичь сѣде Витебьски, а Романови, Вячеславлю внуку да Ростиславъ Васильевъ и Краснъ.—Связь этихъ двухъ событій необходимо заставляетъ предполагать, что Романъ былъ прежній Князь Витепскій, съ которымъ Смоленскіе Князья помѣнялись волостями; но теперь вопросъ: кто былъ этотъ Романъ, внукъ Вячеславовъ? У Татищева онъ названъ Романомъ Вячеславичемъ, внукомъ Ростиславовымъ: въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть внукомъ Ростислава Всеславича. Васильевъ и Красный оба находятся въ Смоленской области.

305) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 88: Вѣдомо буди, хочю искати Новагорода и добромъ и лихомъ; а хрестъ есте были цѣловали ко мнѣ на томъ, яко имѣти мене княземъ собѣ, а мнѣ вамъ добра хотѣти.»—Когда былъ такой рядъ у Новгородцевъ съ Андреемъ, неизвѣстно.

306) Любопытно, что въ Новгородской лѣтописи нѣтъ ни слова объ этой клятвѣ.

307) Упомянутое подъ 1142 годомъ нападеніе какогото Шведскаго князька съ 60 шнеками на три купеческія лодки, не можетъ считаться въ числѣ непріязненныхъ покушеній на страну.

308) Томъ I-й, стр. 275.

309) Теперь Вороновка или Воронега, впадающая въ Ладожское озеро между Пашею и Сясью.

310) Татищ. III, 148.

311) Никон. II, 196: Половцы восваша Русь, и убиша дву богатырей, Андрея Жирославича и брата его Шварня за Переславлемъ, сестричича ихъ, такожъ Шварня нарицаемаго плѣниша.

312) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 97: И Гречьскій путь изъотимають, и Соляный, и Залозный. Выраженіе: Греческій путь понятно съ перваго раза; Соляный правдоподобно объясняютъ (Арцыб. I, примѣч. 1196) путемъ, которымъ приходили барки съ солью изъ Крыма, Залозный неудовлетворительно объясняютъ (см. тамже) Заолзнымъ, т. е. Заолешенскимъ. Черезъ Олешье должны были проходить тѣже самыя Греческія суда; мы видѣли прежде, что Давыдъ Игоревичь захватывалъ Гречниковъ въ Олешьѣ, слѣд. Заолешенскій путь былъ бы тоже самое, что Греческій, не говоря уже о трудномъ переходѣ словъ изъ Заолешья

въ Заолзье. Гораздо вѣроятнѣе, что подъ Залозьемъ или Залозами (покрытые тростникомъ, лозами берега Днѣпра) разумѣлось мѣсто, гдѣ Русскіе ловили рыбу и потомъ въ извѣстное время поднимались съ нею вверхъ по Днѣпру; иначе трудно будетъ отыскать еще какой нибудь третій путь по Днѣпру, кромѣ торговаго Греческаго и потомъ солянаго изъ Крыму.

313) Никон. II, 172.

314) Пол. Соб. Рус. Л. II, 94: И затѣмъ срѣте й (Ростислава) сынъ Романъ и епископъ Мануилъ и Внѣздъ.

315) Полн. Собр. Руск. Лѣт. II, 96: И послаша къ Давыдови Вышегороду; и присла Давыдъ Василя на тяжю, и пристави къ нему Родила тысячьскаго и Василья Волковича.—Но прежде при описаніи осады Вышгорода Мстиславомъ Изяславичемъ сказано: И на болоньи отъ Днѣпра зажгоша дворъ тысячкаго Давыда, Радиловъ, а инѣхъ дворовъ 7 сгорѣ. — Соглашая первое извѣстіе со вторымъ, можно исправить первое такъ: «зажгоша дворъ тысячкого Давыдова (т. е. Князя Давыда Ростиславича), Радиловъ.» Если же дѣлать особаго Тысяцкаго Давыда, который былъ смѣненъ въ послѣдствіи Радиломъ, то можно предположить, что этотъ старый Тысяцкій Давыдъ былъ именно тотъ Давыдъ Борыничь, который подтверждалъ послѣ показанія Василя Настасьича.

316) Тамъ же, I, 97: «То есть старѣйшей градъ въ земли во всей Кыевъ.»

317) Никон. II, 146.

318) См. томъ I-й, прим. 1.

319) См. томъ I-й, стр. 24.

320) Полн. Соб. Рус. Лѣт. II, 77: Тогды же, сѣдъ, раздая волости дѣтемъ: Андрея посади Вышегородѣ, а Бориса Туровѣ, Глѣба въ Переяславлѣ, и Васильковн да Поросье. Почему же Юрій посадилъ Андрея не въ Переяславлѣ? По той же причинѣ, по какой Мономахъ посадилъ Мстислава въ Бѣлгородѣ, а не въ Переяславлѣ, хотя онъ и считался княземъ Переяславскимъ (см. выше); Юрію нужно было имѣть подлѣ себя храбраго Андрея, который бы защищалъ его отъ нападеній Мстиславичей. Почему теперь посадилъ онъ въ Переяславлѣ не Бориса, но младшаго Глѣба? потому что Глѣбъ былъ воинственнѣе Бориса, что мы видимъ изъ предыдущаго и послѣдующаго его поведенія, тогда какъ Борисъ вовсе не отличался ратнымъ духомъ, а Переяславль былъ опасный столъ по сосѣдству съ князьями Черниговскими и Половцами.

321) Что Андрей прежде сидѣлъ во Владимирѣ, объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ лѣтопись (Полн. Соб. Рус. Лѣт. 144): Андрей же рече (отцу): «на томъ есмы цѣловали крестъ, ако поити ны Суждалю,» и иде въ свою волость Володимерю. — Есть извѣстіе, что въ удаленіи Андрея на сѣверъ участвовали приближенные къ нему люди, именно родственники по женѣ, Кучковичи: «Приде изъ Кіева въ градъ Володимерь Князь Великый Андрей Юрьевичь безъ отча повелѣнія, его же

лестію подъяша Кучковичи.» (Карамз. II, примѣч. 383).— Что приближеннымъ къ Андрею людямъ, особенно Кучковичамъ, имѣвшимъ, какъ видно, села на сѣверѣ, не нравилось въ Вышегородѣ безъ большой надежды скоро и даже когда либо утвердиться въ Кіевѣ, очень вѣроятно; вѣроятно также, что Кучковичи могли оставаться на сѣверѣ, и перезывали туда Андрея, ибо имъ выгоднѣе было, чтобъ владѣлъ здѣсь ихъ родственникъ, а не младшіе Юрьевичи; но въ чемъ состоялъ обманъ, лесть Кучковичей? быть можетъ они давали знать Андрею, что вся земля Ростовская хочетъ имѣть его своимъ Княземъ, чего на дѣлѣ не было до самой смерти Юрія. Въ другихъ извѣстіяхъ такъ описываются побужденія, заставившія Андрея удалиться на сѣверъ: Никон. II, 150: «Иде Князь Андрей Боголюбивый, съ Вышегородскаго своего Княженія великаго ко отцу своему Юрью Долгорукому въ Кіевъ и пришедъ въ Кіевъ радостнѣ бысть пріятъ отъ отца своего, и пребысть у него въ Кіевѣ нѣколико время, и смущашеся о нестроеніи братіи своея, и братаничовъ и сродниковъ, и всего племени своего, яко всегда въ мятежи и въ волненіи вси бяху, и мнози крови ліяшеся, вси желающе и хотяще великаго княженія Кіевскаго, и нѣсть никому ни съ кѣмъ мира, и отъ сего вси княженія опустѣша, и по Дунаю, и по Мети, и по Астри чужія обладающа и населиша, а отъ поля Половци выплѣниша, и пусто сотвориша, и скорбяше много о семъ, и болѣзноваше душею и сердцемъ, и мысляше себѣ въ тайнѣ сердца своего, никакоже повѣдая сего отцу своему. И восхотѣ ити на великое княженіе въ Суждаль и Ростовъ, яко тамъ, рече, покойнѣе есть.» — Татищ. III, 97: Андрей Юрьевичь видя, что всюду миръ по его желанію учиненъ, и ему дѣла никакого не было, а Бѣлая (сѣверная) Русь безъ князя стояла въ великомъ непорядкѣ, просилъ неоднова отца своего Юрія, чтобъ его туда отпустилъ; но Юрій вѣдая, что во время войны ему безъ Андрея ни накого столько надѣяться не можно, ему отказалъ. Онъ же потерпя нѣколико, и оскорбясь дѣлами и веселіями отцовыми, за что всѣ на отца его негодовали, убрався тайне уѣхалъ въ Бѣлую Русь.... Пришедши же въ Бѣлую Русь, избѣгая у отца на себя подозрѣнія и большаго гнѣва, не сталъ жить въ Суздалѣ, яко престольномъ отца его градѣ, но построилъ себѣ домъ во Владимирѣ на Клязьмѣ, яко ближайшемъ къ Суздалю граду.

322) На первомъ планѣ здѣсь дѣйствуютъ Ростовцы; что касается Суздаля, то Юрій, утвердивши въ немъ свой столъ, выдвинулъ его изъ ряда другихъ пригородовъ, далъ ему важное значеніе, и вотъ сказано, что Ростовцы дѣйствуютъ вмѣстѣ съ Суздальцами, точно такъ какъ въ Новгородской лѣтописи обыкновенно читаемъ, что въ важныхъ случаяхъ въ Новгородѣ на вѣче сходятся Псковичи и Ладожане — только, о другихъ пригорожанахъ ни слова. Мы предпочитаемъ чтеніе лѣтописи составленной на сѣверѣ по Лавр. списку; Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 149: Ростовци и Суждалци сдумавше вси, пояша Андрея и проч. чте-

нію лѣтописи составл. на югѣ, и слѣд. не такъ знакомой съ дѣломъ, по Ипатьев. сп., тамъ же, II, 81: Сдумавши Ростовци и Суждальци и Володимерци вси и проч., тѣмъ болѣе, что послѣ Владимирскій лѣтописецъ, какъ увидимъ, отречется отъ этого избранія, да и какъ было Владимирцамъ снова выбирать Андрея, когда онъ уже княжилъ у нихъ.

323) Хотя есть извѣстіе, довольно вѣроятное, что это утвержденіе произошло не вдругъ, что Андрей, не желая нарушить вдругъ обычая, сперва нѣкоторое время жилъ въ Суздалѣ; Татищ. III, 135: Андрей Юрьевичь Великій Князь ни о чемъ болѣе какъ о строеніи Владимира и другихъ градовъ, якоже и о земскомъ распорядкѣ прилѣже, распространялъ Владимиръ, его же вельми полюбилъ, и положилъ намѣреніе, всегда тутъ пребывать, къ тому и Митрополію учинить: но Ростовцамъ и Суздальцамъ, яко старымъ городамъ и княжескимъ престоламъ, весьма то было противно, и сколько могли препятствовали, представляя, что сіи города издревле престольные, и Владимиръ есть новый пригородъ Суздальскій. Онъ же не хотя народъ озлоблять, жилъ въ Суздали, а во Владимиръ часто ѣздилъ на охоту, и пребывалъ по нѣскольку дней. — Никон. II, 175: И хотяше (Андрей) града сего (Владиміра) столъ быти В. Княженія. Ростовцемъ же и Суздальцемъ не хотящимъ сего, глаголюще: яко Ростовъ есть старой и большой градъ, и Суждаль, градъ же Владимеръ пригородъ нашъ есть.

324) Полн. Собр. Руск. Лѣт. II, 91: Выгна Андрей Епископа Леона изъ Суждаля, и братью свою погна Мстислава и Василка, и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего передніи.... Идоста Гюргевичи Царюгороду, Мстиславъ и Василко, съ матерью, и Всеволода молодаго пояша съ собою третьего брата; и дасть Царь Василкови въ Дунаи городы, а Мьстиславу дасть волость Отъскалана. См. Арцыб. I, прим. 1087. — Изъ остальныхъ Юрьевичей Борисъ умеръ на сѣверѣ въ 1159 году (Полн. Собр. Руск. Лѣт. I, 149); другой Ярославъ въ 1166 году (тамъ же, стр. 151), Святославъ, одержимый со дня рожденія злою болѣзнію въ 1174 году. Ник. II, 177: Ненавидяху Князя Андрея своего суще домашніи, и лстивно и лукавно глаголаху къ нему. И тако совраждоваше и соссориша его зъ братьею, и съ предними мужи отца его; и тако изгна братію свою. Еще же и преднихъ мужей отца своего овехъ изгна, овехъ же емъ въ темницы затвори: и бысть брань люта въ Ростовской и Суждальской землѣ.

325) Татищ. III, 165.

326) Тамъ же, 175.

327) Тамъ же, стр. 178: Сей Князь роста былъ не вельми великаго, но широкъ плечами и крѣпокъ, яко его лукъ едва кто натянуть могъ, лицемъ красенъ, власы кудрявы и краткіе носилъ, мужественъ былъ во брани, любитель правды, храбрости его ради всѣ Князи его боялись и почитали, хотя часто съ женами и дружиною веселился, но жены, ни вино имъ не обладали. Онъ всегда къ расправѣ и распорядку былъ го-

товъ, для того мало сыпалъ, но много книгъ читалъ, и въ совѣтахъ о расправѣ земской съ вельможи упражнялся, и дѣтей своихъ прилѣжно тому наставлялъ, сказуя имъ, что честь и польза князя состоитъ въ правосудіи, расправѣ и храбрости.

328, а) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 108: Нача Андрей вины покладывати на Ростиславичи, и присла къ нимъ Михна, река тако: выдайте ми Григоря Хотовича и проч.—Мы не можемъ согласиться съ южнымъ пристрастнымъ лѣтописцемъ, что первая присылка Андрея съ требованіемъ выдачи Хотовича съ товарищами была слѣдствіемъ желанія придраться къ Ростиславичамъ, найти какую-нибудь вину; ни изъ чего не видно, чтобъ онъ могъ желать ихъ смѣны. Слова эти: «Нача Андрей вины покладывати на Ростиславичи» могутъ имѣть смыслъ только тогда, когда будемъ читать ихъ въ связи съ предшествующими событіями, какъ они читаются у Татищева (III, 185): здѣсь говорится, что у Андрея съ Ростиславичами началась прежде распря за Новгородъ.

328 b) Тамъ же: Бяше бо тако урядилъся, яко же Володимера Ярославича Галичьскаго, сестричича Михалкова (который, поссорившись съ отцемъ, прибѣжалъ вмѣстѣ съ матерью въ Русь, сперва былъ у Михаила, а потомъ отправился въ Черниговъ), дати Ростиславичемъ и пустити й къ отцю, а Ростиславичемъ пустити Всеволода и Ярополка и всю дружину; Всеволода же пустиша, а Ярополка не пустиша; «не вмѣнилъ ны еси того.»—Выходитъ, что Михаилъ не выполнилъ всѣхъ условій, не выдалъ имъ Владиміра Ярославича Галицкаго, котораго отпустилъ въ Черниговъ; а Ростиславичи требовали послѣдняго видно для того, чтобъ посредствомъ его пріобрѣсти союзъ съ Ярославомъ Галицкимъ.

329) Такъ говоритъ все южный лѣтописецъ: (Полн. Собр. Руск. Лѣт. II, 109), но сѣверный иначе (I, 155): Непокоршимся Ростиславичемъ князю Андрею и въ воли его неходящимъ, паче же Давыдъ Ростиславичь Вышегородьскый князь, сдумавъ съ братьею своею и прот.

330) Но мы видѣли, что Ростиславичи не выпускали Ярополка изъ плѣна; стало быть послѣ отпустили.

331) См. Татищ. III, 193.—Въ Ипатьев. спискѣ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 108 и 109) находится неискусная вставка, о которой г. Погодинъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ (Жур. Мин. Нар. Просв. Часть LXIV, 1849): «Кіевская лѣтопись разсказываетъ о первомъ требованіи Андрея, объ отказѣ Ростиславича, о второмъ приказѣ Андрея братьямъ—итти въ Смоленскъ, о послушаніи Романа, о занятіи Кіева братомъ Андреевымъ Всеволодомъ, которому уступилъ его Михалко, о попыткѣ прочихъ Ростиславичей умилостивить Андрея, оставшейся безъ отвѣта, о занятіи ими Кіева изъѣздомъ, о плѣненіи тамъ Всеволода, о договорѣ съ Михалкомъ,—и послѣ всѣхъ сихъ происшествій вдругъ опять повторяетъ: Того же лѣта Андрей князь Суждальскый, розгнѣвася на Ростиславичи про Григорья про Хотовича, зане воли

ихъ не учиниша — и се слышавше Олговичи, ради быша.... поводяче й на Ростиславичѣ.... Андрей же пріимъ съвѣтъ ихъ.... посла Михна и проч.—Ясно, что было два описанія этихъ происшествій, кои лѣтописатель, редакторъ или переписчикъ, списалъ сряду, а не размѣстилъ по мѣстамъ.»—Такъ заключаетъ г. Погодинъ, и на этомъ заключеніи должно было бы остановиться. Действительно последній лѣтописецъ составлялъ свой разсказъ по двумъ извѣстіямъ; окончивъ разсказъ событій до третьяго посольства Андреева словами: «а Михалко не прія его,» лѣтописецъ долженъ былъ помѣстить извѣстіе объ участіи Ольговичей въ дѣлѣ, извѣстіе, которое находилось въ другой лѣтописи, и помѣстилъ его безъ всякаго измѣненія, безъ всякой связи съ прежнимъ разсказомъ; какъ видно это вторая лѣтопись была кратче первой, въ родѣ Суздальской; въ ней это извѣстіе объ Ольговичахъ помѣщено было прямо послѣ извѣстія о Хотовичѣ, а можетъ быть даже разсказъ о войнѣ прямо начинался съ этихъ словъ только съ легкимъ намекомъ на дѣло Хотовича. И такъ въ разсказѣ Ипатьев. списка мы замѣчаемъ только вставку объ Ольговичахъ, послѣ которой опять слѣдуетъ разсказъ о сношеніяхъ Андрея съ Ростиславичами, и потому намъ кажутся совершенно лишними дальнѣйшія затрудненія, которыя выставляетъ г. Погодинъ; нѣтъ ничего страннаго, что Андрей въ третьемъ приказѣ не упомянулъ ни слова о взятіи Кіева и плѣненіи брата, а повторяетъ все старое: «не ходите въ моей волѣ:» развѣ въ первомъ приказѣ онъ упоминалъ, въ чемъ состояло нехожденіе Ростиславичей въ его волѣ? Объ освобожденіи Михна говорить нечего: лѣтописецъ прямо говоритъ, что между князьями положено было освободить дружину, а если послѣ говоритъ, что одинъ князь Ярополкъ былъ задержанъ, то ясно, что изъ дружины никто не былъ задержанъ, при томъ же, съ другой стороны, не знаемъ, должно ли непремѣнно настаивать на томъ, что взятый въ Кіевѣ бояринъ Михнъ былъ непремѣнно мечникъ Андреевъ; за чѣмъ было этому посланцу такъ долго оставаться въ Кіевѣ послѣ перваго пріѣзда своего съ обвиненіемъ Хотовича? ибо лѣтопись ничего не говоритъ о томъ, чтобъ второе посольство къ Роману съ приказомъ идти въ Смоленскъ было правлено Михномъ. Не знаемъ, на какомъ основаніи г. Погодинъ позволяетъ себѣ заключать, что было пространное описаніе княженія Андреева, которое лѣтописатели различно сократили и неправильно размѣстили, такъ что теперь недостаетъ многихъ среднихъ извѣстій, и оставшіяся представлены сбивчиво. Предъ нами разсказъ полный, носящій ясные слѣды составленія, пополненія, а не сокращенія; какихъ же среднихъ извѣстій не достаетъ? — Далѣе въ разсказѣ о самой войнѣ г. Погодинъ находитъ также затрудненія и пропуски, которыхъ мы не видимъ; такъ онъ говоритъ: «Ольговичи не уступали Кіева Ярославу Изяславичу: значитъ, что Кіевъ Андреемъ былъ предоставленъ теперь имъ (обстоятельство, пропущенное всѣми лѣтописателями). Безъ воли Андреевой они не могли бы имѣть

притязанія на Кіевъ.» — Но спрашиваемъ: какъ же могъ имѣть притязанія на Кіевъ Ярославъ Изяславичь мимо воли Андреевой? — Потомъ г. Погодинъ говоритъ: «Ярополкъ пошелъ на помощь къ Рюрику, сидѣвшему въ Бѣлгородѣ. А почему не остался онъ помогать осажденному Мстиславу? Можетъ быть потому, что Рюрикъ собственно уступалъ ему Кіевъ, бывшій въ его владѣніи. Если Рюрику нужна была помощь, то ясно, что часть Андреевой рати осаждала его въ Бѣлгородѣ, какъ главная осаждала брата его въ Вышегородѣ (обстоятельство, пропущенное лѣтописателями).» — Но спрашиваемъ: на какомъ основаніи г. Погодинъ прибавилъ отъ себя, что Ярославъ пошелъ на помощь къ Рюрику, въ лѣтописи этого не сказано, по смыслу ея разсказа выходитъ, что Ярославъ пошелъ для соединенія съ Рюрикомъ, осаждающіе побѣжали, боясь именно соединенія Ростиславичей съ союзниками. Также безъ всякаго права г. Погодинъ предполагаетъ, что выраженіе: «И то видѣвше и убояшася» относится къ Ольговичамъ; на этомъ предположеніи г. Погодинъ основываетъ еще новое, столько же неосновательное, онъ говоритъ: «Не было ли еще какой измѣны со стороны Ольговичей, замѣченной Андреевыми воями, которая побудила ихъ еще болѣе оставить осаду? Можетъ быть была и измѣна: по крайней мѣрѣ мы читаемъ въ лѣтописи, что, по занятіи Кіева Ярославомъ, Святославъ Черниговскій прислалъ сказать ему: «на чемъ ты цѣловалъ крестъ? вспомни первый рядъ: ты сказалъ мнѣ, что надѣлишь меня, когда сядешь въ Кіевѣ, равно какъ и я надѣлилъ бы тебя, если бы сѣлъ въ Кіевѣ; нынѣ ты сѣлъ, право или криво: надѣли же меня.» Спрашивается: когда былъ этотъ первый рядъ у Ярослава съ Святославомъ? Нельзя предполагать здѣсь какого-нибудь прежняго ряда, умолчаннаго лѣтописателями, потому что если бъ онъ и былъ, то уничтожился бы новыми отношеніями, раздоромъ подъ Вышгородомъ, и упоминать объ немъ было бы невозможно. За что бъ просить Святославу надѣленья? Онъ помогалъ Андрею, онъ не уступалъ Ярославу Кіева, который получилъ Князь Луцкій, уже урядяся не съ Ольговичами, а съ Ростиславичами. Ясно, что Святославъ не имѣлъ права требовать никакого надѣленья, еслибъ дѣло было только такъ, какъ записано. Ясно, что рядъ этотъ, о которомъ напоминаетъ Святославъ, былъ тайный, подъ Вышегородомъ, т. е. всѣ князья тамъ сговорились, уладились: Ольговичи, Ростиславичи и Ярославъ. Ярославъ Луцкой получалъ Кіевъ; Ростиславичи освобождались отъ грозы Андреевой, и оставались на своихъ прежнихъ удѣлахъ; Святославъ Кіевскій получалъ надѣленье изъ Кіевской области. Всѣ переговоры происходили втайнѣ отъ Андреевой рати; а чтобы сохранить личину передъ ней, Ольговичи бросились, какъ будто испугавшись грозившей Галицкой помощи. Такимъ образомъ рать Андреева, предоставленная самой себѣ, не могла ничего дѣлать противъ Мстислава, и удалилась. Вотъ объясненіе этого, иначе непонятнаго происшествія.» —

Такъ разсуждаетъ г. Погодинъ. Замѣтимъ во первыхъ, что никакъ нельзя предполагать, чтобы рядъ, о которомъ напоминалъ послѣ Святославъ Ярославу, былъ заключенъ между ними тайно подъ Вышегородомъ съ вѣдома Ростиславичей: еслибы, какъ говоритъ г. Погодинъ, князья уладились подъ Вышегородомъ такъ, что Ярославъ Луцкій получилъ Кіевъ, а Святославъ надѣленье, послѣ чего Святославъ побѣжалъ, давая такимъ образомъ Ярославу просторъ владѣть Кіевомъ, то какимъ образомъ Черниговскій Князь будетъ говорить послѣ, что рядъ ихъ былъ при предположеніи, что Кіевъ могъ достаться тому или другому? При условіи ряда, предположеннаго г. Погодинымъ, Святославъ непремѣнно долженъ былъ бы говорить Ярославу: «Я тебѣ уступилъ Кіевъ подъ условіемъ надѣленья; ты теперь сидишь въ Кіевѣ, такъ надѣли меня.» Во вторыхъ, еслибъ рядъ былъ заключенъ подъ Вышгородомъ, то Святославъ не сказалъ бы: «А помяни первый рядъ», потому что рядъ подъ Вышгородомъ былъ бы послѣднимъ, ясно, что первый означаетъ здѣсь прежній, древній. Объ уничтоженіи этого прежняго ряда новыми отношеніями нечего было думать Святославу: ему нуженъ былъ только предлогъ получить волости или предлогъ взять ихъ силою; при томъ же этотъ рядъ былъ такъ неопредѣленъ: во всякомъ случаѣ, когда одному удастся сѣсть въ Кіевѣ, онъ долженъ надѣлить другаго. Далѣе: еслибы Святославъ точно урядился съ Ярославомъ и Ростиславичами, то онъ могъ бы удалиться спокойнѣе, не топя своихъ ратниковъ въ Днѣпрѣ, и зачѣмъ же въ такомъ случаѣ Мстиславъ ударилъ на станъ осаждающихъ и побралъ много колодниковъ? Какъ уже было замѣчено, г. Погодинъ не имѣетъ основанія отдѣлять войска Ольговичей отъ остальныхъ полковъ Андреевыхъ, потому что лѣтописецъ говоритъ безразлично: если г. Погодинъ слова: «и то видѣвше и убояшася» относитъ къ Ольговичамъ, то долженъ отнести къ Ольговичамъ же и послѣднія слова: «И то видѣвъ Мьстиславъ, и выѣде изъ города съ дружиною своею, и гнавше дружина его и ударишася на товарѣ ихъ, и много колодникъ изъимаша.» Все войско испугалось, все войско бросилось бѣжать, и потому г. Погодинъ не имѣетъ никакого права сказать: «Такимъ образомъ рать Андреева, предоставленная самой себѣ не могла ничего дѣлать противъ Мстислава, и удалилась.» Она не удалялась послѣ Ольговичей, а бѣжала въ ужасѣ вмѣстѣ съ другими. Наконецъ, если бы Ольговичи побѣжали первые, то уже конечно лѣтописецъ не преминулъ бы сказать этого имъ въ укоръ.

332) Это за что? подъ дѣлателями можно разумѣть архитекторовъ, иностранцевъ; послѣднее обстоятельство могло быть также причиною народнаго нерасположенія къ нимъ.

333) См. любопытныя подробности у Татищева, III, 202 и слѣд.

334) И дружина Владимирская была съ осаждающими; но она могла это дѣлать поневолѣ; лѣтописецъ говоритъ, что она пошла къ Переяславлю по приказанію Ростовцевъ, здѣсь присягнула Ярополку, отстать отъ общаго ополченія не было уже болѣе возможности.

335) Лѣтоп. Переясл. Сузд. изд. Кн. Оболен. стр. 85, 86: А съ Переяславци имяхуть Володимерци едино сердце.

336) Съ перваго разу можетъ показаться, что лѣтописецъ говоритъ здѣсь о прежней борьбѣ Владимирцевъ съ Ростиславичами, когда они выдержали семинедѣльную осаду; но тогда у нихъ былъ Князь Михаилъ, а здѣсь прямо сказано: «За семь недѣль безо Князя будуще въ Володимери гради.» Слѣд. здѣсь говорится о послѣднемъ времени и выходитъ, что Владимиръ былъ оставленъ Княземъ; очень вѣроятно, что Ярополкъ бросилъ Владимиръ и уѣхалъ жить въ Суздаль. Въ этомъ отношеніи очень любопытны извѣстія, находящіяся у Татищева (III, 213): «Владимиръ (говоритъ лѣтописецъ) до днесь чрезъ семь мѣсяцевъ (а не недѣль) былъ безъ Князя, и тогда оной видя Ростовцы и Суздальцы отъ Князей оставленъ, презирали, и на совѣтъ не призывали, говоря: Новгородцы, Кіевляне, Смольяне, Полочане и вси главные грады издревле на общей совѣтъ пригородовъ не призывали, и что уложатъ оные, потому должны и пригороды исполнять, въ Бѣлой же Руси старѣйшіе грады Ростовъ и Суздаль, и Переславль, и Владимиръ и прочіе суть пригороды сихъ двухъ, того ради ихъ совѣта не потребно слушать.» — Въ разсказѣ о побѣдѣ Юрьевичей надъ Ростиславичами находятся противорѣчія между сѣверною и южною лѣтописями, также есть кой-что недосказанное. Въ сѣверной лѣтописи (Полн. Собр. Руск. Лѣт. I, 159) говорится, что Михаилъ съ Ярополкомъ разошлись въ лѣсахъ, а въ южной (II, 118) читаемъ: «услышавъ же Ярополкъ, и уступи имъ на сторону,» — дѣйствіе намѣренное, а не случайное; развѣ предположить, что Ярополкъ нарочно отступилъ на сторону, чтобъ поставить Юрьевичей между собою и братомъ Мстиславомъ, на что указываетъ присылка его къ послѣднему, помѣщенная въ сѣверной лѣтописи. Но далѣе требуетъ объясненія извѣстіе южной лѣтописи о поступкѣ Москвичей: «Москьвляни же слышавше, оже идеть на нѣ (въ нѣкот. списк. за нѣ) Ярополкъ, и възвратишась вспять, блюдуче домовъ своихъ;» — если мы примемъ чтеніе: за нѣ, то связь съ предыдущимъ возстановится: Ярополкъ отступилъ въ сторону, далъ пройти Юрьевичамъ, и потомъ пошелъ въ слѣдъ за ними, пославши сказать брату, чтобъ тотъ шелъ къ нимъ на встрѣчу; но въ такомъ случаѣ, съ какой стати Москвичамъ было возвращаться назадъ для того, чтобъ оберегать свой городъ: они услыхали, что Ярополкъ слѣдуетъ за ними, а не идетъ на Москву, и слѣдов. домы ихъ безопасны, гораздо опаснѣе было имъ идти назадъ и встрѣтиться съ Ярополкомъ? Гораздо лучше слѣд. принять чтеніе: на нѣ въ смыслѣ: собственно на Москвичей, на ихъ городъ, на ихъ волость, и предположить, согласно съ сѣверною лѣтописью, что Ярополкъ нечаянно миновалъ Юрьевичей и продолжалъ идти къ Москвѣ. Потомъ, какимъ образомъ Москвичи могли оставить свой городъ, если знали, что Ярополкъ идетъ къ нему? южная лѣтопись прямо говоритъ, что Юрьевичи двинулись изъ Москвы, узнавши, что Ярополкъ идетъ

противъ нихъ. Здѣсь необходимо предположить, что Юрьевичи вышли изъ Москвы именно съ намѣреніемъ встрѣтиться съ Ярополкомъ и сразиться съ нимъ, иначе Москвичи не покинули бы своего города. Наконецъ въ томъ и другомъ разсказѣ нѣтъ ни слова о дѣйствіяхъ Ярополка во время битвы: онъ шелъ по слѣдамъ Юрьевичей, за чѣмъ же онъ не напалъ на нихъ въ то время, какъ войско брата его встрѣтилось съ ними; не сказано также объ очень важномъ обстоятельствѣ: когда была вынесена изъ Андреевой Владимирской церкви икона Богородицы и отдана Глѣбу Рязанскому вмѣстѣ съ книгами и другимъ духовнымъ имуществомъ.

337) Въ южной лѣтописи находимъ еще слѣдующія дополнительныя извѣстія послѣ разсказа о торжествѣ Юрьевичей: «Михалко же и Всеволодъ одаривше Володимера Святославича, отпусти й во свояси.... И потомъ посла Святославъ жены ихъ Михалковую и Всеволожюю, пристави къ нимъ сына своего Олга проводити ѣ до Москвѣ; Олегъ же проводивъ и възвратися во свою волость въ Лопасну (село въ 27 верстахъ отъ Серпухова по Москов. дорогѣ). Оттуду пославъ Олегъ зая Свѣрилескъ, бяшеть бо и та волость Черниговская; Глѣбъ же, увѣдавъ то, посла сыновца своего Гюрьгевича на Ольга; Олегъ, совокупя дружину свою, и выйде къ нему, и бьяхуться на Свирильскѣ, и побѣди Олегъ Святославича, шюрина своего, и много дружины изойма, а самъ едва утече.» — Здѣсь любопытно то, что Олегъ провожалъ Княгинь только до Москвы; по всему видно, что Москва былъ первый, пограничный Суздальскій городъ на пути съ юга, изъ Чернигова чрезъ землю Вятичей.

338) По Татищеву (III, 215), Глѣбъ обязался не помогать шурьямъ; между возвращенными вещами находился также и мечь св. Бориса, который Михаилъ повѣсилъ въ церкви Богоматери. — Въ слѣдъ за Рязанскимъ походомъ у Татищева помѣщено извѣстіе о казни убійцъ Андреевыхъ, съ ссылкою на Еропкинскую рукопись; см. также Степен. кн. I, 285.

339) Пол. Соб. Русс. Лѣт. I, 161: И что бяше бояръ осталося у него.

340) Лѣтоп. Переясл. Сузд. стр. 89.

341) Странно, что Владимирцы не говорятъ ничего о Глѣбѣ Рязанскомъ и Мстиславѣ Ростиславичѣ, а толкуютъ только о Ростовцахъ и Суздальцахъ, которые уже давно были взяты въ плѣнъ, и давно слѣд. нужно было бы разсуждать о ихъ наказаніи. У Татищева (III, 226) рѣчь Владимирцевъ представлена полнѣе и связнѣе: «ты же нашихъ злодѣевъ Рязанскихъ Князей и ихъ вельможъ и плѣненныхъ нашими руками держишь на свободѣ.... а съ другую сторону злодѣи наши Ростовцы и Суздальцы между нами кроются, смотря только удобнаго времени, како бы намъ какое зло учинить.»

342) Полн. Собр. Руск. Лѣт. II, 120; Тогда же Князь Глѣбъ мертвъ бысть (довольно странное выраженіе), Іюня въ 30 (1177), а Романа сына его едва выстояша, цѣловавше крестъ.

343) Мьстиславъ и Ярополкъ въ порубѣ бяста, и потомъ изведше я и слѣпивше пустиша. — Въ сѣверной лѣтописи сказано просто: «и пустиша ею изъ земля.» (Лѣтоп. Пер. Сузд. стр. 91.) Въ Новгород.: Слѣпленъ бысть Мьстиславъ Князь, съ братомъ Ропълкомъ, отъ стрья своего Всеволода, и пусти я въ Русь; ведома же има слѣпома и гньющема очима, и яко доидоста Смольньска и придоста на Смедино въ церковь святую мученику Бориса и Глѣба, и ту абіе съпостиже я божія благодать, и ту прозрѣста. У Татищева (III, 228): Всеволодъ видя, что никакъ ихъ отъ намѣренія отвратить неудобно, обѣщалъ имъ вскорѣ сыновцевъ ослѣпить и отпустить. И того же дня предъ вечеромъ велѣлъ сыновцамъ своимъ сверхъ очей кожу надрѣзать, и довольно окровавленія сдѣлавъ, объявилъ народу, что имъ глаза выколоты, и тотчасъ посадя на телегу за городъ велѣлъ проводить, доколѣ отъ народа безопасны будутъ и отпустили ихъ къ Смоленску. Примѣч. 522: О семъ ослѣпленіи въ раскольничьѣ Хрущова написано: помазавъ очи кровію; въ Симоновѣ такъ, какъ здѣсь точно положено; въ Ростовскомъ и Новгородскомъ одномъ просто отпустилъ; а въ прочихъ ослѣпи Всеволодъ Ростиславичевъ и пусти, и проч. съ происшествіемъ на Смядынѣ.

344) Вотъ что читаемъ о похожденіяхъ Юрія въ Грузинскихъ лѣтописяхъ (Histoire de la Géorgie, traduite par. M. Brosset. I, p. 412): Когда искали жениха для знаменитой царицы Тамари, то явился Абулазанъ, емиръ Тифлискій и сказалъ: «Я знаю сына Государя Русскаго, Великаго Князя Андрея, которому повинуются 300 царей въ тѣхъ странахъ; потерявши отца въ молодыхъ лѣтахъ, этотъ Князь былъ изгнанъ дядею своимъ Савалтомъ (Sawalth, Всеволодъ), убѣжалъ, и находится теперь въ городѣ Свинди (Swindj), царя Капчакскаго (Половецкаго). — Юрій явился въ Грузію, духовенство и вельможи упросили Тамарь какъ можно скорѣе обвѣнчаться съ нимъ; Юрій храбро воевалъ съ врагами своего новаго отечества, но скоро возникли между нимъ и женою непріятности, о которыхъ такъ разсказываетъ Грузинскій лѣтописецъ (въ переводѣ г. Броссе, стр. 416): «Satan entra dans le coeur du misérable Russe, véritable Scythe, aux pensées barbares, aux passions monstrueuses. Il se mit, au sein de l'ivresse à faire des actions inconvenantes, abominables, qu'il est inutile de décrire; il osa offenser Thamar, le soleil des souverains, la splendeur matinale des rois. Iudas envers lui-même, vaincu par sept esprits impurs, pires que le premièr, et leur servant de temple, il marcha sur les traces des habitants de Sodome, le pervers, le damné qu'il était.» — Тамарь долго терпѣла, долго увѣщавала Юрія исправиться, и сама, и чрезъ монаховъ, наконецъ рѣшилась развестись съ нимъ, и Юрій былъ отправленъ въ Константинополь съ большими впрочемъ богатствами. Но скоро онъ явился опять въ Грузіи, въ его пользу объявили себя многіе начальники городовъ, и сынъ Боголюбскаго возведенъ былъ на престолъ царей Грузинскихъ; Тамарь однако не отчаявалась; она собрала вѣрныхъ себѣ вельможъ и съ ихъ по-

мощію побѣдила Юрія, который опять долженъ былъ оставить Грузію, возвратился еще разъ и снова потерпѣлъ пораженіе.—Въ этомъ разсказѣ встрѣчаются затрудненія относительно собственныхъ именъ лицъ и городовъ. Въ первомъ извѣстіи по смыслу подлинника выходитъ, что Юрій скрывался въ городѣ Swindj, принадлежавшемъ царю Кипчакскому, но потомъ это слово является, какъ собственное имя лица, на пр. на стр. 437 говорится, что на помощь къ Тамари приходилъ Séwindj-Sawalth, братъ царя Кипчакскаго. Г. Броссе въ Sawalth основательно видитъ испорченное Всеволодъ, что совершенно идетъ къ первому извѣстію относительно изгнанія Юрія; но кто же бдуетъ этотъ Séwindj-Sawalth, который приходилъ послѣ на помощь къ Тамари? Онъ названъ братомъ царя Кипчакскаго, слѣдовательно хана Половецкаго; если же предположить здѣсь смѣшеніе, и подъ Кипчакскими царями разумѣть князей Южнорусскихъ, сосѣднихъ съ Половцами, то дѣло можетъ объясниться легче: Swindj перваго извѣстія можетъ быть испорченное Святославъ (Свентославъ), князь Черниговскій, у котораго Юрій могъ найти убѣжище, какъ прежде находили его дядья и двоюродные братья; подъ вторымъ же Séwindj-Sawalth можетъ разумѣться Святославичь - Всеволодъ Трубчевскій, второй герой Слова о Полку Игореву.

345) Лутаву (село въ 4 верстахъ отъ Остра) и Моравскъ (мѣстечко Остерскаго уѣзда).

346) Гораздо прежде прихода Романова на югъ, подъ 1175 годомъ въ лѣтописи встрѣчаемъ слѣдующее извѣстіе: «Смольняне выгнаша отъ себе Романовича Ярополка, а Ростиславича Мстислава въведоша Смоленьску княжить.» — Но въ это время въ Смоленскѣ сидѣлъ не Ярополкъ, а отецъ его Романъ; и такъ мы должны отнести это событіе къ позднѣйшему времени, когда Романъ ушелъ на югъ, оставивъ сына своего Ярополка вмѣсто себя въ Смоленскѣ; но Смолняне, согласно съ правомъ старшинства, выгнали племянника и призвали дядю.

347) Что по отъѣздѣ Святослава въ Кіевъ мѣсто его въ Черниговѣ занялъ Олегъ Святославичь, видно изъ послѣдовательности лѣтописнаго разсказа: «Преставися Олегъ Святославичь, потомъ же Игорь братъ его сѣде въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, а Ярославъ Всеволодицъ въ Черниговѣ сѣде: — Ярославъ садится въ Черниговѣ только по смерти Олега; думаемъ, что когда Олегъ переѣхалъ въ Черниговъ, Ярославъ Всеволодичь переѣхалъ на его мѣсто въ Новгородъ Сѣверскій, а потомъ, по смерти Олега, Ярославъ переѣхалъ въ Черниговъ , а Игорь Святославичь въ Новгородъ.

348) Ярополкъ Ростиславичь, ставши княземъ Владимирскимъ, женился на дочери Всеслава, князя Витебскаго; такъ говоритъ лѣтописецъ, но ошибочно, ибо Всеславъ былъ князь Полоцкій, а не Витепскій, Витепскимъ былъ братъ его Брячиславъ; теперь Ярополкъ Ростиславичь находился въ полкахъ Святослава Черниговскаго, который боролся со всѣми Мономаховичами, и со Всеволодомъ Суздальскимъ и

съ Ростиславичами южными, слѣд. Васильковичи, заступаясь за зятя, естественно должны были быть въ союзѣ съ Святославомъ. Какимъ образомъ Витепскъ перешелъ опять отъ Ростиславичей Смоленскихъ къ Полоцкимъ князьямъ, — неизвѣстно. Имена Полоцкихъ Князей, находившихся въ союзѣ съ Черниговскими суть слѣдующія: Васильковича: Брячьславъ изъ Витебьска, братъ его Всеславъ съ Полочаны, съ нимъ же бяхуть и Либь и Литва, Всеславъ Микуличь изъ Логажеска, Андрей Володшичь и сыновець его Изяславъ, и Василко Бряцьславичь.

349) За какимъ, неизвѣстно; лѣтопись упоминаетъ только о двоихъ сыновьяхъ Владиміра, прижитыхъ имъ отъ попадьи; если Романовна была за старшимъ изъ нихъ, то выходитъ, что Владиміръ сталъ жить съ ихъ матерью давно уже, еще при жизни отца своего Ярослава. По разсказу Татищева выходитъ такъ (III, 285).

350) Такъ разсказываетъ Русскій лѣтописецъ; по Польскимъ же извѣстіямъ, Олегъ Ярославичь, не найдя помощи у Рюрика Ростиславича въ Овручи, пошелъ къ Польскому Королю Казиміру, и вмѣстѣ съ нимъ отправился на Владиміра Галицкаго; тотъ, соединившись съ Всеволодомъ Мстиславичемъ Бельзскимъ, братомъ Романа Волынскаго, вышелъ къ нимъ на встрѣчу, но былъ разбитъ и бѣжалъ въ Венгрію; Олегъ сѣлъ въ Галичѣ, но скоро былъ отравленъ, и тогда бояре призвали на его мѣсто Романа Волынскаго. См. Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 321. Извѣстіе о смерти Олега, пропадающаго безъ вѣсти въ нашихъ лѣтописяхъ, заставляетъ обратить вниманіе на этотъ разсказъ.

351) Въ «Вѣнкѣ на обжинки Русинамъ» (ч. II, стр. 162) говорится, что на мѣстѣ города Плѣсниска существуютъ нынѣ окопы и великіе курганы, заросшіе лѣсомъ, недалеко отъ Подгорца, первой почтовой станціи изъ Бродъ къ Золочову.

352) Изъ этого видно, что Король обѣщалъ подѣлиться съ Святославомъ, и послѣдній могъ думать, что Бела уступитъ ему Галичь, а самъ возьметъ Перемышль или другія какія нибудь волости.

353) Пол. Соб. Рус. Л. II, 137: Рюрикъ же увѣдавъ то, наряди по немъ (по Глѣбѣ) Святослава Володимерича, приставя къ нему мужъ свой.—Для чего и куда онъ отправилъ Святослава? Какъ видно также къ Королю, чтобъ противодѣйствовать своекорыстнымъ видамъ Святослава Кіевскаго. Кто былъ этотъ Святославъ Владиміровичь? Карамзинъ догадывается, что сынъ Владаміра Мстиславича, что очень вѣроятно.

354) Стало быть у нихъ былъ договоръ дѣйствовать за одно относительно Галича.

355) Полн. Соб. Рус. Лѣт. II, 138: Рюрикъ же сего не улюбишеть лишитися отчины своея, не хотѣ подѣлитися Галичемъ.—Это чтеніе, по моему мнѣнію, должно быть исправлено: какимъ образомъ Рюрикъ не хотѣлъ отдать Святославу и своихъ старыхъ владѣній и не хотѣлъ дѣлиться Галичемъ, слѣдовательно цѣлію похода ставилъ только одну

свою пользу? Но совершенно ясно будетъ, если вмѣсто не исправимъ но: но хотѣ подѣлитися Галичомъ.»

356) Ник. II, 262: Сія же глаголя Всеволодъ извѣтъ творя.

357) И да ему Полоный и полътъртака Корьсуньскаго. — Этотъ Полоный не можетъ быть около Луцка ни на рѣкѣ Стырѣ, потому что за Горынью не могло быть Кіевскихъ владѣній; не можетъ быть и тѣмъ Полонымъ, который упоминается подъ 1172 (1169) годомъ, ибо послѣдній Полонный принадлежалъ Десятинной Кіевской церкви, и потому Рюрикъ не могъ отдать его Роману. Что же касается до: «полътъртака Корьсуньского,» то конечно удобнѣе принять чтеніе — «полторска (т. е. полторческа) Рускаго,» ибо нельзя, кажется, было Рюрику отдавать что либо Корсунское, когда Корсунь отданъ былъ уже Всеволоду; но съ другой стороны, и Торческъ былъ отданъ также Всеволоду, который отъ себя далъ его зятю Ростиславу: трудно думать, чтобъ Рюрикъ, безъ вѣдома Всеволода, рѣшился отнять у Ростислава половину волости для Романа при тогдашнемъ положеніи послѣдняго; другаго же Торческа, кромѣ Пороскаго, мы не можемъ разумѣть, ибо только послѣднему могло быть прилично названій Рускій, т. е. Кіевскій; далѣе—никогда ни одинъ Торческъ не называется Рускимъ; наконецъ чтеніе «Полторска Руского» будетъ гораздо легче «полътъртака Корьсуньского,» и потому послѣднее должно быть предпочтено, не смотря на его непонятность.

358) Здѣсь явная неправда: Днѣпромъ Ярославъ никогда не дѣлилъ Всеволодовичей отъ Святославичей: и Святославу и Всеволоду онъ далъ волости по одной восточной сторонѣ Днѣпра. Здѣсь любопытно впрочемъ то, что Мономаховичи требуютъ отъ Ольговичей, чтобъ тѣ не искали подъ ними Смоленска— новое доказательство отсутствія отчинности, ибо какое право могли имѣть Ольговичи на Смоленскъ? Но если Мономаховичи хотѣли дѣлиться Днѣпромъ, то необходимо должны были отдать Переяславль Ольговичамъ, и точно объ этомъ городѣ они не упоминаютъ, тогда какъ этотъ городъ и былъ именно ихъ отчина по Ярославову дѣленію.

359) Вотъ доказательство, что Кіевъ принадлежалъ Всеволоду, какъ старшему, и уже изъ его рукъ былъ отданъ Рюрику.

360) Никон. II, 265: Ярославъ говоритъ: «Но яко же и отъ прадѣдъ нашихъ лѣствицею кождо восхожаше на великое княженіе Кіевское, еще же и намъ и вамъ лѣствичнымъ восхоженіемъ, кому аще Господь Ботъ дастъ, взыти на великое княженіе.

361) Все это дѣло для насъ очень темно по недостатку обстоятельныхъ извѣстій о Полоцкихъ отношеніяхъ. Мы видѣли, что Витепскъ, сначала принадлежавшій къ Полоцкому княжеству, перешелъ въ послѣдствіи къ Смоленскому; но потомъ опять видимъ, что здѣсь сидитъ одинъ изъ Полоцкихъ князей, именно Брячиславъ Васильковичь, бывшій въ 1180 году въ союзѣ съ Ольговичами; теперь сидитъ въ Ви-

тепскѣ зять Давыдовъ, кто именно? тотъ же ли самый Брячиславъ или сынъ его, Василько Брячиславичь, упоминаемый въ 1180 году?— неизвѣстно. Неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ Рюрикъ хотѣлъ отнять у братняго зятя Витебскъ и отдать его Ольговичамъ; любопытно здѣсь только, что наши князья не обращаютъ никакого вниманія на черезполосность владѣній, и что Мономаховичи, толкуя о Днѣпрѣ, какъ границѣ владѣній Ольговичей, уступаютъ имъ отдаленный городъ на Двинѣ. Подъ 1180 годомъ видимъ въ Друцкѣ Глѣба Рогволодовича, союзника Ростиславичей, подъ 1195 является здѣсь Борисъ, союзникъ Ольговичей. Вотъ извѣстіе по Ипатьев. списку: «Ярославъ же не дождавъ ряду посла сыновця своя ко Витебьску, на зятя на Давыда (выходитъ, что должно читать: на зятя Давыдова) ... Олговичи же, не доѣхавъше Витебьска, воеваша Смоленьскую волость. Слышавъ же Давыдъ Ольговича, послѣ Мьстислава Романовича сыновця своего, и Ростислава Володимерича (по Карамзину, сына Владиміра Мстиславича) съ полкомъ своимъ, и Рязанскаго княжича зятя своего Глѣба со Смолняны противу имъ».... и проч. см. въ нашемъ текстѣ. — Въ сѣверной лѣтописи по Лавр. списку читаемъ: «Тое же зимы посла Давыдъ и Смолиньска сыновца своего Мстислава, свата В. Князя Всеволода, въ помочь зятю своему на Витепскъ, и побѣди его Василко съ Черниговци.» Кто этотъ Василько? уже конечно не Брячиславичь, ибо послѣдній, какъ князь или княжичь Витепскій не могъ срожаться противъ Давыдова войска, посланнаго ему на помощь; южная лѣтопись изъ Полоцкихъ князей, бывшихъ въ дѣлѣ съ Ольговичами, упоминаетъ только одного Бориса Друцкаго, и не знаетъ никакого Василька, быть можетъ этотъ Василько былъ Володаревичь, князь Логожскій? Въ сѣверной лѣтописи находимъ слѣдующее среднее извѣстіе подъ 1186 годомъ. «Того же лѣта на зиму иде на Полтескъ Давыдъ Ростиславичь изъ Смолиньска, а сынъ его Мстиславъ изъ Новагорода, изъ Ложска (Логожска) Василько Володаревичь, изъ Дреютьска Всеславъ, и слыша Полочане, и сдумаша рекуще: «не можемъ мы стати противу Новгородцемъ и Смолняномъ; аще попустимъ ихъ въ землю свою, аще и миръ створимъ съ ними, а много ты зла створять, попустять ны землю идучи до насъ; пойдемъ къ нимъ на сумежье. И собрашася вси, и идоша къ нимъ, и срѣтоша я на межахъ съ поклономъ и честью и даша ему дары многы, и уладишася.» Здѣсь Друцкимъ княземъ названъ не Борисъ и не Глѣбъ, а Вячеславъ, Логожскимъ княземъ является Василько Володаревичь, а въ извѣстіи подъ 1180 годомъ Всеславъ Микуличь.

362) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 149: Слышавъ же Рюрикъ, аже изъ Полоцкого ѣхавше воевали волость брата его Давыдову и сына его Ростиславлю.— Значитъ и Смоленскій князь имѣлъ волость въ Кіевскихъ владѣніяхъ.

363) Есть даже извѣстіе, что Романъ, утвердившись въ Галичѣ сдѣлалъ много зла Рюрику. Полн. Собр. Русс. Лѣт. II, 326.

364) Мстиславъ Владимiровичь, котораго мы видѣли подъ 1180 годомъ, когда онъ побѣжалъ отъ Половцевъ; въ лѣтописи сказано, что Рюрикъ сильно разсердился на него за это: «Рюрикъ же пожалова на Володимирича на Мьстислава, река ему: тъ первое Трьполь переда Олговичемъ; ать нынѣ аче и хотя же еси побѣглъ, Олговичемъ и Половцемъ добро творя, но Богъ и крестъ помоглъ бояромъ, а ты ѣ хотя кончати — и велми на него жалова.» — Какъ видно, Триполь былъ отнятъ у Мстислава, быть можетъ даже по этому случаю; другаго Владимiровича, Ростислава мы видѣли въ Смоленской области, въ битвѣ съ Ольговичами и Полочанами. Потомъ Мстиславъ Владимiровичь былъ взятъ въ 1203 году, Рюрикомъ и Ольговичами въ Кiевѣ, и одинъ изъ Черниговскихъ князей, Ростиславъ Ярославичь отвелъ его съ собою въ Сновскъ.

366) Лѣтописецъ (Полн. Собр. Русс. Лѣт. I, 176) говоритъ: «И створися велико зло въ Русстѣй земли, якогоже зла не было отъ крещенья надъ Кыевомъ, напасти были и взятья, не яко же нынѣ зло се сстася.»—Но грабежъ по взятiи Кiева войсками Боголюбскаго описывается съ одинакими подробностями, и тогда также пограблены были церкви.

367) По Татищеву (III, 338) оставилъ опять Ингваря Луцкаго.

368) Полн. Соб. Русск. Лѣт. II, 156. Бѣ бо Володиславъ лестя межи има.

369) У Татищева (III, 336) помѣщена любопытная рѣчь Романа къ другимъ князьямъ, въ которой онъ уговариваетъ ихъ установить въ волостяхъ порядокъ преемства отъ отца къ сыну, и болѣе опредѣленный порядокъ въ преемствѣ старшаго стола; но никто не согласился на предложенiе Романа.

370) Kadlubek II, p. 127.

371) Это извѣстiе находится у Стрыйковскаго, который говоритъ, ччо Романъ впрягалъ плѣнныхъ Литовцевъ и Ятвяговъ въ плуги и заставлялъ выпахивать коренья по новымъ мѣстамъ. — Мы не думаемъ впрочемъ, чтобъ должно было, какъ здѣсь, принимать эту поговорку буквально. Романъ заставлялъ Литовцевъ и Ятвяговъ заниматься земледѣлiемъ, отъ чего современники видѣли мало проку, и произошла приведенная поговорка, въ послѣдствiи же эта поговорка объяснена буквально.

372) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 156: У Микулина, на рѣкѣ Серетѣ. Теперь Микулинцы, въ Галицiи, въ Тарнопольскомъ округѣ.

373) Мстибогъ, Мончукъ и Никифоръ.

374) Потому что Новгородъ Сѣверскiй былъ, вѣроятно, занятъ уже кѣмъ нибудь изъ другихъ Ольговичей.

375) Полн. Собр. Руск. Лѣт. II, 157: Олександръ прiя Угровескъ, Верещинъ, Столпье, Комовь и да Василкови Бѣлзъ. — Значитъ Александръ отдалъ Васильку Бельзъ, но означенные четыре города Бельзской волости удержалъ за собою. — Угровескъ, теперь Угруйскъ, село

при Бугѣ подлѣ Верещина, а Верещинъ мѣстечко въ юговосточной части Царства Польскаго, по дорогѣ изъ Грубешова въ Бельзъ; Столпье, село къ сѣверозападу отъ Хельма по дорогѣ въ Люблинъ; Комовь, теперь Кумовъ на полпути изъ Хельма въ Ухани. См. Погодина И. З. и Л. т. IV, стр. 197.

376) Въ Волынской лѣтописи о княженіи Ростислава Рюриковича нѣтъ, но есть въ Воскресенскомъ (II, 150), Никоновскомъ (III, 365), и другихъ сборникахъ; у Татищева (III, 365) дѣло разсказано обстоятельно и понятно. Такіе факты не выдумываются; при томъ въ Волынской лѣтописи здѣсь явный пропускъ:»....Бѣда бо бѣ въ землѣ Володимерьстѣй отъ воеванья Литовьскаго и Ятвяжьскаго. Мы же на прежнее возвратимся случившихся въ Галичѣ. Андрей же король увѣдивъ безаконье Галичкое и мятежь, и посла Бенедикта и проч. Но о какомъ беззаконіи и мятежѣ Галицкомъ увѣдалъ Андрей? ясно, что пропущенъ разсказъ о Ростиславѣ и его изгнаніи; на пропускъ прямо указываетъ частица же, которая должна соединять слова: Андрей же Король съ какимъ-нибудь предыдущимъ разсказомъ опущеннымъ.

377) Прежде было сказано въ лѣтописи, что, убѣгая предъ Мстиславомъ, Даніилъ удалился въ Венгрію, а Василько съ дядькою своимъ Мірославомъ въ Бельзъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 159); должно думать, что когда Василько отправился въ Галичь, то Лешко съ Александромъ, не желая увеличивать силы Романовича, взяли у Василька Бельзъ, ибо старшій братъ могъ дать ему волость въ Галиціи; иначе трудно объяснить эту жестокость Лешка къ изгнаннику.

378) А прежде, послѣ перваго похода на Галичь въ предыдущемъ году, Рюрикъ отдалъ Бѣлгородъ Ольговичамъ, которые посадили здѣсь Глѣба Святославича.

379) Идоша Копонову.—Копоново село въ Касимовскомъ уѣздѣ въ 42 верстахъ отъ города.

380) Ясно, что и первое извѣстіе прислано было отъ Владиміровичей: иначе за чѣмъ бы Всеволодъ посадилъ только ихъ двоихъ у себя обѣдать, скорѣе онъ посадилъ бы старшихъ Романа и Святослава съ собою. Владимирскій лѣтописецъ вѣритъ справедливости доноса, Новгородскій называетъ Владиміровичей клеветниками.

381) Полн. Соб. Рус. Лѣт. I, 182: Князь же великый слышавъ, яко въображена бысть истина.

382) Теперь Льговъ, въ 11 верстахъ отъ Рязани по Спасской дорогѣ.

383) Подъ 1210 годомъ встрѣчаемъ еще слѣдующее извѣстіе: В. Князь Всеволодъ посла съ полкомъ Кузму Ратьшича, меченошю своего, и взя Тепру, и възвратися со многымъ полономъ въ Володимерь.— Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто Тепра стоитъ просто Пра; Пра рѣка Рязанской губерніи Спасскаго уѣзда, и въ такомъ случаѣ походъ этотъ будетъ окончаніемъ покоренія Рязанской волости; но по Татищеву походъ Ратши былъ на Болгаръ; у Татищева же (III, 363) послѣднее

поведеніе Рязанцевъ относительно Ярослава приписано проискамъ Глѣба Владиміровича, который, будучи недоволенъ тѣмъ, что получилъ отъ Всеволода въ награду за свою клевету, снесся съ Черниговскими и подучалъ Рязанцевъ на Ярослава; намъ неизвѣстно, что получилъ Глѣбъ отъ Всеволода.

384) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 178; Карамз. III, примѣч. 118.

385) По Ник. (II, 209) встрѣча была на Бѣлѣозерѣ.

386) Который — Андреевичь или Ростиславичь? по отвагѣ можно думать, что второй.

387) По чему же Мстиславъ отдалъ сына на руки братьямъ Давыду и Рюрику, а не старшему Роману? Быть можетъ въ слѣдствіе недавней размолвки за Полоцкъ; впрочемъ и прежде были у нихъ столкновенія: въ 1175 году Романъ, отправляясь въ Кіевъ, отдалъ Смоленскъ сыну своему Ярополку, но Смоляне выгнали послѣдняго и призвали на его мѣсто дядю Мстислава. Впрочемъ у Мстислава остался старшій сынъ, знаменитый послѣ Мстиславъ Мстиславичь Удалой; онъ, вѣроятно, остался княжить въ отцовской волости, въ Торопцѣ; а младшаго Владиміра отецъ отдалъ Рюрику и Давыду, княжившимъ въ Кіевской области, чтобъ они тамъ дали ему волость, и дѣйствительно въ 1180 году мы видимъ его въ Треполи съ дядькою Борисомъ Захарьичемъ, который предводительствуетъ полкомъ малолѣтнаго князя.

388) Полн. Соб. Русск. Лѣт. III, 18: Выведе Всеволодъ, прославъ, своякъ свой изъ Новагорода Ярослава Володимирица: негодовахуть бо ему Новгородьци, зане много творяху пакости волости Новгородьскѣй. — Кто же творяху? дружина, пріятели Ярославовы? Но если Всеволодъ самъ вывелъ Ярослава, то можно заключить, что не безъ его согласія былъ призванъ Мстиславъ.

389) Но Изяславъ и другой братъ его Ростиславъ умерли оба въ слѣдующемъ 1198 году. Въ томъ же году Ярославъ со всею областію Новгородскою ходилъ на Полоцкъ; но на озерѣ Каспле былъ встрѣченъ Полочанами и взялъ съ ними миръ.

390) Татищ. III, 327.

391) Лѣтоп. Пер. Сузд. стр. 104; Воскр. II, 129.

392) Три года назадъ лѣтописецъ упомянулъ о набѣгѣ Литвы, и только; больше ни о какой рати нѣтъ извѣстій; съ Варягами въ 1201 году была ссора, но тогда же кончилась миромъ.

393) Михаилъ умеръ въ слѣдующемъ 1206 году.

394) Здѣсь дворъ покойнаго Мирошки отдѣленъ отъ двора сына его Димитрія; можно оставить и это чтеніе: «А Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша,» и тогда будетъ надобно предположить, что дворъ стараго Мирошки, по обычаю, достался младшему сыну, Борису; но есть другое чтеніе: «А Мирожкинъ дворъ Дмитровъ жгоша,» т. е. Мирошкинича дворъ Дмитровъ; послѣднему чтенію противорѣчатъ впрочемъ слѣдующія выраженія: «а житіе ихъ поимаша.»

395) Такъ разсказываетъ лѣтописецъ Новгородскій. Но у Татищева читаемъ, что Всеволодъ, узнавъ о занятіи Торжка Мстиславомъ, отправилъ противъ него троихъ сыновей своихъ, Константина, Юрія и Ярослава; Новгородцы испугались и послали къ Константину просить мира, отправивъ вмѣстѣ и захваченнаго ими Святослава и надлежащую Великому Князю дань. Константинъ, слѣдуя всегдашней своей умѣренности, вопреки совѣту младшихъ братьевъ, согласился на миръ, въ слѣдствіе котораго Мстиславъ удалился назадъ въ Торопецъ, и на его мѣсто Всеволодъ прислалъ сына своего Владиміра. Новгородцы, видя, что возстаніе не имѣло успѣха, выместили свою злобу на тѣхъ, которые уговорили ихъ къ нему: они хотѣли умертвить друзей Мстиславовыхъ, и едва были укрощены Владыкою. Но въ 1211 году Новгороды снова послали за Мстиславомъ; тогда Владиміръ, опасаясь участи брата, уѣхалъ тотчасъ къ отцу, а Мстиславъ вступилъ въ Новгородъ и удержался въ немъ. — Изъ извѣстій въ лѣтописяхъ, до насъ дошедшихъ, можно усмотрѣть какимъ образомъ составился Татищевскій разсказъ. Въ Никонов. Сбор. (II, 308) читаемъ извѣстіе: «К. В. Всев. Юр. посла сына своего, Князя Константина съ братіею его на князя Мстислава Мстиславича на Торжекъ; князь же Мстиславъ Мстиславичь слышавъ, отъиде въ Новгородъ, и оттуда иде въ Торопецъ въ свою власть. Князь же Константинъ Вс. съ братьею своею возвратися со Твери, и Князь Святославъ Вс. братъ ихъ приде къ нимъ изъ Новагорода. — Тоже читается въ Пушкинскомъ спискѣ, который цитуетъ самъ Карамзинъ (III, примѣч. 132). Это извѣстіе, распространенное въ спискѣ, которымъ пользовался Татищевъ, вошло явственно въ его разсказъ; Князь Владиміръ Всеволодовичь является на сцену въ слѣдствіе смѣшенія его съ княземъ Псковскимъ Владиміромъ, братомъ Мстиславовымъ, который въ Новгор. лѣтописи подъ 1210 годомъ ходитъ съ Новгородцами на Литву, подъ 1211 посаженъ братомъ въ Лукахъ; извѣстіе объ уходѣ Мстислава отъ Торжка въ Торопецъ объясняется извѣстіемъ, находящимся въ Новгор. лѣтоп. подъ 1211 годомъ: «И посла князь Мстиславъ Дмитрія Якунница на Лукы съ Новгородцами города ставить; а самъ иде на Тържькъ блюсть волости, изъ Търожку иде въ Торопьчь, изъ Торопця иде на Лукы.» Какъ видно, онъ укрѣплялъ города отъ Литовскихъ набѣговъ. Наконецъ извѣстіе о возстаніи Новгородцевъ на пріятелей Мстиславовыхъ можетъ быть въ связи съ извѣстіемъ о смутѣ по поводу Архіепископа Митрофана.

396) Никон. II, 310.

397) Тамъ же, стр. 311.

398) Лѣтоп. Пер.Użд. стр. 110. И тако сѣде Ярославъ въ Переяславлѣ на столѣ идеже родися.

399) Хотя лѣтописи и полагаютъ смерть его въ 1215 году, но неупоминовеніе имени его при описаніи борьбы Ольговичей съ Мономаховичами заставляетъ положить смерть его ранѣе 1214 года.

400) Татищ. III, 379,

401) Не сказано, какимъ образомъ Твердиславъ явился опять посадникомъ; очень вѣроятно, что Дмитрій Якуничь остался отправлять свою должность въ Новгородѣ, а Твердиславъ называется посадникомъ въ смыслѣ стараго.

402) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 32: И яша 2 князя Ростислава Ярославиця и Яропълка брата его, вънука Олгова. — Такъ разсказываетъ лѣтописецъ Новгородскій; почти также въ Никон.; въ Воскресен. прибавлено (II, 154), что въ союзѣ съ Ростиславичами былъ Ингварь Ярославичь Луцкій: «Всеволодъ же Святославичь не утрьпѣ, бѣже за Днѣпръ з братьею своею и мнози люди истопоша въ Днѣпрѣ,.. идоша по немъ князи (Чернигову, и оступиша во градѣ Глѣба брата его, а Всеволодъ преставися. И стояша около города 3 недѣли... и цѣловавши крестъ межь собою разидошася и сѣде въ Кіевѣ Инъгварь Ярославичь... потомъ же управившася, даша Кіевъ Мстиславу Романовичу, а Ингъварь опять иде къ Лучьску.» Подробности Вышгородской битвы см. у Татищ. III, 380.

403) Никон. II, 318; Татищ. III, 382; у Татищева прибавлено, что простой народъ былъ за Мстислава.

404) Имя отца его Иванка упоминается подъ 1195 и 1196 годомъ вмѣстѣ съ именемъ Мирошки.

405) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 33: Князь Ярославъ я Якуна Зуболомиця, а по Ѳому посла по Доброщиница по Новоторжъскыи посадникъ, и оковавъ потоци й на Тьхверь.

406) Весь этотъ разсказъ Новгородскаго лѣтописца не совсѣмъ ясенъ; вотъ онъ въ подлинникѣ: «И по грѣхомъ нашимъ обади Ѳедоръ Лозутиниць и Иворъ Новотържичь Якуна Тысяцьскаго Намнѣжиця; князь же Ярославъ створи вѣче на Ярославлѣ дворѣ; идоша на дворъ Якунь, и розграбиша, и жену его яша, а Якунъ заутра иде съ посадникомъ къ князю, и князь повелѣ яти сына его Христофора Мая въ 21. Тъгдаже, на Сборъ, убиша Пруси Овъстрата, и сынъ его Лугату, и въвьргоша й въ греблю мьртвъ; князь же о томъ пожали на Новгородцѣ. Того же лѣта поиде Князь Ярославъ на Тържькъ, поимя съ собою Твърдислава Михалковиця, Микифора, Полюда, Сбыслова, Семена, Олъксу и много бояръ, и одаривъ присла въ Новъгородъ; а самъ сѣде на Тържку.» Въ Никонов. спискѣ событія разсказаны не совсѣмъ такъ, а именно Князь захватываетъ сына посадничья, а не Тысяцкаго. — Что касается Овстрата, убитаго жителями Прусской улицы, то онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ пріятелей Димитрія Мирошкинича, которыхъ Новгородцы не хотѣли держать у себя въ 1209 году, и которые были потому отосланы въ Суздальскую землю; когда онъ возвратился, неизвѣстно.

407) Ихъ имена: Володиславъ Завидиць, Гаврила Игоревиць, Гюрги Олъксиниць, Гаврильць Милятиниць.

408) Впадаетъ въ Волгу ниже обѣихъ рѣкъ Старицъ, при селеніи Холохольнѣ.

409) Ярославской губерніи, Ростовскаго уѣзда.

410) Какимъ же образомъ это случилось? Не должно забывать лѣтописнаго извѣстія, гдѣ говорится о смутѣ по смерти Всеволода, когда одни признали старшинство Юрія и остались у него, а другіе пошли къ Константину въ Ростовъ; могло случиться, что члены одного семейства могли разойтись такимъ образомъ въ разныя стороны; бояре, убѣжавши въ Ростовъ, оставили села во Владимирской области, и теперь рабы ихъ, погнанные изъ поселій, шли противъ нихъ съ Юріемъ; не забудемъ также, что Новгородцы, преданные Ярославу, шли противъ своихъ братій, находившихся съ Мстиславомъ.

411) Никон. II, 325.

412) Этотъ двукратный пожаръ, быть можетъ, былъ произведенъ пріятелями Константина.

413) Наслѣдовавшій Владиміру Юрьевичу, умершему въ 1203 году.

414) Вспомнимъ что Ростиславичей Галицкихъ только подозрѣвали въ смерти Ярополка Изяславича.

415) Изяслава, Кюръ Михаила, Ростислава, Святослава, Глѣба и Романа.

416) Какъ принимать здѣсь слово выдалъ? въ смыслѣ ли физическомъ — отдалъ, сдалъ, или въ томъ смыслѣ, что онъ выдалъ его на судѣ, т. е. не вступился за него передъ княземъ! По слѣдующему извѣстію, что Князь выпустилъ Матея, можно принимать первое, но можно также принять и то и другое.

417) И поидоша они половици и до дѣтіи въ бръняхъ.—Принимать ли здѣсь и до дѣтіи, т. е. даже и до дѣтей, или видѣть въ: и до дѣтіи испорченное изодѣтіи?

418) Арцыбашевъ думаетъ, что эти Тоймокары были жители рѣки Тоймы; онъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ книги — Большой Чертежъ (стр. 195, по изд. Спасскаго): «рѣки, которыя въ Двину пали:... ниже Ухтюхи 50 верстъ, пала рѣка Тойма верхняя, а ниже Тоймы 20 верстъ, пала Тойма нижняя: протоку верхнія Тоймы 150 верстъ, а нижнія Тоймы 70 верстъ.

419) Поѣди къ намъ, забожницье отложи, судье по волости не слати.—Что такое забожничье? объясняютъ данью за божницы, церкви—иновѣрческія?—Не отвѣчаемъ за справедливость этого объясненія.

420) Такъ говоритъ Новгородская лѣтопись, но иное Татищевъ (III, 451): «Ярославъ, выслушавъ присланныхъ отъ Новгородцевъ, сказалъ имъ: естьли данную Михаиломъ неистовую грамоту отринутъ, и учинятъ ему роту по прежнему обычаю, то онъ къ нимъ пойдетъ, и отъ непріятелей ихъ Нѣмецъ своими войсками оборонять будетъ; естьли же оной не отрекутся, то не пойдетъ. Послы послали наскоро въ Новгородъ, и Новгородцы многу распрю имѣли, напослѣдокъ принуждены

оную грамоту оставить и отдать ему, а сами учинили роту Ярославу по прежнему.» — Можно согласить эти извѣстія такъ, что Ярославъ цѣловалъ крестъ на старыхъ грамотахъ Ярославовыхъ, а Новгородцы должны были отказаться отъ новыхъ льготъ Михаиловыхъ.

421) Въ Волынской лѣтописи первое прибытіе Мстислава въ Галичь полагается въ 1212 году; но мы предпочитаемъ хронологію Новгородской лѣтописи.

422) Въ Волын. лѣтоп. нѣтъ подробностей о кончинѣ Мстислава; въ Воскресен. (II, 185) читаемъ: Преставися Мстиславъ Мстиславичь князь Торопецкій, княживъ въ Галичи и поиде въ Кіевъ, разболѣжеся на пути и пострижеся въ схиму и такъ преставися.

423) Былъ ли Олегъ Святославичь, родной дядя Михаила, или Олегъ — Павелъ, сынъ Игоря Святославича, во всякомъ случаѣ онъ былъ дядя Михаилу. — У Татищева (III, 443) именно сказано, что Олегъ Игоревичь Курскій, возвратясь отъ Калки, взялъ себѣ Черниговъ, но Михаилъ призвалъ Юрія на помощь, и Олегъ, не смотря на то, что Митрополитъ Кириллъ заступался за его старшинство, долженъ былъ уступить Черниговъ. — Преемство и родство князей Туровскихъ и Пинскихъ трудно опредѣлить: подъ 1190 годомъ читаемъ: «Рюрикъ Ростиславичь бысть въ Пинески у тещи своея и у шюрьи своея, тогда бо бяше свадба Ярополча.» Подъ 1204 г. видимъ въ Пинскѣ князя Владиміра; а въ 1228 Ростислава.

424) Татищ. III, 247.

425) Лѣтоп. Пер. Сузд. стр. 111.

426) Никон. II, 325.

427) Мы не упоминаемъ здѣсь о Боярахъ Новгородскихъ, Галицкихъ и Волынскихъ, которыхъ дѣятельность и отношенія ясно обозначены въ своемъ мѣстѣ.

428) Scriptores rer. Livonicar. II, I; Russow's livländische Chronic, s. II.

429) Ibidem, I, 1; Chronicon livonicum vetus, s. 50.

430) Chron. Liv. vet. p. 52: Baptismum, quem in aqua susceperant, in Duna se lavando removere putant, remittendo in Teutoniam.

431) Ibid. p. 64: Tu tantum, remisso exercitu, cum tuis ad Episcopatum tuum cum pace revertaris, eos, qui fidem susceperunt, ad eam servandam compellas, alios ad suscipiendam verbis, non verberibus, allicias.

432) Chron. Liv. vetus. p. 95: Livones e contrario, nec eos pacem velle, nec servare, proclamant. Quorum os, mala dictione et amaritudine plenum, magis ad bella struenda, quam ad pacem faciendam cor et animum regis incitat.

433) Ibid. p. 101. Erat autem inter eos Ako, princeps ac senior ipsorum, qui totius traditionis et omnium malorum extiterat auctor.

434) Объ этомъ Вячеславѣ или Вячкѣ и братѣ его Василькѣ, сыновьяхъ Бориса Давыдовича Полоцкаго, и мачихѣ ихъ Святохнѣ, см. любопытный разсказъ у Татищева III, стр. 403 и слѣд.

435) Chron. Liv. vetus, p. 134: Erat namque rex Wissewalde de Gercike Christiani nominis et maxime Latinorum, semper infensus inimicus. — Wissewalde сходнѣе со Всеволодомъ; но въ точности ручаться нельзя; очень можетъ быть, что это и Василько.

436) Scriptor. rer. Livonic. I, 1, p. 409.

437) Chror. Liv. vetus, p. 138: Et acceperunt ab eis quadringentas marcas nagatarum. Эстонское слово nahk, gen. nahha, значитъ: кожа:

438) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 32.

439) Sed neque Regi tributa sua dari prohibebat, secundum quod Dominus in Euangelio suo iterum ait: Reddite, quae sunt Caesaris, Caesari et. c. Quia et ipse episcopus versa vice quandoque eundem censum etiam regi pro Livonibus persolverat. Livones, autem, nolentes duobus dominis servire, tam Ruthenis videlicet, quam Teutonicis, suggerebant Episcopo in omni tempore, quatenus eos a jugo Ruthenorum omnino liberaret.

440) Chron. Liv. vetus, p. 186.

441) Monum. Liv. antiquae, III, p. 78.

442) Chron. Liv. vetus. p. 296.

443) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 35; ср. Chron. Liv. vet. p. 206.

444) Chron. Liv. vet. p. 280, 284.

445) По Татищ. (III, 431) Нѣмцы взяли Юрьевъ обманомъ, заключили перемиріе, и воспользовавшись неосторожностію осажденныхъ, надѣявшихся на это перемиріе, зажгли городъ.

446) Полн. Соб. Русск. Лѣт. III, 42: воевали бо бяху около озера на Исадѣхъ и Олоньсъ.—Гг. Надеждинъ и Неволинъ замѣчаютъ: «Есть и нынѣ село Изсадъ, на Волховѣ, близь впаденія его въ озеро Ладожское, между Старою и Новою Ладогою. Но городъ Олонецъ очень далеко отсюда.» Но мы не знаемъ подробностей, откуда и какъ пришла Ямь; она опустошала Новгородскія мѣста на берегахъ Ладожскаго озера: Олонецъ недалеко отъ послѣдняго.

447) О походѣ на Тоймокаровъ было упомянуто выше.

448) Послѣ этого ясно, какъ мы должны понимать выраженія, что Новгороду принадлежали обширныя страны отъ сѣверной Двины до Урала и за Уралъ.

449) Племянникомъ своимъ Изяславомъ Глѣбовичемъ, съ Владиміромъ Святославичемъ Черниговскимъ, Мстиславомъ Давыдовичемъ Смоленскимъ, съ четырьмя Глѣбовичами Рязанскими: Романомъ, Игоремъ, Всеволодомъ и Владиміромъ, да съ Муромскимъ Владиміромъ.

450) Такъ понимаютъ это мѣсто: но мы не рѣшаемся признавать это пониманіе совершенно правильнымъ; вотъ самый текстъ: «То видѣвше молодіи Ярославли и Василкови и Всеволожи, утаившеся, назаутріе ѣхаша въ лѣсъ глубокъ, а Мордва, давше имъ путь, а сами лѣсомъ обидоша ихъ около, избиша ѝ, а иныхъ изъимаша; бѣжаша въ тверди, тѣхъ тамо избиша, и княземъ нашимъ не бысть кого воевати.

451) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 179: Той же зимы (1208) бишася Олговичи съ Литвою. — Гдѣ, неизвѣстно.

452) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 25: Ловоть възяша Литва и до Налюця, съ Бѣлѣ до Свинорта и до Ворча Середу; и гнашася Новгородцы по нихъ и до Цьрнянъ.—Изъ этихъ мѣстъ съ вѣрностію можно опредѣлить Свинортъ въ Новгородскомъ уѣздѣ при р. Шелони, и Налючи, въ Демьянскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Полѣ, предъ сліяніемъ ея съ Ловатью.

453) Полн. Собр. Рус. Лѣт. II, 153. И взяша села безъ утеча съ людми.

454) Тамъ же стр. 167: Князій однѣхъ было Половьцьскихъ 400 и 17.

455) Стало быть Святославъ, не считая себя крѣпкимъ въ Кіевѣ, подобно отцу Всеволоду, оставилъ за собою страну Вятичей.

456) Селеніе Римъ на границѣ уѣздовъ Роменскаго, Лохвицкаго и Прилуцкаго.

457) Книга Большой Чертежъ, стр. 18: «А отъ Гнилой Орели къ рѣчкѣ Торцу верстъ съ 20; а Торецъ по лѣву Муравской дороги палъ въ Большой Торъ ниже Святыхъ горъ, отъ Донца версты съ 4. Большой Торъ, течетъ съ юга на сѣверозападъ, изъ Екатеринославской губерніи въ Харьковскую, и протекши мимо города Славянска впадаетъ въ Донецъ.

458) Близь устья Золотоноши въ Днѣпръ, напротивъ города Черкасъ есть село Мутатинцы.

459) По всѣмъ вѣроятностямъ онъ шелъ отъ верховьевъ Дона внизъ по этой рѣкѣ.

460) Schott: älteste Nachrichten von Mongolen und Tataren, Berlin, 1846.

461) Дубровица была волость Туровско-Пинская, слѣд. эти князья принадлежали къ племени Святополкову.

462) Относительно Бродниковъ очень вѣроятна догадка Карамзина (II, прим. 302): «Путешественникъ XIII вѣка, Рубруквисъ, сказываетъ, что между Волгою и Дономъ жили многіе Русскіе, Аланскіе и Венгерскіе или Башкирскіе разбойники, составляя какъ бы народъ особенный: вѣроятно, что они именуются въ нашихъ лѣтописяхъ Бродниками, т. е. бродягами, сволочью.

463) Князь Святославъ Яневскій, быть можетъ сынъ Владиміра Мстиславича, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ спискахъ онъ названъ Мстиславомъ; Изяслава Ингворовича, внука Ярослава Луцкаго; Святослава Шумскаго—Шумскъ также Волынская волость; Юрія Несвѣжьскаго—Несвѣжь, мѣстечко Слуцкаго уѣзда Минской губерніи, Туровская волость.

464) Татищ. III, 337.

ДОПОЛНЕНІЯ.

ко второму тому.

Изложенный нами во второмъ томѣ взглядъ на междукняжескія отношенія встрѣтилъ съ разныхъ сторонъ возраженія, когда впервые былъ высказанъ въ книгѣ нашей: Исторія отношеній между Русскими Князьями Рюрикова дома. Теперь считаемъ не безполезнымъ разобрать эти возраженія.

Г. Кавелинъ въ рецензіи своей, напечатанной въ Современникѣ 1847 года, представилъ слѣдующія возраженія:

«Г. Соловьевъ говоритъ о родовыхъ отношеніяхъ, потомъ о государственныхъ, которыя сначала съ ними боролись и наконецъ ихъ смѣнили. Но въ какомъ отношеніи они находились между собою, откуда взялись государственныя отношенія въ нашемъ быту вслѣдъ за родовыми—этого онъ не объясняетъ, или объясняетъ слишкомъ неудовлетворительно. Вопервыхъ, онъ не показываетъ естественной преемственности быта юридическаго послѣ родоваго; во вторыхъ, взглядъ его не вполнѣ отрѣшился отъ преувеличеній, которыя такъ изукрасили древнюю Русь, что ее нельзя и узнать. Правда, его взглядъ несравненно простѣе, естественнѣе; но надо было сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобъ довершить полное высвобожденіе древней Русской исторіи отъ несвойственныхъ ей представленій; а его-то г. Соловьевъ и не сдѣлалъ. Этимъ и объясняется, почему авторъ по необходимости долженъ былъ прибѣгнуть къ остроумной, но невѣрной гипотезѣ о различіи новыхъ княжескихъ городовъ отъ древнихъ вѣчевыхъ, для объясненія новаго порядка вещей, народившагося въ сѣверовосточной Россіи. Представляя себѣ въ нѣсколько неестественныхъ размѣрахъ Владимирскую и Московскую Русь, г. Соловьевъ увидѣлъ въ нихъ то, чего они или вовсе не представляли, или представляли, но не въ томъ свѣтѣ, который имъ придаетъ авторъ. Оттого у г. Соловьева между Русью до и послѣ XIII вѣка цѣлая пропасть, которую наполнить можно было чѣмъ нибудь внѣшнимъ, не лежавшимъ въ органическомъ развитіи нашего древнѣйшаго быта. Такимъ вводнымъ обстоятельствомъ является у автора система новыхъ городовъ; вывести эту систему изъ родовыхъ началъ, наполнявшихъ своимъ развитіемъ государственную исторію Россіи до Іоанна III, нѣтъ никакой возможности. Объяснимся. Мы уже сказали, что государственный, политическій элементъ одинъ сосредоточиваетъ въ себѣ весь интересъ и всю жизнь древ-

ней Руси. Если этотъ элементъ выразился въ родовыхъ, патріархальныхъ формахъ, ясно, что въ то время они были высшей и единственно возможной формой быта для древней Руси. Никакихъ сильныхъ переворотовъ во внутреннемъ составѣ нашего отечества не происходило; отсюда можно a priori безошибочно заключить, что всѣ измѣненія, происшедшія постепенно въ политическомъ быту Россіи, развились органически изъ самого патріархальнаго, родоваго быта. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что исторія нашихъ Князей представляетъ совершенно естественное перерожденіе кровнаго быта въ юридическій и гражданскій. Сначала Князья составляютъ цѣлый родъ, владѣющій собща всею Русскою землею. Отношеній по собственности нѣтъ и быть не можетъ, потому что нѣтъ прочной осѣдлости. Князья безпрестанно переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного владѣнія въ другое, считаясь между собою только по родству, старшинствомъ. Въ послѣдствіи они начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ. Какъ только это сдѣлалось, княжескій родъ раздробился на вѣтви, изъ которыхъ каждая стала владѣть особеннымъ участкомъ земли — областью или княжествомъ. Вотъ первый шагъ къ собственности. Правда, въ каждый отдѣльной территоріи продолжался еще прежній порядокъ вещей: общее владѣніе, единство княжеской вѣтви, имъ обладавшей и переходы Князей. Но не забудемъ, что эти территоріи были несравненно меньше, княжескія вѣтви малочисленнѣе; стало быть, теперь гораздо легче могла возникнуть мысль, что княжество ни болѣе, ни менѣе какъ княжеская вотчина, наслѣдственная собственность, которою владѣлецъ можетъ распоряжаться безусловно. Когда эта мысль, конечно, безсознательно, наконецъ укрѣпилась и созрѣла, территоріальные, владѣльческіе интересы должны были одержать верхъ надъ личными, т. е. по тогдашнему кровными и родственными.... Братья между собою считались старшинствомъ, и такимъ образомъ, даже по смерти отца, составляли цѣлое, опредѣляемое постоянными законами, но дѣти каждаго изъ нихъ имѣли ближайшее отношеніе къ отцу, и только второстепенное, посредственное къ роду. Для нихъ ихъ семейные интересы были главное и первое; родъ былъ уже гораздо дальше и не могъ такъ живо, всецѣло поглощать ихъ вниманіе и любовь. Прибавьте къ этому, что и для ихъ отца выгоды своей семьи были близки и во многихъ случаяхъ, приходя въ столкновеніе съ выгодами рода, могли ихъ перевѣшивать. Но пока родъ былъ немногочисленъ и линіи еще недалеко разошлись, родъ еще могъ держаться; а что жъ должно было произойти, когда послѣ родоначальника смѣнились три, четыре поколѣнія, — когда

каждая княжеская линія имѣла уже свои семейныя и родовыя преданія, а общеродовые интересы ступили на третье, четвертое мѣсто? Естественно, къ роду, обратившемуся теперь въ призракъ, всѣ должны были охладѣть. Въ слѣдствіе чего же? Въ слѣдствіе того, что вотчинное, семейное начало, нисходящіе разорвали родъ на самостоятельныя, другъ отъ друга независящія части или отрасли. Этотъ процессъ повторялся нѣсколько разъ: изъ вѣтвей развивались роды. Эти роды разлагались семейнымъ началомъ и т. д. до тѣхъ поръ, пока родовое начало не износилось совершенно.»

Объяснимся и мы теперь съ своей стороны.

Г. Кавелинъ говоритъ: «Спачала Князья составляютъ цѣлый родъ, владѣющій сообща всею Русскою землею. Князья безпрестанно переходятъ съ мѣста на мѣсто; впослѣдствіи они начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ. — Вотъ первый шагъ къ собственности.» — Но спрашиваемъ: почему же они вдругъ начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ? Что ихъ къ этому принудило? Рѣшеніе этого-то вопроса, отысканіе причины, почему Князья начинаютъ усаживаться на мѣстахъ, и есть главная задача для историка. Князья могли усѣсться тогда только на мѣстахъ, когда получили понятіе объ отдѣльной собственности, а по мнѣнію г. Кавелина выходитъ на оборотъ, у него слѣдствіе поставлено причиною, и какъ произошло основное явленіе — не объяснено. — «Правда, говоритъ онъ, въ каждой отдѣльной территоріи продолжался еще прежній порядокъ вещей: общее владѣніе, единство княжеской вѣтви, имъ обладавшей, и переходы Князей. Но не забудемъ, что эти территоріи были несравненно меньше, княжескія вѣтви малочисленнѣе; стало быть, теперь гораздо легче могла возникнуть мысль, что княжество ни болѣе, ни менѣе, какъ княжеская вотчина, наслѣдственная собственность.» — Но не забудемъ, что когда територія меньше, когда Княжеская вѣтвь малочисленнѣе, тогда то и представляется полная возможность развиваться родовымъ отношеніямъ, укореняться понятію объ общемъ владѣніи, потому что обширная територія и многочисленность княжескихъ вѣтвей всего болѣе содѣйствуютъ раздробленію рода, порванію родовой связи; такимъ образомъ здѣсь г. Кавелинъ причиною явленія ставитъ то, что должно необходимо вести къ слѣдствіямъ противоположнымъ; но намъ не нужно возражать г. Кавелину, онъ самъ себѣ возражаетъ: «Пока родъ, говоритъ онъ, былъ немногочисленъ и линіи еще не далеко разошлись, родъ еще могъ держаться; а что жъ должно было произойти, когда послѣ родоначальника смѣнились три, четыре поколѣнія, когда каждая княжеская ли-

нія имѣла уже свои семейныя и родовыя преданія, и общеродовые интересы ступили на третье, четвертое мѣсто. Естественно къ роду должны были всѣ охладѣть.» — Развѣ здѣсь не противорѣчіе? сперва говорится, что родовое начало рушится, когда княжеская вѣтвь становится малочисленнѣе, а потомъ утверждаютъ, что родовое начало ослабѣло въ слѣдствіе развѣтвленія рода! — Родъ раздробляется въ слѣдствіе развѣтвленія, къ роду всѣ должны были охладѣть. Въ слѣдствіе чего же, спрашиваетъ г. Кавелинъ, и отвѣчаетъ: «Вслѣдствіе того, что вотчинное, семейное начало, нисходящіе разорвали родъ на самостоятельныя, другъ отъ друга независящія части или отрасли.» Но теперь, когда большой родъ разорвался на малые роды или семьи, то что мѣшаетъ имъ развиваться опять въ роды или большія семьи? быть можетъ, малочисленность вѣтвей, какъ прежде говорилъ г. Кавелинъ? Нѣтъ, ни что не мѣшаетъ: «Этотъ процессъ, говоритъ г. Кавелинъ, повторялся нѣсколько разъ: изъ вѣтвей развивались роды. Эти роды разлагались семейнымъ началомъ и т. д. до тѣхъ поръ, пока родовое начало не износилось совершенно.» — И такъ сначала говорилось, что родовое начало ослабѣвало въ слѣдствіе малочисленности Княжеской вѣтви, потомъ говорилось, что оно ослабѣвало въ слѣдствіе развѣтвленія рода, многочисленности его членовъ; наконецъ показали намъ, что ни то, ни другое не могло уничтожить родовыхъ отношеній, ибо когда родъ раздробится на нѣсколько отдѣльныхъ княжескихъ линій, то эти линіи стремятся опять развиваться въ роды, слѣд. малочисленность княжеской вѣтви ни сколько этому не мѣшаетъ; что же уничтожило родовыя отношенія? да такъ, ничто, родовое начало износилось само собою! какъ будто бы въ исторіи и въ природѣ вообще можетъ что-нибудь исчезнуть, износиться само собою, безъ вліянія внѣшнихъ условій?

Нужно ли говорить, какъ приведенное мнѣніе г. Кавелина соотвѣтствуетъ дѣйствительности, фактамъ? Но оно именно явилось въ слѣдствіе отрѣшенности отъ фактовъ, отъ всякой живой, исторической связи событій, отъ живыхъ историческихъ взаимнодѣйствующихъ началъ, между которыми главное мѣсто занимаютъ личности историческихъ дѣятелей и почва, на которой они дѣйствуютъ, ея условія. Родовымъ княжескимъ отношеніямъ нанесенъ былъ первый сильный ударъ, когда сѣверовосточная Русь отдѣлилась отъ югозападной, получила возможность дѣйствовать на послѣднюю, благодаря дѣятельности Андрея Боголюбскаго; но какъ образовался характеръ, взглядъ, отношенія послѣдняго, почему онъ пренебрегъ югомъ, почему началъ новый порядокъ вещей, и почему

этотъ порядокъ вещей принялся и укоренился на сѣверѣ, и не могъ приняться на югѣ—это объяснитъ только изслѣдованіе почвы сѣвера и юга, а не сухое, отвлеченное представленіе о томъ, какъ семейное начало разлагало родовое, но не могло разложить, пока то само не износилось совершенно. Сперва старшіе Князья смотрѣли и могли только смотрѣть на младшихъ какъ на равноправныхъ родичей, ибо, кромѣ вкорененныхъ понятій, не имѣли матеріальной силы, зависѣли отъ младшихъ родичей; но потомъ явился Князь, который, получивъ независимость отъ родичей, матеріальную силу, требуетъ отъ младшихъ, чтобъ они повиновались ему безпрекословно; тѣ ясно понимаютъ, что онъ хочетъ перемѣнить прежнія родовыя отношенія на новыя, государственныя, хочетъ обращаться съ ними не какъ съ равноправными родственниками, но какъ съ подручниками, простыми людьми; начинается продолжительная борьба, въ которой мало по малу младшіе должны признать новыя отношенія, должны подчиниться старшему, какъ подданные государю. Историкъ смотритъ на эту борьбу, какъ на борьбу родовыхъ отношеній съ государственными, начавшуюся въ XII и кончившуюся полнымъ торжествомъ государственныхъ отношеній въ XVI вѣкѣ, а ему возражаютъ, что онъ о государственныхъ отношеніяхъ не долженъ говорить до самого Петра В., что со временъ Андрея Боголюбскаго начинаетъ господствовать семейное начало, которое разлагаетъ, смѣняетъ родовое, а до государственнаго еще далеко. Но стало быть Андрей Боголюбскій перемѣнилъ родовыя отношенія къ Ростиславичамъ на семейныя? новыя подручническія отношенія, какихъ не хотѣли принять Ростиславичи, выходятъ, семейныя, въ противоположность родовымъ?? Что можетъ быть проще, естественнѣе, непосредственнѣе перехода отъ значенія В. Князя, какъ старшаго въ родѣ только, зависимаго отъ родичей, къ значенію Государя, какъ скоро онъ получаетъ независимость отъ родичей, матеріальную силу? А г. Кавелинъ говоритъ, что между этими двумя значеніями цѣлая пропасть, которую мы ни чѣмъ не наполнили, и которая, по его мнѣнію, наполняется господствомъ семейнаго начала.

Но г. Кавелинъ, объясняя исчезновеніе родоваго начала разложеніемъ его посредствомъ начала семейнаго, изнашиваніемъ безъ причины, безъ всякаго посторонняго вліянія, отвергая объясненіе наше относительно старыхъ и новыхъ городовъ, самъ на стр. 194 принимаетъ вліяніе городовъ за разлагающее родовой бытъ начало, и упрекаетъ насъ въ томъ, что мы не выставили его какъ движущее начало, тогда какъ мы именно выставили отношенія городовъ движущимъ началомъ, выставили

отношенія новыхъ городовъ къ Князьямъ главнымъ условіемъ въ произведеніи новаго порядка вещей, и отношенія старыхъ городовъ условіемъ для поддержанія стараго, потому что старыя общины не понимали наслѣдственности, и потому препятствовали Князьямъ усаживаться въ однихъ и тѣхъ же волостяхъ, смотрѣть на послѣднія, какъ на отдѣльную собственность; если старыя общины перепутывали иногда княжескіе родовые счеты, то этимъ они подавали поводъ къ усобицамъ, но не могли вести къ разложенію родоваго начала, ибо предпочтенное племя развивалось опять въ родъ съ прежними счетами и отношеніями, а на отношенія къ старымъ общинамъ Князья опереться не могли, по шаткости, неопредѣленности этихъ отношеній.—Прежде г. Кавелинъ утверждаетъ, что родовое начало исчезло само собою въ слѣдствіе повторительнаго разложенія семейнымъ началомъ, безъ всякаго участія постороннихъ условій, которыхъ, по мнѣнію г. Кавелина, вовсе не было на Руси, а потомъ подлѣ семейнаго или вотчиннаго начала онъ ставитъ вліяніе общинъ на разложеніе родоваго быта. Мы видимъ здѣсь непослѣдовательность, противорѣчіе, но все ради за автора, что онъ призналъ наконецъ возможность постороннихъ вліяній; но если онъ призналъ вліяніе городовъ, то за чѣмъ же онъ такъ сильно вооружается на насъ за то, что мы выставили это вліяніе, и не приняли его объясненія, по которому родовое начало должно было, безо всякой причины, безо всякаго посторонняго вліянія, само собою износиться? Мы принимаемъ вліяніе городовыхъ отношеній, и онъ принимаетъ теперь это вліяніе, слѣд. вопросъ долженъ идти о томъ только, какъ разсматривать это вліяніе, а не о томъ, нужно или ненужно вводить его? Зачѣмъ же г. Кавелинъ говоритъ, что наша гипотеза о вліяніи городовыхъ отношеній не нужна въ наукѣ?

Г. Кавелинъ утверждаетъ, что рядомъ съ родовыми, кровными интересами у древнихъ Князей нашихъ развивались и другіе, владѣльческіе, которые впослѣдствіе мало по малу вытѣснили всѣ другіе. Онъ говоритъ: «Мы позволимъ себѣ даже пойти далѣе и утверждать, въ противность мнѣнію г. Соловьева, что эти интересы уже стояли теперь на первомъ планѣ, но только прикрывались формами родовыхъ отношеній, такъ сказать вздерживались ими, и потому то борьба за старшинство, которою авторъ характеризуетъ междукняжескія отношенія въ эту эпоху, не что иное, какъ выраженіе тѣхъ же владѣльческихъ стремленій, которыя Князья старались узаконить господствовавшимъ тогда родовымъ правомъ.» — Отвѣчаемъ: историку нѣтъ дѣла до владѣльческихъ интересовъ, отрѣшенно взятыхъ; ему дѣло только до того, какъ выражались эти

владѣльческіе интересы, какъ владѣютъ Князья, что даетъ имъ возможность владѣть тѣми или другими волостями, какъ эта возможность опредѣляется ими самими и цѣлымъ современнымъ обществомъ, потому что только эти опредѣленія характеризуютъ извѣстный вѣкъ, извѣстное общество, а эта-та характеристика прежде всего и нужна для историка. Впрочемъ это мнѣніе о преобладаніи владѣльческихъ интересовъ болѣе развито г. Погодинымъ, который въ статьѣ своей: О междоусобныхъ войнахъ—выражается такъ:

«Гдѣ право, тамъ и обида, говоритъ русская пословица. У насъ же наслѣдственное право состояло въ одномъ семейномъ обычаѣ, который искони передавался отъ отцевъ къ дѣтямъ, изъ рода въ родъ, безъ всякой опредѣленной формы, всего менѣе юридической. Простираясь, по самому естеству вещей, только на ближайшее потомство, и завися во многихъ отношеніяхъ отъ произвола дѣйствующихъ лицъ, онъ подавалъ легко поводы къ недоразумѣніямъ, спорамъ, и слѣд. войнамъ при всякихъ *новыхъ* случаяхъ, вслѣдствіе неизбѣжнаго умноженія Княжескихъ родовъ. Присоедините бранный духъ господствующаго племени, избытокъ физической силы, неукротимость первыхъ страстей, жажду дѣятельности, которая нигдѣ болѣе, по перемѣнившимся обстоятельствамъ, не находила себѣ поприща, и вы поймете, почему междоусобія занимаютъ самое видное мѣсто въ нашей исторіи отъ кончины Ярослава до владычества Монголовъ, 1054—1240. Впрочемъ они были совсѣмъ нетаковы, какими у насъ, безъ ближайшаго разсмотрѣнія, представлялись и представляются. И такъ подвергнемъ ихъ строгому, подробному химическому анализу или разложенію, и изслѣдуемъ, за что, какъ, гдѣ, когда, кѣмъ они велися, и какое могли имѣть вліяніе надѣйствующія лица, на всю землю и ея судьбы. Постараемся вести наши изслѣдованія путемъ строгимъ, *математическимъ*.»

Мы видимъ здѣсь, что г. Погодинъ начинаетъ свое изслѣдованіе какъ должно, съ главной причины разбираемаго явленія, указываетъ на главный источникъ междоусобныхъ войнъ: этотъ источникъ—семейный обычай. Но найдя главную причину, главный источникъ междоусобій въ семейномъ обычаѣ, мы должны, идя *путемъ строгимъ*, прежде всего изслѣдовать, какой же это былъ семейный обычай, какъ подавалъ онъ поводы къ спорамъ, какіе это были новые случаи, зараждавшіе войны? Для этого мы должны разсмотрѣть всѣ междоусобныя войны, изъ года въ годъ, по лѣтописямъ, и зная, что источникъ каждой войны заключался въ семейномъ обычаѣ, должны объяснять, какая междоусобная война про-

изошла въ слѣдствіе какихъ семейныхъ счетовъ и разсчетовъ, какое право, по господствовавшимъ тогда понятіямъ, имѣлъ извѣстный Князь считать себя обиженнымъ и начинать войну; за то ли начата она, что младшему дали больше волостей, чѣмъ старшему, или старшій обидѣлъ младшаго, или, быть можетъ, младшій не уважилъ правъ старшаго? Такъ мы должны изслѣдовать междоусобныя войны, если хотимъ идти путемъ строгимъ, математическимъ. Но такъ ли поступаетъ г. Погодинъ? Показавъ въ началѣ статьи главную причину междоусобій въ семейномъ обычаѣ, онъ потомъ задаетъ вопросъ: за что̀ Князья воевали? и отвѣчаетъ: «Главною причиною, источникомъ, цѣлью всѣхъ междоусобныхъ войнъ были *волости*, т. е. владѣнія. Переберите всѣ войны, и въ сущности, при началѣ или концѣ, вы не найдете ни какой другой причины, именно (начинаетъ пересчитывать): Ростиславъ отнялъ Тмутаракань у Глѣба Святославича. Всеславъ Полоцкій взялъ Новгородъ. Изяславъ воротилъ себѣ Кіевъ и отнялъ Полоцкъ у Всеслава,» и проч. —

Прежде всякаго возраженія, попробуемъ взглянуть точно такимъ же образомъ на событія всеобщей исторіи, и начнемъ разсуждать такъ: главною причиною, источникомъ, цѣлью всѣхъ войнъ между народами въ древней, средней и новой исторіи были волости, т. е. владѣнія. Переберите всѣ войны, и въ сущности, при началѣ или концѣ, вы не найдете никакой другой причины, а именно: Персы воевали съ Греками, взяли Аѳины и другіе города; Греки возвратили свои города отъ Персовъ. Спартанцы воевали съ Аѳинянами, взяли Аѳины; Аѳиняне возвратили свой городъ отъ Спартанцевъ. Филиппъ Македонскій побѣдилъ Грековъ. Александръ Македонскій завоевалъ Персію. Римляне взяли Карѳагенъ. Крестоносцы овладѣли Іерусалимомъ. Испанцы взяли Гренаду, и т. д.— До сихъ поръ мы думали, что историкъ обязанъ представлять событія въ связи, объяснять причины явленій, а не разрывать всякую связь между событіями; если одинъ Князь пошелъ и взялъ городъ, а другой пришелъ и отнялъ у него добычу, то неужели это только и значитъ, что Князья воевали именно за этотъ городъ, и слѣдовательно война Юрія Долгорукаго съ племянникомъ его Изяславомъ Мстиславичемъ совершенно похожа на войну Карѳагенянъ съ Римлянами, потому что и здѣсь и тамъ воюютъ за волости. Войны характеризуются причинами, а не формою, которая постоянно вездѣ и всегда одинакова; г. Погодинъ назвалъ статью свою: «Междоусобныя Войны;» но изъ этой статьи нельзя догадаться, чтобы войны, о которыхъ говорится, были междоусобныя, въ выпискахъ изъ лѣтописи читатель рѣшительно не пойметъ, какія отноше-

нія между воюющими Князьями, что̀ они—независимые владѣльцы совершенно отдѣльныхъ государствъ, или есть между ними какая-нибудь связь. Видно, что они родня другъ другу; но по какимъ отношеніямъ дѣйствуютъ они, и какое значеніе имѣютъ города, которые они отнимаютъ другъ у друга, этого не видно. На пяти печатныхъ листахъ помѣщены выписки изъ лѣтописей, и въ концѣ статьи узнаемъ, что жили въ старину Князья, которые отнимали другъ у друга владѣнія — и только. Но взглянемъ на эти выписки: «1064 г. Ростиславъ отнялъ Тмутаракань у Глѣба Святославича.» Какая же причина этому явленію? Не знаемъ; по крайней мѣрѣ г. Погодинъ не объясняетъ намъ ее; онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что Ростиславъ взялъ Тмутаракань безо всякаго предлога. Да кто же такой былъ Ростиславъ? Онъ былъ сынъ старшаго сына Ярославова Владиміра, Князя Новгородскаго; стало быть и Ростиславъ былъ Князь Новгородскій же? нѣтъ; по какимъ же это образомъ могло случиться? Сынъ старшаго сына Ярославова не получилъ не только старшаго стола — Кіева, но даже и отцовскаго стола — Новгорода, принужденъ добывать себѣ волость мечемъ? Это явленіе объясняется семейнымъ обычаемъ, по которому Ростиславъ считался изгоемъ. И такъ причина взятія Тмутаракани Ростиславомъ у Глѣба былъ семейный обычай, который и самъ г. Погодинъ въ началѣ статьи поставилъ главною причиною междоусобій; въ слѣдствіе того же семейнаго обычая происходили и другія междоусобія въ волости Черниговской и Волынской. Волости раздавались въ слѣдствіе родовыхъ отношеній, въ слѣдствіе родоваго обычая (который г. Погодинъ называетъ семейнымъ, боясь употребить слово: родовой, какъ будто здѣсь дѣло въ словахъ), на основаніи старшинства: старшій получалъ больше, младшій меньше; *обида* происходила, если тотъ, кто считалъ себя *старшимъ*, получалъ меньше, нежели тотъ, кого онъ считалъ младшимъ или равнымъ себѣ; обиженный начиналъ дѣйствовать вооруженною рукою, и происходило междоусобіе. Отъ чего же происходило оно? гдѣ главная его причина, источникъ? Родовой счетъ по старшинству, а не волость, которая сама условливается старшинствомъ; междоусобіе происходило отъ обиды, а обида отъ неправильнаго, по мнѣнію обиженнаго, счета, неправильнаго представленія объ его старшинствѣ. Я обиженъ, потому что мнѣ дали мало, но почему я думаю, что мнѣ дали мало—вотъ главная причина, ибо ее только я могу выставить при отыскиваніи своего права. Но пусть говорятъ за насъ сами дѣйствующія лица: по смерти В. К. Всеволода, сынъ его Владиміръ сказалъ: «Если я сяду на столѣ отца своего, то будетъ у меня война съ Свято-

полкомъ, потому что этотъ столъ принадлежалъ прежде отцу его.» Будетъ междоусобіе, говоритъ Мономахъ, *потому что* (главная и единственная причина междоусобій!) Святополкъ старше меня: онъ сынъ старшаго Ярославича, который прежде моего отца сидѣлъ на старшемъ столѣ. На этотъ разъ Мономахъ не нарушилъ права старшинства, и междоусобія не было: съ уничтоженіемъ причины уничтожилось и слѣдствіе; но по смерти Святополка Мономахъ принужденъ былъ нарушить право старшинства Святославичей Черниговскихъ, и отсюда междоусобіе между Мономаховичами и Ольговичами. Послушаемъ опять, какъ разсуждаютъ сами дѣйствующія лица, сами Князья: Всеволоду Ольговичу удалось возстановить свое право старшинства и овладѣть Кіевомъ; приближаясь къ смерти, онъ говоритъ: «Мономахъ нарушилъ наше право старшинства, сѣлъ въ Кіевѣ мимо отца нашего Олега, да и послѣ себѣ посадилъ Мстислава, сына своего, а тотъ послѣ себя посадилъ брата своего Ярополка: такъ и я сдѣлаю тоже, послѣ себя отдаю Кіевъ брату своему Игорю.» Нарушеніе права старшинства Святославичей со стороны Мономаха и его потомковъ, заставляетъ и Ольговича дѣйствовать такимъ же образомъ. Противъ этого, разумѣется, должны были возстать Мономаховичи, и вотъ междоусобіе. Но опять послушаемъ, какую причину этому междоусобію выставляетъ Мономаховичь Изяславъ—опять тѣ же родовые счеты, родовой обычай: «Я терпѣлъ Всеволода на столѣ Кіевскомъ, говоритъ Изяславъ, *потому что* онъ былъ *старшій* братъ: братъ и зять старшій для меня вмѣсто отца, а съ этими (братьями Всеволода) хочу управиться, какъ мнѣ Богъ дастъ.»—Выписывая извѣстія изъ лѣтописи, гдѣ упоминаются волости, хотятъ убѣдить насъ, что за нихъ идетъ все дѣло, и скрываютъ всѣ причины, всю связь событій; но раздробивъ событія, отнявъ у нихъ связь, можно доказать все, что угодно. Такъ и война у Мономаховичей, между дядею Юріемъ и племянникомъ Изяславомъ, причиною которой были родовые счеты, споръ о старшинствѣ, у г. Погодина представлена только борьбою за волости; читаемъ: «Юрій говорилъ: я выгоню Изяслава и возьму его область. Изяславъ возвратилъ Кіевъ отъ Георгія и хотѣлъ взять Переяславль. Георгій отнялъ Кіевъ.» — Но при этомъ выпущены изъ княжескихъ рѣчей самыя важныя мѣста: Юрій говоритъ Изяславу: «дай мнѣ Переяславль, и я посажу тамъ сына, а ты царствуй въ Кіевѣ.» Но эта рѣчь въ подлинникѣ начинается такъ: «Се, брате, на мя еси приходилъ, и землю повоевалъ, и *старѣйшинство съ мене снялъ.*» Пропущена и рѣчь Вячеслава къ брату Юрію, въ которой объявлена прямая причина войны: «Ты мнѣ говорилъ (Юрій Вя-

числаву): *не могу поклониться младшему* (т. е. племяннику Изяславу); но вотъ теперь Изяславъ добылъ Кіевъ, поклонился мнѣ, назвалъ меня отцемъ, и я сижу въ Кіевѣ; если ты прежде говорилъ: младшему не поклонюсь, то я старше тебя, и не малымъ.» — Скажите человѣку, вовсе незнакомому съ Русской Исторіею, что междоусобныя войны, происходившія въ древней Руси, были родовые споры между Князьями, владѣвшими своими волостями по старшинству,—и всякій пойметъ васъ, для всякаго будетъ ясенъ характеръ древняго періода нашей исторіи, отличіе ея отъ исторіи другихъ народовъ; но сказать, что причиною, источникомъ нашихъ древнихъ междоусобныхъ войнъ были волости, владѣнія, значитъ все равно, что не сказать ничего: какое понятіе о древней Русской Исторіи можно получить отъ такого опредѣленія? чѣмъ отличить тогда древній періодъ нашей исторіи отъ феодальнаго періода въ исторіи западныхъ народовъ? и здѣсь, и тамъ происходили междоусобныя войны — за владѣнія!

Вотъ почему въ предисловіи къ Исторіи отнош. между Русс. Кн. Рюр. дома мы почли необходимымъ вооружиться противъ обычныхъ выраженій: раздѣленіе Россіи на удѣлы, удѣльные Князья, удѣльный періодъ, удѣльная система, ибо эти выраженія должны приводить къ ложному представленію о нашей древней исторіи: они ставятъ на первый планъ раздѣленіе, владѣнія, области, тогда какъ на первомъ планѣ должны быть отношенія владѣльцевъ, то, какъ они владѣютъ. Г. Кавелинъ говоритъ: «Мы не скажемъ съ авторомъ, что Князья бьются за старшинство, тѣмъ менѣе, что Святославичи хотятъ Кіева не для Кіева, а для старшинства. Напротивъ мы утверждаемъ, что Князья стараются пріобрѣсти лучшія и возможно большія владѣнія, оправдывая себя родовымъ старшинствомъ.»—Но прежде всего спросимъ у г. Кавелина, что̀ давало Князю возможность получить лучшую волость? право старшинства? Самъ г. Кавелинъ говоритъ: «Изяславъ самъ собою не могъ удержаться въ Кіевѣ и долженъ былъ признать Кіевскимъ Княземъ и отцомъ ничтожнаго дядю своего Вячеслава, потому что послѣдній былъ старшій. Это признаніе было пустой формой; Вячеславъ ни во что не вмѣшивался, не имѣлъ дѣтей и вся власть на дѣлѣ принадлежала Изяславу.»—Здѣсь историкъ видитъ не ничтожную форму, но могущественное, господствующее представленіе о правѣ, которое заставило доблестнаго Изяслава преклониться предъ слабымъ дядею; Вячеславъ былъ неспособенъ сдѣлать для себя что либо, и одно право старшинства дало ему все, отнявши все у доблестнаго племянника его; если Вячеславъ далъ всѣ ряды Изяславу, то на то была его добрая воля. Г. Кавелинъ го-

ворить: «По той же самой причинѣ, т. е. потому, что нужны были предлоги, не искали Кіевскаго престола безспорно младшіе въ княжескомъ родѣ.»— Но это то и важно для историка, что нужны были извѣстные предлоги, ибо эти то предлоги и характеризуютъ время: сперва младшій не могъ безъ предлога доискиваться старшаго города, а потомъ могъ дѣлать это безо всякаго предлога: историкъ и раздѣляетъ эти два періода: въ одномъ показываетъ господство родовыхъ отношеній, въ другомъ выставляетъ господство владѣльческихъ интересовъ съ презрѣніемъ родовыхъ счетовъ. — Во вторыхъ, г. Кавелинъ говоритъ, что Князья стараются пріобрѣсти лучшія и возможно большія владѣнія. Но дѣло въ томъ, что въ описываемое время сила Князя основывалась не на количествѣ и качествѣ волостей, а на силѣ племени; но чтобъ пользоваться силою племени, нужно было быть въ немъ старшимъ; а первое право и вмѣстѣ первая обязанность старшаго по занятіи старшаго стола была раздача волостей племени, такъ что ему самому иногда ничего неоставалось, кромѣ Кіева, и онъ не имѣлъ никакого матеріальнаго значенія, а одно значеніе нравственное, основанное на его старшинствѣ. Племя зоветъ Ростислава Мстиславича на старшій Кіевскій столъ; еслибъ онъ имѣлъ въ виду получить только лучшую волость, то, разумѣется, онъ пошелъ бы безо всякихъ условій, а еслибъ Кіевъ давалъ ему матеріальное значеніе, силу, то онъ не хлопоталъ бы ни о какомъ другомъ значеніи; но Ростиславъ хочетъ идти въ Кіевъ только съ условіемъ, чтобъ члены племени дѣйствительно признавали его старшимъ, отцемъ, и слушались бы его; слѣд. вотъ что нужно было Ростиславу, а не лучшая волость; Вячеславъ какъ скоро услыхалъ, что племянникъ зоветъ его отцемъ и честь на немъ покладываетъ, успокоился и отказался отъ участія въ правленіи. Святославъ Всеволодовичь, осердившись на Всеволода III, говоритъ: «Давыда схвачу, а Рюрика выгоню вонъ изъ земли, и приму одинъ власть Русскую *и съ братьею*, и тогда мщюся Всеволоду обиды свои.» Въ третьихъ, г. Кавелину хорошо извѣстно, къ какимъ поступкамъ побуждало бояръ нашихъ опасеніе нарушить родовую честь при мѣстническихъ спорахъ; какъ же онъ хочетъ, чтобъ древніе Князья, находясь въ такихъ же отношеніяхъ, думали только о волостяхъ? Подъ 1195 годомъ одинъ изъ Ольговичей, видя возможность осилить Мономаховичей, пишетъ къ своему старшему въ Черниговъ: «Теперь, батюшка, удобный случай; ступай скорѣе, собравшись съ братьею, возьмемъ *честь* свою!» Не говоритъ же онъ: возьмемъ волости, добудемъ Кіева?

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ.

Письмо Профессора Ѳ. И. Буслаева къ автору Исторіи Россіи.

Желая представить полную картину жизни Русскаго народа отъ древнѣйшихъ временъ, вы не могли миновать обозрѣнія тѣхъ живучихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неподвижныхъ обычаевъ и преданій, которые, однажды установившись, постоянно пребывали въ Русскимъ бытѣ, давая ему отличительный характеръ обрядности, которою такъ тверда наша старина. Изслѣдуя собственно историческія судьбы Россіи, вы конечно не могли имѣть ни времени, ни увлеченія спеціально посвятить себя доисторической старинѣ, предоставляя оную лингвистамъ, и только пользуясь результатами ихъ изслѣдованій. Но лингвистическія изысканія еще такъ недавно коснулись нашихъ древностей, что немногіе результаты, хотя и развитые вашими собственными соображеніями о древнѣйшемъ бытѣ, могли вашимъ читателямъ показаться бѣдными сравнительно съ богатымъ запасомъ вашихъ собственно историческихъ свѣдѣній.

Если бы вы съ бóльшимъ вниманіемъ остановились на доисторической старинѣ, то вѣрно не скоро бы добрались до временъ историческихъ, въ которыхъ вы умѣете находить такой просторъ своимъ соображеніямъ. Всякому свое. Меня особенно заняли въ вашей книгѣ тѣ страницы, отъ которыхъ вы вѣроятно спѣшили скорѣе перейти къ слѣдующимъ: это тѣ страницы, гдѣ всего менѣе историческаго, гдѣ вмѣсто событій и лицъ мнѣ чувствовались звуки родного языка и животрепещущее вѣрованіе доносившее до меня преданія незапамятныхъ временъ.

Дѣйствительно, въ преданіяхъ и обычаяхъ народнаго быта есть нѣчто, выступающее изъ предѣловъ историческаго теченія времени. Начало ихъ восходитъ къ эпохѣ доисторической, и уже, какъ старина, записано въ

лѣтописи самого Нестора: слѣды ихъ не остыли еще и понынѣ. Историческое возрастаніе народной жизни, проходя мимо ихъ, могло ими условливаться, но нисколько не двинуло ихъ впередъ: потому что сила, ихъ оживлявшая и воспроизводившая, еще въ IX и X вѣкѣ была навсегда остановлена въ своихъ дѣйствіяхъ христіянствомъ и сопутствующимъ ему просвѣщеніемъ, блистательное начало котораго оказалось уже въ самомъ переводѣ св. Писанія на славянскій языкъ. Утративъ вмѣстѣ съ язычествомъ какъ способность, такъ и нужду воспроизводить обычаи и обряды на основѣ миѳической, народъ не переставалъ коснѣть въ древнихъ обычаяхъ, привязываясь къ старинѣ преданіемъ: и, не смотря на церковныя постановленія и увѣщанія благочестивыхъ людей, дошедшія до насъ въ лѣтописяхъ и актахъ отъ XI и даже до XVII столѣтія, болѣе или менѣе оставался *двовѣрнымъ*, по счастливому выраженію набожныхъ предковъ о суевѣрномъ народѣ, который, будучи приведенъ въ крещеную вѣру, не умѣлъ отказаться отъ обаяній старины.

Хотя извѣстія о языческихъ повѣріяхъ нашихъ предковъ относятся къ различнымъ, и даже позднѣйшимъ эпохамъ: однако историкъ долженъ всѣми ими пользоваться для возсозданія древнѣйшаго миѳическаго періода. Ибо языческій обычай могъ составиться только во времена, предшествовавшія принятію и распространенію христіянства. Потому если бы кто вздумалъ происхожденіе важнѣйшихъ суевѣрныхъ преданій объяснить какимъ либо инымъ путемъ, то безъ сомнѣнія, не понялъ бы ни историческаго совершенствованія Русскаго быта при высокомъ содѣйствіи христіянства, ни благотворной дѣятельности нашего древняго духовенства, положившаго столько труда на очищеніе народа отъ языческой старины. Были однакожъ мнѣнія, что у насъ миѳологія не имѣла существеннаго значенія въ древнемъ бытѣ; что неразвитыя начала язычества, при первомъ появленіи свѣта христіянской религіи, изсякли, не оставивъ по себѣ никакихъ существенныхъ данныхъ для возсозданія древнѣйшаго миѳическаго періода; что самыя суевѣрія суть не иное что, какъ порожденіе позднѣйшей испорченности нравовъ, уже въ эпоху христіянскую; наконецъ, что у насъ вовсе не было миѳологіи, потому что до насъ не дошли мраморныя изваянія славянскихъ Юпитеровъ, Меркуріевъ, Юнонъ. Чтобы опредѣлить миѳическій періодъ Русской Исторіи, историкъ долженъ привести въ ясность главнѣйшіе источники, касающіеся языческихъ обычаевъ, хотя бы и различныхъ эпохъ. Сличеніе разновременныхъ источниковъ убѣдитъ насъ въ неподвижности одного и того же языческаго преданія, стоячее свойство котораго ясно укажетъ историку то мѣсто, какое онъ

долженъ дать преданію въ исторіи народа. Начинаютъ же исторію географической характеристикой страны, потому что земля, горы, моря и рѣки были неподвижными условіями историческаго движенія народной жизни. Такъ и неизмѣнные обычаи и обряды миѳическаго содержанія, въ теченія вѣковъ однообразно повторявшіеся въ жизни народной, должны быть возвращены къ своему первоначальному источнику, откуда будутъ почерпаемы объясненія тѣмъ позднѣйшимъ намекамъ и отрывкамъ, которые, какъ остатки далекой старины, могли держаться обычаемъ, даже безо всякаго участія воли и сознанія.

Итакъ языческіе обычаи и преданія исторія полагаетъ въ началѣ своего повѣствованія о жизни народной, признавая оные какъ бы матеріаломъ уже даннымъ, дѣломъ, уже окончательно завершившимся, результатомъ, выработаннымъ дѣятельностью предшествававшихъ эпохъ, сокрытою отъ насъ въ недоступномъ мракѣ прошедшаго. Вѣрнымъ спутникомъ миѳической старины, изъ глубины вѣковъ, выходитъ языкъ, уже вполнѣ образовавшійся во всѣхъ своихъ существенныхъ грамматическихъ формахъ. Періодъ образованія языка точно также скрытъ отъ историка въ вѣкахъ, предшествовавшихъ появленію народа на историческомъ поприщѣ. Если даже въ областныхъ нарѣчіяхъ современнаго языка, въ пѣсняхъ и народныхъ изреченіяхъ, лингвистъ находитъ значительные намеки на вѣрованія миѳическаго періода: то можно отсюда заключить, какимъ могучимъ органомъ народныхъ убѣжденій былъ языкъ въ эпоху образованія своего и развитія изъ общаго съ вѣрованіями и преданіями зародыша. Не зная доисторической жизни нашего народа, мы можемъ составить себѣ общее о ней понятіе только по тому, какъ отразилась она въ языкѣ. Слѣдовательно для историка, повѣствующаго объ отдаленнѣйшемъ періодѣ жизни народа, языкъ есть не только вспомогательное пособіе, но и существенный источникъ, историческій памятникъ отжившей старины. Какъ языческіе обычаи и обряды, за отсутствіемъ нѣкогда оживлявшаго ихъ начала, оставались въ жизни народа безо всякаго развитія, и дошли до насъ въ современныхъ суевѣріяхъ, забавахъ, играхъ и преданіяхъ, хранимыхъ въ народѣ болѣе по привычкѣ, и при томъ безъ яснаго сознанія въ томъ, что это остатки языческой старины, и что ими нарушается чистота нравовъ: такъ и языкъ, не смотря на послѣдовавшее совершенствованіе народа при свѣтѣ христіянскихъ идей, постоянно сберегалъ слова и выраженія, чуждыя христіянскому міру, хотя и безо всякаго участія сознанія говорившихъ. Свойства самого языка, въ историческомъ его теченіи, дали возможность народу только на сло-

вахъ удержать намеки на отжившія вѣрованія, тогда какъ на самомъ дѣлѣ давно уже замѣнялись они убѣжденіями, составленными подъ вліяніемъ новыхъ началъ. Дѣйствіе христіянства на языкъ, какъ и на прочія нравственныя отправленія жизни народной, было чисто духовное. Потому вся изобразительность языка, заимствовавшая свои краски отъ мѣстныхъ условій, отъ частныхъ случаевъ семейнаго быта, отъ мелочныхъ обстоятельствъ образа жизни, а тѣмъ паче отъ чувственныхъ воззрѣній язычника, непремѣнно должна была сберечь на себѣ яркій отпечатокъ грубой старины. Просвѣщеніе, подвигнутое христіянствомъ, могло одухотворить матеріальный смыслъ нѣкоторыхъ словъ, могло поднять ихъ до высоты отвлеченной мысли: и вообще, подъ условіями ли просвѣщенія и образованности, или отъ невниманія къ отдѣльнымъ словамъ при выраженіи мыслей, языкъ впослѣдствіи значительно спускалъ съ себя прежнюю изобразительность и яркость, и, сближаясь съ отвлеченною мыслію, принималъ менѣе опредѣленныя формы. Такимъ образомъ первоначальное значеніе слова, заслоненное отъ вниманія уже впослѣдствіи наложенною на слово мыслію, могло оставаться при прежнемъ своемъ воззрѣніи, составившемся въ вѣрованіяхъ древнѣйшей эпохи. Но уже только путемъ ученаго анализа оказалась возможность возстановить въ сознаніи таковое воззрѣніе: для народа оно погибло невозвратно, и было бы безсмысленно желаніе возвратить ему оное: потому что все историческое совершенствованіе народнаго быта есть не иное что, какъ освобожденіе народа во имя христіянства отъ древней грубости, основанной на языческихъ вѣрованіяхъ. Итакъ, служа вѣрнымъ органомъ всѣхъ умственныхъ успѣховъ, и одухотворяясь по требованію мысли, языкъ, въ своихъ первоначальныхъ формахъ, искони образовавшихся и донынѣ живущихъ, долженъ быть разсматриваемъ, съ точки зрѣнія исторической критики, какъ памятникъ, изученіе котораго необходимо для возсозданія древнѣйшаго періода народной жизни.

Чѣмъ далѣе восходитъ историкъ къ старинѣ, тѣмъ рѣже останавливается взорами на отдѣльныхъ лицахъ, и наконецъ видитъ передъ собою однѣ сплошныя массы племенъ, о правахъ и обычаяхъ которыхъ записаны тощія извѣстія въ немногихъ строкахъ лѣтописи. Но и въ языкѣ, и въ обычаяхъ народа въ теченіе многихъ вѣковъ его жизни, и наконецъ въ современныхъ суевѣріяхъ, постоянно встрѣчаясь съ однимъ и тѣмъ же обнимающимъ весь бытъ, древнѣйшимъ преданіемъ, начало которому никому неизвѣстно, историкъ расширяетъ скудныя извѣстія лѣтописи о древнѣйшемъ періодѣ, по критическимъ соображеніямъ относя къ оному

все то, что въ обычаяхъ и повѣріяхъ народа не можетъ быть объяснено ни позднѣйшими его судьбами, ни ходомъ образованности; все то, что полагаетъ онъ уже даннымъ при первомъ появленіи народа на историческомъ поприщѣ. Важнѣйшими дѣятелями этого первобытнаго періода выступаютъ не отдѣльныя лица, а вѣрованія, убѣжденія и преданія, зародившіяся въ нѣдрахъ цѣлаго народа; неизмѣнное повтореніе однихъ и тѣхъ же миѳическихъ обрядовъ, постоянное возвращеніе къ тѣмъ же обычаямъ и нравамъ, при одинаковомъ выраженіи ихъ въ словѣ, ровное теченіе жизни по старинѣ и преданію—составляютъ существенное содержаніе этой отдаленной эпохи. Важность ея опредѣляется тѣмъ непрестаннымъ тяготѣніемъ, съ которымъ, въ силу преданія и привычки, обращаются къ старинѣ и изъ нея опредѣляютъ свое право различные суевѣрные обычаи и нравы, записанные въ историческихъ памятникахъ въ теченіи многихъ столѣтій и доселѣ отрывочно сохранившіеся въ народномъ быту.

Для того, чтобы постановить себя въ надлежащее отношеніе къ изученію какъ образованія, такъ и видоизмѣненія древнѣйшихъ преданій, надобно, мнѣ кажется, постоянно имѣть въ виду нѣкоторыя основныя положенія, извлекаемыя изъ сущности изучаемаго предмета.

1. Какъ языкъ, такъ и миѳическій бытъ нашихъ предковъ получили свое начало не на одной только Русской, ни даже Славянской, а на общей Индо-европейской почвѣ. Слѣдовательно этимъ устраняются всѣ вопросы, подобные слѣдующимъ: могло ли такое-то вѣрованіе образоваться въ грубыхъ понятіяхъ нашихъ предковъ? Могли-ли Славяне, ограниченные домашнимъ бытомъ, дойти до такихъ-то умственныхъ понятій, выраженныхъ въ ихъ миѳологіи? Древнѣйшіе иностранные лѣтописцы ясно говорятъ о значительномъ развитіи миѳологіи Славянъ эпохи доисторической. А именно Прокопій, по Латинскому тексту: «*unum* enim *deum* fulguris effectorem *dominum huius universitatis solum* agnoscunt—*fatum minime norunt, nedum illi in mortales aliquam vim* attribuunt; at cum sibi vel *morbo* correptis vel praelium ineuntibus iam *mortem* admotam vident; deo vovent, si evaserint» и проч.

Сближеніе Славянской миѳологіи съ вѣрованіями прочихъ родственныхъ народовъ расширяетъ свидѣтельства древнихъ писателей. Не противорѣча Прокопію, Славяне могли понятіе о судьбѣ соединять съ понятіемъ о смерти, которая потому и называлась *Судомъ Божіимъ:* что совершенно согласно съ извѣстіемъ Прокопія, что Славяне приписывали божеству насланіе болѣзней и смерти. Такое понятіе о судьбѣ, какъ смерти, Славяне раздѣляли съ Кельтами, по вѣрованію которыхъ, изложен-

ному въ ученіи Друидовъ, судьба занимаетъ первое мѣсто между предметами религіозныхъ убѣжденій: «Судьба одна, смерть, мать скорби; ничего прежде, ничего больше.»[1] Какъ по Скандинавскимъ преданіямъ, мракъ источникъ свѣту, зима и ночь матери лѣта и дня; такъ и у насъ судьба именуется матерью солнца: «дожидайся солнцевой матери, Божія суда!» говоритъ старинная пословица.[2] Значительное умственное развитіе предполагается въ представленіи божества, какъ источника жизни и смерти: а между тѣмъ формы языка свидѣтельствуютъ, что до такого представленія наши предки уже дошли еще въ эпоху образованія языка. Съ одной стороны мы видимъ сочетаніе понятій о свѣтѣ и жизни, а съ другой миѳическія названія болѣзней отъ божествъ. Разительный примѣръ первому являетъ слово *кресъ*. Это слово выражаетъ тоже миѳическое преданіе, которое у Кельтовъ было извѣстно подъ формою *bealtine*, или beiltine.[3] Въ старинныхъ памятникахъ Церковно-Славянскихъ словами *крѣсъ*, *крѣсины* выражается понятіе о поворотѣ солнца.[4] Кромѣ того это же слово кресъ въ языкѣ Русскомъ имѣетъ смыслъ огня, производимаго треніемъ или ударомъ, т. е. такъ называемаго *царя-огня*, и потому *кресиво* значитъ огниво. Если языкъ и смыслъ народа умѣли сблизить понятія объ огнѣ, поворотѣ солнца, и времени, посвященномъ божеству огня, то легко себѣ представить, почему тотъ же корень *кресъ* получилъ значеніе жизни: откуда народныя реченія, съ частными примѣненіями: *на кресу* въ значеніи удачи, успѣха, порядка, приготовленія, *вскрёсъ дать*—дать отдыхъ. Крайняго отвлеченія достигаетъ этотъ корень въ формѣ: *воскресити.* Съ другой стороны и понятія о смерти и болѣзни, какъ пути къ смерти, своими начальными представленіями исходятъ изъ миѳическихъ вѣрованій. Потому различныя, по большой части страшныя и смертныя болѣзни у Славянъ называются: *божа рана*, *божій бичь*, *божа рука*, *божа моць*, *богине.*[5] Поражающее божество, на которое намекаютъ эти наименованія, въ Сербскихъ пѣсняхъ называется *старымъ кровникомъ*, т. е. виновникомъ болѣзней и смерти, какъ суда божія. Страшная сила Перуна, дающая жизнь природѣ, но также и убивающая, гроза, во мно-

---

[1] Villemarqué, Barzaz-breiz. I, пѣсня I-я.

[2] Снегирева Рус. народн. послов. 99.

[3] Grimm, Deutsche Mythol. 579 580.

[4] Miklosich, Lexic. linguae Slov.

[5] Bernhardi, Bausteine zur slawischen Mythologie, въ журналѣ Іордана: Jahrbüch. f. slav. Lit. 1843, 5.

надежно сохранять сыромолотный хлѣбъ. Сочинителю присуждается серебряная медаль въ 30 р. сер.

5) Сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ, подъ девизомъ: «Wir leben in einer Zeit, die an Erfindungen reich ist» (Мы живемъ среди эпохи, богатой изобрѣтеніями), хотя не удовлетворяетъ цѣли задачи, представляя факты уже извѣстные, но во всякомъ случаѣ достойно вниманія, потому что напоминаетъ о пользѣ примѣненія синклеровыхъ хлѣбныхъ хранилищъ къ нуждамъ Россіи; притомъ предложеніе о храненіи хлѣба въ ямахъ и замѣчанія о семъ основательны. Сочинителю присуждается меньшая изъ назначенныхъ медалей, а именно въ 20 р. сер.

Назначеніемъ этой медали заключаются предложенныя Обществомъ награды; первая же медаль въ 150 черв. и третья въ 50 черв. ни кому не присуждены. Между тѣмъ, въ числѣ присланныхъ отвѣтовъ найдено еще восемь, которые, хотя не разрѣшили удовлетворительно вопросовъ, изложенныхъ въ задачѣ, однако какъ отвѣты сіи имѣютъ нѣкоторыя достоинства и заключаютъ въ себѣ полезныя свѣдѣнія, то добросовѣстный трудъ сочинителей заслуживаетъ вниманія, а потому Совѣтъ и Отдѣленія Общества положили: назначить имъ поощрительныя награды, т. е. малыя серебряныя медали въ 15 руб. сереб., въ надеждѣ, что такое вниманіе къ полезнымъ занятіямъ поощритъ ихъ къ дальнѣйшимъ трудамъ по предмету разрѣшенія сей важной и весьма полезной задачи. А какъ задача эта еще не совершенно удовлетворительно во всѣхъ своихъ частяхъ разрѣшена, то Совѣтъ и Отдѣленія положили, напе-

языкѣ русскомъ существенно отличается отъ слова домъ, между прочимъ особенно тѣмъ, что простой народъ не любитъ употреблять слово домъ въ значеніи жилья; въ иныхъ областяхъ, мужикъ не скажетъ: «иду домой» или «пошелъ домой», а говоритъ: «иду ко двору, пошелъ ко дворамъ.» Эта странность объясняется тѣмъ, что съ выраженіемъ «идти домой» нѣкоторыя областныя нарѣчія соединяютъ понятіе о смерти.[1] Потому *домъ, домовище, домовина* употребляются въ значеніи гроба. Отсюда понятно, что въ словѣ *домовой* соединяются представленія домашняго пената и жителя того свѣта. Итакъ слово дымъ употребляется вмѣсто дома не въ слѣдствіе ихъ родства, а различія.

2. Изъ предыдущаго явствуетъ, что изучать миѳическій бытъ древней Руси должно сравнительно съ миѳологіею прочихъ Индо-европейскихъ народовъ, и особенно племенъ, въ отдаленные средніе вѣка, подвергавшихся общей съ Славянами участи, каковы Литва, Нѣмцы, Кельты. Такимъ образомъ многія преданія окажутся общими у всѣхъ этихъ племенъ, другія получившими бо́льшее развитіе только между Славянами; наконецъ будутъ замѣчены и такія, которыя образовались подъ условіями Русскаго быта. Слѣдовательно въ опредѣленіе миѳическаго періода древней Руси должно войти рѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ: что взято нашими предками изъ общаго Индо-европейскаго достоянія? что принадлежитъ намъ сообща съ другими Славянскими племенами? и что развито собственною жизнію древней Руси? соображаясь съ этими пунктами, мнѣ кажется, вы много бы уяснили сказанный вопросъ о русалкахъ, если бы вставили ихъ въ общую группу Нѣмецкихъ эльфовъ, Сербскихъ вилъ, Лужицкихъ полудницъ. Если Нѣмецкій миѳъ объ эльфахъ представляетъ бо́льшее развитіе, то нашъ о русалкахъ бо́льшую глубину, относительно давности. Первоначально русалки были вѣроятно божествами стихійными: что̀ можно полагать, основываясь на свидѣтельствѣ Прокопія: praeterea *fluvios* colunt, *nymphas* (νύμφας) et alia quaedam numina (δαιμόνια). Точно такъ и Нѣмецкіе эльфы первоначально божества стихійныя: но въ послѣдствіи все художественное развитіе свое получаютъ въ фантазіи народа, какъ олицетвореніе душъ покойниковъ[2]; ихъ страшатся, какъ выходцевъ съ того свѣта, когда они пляшутъ на кладбищахъ. По свидѣтельству Краледворской рукописи, души покойниковъ летаютъ по деревьямъ, устрашая птицъ и звѣрей: толь-

[1] Этнографич. замѣтки Фонъ-Кремера въ Воронежск. Вѣдомост. N 29.
[2] Братьевъ Гриммовъ Irische Elfenmärchen.

ко однѣ совы не боятся ихъ[1]. Употребленіе яичной скорлупы мертвецами и русалками, замѣченное вами въ 99 примѣч., наводитъ на слѣды древнѣйшихъ, космогоническаго содержанія миѳовъ, въ которыхъ преданіе объ яйцѣ занимаетъ не послѣднее мѣсто[2]. Но кромѣ того сближенныя вами преданія имѣютъ особенную важность, указывая на близкую связь русалокъ съ *Рахманами*, какимъ-то народомъ, живущимъ, по Галицкимъ преданіямъ[3], очень далеко, на восходъ солнца, за черными морями. А *великъ-день Рахманскій* приходится тогда, когда отъ насъ переплыветъ къ нимъ черезъ моря скорлупа яйца. Надобно полагать, что Рахманскій праздникъ соотвѣтствовалъ русальной недѣлѣ, или русальимъ святкамъ. Здѣсь получаютъ значеніе высокой древности намеки на отношеніе солнца къ яйцу и душамъ усопшихъ въ слѣдующей Польской пѣснѣ, употребляющейся въ Галиціи[4]:

Świeć świeć słoneczko!
Dam ci jajeczko;
Jak kureczka zniesie
Na dębowem lesie.
Weźmie jajo do raju,
Wszystkie dusze radują.

Въ преданіи о восточныхъ счастливыхъ людяхъ, которые то олицетворяются въ образѣ русалокъ, то почитаются душами родителей, я позволяю себѣ видѣть болѣе глубокіе слѣды миѳа, нежели въ Нѣмецкихъ эльфахъ, художественно слагающихъ въ своихъ очертаніяхъ стихійные образы божествъ воды и свѣта съ воздушными олицетвореніями душъ покойниковъ[5]. И Нѣмецкіе эльфы, и наши русалки, происходя отъ стихійныхъ началъ воды, свѣта и воздуха, почитались душами усопшихъ. Нѣмецкое преданіе между прочимъ даетъ эльфу видъ карлика. Пользуясь Скандинавскимъ наименованіемъ nâr, naînn (миѳическій карликъ), вы весьма смѣлой догадкой позволили себѣ допустить предположеніе,

---

[1] Мнѣ кажется, что г. Кавелинъ непремѣнно долженъ бы коснуться этого факта въ своей рецензіи (Отеч. Зап. 1851 г. XII), тамъ, гдѣ онъ говоритъ о впечатлѣніи, производимомъ покойниками на живыхъ. Стр. 81.

[2] Hanusch, die Wissensch. d. Slawisch. Mythus, стр. 197.

[3] Илькевича Галицкія приповѣдки.

[4] Жегота Паули, Piesni ludu polsk. w Galizyi, 3, стр. 32.

[5] Родство русалокъ съ эльфами можетъ весьма удовлетворительно разрѣшить недоумѣнія г. Кавелина, выраженныя слѣдующими словами: «но водяные и лѣшіе—стихійные, природные геніи: что могли они имѣть общаго съ русалками, душами умершихъ?» ibid. стр. 82.

будто и наши *навье* могли представляться въ видѣ карликовъ, и души усопшихъ въ формѣ маленькаго человѣка или дитяти (примѣч. 106). Сближеніе съ Скандинавскимъ языкомъ предлагало вамъ для такого сцѣпленія повѣрій весьма ненадежную нить. Приводимое вами извѣстное преданіе о навьяхъ въ Полоцкѣ не даетъ опредѣленнаго понятія о внѣшнемъ образѣ этихъ миѳическихъ существъ. Однако нельзя не удивляться, какъ въ настоящемъ случаѣ смѣлое предположеніе довело до истины. По крайней мѣрѣ въ сказанномъ преданіи Полотскомъ навьи были дѣйствительно карлики или дѣти: какъ ясно свидѣтельствуетъ лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго, изданный Княземъ Оболенскимъ. Вмѣсто чтенія Соф. временника: «яко навье бьютъ Полочаны» — въ этомъ лѣтописцѣ сказано: «из навеи *дѣти* нас емлют». Намъ хорошо извѣстны внѣшнія формы души въ образѣ Нѣмецкаго эльфа.

3. Когда между племенами Нѣмецкими, Славянскими, Кельтскими стала распространяться христіанская религія, тогда миѳическія преданія и обряды могли только предаваться забвенію, или же искажаться и грубѣть, коснѣя у болѣе дикихъ племенъ, удаленныхъ отъ поприща распространенія христіанской вѣры. Слѣдовательно, то, чтò называютъ историческимъ совершенствованіемъ или развитіемъ, никоимъ образомъ не можетъ быть примѣнено къ Русской миѳологіи: и языческія понятія древней Руси могли быть художественнѣе по формѣ, нежели многія языческія суевѣрія, которыя долгое время оставались въ народѣ впослѣдствіи, и въ видѣ развалинъ дошли и доселѣ въ нѣкоторыхъ народныхъ преданіяхъ. Только такими соображеніями можно примирить разногласіе между глубокимъ смысломъ языка, какъ источника древнѣйшихъ преданій, и между мнимой ограниченностью миѳологіи Русскихъ племенъ. Если Русской языкъ уже въ древнѣйшую эпоху, открываемую намъ историческими памятниками, имѣлъ слова для выраженія силъ природы и души человѣческой: то чтò мудренаго встрѣтить въ древнѣйшемъ періодѣ нашей миѳологіи обоготвореніе души, различныхъ ея явленій, а также и силъ природы? Такъ какъ миѳологія, заставляя языкъ отвлекать отъ дѣйствій и явленій природы ея силы, возводила уже разумѣніе до понятій отвлеченныхъ, и такимъ образомъ была первою умственною попыткою грубаго человѣка: то необходимо встрѣтимъ участіе миѳологіи при образованіи древнѣйшихъ отвлеченныхъ понятій въ языкѣ. У язычниковъ поклоненіе божествамъ совпадало съ различными временами года. Вы сами неоднократно указываете на этотъ предметъ. Но, кажется, для ясности вамъ необходимо было коснуться древнѣйшаго

раздѣленія времени у Славянъ. Этотъ предметъ важенъ потому, что свидѣтельствуетъ намъ о томъ умственномъ совершенствованіи, до котораго могли въ древнѣйшую эпоху достигнуть наши предки. Ибо, чтобъ раздѣлить годъ на части, надобно было понять дѣлимое цѣлое в его отвлеченіи: а для этого нужна была уже извѣстная степень умственнаго развитія. Въ этомъ дѣлѣ Славянамъ могли помочь общія начала разумѣнія, которыя въ своемъ языкѣ вынесли они въ Европу, вмѣстѣ съ прочими народами: на чемъ и основывается сродство славянскихъ наименованій мѣсяцевъ и временъ года съ наименованіями въ прочихъ индоевропейскихъ языкахъ. Если бы вы коснулись этого предмета, то, можетъ быть, не возбудили бы недоумѣній читателя и возраженій рецензента относительно связи между божествами и временами года, когда имъ покланялись[1]. Исторія языка свидѣтельствуетъ намъ, что общія понятія о времени образовались подъ вліяніемъ религіозныхъ обычаевъ. Потому слово *годъ* у Сербовъ значитъ великій праздникъ вообще, въ Чешскомъ *годъ, годы* — праздникъ, пиршество, въ Польскомъ *годы* — бесѣда, праздникъ, пиръ, свадьба, у насъ въ Воронеж. губерніи *годы*—праздникъ, торжество. Бо́льшіе отдѣлы времени получали свое названіе частію отъ праздествъ въ честь божества, напр. *кресникъ*, мѣсяцъ огня и поворота солнечнаго, частію отъ явленій природы, напр. *сухій*, *травень*, *квѣтень* и проч. Что же касается до меньшихъ отдѣловъ, каковы дни недѣли: то ихъ можно было отличить только посвященіемъ божеству, какъ это мы и видимъ въ Латинск., Нѣмецк. наименованіяхъ недѣльныхъ дней. Память о миѳическомъ значеніи дней сохранилась у насъ въ преданіяхъ о четвергѣ и пятницѣ. Наименованія же, заимствованныя отъ счета, принадлежатъ позднѣйшей, христіанской эпохѣ. Празднество въ честь божества совпадало съ мірскою сходкою. Потому естественно встрѣтить переходъ понятій о праздникѣ къ понятію о судѣ: сличите Латинск. fasti, nefasti, festum и feriae (первоначально fesiae) — празднество и день суда. Переходъ наименованія времени вообще къ суду встрѣчаемъ въ словѣ *рокъ*: это слово у Поляковъ, кромѣ года, имѣетъ значеніе юридическаго срока, термина суда: напр: rok daię — позываю передъ судилище. Отсюда понятно, почему *рокъ* имѣетъ у насъ значеніе судьбы. Если даже отвлеченное понятіе

---

1 Смотр. рецензію Кавелина въ Отеч. Зап. стр. 75—76. «Какое же право имѣлъ авторъ такъ рѣшительно относить праздникъ Купалы къ тому или другому стихійному божеству?» спрашиваетъ г. Кавелинъ.

о времени вообще въ словахъ *годъ*, *рокъ*, получило въ языкѣ миѳическій колоритъ, то неужели откажемъ въ ономъ наименованіямъ такихъ празднествъ, которыя постоянно сопровождались языческими обрядами? Скажу нѣсколько словъ о купалѣ. Согласно съ образованіемъ нѣкоторыхъ наименованій мѣсяцевъ у Славянъ, въ быту земледѣльческомъ, купало носитъ на себѣ слѣды того же быта. Позднѣйшій Густинскій лѣтописецъ, почитая купало божествомъ, говоритъ: «пятый купало, яко же мню, бяше *богъ обилія, якоже у Еллинъ Цересъ*, емуже безумныи *за обиліе* благодареніе приношаху въ то время, егда имаше настати *жатва.*» Мѣсяцъ купалы иначе именуется кресникомъ, т. е. мѣсяцемъ огня, и совпадаетъ съ Кельтскимъ, какъ было сказано выше. Для насъ особенно любопытно обратить вниманіе на нѣкоторыя формы языка, стоящія, по нашему мнѣнію, въ ближайшей связи съ преданіемъ о купалѣ. Ваше сближеніе празднества купалы съ празднествомъ Ярилы (стр. 67) подало поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ,[1] какъ думаю, потому, что, высказавъ общую мысль, вы не привели иныхъ доказательствъ, кромѣ совпаденія обоихъ празднествъ на 24-го Іюня. Впрочемъ и этого уже достаточно. Но мы позволимъ себѣ привести нѣкоторые доводы изъ языка. Общіе законы, господствующіе въ языкѣ, проходятъ вдругъ по цѣлому ряду явленій. Потому, чтобы объяснить данное явленіе, надобно ввести его въ общую группу, подчиненную одному и тому же закону. Въ языкѣ встрѣчаемъ мы слѣдующій порядокъ понятій въ переходѣ слова отъ одного значенія къ другому: свѣтлый—бѣлый—жаркій—кипучій—быстрый—сильный—роскошный—гнѣвный—злой—глупый. Какъ ни странно такое сочетаніе понятій въ одну группу, но языкъ его допускаетъ, и даже проводитъ черезъ цѣлый рядъ словъ. А именно: 1) *ярый* значитъ свѣтлый, бѣлый, весенній (ярый медъ, ярый воскъ, ярыя пчелы), согласно съ существительнымъ *ярь, яро*—весна, теплое время года, откуда *ярецъ*—мѣсяцъ Май: что согласно съ названіемъ Іюня кресникомъ и Купалы кресомъ, и съ Кельтскимъ наименованіемъ Мая мѣсяцемъ огня. Потомъ *ярый туръ*—быстрый, сильный; *яро* (въ Архан.) сильно, скоро; *яровать* (Москов.) кипѣть, *яроводье* (Архангл.) весенній разливъ рѣки; *ярость* (Нижегор. Новгор.) похоть, *ярило* (Рязан.) игрище вообще; и наконецъ *ярый* злобный, неукротимый въ гнѣвѣ и страстяхъ. 2) *буйный*, имѣетъ при себѣ глаголъ какъ у насъ, такъ и у Чеховъ, въ значеніи нѣжиться, роско-

---

[1] Рецензія г. Кавелина.

шествовать: откуда въ Чешск. *птак буи*—высоко и привольно летаетъ, *птенице буи*—высоко и роскошно выростаетъ, *буйна пшенице, обили буйне* — высоко и часто заросшая нива, обѣщающая добрый урожай; въ томъ же значеніи и у насъ *буйные хлѣба* (Орлов. Воронеж. Курск.); потомъ буйный значитъ сильный, откуда *буй туръ*, тоже что *яръ туръ*, и наконецъ буй—глупый, буесть—глупость, буйный—тоже что ярый въ значеніи неукротимаго. 3) *дивій*, *дивокій*, *дикій*: первоначально имѣетъ при себѣ общій Индо-европейскій корень *дів*—свѣтить, откуда dies, divus, dives: почему у насъ *дивно* въ областныхъ нарѣчіяхъ значитъ—много, долго, богато; сюда же должно отнести *дивокій* въ Чешскомъ имени болѣзни *дивокы огень* — святой огонь, червенная немочь; потомъ, какъ у Римлянъ divum имѣетъ смыслъ открытаго неба, такъ и у Чеховъ дивокій получило смыслъ наружняго, надворнаго, въ противность тому, что въ избѣ: отсюда *дивока страна*—наружная сторона: можетъ быть въ томъ же смыслѣ надобно понимать значеніе *дикой виры*, т. е. въ значеніи общей, міровой, въ противоположность семьѣ; потомъ дикій получаетъ тотъ же смыслъ, что и яръ, буй—въ соединеніи съ туромъ, т. е. неукротимый, неручной, злой; наконецъ дикой—сумашедшій, дуракъ, напр. въ Пермск. 4) *Перунъ*— богъ огня и молніи, Зевсъ или Юпитеръ, по толкованію древнѣйшихъ Славянскихъ грамотниковъ: отъ слова перунъ, *паромъ*, Словаки[1] произвели прилагательныя *паромски, паромовы*, въ значеніи яраго, буйнаго, дикаго: напр. *паромовы чловѣкъ, паромски* или *паромовски волъ, конь*. Теперь примѣнимъ таковый переходъ значеній къ образованію слова *купало*. Корень этого слова *куп*,-*ало* окончаніе. Звуки *у* и *ы* въ извѣстныхъ случаяхъ чередуются: потому корень *куп* можетъ имѣть видъ *кып*; и притомъ вторая форма есть собственно Славянская, которой въ прочихъ Индо-европейскихъ языкахъ должна соотвѣтствовать первая форма: ибо звукомъ *ы* Славянскій языкъ усвоиваетъ себѣ звукъ *у* прочихъ Индо-европейскихъ (по большой части звукъ *у* долгій, впрочемъ иногда и краткій). Допустивъ эти лингвистическія соображенія, открываемъ въ значеніи купалы слѣдующее: вопервыхъ корень *куп* имѣетъ значеніе бѣлаго, ярого, а также и буйнаго въ значеніи роскошно растущаго: откуда въ нашемъ языкѣ употребляются: *купавый*—бѣлый, *купава*—бѣлый цвѣтокъ, *купавка* — цвѣточная почка, и особенно бѣлыхъ цвѣтовъ. Если корень *куп* имѣетъ при себѣ соотвѣтственную *кып*—откуда кыпѣть, т.

---

[1] Коллара Словац. пѣсни 1834 г. стр. 407.

с. кипѣть; то купавый какъ разъ будетъ соотвѣтствовать существительному *кŭпень* (кыпень) въ значенiи бѣлой накипи, и вообще въ значенiи бѣлизны по преимуществу: напр. въ обычномъ изреченiи: бѣлъ, какъ кипень. Этимъ свѣтлымъ значенiемъ купалы объясняю эпическую форму *дивъ купало*, въ малорусской пѣснѣ: «ходили дивочки коло марепочки, коло дива - купалы.» Вовторыхъ, какъ ярый соединяетъ въ себѣ понятiя бѣлаго и кипучаго: такъ и при купалѣ оказывается глаголъ *кыпѣти, кыпати*. Въ-третьихъ, какъ буять имѣетъ смыслъ роскошествовать, и какъ съ смысломъ яраго соединяется понятiе желанiя: такъ и при нашемъ кыпѣти находимъ Латинское cupio; наконецъ, какъ буй, ярый, дикiй переходятъ въ значенiе неукротимаго, грознаго, бѣшенаго, гнѣвнаго: такъ и *куп* въ Санскритѣ имѣетъ значенiе яриться, злиться.[1] Родство этого Санскритскаго корня съ нашимъ купалою особенно подкрѣпляется тѣмъ, что въ Санскритѣ *куп*, кромѣ того, имѣетъ значенье блистать. Итакъ на языкъ должно смотрѣть, какъ на лучшiй цвѣтъ языческаго перiода, какъ на единственный плодъ, оставленный намъ на вѣковое пользованiе отъ той доисторической эпохи, съ которой, кромѣ языка, ничего общаго теперь уже не имѣемъ.

4. Сохраняя и донося до нашихъ временъ первобытныя воззрѣнiя, общiя всѣмъ Индо-европейскимъ племенамъ, Русскiй языкъ вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается важнѣйшимъ нацiональнымъ дѣятелемъ, помощiю котораго общiя Индо-европейскiя преданiя, въ жизни нашихъ предковъ, получили собственно Русскiй колоритъ. Языкъ имѣетъ способность миѳическiя представленiя отдаленной эпохи вводить въ кругъ нацiональныхъ воззрѣнiй на природу и человѣка. Коренными своими формами онъ неразрывно связанъ со всѣми родственными языками; дальнѣйшее же развитiе корней слова по значенiю и развѣтвленiе ихъ по формамъ производимъ опредѣляется исключительно нацiональною жизнiю языка. Само собою разумѣется, что своеземное видоизмѣненiе формъ языка условливается воззрѣнiями и вѣрованiями, коимъ онѣ служатъ выраженiемъ. Отличительное свойство нашей доисторической старины вы опредѣляете родовымъ бытомъ.

Предоставляю другимъ сужденiе о томъ, какъ проведено вами это начало по явленiямъ общественной и политической жизни, и ограничусь языкомъ и миѳологiею. Языкъ предлагаетъ неоспоримыя доказательства, что Славяне уже въ эпоху незапамятную принесли съ собой основанiя

---

[1] На сродство нашего *кыпѣти* съ Санскр. *куп* и Лат. *cupio* указываетъ Миклошичь въ своемъ превосходномъ разборѣ Бопповой Сравнительной грамматики. Смотр. Jahrbücher d. Literat. 1844. N 105.

семейнаго быта: ибо наши названія членовъ семьи, столь опредѣлительныя и разнообразныя, оказываютъ поразительное сходство съ таковыми же названіями въ прочихъ древнѣйшихъ Индо-европейскихъ языкахъ, и преимущественно въ Санскритѣ, какъ всякій можетъ справиться въ любомъ хорошемъ словарѣ. Несторъ ясно говоритъ о семейномъ благоустройствѣ Полянъ: «Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ *снохамъ* своимъ и къ *сестрамъ*, къ *матеремъ* и къ *родителемъ* своимъ, къ *свекровемъ*, и къ *деверемъ* велико стыдѣнье имѣху; брачныи обычаи имяху: не хожаше *зять* по *невѣсту*» и проч. Будто съ намѣреніемъ вдается Несторъ въ фамильную номенклатуру, чтобы читателю дать понятіе о правильномъ отношеніи членовъ семьи у Полянъ. Итакъ основы родоваго быта восходятъ къ доисторической эпохѣ Славянъ, когда ихъ языкъ съ прочими Индо-европейскими исходилъ изъ общаго источника. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ бытъ оказалъ значительное вліяніе на образованіе нашей миѳологіи. Правда, что доселѣ въ областныхъ нарѣчіяхъ *родà* имѣетъ смыслъ привидѣнія, а *родители*—во множественномъ числѣ—употребляется для означенія не многихъ, а одного покойника, вообще, хотя бы чужаго, и даже мальчика или дѣвочки (Орлов. Калуж.). Тотъ же языкъ, который даетъ столь блистательное подтвержденіе вашей мысли, предложитъ много и такого, что, хотя и не противорѣчитъ вашему началу, однако далеко расширяетъ тотъ кругъ, въ которомъ вы—безъ сомнѣнія по краткости изложенія—заключили родъ и рожаницъ. Наша миѳологія не успѣла собрать разнообразныя преданія въ опредѣленныя черты извѣстнаго типа, каковы мраморныя изваянія Греческихъ божествъ. Потому вѣрованіямъ и языку предоставлялась у насъ большая свобода сближать, отдѣлять и видоизмѣнять миѳическія преданія, которыя отъ того могли терять опредѣлительность и ясность. Такъ какъ въ вашихъ изслѣдованіяхъ родовой бытъ получаетъ весьма важное значеніе; то, можетъ быть, вамъ не будетъ скучно пробѣжать рядъ словъ, въ которыхъ развиваетъ свое разнообразное значеніе слово *родъ*, отъ корня *род*, измѣняющагося въ *руд*. Остановимся на любопытныхъ значеніяхъ этого корня въ областныхъ нарѣчіяхъ Русскаго языка. Какъ при глаголѣ творить существительное тварь въ Польск. *тваржь* имѣетъ смыслъ лица: такъ и *родй*, *рудà*, *ружь* знач. у насъ лицо, видъ, образъ, откуда общеупотребительныя *рожа*, *паружъ*. Эти слова получили свое значеніе по синекдохѣ, принявъ цѣлое за часть. Относительно степеней родства, слово *родъ* принимается у насъ то въ значеніи семьи, то племени: оттого двоюродный въ первомъ случаѣ называется *изрод-*

ный (что значитъ также и вовсе не родной), а во второмъ случаѣ: *сро́дный.* Такъ какъ физическая природа первоначально имѣла для человѣка цѣну только по прямому отношенію къ нему самому, то слово *природа* собственно относилось къ человѣку: оттого въ областныхъ нарѣчіяхъ и доселѣ употребляется слово *при́родь* въ значеніи дальней родни, за третьимъ колѣномъ; сличите въ старинныхъ рукописяхъ церковно-славянскихъ *природъ* въ значеніи *γόνος* proles. Въ старину *племянникъ* значило вообще родственникъ; а собственно дѣти брата и сестры — *братаничь, братанична, братучадо*; *сестреничь, сестринецъ, нетій*, и проч. Слово *народъ* было синонимомъ роду, какъ напр. видимъ въ Паремейникѣ XII в. у Проф. Григоровича: «да бѫдѫтъ от въсяхъ птицъ народъ и от въсѣхъ скотъ народъ» Быт. VI, 20; въ исправлен. «по роду.» Отсюда понятно областное употребленіе слова *народъ* въ значеніи множества, какъ о людяхъ, такъ и о животныхъ, напр. «народъ лошадей, коровъ:» что совершенно согласно съ словомъ *людно*, которое индѣ имѣетъ общій смыслъ кучи, множества: напр. «людно собакъ, рыбы, дровъ. людной скотъ» т. е. многочисленный.—Но особенно развиваетъ свое значеніе корень *род, руд*, въ смыслѣ произрастанія: потому народная фантазія могла ввести этотъ корень въ рядъ звуковъ, коими сближаетъ человѣка съ растеніемъ—какъ напр. это видно въ словахъ: *сѣмячко* или *симячко* въ значеніи дитятки, и наоборотъ *па́сынокъ* въ смыслѣ меньшаго изъ двухъ сросшихся вмѣстѣ деревъ. Продолжая сближать человѣка съ растеніемъ, языкъ называлъ волоса травою, руки вѣтвями, пальцы вѣточками и сучками и т. д. Подобное воззрѣніе видимъ и въ Голубиной книгѣ. Въ Эддѣ герои часто именуются деревами; по Скандинавскимъ преданіямъ первый человѣкъ назывался *askr*, т. е. ясень: что согласно съ Гесіодовымъ повѣствованіемъ о третьемъ поколѣніи людей, созданныхъ изъ ясени (*ἐκ μελιᾶν*). Виргилій говоритъ объ Италійскихъ жителяхъ миѳической эпохи: «gensque virum truncis et duro robore nata,» Энеид. VIII, 315.—Предложивъ рядъ лингвистическихъ данныхъ, я не имѣю въ виду собственно опровергать вашего мнѣнія о миѳическомъ значеніи *рода*: ибо миѳическое представленіе могло избрать какое нибудь одно изъ многихъ значеній этого слова. Однако позволю себѣ думать, что называя предметъ тѣмъ, а не другимъ именемъ, вы могли бы задать себѣ весьма естественный вопросъ: да называлъ ли когда нибудь Русскій языкъ отца *родомъ?* въ примѣч. 90, вы говорите: «при одномъ отцѣ (родѣ) было много матерей (рожаницъ);»—а на 2-й стр. дополненій сами же вы себѣ какъ бы противорѣчите: «что родъ и рожаница именно означали предковъ,

родоначальниковъ, на это указываетъ смѣна формы *родъ* формою *родство.*» Если родъ значитъ, по вашему, также и отецъ: то выходитъ, что *единичное* понятіе отца выражалось у насъ *собирательнымъ* именемъ: родство. Но этого, конечно, вы не хотѣли сказать: однако, очевидно вы колебались своимъ мнѣніемъ о словѣ *родъ* между значеніемъ отца и родства: это очевидно. Именно въ этомъ-то колебаніи и думаю видѣть силу языка, который, дѣйствительно, въ общемъ и собирательномъ имени *родъ* не допускаетъ значенія единичнаго понятія объ отцѣ. Пересмотрите словари всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, возьмите Линде, Караджича, Юнгманна — нигдѣ не найдете слова *родъ* въ значеніи отца. На стр. 68 вы говорите, что *чуръ* и *родъ* одно и тоже: на чемъ основываете такое предположеніе? стало быть слову *родъ* даете не собирательное значеніе предковъ, родства? замѣтьте, что даже для названія привидѣнія нашъ языкъ употребляетъ не собирательное *родъ*, а производную *рода́*. Далѣе, сближая формы *родъ* и *чуръ*, тѣмъ самымъ позволяете приравнять слово родъ къ формамъ *суръ*, *щуръ*, если только неошибочно видѣть въ нашемъ *пращуръ* Санскритское *çурас*. Допустивъ, такимъ образомъ. это сближеніе—а вы его допускаете, на стр. 68, предполагая тождество формъ *чуръ* и *щуръ* (въ словѣ пра-щуръ),—допустивъ, говорю, это сближеніе, вы тѣмъ самымъ уже даете *роду* и стихійное значеніе: потому что, на стр. 65 ясно говорите: «кромѣ названій Ладо и Дажбога къ солнцу же не безъ основанія относятъ имена Хорса, Сура или Тура, Волоса.» И такъ, если родъ равняется Чуру, а Чуръ равняется Суру: то родъ, по вашему же собственному сближенію, можетъ быть отнесенъ и къ солнцу. Мимоходомъ замѣчу, что если упомянутый вами Суръ есть санскритское *çурас*, т. е. герой: то его, по звуку *ç*, превращающемуся въ *к* (или *ч*), лингвистически не сближаютъ съ Туромъ. Какъ бы то ни было, выставивъ на видъ сплетеніе формъ *родъ*, *суръ*, *чуръ*, вами сближаемыхъ, я имѣлъ намѣреніе предъявить только о запутанности миѳическихъ представленій, погруженныхъ въ формы языка. Ограничиваясь выше предложеннымъ объясненіемъ значеній корня *родъ*, приходимъ къ тому же результату, до котораго вы доходите въ сужденіи о русалкахъ: въ *родѣ* могли обоготворять наши предки не только души усопшихъ (что особенно явствуетъ изъ знаменательной формы множ. числа: *родители*); но и производящую, живительную силу природы[1]. Что же касается до изреченія Даніила Заточника: «дѣти бѣгаютъ *рода*»

---

[1] На послѣднее намекаетъ и г. Кавелинъ, въ своей рецензіи.

и до *роды* въ смыслѣ привидѣнія: то развѣ не стращаютъ домовымъ, или русалкою, хотя оци вовсе не имѣютъ первоначально значенія страшилища? Къ тому же Краледвор. рукопись ясно говоритъ, что души усопшихъ пугаютъ всякаго звѣря и птицу: однѣ совы не боятся ихъ. Позднѣйшее астрологическое ученіе примѣнило рожаницъ къ планетамъ, оказывающимъ вліяніе на рожденіе и жизнь человѣка. Ясное же свидѣтельство о томъ, что родъ и рожаницы почитались нѣкогда божествами, видимъ въ слѣдующихъ мѣстахъ одного рукописнаго сборника XVI в. въ Троицк. Лаврѣ: «то иж служат бгу и волю его творят, а не *роду* ни *роженицам кумиром суетным*»—«а вы поет пѣс бесовскую *роду* и *роженицам*.» Вѣрованіе въ родъ и рожиницъ называлось у насъ *родословіемъ*, какъ свидѣтельствуетъ Домострой, стр. 43.

5. Національная сила преданій такъ велика, что претворяетъ въ неотъемлемую, родовую собственность все, что привходитъ въ народный быть извнѣ. Впрочемъ надобно сказать правду, что старина вовсе не имѣла способности сдаваться на чужія повѣрья, упорно отражая отъ себя все иноземное. Но если что и вошло въ древнѣйшій бытъ извнѣ, то вошедши тотчасъ отожествлялось съ убѣжденіями и воззрѣніями, составляющими народность. Этого простаго соображенія не всѣ читатели умѣли приложить къ сказанному вами о колядѣ, справедливо признаваемой вами за Славянскій языческій праздникъ. Можетъ быть и дѣйствительно наша коляда, въ старину колада, Польск. kolęda, по своему наименованію, есть не что иное, какъ Латинск. calendae, откуда Франц. chalendes, Нижне-нѣмецк. kaland[1]. Но что жъ изъ того? Языческія преданія Славянъ тѣмъ не менѣе пріурочились къ обрядамъ, справляемымъ на колядѣ. Впрочемъ, можетъ быть, вы сами излишней краткостью дали поводъ недоумѣніямъ вашихъ рецензентовъ: существенный обрядъ коляды вы ограничиваете хожденіемъ славить и собирать подаяніе (стр. 66). Этотъ обрядъ, болѣе согласный съ позднѣйшими нравами, могъ долѣе оставаться, и далѣе распространиться, преимущественно въ значеніи милостыни и нищенства: у Кроатовъ *колдушъ*—нищій, *колдуштво*—нищенство, *колдуемъ*—прошу милостыни; съ другой стороны и у насъ, напр. въ Тверск. нарѣчіи *коледа* — дневной сборъ милостыни нищими. Но такое значеніе коляды есть не болѣе, какъ уступка со стороны язычества новѣйшимъ нравамъ. Существенные обряды коляды состояли въ прямомъ отношеніи ко времени празднованія, т. е. къ концу Декабря, когда

[1] I. Grimm, Deutsche Myth. 594.

(говорю вашими же словами) солнце начинаетъ брать силу. Если бы вы остановились на этомъ пунктѣ, то вѣроятно открыли бы настоящее значеніе праздника коляды, основаннаго можетъ быть на одномъ изъ древнѣйшихъ миѳическихъ преданій. Праздникъ коляды съ большей энергіею справляется въ странахъ прилежащихъ къ древнему Вкомиру. Потому немудрено, что въ Галиціи встрѣчаемъ болѣе рѣзкія черты въ преданіяхъ, сохранившихся съ памятью о колядѣ. Уже бѣглый взглядъ на Галицкіе обряды[1] этого празднества указываетъ на его высокое по древности значеніе. Вотъ они: 1) Передъ каждою особою за столомъ кладется луковка *чеснока* для отгнанія болѣзней. Въ Сербіи есть обычай: въ головѣ убитой змѣи сажаютъ и выращаютъ луковку чеснока, потомъ кто нибудь привязываетъ этотъ чеснокъ къ шапкѣ и выходитъ: это дѣлается, будто бы, для того, чтобы узнать, кто изъ бабъ колдунья: потому что всѣ таковыя бабы сбѣгутся около мужика съ чеснокомъ, и станутъ у него отнимать его. И такъ обрядъ чеснока происходитъ для обереженія отъ колдовства и колдуновъ. Этимъ объясняется слѣдующее мѣсто въ извѣстномъ словѣ Христолюбца: «*чесновиток* богомъ творять егда же будет у кого пиръ, тогда же кладут въ вѣдра и в чашю и тако піют о долѣх своих.» 2) Водятъ *волка*: отсюда старинная Польская пословица XVI в. «Łiega Łу z wilczą skórą po kolędzie.» Извѣстно отношеніе волка къ упирамъ и оборотнямъ: потому понятно, почему при обрядѣ чеснока не забытъ и волкъ. Кромѣ того на колядѣ волкъ имѣетъ еще особенное, такъ сказать годовщинное значеніе. Не забудьте, что коляда справляется въ Декабрѣ, а этотъ мѣсяцъ, равно какъ и смежные съ нимъ по обѣ стороны — называются *волчій мѣсяцъ*[2]. Здѣсь позволяю себѣ сдѣлать одно предположеніе, не болѣе какъ въ видѣ догадки, впрочемъ оправдываемой обстоятельствами самого миѳа. Не сохранились ли слѣды древнѣйшаго Геродотовскаго преданія въ обрядахъ и повѣріяхъ, справляемыхъ на праздникъ Коляды? На это предположеніе наводитъ меня не одинъ только обрядъ волка, могущій служить воспоминаніемъ о Геродотовыхъ Неврахъ, разъ въ году обращавшихся въ волковъ; но и обрядъ чеснока, и именно по послѣдующимъ соображеніямъ. Сербскій обычай увѣряетъ, что сила чеснока состоитъ именно въ томъ, чтобы онъ росъ въ головѣ змѣи; слѣдовательно преданіе о чеснокѣ соприкасается съ преданіемъ о зміѣ; а извѣстно, что у Венгер-

---

[1] Жеготa Паули, Piesni ludu Polsk. w Galicyi, 5 томъ 1838 г.

[2] Смотр. мою статью о Лютичахъ и проч. во Временникѣ 1851 г. N 10.

скихъ Словаковъ, вмѣсто волка, ходятъ на коляду съ *ужемъ* (сдѣланнымъ изъ дерева). Если ужъ или же чеснокъ съ змѣиной силой, по преданіямъ коляды, могутъ прогонять колдуновъ и оборотней: то понятно, почему Геродотовы оборотни Невры принуждены были спасаться отъ расплодившихся въ ихъ краѣ змѣй. И такъ Геродотово повѣствованіе о Неврахъ совпадаетъ съ обрядами на праздникѣ Коляды. 3) Согласно съ принятымъ вами значеніемъ Коляды, какъ праздника солнца, непремѣнно надобно ожидать справленія этого празднества согласно съ образомъ жизни земледѣльческимъ, какой проводили Славяне отъ временъ незапамятныхъ. Потому на Коляду ставятъ по угламъ избы *снопы* и гадаютъ ими о будущемъ урожаѣ. Но особенно важно на этомъ праздникѣ символическое употребленіе *плуга*: на столъ кладутъ рукоять плуга (trzosło plugowe) для того, будто бы, чтобы мыши и кроты не портили нивы. Этимъ умилостивленіемъ плуга на праздникъ Коляды объяснится намъ старинное преданіе о *плугѣ*. Такъ въ одномъ Русскомъ актѣ XVII в., между прочимъ полагается крѣпкій заказъ, чтобы «навечери Рождества Христова и Богоявленія коледъ и *плугъ* и усеней не кликали;» и въ другомъ мѣстѣ: «въ навечери Богоявленія Господня кликали *плугу*.» Эта апоѳеоза земледѣльческаго орудія, въ позднѣйшемъ наименованіи женскаго рода, «плуга,» указываетъ на общій характеръ коляды. Земледѣльческій смыслъ этого праздника до сихъ поръ ясно можно видѣть въ древнѣйшихъ Колядкахъ. Приведу изъ одной Карпатской, въ которой между прочимъ говоритъ дождь:

Иѣтъ якъ надъ мене:
Якъ я перейду три разы на ярь,
Три разы на ярь мѣсяця ярьця,
Возрадуютъ ся жита, пашници,
Жита, пашници, всѣ ярници.

Согласно съ символическимъ значеніемъ снопа и плуга на колядѣ, также Карпатская пѣсня поетъ:

Роди, Боже нашъ, жито, пшеницю,
Жито пшеницу, усяку пашницю.[1]

Итакъ собравъ все сказанное къ одному знаменателя, можемъ достовѣрно утверждать, что Коляда (какого бы происхожденія ни было это слово) сохраняетъ въ себѣ древнѣйшіе слѣды Славянскихъ миѳическихъ преданій.

---

[1] Смотр. въ Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности: «колядки Горцевъ Карпатскихъ.»

6. Признавая высокое значеніе языка, какъ важнѣйшаго пособія при изученіи миѳической старины, не можемъ не выставить на видъ тѣхъ затрудненій, какія весьма часто предлагаетъ языкъ своими произвольными формами, основанными не болѣе, какъ на игрѣ звуковъ. Правда, что иногда самая игра словъ вноситъ въ миѳологію повѣрія; но не можетъ дать изслѣдователю ни какой основы, при изученіи первоначальнаго образованія миѳовъ. Особенно надобно беречься, чтобы позднѣйшую игру словъ не признать за древнѣйшее воззрѣніе, лежащее въ основѣ преданія. Такъ напр. народная пѣсня легко сближаетъ Купало и купаться: «*купало* на Ивана, *купался* Иванъ, та въ воду упавъ[1]»; въ Переяславскомъ уѣздѣ есть преданіе о какомъ то божествѣ *сольцѣ*: потому, руководствуясь единственно созвучіемъ, тамошнее суевѣріе считаетъ за грѣхъ соль называть сольцой, а ненастье слякотью. — На подобной же игрѣ словъ основано вѣрованіе въ извѣстное значеніе сновидѣній. Такъ напр. видѣть во снѣ *рѣку* значитъ *рѣчи*, — *печь* — *печаль*, — *дѣву* — *диво*, *мать* (умершую) — *маяться*, *вино* — *вина*, *лошадь* — *ложь*, идти *на гору* — *на горе*, *съ горы* — *съ горя*, и проч. Но какъ естествоиспытатель въ самой болѣзни умѣетъ открывать законы природы, и по отклоненію жизни отъ нормальнаго состоянія заключаетъ объ основныхъ ся законахъ: такъ и для изслѣдователя старины эта позднѣйшая игра словъ, созвучіемъ поддерживающая вѣрованіе, можетъ быть важна по указанію на участіе, принимаемое языкомъ въ образованіи миѳическихъ преданій.

Изложивъ нѣкоторыя общія соображенія, и для ясности снабдивъ ихъ примѣрами, не могу не остановиться съ бо́льшею отчетливостью на одномъ старинномъ обычаѣ, которому по справедливости вы даете важное значеніе въ древнемъ Русскомъ бытѣ. Я разумѣю свадебный обычай, къ которому сходятся какъ основныя начала вѣрованій, такъ и существеннѣйшіе вопросы объ устройствѣ и значеніи семьи. Разумѣется многое въ нашихъ свадебныхъ обрядахъ родственно не только прочимъ Славянамъ, но и остальнымъ народамъ, какъ индоевропейскаго, такъ и прочихъ поколѣній. Національныя особенности опредѣлятся тогда, когда будутъ приведены въ извѣстность всѣ подробности обряда. Для ясности различныя дѣйствія и принадлежности свадебныхъ обычаевъ выставляю отдѣльно, отмѣчая нумерами. Коснусь же только того, что почитаю необходимымъ для объясненія и пополненія вашего краткаго обозрѣнія.

---

[1] Снегирева Русск. простонародн. празд. и обряды, 4, стр. 45.

1. *Умыканіе невѣсты.* Самымъ удовлетворительнымъ образомъ объясняется Сербскимъ обычаемъ (отмица), свѣдѣнія о коемъ предлагаемъ въ извлеченіи изъ Сербскаго словаря Вука Караджича. Сербская молодежь, собираясь на похищеніе дѣвицы, вооружается, какъ на войну; похитители сторожатъ дѣвицу, когда она идетъ въ стадо за скотомъ, или на рѣку за водой, хватаютъ и уводятъ. Иногда же ночью нападаютъ на избу, гдѣ она живетъ вяжутъ; по рукамъ и ногамъ отца и братьевъ дѣвицы, а самое похищаютъ. Въ такихъ случаяхъ бываютъ кровопролитныя схватки. Такъ въ 1805 году въ селѣ Клупцимѣ погибли братъ дѣвицы и одинъ изъ похитителей. Потому похитители не смѣютъ открыто покушаться на умыканіе дѣвицы, живущей въ большой семьѣ, особенно въ многолюдныхъ селеніяхъ: потому что каждый изъ жителей села, только что услышитъ выстрѣлы и шумъ, тотчасъ же идетъ на помощь съ оружіемъ въ рукахъ. Срамъ цѣлому селу, откуда похитили дѣвицу; похитителямъ же и больше того, когда не умѣли добыть дѣвицы, и воротились съ пустыми руками (ялови). Если же похитители успѣютъ овладѣть дѣвицей, то не выпустятъ изъ рукъ, пока не будутъ всѣ до послѣдняго перебиты; когда похищенная станетъ сопротивляться, ее тащатъ за волосы и бьютъ палкою «какъ вола на капустѣ», по выраженію мѣстнаго разсказа. Похитители не смѣютъ вести дѣвицу въ домъ жениха, боясь погони жителей села и родныхъ невѣсты; а уводятъ ее въ лѣсъ. Когда погоня придетъ въ то село, откуда наѣхали похитители, тогда сіи послѣдніе предлагаютъ обиженнымъ мировую. Если помирятся, тѣмъ дѣло и кончается; въ противномъ случаѣ родственники дѣвицы подаютъ жалобу судьѣ, который требуетъ на судъ и похитителей вмѣстѣ съ похищенной. Рѣшеніе суда зависитъ отъ отвѣта похищенной. Если она скажетъ, что ее похитили силою, то виновные заключаются въ тюрму, и платятъ пеню; если же скажетъ: по доброй волѣ; то похитители, заплативъ судьѣ за судъ, мирятся съ невѣстинымъ родомъ, и справляютъ свадьбу.—Въ этомъ Сербскомъ обычаѣ война двухъ селъ изъ за похищенной невѣсты ясно свидѣтельствуетъ о древнѣйшемъ умыканіи, причинявшемъ вражду между родами. Кровавыя сцены и строгость суда даютъ этому обычаю характеръ, вовсе не свойственный тѣмъ игрищамъ, на которыхъ теперь шутливо разыгрывается обрядъ умыканія. Враждебное отношеніе похитителей къ роду невѣсты доселѣ сохранилось во многихъ свадебныхъ преданіяхъ на Руси, но особенно въ наименованіи жениха и его свиты Литвою, въ Малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ:

Да не наступаі Литва,
Буде съ вами битва.
Будемъ битяваты,
Шабель доставаты,
Марьечки да не даваты.

Когда молодой садится возлѣ своей молодой, и тѣмъ какъ бы даетъ знать, что онъ побѣдилъ: тогда пѣсня возвѣщаетъ, что Литва взяла верхъ надъ Подолянами, завладѣвъ ихъ дѣвицей:

Суньтесь Подоляне
Да съ кута до запечка!
Нехаі сяде Литва
Зъ своею Литовкою
Зъ нашею Подолянкою.

Здѣсь подъ Литвою разумѣется вообще врагъ, похититель невѣсты: что въ Сербскомъ обрядѣ выражается враждою между родами и селами, то здѣсь войною между цѣлыми племенами и народами. Греческая фантазія умѣла создать цѣлую поэму, основанную на преданіи о похищеніи Елены. У Римлянъ было сказаніе о похищеніи Сабинокъ. Финскій эпосъ воспѣваетъ тоже похищеніе дѣвицы изъ чужой стороны, и возникшую потому между двумя народами вражду. Древне-Нѣмецкій эпосъ, по мнѣнію Я. Гримма,[1] имѣетъ тоже основаніе, что и Финскій. У Нѣмцевъ умыканіе было въ общемъ употребленіи, какъ свидѣтельствуетъ самъ языкъ: въ древне-нѣм. переводѣ Евангелія, относящемся къ VIII в., понятіе о бракѣ выражается словомъ *bruhlauft*, т. е. побѣгъ невѣсты.—Что умыканіе, въ собственномъ, враждебномъ смыслѣ, на Руси было, свидѣтельствуютъ слова Нестора о Древлянахъ, какъ племени наиболѣе сохранившемъ старинные обычаи: «брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця.» Позднѣйшій лѣтописецъ это умыканіе убъясняетъ воровскимъ, т. е. враждебнымъ похищеніемъ. См. Восток. Опис. Рум. Муз. 357. Свидѣтельство Нестора о похищеніи *у воды* подтверждается доселѣ сохранившимся Сербскимъ обычаемъ, выше предложеннымъ. Эпическая поэзія вмѣняетъ дѣвицамъ въ обычную работу—ходить за водой. По убѣжденіямъ Малоруссой поэзіи, дочь подрастаетъ для того, чтобы помогать своей матери, и преимущественно носить воду: «годовала собѣ дочку для своей пригоды, щобъ принесла изъ крыници холодной воды;» матери, лишающейся своей дочки, пѣсня говоритъ: «да будешь, матенко, якъ голубонька густи, що нѣкому буде водици принести!» Итакъ, похитители слѣдили за дѣвицею въ ся обычныхъ выходахъ на рѣку, гдѣ

[1] über das finnische epos, въ лингвистическомъ журналѣ Гётера, 1845, I.

находила она въ старину и своихъ подругъ, и общество, и развлеченіе.—Впрочемъ, кромѣ враждебнаго похищенія, было въ обычаѣ у Русскихъ племенъ умыканіе, по взаимному совѣщанію, на сходбищахъ. Это мирное умыканіе, согласно съ свидѣтельствомъ Нестора, надобно отличать отъ похищенія у воды. Несторъ опредѣлительно и ясно различаетъ три брачныхъ обычая: *Древлянскій*, *Сѣверскій* (общій обычай у Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей) и *Полянскій*. Можетъ быть Несторъ хотѣлъ польстить Полянамъ, выставляя ихъ преимущества передъ другими племенами; можетъ быть и вообще не было на самомъ дѣлѣ такого рѣзкаго между племенами отличія въ обычаяхъ: но, во всякомъ случаѣ свидѣтельство лѣтописца заслуживаетъ нашего полнаго вниманія, какъ изложеніе различныхъ видовъ брачныхъ обычаевъ.—Выше сказанные три обычая являютъ намъ три ступени въ историческомъ развитіи брака. Древнѣйшей эпохѣ принадлежитъ грубый и жестокой обычай Древлянъ: «Древляне живяху *звѣриньскимъ* образомъ, живуще *скотьски*: обиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця.» Позднѣйшій лѣтописецъ XVIII в. такъ распространяетъ это извѣстіе о Древлянахъ: «брака у них нѣтъ: *воровски* на конѣх подѣзжаютъ къ другимъ жилищамъ и гдѣ увидят у воды девиц или женъ молодыхъ: то оных увозят к себѣ и живут сними.» (Восток. Опис. Рум. Муз. 357). Жесткіе эпитеты, коими лѣтописцы надѣляли Древлянъ, достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ въ старину смотрѣли на обычай насильственнаго умыканія. Ко второму періоду въ исторіи брака относимъ обычай Сѣверскій: «И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены.» Эти полюбовныя умыканія и побѣги жениха съ невѣстою (brutlauft) тоже объясняются позднѣйшими обычаями у Славянъ, напр. въ Славоніи и Кроаціи, по свидѣтельству Чапловича: во время пляски въ харчевнѣ, молодые люди, сговорившись, похищаютъ дѣвицу, уводятъ въ лѣсъ, и потомъ добываютъ священника для совершенія брачнаго обряда. У Морлаковъ похищеніе бываетъ также по взаимному согласію, полюбовно.[1] Не различивъ въ свидѣтельствѣ Нестора двухъ, различныхъ обрядовъ,

[1] Kollar, Narodnie zpiewanky, 1834, I. стр. 432—3.

Древлянскаго и Сѣверскаго, вы подали поводъ читателямъ сдѣлать совершенно противный указаніямъ Нестора выводъ, будто во времена лѣтописца похищеніе невѣсты имѣло смыслъ только символическій.[1] Если и донынѣ воинственные Сербы любятъ добывать себѣ женъ съ бою, то на какомъ основаніи можемъ предполагать, что дикіе Древляне были человѣколюбивѣе, и знали умыканіе только въ видѣ символическаго обряда? — Наконецъ послѣдній періодъ въ исторіи брака у Русскихъ Славянъ Несторъ видитъ въ Полянахъ: «брачныи обычаи имяху: не хожаше зять (т. е. женихъ) по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по ней, что вдадуче.»

2. *Продажа невѣсты.* Позднѣйшія свадебныя игры и шутки, какъ на Руси, такъ и у другихъ Славянъ, достаточно удостовѣряютъ въ томъ, что преданіе о продажѣ невѣсты доселѣ сохранилось въ памяти народа. Но было ли дѣйствительно въ обычаѣ продавать невѣсту, во времена Нестора, или въ ту отдаленную эпоху, которая предшествовала на Руси введенію христіанства? Если судить по аналогіи съ Сербскимъ обычаемъ, то, допустивъ умыканіе, допустимъ и плату, опредѣляемую судомъ. Не только отецъ, но братъ, какъ главный заступникъ дѣвицы, беретъ за нее плату, какъ свидѣтельствуютъ народныя преданія. Однако такъ какъ жители села, откуда похищается невѣста, вмѣняютъ себѣ въ обязанность защищать ее противъ похитителей: то имѣютъ право и на плату за нее. По крайней мѣрѣ такъ свидѣтельствуетъ весьма любопытный Лужицкій обычай.[2] Поѣздъ жениха, прибывъ къ селу гдѣ живетъ невѣста, останавливается. Отправляются два посланца къ старостѣ испросить позволенія войти въ село чужимъ людямъ. Староста обыкновенно отвѣчаетъ: «коль вы добрые люди, ступайте съ Богомъ, только не обижайте старыхъ да малыхъ.» Получивъ позволеніе, поѣздъ при самомъ въѣздѣ въ село встрѣчаетъ препятствіе: молодежь изъ того села загораживаетъ пріѣзжимъ дорогу лентою, или веревкою, или же шестомъ, украшеннымъ узлами; и непускаетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они деньгами не выку-

---

[1] Кавелина разборъ Исторіи Соловьева въ Огеч. Зап. 1351 г. N 12: „увозы на игрищахъ, какъ ихъ намъ описываетъ лѣтопись, очевидно были символическимъ дѣйствіемъ, обрядомъ, а не похищеніемъ въ настоящемъ смыслѣ. Религіозный характеръ игрищъ доказываетъ это несомнѣнно. Что въ основаніи такой формы заключенія брака лежало похищеніе, это вѣроятно. Но во времена лѣтописца уже было иначе.“ Это сказано только о Сѣверскомъ обычаѣ; но такъ ли было у Древлянъ?

[2] Haupt u. Schmaler, Volkslieder der Wenden. 1843. 2, стр. 231.

пять этой заставы. Воспоминаніе старины поддерживается и дальнѣйшимъ ходомъ обряда. Подъѣзжая къ невѣстину дому, женихъ и поѣзжане не видятъ себѣ ни какой встрѣчи: двери и окна закрыты, будто никого не ожидаютъ, только ворота отворены.—Остановимся на покупкѣ заставы: здѣсь выказывается полюбовная, торговая сдѣлка между женихомъ съ его поѣзжанами и между чужимъ селомъ, откуда берется невѣста. Древнѣйшій мотивъ этого обычая заключается въ участіи цѣлаго села при выдачѣ невѣсты жениху. Что же касается до продажи шеста съ узлами: то она останавливаетъ на себѣ вниманіе по символическому характеру, о чемъ скажемъ послѣ; а теперь остановимся собственно на покупкѣ невѣсты. Мнѣ кажется, для опредѣленія этого вопроса, нужно обратить вниманіе, вопервыхъ, на то, какъ народъ въ простотѣ своихъ первобытныхъ убѣжденій смотритъ на продажу вообще, и, вовторыхъ, почиталась ли дѣвица предметомъ удобнымъ для продажи. По стариннымъ понятіямъ, продажа не во всѣхъ случаяхъ могла быть дѣломъ позволеннымъ. Такъ Нѣмецкіе законы вмѣняли въ беззаконіе продавать хлѣбъ на корню, или виноградъ на лозахъ[1]. По Лужицкимъ обычаямъ, не должно продавать масла изъ молока коровы, которую только что впервые начали доить: въ противномъ случаѣ она цѣлый годъ будетъ давать плохое молоко. Но также и пріобрѣтать покупкою должно осмотрительно: по тѣмъ же Лужицкимъ обычаямъ, продавецъ скота долженъ повязать на шею скотинѣ ту веревку, на которой велъ ее на базаръ, будто бы для того, чтобы у новаго хозяина купленная скотина не была боязлива[2]. По Русскому повѣрію, предметъ, назначаемый для продажи, считается пропащимъ, дома ему ужъ не водъ; отсюда пословица: «обреченная скотинка ужъ не животинка.» Изъ такихъ наивныхъ понятій позволяю себѣ сдѣлать слѣдующій выводъ: если бы дѣвица считалась даже вещью, то и тогда вопросъ о продажѣ ея изъ семьи не легко разрѣшился бы старинными убѣжденіями, предостерегавшими отъ торговли извѣстными предметами. Потому, кажется, можно допустить предположеніе, что собственно продажа невѣсты относится ко времени позднѣйшему, нежели похищеніе. Тацитъ описавшій нѣкоторые свадебные обычаи Германцевъ, упоминаетъ о *дарахъ* или *подаркахъ*, которыми могла замѣняться цѣна: «intersunt parentes et propinqui ac munera probant, non ad delicias muliebres quaesita, nec quibos nova nupta comatur; sed

---

[1] I. Grimm, Deutsche Rechtsalterth. 610.

[2] Haupt u. Schmaler, Volkslieder d. Wenden, 2, стр. 261.

boves et frenatum equum et scutum cum framea gladioque.» Въ подаркахъ, которые имѣютъ на Русскихъ свадбахъ такое важное значеніе, можетъ быть, сохранился слѣдъ того древнѣйшаго вѣка, когда не было еще настоящей продажи. Даже по Сербскому обычаю плата за невѣсту замѣняется штрафомъ опредѣляемымъ отъ суда за умыканіе. Теперь отъ продажи перейдемъ къ самому предмету ея, т. е. къ дѣвицѣ. Древнѣйшія эпическія преданія, напр. въ Эддѣ, Нибелунгахъ, у насъ въ пѣснѣ о Дунаѣ[1], опредѣлительно высказываютъ то древнее убѣжденіе, что дѣвица, поке еще не знаетъ мужа, обладаетъ особенною силою, какъ физическою, такъ и нравственною: когда же отдается мужу, теряетъ эту силу. Правда что такое понятіе соединяется собственно съ героинями, а не со всякой обыкновенной дѣвицей; однако основывается — какъ всякій видитъ — на природномъ переходѣ изъ одного состоянія въ другое, общемъ всѣмъ дѣвицамъ. Притомъ краски для изображенія миѳическихъ лицъ народная фантазія заимствуетъ изъ общихъ воззрѣній на жизнь и человѣка. Дѣвица, какъ предметъ желанія, могла казаться для похитителя не только вещію, которую можно пріобрѣсти, какъ и все прочее, но и чѣмъ то особеннымъ, прекраснымъ, чего домогается онъ своими геройскими подвигами. Потому состояніе женщины въ эпическихъ разсказахъ описывается гораздо выгоднѣе, нежели каково оно бывало въ эпохи позднѣйшія, но еще не образованныя — какъ напр. въ XVI и XVII в. у насъ[2]. Нашъ языкъ самое слово *дѣва* сближаетъ съ глаголомъ *дивить*, который, между прочими значеніямъ, напр. въ Псковскомъ нарѣчіи употребляется о дѣвицѣ, когда она поздно вечеромъ у своихъ воротъ долго разговариваетъ съ выбраннымъ ею въ женихи парнемъ — что не считается ни отъ кого зазорнымъ: она *дивитъ съ парнемъ*, говоритъ народъ. Что въ словѣ дѣва заключается болѣе общее воззрѣніе, видно уже изъ кореннаго прилагательнаго — *дѣвый*, откуда происходитъ существительное дѣва. Вотъ примѣръ этого болѣе общаго значенія, въ Сборникѣ Царскаго, XVII в., подъ № 421: «вѣдомо буди, яко *дѣвою* бѣ Адамъ и Евва.» Въ Чешскомъ языкѣ, уже въ старинныхъ памятникахъ, слово *дѣвка* употребляется въ значеніи не только дѣвицы, но и юноши. Въ областныхъ нарѣчіяхъ, напр. во Владим. губерніи, до селѣ слово *дѣвица* употребляется какъ почетное и вѣжливое назва-

---

[1] Смотр. мою статью „Эпиская поэзія" въ Отеч. Зап. 1851 года.

[2] О значеніи женщины въ эпическій періодъ Греческой жизни смотри во 2-й книгѣ Пропилеевъ, въ статьѣ Леонтьева о Гротѣ, стр. 77.

ніе, которымъ честятъ себя даже старухи. На основаніи вышесказаннаго можно объяснить себѣ происхожденіе слова *дѣва* вмѣстѣ съ словами *дивъ, дивій, дивить* отъ корня *dib*, который въ Санскритѣ значитъ сіять, блистать, играть.

3. *Вѣно.* Слова *вѣно, вѣнити*, кромѣ отвлеченнаго значенія купли, могли первоначально выражать болѣе живое воззрѣніе, или, по крайней мѣрѣ, понятіе о продажѣ соединяли съ символическимъ обрядомъ. Позволяю себѣ такъ думать потому, что вѣно по преимуществу относится къ продажѣ невѣсты, а эта продажа совершалась при соблюденіи нѣкоторыхъ символическихъ обрядовъ. Въ Салическихъ законахъ плата за невѣсту именуется reipus, коему соотвѣтствуютъ Готск. râips, Скандин. reip, Англо-Саксон. râp, древне-верхне-Нѣм. reif: что означаетъ веревку, наузъ, кольцо, путо [1]. Это Салическое reipus Гриммъ думаетъ видѣть въ Тацитовомъ «hoc maximum vinculum» — въ выраженіи, употребленномъ при описаніи свадебныхъ обрядовъ Германцевъ [2]. Этимъ же объясняется эпическая форма въ Эддѣ: «gulli reifa, hringom reifa» — повязать, повить золотомъ или кольцомъ. Чтобы найти ближайшее соотношеніе нашего вѣна съ Салическимъ reipus и съ Тацитовымъ vinculum, надобно имѣть въ виду переходъ понятій отъ вязанья и повиванья къ даванію, открытый Я. Гриммомъ въ языкѣ и преданіяхъ народовъ Индоевропейскихъ: [3] такъ что древнѣйшее, первоначальное воззрѣніе въ словѣ заключавшееся въ смыслѣ — вязать, вить — переходило въ позднѣйшее болѣе отвлеченное понятіе — давать. Такой переходъ Я. Гриммъ объясняетъ языческими обрядами жертвоприношенія, подкрѣпляя оный переходомъ словъ отъ значенія лить къ значенію тоже давать: такъ что понятіе о возліяніи съ теченіемъ времени перешло въ отвлеченное понятіе о дарѣ вообще. Если присовокупимъ къ этому позднѣйшее въ языкахъ образованіе словъ въ значеніи продавать: то для насъ ясно будетъ, почему глаголъ *вѣнити* — продавать — происходитъ отъ слова *вѣно*, а сіе послѣднее отъ *вѣне*—вѣтвь или отъ слова *вѣнъ*—вѣнокъ: *вѣнъ* же образовалось отъ глагола *вить*. Въ слѣдствіе такой связи понятій, запечатлѣнной въ формахъ самого языка, образовались, между свадебными обычаями многія символическіе обряды. Для объясненія сихъ по-

---

1 Waitz, Das alte Recht d. Salisch. Frank. стр. 292.

2 I. Grimm, Deutsche Rechtsalterth. стр. 427.

3 Статья Я. Гримма „Ueber schenken und geben" въ Abhandlungen Берлинской Академіи Наукъ, 1850. Смотр. также мою статью объ Эпич. Поэзіи въ Отеч. Записк. 1851 года.

слѣднихъ нужно обратить вниманіе на значеніе вѣнка, на отношеніе его къ продажѣ и похищенію невѣсты, и наконецъ на переходъ вѣна къ значенію бракосочетанія и сочетавшихся. а) Символическій смыслъ плетенія вѣнковъ состоитъ по преимуществу въ гаданіи дѣвицъ о женихахъ. Вѣнки бросаются въ воду, потому что посвящаются Русалкамъ, чтобъ онѣ добывали дѣвицамъ жениховъ[1]. Парень, задумавшій жениться долженъ вытащить изъ воды вѣнокъ для той дѣвицы, на которой хочетъ жениться, только тогда онъ можетъ свататься[2]. Сила вѣнка состоитъ въ цѣлительныхъ и чародѣйскихъ травахъ, изъ которыхъ ихъ вьютъ, или же изъ березы, которую въ иныхъ мѣстахъ называютъ деревомъ вѣнечнымъ, воздавая ему особыя почести[3]. По народнымъ преданіямъ, вѣнки оказываютъ благодѣтельное дѣйствіе даже на скотъ. Такъ на Руси, въ день Купалы, доили коровъ черезъ вѣнки изъ чарующихъ травъ, для того чтобы въ томъ году русалки не отнимали у коровъ молока[4]. Слѣдовательно цѣлованье черезъ вѣнокъ, совершающееся въ Русскомъ народѣ, на Семикъ, скрѣплялось чарующею силою, въ вѣнкѣ заключающеюся: такое цѣлованье связываетъ, будто бы, узами какого-то родства и называется глаголомъ кумиться. Этотъ обычай господствуетъ у Сербовъ во всей силѣ, и называется *другачало*; справляется онъ поранней весне, во второй понедѣльникъ по Пасхѣ[5]. И такъ вѣнокъ есть принадлежность дѣвицъ, онѣ вьютъ его и по немъ гадаютъ: мужчина долженъ добыть его, чтобы искать руки той, которая плела; содержится въ вѣнкѣ чарующая сила[6], могущая исцѣлять и спасать отъ напастей, и особенно скрѣплять союзъ любви и дружбы. б) Кромѣ чародѣйской силы, въ вѣнкѣ заключается понятіе о вязаньѣ: потому позволительно будетъ здѣсь припомнить тѣ обычаи, по коимъ невѣста должна быть связываема, или опутываема. Въ Сербіи когда молодая отъ вѣнца войдетъ въ избу, на нее бросается изъ угла свекровь и повязываетъ ее поясомъ[7]. На Руси, въ областныхъ нарѣчіяхъ (напр. въ Новгор., Оренбур.) употребляется глаголъ *опутать* въ значеніи сватать: это слово состоитъ въ связи съ обы-

---

1 Терещенко, Бытъ Рус. нар. VI, 132.
2 Ibid. стр. 184.
3 Id. V, 68.
4 Guthrie, Dissert. Sur. les antiqu. de Rusie. 1795 г. стр. 77.
5 Вука Караджича Српски Рјечник, 150.
6 Слич. о вѣнѣ, въ моемъ разборѣ 2-го тома Сахарова Сказаній, въ 1-мъ томѣ Архива Проф. Калачева.
7 Сообщено студентомъ Протичемъ, Сербомъ.

чаемъ свахъ, ходить сватать съ *путомъ* или веревкою. Обрядъ опутыванья и вязанья очевидно относится къ преданіямъ объ умыканіи. в) Напротивъ того продажа и выкупъ вѣна или вѣнка указываетъ уже на продажу невѣсты. Одна Русская пѣсня[1] опредѣлительно говоритъ о томъ, какъ парень покупаетъ у дѣвицы вѣнъ: «чѣмъ мнѣ *вѣна выкупать?*»— »ужъ я дамъ ли, ужъ *дамъ за вѣна три гривны серебряныя.*» Сюда же отношу я и покупку шеста съ повязками, совершаемую, по Лужицкимъ обычаямъ, поѣзжанами жениха, при въѣздѣ ихъ въ село, гдѣ живетъ невѣста. г) Сербское дружи́чало происходило около того же времени, къ которому пріурочивался нашъ *вьюнецъ*. Въ Стоглавѣ объ этомъ обрядѣ сказано: «на Радуницю вьюнецъ и всякое въ нихъ бѣсованіе.» Слово *вьюнецъ* не представляетъ ни какого затрудненія для производства его отъ *вить, вью*; безъ окончанія *ецъ* слово *вьюнъ* въ областныхъ нарѣчіяхъ значитъ свертокъ, особая пляска, а также и вѣнокъ: такъ въ одной Сибирской пѣснѣ употребляется то вѣнъ, то вьюнъ. Отъ слова вьюнъ происходитъ *вьюнокъ* — въ значеніи молодаго человѣка, или вообще расторопнаго: въ томъ же смыслѣ употребляется индѣ и *вьюрокъ*. Связь вьюнца съ свадьбою видна въ мало-Русскомъ свадебномъ обрядѣ *вильце вить*[2]. И такъ, мнѣ кажется, вовсе излишнимъ, вмѣстѣ съ вами (стр. 66), слова *вьюнъ* и *вьюница*, коими называютъ молодыхъ, производить отъ *юнъ, юница*: ибо слѣдовало бы допустить необыкновенное въ Русскомъ языкѣ удвоеніе придыханія: унъ—юнъ—вьюнъ. По Сербскимъ обычаямъ молодая долго послѣ свадьбы носитъ на головѣ вѣнокъ, именно до тѣхъ поръ, пока не затяжелѣетъ. Что мудренаго, что молодые назывались вьюномъ и вьюницею отъ вѣна, или вьюна, т. е. вѣнка: когда и до селѣ въ Сибирскомъ нарѣчіи *вѣникомъ* называютъ мужа и жену, а въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ *вѣницомъ*—тягло!

4. *Языческіе обряды бракосочетанія*. Оставляя множество различныхъ обычаевъ и повѣрій, намекающихъ на богатство, плодородіе, охраненіе отъ зла и проч., обратимъ вниманіе на важнѣйшія предметы бракосочтанія, а именно на то, какимъ богамъ или обоготворенным силамъ поклонялись и какія жертвы приносили при бракосочетаніи, гдѣ и кѣмъ какіе совершались обряды. а) Особенное религіозное значеніе имѣли на свадьбѣ вода и огонь. Обоготвореніе воды на свадьбѣ согласуется съ обычаемъ гадать вѣнками на водѣ. Потому-то невѣсты и хаживали къ

---

[1] Смотр. мою статью объ Эпической Поэзіи въ Отеч. Зап. 1851 г.

[2] Малорос. свадьба, въ литературномъ вечерѣ.

водѣ: что строго запрещалъ Митрополитъ Кириллъ[1]. Потому-то, можетъ быть, и умыкали дѣвицъ у воды, какъ свидѣльствуетъ Несторъ. У Славянъ Болгарскихъ, по обычаю, посаженый отецъ и женихъ бросаютъ деньги въ котелъ, наполненный водою[2], какъ бы принося жертву водѣ. Въ Арханг. губерніи, ожидая жениха на дѣвичникъ черпаютъ изъ колодезя кувшинъ воды и ставятъ его на полати, для того чтобы женихъ, войдя въ избу, непремѣнно прошелъ подъ нимъ, и наклонилъ голову. Въ миѳическихъ преданіяхъ поклоненіе водѣ сочеталась съ поклонененіемъ огню. Въ одномъ старинномъ описаніи свадебныхъ обрядовъ[3] сказано, что надъ женихомъ и невѣстою «свѣщами со гнемъ волхваютъ кругъ главы съ четырехъ странъ, и трежды къ главѣ притыкаютъ.» По Болгарскихъ обычаямъ, сватъ, войдя въ избу невѣсты, прежде всего загребаетъ уголья въ печкѣ, какъ бы воздаетъ честь огню, приступая къ сватанью: по этомъ обряду и узнаютъ находящіеся въ избѣ, что это сватъ.[4] У Сербовъ еще очевиднѣе поклоненіе огню при совершеніи брака: молодая, воротившись отъ вѣнца, обходитъ трижды кругомъ очага, и каждый разъ останавливается, и, взявъ въ руки зажженное полѣно, потрясаетъ его, что бы сыпались искры[5], и затѣмъ уже свекровь бросается на молодую съ поясомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи соблюдается обычай разлагать пылающій костеръ передъ избою невѣсты: женихъ со всѣмъ своимъ поѣздомъ долженъ перескочить черезъ него[6]. Какъ на свадьбѣ, такъ и на судилищѣ, у языческихъ славянъ, вода и огонь имѣли высокое религіозное значеніе: на судѣ, снаряженномъ любушею, были *сватоцудна вода* и *пламень правдозвѣстенъ*. Свадьба въ Русскихъ пѣсняхъ именуется *божьимъ судомъ*. б) жертвенные предметы на свадьбѣ коровай, куря, каша. Вотъ древнія свидѣтельства: въ словѣ христолюбца: «и тако покладаютъ им т. е. богамъ требы и короваи имъ ломят и куры имъ рѣжут.» Въ вышеупомянутомъ старинномъ описаніи свадебныхъ обрядовъ: «принесутъ имъ (жениху съ невѣстою) курицу жареную, и женихъ возьметъ за ногу, а невѣста за другую, и учнутъ тянути ея разно, и приговариваютъ скверно»; о кашѣ, тамъ же: «да еще

---

[1] Востокова Опис. Румянц. муз. 321.

[2] Сообщено студентомъ Катрановымъ, Болгарцемъ.

[3] Напечатано въ моей статьѣ объ Эпич. поэзіи въ Отеч. Зап. 1851; но уже за долго передъ тѣмъ было издано въ Ученыхъ Запискахъ Моск. Универс.

[4] Сообщено Болгарцемъ Катрановымъ.

[5] Сообщено Сербомъ Протичемъ.

[6] Терещенко, Бытъ Рус. нар. II, 469.

къ нимъ приносятъ тутъ же на подклѣтъ каши, и они кашу черпаютъ и за себя мечутъ.» Извѣстенъ обычай Южнорусскій приготовлять на свадьбѣ жертвенный коровай, по свидѣтельсву пѣсни, будто бы замѣшеный на водѣ изъ Дуная, изъ муки восьми пшеницъ, съ сыромъ черныхъ коровъ, и на маслѣ коровы, давшей перваго теленка: въ серединѣ коровая счастье.[1] в) Касательно мѣста совершенія брака надобно отличать два періода, древнѣйшій и позднѣйшій. По древнѣйшему обычаю, жениха и невѣсту вѣнчали въ лѣсу, водя кругомъ дерева; впослѣдствіи кругомъ стола, какъ свидѣтельствуетъ то же старинное описаніе свадьбы. Вѣнчаніе вокругъ дерева совпадаетъ съ обычаями завиванья вѣнковъ, сопровождаемаго хороводомъ вокругъ дерева. г) По отрывочнымъ обычаямъ можно съ достовѣрностью заключить, что обряды на свадьбѣ совершались жрецомъ, дѣйствія котораго взялъ на себя впослѣдствіи *дружко*. И доселѣ выбирается онъ изъ знахарей и колдуновъ, для охраненія молодыхъ отъ бѣды и притки, а также и для совершенія таинственыхъ обрядовъ. Извѣстно, что при жертвоприношеніи наши предки вмѣняли въ необходимость, сверхъ жреца, или старшаго въ семьѣ, присутствіе особы въ вывороченной шубѣ. Такъ въ Воронеж. губерніи, въ селѣ Хохлѣ Нижнедѣвицк. уѣзда, доселѣ сохранился обычай на скотій праздникъ 1-го Января къ пылающему костру приводятъ скотину; мужикъ, замахнувшись топоромъ, перекидываетъ его черезъ скотину въ огонь; при этомъ мужикѣ долженъ присутствовать другой въ вывороченномъ тулупѣ[2]. Точно такъ и на свадьбѣ, кромѣ дружки должно быть лицо въ тулупѣ на изнанку — это бывала баба, какъ свидѣтельствуетъ тоже старинное описаніе свадьбы. Лингвистическое доказательство жреческаго служенія дружки предлагаетъ намъ Польскій языкъ въ которомъ *жерца* или *жержецъ* т. е. жрецъ имѣетъ значеніе дружки[3].

5. *Устройство семьи.* На бракѣ основывается семья и общество: потому-то Несторъ, описывая нравы древнихъ племенъ, вошедшихъ во составъ Руси, преимущественно говоритъ о брачныхъ обычаяхъ. Молодой глава семьи называется словами *женихъ* и *зять*. Несторъ вмѣсто жениха употребляетъ *зять:* «не хожаше зять по невѣсту.» Тоже встрѣчаемъ въ прекрасной рукописи Четьи-Минеи XIV в., въ Троицкой Лаврѣ: «небесныи зять» вм. женихъ. Слово *женихъ*, происходя отъ корня

---

[1] Малорос. свадьба. въ Литературн. вечерѣ.

[2] Воронежск. губерн. вѣдом. 1851 г. N 38.

[3] Линде, Польск. Словарь, томъ VI, стр. 891.

съ словомъ жена, проходитъ черезъ всѣ языки индоевропейскіе: Санскрит. *джан* рождать, откуда *джана* мужъ, *джані* жена, *джанака* родитель; наше *ж* и санскритск. *дж*, по закону, переходитъ въ классическихъ языкахъ въ *г*, а въ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ въ *к:* потому съ формами *жен*, *джна* родственны: греч. *γίγνομαι*, и Латин. gigno (оба съ удвоеніемъ); Готск. *kuni* (родъ), *quêns, quinô* жена, Скандин. *kona* госпожа, и наконецъ съ окончаніями *ing*, *ungr*, *ngr*, въ значеніи царя, князя: древне-Саксон. *kaning*, Сканд. konûngr, сокращенно köngr, древне-верхне. Нѣмец. chuninc. Съ этими послѣдними одного происхожденія и образаваніе наши кънязь, кънагыни (нашему ѧ соотвѣствуетъ нѣм. *ing ung*). Потому-то и до позднѣйшаго времени вм. женихъ и невѣста употребляются у насъ Князь и Княгиня[1] хотя и у Славанъ Князь и Княгиня имѣютъ смыслъ вообще господина и госпожи, мужа и жены, но наибольшее развитіе получили они у Нѣмцевъ, которые задолго прежде Славянъ выработали понятіе о жизни государственой. Въ этомъ отношеніи Нѣмецкія племена могли оказать вліяніе какъ на Славянъ, такъ и на Литовцевъ. На стр. 76 своей Исторіи, вы означили только одно Литовское наименованіе Князя, впрочемъ нѣсколько измѣнивъ звуки: у васъ стоитъ *reiks* вм. *rikqs:* это послѣднее слово дѣйствительно употреблялось у Литовцевъ именно Прусскаго нарѣчія, въ смыслѣ господина, владѣтеля, Князя[2]. Это Литовское слово родственно съ готск. *reiks*, Скандин. *rukr*, Лат. *rix*. Другое Литовское слово, тоже родственное съ Нѣмецк., именно съ kuning, konûngr, есть *kunigs* — вообще господинъ, владѣтель, и въ особенности лицо духовное, священникъ, откуда *kunigystė*—священство, духовенство, *kunigênė*—попадья, и *kunigâi ksstis*—Князь. Отсюда понятно, почему у Поляковъ названія священника и Князя одного корня. И такъ въ вышепредложенномъ рядѣ словъ очевидно оказывается переходъ понятій отъ жизни семейной къ общественной и государственной, къ понятіямъ о жрецѣ, Князѣ, власти. Такимъ образомъ устройство семьи языкъ полагаетъ въ основу устройству общественному. Въ лѣствицѣ всѣхъ этихъ словъ Славянскій языкъ удерживаетъ первобытное *женихъ* (въ значеніи раждающаго, родителя) въ смыслѣ семейномъ, и наиболѣе развитое *Князь* (въ значеніи жреца и властителя), въ смыслѣ общественномъ и государственномъ.—Названіе молодой, введенной въ семью, вполнѣ соотвѣтствуетъ ея значенію. Слово *невѣста*, принимаемое въ

---

[1] Смотр. мою книгу О вліян. Христіанства на Слав. яз. 132, 160.

[2] Nesselmann, Die Sprache d. alten Preussen, стр. 125.

обширнѣйшемъ смыслѣ жены вообще, по производству, значитъ *введенная*[1]. Древнѣйшему слову невѣста соотвѣтствуетъ какъ бы переводное *водимая* или *веденица*, какъ значится въ приводимой Княземъ Оболенскимъ[2] книгѣ Царствъ: «и бысь ему женъ веденицъ 7 сотъ.» Названія эти объясняются обрядомъ веденія невѣсты, какъ основательно заключаетъ Князь Оболенскій. Другое названіе, тоже какъ бы переложеніе древнѣйшаго, доселѣ живетъ въ устахъ народа, именно въ нарѣчіи Камчатскомъ: *держимая*, или *жена держимая*, по объясненію г. Кузмищева[3]: «бывало прежде, когда кто бралъ себѣ жену и жилъ съ нею нѣсколько лѣтъ, по одному только условію, не совершая брачнаго таинства за небытіемъ священника.» Слову *держимая* соотвѣтствуетъ Санскритское *б'аръя*—жена, собственно держимая отъ глагола *б'рі* держать, точно также какъ слову, *веденица* или *водимая* Санскритское *нівіç*, не только водить, но и жениться, uxorem ducere: откуда *невѣста*.[4] Входя въ домъ своего мужа, молодая тотчасъ же должна была принять на себя хозяйство, о чемъ свидѣтельствуютъ доселѣ сохранившіеся нѣкоторые символическіе обряды. Такъ у Лужичанъ, чтобъ водилась скотина давала хорошее молоко, невѣста должна тотчасъ же послѣ бракосочетанія идти въ хлѣвъ и толкнуть ногою воду въ корытѣ.[5] Думаю, что и Сербскій обрядъ хожденія вокругъ огнища объясняется введеніемъ молодой въ хозяйство своего мужа. Кромѣ того въ Сербіи ведется весьма любопытный обычай, наивно указывающій на сближеніе двухъ семействъ посредствомъ брака. Молодая, на другой день послѣ бракосочетанія, должна дать свои собственныя имена всѣмъ членамъ мужниной родни, и этими произвольно данными именами она уже всегда и называетъ ихъ.[6] Для того, что бы окочательно отдѣлить молодую отъ ея прежняго рода, тесть учреждаетъ, послѣ свадьбы званый обѣдъ, именуемый, въ Арханг. губ., *отворотнымъ столомъ:* на этомъ пиру молодые отдариваютъ всю родню.—Гораздо труднѣе водворяется зять въ домѣ тестя, ибо не можетъ

---

[1] Смотр. мое сочиненіе О вліян. Христ. на Слав. яз. 139—141.

[2] Предисловіе къ изданію лѣтописца Переяславля Суздальск., во Временникѣ 1851 N 9 стр. LXXXVI.

[3] Москвитянинъ 1842, N 3.

[4] Подобные случаи въ исторіи языка не рѣдки. Такъ слово *сноха* стоитъ на древнѣйшей ступени вмѣстѣ съ Санскрит. *снушā* (т. е. *сӯнушья*—сыновняя); кромѣ того Славянскія нарѣчія знаютъ и переложенную форму этого слова: *сынова сынага.* т. е. сыновняя (подразумѣвается жена).

[5] Haupt u. Schmaler, Volkslieder d. Wenden, 2, 258.

[6] Сообщено Сербомъ Протичемъ.

слить своего рода съ тестевымъ: потому, въ разныхъ областяхъ нашего языка онъ называется, то *влазень* (отъ глагола влѣзать), то *примака* (какъ бы пріемышъ), то *животникъ* (отъ выраженія *въ животы идти*, т. е. идти на чужой кормъ), то *вабья* (отъ глагола вабить—приманивать, пріучать). Понятія, выражаемыя этими словами, разумѣется позднѣйшія, сравнительно съ умыканіемъ и введеніемъ невѣсты.—Хозяйство ведется въ домѣ старшимъ, и потому индѣ называется *большина*, а хозяинъ — *большакъ*. Важнѣйшее хозяйство женщины — приготовленіе пищи: почему у Англо-саксовъ хозяйка именуется словомъ *hlaefdige*, означающимъ *раздающая хлѣбъ* или *пищу*: такъ и у насъ областное *господыня* означаетъ женщину, которая готовитъ пищу. Для означенія старшаго въ семьѣ весьма важно областное слово *колѣно*: точно такъ и въ прочихъ языкахъ Индо-европейскихъ встрѣкаются на родственныхъ звукахъ понятія о родѣ, и колѣнѣ: напр. Санскр. *джáну* колѣно и *джáтѣ*—родъ. Какъ понятіе о старѣйшинствѣ возвышается по восходящей линіи, такъ понятіе о наслѣдникѣ образуется по линіи нисходящей[1]. Замѣчательно въ языкахъ Индо-европейскихъ соотвѣтсттвіе словъ, имѣющихъ значеніе дитяти, рожденнаго, сироты и наслѣдника. Такъ наше *робѧ*, черезъ обычную перестановку плавнаго звука, родственно съ Санскритскимъ *арб'а* (proles natus), откуда Греч. *ὀρφανός*, Лат. *orbus*, а въ Готскомъ имъ родственное *arbja* значитъ уже наслѣдникъ, откуда Нѣм. erbe. И на оборотъ наше *сиръ* и Греч. *χῆρυς* переходятъ въ Латинск. *heres*.[2]

Этимъ ограничу свои замѣчанія о свадебныхъ обычахъ. Думая изложить общія соображенія, я невольно вошелъ въ частныя изслѣдованія. Полагаю, что для нашей доисторической старины еще не пришло время общихъ воззрѣній. Можно сказать безъ преувеличенія, что ежедневно открываются для изученія ея новые матеріалы, благодаря дѣятельности какъ частныхъ лицъ, такъ особенно цѣлыхъ ученыхъ обществъ. Многое, что доселѣ казалось въ нашихъ преданіяхъ необъяснимымъ, является въ несомнѣнной ясности изъ какого нибудь одного открытаго факта, бросающаго неожиданный свѣтъ на старину. Кромѣ того постоянныя открытія выставляютъ предметъ съ новыхъ точекъ зрѣнія, и даютъ поводъ къ новымъ вопросамъ. Мы не только что не имѣемъ еще исторіи ни Русскаго, ни прочихъ Славянскихъ нарѣчій; но даже едва начинаемъ созна-

---

[1] Подробноси Смотр. въ сочиненіи О вліян. Христ. на Слав. языкъ, стр. 149 и слѣд.
[2] I. Grimm, Geschichte d. deutsch. Spr. стр. 1021.

вать всю важность этого предмета для изученія нашей старины. Между тѣмъ исторія нашего языка существенно дополнитъ свѣдѣнія о многихъ событіяхъ древней Русской жизни. Дляпримѣра укажу на *во̀локи*, имѣвшіе такое важное значеніе въ исторіи древней Руси. Областныя нарѣчія свидѣтельствуютъ, что *во̀локомъ* называется не только пространство между двумя рѣками, но и вообще густой лѣсъ, боръ, на значительномъ разстояніи. Въ Вологодской губерніи такими волоками рѣзко отдѣляются Вологодскіе мѣстные го̀воры, или *напѣвы*.[1] Древности родственныхъ нашему языковъ тоже только что теперь разрабатываются. Я. Гриммъ успѣлъ исчерпать богатое содержаніе старины только Нѣмецкой; прочихъ народовъ касается онъ мимоходомъ, хотя, надобно сказать правду, много заслугъ оказалъ и Славянской миѳологіи. Но миѳологія Литовцевъ и Финновъ ожидаетъ еще дѣлателей. Изученіе нашей старины далеко двинется впередъ, когда мы воспользуемся всѣми богатствами старобытныхъ преданій, сохранившихся въ языкахъ этихъ народовъ. Итакъ, оканчивая свои бѣглыя замѣтки, ради пользы науки желаю, чтобы книга ваша вызвала болѣе спеціальныя изслѣдованія нашихъ ученыхъ о Русской старинѣ.

Ѳ. Буслаевъ.

---

1 Сообщено Н. Г. Лавдовскимъ.

Примѣчаніе. Съ большимъ удовольствіемъ и благодарностію помѣщаю я это прекрасное изслѣдованіе, обильное такими любопытными сближеніями и выводами. Но при этомъ считаю долгомъ сказать, что авторъ его, какъ спеціалистъ, не совершенно чуждъ нѣкоторой односторонности, пристрастія къ своему предмету, даетъ иногда языку уже слишкомъ много власти, значенія. Это всего больше замѣтно въ изслѣдованіи о *родѣ*. Г. Буслаевъ спрашиваетъ: «Называлъ ли когда-нибудь Русскій языкъ отца родомъ?» — На это отвѣтимъ, что можетъ быть называлъ, а можетъ быть и не называлъ — это все равно, ибо *родъ* не есть отецъ, а праотецъ, родоначальникъ. Г. Буслаевъ говоритъ, что языкъ въ общемъ и собирательномъ имени *родъ* не допускаетъ значенія единичнаго понятія объ отцѣ; — но спрашивается, какимъ же образомъ языкъ въ общемъ и собирательномъ имени *родъ* допускаетъ значеніе единичнаго понятія—*родственникъ*, ибо *родъ* означаетъ иногда одного родственника: «напр. да придета къ намъ *къ родамь* своимъ,» говоритъ Олегъ Аскольду и Диру; *городъ* употребляется вмѣсто единичнаго: *гражданинъ* (Ипат. 163). Ясно слѣд. что родъ можетъ быть и собирательнымъ и единичнымъ. Потомъ, допустимъ, что *родъ* означалъ также и производящую силу природы, положимъ солнце, или перуна: и здѣсь тотъ же самый языкъ въ общемъ и собирательномъ имени *родъ* не допуститъ значеніе единичнаго понятія о солнцѣ или перунѣ! Г. Буслаевъ видѣлъ, что его мнѣнію объ исключительной собирательности рода сильно противорѣчитъ единичное представленіе о привидѣніи, и потому онъ спѣшитъ оговориться, что даже для означенія привидѣнія нашъ языкъ употребляетъ не собирательное *родъ*, а производную *родà*; — но онъ забылъ, что въ древнѣйшемъ свидѣтельствѣ: «и дѣти бѣгаютъ рода,» стоитъ *родъ*, а не *родà*. О свободѣ языка замѣнять единичное множественнымъ, собирательнымъ всего лучше свидѣтельствуетъ приведенное самимъ же г. Буслаевымъ названіе *родители* для означенія не многихъ, а одного покойника. Наконецъ Греч. *genos* также собирательное, но означаетъ же въ извѣстномъ мѣстѣ Санхоніатона одного родоначальника, праотца. *С. С.*

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:			*Должно читать:*
стр.	*строка.*		
5	17	по	по
8	12	общихъ	обѣихъ
22	3	часть	честь
58	8	Святославичь	Святославичи
61	1	и потомъ	и потому
79	27	житье	жилье
100	31	Ольговича	Ольговичи
128	35	и ты клялись	и ты; «клялись
149	35	отъ Варяговъ	и отъ Варяговъ
150	16	пославъ	пославъ
159	8	Андрей,	Андрей
—	9	не ратный чинъ	на ратный чинъ
246	6	мѣстопребыванія	мѣстопребываніе
281	10	захвитилъ	захватилъ
305	18	отправилсе	оправился
340	33	лучшичъ	лучшихъ
371	22	эта	это
394	34	годили	ходили.
396	28	пранужденнымъ	принужденнымъ
400	12	Гордцу	Городцу.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

№ 1.

Племя Владиміра Ярославича:

Ростиславъ ум. 1065 г.

- Рюрикъ ум. 1092
- Володарь ум. 1124
  - Владимірко ум. 1152
    - *Ярославъ* *жен.* въ 1150 г. на Ольгѣ, дочери Юрія Долгорукаго. ум. 1187 г.
      - Владиміръ ж. въ 1167 г. на Болеславѣ, дочери Святослава Всеволодовича; ум. 1198.
        - сынъ, жен. на Ѳеодорѣ, дочери Романа Волынскаго.
      - Олегъ Настасьичь
      - Дочь за Королемъ Венгерскимъ Стефаномъ III-мъ.
  - Дочь за сыномъ Византійскаго Императора Алексія 1104 г.
  - Ростиславъ
    - Иванъ Берладникъ ум. 1161 г.
      - Ростиславъ ум. 1189
- Василько ум. 1124
  - Иванъ, Григорій ум. 1141

№ 2.

Племя Изяслава Ярославича:

- Мстиславъ ум. 1068 г.
  - Ростиславъ ум. 1093 г.
- Ярополкъ ум. 1086 г.
  - Ярославъ, ум. 1102
  - Вячеславъ ум. 1104
- Святополкъ жен. на Половчанкѣ въ 1094 г. ум. 1113 г.
  - Мстиславъ ум. 1099 г.
  - Ярославъ жен. въ 1112 г. на доч. Мстислава сына Мохова. ум. 1123 г.
    - Юрій ж. въ 1144 г. на Мономаховой внукѣ, доч. Всеволодка Городенскаго.
      - Иванъ. Кн. Туровскій упом. 1168 г.
      - Ярославъ, Кн. Пинскій упом. 1184 г.
      - Святополкъ, ум. 1190 г.
      - Ярополкъ, жен. въ 1190 г.
      - Глѣбъ Кн. Туровскій ум. 1196 г.
    - Вячеславъ упом. въ 1127 г.
  - Брячиславъ, род 1104 г. ум. 1126 г.
  - Изяславъ, ум. 1127 г.
  - Сбыслава, за Болеславомъ Польскимъ 1102г.
  - Предслава за Королевичемъ Венгерскимъ 1104 г.

Князья Пинскіе, неизвѣстно чьи дѣти:

- Владиміръ упом. 1204 г.
- Князь Александръ Дубровицкій упом. въ 1224 г.
- Ростиславъ упом. 1228 г.

№ 3.

Племя Святослава Ярославича:

Глѣбъ ум. 1078 г.

Романъ ум. 1079 г.

Давыдъ ум. 1123 г.

Олегъ ум. 1115 г.

Ярославъ ум. 1129 г.

а) Племя Давыда Святославича:

Святославъ упом. въ посл. разъ 1142 г.

Всеволодъ Князь Муромскій жен. на княжнѣ Польс. въ 1124 г.

Ростиславъ ум. въ 1120 г.

Владиміръ жен. въ 1144 г. на Мономаховой внукѣ, дочери Всеволодка Городенскаго умеръ 1151 г.
— Святославъ жен. въ 1160 г. на доч. Андрея Боголюбскаго ум. въ 1166 г.

Изяславъ ум. 1161 г.

b) Племя Олега Святославича:

Всеволодъ жен. на дочери Мстислава В. ум. 1146 г.

Игорь ум. 1147 г.

Святославъ жен. въ Новгородѣ 1136 ум. 1164 г.

Глѣбъ ум. 1138 г.

Иванъ ум. 1148 г.

Дѣти Всеволода:

- Святославъ жен. въ 1143 г. на дочери Василька, К. Полоцкаго ум. въ 1194 г.
  - Мстиславъ жен. 1183 г. на свояченицѣ Всеволода III, Ясынѣ ум. въ 1224 г.
  - Владимірѣ жен. въ 1179 г. на дочери Михаила Юрьевича.
  - Глѣбъ жен. въ 1183 г. на доч. Рюрика Ростиславича.
    - Дочь Евфимія за Греч. царевичемъ Алексѣемъ, сыномъ Исаака, 1194 г.
  - Всеволодъ жен. въ 1179 на дочери Казимира Польскаго умеръ 1215 г.
    - Михаилъ.
  - Олегъ умеръ 1204 г.
    - Давыдъ жен. въ 1190 г. на дочери Игоря Святославича.
- Ярославъ род. 1139 г. ум. въ 1200 г.
  - Ростиславъ род. 1174 г. жен. 1188 г. на Всеславѣ доч. Всевол. III.
  - Ярополкъ упом. 1197 и 1214 г.
- Владимірѣ ум. 1200 г.
  - Ростиславъ упом. 1192 г.
- Дочь Звенислава за Болеславомъ Польскимъ 1142 г.

Дѣти Святослава:

- Олегъ жен. 1) на доч. Юрія Долгорук. въ 1150 г. 2) на дочери Ростислава Мстиславича 1165 г. ум. 1180 г.
  - Святославъ род. 1187 г.
- Игорь ум. 1202 г.
  - Владимірѣ род. 1173 г. жен. на доч. Кончака Половецкаго въ 1188 году ум. 1212 г.
    - Изяславъ.
    - Всеволодъ.
  - Олегъ род. 1175 г.
  - Святославъ род. 1177 г. жен. на доч. Рюрика Ростиславича въ 1188 г.
  - Романъ упом. 1202 г.
- Всеволодъ ум. 1196 г.

Дѣти Глѣба:

- Изяславъ ум. 1133 г.
- Ростиславъ упом. 1144 г.

с) Племя Ярослава Святославича:

Святославъ ум. 1145 г.
— Владимірѣ ум. 1145 г.
— Юрій умеръ 1174 г.

- Владимірѣ ум. 1203 г.
  - Юрій упом. 1228 г.
  - Святославъ ум. 1228 г.
- Давыдъ ум. 1228 г.
- Юрій упом. 1220 г.
- Олегъ упом. 1220 г.

Давыдъ ум. 1147 г.

Игорь упом. 1147 г.

Ростиславъ

- Андрей упом. 1147 г.
- Глѣбъ жен. на дочери Ростислава Юрьевича умеръ 1177 г.
  - Ярославъ жен. въ 1199 г. на Всеславѣ дочери Рюрика Ростиславича.
  - Романъ жен. на дочери Святослава Всеволодов. Черниговскаго упом. въ 1207 г.
  - Игорь умеръ 1195 г.
    - Романъ умеръ 1217 г.
    - Ингварь Юрій упом. 1207 г.
  - Владимірѣ упом. 1186 г.
  - Всеволодъ ум. 1207 г.
    - Михаилъ ум. 1217 г. жен. на дочери Всеволода Черми.
  - Святославъ упом. 1207 г.
    - Святославъ ум. 1217 г.
    - Ростиславъ ум. 1217 г.
  - Глѣбъ упом.
  - Олегъ
  - Изяславъ
  - Константинъ

№ 4.

Племя Всеволода Ярославича:

- Владиміръ Мономахъ род. 1053 г. ум. 1125 г.
- Ростиславъ род. 1069 ум. 1093 г.

Дети Владиміра Мономаха:

- Мстиславъ род. 1076 жен. 1) на Шведской королевнѣ Христинѣ 2 на доч. Новгор. боярин. Дмитрія Завидича, 1120 г. ум. 1132 г.
- Изяславъ ум. 1096.
- Святославъ ум. 1114 г.
- Романъ жен. на доч. Володаря Ростиславича 1113 г. ум. 1119 г.
- Ярополкъ жен. на Ясской княжнѣ 1116 г. ум. 1139 г.
- Вячеславъ ум. 1154. г.
  - Михаилъ ум. 1129
- Юрій жен. на Половчинкѣ 1108 г. ум. 1157 г.
- Андрей род. 1102 г. жен. на Половчинкѣ 1117 г. ум. 1142 г.
  - Владиміръ ум. 1170 г.
  - Ярополкъ упом. 1158.
- Евфимія за Венгерск. кор. Коломаномъ.
- Марія за Греч. царев. Леономъ.

a) Плмя Мстислава Владиміровича:

- Всеволодъ жен. 1122 г. на доч. Святосл. Давыд. Черниговскаго ум. 1138 г.
  - Иванъ ум 1128
  - Мстиславъ ум. 1168 г.
  - Верхуслава за Польскимъ Королевичемъ.
- Изяславъ ум. 1154 г.
  - Мстиславъ ум. 1170
    - Романъ жен. 1) на доч. Рюрика Ростиславича 2) неизвѣстно. ум. 1205 г.
      - Даніилъ, Василько
    - Всеволодъ ум. 1195
      - Александр.
      - Всеволодъ упом. 1211 г.
  - Ярославъ упом. 1175 г.
    - Изяславъ ум. 1196.
    - Ингварь упом. 1202.
      - Ярославъ упом. 1227 г.
      - Изяславъ ум. 1224.
    - Всеволодъ жен. на Малфридѣ Юрьевнѣ Туровской 1167 г.
    - Мстиславъ упо: 1226
      - Иванъ ум. 126 г.
  - Ярополкъ жен. 1166 на дочер. Святосл. Ольгович. ум. 1168 г.
    - Василько упом. 1167 г.
- Ярополкъ упом. 1149 г.
- Святополкъ жен. на княжнѣ Моравской 1144 г. ум. 1154 г.
- Владиміръ род. 1132 г. ум. 1171 г.
  - Ростиславъ упом. 1190 г.
  - Мстиславъ упом. 1173 жен. на доч. Святослава Всеволод. Черниговс.
  - Ярославъ упом. 1181.
    - Ростиславъ род. 1193 г. ум. 1198 г.
    - Изяславъ род. 1190 г. ум. 1198 г.
- Ростиславъ ум. 1167 г.
  - Романъ ж. 1149 г. на доч. Святослава Ольговича ум. 1180 г.
    - Ярополкъ упом. 1174
    - Мстиславъ ум. 1224 г.
      - Святославъ упом. 1219.
      - Всеволодъ упом. 1219.
    - Борисъ упом. 1180 г.
      - Всеволодъ упом. 1214 г.
  - Рюрикъ жен. 1) на Половчинкѣ въ 1165 2) на Аннѣ доч. Юрія Туровскаго ум. 1215 г.
    - Ростиславъ род. 1171 г. жен. 1188 г. на Верхуславѣ доч. Всеволода III.
    - Владиміръ род. 1188 г.
  - Давыдъ род. 1140 ум. 1197
    - Изяславъ ум. 1184.
    - Мстиславъ ум. 1187 г.
    - Константинъ упом. 1197 г.
    - Мстиславъ род. 1193.
  - Святославъ ум. 1170 г.
  - Мстиславъ жен. на доч. Глѣба Рязанскаго ум. 1180 г.
    - Мстиславъ ум. 1228 г.
      - Василій ум. 1218 г.
    - Владиміръ упом. 1217 г.
    - Давыдъ упом. 1214

b) Племя Юрія Владиміровича Долгорукаго:

- Ростиславъ ум. 1151 г.
  - Мстиславъ жен. 2) 1176 г. на дочери Новгородскаго боярина Якуна Мирославича. ум. 1178 г.
    - Святославъ упом. 1176 г.
  - Ярополкъ жен. 1175 г. на доч. Витебскаго Князя Всеслава упом. 1181 г.
- Андрей ум. 1174 г.
  - Изяславъ ум. 1165 г.
  - Мстиславъ ум. 1172 г.
    - Василій род. 1171 г.
  - Юрій жен. на Тамари Грузинской упом. 1174 г.
- Ярославъ ум. 1166 г.
- Всеволодъ жен. 1) на Ясынѣ Маріи 2) въ 1209 г. на доч. Василька Витебскаго. ум. 1212 г.
  - Константинъ род. 1185 г. жен. 1196 г. на доч. Мстислава Романича ум. 1218 г.
    - Василько род. 1209 г. жен. 1227 г. на доч. Михаила Черниговскаго.
    - Всеволодъ род. 1210 г.
    - Владиміръ род. 1214 г.
  - Борисъ р. 1186 г. ум. 1188 г.
  - Георгій род. 1189 г жен. на доч. Всеволода Чермнаго 1211 г.
    - Всеволодъ род. 1213 г.
  - Ярославъ род. 1191 г. жен. 1) 1206 г. на Половчанкѣ, 2) на доч. Мстислава Мстиславича Торопецкаго.
    - Ѳедоръ род. 1219 г.
    - Александръ
  - Владиміръ род. 1193 г. жен. 1215 на дочери Глѣба Черниговскаго ум. 1227 г.
  - Святославъ род. 1195 г.
  - Иванъ род. 1198 г.
- Глѣбъ жен. 1155 г. на доч. Изяслава Давыдовича ум. 1171 г.
  - Изяславъ ум. 1184 г.
  - Владиміръ жен. 1180 г. на доч. Ярослава Черниговскаго ум. 1187 г.
- Святославъ ум. 1174 г.
- Борисъ ум. 1159 г.
- Мстиславъ жен. 1155 въ Новгородѣ на дочери Петра Михалковича.
  - Ярославъ ум. 1198 г.
- Василько упом. 1149 г.
- Михаилъ ум. 1176 г.

№ 5.

Племя Вячеслава Ярославича:

Борисъ
ум. 1078 г.

№ 6.

Племя Игоря Ярославича:

Давыдъ
ум. 1112 г

Всеволодко жен.
на доч. Мономаха
Агаѳьи, въ 1116 г.
ум. 1141 г.

Борисъ
упом. 1151 г.

Глѣбъ
упом. 1167 г.

Мстиславъ
упом. 1168 г.

Неизвѣстный

Мстиславъ
ум. 1116 г.

№ 7.

Племя Изяслава Владимировича Полоцкаго:

Брячиславъ
ум. 1044 г.

Всеславъ
ум. 1101 г.

Рогволодъ
упом. 1127 г.

Святославъ
упом. 1140 г.

Василько
упом. 1132 г.

Всеславъ
упом. 1166 г.

Романъ
ум. 1116 г.

Давыдъ
упом. 1103 г.
жен. на доч.
Мстислава В.

Володша
упом. 1159 г.

Брячиславъ
упом. 1127 г.

Глѣбъ жен. на
доч. Ярополка
Изяславич. ум.
1119 г.

Всеволодъ
упом. 1159 г.

Ростиславъ
упом. 1159.

Глѣбъ
упом. 1159 г.

Володарь
упом. 1159.

Борисъ
ум. 1128 г.

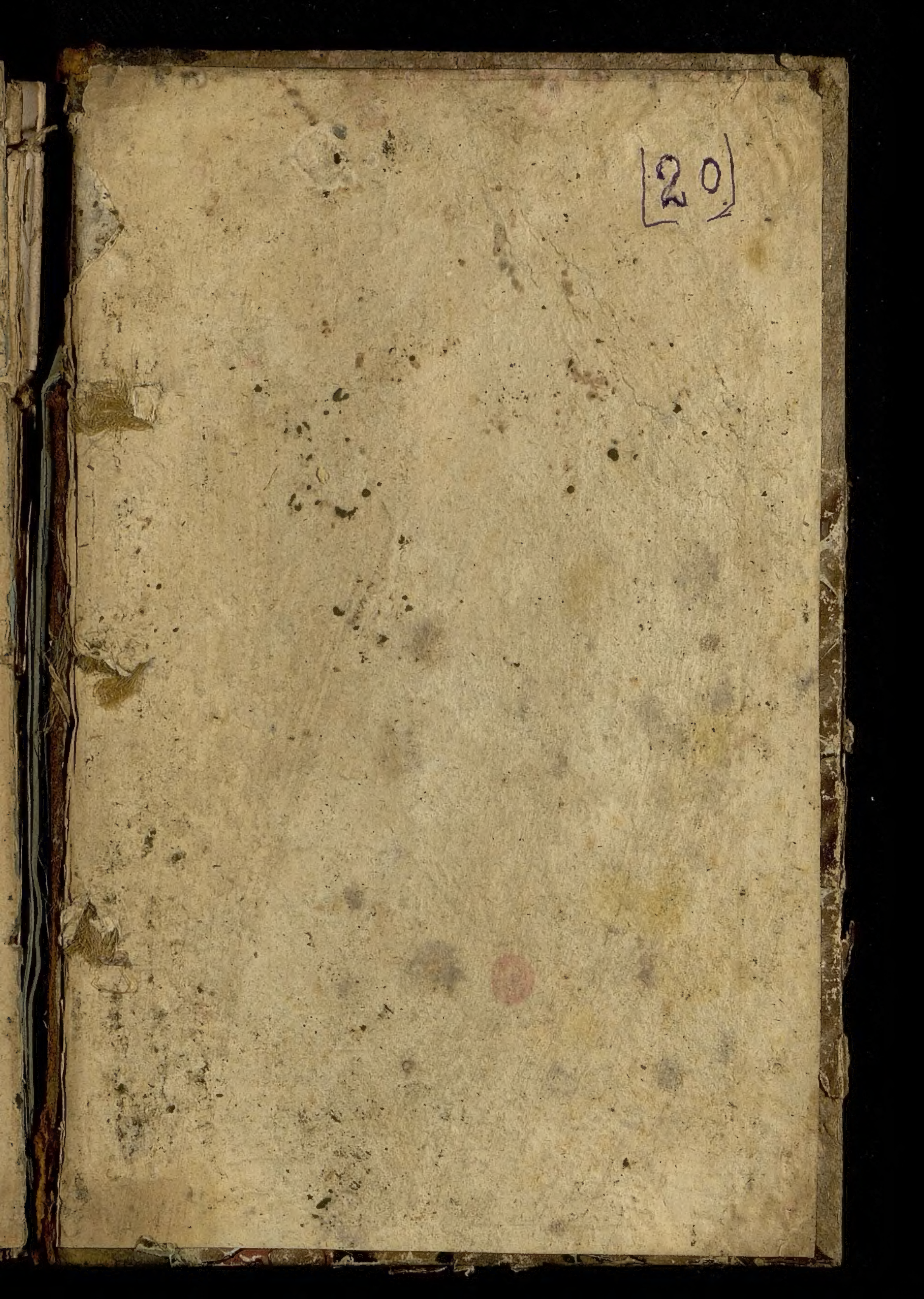
Рогволодъ
жен. 1143 г.
на доч. Изясл.
Мстиславича.

Всеславъ
упом. 1160 г.

Ростиславъ
упом.
1140 г.

Всеславъ
ум. 1003 г.

Примѣч: Изъ Полоцкихъ князей, происхожденіе которыхъ нельзя съ точностію опредѣлить, упоминается подъ 1165 годомъ Романъ, внукъ Вячеславовъ.

20

